АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

Н. М. ДРУЖИНИН

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ И РЕФОРМА П. Д. КИСЕЛЕВА

Фредерике Израилевне
Берлевич
на память о годах
совместной работы
5/VII 1946. от автора.

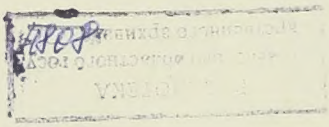
АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

Н. М. ДРУЖИНИН

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ И РЕФОРМА П. Д. КИСЕЛЕВА

Том I

ПРЕДПОСЫЛКИ И СУЩНОСТЬ РЕФОРМЫ



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1946 • ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
академик **Б. Д. ГРЕКОВ**

ВВЕДЕНИЕ

1. Тема. 2. Проблематика. 3. Литература. 4. Источники.

1. Тема

В 1881 году известный русский историк В. И. Семевский поставил перед научной мыслью очередной и очень важный вопрос: «Не пора ли написать историю крестьян в России?» [1]. Сам Семевский давал на этот вопрос утвердительный и вполне обоснованный ответ: он доказывал, что наша земледельческая страна должна всесторонне изучить прошлое того общественного класса, который в течение тысячелетия поддерживал своими мужицкими плечами русское государство. Он призывал к такому исследованию молодые научные силы, показывая, какие богатые нетронутые материалы могут осветить выдвинутую им социальную тему.

С момента появления программной статьи Семевского прошло более полувека. Наша страна пережила три революции, из чисто аграрного государства она превратилась в социалистическую державу с мощной индустрией и коллективизированным сельским хозяйством. Тем не менее, задача, поставленная Семевским, сохраняет до сих пор свое научно-исследовательское значение. Не изучив истории крестьянства, нельзя уяснить себе закономерного хода нашего исторического процесса — особенно в условиях феодальной формации, охватывающей около десяти столетий нашего прошлого. Правда, за истекшие шестьдесят лет значительно подвинулось вперед изучение судеб нашего крестьянства: трудами того же Семевского и ряда других ученых были поставлены и частью разрешены разнообразные проблемы, связанные с данной темой. Особенно много внимания было обращено на возникновение и развитие крепостного права, на хозяйственное и правовое положение крестьянства в условиях феодального строя. Однако, усилия всех исследователей сосредоточились почти исключительно на истории крестьян частновладельческих и очень слабо затронули историю крестьян казенных, или государственных. Составляя более одной трети деревенских мелких производителей, государственные крестьяне занимали в

[1] РМ, 1881, февраль (перечень сокращений приложен в конце книги).

нашей стране очень своеобразное положение сравнительно с помещичьими крепостными. Если не учесть этих особенностей, не исследовать изменений, пережитых казенной деревней, и не раскрыть взаимного влияния, какое оказывали друг на друга эти основные прослойки российского крестьянства, невозможно достигнуть всестороннего и законченного понимания социально-экономической эволюции нашего государства.

Особенно слабо освещена история государственного крестьянства на протяжении XIX века, когда разлагались устои феодального порядка и развивались новые, капиталистические отношения. Если государственным крестьянам XVIII века были частично посвящены сводный очерк А. С. Лаппо-Данилевского и крупная монография В. И. Семевского [1], то положение государственных крестьян в XIX веке не стало предметом систематического конкретного изучения. Мы имеем здесь только самые общие обзоры, вроде нескольких глав в книге Л. В. Ходского, отрывочные, разрозненные статьи в Журнале Министерства государственных имуществ или отдельные монографии о поземельном владении, вроде труда Н. Благовещенского о четвертном праве [2]. Даже В. И. Семевский, выпустивший большое исследование о крестьянском вопросе в первой половине XIX века, ни единым словом не обмолвился в нем об особом положении и историческом влиянии казенного крестьянства [3]. Между тем, никогда не создавалось такой живой и непосредственной связи между судьбами помещичьей и государственной деревни, как в этот критический период крушения старой и возникновения новой формаций. Благодаря знакомству с событиями и отношениями в государственной деревне приобретает более углубленное и конкретное освещение подготовка и проведение в жизнь реформы 19 февраля 1861 года. Такое изучение тем более важно, что наши исторические архивы заключают в себе ценнейшие, почти нетронутые документальные фонды, которые помогают хорошо ознакомиться с положением государственных крестьян в первой половине XIX века.

2. Проблематика

Основным вопросом, который возникает при разработке указанной темы, является вопрос о развитии производственных отношений в государственной деревне в связи с развитием производительных сил в пе-

---

[1] А. С. Лаппо-Данилевский, Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России. «Крестьянский строй», сборник статей, СПб, 1905; В. И. Семевский, Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. II. СПб, 1901.

[2] Л. В. Ходский, Земля и земледелец. СПб, 1891, т. II, гл. VII—XI; Н. Благовещенский, Четвертное право, 1894.

[3] В. И. Семевский, Крестьянский вопрос в XVIII и первой половине XIX века, т. II, СПб, 1888.

реломный период. Так как государственные крестьяне были мелкими сельскими производителями, феодально зависевшими от государственной казны, то изучить производственные отношения в недрах государственной деревни, значит, выяснить взаимные отношения между государственной властью и феодально эксплоатируемой земледельческой массой. С другой стороны, поскольку в этот период происходило разложение феодального способа производства, на первый план выдвигаются вопросы: как изменялся социально-экономический лик деревни под влиянием закономерных хозяйственных процессов и как реагировали на эти процессы сами трудящиеся массы и эксплоатировавшее их государство? Такими соображениями продиктована постановка темы данного труда — «Государственные крестьяне и реформа Киселева». Изучение хозяйственной и политической обстановки, в которой подготовлялась и проводилась в жизнь киселевская реформа, внутреннего содержания реформы, ее влияния на взаимоотношения между государственными крестьянами и дворянской властью — помогает проникнуть в самое существо только что очерченной проблемы.

Под государственными крестьянами разумелись «свободные сельские обыватели», сидевшие на государственной земле и отбывавшие казне или арендаторам казенных имений оброчные и барщинные повинности. Поэтому данная работа не ставит своей задачей исследования прошлого свободных хлебопашцев, иностранных колонистов и кочующих народов, т. е. тех прослоек государственной деревни, которые охватывались реформой Киселева, но не входили в состав казенного крестьянства. Эти разряды сельского населения затрагиваются постольку, поскольку они ставились в одинаковые условия с основной массой феодально зависимых земледельцев. Что же касается этого основного слоя, то предметом данного исследования одинаково являются оброчные крестьяне великорусских губерний и крестьяне-барщинники западных национальных районов — Правобережной Украины, Литвы, Белоруссии и Прибалтики.

Условия кризисного периода, предшествовавшего реформам 1860-х годов, заставляют обратить особенное внимание на историческую связь между преобразовательными попытками Киселева и реформой 19 февраля 1861 года. Вопрос о государственных крестьянах был неразрывно связан с общекрестьянским вопросом, с усилиями правящего класса выйти из состояния обостряющегося кризиса. Проследить эту взаимную связь, показать давление кризиса на содержание и проведение киселевской реформы, установить историческое преемство между николаевскими законами 1837—1841 годов и деятельностью редакционных комиссий — такова одна из важнейших задач, выдвигаемых настоящим исследованием.

Именно поэтому вопрос о государственных крестьянах не может рассматриваться изолированно, исключительно в рамках государственной деревни и ее взаимоотношений с существующей властью. Поло-

жение государственных крестьян и пути их социально-экономического развития затрагивали интересы землевладельческого дворянства, возбуждали его политическую мысль, вызывали в его среде столкновения различных течений. Вокруг этого вопроса, с одной стороны, разгоралась классовая борьба между эксплоатируемым крестьянством и господствующим сословием, с другой стороны, вспыхивала фракционная борьба между различными группировками помещичьего класса. Киселевская реформа должна быть исследована и истолкована на социальном фоне классовых антагонизмов и внутриклассовых споров, в неразрывном сплетении различных сложных вопросов кризисного периода. Именно поэтому приобретает такое значение классовый анализ киселевской реформы, раскрытие ее законодательных и принципиальных истоков, ее связи с традициями предшествующего периода и с прогрессивными тенденциями грядущей капиталистической эпохи.

Чтобы уяснить себе историческое место той или иной реформы, недостаточно ознакомиться с ее основными причинами, ближайшими предпосылками и юридическим выражением. Анализ законодательных текстов должен быть дополнен данными об их практическом применении. Такая установка особенно важна в отношении николаевских мероприятий 1837—1841 годов, предоставлявших широчайшее поле для деятельности административной власти. Изучение киселевской реформы в действии — одна из важнейших задач предпринимаемого исследования, необходимое условие для всестороннего и правильного понимания правительственных попыток и возбужденной ими реакции в крестьянских массах.

При этом очень важно избежать однообразно обезличивающего описания общественных явлений, устраняющего из закономерного хода исторического процесса живые индивидуальности. История совершается живыми людьми, мыслящими и чувствующими в соответствии с задачами своего времени. Поэтому характеристика главных деятелей, подготовлявших и проводивших в жизнь киселевскую реформу, освещение их взглядов, планов и действий является правомерным и неотъемлемым элементом предпринимаемого научного исследования.

3. Литература

Таковы тема представленной монографии и основные проблемы, вытекающие из ее содержания. Вопрос о судьбах государственного крестьянства в XIX веке не был объектом всестороннего научно-исторического исследования в такой постановке. О государственных крестьянах и реформе Киселева существует очень небогатая литература. В период деятельности Министерства государственных имуществ в официальном органе этого учреждения и в других журналах помещались небольшие статьи о различных разрядах государственного крестьянства и о различных проектах, предшествовавших реформе Киселева. Напи-

санные министерскими чиновниками на основании ведомственных архивов и опубликованных законов, эти примитивные очерки носили характер фактических канцелярских сводок без всякой попытки самостоятельного анализа и исторической оценки[1]. Первые опыты подобного анализа имели публицистический характер и восходили своими корнями к борьбе общественно-политических течений, развернувшихся вокруг киселевской реформы в период ее подготовки и практического применения. Одно из этих течений носило умеренно-либеральный характер и находило своих адептов среди ближайших сотрудников и поклонников Киселева; другое было проникнуто радикально-народническими тенденциями и в той или иной степени отражало крестьянскую точку зрения на реформу. Либеральная традиция нашла себе наиболее полное выражение в четырехтомной биографии П. Д. Киселева, написанной его помощником, а впоследствии душеприказчиком, известным экономистом А. П. Заблоцким-Десятовским. Приступая к подготовке своего труда, автор не только выполнял волю умершего Киселева, выраженную в его духовном завещании, но и стремился ответить политическим задачам современного момента. Россия переживала в это время вторую революционную ситуацию: 1879—1881 годы были отмечены подъемом массового движения, выступлениями революционных народников и обострением правительственной реакции. Умеренные либералы во главе с Кавелиным и Стасюлевичем одинаково отмежевывались от крепостников и от революционеров. Заблоцкий принадлежал к этому умеренно-буржуазному течению: он чувствовал себя представителем той группы либеральных бюрократов николаевского царствования, которые не мечтали о перестройке общества на новых началах, но, следуя заветам Николая Милютина, служили, по их словам, «трем общественным добродетелям: законности, порядку и предусмотрительности». Личность и деятельность Киселева они считали воплощением своего идеала — постепенного мирного прогресса. Так родилась биография Киселева, написанная Заблоцким-Десятовским в стиле публицистической апологии, представлявшая его апостолом гуманности и права, неутомимым борцом за крестьянское освобождение, последовательным противником и революции и реакции. Второй том составленной биографии был посвящен деятельности Киселева в области крестьянского вопроса, в том числе — реформе управления государственными имуществами. Несколько кратких глав было занято характеристикой тяжелого положения государственной деревни накануне реформы 1837—1841 годов, внешней

[1] В. И. Вешняков, Исторический обзор происхождения разных названий государственных крестьян. ЖМГИ, 1857, тт. 52, 53, 55; В. И. Вешняков, Ленные имения в западных губерниях. ЖМГИ, 1861, № 1; В. И. Вешняков, Острожская ординация и ординатские крестьяне. ЖМГИ, 1860, № 9; В. И. Вешняков, Панцырные бояре. Архив Калачова, 1860—1861 гг., книга IV; В. Вешняков. Экспедиция государственного хозяйства. РС, 1901, № 10, 11, 1902, № 7, 8; А. Смирнов, Историческое обозрение управления государственных крестьян, ЖМГИ, 1861, т. 81.

историей самой реформы и двадцатилетней деятельности Министерства государственных имуществ.

Несомненным достоинством книги Заблоцкого-Десятовского было обилие конкретного исторического материала, почерпнутого не только из министерских фондов, но также из личного архива умершего Киселева. Некоторые из документов, использованных Заблоцким, впоследствии были утрачены и сохранили свой след только в соответствующей цитации автора. Однако использование этого богатого материала было далеко не полным, лишено какой бы то ни было критики источников и подчинено предвзятой умеренно-либеральной тенденции. Напрасно мы станем искать в четырехтомной биографии, написанной Заблоцким, характеристики переживавшегося исторического периода, научного анализа мировоззрения и деятельности Киселева, выяснения сущности и последствий проведенной реформы с точки зрения законов общественного развития. Книга Заблоцкого занимает промежуточное положение между эмпирической сводкой отобранных исторических фактов и публицистическим восхвалением идеального государственного деятеля [1].

Однако, несмотря на все свои научные недостатки, биография Заблоцкого-Десятовского оказала большое влияние на укрепление либеральной традиции в вопросе о киселевской реформе 1837—1841 годов. Книга встретила сочувственный прием у таких историков, как Иконников; ее оценка личности и деятельности Киселева была повторена у Семевского, канонизирована буржуазной историографией и дожила до 1917 года на страницах работы Полиевктова [2].

В лагере радикальных народников биография Заблоцкого-Десятовского не могла не встретить решительных возражений. Попытка умеренных либералов возвеличить и поставить на пьедестал Киселева как сторонника умеренного прогресса вызвала со стороны радикалов резкую оценку и его личности и его государственной деятельности. Народнические журналы «Устои» и «Отечественные записки» уже в начале 1882 года поместили развернутые рецензии на книгу Заблоцкого. В лице Н. Морозова и другого, анонимного, автора (повидимому, Н. К. Михайловского) они разоблачали апологетический характер вышедшей биографии и развенчивали киселевскую политику поссибилизма и компромисса. Отдавая должное личным способностям Киселева, идеологи народников вскрывали противоречия и историческое бесплодие его реформаторских попыток. По мнению Морозова, Киселев был не великим деятелем, а «великим чиновником», который не признавал народной самодеятельности, а заменял ее бюрократической дисциплиной и опекой. В глазах рецензента «Отечественных записок» Киселев был «чело-

[1] А. П. Заблоцкий-Десятовский, Граф П. Д. Киселев и его время. СПб. 1882 (Ср.: Андрей Парфенович Заблоцкий-Десятовский, РС, 1882, февраль).

[2] В. С. Иконников, Гр. П. Д. Киселев и его время. РС, 1882, февраль; В. И. Семевский, Крестьянский вопрос, т. II, стр. 18; М. И. Полиевктов, Николай I, 1917, стр. 66.

веком с обширным кругозором, фатально обреченным вращаться в заколдованном кругу аршинного диаметра». Реформа Киселева не принесла крестьянам действительного облегчения, его политика попечительства вызвала взрыв крестьянского восстания, а все «его труды, усилия, замыслы, можно сказать, пошли прахом». Полемизируя с Заблоцким перед лицом обостряющейся реакции, народники наносили удар теории либерального компромисса, старались доказать необходимость решительной и широкой борьбы, коренного переустройства общественного и политического порядка [1].

В характеристиках и оценках народнических публицистов было не мало объективной исторической истины, но их предпосылками служили понятие внеклассового государства и субъективно-идеалистические воззрения на историческое развитие. Осуждая Киселева и его реформу, народники повторяли и развивали старые мысли Герцена, но они не подкрепляли своих выводов научным анализом рассматриваемого явления и не пытались ставить вопроса о социально-экономических причинах киселевской реформы. Точка зрения исторической закономерности была одинаково чуждой рецензентам «Устоев» и «Отечественных записок», а их усилия осмыслить неудачные результаты киселевского управления упирались в психологическое объяснение личных недостатков самого реформатора.

Народническая критика, в свою очередь, оказала влияние на некоторые отзывы и характеристики, вышедшие из-под пера ученых историков. Многие аргументы Н. К. Михайловского и Н. Морозова были повторены в большой академической рецензии И. Е. Энгельмана, представленной в 1883 году в связи с очередным присуждением Уваровской премии. Рецензент находил работу Заблоцкого недостойной искомой премии — ввиду ее апологетического характера, некритического использования источников и многочисленных фактических пробелов. Либеральным суждениям Заблоцкого Энгельман противопоставлял собственные, более реальные мнения о Киселеве, указывая на ограниченность его антикрепостнической позиции, на сложность, дороговизну и бюрократизм его административной системы. Энгельман отрицал за Киселевым самостоятельную политическую инициативу, считая его «человеком исполнительным», а его политику попечительства характеризовал как отрицание крестьянской самостоятельности и самодеятельности. Но и в этом ученом отзыве Энгельмана мы не найдем попытки понять киселевскую реформу как причинно-обусловленное явление и объяснить самого Киселева, как представителя определенных классовых интересов и взглядов [2].

[1] А. П. Заблоцкий-Десятовский, Гр. П. Д. Киселев и его время. «Отечественные записки», 1882, № 1, январь, стр. 91—95. Н. Морозов, Граф Киселев. «Устои», 1882, январь, стр. 39—75.

[2] И. Е. Энгельман, Гр. П. Д. Киселев и его время. Соч. А. П. Заблоцкого-Десятовского, СПб, 1882. Отчет о 25-м присуждении наград гр. Уварова. Приложение к XLVII тому Записок Академии Наук.

Повидимому, тем же Энгельманом была напечатана в Русском биографическом словаре обстоятельная биография Киселева, которая развивала суждения и выводы академической рецензии. Признавая личные способности Киселева, автор отказывал ему в наличии «продуманного и цельного общественного и политического идеала». Называя Киселева «самым смелым новатором в рядах консервативных деятелей», автор статьи не усматривал у него никакой «определенной государственной программы», а проведенную им реформу считал бюрократической и чисто административной, лишенной творческого начала и финансово-экономического содержания. Не отрицая частичных успехов киселевского министерства, автор давал ему общую отрицательную оценку: он полагал, что аппарат нового управления оказался чересчур сложным, дорогим и отяготительным для крестьян, оставил их в прежнем бесправном положении и нисколько не гарантировал их от административного произвола [1]. И в этой насыщенной фактами, обоснованной биографии Киселева, заимствовавшей конкретный материал из книги Заблоцкого, отсутствовала научная постановка вопроса о связи Киселева с его эпохой, о взаимоотношении классов в момент киселевской реформы и о социально-экономических причинах возникновения и результатов киселевских мероприятий.

Революция 1905—1907 годов оживила научный интерес к аграрному вопросу и к историческому прошлому российского крестьянства. Некоторые из работ, вышедшие в этот период, мимоходом затрагивали положение государственных крестьян и реформу Киселева. М. Н. Покровский и Н. А. Рожков, стоявшие на позиции экономического материализма, стремились дать материалистическую классовую квалификацию управлению казенной деревней. Развивая и модифицируя мнение Н. Морозова о вотчинных принципах Киселева, и Покровский, и Рожков усиленно подчеркивали крепостнические тенденции казенно-хозяйственной политики старого и нового управления. Покровский приравнивал взаимоотношения между государством и его крестьянами к частновладельческим отношениям барина и его крепостных подданных. Рожков видел в политике Киселева преобладание фискальных мотивов и крепостнических традиций [2]. Такие суждения, не имевшие под собой солидного исследовательского основания, страдали односторонним упрощением вопроса, но они заключали в себе первые проблески обобщающей научно-вооруженной мысли. В этих неполных и не всегда обоснованных характеристиках наблюдались первые попытки подойти

---

[1] Русский биографический словарь, изд. Русского исторического общества, Киселев, гр. П. Д.», СПб, 1897, стр. 702—717.

[2] М. Н. Покровский, Россия в конце XVIII века. «История России в XIX веке», изд. Гранат, т. I, стр. 13—14; Н. Рожков, Тридцатые годы. Из русской истории, сборник статей, ч. II (Ср.: И. В. Чернышев, Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет, П., 1918, стр. 65—70, где проводится позднее такая же точка зрения).

к положению государственных крестьян и к киселевской реформе с учетом социально-экономического развития соответствующего периода.

В том же направлении, хотя и более эклектично, были составлены научно-популярные статьи русских историков, специально посвященные государственным крестьянам и реформе Киселева. Написанные частью под влиянием 1905 года, частью в связи с пятидесятилетием отмены крепостного права, эти небольшие работы исходили из наличной литературы, использовали материалы Заблоцкого-Десятовского, присоединяли к ним официальные министерские отчеты, а некоторые — и обширные мемуарные источники. Таковы обстоятельные статьи М. М. Богословского и С. А. Князькова, таковы биография Киселева, самостоятельно и заново написанная Ю. В. Готье, и его же работы на тему о государственных крестьянах первой половины XIX века [1]. Авторы этих научно-популярных статей стремились вдвинуть личность и деятельность Киселева в рамки соответствующей исторической эпохи, связывали их с политикой Николая I, с теорией и практикой полицейского государства, с попытками ликвидации крепостного права; они подробнее останавливались на положении государственных крестьян накануне и после реформы Киселева, указывали на ее зависимость от предшествующих институтов и отчасти на ее связь с последующей реформою 1861 года. Но этим усилиям нехватало широкого фактического обоснования и правильных методологических установок. Историки 1907—1911 годов были ограничены и узким кругом опубликованных источников, и задачами широкой научной популяризации. Учитывая высказывания предшествующей литературы, они отмечали недостатки киселевской реформы — ее бюрократизм, излишек регламентации и пр., но в общем разделяли положительные оценки либеральной традиции и обнаруживали склонность к идеализации Киселева как политического деятеля. В оценке реформы авторы сильно зависели от парадных официальных отчетов и видели в ней «предтечу великого дела 19 февраля 1861 года». Социально-экономическое положение государственных крестьян осталось у них очерченным крайне суммарно, движущие силы и классовая сущность реформы совершенно не раскрытыми, а мировоззрение и деятельность Киселева показанными не полно и не вполне ясно.

Последние сочинения досоветского периода, касавшиеся государственных крестьян и реформы Киселева, появились в 1912 году, в период столыпинского похода против крестьянской общины. Одна из этих

---

[1] М. М. Богословский, Государственные крестьяне при Николае I. «История России в XIX в.», изд. Гранат, т. I; С. А. Князьков, Гр. П. Д. Киселев и реформа государственных крестьян. «Великая реформа», изд. Сытина, т. II, М., 1911; Ю. В. Готье, Гр. П. Д. Киселев. «Освобождение крестьян. Деятели реформы», изд. «Научного слова», М., 1912; Ю. В. Готье, Государственные крестьяне при Николае I и реформа Киселева, «Книга для чтения по истории нового времени», т. IV вып. 2; Ю. В. Готье, Очерк истории землевладения в России, Сергиев Посад. 1915, § 51.

работ представляла собой исторический очерк поземельного устройства государственных крестьян и принадлежала перу межевого инженера С. П. Кавелина. Не являясь самостоятельным научным исследованием, она давала фактическую сводку накопленного печатного материала и делала обобщающую оценку киселевской реформы в духе неумеренного либерального восхваления. По словам Кавелина, мероприятия Киселева «представляют собою редко счастливое явление в русской жизни», а «своею деятельностью о народном благе, еще малооцененною, гр. Киселев занимает исключительное, беспримерное положение в эпохе Николая I». Лишенная свежего материала и критического анализа, компиляция Кавелина ничего не прибавляла к предшествующему освещению вопроса, а в методологическом отношении возвращалась к первоначальным поверхностно-публицистическим характеристикам Заблоцкого-Десятовского [1]. Совершенно иной характер носила работа начинающего исследователя-экономиста К. И. Зайцева, посвященная специальному вопросу о самоуправлении государственных крестьян в XVIII и первой половине XIX века [2]. Автор подошел к поставленному вопросу с историко-юридической точки зрения, самостоятельно разработал свою тему на основании фондов V Отделения с. е. в. канцелярии и заострил свои выводы в духе народнической доктрины о крестьянской общине. Исходя из признания старинного и жизнеспособного крестьянского самоуправления, Зайцев рассматривал правительственную политику XIX века, в частности законодательство Киселева, как непрошенное насильственное вторжение в независимую жизнь крестьянского мира. Противопоставляя воззрения Киселева, с одной стороны, узкому фискализму Канкрина, с другой стороны — широкому кругозору Сперанского, Зайцев рассматривал киселевскую реформу как характерный продукт полицейского государства с его гипертрофией функции управления и мелочной, всеохватывающей опекою подданных. Анализируя Положение 1838 года, автор видел в нем недодуманное и противоречивое сочетание принципов крестьянского самоуправления и бюрократического управления, попытку целиком подчинить свободную крестьянскую общину всемогущей власти правительственной бюрократии. По мнению Зайцева, управление государственными крестьянами, созданное Киселевым, было «аракчеевским учреждением, облеченным в сентиментальную форму», до известной степени повторившимся в Положениях 19 февраля 1861 года.

В сущности, небольшая книга Зайцева была единственным подлинным и вполне самостоятельным научным исследованием, посвященным реформе Киселева в дореволюционное время. Правда, эта работа касалась только одной стороны проведенного преобразования, ограничива-

---

[1] С. П. Кавелин. Исторический очерк поземельного устройства государственных крестьян. «Труды Общества межевых инженеров», вып. II. М., 1912, стр. 70.

[2] К. И. Зайцев. Очерки истории самоуправления государственных крестьян. «Труды студентов экономического отделения Санктпетерб. Политехнического института», СПб., 1912.

лась историко-юридическим анализом законодательных текстов и была проникнута народническими иллюзиями в вопросе о крестьянской общине; но в основе этой работы лежало общее представление о киселевской реформе, привлечение неиспользованных документальных материалов и наличие единой и стройной научной концепции. Развивая и углубляя народническую критику 1870—1880-х годов, Зайцев подвел под нее солидную научно-исследовательскую базу, но в то же время остался во власти неверных методологических установок, которые вытекали из самого существа его буржуазно-идеалистического метода: идеализация крестьянской общины соединялась у него с теорией внеклассового государства, юридическая норма заслоняла в его глазах реальное содержание общественной жизни, а соотношение классовых сил подменялось недостатками личного творчества Киселева. И в этой единственной, подлинно исследовательской, работе мы не находим всесторонних, обоснованных и правильных ответов на основные вопросы: каково было положение государственных крестьян в период кризиса феодально-крепостнического строя? какие взаимоотношения складывались между казной и ее феодально-зависимыми подданными? что представляла собой реформа Киселева и каково ее место в закономерном ходе исторического процесса?

Таким образом, небогатая литература о государственных крестьянах, накопившаяся в досоветский период, заключала в себе очень немного исследовательских моментов. О личности и деятельности Киселева она говорила значительно больше, чем о хозяйственном, правовом и культурном положении государственного крестьянства. Трудящиеся массы не выступали в этих работах в качестве самостоятельно действующей исторической силы. В суждениях и оценках авторов преобладала субъективно-психологическая точка зрения. Социально-экономические основы киселевской реформы оставались неясными, классовый анализ правительственных мероприятий отсутствовал, а самая оценка изображаемого явления диктовалась преимущественно политическими мотивами. Умеренные либералы высоко превозносили личность и деятельность Киселева, радикальные народники решительно и резко их осуждали. Так же двоились окончательные суждения об исторических результатах реформы: по мнению одних, она оказала значительное влияние на положение деревни и подготовку актов 1861 года; по мнению других, она осталась бесплодной и, следовательно, бессмысленной попыткой изменить положение государственного крестьянства.

Великая Октябрьская социалистическая революция была поворотным пунктом в разработке вопроса о государственных крестьянах: она поставила перед научной мыслью новые широкие темы, вооружила исследователей марксистско-ленинским методом и направила их интересы к освещению важнейших сторон общественно-экономических явлений. Хозяйственные процессы заняли центральное место при изучении возникновения и развития человеческого общества; крестьянство стало

рассматриваться как самостоятельный субъект исторического процесса; революционное движение эксплоатируемых масс приобрело могущественное значение для понимания развития и смены общественных формаций. Специалисты-историки сосредоточили свое внимание на массовых волнениях российского крестьянства: раскрывая закономерные причины народных движений, они поставили своей задачей исследовать и объяснить хозяйственное развитие дореволюционной деревни.

С этих новых позиций была пересмотрена и двухвековая история государственных крестьян: представители молодого научного поколения создали несколько работ, исходя в своей тематике из методологии и запросов советской исторической науки. Таковы небольшие монографии С. В. Токарева о картофельных бунтах 1840-х годов и Д. Н. Хонькина об ижемских волнениях 1830-х годов; такова остающаяся в рукописи диссертация Л. М. Иванова о государственных крестьянах Московской губернии в 1838—1866-х годах [1]. Общая черта, сближающая всех указанных авторов,— стремление не только расширить количество привлекаемых источников, но и заново поставить вопрос о государственных крестьянах с точки зрения марксистско-ленинского учения о развитии общества. Все авторы строили свои исследования на обширном архивно-документальном материале, выдвигали проблему причинной обусловленности изображаемых явлений и уделяли значительное место анализу социально-экономических процессов в недрах государственной деревни. При этом в той или иной степени советские исследователи вступали в борьбу с предшествовавшей буржуазной историографией и противопоставляли ей свои собственные выводы. Правительственные мероприятия в отношении государственного крестьянства они справедливо рассматривали как проявление общей классово-феодальной политики, направленной на эксплоатацию трудящейся крестьянской массы.

Исходя из этих принципиальных установок, С. В. Токарев подверг подробному изучению и описанию массовые движения государственного крестьянства первых лет киселевского министерства. Характеризуя реформу 1837—1841-х годов как правительственную попытку подчинить казенную деревню крепостнической опеке, Токарев показал условность и неточность термина «картофельные бунты», традиционно закрепленного за волнениями 1841—1843-х годов. В действительности, крестьянские возмущения на Урале, в районе Вятского края и на Поволжье были ответом государственных крестьян на реформу Киселева, борьбой угнетенных масс против господствовавшего феодально-крепостнического строя.

Несмотря на правильную методологическую позицию и научно-обо-

---

[1] С. В. Токарев, Крестьянские «картофельные бунты» в России в 40-х годах XIX века, Киров, 1939; Д. Н. Хонькин, Волнения ижемских крестьян, Сыктывкар, 1941; Л. М. Иванов, Государственные крестьяне Московской губернии (1838—1866 гг.), рукопись, Москва, 1938.

снованные выводы, Токареву не удалось достигнуть ясного понимания киселевской реформы и дать исчерпывающее освещение исследованного им явления. Ограниченный кругом привлеченных источников, он не сумел установить органическую связь между реформой Киселева и кризисом феодальной формации, не увидел сложной борьбы общественно-политических течений в вопросе о государственной деревне. Внутренние противоречия в мировоззрении Киселева и в реформе 1837—1841-х годов остались для автора нераскрытыми, так же как неизвестными остались для него многие конкретные исторические факты, в частности, крупные волнения в Вологодской и Тамбовской губерниях, процесс нарастания движения на протяжении 1841—1843-х годов, влияние «картофельных бунтов» на дальнейшую политику Министерства государственных имуществ.

Монография Д. Н. Хонькина дала подробное описание другого движения государственных крестьян, непосредственно предшествовавшего реформе Киселева и охватившего Ижемскую волость Мезенского уезда Архангельской губернии. Автор не затрагивал реформы Киселева и не ставил перед собой вопроса о связи между ижемскими волнениями и преобразованиями 1837—1841-х годов; ценность его научного исследования заключалась в другом — в обстоятельном анализе социально-экономических предпосылок массового движения 1833—1838-х годов. На основе локального материала автор показал глубокое проникновение товарно-денежных отношений в северную деревню первой половины XIX века, населенную коми и ненцами. Социальное расслоение, ясно обнаружившееся в результате роста торговли и промышленности, оказало большое влияние на настроение казенного крестьянства и наложило определенный отпечаток на его борьбу против крепостнического строя, в частности против непосильной дорожной повинности и вымогательств местной администрации. Оставаясь небольшим исследованием на ограниченную тему, монография Хонькина обогатила научную мысль новыми фактами и выводами, но она не ставила и не разрешала более широкой задачи — не освещала вопроса о сущности сложных взаимоотношений, существовавших в этот период между казной и крестьянскими массами. Вот почему необъясненной осталась та ведомственная борьба, которая загорелась между Киселевым и Министерством внутренних дел по вопросу об ижемских волнениях 1833—1838-х годов.

Третья работа о государственных крестьянах, защищенная Л. М. Ивановым в 1938 году в качестве кандидатской диссертации, была посвящена локально ограниченной теме — положению государственных крестьян одной Московской губернии; но автор подошел к своей теме с широкой исторической точки зрения. Вооруженный богатым арсеналом конкретно-экономических фактов, Л. М. Иванов не ограничился изучением хозяйственных явлений, характерных для московской деревни периода киселевского министерства; он предпослал своим экономиче-

ским главам — о земельных наделах, о промыслах и о повинностях — изложение реформы 1837—1841-х годов и на основании дальнейшего анализа сделал обобщающую оценку нововведениям, предпринятым Киселевым. Таким образом, на локальном московском материале автор попытался поставить и разрешить общую проблему о сущности взаимоотношений, сложившихся между дворянским государством и казенными крестьянами в период 1838—1866-х годов.

Сильной стороной монографии Л. М. Иванова было обстоятельное, фактически обоснованное раскрытие экономических особенностей московского крестьянства — его недостаточного земельного обеспечения, его обремененности податями и повинностями, его втягивания в торговлю и промышленность. Но, так же как авторы других локальных исследований, Л. М. Иванов был ограничен содержанием использованного материала и не мог полно и всесторонне поставить вопросы о предпосылках, сущности и результатах реформы Киселева. Подобно монографии Токарева, исследование о московских государственных крестьянах кратко и глухо говорило о положении крестьян накануне реформы, не видело связи между реформой и кризисом феодально-крепостнического строя, не усматривало внутренних противоречий в позиции и министерской деятельности Киселева, наконец, не раскрывало влияния реформы 1837—1841-х годов на последующую историю дворянского государства. Самая формулировка темы, ее слишком широкие хронологические рамки (1838—1866-е годы) показывали неясность в представлениях автора о своеобразии киселевского министерства, о наличии преемственной связи между дворянским законодательством 1830-х годов и актом 19 февраля 1861 года.

Таким образом советская историческая литература вывела тему о государственных крестьянах первой половины XIX века из узких границ субъективно-идеалистических и внеклассовых характеристик; она поставила новые проблемы — закономерной обусловленности реформы Киселева, ее классово-феодальной основы и ее возбуждающего влияния на последующее крестьянское движение. Советские историки шире и глубже, чем буржуазная историография, начали всматриваться в социально-экономические процессы государственной деревни, выяснять степень развития и влияния капиталистических отношений, устанавливать связь между происходившими хозяйственными изменениями и классовой борьбой крестьянства. Изучение вопроса опиралось на использование нового неопубликованного материала и на применение марксистско-ленинского исторического метода. Но перед нами только первые исследовательские опыты, узко ограниченные локальными темами и обходящие многие важные проблемы, связанные с историей государственных крестьян первой половины XIX века. Отсюда неполнота и неясность в постановке и разрешении общих вопросов, наблюдаемая во всех трех указанных работах советского периода. Чтобы разрешить выдвинутые проблемы и разобраться в противоречивых суждениях

имеющейся литературы, необходимо расширить круг привлекавшихся источников и приступить к их систематическому и более всестороннему исследованию.

4. Источники

Основные источники, которые помогают разрешению выдвинутых вопросов, хранятся в двух ленинградских архивах: в Центральном архиве народного хозяйства и в Центральном архиве внутренней политики, культуры и быта. Особенно важны документальные материалы, хранящиеся в первом архиве: именно здесь сосредоточены фонды V Отделения «собственной его величества канцелярии», которое руководило подготовкой реформы управления государственными крестьянами, и огромные собрания документов, оставшиеся в наследство от Министерства государственных имуществ. В фонде V Отделения наиболее важны дела, связанные с разработкой проектов реформы 1837—1841 годов, особенно материалы ревизии государственных имуществ, предшествовавшей составлению планов и законопроектов Киселева. Правда, многие дела, зарегистрированные в печатной описи 1887 года [1], не уцелели до нашего времени, но и то, что сохранилось, дает нам возможность конкретно изучить социально-экономическое и культурное состояние казенной деревни накануне реформы и уяснить себе руководящие контуры проводившегося преобразования. С учреждением Министерства государственных имуществ V Отделение не прекратило своей деятельности: оно продолжало функционировать как руководящая инстанция по крестьянскому вопросу; здесь отлагались важнейшие дела, связанные с управлением государственными крестьянами, в частности законопроекты, составлявшиеся Киселевым, и административные распоряжения, издававшиеся им по министерству; те и другие помогают уяснить себе реализацию реформы, заполнившую собою последние 20 лет николаевского царствования.

Еще богаче и ценнее по своему содержанию обширные фонды Министерства государственных имуществ, которые соответствуют по своей структуре внутренней организации самого министерства. Фонды I Департамента заключают в себе текущее делопроизводство, связанное с управлением оброчными великорусскими губерниями; фонды II Департамента — делопроизводство, относящееся к управлению украинскими, литовско-белорусскими и прибалтийскими губерниями. Помимо деловой переписки по вопросам поземельного устройства, взыскания повинностей, организации школ и медицинских пунктов, накопления хозяйственных капиталов, переселений и пр., мы находим здесь отчетные сводки по разным вопросам управления, сношения с местной администрацией по поводу крестьянских волнений и, что особенно важно, разнообразные

[1] Систематическая опись делам бывшего V Отделения собственной е. и. в. канцелярии, СПб, 1887.

4108

данные о ведомственных ревизиях и об уголовных преступлениях губернских и окружных чиновников. Таким образом, в нашем распоряжении находятся материалы, которые характеризуют двадцатилетнюю деятельность киселевского министерства не только парадными всеподданейшими отчетами, но и более реальными документами — донесениями командированных ревизоров и судебно-следственными делами. Гораздо хуже сохранились фонды III Департамента, заведывавшего развитием сельского хозяйства и разрабатывавшего статистические сведения по государственным имениям: именно здесь нехватает цифровых сводок и обобщающих итогов, которые облегчили бы составление цельной картины многообразной деятельности министерства. Зато почти неприкосновенными остались ценнейшие фонды канцелярии Министерства государственных имуществ, которые заключают в себе особенно важные дела, исходившие непосредственно от Киселева: таковы его личные впечатления во время поездок по государственным имениям, его собственноручные замечания по разным вопросам управления, его деловая переписка с правительственными лицами и учреждениями, отчетные ведомости о важнейших делах по министерству и т. д.

Существенным дополнением к фондам Министерства государственных имуществ служат аналогичные фонды Министерства финансов, которое управляло государственными крестьянами до проведения реформы Киселева. Первостепенное значение имеют здесь фонды Департамента государственных имуществ, поскольку они сохранили в своих собраниях разнообразные сведения о положении государственной деревни и о методах казенного управления крестьянами. Особое место занимает секретный фонд канцелярий Министерства финансов, который заключает в себе отдельные ценные документы о ведомственной борьбе вокруг предполагавшейся реформы.

Не менее важен личный архив графа П. Д. Киселева, хранящийся среди персональных фондов ЦАНХ: здесь сосредоточены хозяйственные документы по имениям Киселева, его политические проекты, путевые записки, духовные завещания, послужные списки и другие материалы, характеризующие экономическое и служебное положение автора реформы, этапы его политического развития и, отчасти, его взгляды по крестьянскому вопросу. Другим персональным фондом, помогающим изучению нашей темы, является личный архив А. П. Заблоцкого-Десятовского, содержащий в себе, наряду с другими документами, редакционные материалы по Журналу Министерства государственных имуществ и первоначальную, более полную рукопись биографии Киселева.

Второе основное хранилище, которое помогает в исследовании темы,— Архив внутренней политики, культуры и быта — заключает в себе фонды центральных государственных учреждений, занимавшихся вопросом о государственных крестьянах. По своему внутреннему содержанию первое место занимают здесь фонды Государственного совета и учреждавшихся при нем комитетов — 1826, 1828, 1831, 1835 годов. На осно-

вании этих материалов, подробно описанных и превосходно сохранившихся [1], можно детально исследовать всю подготовку реформы Киселева: изучить содержание предшествовавших ей проектов, выяснить борьбу дворянских и правительственных течений по вопросу о государственной деревне, ознакомиться с объяснительными записками, приложенными к законодательным текстам, наконец, проследить прохождение законопроектов через заседания департаментов и через общие собрания Государственного совета. Среди этих официальных материалов иногда попадаются важные приложения, которые проливают дополнительный свет на социально-экономическую и правовую жизнь государственной деревни.

Следующее место занимают фонды Министерства внутренних дел, в первую очередь — Департамента полиции исполнительной, которые хранят в своих недрах обширные материалы о волнениях государственных крестьян, начиная с 1811 года и кончая последним годом киселевского министерства. На основании этих дел с большей или меньшей подробностью можно проследить, как реагировали крестьянские массы на эксплоатацию со стороны государственной казны, на хищнические захваты земли помещиками и на реформу Киселева, проводившуюся в жизнь его бюрократическим аппаратом. Другой, тоже очень важный, фонд министерства заполнен делами сенаторских ревизий, которые в продолжение всей первой половины XIX века проводились в различных губерниях и, в частности, захватывали сферу управления государственными имуществами. Этот первостепенный материал помогает корректировать не только официальные отчеты киселевского министерства, но и данные его внутренних ведомственных обследований.

Существенным дополнением к фонду Департамента полиции служат журналы заседаний Комитета министров со всеми их приложениями в виде докладных записок, сводных таблиц и т. д. Здесь сосредоточены фактические данные о крупнейших волнениях государственных крестьян, обсуждавшиеся высшим административным органом империи. Здесь же встречаются дополнительные сведения о государственных крестьянах, доставленные сенаторскими ревизиями и местными губернаторами.

Третьим ленинградским хранилищем, обеспечивающим разработку избранной темы, является архив Института русской литературы и языка Академии Наук СССР: здесь помещается значительная часть личного архива Киселева — его обширная многолетняя переписка, собственноручные черновики всеподданнейших записок, разрозненных заметок, служебных инструкций и пр.

Отдельные документы из собрания сенатора Репинского — собственноручные черновики докладных записок М. М. Сперанского о государственных крестьянах — хранятся в Рукописном отделении Ленинградской публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина.

---

[1] Опись делам Архива Государственного совета, т. XVI. СПб. 1912.

Из московских хранилищ при разработке намеченной проблематики были использованы Московский областной архив и Рукописное отделение Государственной библиотеки СССР имени Ленина. К сожалению, фонды московской Палаты государственных имуществ сохранились в самой ничтожной степени: преимущественно это журналы общих присутствий, обсуждавших различные вопросы текущего управления. Они дают нам кое-какие дополнения к освещению государственной деревни и к характеристике деятельности киселевской администрации. В Рукописном отделении Ленинской библиотеки находятся фамильный архив братьев Милютиных и фрагменты личного архива Киселева; письма и документы из этих собраний бросают дополнительные штрихи на мировоззрение и деятельность автора реформы.

Таковы неопубликованные архивные материалы, которые послужили главными источниками для настоящей работы. Из числа опубликованных материалов необходимо указать прежде всего собрания законодательных текстов: Полное собрание законов, которое подробно знакомит с правительственной политикой в вопросе о государственных крестьянах (в частности с законодательным творчеством Киселева и его министерства), первое издание Свода законов, послужившее непосредственным источником при составлении законопроектов 1837—1841 годов, и Сборник постановлений по управлению государственных имуществ — специальный кодекс, подготовленный в 1850 году по личной инициативе Киселева.

Наряду с юридическим материалом большое значение приобретают разнообразные хозяйственные сведения, которые всесторонне знакомят с социально-экономическим развитием государственной деревни. На первое место, в качестве первоклассного источника, следует поставить систематические сводки подворных обследований, организованных Министерством государственных имуществ в связи с переложением оброка на землю и промыслы[1]. Эти хозяйственные переписи производились в разнотипных оброчных губерниях и, несмотря на некоторую суммарность опубликованных итогов, помогают яснее представить себе социально-экономическую жизнь государственной деревни в середине и конце 1850-х годов. Более разрозненными, но очень богатыми по содержанию, являются эмпирические сводки экономических фактов, которые разбросаны в форме отдельных статей и корреспонденций на страницах Журнала Министерства государственных имуществ. Просматривая этот официальный орган на протяжении первых 25 лет издания, мы извлекаем оттуда многочисленные данные об уровне сельского хозяйства, развитии промыслов, росте торгового оборота, классовом расслоении деревни, степени эксплоатации крестьянства и других явлениях

[1] Хозяйственно-статистические материалы, собираемые комиссиями и отрядами уравнения денежных сборов с государственных крестьян, вып. 1 и 2, СПб, 1857; Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ, вып. I—VI, СПб, 1858—1876.

общественной жизни, характерных для смены феодальной формации капиталистической.

Такое же значение экономического источника имеют сводные работы, выпущенные отдельными чиновниками Министерства государственных имуществ в виде самостоятельных изданий [1]. Несмотря на элементы исследовательской обработки — определенный отбор, расположение и истолкование материала,— они сохраняют в себе много первоначальных фактов и статистических сведений, которых невозможно найти в документальных источниках.

Необходимыми пособиями для изучения деятельности министерства Киселева являются его официальные отчеты — ежегодные, частично печатавшиеся в Журнале Министерства государственных имуществ, и сводные, выходившие в разное время самостоятельными изданиями [2].

При установлении внутренних связей между реформой Киселева и реформой Н. Милютина, Положениями 1837—1841 годов и Положениями 1861 года, помимо законодательных актов, крупнейшее значение имеют многотомные Материалы редакционных комиссий и дополняющие их протокольные записи Н. П. Семенова [3]. Следя за процессом подготовки законопроекта 19 февраля 1861 года, можно не только констатировать внутреннее совпадение отдельных институтов, но и заметить сознательное заимствование киселевских идей, получившее официальное обоснование и иногда продиктованное скрытыми политическими мотивами.

Следующую группу печатных источников составляют многочисленные мемуары участников и современников киселевской реформы, ее сторонников и ее противников, так же как друзей, знакомых и сотрудников самого Киселева. Особенно важны воспоминания чиновников V Отделения и Министерства государственных имуществ — Веселовского, Инсарского, Фадеева, Малышева, Брадке, Шелгунова и др., которые близко стояли к системе управления государственными крестьянами и составили о ней самостоятельное личное мнение. Еще ценнее немногочисленные воспоминания современников и очевидцев крестьянских волнений — Валевского, Гурина и др., которые помогают дополнить и конкретизировать сухие донесения губернаторов и министерских чиновников.

Наконец, в качестве источника могут быть привлечены отзывы о киселевской реформе, разбросанные в подцензурной и заграничной печати, в заметках и письмах современников. Собирая эти разрозненные

[1] Леопольдов, Исторический очерк Саратовского края, М., 1847; Я. А. Соловьев, Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии, М., 1855.

[2] Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ, СПб, 1888; Обзор действий департамента сельского хозяйства и очерк состояния главных отраслей сельской промышленности в течение 10 лет — с 1844 по 1854 г., ч. I—III, СПб, 1855.

Материалы редакционных комиссий для составления Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, СПб, 1859—1860; Н. П. Семенов, Освобождение крестьян в царствование имп. Александра II, СПб, 1889—91.

суждения, мы получаем возможность сопоставить оценки различных дворянских группировок и подвести итоги общественному мнению об одном из крупных явлений дореформенной России.

Таковы главные источники, положенные в основу настоящей работы. Некоторые из них требуют исчерпывающего анализа, например, законы и циркуляры Киселева, проекты предшествующих десятилетий, материалы о крестьянских волнениях и пр.; другие допускают выборочное исследование: таковы многочисленные и повторяющиеся судебные следствия о хищениях чиновников, однообразные тексты арендных инвентарей и контрактов; типичные описания хозяйственных явлений и т. д. Но все эти категории источников в той или иной степени нуждаются в предварительной критической проверке, взаимном сопоставлении и осторожном корректировании. Особенно приложимо это научное требование к блестящим всеподданнейшим отчетам Киселева и к субъективным мемуарам заинтересованных современников.

Глава первая

СИСТЕМА «ГОСУДАРСТВЕННОГО ФЕОДАЛИЗМА»

1. Образование сословия государственных крестьян. 2. В. И. Ленин о «государственном феодализме». 3. Эволюция состава и численности нового сословия. 4. Повинности государственных крестьян. 5. Организация управления. 6. Теория и практика «попечительства». 7. Товарно-денежные отношения в казенной деревне. 8. Изменения в правовом положении крестьян. 9. Наступление дворянства на казенную деревню. 10. Рост малоземелья и недоимочности. 11. Волнения крестьян-оброчников. 12. Волнения крестьян в западных районах.

1. Образование сословия государственных крестьян

Государственные крестьяне как юридически оформленное сословие появляются в начале XVIII века в связи с военными и финансовыми преобразованиями Петра I. И состав, и социальное положение этого сословия были точно определены рядом петровских узаконений о введении подушной подати и оброчного сбора.

22 января 1719 года правительство предписало «ради расположения полков армейских на крестьян всего государства брать во всех губерниях сказки»; наряду с частновладельческими крестьянами — патриаршими, архиерейскими, монастырскими и помещичьими — указ упоминал о крестьянах «дворцовых и прочих государевых»: об однодворцах, татарах и ясачных [1]. Таким образом, подушная подать должна была лечь одинаковой тяжестью на три основные прослойки земледельческого населения: на крестьян частновладельческих, на крестьян, приписанных к царскому дворцу, и на тех крестьян, которые считались свободными от крепостного права.

Через три года, 5 февраля 1722 года, создавая ландмилицкие полки, Петр издал новый указ специально о «посошных» (т. е. черносошных) крестьянах и их половниках: сверх подушной осьмигривенной подати

[1] ПСЗ. V. 3287. Под «прочими государевыми», по-видимому, разумелись черносошные, населявшие северные поморские уезды.

они были обложены добавочным денежным сбором «по стольку как помещики будут получать в своих крестьян», т. е. в соответствии с размерами частновладельческого феодального оброка [1]. Такая же дополнительная повинность «сверх подушных» была возложена указами 7 мая 1722 года и 7 января 1723 года на однодворцев, обязанных формировать пограничные полки ландмилиции [2].

Развивая эту идею добавочного денежного сбора «вместо помещичья доходу», правительство Петра распространило его сначала на «украинцев» (т. е. свободных крестьян Украины), [3] затем на татар и ясачных Казанской, Азовской и Нижегородской губерний, на пашенных крестьян Сибирской губернии и на «других, им подобных, которые не за помещики» [4].

Все эти указы нашли себе обобщение в знаменитом плакате 26 июня 1724 года о сборе подушных денег. В приложении к этому закону мы находим подробный «реестр» всех категорий плательщиков, которые были обязаны, помимо подушной подати, уплачивать государству дополнительный 40-копеечный сбор: «С государственных крестьян, т. е. с однодворцев, с татар, с ясашных и Сибирской губернии пашенных, прежних служеб, копейщиков, рейтар, драгун, солдат, казаков, пушкарей, затинщиков и рассыльщиков и всякого звания людей, которые в поголовную перепись написаны и в раскладку на полки положены, не обходя никого, по 74 копейки с души, кроме Астраханских и Уфимских татар и Башкирцев и Сибирских ясашных иноверцев, которых переписывать и на полки раскладывать не велено. Да с них же сверх того вместо тех доходов, что платят Дворцовые во Дворец, Синодского ведения в Синод, помещиковы помещикам, по 40 копеек с души» [5]. В плакате 1724 года впервые употреблялся термин «государственные крестьяне» и точно устанавливалось внутреннее содержание этого понятия.

Чтобы устранить возможность всяких неверных толкований, правительство еще раз специальным указом разъяснило к сведению земских комиссаров и камериров: «а четырехгривенные деньги брать только с одних государственных крестьян и с прочих им подобных, которые себе помещиков и никаких владельцев, кроме императорского величества, не имеют» [6].

Таким образом, выискивая новые источники государственных доходов, Петр обратил свое внимание на различные слои незакрепощенного земледельческого населения. Сознавая себя верховным помещиком и владельцем этого населения, Петр приравнял их, в определенном смысле, к церковным, помещичьим и дворцовым крестьянам, т. е. к своим

---

[1] ПСЗ, VI, 3894.
[2] ПСЗ, VII, 4138 [illegible] ПСЗ, VI, [illegible]
ПСЗ, VII, 4191.
[3] ПСЗ, VII, 4332, 4503.
[5] ПСЗ, VII, 4533; ср.: VII, 4536 (Инструкция [illegible]
[6] ПСЗ, VIII, 5228 (Сенатский указ 11 [illegible]

крепостным подданным: и те, и другие, помимо уплаты подушной подати, т. е. государственного налога, должны были отбывать феодальные повинности собственным землевладельцам. Церковные, помещичьи и дворцовые крестьяне платили оброк своим господам. Такой же оброк, т. е. денежную феодальную ренту, должны были вносить все остальные крестьяне (за исключением немногих); все они объявлялись «государственными», т. е. крестьянами государственной казны, феодально зависимыми от государства-землевладельца. На такой точке зрения стояло самодержавное правительство в течение всего XVIII и начала XIX веков; она нашла себе яркое выражение в целом ряде законов, особенно в постановлении екатерининского Совета 1 мая 1783 года. Повышая оброк до 3 рублей с души, Совет подчеркнул, что его решения «о сборе с дворцовых, государственных, экономических и прочих казенного ведомства крестьян трехрублевого оклада суть прямо хозяйственные, основанные на соображении настоящего тех поселян состояния и сравнении оброка казенного помещичьего с помещичьими частных людей доходами» [1].

Такая точка зрения на государственных крестьян предполагала определенную презумпцию о принадлежности всей казенной земли государю как воплощению феодального государства. В понимании современников крестьяне дворцовые непосредственно принадлежали государю как владельцу дворцовых вотчин, крестьяне государственные принадлежали ему как носителю государственной власти и обладателю всей земли, не занятой частными собственниками. Публично-правовое понятие «государя» заполнялось при этом определенным феодальным содержанием в соответствии с господствующими социально-экономическими отношениями феодальной эпохи. Исходя из такой точки зрения, правительство на протяжении всего XVIII столетия издавало целый ряд указов, запрещавших отчуждение казенной земли держателями земельных участков. Так было в 1751 и 1753 годах в отношении черносошных крестьян, так было в 1727 году и позже — в отношении земель однодворческих; тот же взгляд пронизывает собой межевые инструкции 1754 и 1766 годов. Местные власти стремились внушить крестьянам, что земли, которые они населяют и обрабатывают, суть земли государственные и чтобы они «впредь казенных земель собственными своими не называли» [2].

Положение государственных крестьян как держателей казенной зем-

---

[1] Архив ГС, том I, СПб, 1869, стр. 415—416; ср.: ПСЗ, XXI, 15723. На это постановление обратил внимание еще Н. Д. Чечулин (Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II, СПб, 1906, стр. 119 и след.).

[2] ПСЗ, XIII, 9874, 10082; X, 7409; В. И. Семевский, Крестьяне в царствование Екатерины II, т. II, СПб, 1901, стр. XXXI—XXXV, 623—626; В. И. Семевский, Казенные крестьяне в царствование Екатерины II. РС, 1879, т. I, стр. 35; А. С. Лаппо-Данилевский, Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России «Крестьянский строй», Сборник статей, т. I, СПб, 1905, стр. 137—140.

ли и плательщиков феодальной ренты налагало на них разнообразные правовые ограничения: крестьяне были связаны круговой порукой, которая обеспечивала исправную уплату подушной подати и оброка; они находились под постоянным наблюдением местной государственной власти, которая следила за своевременным поступлением платежей и правильным ведением крестьянского хозяйства; их право переходить в другие податные сословия и менять место своего жительства обставлялось различными трудно преодолимыми преградами. Чтобы перейти в купечество или мещанство, требовалось дождаться новой ревизии, очистить себя от повинностей и недоимок, получить разрешение не только от губернских органов власти, но также от Правительствующего сената; для приобретения звания купца нужно было иметь давнюю связь с городскими промыслами, постоянно или часто проживать в городе, привести доказательства, что оставляемый земельный участок «не останется впусте», и, наконец, внести залог, равный сумме трехгодичной подати. Государственным крестьянкам разрешалось переменять свое звание только при условии замужества [1].

Бывали случаи, когда государственным крестьянам целых районов, по тем или иным мотивам, запрещалось всякое перечисление в купцы и мещане. Так было в 1821 году в 4 уездах Херсонской губернии: правительство рассудило, «что уезды сии изобилуют плодородной землей при малом числе земледельцев, следовательно, поселяне казенные могут надежнее упрочить соединенное с общей пользою благосостояние свое хлебопашеством и скотоводством, нежели новыми для них упражнениями, городским жителям присвоенными...» [2].

Так же непрочно оказывалось право государственных крестьян менять место своего жительства: это право стеснялось и ограничивалось не только законами о паспортах и требованиями разрешения начальства, но и прямыми запрещениями переходить в определенные губернии. Например, указом 1796 года были специально запрещены «самовольные переходы крестьян в губернии Екатеринославскую, Вознесенскую, Кавказскую и область Таврическую и переселение из других губерний в оные» [3].

В полном соответствии с этими запретительными и ограничительными мерами ставился вопрос об имущественных и обязательственных правах государственных крестьян. Исходя из феодальной, узко сословной точки зрения, дворянское государство запрещало крестьянам, не только помещичьим, но и государственным, заниматься откупами и подрядами, вести портовую торговлю, открывать фабрики и заводы, обязывать себя векселями [4]. Законодательные ограничения распространялись

---

[1] ПСЗ, XX, 14632; XXIII, 17357; XXIV, 17695, 18213; XXVI, 19413; XXVIII, 21484; XXXI, 24680.

[2] ПСЗ, XXXVII, 28659.

[3] ПСЗ, XXIV, 17638; XXI, 15497; XXVIII, 17045, 21510; XXIX, 22599.

[4] ПСЗ, VIII, 5789, 5987 (п. 6); IX, 6551; X, 7514; XV, 11204; XVII, 12493.

также на сферу семейно-бытовой жизни. Чтобы сохранить платежеспособность оброчных хозяев, правительство запрещало государственным крестьянам семейные разделы, если не были соблюдены определенные условия: не получено разрешение волостного и губернского начальства, не обеспечено на каждом дворе трех-четырех работников в возрасте от 15 до 60 лет и не выполнена рекрутская повинность [1].

Таким образом, государственные крестьяне тоже находились под гнетом внеэкономического принуждения. Дворянское государство смотрело на них как на феодально-зависимых плательщиков ренты, близких к помещичьим крепостным. Эта точка зрения нашла себе наиболее яркое выражение в сенатском указе 1790 года: исходя из манифеста Екатерины II о праве всякого человека, отпущенного на волю, «ни за кого не записываться», правительство запретило вольноотпущенным записываться в казенные крестьяне [2]. Другими словами, казенные крестьяне стали рассматриваться как люди «записанные», т. е. прикрепленные к земле, принадлежащие землевладельцу-государю, и формально отмежевывались от всех свободных людей, в частности от людей вольноотпущенных. Под влиянием создавшегося положения и сами крестьяне стали высказываться в том же духе. По словам министра внутренних дел Перовского, они говорили о себе: «Мы не вольные, а казённые, государевы» [3].

Было бы ошибкою думать, что такое положение вещей было впервые создано указами 1719—1724 годов. Петровское законодательство только укрепило и расширило сложившиеся отношения, которые были унаследованы от XVII столетия. Чтобы убедиться в правильности этого вывода, необходимо выяснить: каково было прежнее положение каждого из разрядов новообразованного сословия государственных крестьян.

Что представляли собой «Сибирской губернии пашенные люди» — первая категория крестьян, обложенная в 1723 году дополнительным оброчным сбором? Если мы развернем наказы воеводам Нерчинскому, Тобольскому, Верхотурскому и Тюменскому, относящиеся к концу XVII и к самому началу XVIII веков, то увидим сложившуюся систему феодально-зависимых отношений на сибирских казенных землях. Сибирские пашенные крестьяне сидели на казенной земле и обязаны были обрабатывать «государеву пашню». На каждую десятину обрабатываемой земли они получали надел в 4 десятины «собинной», но могли получить больше или меньше, «смотря по лицам и семьям». В менее глухих и отдаленных местах — в Тобольске, Верхотурске, Тюмени — они должны были дополнительно вносить посошный хлеб и денежный оброк. Другими словами, сибирские крестьяне обязаны были уплачивать земельному

[1] ПСЗ, XXXVIII, 29392. ВПСЗ, VIII, 6071; IX, 7466

[2] ПСЗ, XXIII, 16970

[3] В. И. Семевский, Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. II, СПб, 1888, стр. 136.

вотчиннику-государю отработочную, а частью — продуктовую и денежную ренту.

Без такой отработки государевой десятинной пашни не могли прокормиться хлебом сибирские крепостные гарнизоны, поэтому государство было кровно заинтересовано в закреплении за собой рабочей силы мелких производителей. Крестьяне, оставлявшие свои наделы и уходившие с места своего жительства, рассматривались как беглые, задерживались заставами и должны были возвращаться на прежние места жительства. Была создана целая система тщательного надзора и круговой поруки «для береженья от воровства и от побегу».

Из среды крестьян избирались старосты, целовальники и десятники, которые подчинялись приказчикам из дворян и детей боярских, знакомым с земледелием и, в свою очередь, подчинявшимся воеводам. Воеводы давали крестьянам суд и расправу и могли взимать с них небольшой денежный сбор в свою пользу. На обязанности воевод лежало общее наблюдение за хозяйством и нравственностью пашенных крестьян [1].

Черносошные крестьяне поморских уездов — вторая категория новообразованного сословия — занимали в XVII веке несколько иное положение, чем сибирские пашенные люди: они не обрабатывали государевой пашни и не подвергались такому бдительному надзору со стороны местных административных органов. Тем не менее, социальные отношения, которые складывались на государственных землях Северного Поморья, были отмечены такими же характерными чертами, как и в Сибири: государство, воплощенное в лице государя-вотчинника, и здесь выступало в роли монополиста-землевладельца; и здесь крестьяне-держатели казенной земли были обязаны платить государству-землевладельцу феодальную ренту в форме оброчных денег и натуральных приношений. При переходе черных волостей в руки помещиков и вотчинников государство уступало эти добавочные сборы новому феодальному владельцу. С другой стороны, черносошные крестьяне отбывали более разнообразные и тяжелые натуральные повинности государству, в частности, на них лежала ямская гоньба, от которой были свободны частновладельческие крестьяне [2].

Правда, черносошные крестьяне рассматривали занимаемую ими землю как предмет свободного товарного оборота, отчуждали ее, завещали ее по наследству, дробили ее на части, словом, распоряжались ею фактически как земельные собственники. Однако государство упорно и неуклонно боролось против подобной практики: указами 1649, 1651, 1663, 1690 годов правительство запретило продавать, закладывать

[1] ПСЗ, III, 1542 (п. 10), 1594 (п. 22, 23), 1669 (п. 13, 14, 16); IV, 1822 (п. 42, 43, 44); В. Трапезников, Очерк истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения. Известия Архангельского общества изучения русского севера, 1911, № 17, стр. 444—448.

[2] С. Веселовский, Сошное письмо, т. 1, М., 1915, стр. 100—102, 1

и отдавать в монастыри земельные участки в поморских уездах; оно требовало возвращения назад безденежно казенных угодий, проданных крестьянами [1]. И сами крестьяне, несмотря на практику частновладельческих сделок, признавали верховное право собственности государства на освоенные ими земли — они характеризовали существующее положение словами: «Земля — государева, а наше с владения». И здесь, на севере, государство все больше прикрепляло крестьян к месту жительства, запрещало населению самовольно уходить в другие волости, предписывало местным властям разыскивать и свозить на старые жеребьи всех, кто выбежал из черных волостей [2].

Таким образом, на землях, заселенных черносошными крестьянами, мы находим те же элементы феодальной зависимости, какие отчетливо и ярко обнаруживаются на территории Сибири.

Петровские указы упоминали также о половниках, составивших третью категорию в составе нового сословия. Половники вышли из той же земледельческой среды Северного Поморья, но это были преимущественно крестьяне, лишившиеся земли и вынужденные садиться на землях посадских людей и черносошных крестьян; они обрабатывали земельный надел и платили за него владельцу половиной урожая. Отношения половников к основным держателям земли определялись условиями срочного договора и предполагали право свободного перехода на другие участки. Законодательство давно признало эти сложившиеся отношения и санкционировало их рядом указов.

В лице половников мы имеем своеобразную категорию непосредственных производителей, находившихся под двойным феодальным гнетом: с одной стороны, они были обязаны платить отработочную ренту владельцу земельного участка, с другой стороны, они выплачивали денежный оброк верховному земельному собственнику. Так было в XVII веке, так было и позднее, на основании указов 1719—1724 годов [3]. Государство проигрывало в результате сложившейся системы двойных повинностей; оно неоднократно вмешивалось во взаимные отношения половников и их хозяев, а позднее специальным законом 1827 года переложило уплату феодального оброка с половников на их владельцев [4].

Четвертую категорию государственных крестьян составили татары и ясачные Казанской, Азовской и Нижегородской губерний, т. е. районов

---

[1] ПСЗ, I, 10, 112; В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. II, СПб, 1901, стр. 623; А. С. Лаппо-Данилевский, Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России. «Крестьянский строй», сборник статей, II, 1905, стр. 26.

[2] А. С. Лаппо-Данилевский, О. с., стр. 22—24.

[3] ПСЗ, I, 79; М. Дьяконов, Очерки из истории сельского населения в Московском государстве, СПб, 1898, стр. 157—162.

[4] ПСЗ, VII, 4661; ВПСЗ, II, 1675; В. Вешняков, Крестьяне-собственники в России, СПб, 1858, стр. 4; В. И. Семевский, Крестьяне в царствование Екатерины II, т. II, стр. 701, 708.

Поволжья и Приуралья. Это были разнообразные народности, завоеванные в результате царских походов XV—XVI веков: татары, удмурты, чуваши, коми, мордва. Большей частью они обитали в поволжских и приуральских лесах и занимались охотой. Государство обложило эту категорию специальной натуральной податью-данью — ясаком. Но в дополнение к основному сбору татары и ясачные должны были уплачивать денежный оброк и отбывать государству натуральные повинности. По исчислениям Н. Фирсова, размеры ясачной натуральной и денежной подати достигали в XVII веке 1 рубля 40 копеек на человека. Сопоставляя эти размеры с высотой посошных сборов, мы имеем право сказать, что и здесь неразрывно сливались между собой феодальная рента и государственный налог. Государство рассматривало население национальных областей как своих подданных, пользующихся земельными и лесными угодьями и обязанных уплачивать ему всю сумму своего прибавочного продукта. Царская администрация, во главе с воеводами, пользовалась широчайшей властью над ясачными народами, превращая их в объект дополнительной жестокой эксплоатации [1].

Таким образом, в положение сибирских пашенных крестьян, черносошных, половников, татар и ясачных петровские указы 1719—1724 годов не внесли никакого принципиального изменения: они санкционировали, уточнили и еще более усилили феодальную зависимость этих прослоек земледельческого населения от всемогущей власти дворянского государства. Но была одна категория в составе новообразованного сословия, которая в результате петровского законодательства начала XVIII века оказалась в ином, гораздо более тяжелом положении, чем раньше. Этой пятой категорией в составе государственных крестьян были однодворцы — потомки мелких служилых людей, поселенных когда-то на южной украинской границе, чтобы охранять ее от постоянных набегов астраханских и крымских татар. Однодворцы занимали промежуточное положение между дворянами и крестьянами: они получали от государства земельные участки под титулом служилого поместья, некоторые из них имели у себя одного или нескольких крепостных, но большинство совсем не имело крестьян и жило всего навсего одним двором (отсюда их название «однодворцы»). Создание регулярной армии привело к ликвидации окраинной военно-поместной службы. Мелкие служилые люди — дети боярские, казаки, стрельцы и другие,— мало отличавшиеся по роду своего хозяйства и жизни от крестьян, были положены Петром в подушный оклад и превратились в низшее податное сословие феодального государства. Из среды однодворцев сначала была выделена ландмилиция на основе военного набора, а впоследствии пограничные ландмилицкие полки были заменены регулярными воинскими частями.

---

[1] Н. Фирсов, Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве, Казань, 1866, стр. 157—169; В. М. Подоров, Очерки по истории Коми, т. I, Сыктывкар, 1933, стр. 162—167.

По отношению к однодворцам, владевшим государственными поместными дачами, правительство заняло совершенно иную позицию, чем по отношению к помещикам-дворянам. Как известно, поместные дворянские дачи в результате указов XVIII века слились неразрывно с вотчинными землями, т.-е. превратились в частную собственность феодалов-помещиков. Наоборот, земли однодворческие продолжали рассматриваться как государственные, и всякая попытка распоряжаться ими как частной собственностью встречала резкий отпор со стороны государственной власти. Мелкие служилые люди, которые раньше с формально-юридической точки зрения ничем не отличались от средних и крупных помещиков, в XVIII веке составили особый разряд феодально-зависимого населения. Этот крутой общественный перелом вызвал глухое брожение и недовольство в среде однодворцев. Фактически они продолжали распоряжаться своими земельными участками, как распоряжались своими жалованными и купленными землями: совершали на них разнообразные сделки, завещали, закладывали и продавали их не только однодворцам, но и соседям-помещикам. В результате мобилизации земли на территории однодворческих селений образовалась крайняя чересполосица и начались затяжные судебные споры.

При этом однодворцы не переставали мечтать о возвращении в лоно дворянского сословия и осаждали правительство разнообразными жалобами, добиваясь признания и закрепления за собой утраченных привилегий. В течение XVIII и первой трети XIX века государство отвечало на эти просьбы решительным отказом, настойчиво утверждая свое право земельной собственности на однодворческие участки. Межевая инструкция 1766 года окончательно закрепила этот правительственный принцип. Единственной уступкой, которая была сделана однодворцам, было признание их права приобретать казенные земли у членов собственного сословия, т. е. у однодворцев [1].

С другой стороны, государство сохранило за однодворцами привилегию владеть имевшимися у них крепостными крестьянами и продавать их другим однодворцам. Положение таких однодворческих крепостных оказалось крайне тяжелым: в 1786 году они были тоже обложены оброчным сбором и, подобно половникам черносошного севера, очути-

[1] ПСЗ, VIII, 5579; XII, 9000; XIII, 9672; XV, 11444 (п. 7); XVII, 12659; XXV, 18676, 18628; XXVIII, 21560; XXIII, 26579; ВПСЗ, III, 2474; VI, 4524; ЦАВП, ф. ГС К 28, № 3 (л. 26—27), 21 (л. 4—5, 6—21); Я. Соловьев, Об однодворцах. «Отечественные записки», 1850, № 3, стр. 81—100; В. И. Семевский, Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. II, СПб, 1901, стр. 721—775.

Признавая за однодворцами формальное право отыскивать дворянство, законодательство требовало от них документального доказательства своей принадлежности к дворянскому сословию. В противном случае, однодворцы попрежнему оставались в крестьянском звании со всеми вытекавшими отсюда экономическими и правовыми последствиями. Только те однодворцы, которые после шестилетней военной службы в унтер-офицерском чине производились в обер-офицеры, приобретали право на получение дворянства.

лись под гнетом двойной феодальной ренты — в пользу своих помещиков-однодворцев и в пользу государственной власти. Двойное феодальное иго становилось для них все непосильнее, и государство вынуждено было изменить свою первоначальную позицию. После некоторых колебаний правительство разрешило однодворцам отпускать на волю своих крепостных; в 1827 году однодворческие крестьяне были освобождены от уплаты оброка, а местные органы власти получили предписание способствовать выкупу этих крестьян казной. Цель, которую преследовало в данном случае правительство, была такая же, как на севере в отношении половников: превратить однодворческих крестьян в самостоятельных производителей, которые были бы подчинены государственной власти и непосредственно эксплоатировались бы казной .

Судьбу однодворцев должны были разделить «старых служеб служилые люди» — копейщики, рейтары, солдаты, драгуны, затинщики, пушкари, воротники, засечные сторожа, кузнецы, плотники, каменщики, которые по тем или иным причинам не были зачислены в разряд однодворцев. В отношении этой последней, шестой категории земледельцев указы о подушной подати и оброке сыграли такую же роль закрепощающего фактора, как и в отношении однодворцев.

Подводя итоги нашему анализу, мы можем сделать следующие основные выводы. Петровская реформа, возложившая на плечи трудящегося населения новые финансовые тяготы и усилившая гнет внеэкономического принуждения, имела определенные последствия для остатков незакрепощенного крестьянского населения России. Петровскими указами 1719—1724 годов было закончено формирование особого сословия феодальных держателей государственной земли, обязанных уплачивать казне докапиталистическую ренту. Укреплявшееся государство помещиков и торговцев соединило разнородные прослойки самостоятельных земледельцев и установило его отличительным сословным признаком внесение сорокагривенного оброка; сверх того, государство включило в это сословие мелких служилых людей, утративших свое прежнее военное значение; подчинило членов нового сословия системе разнообразных правовых ограничений и этим самым приблизило номинально свободных крестьян к положению частновладельческих и дворцовых крепостных. Петровскими указами 1719—1724 годов были окончательно укреплены устои «докапиталистического порядка, который основывался на закрепощении трудящихся масс помещикам, государству или главе государства» [2]. Российское крестьянство распалось на три основные группы феодально зависимых производителей: крестьян владельческих, крестьян государственных и крестьян дворцовых, с 1797 года переименованных в удельные.

---

[1] ПСЗ, XXII, 16393; XXIII, 17175; XXX, 23656; ВПС, II, 1737. ЦАВП, ф. ГС К 28, д. № 3, л. 26—27; В. И. Семевский, о. с, стр. 771—776.

[2] В. И. Ленин, Сочинения, издание 3-е, т. V, стр. 44, 386.

Однако было бы большой ошибкой, если бы мы поставили знак равенства между государственными и помещичьими крестьянами. Прежде всего, право собственности казны на земельные участки, занятые государственными крестьянами, не имело той прочной экономической основы и той безусловной юридической силы, какие получило право земельной собственности частных вотчинников. Традиции далекого прошлого, когда государство было еще недостаточно сильно и свободные колонисты беспрепятственно осваивали земельные просторы государственных окраин, сохранили свое влияние и в XVIII веке. Сила векового давностного владения создавала крепкую точку опоры для крестьянских общин. В свою очередь, практика частноправовых сделок на казенную землю путала и расстраивала правительственные планы. Государственная власть на протяжении XVII—XVIII веков неоднократно запрещала подобные сделки, но она сама колебалась и уступала под давлением класса землевладельцев: нередко она санкционировала заключенные акты и предоставляла право новым владельцам на определенных условиях пользоваться купленными участками. Даже в центральном правительстве в XVIII и первой трети XIX века не было единодушного и твердого мнения по этому вопросу: такие крупные бюрократы, как Сперанский и Канкрин, склонны были отличать имущество казенного ведомства от земельной собственности крестьянских обществ[1]. «Dominium directum» — право верховной собственности на государственную территорию — еще не перешло окончательно и бесповоротно в «dominium utile» — в безусловное право казны на обладание земельными угодьями.

Такое положение, особенно на черносошных и однодворческих землях, приводило к определенным и очень важным последствиям: оно обусловило бо́льшую самостоятельность непосредственных производителей, которые в известных границах являлись свободными распорядителями своих участков и не ощущали над собой такого экономического давления феодала-землевладельца, какое испытывали частновладельческие крестьяне.

С другой стороны, самые способы феодальной эксплоатации на казенных и частновладельческих землях были далеко не одинаковы. Основная масса государственных крестьян платила оброк, т.-е вносила феодальную ренту в денежной форме. По учению Маркса, такая форма докапиталистической ренты является ее последней формой и вместе с тем формой ее разложения: она «предполагает уже сравнительно значительное развитие торговли, городской промышленности, товарного производства вообще, а вместе с тем и денежного обращения»[2]. Отношения между земельным собственником и плательщиком денежной ренты приобретают характер договорного, чисто денежного отношения.

---

[1] РОНБ, Бумаги Репнинского. Записка Сперанского «Об устройстве казенных крестьян», Ао, 1830, л. 5; ЦАВП, ф. ГС К 28, № 35, л. 41—42.

[2] К. Маркс, Капитал, т. III, изд. 8, 1936, стр. 702.

По словам Маркса, «возделыватель-владелец фактически становится простым арендатором». В своем отношении к феодалу-землевладельцу он приобретает известную долю независимости, которая в конце концов облегчает ему возможность экономического освобождения от феодального гнета. Такой возможности не могло быть у помещичьего крепостного, обязанного отбывать барщину своему господину.

В неразрывной связи с этими отличиями стояло еще одно, публично признанное государственными законами. Внеэкономическое принуждение, которое тяготело над государственными крестьянами, имело более ослабленную и смягченную форму: оно выражалось в виде различных правоограничений, но никогда не достигало той формы вещного права, которая характеризовала взаимные отношения между помещиком и его крепостными в XVIII и первой половине XIX века. Правда, в условиях дворянского государства и безудержного крепостнического произвола государственный крестьянин легко становился объектом насилий и вымогательств со стороны органов власти; тем не менее, он никогда не превращался в раба, в вещную принадлежность своего феодала. Его прикрепление к земле носило строго ограниченный характер: по закону ему предоставлялась возможность перейти в другое податное сословие и свободно переменить место своего жительства. Больше того, государственные крестьяне, в отличие от крестьян помещичьих, признавались носителями публичного права: государство не только не лишало их права принесения присяги воцарившемуся государю, но и привлекало их в качестве представителей сословия в общегосударственные совещательные собрания. Так было в XVII веке, когда был созван избирательный собор 1613 года; так было в XVIII веке, когда Екатерина II задумала организовать Комиссию для сочинения нового уложения [1].

Однако граница, отделявшая государственных крестьян от крестьян помещичьих, оставалась не только условной, но и крайне непрочной. Произвол дворянского самодержавия ярко обнаруживался и в этой области: государственные крестьяне, обладавшие гражданскими и публичными правами, путем высочайших пожалований могли быть мгновенно превращены в крепостных рабов, принадлежащих частному собственнику; в законах Российской империи не существовало ни одной нормы, которая обеспечивала бы «свободному» казенному земледельцу действительную неприкосновенность его сословного звания.

2. В. И. Ленин о «государственном феодализме»

Вопрос о социальной природе института государственных крестьян не привлекал к себе большого внимания со стороны прежних историков. Большинство писавших о государственных крестьянах вовсе не ставило

---

[1] ПСЗ, XVII, 12801; М. Дьяконов, Очерки общественного и государственного строя древней Руси, СПб, 1908, стр. 487.

этого вопроса, ограничиваясь эмпирическим описанием их положения и догматическим утверждением, что государственные крестьяне были людьми юридически свободными [1]. Даже те историки, которые связывали введение оброка с расширением вотчинных прав государства, не делали отсюда необходимых социально-экономических выводов [2]. Методологические позиции, из которых исходили буржуазные авторы, были ошибочными и приводили их к модернизации феодального института или к забвению важнейших отличительных черт рассматриваемого сословия.

Ясную и правильную постановку этого вопроса дал В. И. Ленин в своей статье 1907 года «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов». Ленин коснулся данного вопроса попутно, отвечая на возражения Плеханова и Мартынова против проекта национализации земли, сделанные на IV съезде Р. С.-Д. Р. П. В качестве своего важнейшего аргумента лидеры меньшевиков выдвигали возможность политической реставрации: они утверждали, что национализация земли должна еще более укрепить экономическую основу царизма, унаследованную им от феодального прошлого. Исходным пунктом этих неправильных меньшевистских суждений были определенные исторические предпосылки. Плеханов утверждал, что аграрная история России больше похожа на историю Индии, Египта, Китая и других восточных деспотий, чем на историю Западной Европы. «У нас,— говорил Плеханов,— дело сложилось так, что земля вместе с земледельцами была закрепощена государством и на основе этого закрепощения развился русский деспотизм» [3]. Эта точка зрения Плеханова была повторена и еще более заострена на съезде Мартыновым. Он говорил: «У нас реставрация феодализма была бы невозможна после экспроприации помещичьих земель, если бы в основе нашего феодализма лежало поместное хозяйство, но в том-то и дело, что российский феодализм прежде всего есть феодализм государственный. Он сложился на почве закабаления народа государством. И само помещичье землевладение у нас выросло не из вотчинного хозяйства, а из служилых отношений помещиков к государству» [4].

Такое резкое противопоставление двух типов общественного развития, западноевропейского и русского, было глубоко ошибочным.

[1] В. И. Семевский, Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. II, СПб, 1901, стр. 593; А. А. Кизеветтер, Лекции по русской истории XIX в., стр. 9.

[2] Л. В. Ходский, Земля и земледелец, т. II, СПб, 1891, стр. 135 и др.; П. Н. Милюков, Русская аграрная политика прошлого столетия. РМ, 1890, № 5.

[3] Четвертый (объединительный) съезд Р.С.-Д.Р.П., М., 1934, стр. 61. Ту же точку зрения Плеханов развил и аргументировал позднее в своей «Истории русской общественной мысли» (т. I, 1919, стр. 66—88).

[4] Четвертый (объединительный) съезд Р.С.-Д.Р.П., М., 1934, стр. 116—117. Ту же точку зрения Мартынов развил позднее в своей брошюре «Очерки русской истории» (1923, стр. 37—46).

Мартынов, так же как и Плеханов, игнорировал первоначальный и самостоятельный процесс феодализации частного хозяйства; они оба сбрасывали со счета могущественное давление частных землевладельцев на аппарат дворянского государства; для них как будто не существовало последующего слияния дворянских поместий и вотчин. И тот и другой одинаково оказались в плену буржуазной историографии: схема Чичерина и Ключевского о закрепощении и раскрепощении сословий государственной властью определяла собой ход их исторического мышления.

Опровергая доводы меньшевиков и разоблачая «реставрационную кашу» «в голове у некоторых товарищей», Ленин прежде всего подверг глубокому анализу экономические процессы, происходившие в нашей пореформенной деревне. Ленин утверждал, что, несмотря на феодальные пережитки, сохранившиеся после 1861 года, капиталистическая эволюция была основным, определяющим явлением в аграрной истории пореформенного периода; поэтому нечего бояться возврата к хозяйственному средневековью, опасаться, что политическая реставрация повлечет за собой феодальную экономическую реакцию.

«В крестьянской реформе,— пояснял Ленин,— оболочка феодализма (и помещичьего феодализма и «государственного феодализма», о котором вслед за Плехановым говорил в Стокгольме Мартынов) очень сильна. Но экономическая эволюция оказалась сильнее и наполнила эту феодальную оболочку капиталистическим содержанием. Несмотря на помеху средневекового землевладения, и крестьянское и помещичье хозяйство развивались, хотя и невероятно медленно, по буржуазному пути. Землевладение государственных крестьян (до 80-х годов) или бывших государственных (после 80-х годов) должно было бы, если бы реальна была плехановская боязнь возврата к азиатчине, оказаться самым чистым типом «государственного феодализма». На деле оно оказалось более свободным, чем помещичье, ибо феодальная эксплуатация уже была невозможна во 2-ой половине XIX века. Среди [illegible] государственных крестьян меньше царила кабала и быстрее развивалась крестьянская буржуазия. В России возможна теперь либо медленная и мучительная буржуазная эволюция по прусскому, юнкерскому типу, либо быстрая и свободная — по американскому. Все остальное — призраки» [1].

Если мы вдумаемся в эту аргументацию и сопоставим ее с другими высказываниями Ленина о сущности феодальных отношений, перед нами раскроется историческая концепция, глубоко отличающаяся от воззрений Плеханова и Мартынова. Следуя за Марксом, Ленин видел отличительный признак феодального строя в присвоении феодальным землевладельцем прибавочного продукта крепостного крестьянина. На основе этой экономической эксплоатации вырастало по Ленину крепостниче-

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XI, стр. [illegible].

ское государство, воплощавшее в себе политическое господство класса помещиков. Ленин всегда признавал относительную самостоятельность самодержавной власти, но он никогда не противопоставлял историческому развитию Западной Европы судеб России. Наоборот, Ленин говорил об единстве закономерного исторического процесса и отводил феодальному помещичьему хозяйству главное и руководящее место в рамках крепостнического Российского государства [1].

Тем не менее, Ленин признавал наличие в крепостной России отношений «государственного феодализма», но он вкладывал в это понятие совершенно иное содержание, чем лидеры меньшевизма. В истолковании Плеханова и Мартынова «государственный феодализм» становился универсальной формой русских аграрных отношений — в отличие от европейского Запада. «Государственный феодализм» в понимании меньшевиков означал насаждение феодализма сверху всемогущей и независимой государственной властью и не столько на казенных, сколько на частновладельческих землях. Наоборот, Ленин отчетливо различал феодализм помещичий как основную форму феодальной эксплоатации и феодализм государственный, который он брал в кавычки и расшифровывал в последующих строках — о землевладении государственных крестьян. Совершенно ясно, что под чистым типом «государственного феодализма» Ленин разумел систему феодальных отношений, сложившуюся на землях, занятых государственными крестьянами, т.-е. систему феодальной эксплоатации, которой подвергались государственные крестьяне со стороны казенного ведомства.

Элементы «государственного феодализма» признавались Лениным и в менее «чистой», т. е. завуалированной форме — в крестьянской реформе 1861 года. Очевидно, Ленин имел в виду те правовые институты, в которых ярко обнаруживались функции дворянского государства по сохранению и поддержанию феодальных пережитков: мировых посредников, призванных защищать интересы помещиков, круговую поруку, содействующую выжиманию из крестьян феодальной ренты, а затем выкупных платежей — этой «дани феодалу-землевладельцу» и пр. В крестьянской реформе 1861 года эти элементы феодализма составляли только оболочку, которую неотвратимый ход экономического развития заполнял новым, капиталистическим содержанием.

Наоборот, в дореформенный период при господстве крепостнических отношений, помещичий и «государственный» феодализм составляли основное содержание общественной жизни: помещичий феодализм — на частновладельческих землях, обрабатываемых крепостными крестьянами, «государственный феодализм» — на казенных землях, находившихся во владении и пользовании крестьян государственных. Такое различение двух типов закрепощения — помещикам и государству — признавалось Лениным еще в 1902 году при обсуждении комиссионного про-

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. III, 139—141; т. V, 125; т. XXIV, 370—372.

екта программы Р. С.-Д. Р. П [1]. Таким образом, ленинский анализ дает нам твердую методологическую основу для изучения дореформенной системы «государственного феодализма» — в последовательно-марксистском, научном понимании этого термина.

В этом смысле «государственный феодализм», сложившийся на территории России, в сущности мало отличался от «государственного феодализма» на территории Западной Европы. В Австрии и в Пруссии, а еще раньше во Франции и других европейских государствах, наряду с частновладельческими крепостными, существовали крестьяне домениальных владений, которые отбывали государственной власти добавочные феодальные повинности, в некоторых местах сдавались в аренду частным владельцам и подвергались разнообразным правовым и хозяйственным ограничениям.

В отличие от Западной Европы сословие государственных крестьян в России сложилось и оформилось значительно позже, в условиях развивающегося товарно-денежного оборота. Этот институт заключал в себе внутренне противоречивые элементы и подвергался воздействию различных противоборствующих тенденций социально-экономического развития. Государственные крестьяне занимали промежуточное положение между помещичьими крепостными и свободными людьми. Они признавались субъектами гражданского и публичного права и в то же время целиком зависели от феодальной государственной власти. Государство стремилось расширить и усилить феодальную эксплоатацию этой категории земледельцев и в то же время оказывалось вынужденным санкционировать и расширять их права.

Этими характерными чертами отличается весь дальнейший процесс развития общественных отношений на государственных землях.

3. Эволюция состава и численности нового сословия

Присматриваясь к судьбам государственных крестьян в XVIII столетии и в первой трети XIX века мы должны прежде всего установить факт количественного расширения новообразованного сословия. Основными причинами, которые обусловили этот процесс непрерывного роста, были, во-первых, продолжавшиеся военные преобразования, во-вторых, секуляризация церковных имуществ, в-третьих, рост государственной территории.

В результате уничтожения ландмилиции на территории южных и восточных губерний во второй половине XVIII века образовалась категория «войсковых обывателей», которые постепенно были обложены оброчным и подушным сборами [2]. Такую же судьбу испытали отставные

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. V, стр. 44.

[2] В. Вешняков, Исторический обзор происхождения разных названий государственных крестьян. ЖМГИ, 1857, март.

служилые люди, расселенные в качестве «пахотных солдат» на землях Поволжья и южного Приуралья [1].

На Украине, в районах Полтавщины и Черниговщины, государственными крестьянами стали потомки малороссийских казаков; мало-помалу они утратили свое военное значение и в начале XIX века оказались в положении земледельцев, поверстанных государством в оброчный оклад [2]. По своему происхождению и по условиям своей хозяйственной и бытовой жизни все эти прослойки близко подходили к категории однодворцев. Каждая из них сохраняла некоторые особенности, но чем дальше, тем больше стирались черты исторического своеобразия и побеждала тенденция единообразного отбывания феодальных повинностей.

В 1764 году указом о секуляризации церковных имуществ завершился длительный и сложный процесс, который начался еще в XVI веке: государство отобрало в казну земли церквей, монастырей и архиерейских домов. 910.866 душ церковных крестьян были переданы в ведение государственной Коллегии экономии и взамен прежних разнообразных повинностей были обложены однообразным оброком помимо подушной подати. Так образовалась в составе рассматриваемого сословия новая крупная категория «экономических крестьян». В неразрывной связи с этой мерой стояла другая: из числа экономических крестьян были выделены «архиерейские и монастырские служители», которые взамен рекрутской и оброчной повинностей должны были отбывать пожизненную барщину в пользу архиерейских домов и монастырей [3].

Наиболее крупное приращение получило сословие государственных крестьян в результате роста государственной территории. В начале XVIII века, после завоевания Эстляндии и Лифляндии, государственными крестьянами Российской империи стало земледельческое население казенных остзейских имений, сдававшихся в аренду немецким баронам. Обязанности этих крестьян по отношению к арендаторам регулировались официально утвержденными вакенбухами и напоминали положение доменциальных крестьян Восточной Пруссии. При Екатерине II в эту категорию вошли также казенные крестьяне Курляндии [4].

В результате польских разделов 1773, 1793 и 1795 годов были присоединены к Российской империи Литва, Белоруссия и Правобережная

[1] ПСЗ, IX, 7136; XXII, 16046, 16467; XXXIII, 26376; В. Вешняков, о. с. ЖМГИ, 1857, октябрь.

[2] ЦАВП, ф. К 26, № 245 (Бумаги о малорос. казаках); ЦАВП, К 28, № 11, л. 14; ПСЗ, XXIII, 17246.

[3] ПСЗ, XVI, 12060; В. Вешняков, о. с. ЖМГИ, 1887, январь. Ср.: ПСЗ, XXVIII, 21168 и ВПСЗ, VII, 5147; VIII, 6161; IX, 6698.

[4] ПСЗ, XVI, 11984. Юридически положение казенных крестьян Прибалтики, так же как Украины и Белоруссии, было оформлено указом 1783 года (ПСЗ, XXI, 15724).

Украина; вместе с новой территорией в состав государственных крестьян вошли крепостные королевских староств и ленных имений, солтысы и панцырные бояры.

Старóства представляли собой государственные владения, которые жаловались королями представителям крупной польской аристократии или в пожизненное пользование, или на определенные сроки. Екатерина и ее преемники продолжали эту традицию, жалуя в аренду российским и польским аристократам, так же как выслужившимся военным и гражданским чиновникам, огромные территории староств, населенные казенными крестьянами. Земледельцы этих имений были обязаны отбывать арендаторам феодальные повинности в размере, установленном инвентарями и арендными контрактами. Иногда такие имения жаловались «без платежа кварты», т. е. на условии безвозмездного пользования временным арендатором. Некоторые староства сдавались в аренду с публичных торгов, а некоторые, не взятые арендаторами, оставались в администрации, т. е. в управлении назначенных администраторов — уполномоченных казны, обыкновенно из числа местных помещиков [1].

Несколько иное положение занимали ленные имения, которые жаловались польскими королями в потомственное пользование дворянам без права раздробления и уступок; крестьяне этих имений подвергались такой же неограниченной феодальной эксплоатации, как и на землях частных собственников. Государство сохраняло за собой право контроля над хозяйством и над положением крестьян в ленных имениях. Польские аристократы стремились присвоить себе ленные имения и сделаться их бесконтрольными распорядителями; правительство пыталось поставить преграды этим поползновениям, произвести точный учет ленных имений и более точно регламентировать взаимоотношения между их владельцами и крестьянами. Но все эти попытки не имели успеха: в конце концов, уступая нажиму польской аристократии, правительство признало давностное владение большей частью ленных имений, и они формально перешли в собственность прежних держателей [2].

Особое положение среди земледельческого населения Литвы занимали «панцырные бояры» — потомки мелких военно-служилых людей на территории Витебской губернии (в 1791 году их насчитывалось 3420 душ м. п.). Когда-то панцырные бояры составляли пограничную стражу литовских князей, в большинстве случаев сидели на отведенных им земельных угодьях и пользовались некоторыми привилегиями, в частности правом владения крестьянами. По своему хозяйственному и юридическому положению они напоминали собой русских однодворцев. Правительство Екатерины II причислило панцырных бояр к двор-

---

[1] ЦАНХ, ф. V О., № 26436, лл. 14—28; П. [illegible] З., XIX, [illegible]

[2] ЦАНХ, ф. V О., № 26436; В. Вешня[illegible]. О [illegible] западных губерниях. ЖМГИ, 1861, январь, стр. 1—24.

цовым крестьянам и стало раздавать их в частную собственность р[усским] аристократам. Но эта небольшая группа государственных крестьян обнаружила энергию и упорство в отстаивании своих старых привилегий. Панцырные бояры засыпали правительство жалобами и ходатайствами о восстановлении отнятых у них прав, о признании их [дворянами] и закреплении за ними земельных наделов на правах частной собственности. Указом 1788 года правительство объявило их вольными людьми, обязанными нести рекрутскую повинность и уплачивать подушные и оброчные сборы. Панцырные бояры, переданные в частные руки, были восстановлены в гражданских правах, а помещикам, которые потеряли их рабочую силу, было дано вознаграждение по 150 рублей за душу. Панцырные бояры, жившие на помещичьих землях и платившие деньги землевладельцу, были освобождены от уплаты оброка государству. Такая же судьба постигла потомков мелких военно-служилых людей в Волынской губернии, так называемых «солтысов» [1].

В распоряжении польского короля находились не только казенные староства, но также имения, конфискованные у ордена иезуитов при ликвидации этого религиозного учреждения в 1775 году. «Понезуитские имения» были распроданы польским дворянам под условием ежегодного платежа определенной суммы, составлявшей $4^1/_2$ процента на капитал так называемой эдукационной комиссии (капитал этот был учрежден польскими королями для обеспечения дела эдукации — воспитания юношества). Русское правительство, унаследовав понезуитские имения, оставило их в руках прежних владельцев, но увеличило капитальную сумму и несколько повысило размер процентного платежа. Над имениями был установлен государственный контроль, который должен был обеспечить исправное внесение установленной суммы [2]. В 1814 году орден иезуитов был восстановлен, но в 1822 году он был окончательно удален из России, а приобретенные им земельные владения были отобраны в казну. Так образовались «вторые понезуитские имения», оставшиеся в непосредственном владении государства и отдававшиеся в аренду — так же как казенные староства [3].

Борясь против польского национально-освободительного движения, правительство конфисковало немало польских имений, принадлежавших участникам восстаний, и упразднило ряд католических монастырей, отобрав их земельные имущества. Так образовались имения «конфискованные» и «помонастырские», управлявшиеся так же, как и казенные староства [4].

[1] ПСЗ, XXII, 16611; XXVIII, 21698; XXXI, 24605; XXXVIII, 29343; ЦАВИ, ф. ДПИ, 1819 г., № 173; В. Вешняков, Панцырные бояры. «Архив исторических и практических сведений» Н. Калачова, 1862, кн. IV.

[2] ЦАНХ, ф. V О., № 26436.

[3] ЦАНХ, ф. V О., № 26436; ПСЗ, XXXVIII, 28863.

[4] ЦАНХ, ф. V О., № 26436; ВПСЗ, VII, 5344.

После подавления польского восстания 1830—1831 годов Николай I решил закончить давно задуманный и долго не удававшийся «разбор шляхты», этого полуразорившегося беспокойного элемента польского населения. Все, не представившие письменных документов в доказательство своего дворянского происхождения, исключались из шляхты и становились «однодворцами западных губерний», обязанными пятнадцатилетней военной службой и особым подымным сбором на содержание войск. Очень скоро правительство организовало массовое переселение «однодворцев западных губерний» на Северный Кавказ: здесь они наделялись земельными участками и облагались оброчной податью наряду с остальными категориями государственного крестьянства [1].

Таким образом, в результате разнообразных законодательных актов на присоединенной территории Западного края (Прибалтики, Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины) образовалось три разряда мелких производителей, юридически принадлежавших государственной казне: крестьяне ленных и первых поиезуитских имений, которые почти ничем не отличались от помещичьих крепостных крестьян; крестьяне различных типов арендных имений, отбывавшие повинности (главным образом барщину) частным владельцам-арендаторам, и крестьяне феодально зависимые, но относительно свободные, вроде солтысов, панцырных бояр и «вольных людей западных губерний». Такова была градация феодального подчинения западных крестьян, заметно отличавшихся по своему социальному положению от коренной массы великорусского государственного крестьянства.

В начале XIX столетия, в связи с присоединением Закавказья, в сословие государственных крестьян вошли местные земледельцы, принадлежавшие раньше грузинским владетелям и мусульманским ханам. Их отличала от частновладельческих крепостных так же, как на территории коренной России,— ослабленная степень внеэкономического принуждения и специальные повинности, отбывавшиеся государству [2].

Но источниками пополнения сословия государственных крестьян были не только расформированные военные образования, население бывших церковных вотчин и земледельцы вновь присоединенных территорий. В состав государственных крестьян зачислялись разнообразные категории земледельческого населения, которые по тем или иным причинам вышли из-под власти частных вотчинников или остались незакрепощенными в период постепенного распространения крепостного права. Рядом сенатских указов к сословию государственных крестьян отошли все земледельцы, которые были отписаны от помещиков или принадлежали лицам, не имевшим права владеть крепостными [3]. В го-

---

[1] ВПСЗ, VI, № 4869, 4977; VII, 5249, 5250; IX, 6734, 7404.

[2] Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. II, Тифлис, 1887, стр. 60—86.

[3] ПСЗ, XV, 11136; XXVI, 19979; ВПСЗ, III, 2149; VII, 5578; XI, 9203.

сударственные крестьяне зачислялись жители небольших городов, объявленных безуездными или заштатными[1], лица, исключенные из духовного звания[2], вольноотпущенные дворовые[3], городские мещане, которые занимались хлебопашеством[4], дети канцелярских служителей, оказавшиеся не пригодными к приказной и военной службе[5]. «Уставом об управлении инородцами» 1822 года в число государственных крестьян были включены все оседлые инородцы Сибири, занимавшиеся земледелием[6]. Государственными крестьянами становились «ясыри» — выкупленные из плена, после определенного срока личной службы, которую они несли выкупившему их господину[7]. По мере ликвидации натуральной ямской повинности в состав государственных крестьян перечислялись бывшие ямщики[8]. Наконец, к сословию государственных крестьян приписывались подкинутые младенцы, которых отдавали на воспитание в казенные деревни[9].

Некоторые из этих категорий,— например, дети канцелярских служителей или выкупленные ясыри — могли сами выбирать себе податное сословие. Другие — например, оседлые инородцы Сибири или подкинутые младенцы — не имели свободы выбора и зачислялись в казенные крестьяне в принудительном порядке.

Таким образом, сословие государственных крестьян превратилось в огромный резервуар, куда стекались различные потоки земледельческого населения. Здесь встречались остатки незакрепощенного крестьянства с бывшими крепостными, освобожденными от помещичьей власти. Наряду с великороссами сюда притекали украинцы, белоруссы, грузины, представители мусульманских народностей Закавказья, разнообразные народности Поволжья, Прибалтики и Сибири. Значительный процент государственного крестьянства составляли поволжские народы — татары, чуваши, мордва и мари. Наряду с коренными земледельцами, которые продолжали заниматься хлебопашеством, мы встречаем среди государственных крестьян деклассированных выходцев из разных сословий: военного, духовного, мещанского и даже дворянского[10]. Каж-

---

[1] ПСЗ, XXVIII, 21448; XXXVII, 28729; XXVII, 20235.

[2] ВПСЗ, VIII, 6289; X, 8080, 8139; XII, 10316.

[3] ПСЗ, XXII, 16235; XXIII, 17021

[4] ПСЗ, XXXI, 24517.

[5] ПСЗ, XXX, 23130.

[6] ПСЗ, XXXVIII, 29126 (гл. IV, №№ 17—22). Ср.: ВПСЗ, X, 8071 (о ненцах).

[7] ВПСЗ, X, 8138.

[8] ПСЗ, XXXIX, 29979.

[9] ВПСЗ, XII, 10390. Были и другие, более мелкие источники пополнения рассматриваемого сословия — астраханские сходцы из верховых городов, бобыли и болдыри, новокрещенцы, посельщики (сосланные на поселение и возвращенные обратно), «чемоданные татары» Оренбургской губернии, мариупольские греки и пр. (ПСЗ, XXI, 15353; XXII, 16090, 16095, 16416; XXIII, 17246; ВПСЗ, IV, 2664).

[10] Например, так называемых «княжеских дворян» в Грузии (ВПСЗ, VIII, 6311, п. 6а).

дая из этих многообразных категорий имела свои правовые особенности, которые объяснялись происхождением и развитием феодальных отношений в различных национальных и местных условиях. Мало-помалу, попав в состав единого сословия государственных крестьян, все эти категории стали юридически сближаться между собой: государственная власть, наложившая свою руку на пестрый конгломерат феодальных прослоек, стала превращать их в единообразную, подчиненную казне и систематически эксплоатируемую ею массу.

Мало-помалу в состав государственных крестьян стали зачисляться в такие земледельческие прослойки, которые занимали обособленное положение в составе российских подданных. Органы государственного управления, которые непосредственно ведали черносошными крестьянами, однодворцами и другими слоями государственного крестьянства, стали распространять свою власть на ямщиков, отбывавших повинность ямской гоньбы, на лашман Среднего Поволжья, которые должны были рубить адмиралтейству корабельные рощи, на бессарабских поселян и крымских татар, которые пользовались государственными землями, на бродячих цыган и т. д. Все эти категории по своему юридическому положению продолжали стоять несколько особняком; но чем дальше, тем сильнее обнаруживалась тенденция к поглощению и этих прослоек общей массой феодально-зависимого казенного крестьянства [1].

Процесс расширения и юридического оформления нового сословия отразился на терминологии официальных документов. Название «государственные (или казенные) крестьяне» употреблялось в различном значении. С одной стороны, это были государственные крестьяне в собственном смысле слова: под ними разумелись черносошные крестьяне северного Поморья. С другой стороны, это были государственные крестьяне в более обширном смысле слова, т. е. «поселяне имений государственных, в казенном ведомстве состоящие» (экономические, ясачные и пр.). Наконец, это были государственные крестьяне в самом широком смысле слова, т. е. разнообразные прослойки земледельческого населения, которые объединялись общим признаком, точно определенным словами петровских указов 1723—1724 годов: «которые не за помещики» [2]. К началу 1830-х годов это последнее употребление термина получило в официальных актах решительное преобладание.

---

[1] Примерами такой унификации прав и обязанностей могут служить указы об уравнении ямщиков в правах с казенными крестьянами (ПСЗ, XIX, 13983), о приравнении панцырных бояр к малороссийским казакам (ПСЗ, XXIX, 22615), о податном уравнении войсковых обывателей, казаков и пр. с украинскими государственными крестьянами (ПСЗ, XXXII, 24909), о переводе части лашман в казенные крестьяне (ВПСЗ, II, 1495), о расселении цыган по казенным селениям (ПСЗ, XXVII, 20802) и т. д. Мысль о необходимости подобной унификации была ясно выражена в донесении сенатора П. Обрезкова (Сборник исторических материалов, извлеченных из архива с. е. в. канцелярии под руков. Н. П. Дубровина, в. VIII, СПб, 1896, стр. 186).

[2] Ср. ПСЗ, VII, 4332, 4503; XXI, 15141; ВПСЗ, VIII, 6265, 6382.

Очень трудно выразить процесс расширения изучаемого сословия в точных количественных величинах. Статистические данные, которые сохранились от XVIII и первой трети XIX века, не отличаются ни точностью, ни единообразием. Нам приходится заранее примириться с условностью и приблизительностью цифровых итогов, которые мы находим в официальных публикациях и в исследовательских работах. Тем не менее, имеющиеся сведения дают возможность установить два неоспоримых факта — с одной стороны, непрерывное возрастание числа государственных крестьян; с другой стороны, значительное место, занимаемое этой категорией населения среди всего крестьянства царской империи.

Данные о государственных крестьянах, полученные в результате 8 первых ревизий, могут быть сведены в следующей таблице [1].

Ревизия	Годы	Всех крестьян мужского пола	Государственных крестьян мужского пола	Процент государственных крестьян
1	1724	5 401 042	1 049 287	19
2	1743—1746	6 412 872	2 551 580	39
3	1762—1766	7 153 890	2 914 119	40
4	1781—1782	9 562 969	3 872 862	40
5	1796	15 205 492	6 034 395	39
6	1811	17 210 456	6 356 872	36
7	1816	16 121 229	5 774 823	35
8	1835	19 516 621	7 809 355	34

[1] Таблица составлена следующим образом. Итоги первой ревизии взяты у П. Милюкова («Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформы Петра Великого», СПб, 1905, стр. 476—477). Итоги 2-й, 3-й и 4-й ревизий взяты у В. И. Семевского («Крестьяне в царствование имп. Екатерины II», т. I, СПб, 1903, стр. 16—18 и т. II, СПб, 1901, стр. 12; количество государственных крестьян получено путем вычитания помещичьих и дворцовых крестьян из общей суммы крестьян Великороссии и Сибири). Итоги 5-й, 6-й и 7-й ревизий взяты из данных Статистического отделения Министерства внутренних дел (ЖМВД, 1829, № 1, стр. 196); при этом из суммарных цифр, показывающих число казенных и удельных крестьян, вычтены цифры, относящиеся к удельным крестьянам (взяты из той же статьи Министерства внутренних дел и из «Истории уделов за столетие их существования» т. II СПб, 1902, стр. 22) и к свободным хлебопашцам (взяты из сводки МВД); цифра удельных крестьян по 6-й ревизии вычислена приблизительно, на основании процентного отношения к 5-й ревизии (3 процента). Итоги 8-й ревизии взяты у П. Кеппена («Девятая ревизия», СПб, 1857, стр. 189—192).

Все эти данные не могут считаться полными, точными и вполне сравнимыми между собой: итоги 2-й, 3-й и 4-й ревизий [illegible] число государственных крестьян по 5-й, 6-й и 7-й ревизиям включает в себя также иностранных колонистов и евреев-земледельцев; в число государственных крестьян по 6-й ревизии входят свободные хлебопашцы.

Наиболее точные абсолютные и относительные цифры дает обработка П. Кеппена. Цифры, опубликованные Германом на основании данных 4-й, 5-й, 6-й и 7-й ревизий, явно преувеличены (Mémoires de l'Académie Imperiale des scienses de St-Petersbourg, t. VII, VIII)

Таблица показывает непрерывный рост числа государственных крестьян на протяжении всего XVIII и первой трети XIX веков (за исключением временной, вполне понятной убыли в эпоху наполеоновских войн). Несомненно, что перед нами — результат не только естественного прироста населения, но и приращения к сословию новых категорий земледельцев.

Относительное место государственного крестьянства среди земледельческих сословий империи оказывается по этой таблице не всегда одинаковым. Вначале оно быстро увеличивается (повидимому за счет расширения состава сословия), затем постепенно и неуклонно уменьшается; очевидно, причинами такого уменьшения являются, с одной стороны, массовая раздача государственных крестьян в частные руки, с другой стороны, более точные статистические подсчеты, исключившие из рубрики государственных крестьян такие категории, как свободных хлебопашцев, колонистов и пр.

Подводя итоги, мы должны признать, что государственные крестьяне в результате длительного и сложного процесса расширения новообразованного сословия, составили очень разнородную и в то же время очень значительную долю земледельческого населения Российского государства.

4. Повинности государственных крестьян

Параллельно с процессами роста и оформления сословия государственных крестьян усиливалась и принимала более единообразные формы феодальная эксплоатация его составных элементов. Мы видели, что в начале XVIII столетия государственные крестьяне, в зависимости от своего происхождения и хозяйственного положения, должны были платить государству или отработочную, или продуктовую, или денежную ренту.

Судьба этих трех категорий докапиталистической ренты была неодинакова. Отработочная рента в ее чистой и наиболее ясно выраженной форме — в виде обработки десятинной государевой пашни — сохранилась в Сибири до 1769 года. Попытка сибирской администрации расширить десятинную пашню, переведя на нее и тех крестьян, которые доставляли оброчный провиант, вызвала массовые протесты со стороны плательщиков. Правительство, учитывая развитие товарно-денежных отношений, пошло на уступки волнующемуся крестьянству и отменило натуральную обработку государевой пашни[1]. Тем не менее, отработочная рента сохранилась на территории, занятой великорусскими крестьянами, в видоизмененной форме и в XVIII, и в XIX столетиях. Государственные крестьяне попрежнему должны были отбывать государ-

[1] В. И. Семевский, Казенные крестьяне при Екатерине II. РС, 1879, т. II, стр. 252—253.

ству натуральные повинности: подводную — по перевозке чиновников и казенных товаров, дорожную — по проведению и исправлению дорог, мостов и гатей, и строительную — по постройке крепостей, казенных зданий, хлебных запасных магазинов, волостных управлений и пр.

Чем больше развивался обмен и многообразнее становились внутренние связи, тем сильнее росли подводная и дорожная повинности. В Сибири поставка подвод стала настолько тяжелой, что в 1755 году правительство решило облегчить ее учреждением казенных ямов.

Вместе со всеми податными сословиями государственные крестьяне отбывали постойную повинность по приему и содержанию военных частей и проезжающих чиновников, особенно на больших дорогах. На государственных крестьянах лежала обязанность сопровождать арестованных и пересылаемых каторжников. Из среды государственных крестьян должны были выделяться лесные сторожа для охраны казенных лесных угодий. Государственные крестьяне должны были поставлять понятых при производстве уголовных следствий. На них лежала тяжесть рабочих нарядов при межевании корабельных рощ.

Натуральные повинности сохраняли свое значение вплоть до отмены крепостного права. Господство натурального хозяйства и недостаток наемной рабочей силы поддерживали эту запоздалую форму отработочной докапиталистической ренты, которая постепенно перерастала в форму государственного налога.

По мере развития товарно-денежных отношений развивался обычай отбывать натуральную повинность денежным наймом: чтобы не отвлекаться от земледельческих и промысловых занятий, крестьяне индивидуально или всем миром нанимали вместо себя охотников. Таким образом создавались условия для окончательной ликвидации этого устаревшего института [1].

Совершенно иное мы видим в Прибалтике, Белоруссии, Литве и Правобережной Украине. Эти территории, входившие ранее в состав Швеции и Польши, надолго сохранили арендную систему эксплоатации казенных имений. Государственные крестьяне указанных районов были обязаны преимущественно отбывать барщину временным арендаторам. Таким образом, вся территория России оказалась разделенною на две основные полосы: в одной из них, охватывающей внутренние великорусские губернии, крестьяне состояли на «оброчном положении», в другой, западной, значительно меньшей по пространству и очень своеобразной по своему хозяйственному укладу, государственные крестьяне оставались на «хозяйственном положении».

Размеры барщины в западных районах бесконечно варьировались в зависимости от местных условий: каждое имение имело собственные

[1] ПСЗ, XIV, 10449; XXXVII, 28565; ВПСЗ, VII, 5869; VIII, 6076; XII, 10273; В. И. Семевский, Казенные крестьяне в царствование Екатерины II, РС, 1879, т. II, стр. 260—263.

инвентари и контракты, которые часто менялись в своем содержании при появлении новых арендаторов. Поэтому проследить изменения барщинных норм на протяжении XVIII века и первого тридцатилетия XIX века не представляется возможным. Однако, на основании всех имеющихся документов можно установить один несомненный факт: с конца XVIII столетия, под влиянием роста товарно-денежных отношений, барщина помещичьих крестьян стала непрерывно и прогрессивно увеличиваться.

Вторая форма докапиталистической ренты — продуктовая — сохранилась в великорусских губерниях очень недолго. В 1737 году была предпринята попытка собирать с русских ясачных и черносошных крестьян, татар и «прочих иноверцев» провиант натурой (от 1 до 2 четвериков с души — рожью или мукой), но эта попытка не имела успеха, так как потребовала чрезвычайно сложного контроля и сопровождалась различными злоупотреблениями[1]. Продуктовая рента была отменена и в Сибири. Она сохранилась в XIX веке только на территории украинских, литовско-белорусских и прибалтийских губерний. Здесь государственные крестьяне наряду с барщиной должны были вносить в пользу своим арендаторам разнообразные «данины»: холстами, пряжей, птицею, ягодами, грибами и пр.

В общем, денежная форма феодальной ренты сохранила преобладающее значение и имела тенденцию распространиться по всей территории государства.

Оброк, платившийся государственными крестьянами, составлял в начале 40 копеек с ревизской души. Вместе с развитием товарно-денежных отношений и ростом частновладельческого оброка он постепенно и неуклонно увеличивался. В этом отношении вотчинник-государство стремилось не отставать от частных землевладельцев. Уже в 1745 году к четырехгривенному окладу было прибавлено 15 копеек. В 1760 году оброчный сбор был поднят до 1 рубля. В связи с русско-турецкой войной и усилившимися расходами Екатерина II в 1768 году повысила оброк до 2 рублей. В конце царствования, в 1783 году, она еще раз увеличила сброчную подать — до 3 рублей. Новое повышение оклада произошло при Павле в 1797 году. К этому времени ясно обнаружилась дифференциация земледельческих и промысловых губерний, поэтому была введена градация платежей и установлены 4 класса оброчного сбора. В некоторые губернии, наиболее развитые в экономическом отношении, должны были платить 5 рублей оброка с души, другие (преимущественно губернии центра) — 4 рубля 50 копеек, западные губернии — 4 рубля, северные губернии, наименее затронутые развитием обмена и промышленности,— 3 рубля 50 копеек с души.

XIX столетие принесло новое повышение окладов в связи с обнаружившимся государственным дефицитом и острой потребностью в расширении бюджета. В 1810 году сборочные нормы были подняты до 8 руб-

[1] ПСЗ, № 7211, 7744, 7752, XI, 863.

лей, 7 рублей, 6 рублей и 5 рублей 50 копеек, в зависимости от принадлежности крестьян к одному из указанных 4-х классов губерний. Во время войны 1812 года оброчные платежи были еще более увеличены: крестьяне должны были вносить 10 рублей, 9 рублей, 8 рублей и 7 рублей 50 копеек с души. В 1823 году произошло новое перераспределение губерний по классам: некоторые, в связи с экономическими изменениями, были передвинуты из IV класса в III, некоторые из III во II, некоторые из II в I; при этом оброк, в результате перемещения плательщиков в более высокие классы, был снова повышен. В таком виде оброчные нормы сохранились вплоть до реформы Киселева [1].

Если мы сопоставим нормы казенных оброков с оброчными платежами удельных крестьян в 1829 году, то окажется, что государственные крестьяне были обложены значительно выше, чем удельные.

Оброчные платежи удельных и государственных крестьян [2]

Губернии	Оброк удельных крестьян		Оброк государственных крестьян	
	руб.	коп.	руб.	коп.
Архангельская	7	50	7	50
Вологодская	8	—	9	—
Воронежская	10	—	10	—
»	8	—	10	—
Екатеринославская	8	—	9	—
Калужская	10	—	10	—
Курская	10	—	10	—
»	9	—	10	—
Новгородская	6	—	8	—
Орловская	10	—	10	—
	9	—	10	
»	7	—	10	—
Полтавская	8	—	8	
Псковская	6	28	8	—
Рязанская	10	—	10	—
»	7	—	10	—
Санкт-Петербургская	8	—	10	—
Слободско-Украинская	8	50	10	—
Смоленская	6	50	9	
»	6	—	9	—
»	5	50	9	
»	3	50	9	—
Таврическая	8	—	9	—
Тамбовская	10	—	10	
»	9	50	10	
»	9	—	10	—
Тверская	9	—	10	
Тульская	10	—	10	—
Черниговская	5	—	8	—
Ярославская	9	50	10	—

[1] ЦАВП, ф. К 28, № 11, л. 13; ПСЗ, XII, 9244; XVIII, 13194; И. П. Руковский, Историко-статистические сведения о подушных податях, СПб, 1862, стр. 17—[illegible] и прилож. № 6.

[2] Сведения об удельных крестьянах взяты из ЦАВП, ф. ДГЭ 1829 г., № 88/39 л. 30; нормы оброка государственных крестьян — у Руковского.

В некоторых губерниях,— например, в Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской — нормы оброка совпадали полностью или частично. Гораздо чаще оброки удельных крестьян были значительно ниже: удельные крестьяне Новгородской губернии платили оброка 6 рублей с души, тогда как государственные крестьяне — 8 рублей, удельные крестьяне Смоленской губернии платили от 3 рублей 50 копеек до 6 рублей, а государственные крестьяне той же губернии — 9 рублей; удельные крестьяне Черниговской губернии платили 5 рублей, государственные крестьяне — 8 рублей и т. д.

Для того чтобы оценить всю тяжесть оброчного обложения, нужно вспомнить, что параллельно и неуклонно повышался государственный налог — подушная подать. Первоначально Петр установил ее в 1724 году в размере 81½ копейки с души. Расчет содержания полков установил, что можно понизить подать до 71½ копеек. В таком виде подать существовала с 1725 года до 1794 года, когда ее повысили до 1 рубля 2 копеек. Павел I снова поднял ее до 1 рубля 26 копеек, а Александр I в 1810 году — до 2 рублей. Во время войны 1812 года подушная подать была увеличена до 3 рублей, и, наконец, в 1818 году она была установлена в размере 3 рублей 30 копеек [1].

Если мы сложим подушную подать и оброчные сборы и сопоставим начальный и конечный моменты,— петровские указы 1719—1724 годов и конец первого тридцатилетия XIX века,— то увидим, что общее денежное обложение государственных крестьян увеличилось в 9-11 раз, смотря по классу губерний. При этом соотношение феодальной ренты и государственного налога коренным образом изменилось: если в 20-х годах XVIII века оброк составлял только половину подушного оклада, то через сто лет он уже превосходил подушную подать в 2½-3 раза. Другими словами, феодальная эксплоатация государственного крестьянства росла интенсивнее и быстрее, чем налоговое обложение.

Оброком и подушной податью не исчерпывались денежные сборы с государственных крестьян. На местные земские нужды — на содержание почтовых дорог, устройство, отопление и освещение казарм и пр.— с крестьян собирались особые «земские повинности», которые через каждые три года распределялись между всеми податными сословиями губернии. На мирские расходы, т. е. на жалованье крестьянским выборным, на оплату волостного и сельского делопроизводства и пр., собирались «мирские сборы» [2]. И те и другие тоже показывали тенденцию неуклонного возрастания.

Наряду с общими денежными налогами существовали специальные местные сборы; например, с неоседлых однодворцев западных губерний (по 1—2 руб.), с вятских государственных крестьян — на содержание

---

[1] ПСЗ, XXIII, 17222; XXIV, 18278; XXXII, 21992; И. П. Руковский, о. . стр. 5—16 приложение № 5.

[2] ПСЗ, XXVIII, 21737; XXXIII, 26316.

обывательских лошадей (по 1 рублю 15¾ копеек с души), с казенных крестьян Курляндии — на содержание так называемых нотариев церковных попечительств (от 1/3 до 1/2 копейки с души) и т. д. [1].

Денежные сборы собирались путем организованного и широко налаженного нажима на государственных крестьян. Законом 1769 года была оформлена круговая порука, т. е. общественная ответственность каждого селения за исправную уплату причитающихся окладов. За бедных крестьян, которые не могли внести сбора, должно было платить крестьянское общество. Местные административные власти прилагали все усилия, чтобы извлечь подушный и оброчный оклады. Издавались разнообразные законы, которые регулировали порядок уплаты и взыскания податей. Эти сепаратные меры были обобщены законами 30 марта 1799 года и 16 мая 1811 года. Было установлено два срока для внесения податей: 1 марта и 15 декабря. В случае невнесения всей суммы оклада на место отправлялся земский суд, который объезжал казенные селения и взыскивал недоимки. Каждую неделю земский суд должен был извещать губернское правление о результатах этого административного «понуждения». Если убеждения не помогали, крестьянские выборные арестовывались и направлялись в рабочие дома. Что касается неплательщиков, то они могли отпускаться из рабочих домов односельчанам или, за отсутствием спроса на рабочую силу, тоже направляться в рабочие дома.

В 1828 году, считаясь с тяжелыми последствиями установленного порядка, правительство несколько смягчило свои требования. Оно разъяснило, что выборные должны отправляться в рабочие дома, если окажутся виновными в недостаточно энергичном взыскании податей; что касается неплательщиков, то они могли отпускаться из рабочих домов в собственные деревни на полевые работы [2].

К тяжести денежного оброка и подушной подати присоединялась не меньшая тяжесть рекрутской повинности, которую государственные крестьяне несли наряду со всеми податными сословиями. Для отбывания военной повинности крестьяне должны были образовывать особые рекрутские участки, сначала по 500 ревизских душ, затем по 1000 душ. С 1834 года рекрутский участок составляло каждое селение, если оно имело не менее 200 душ крестьян. Во главе участка стоял рекрутский староста. Рекрутов давали крестьянские семейства на основе очереди, определяемой заранее составленными списками. При этом холостые должны были итти раньше женатых. От рекрутской повинности освобождались очень немногие категории крестьян: исполняющие обязанности выборных, переселенцы в течение 3-летнего срока, ямщики и лавочники, несшие особенно тяжелые и сложные натуральные повинности, и т. д. В отдельных случаях поставка рекрутов натурой заменялась денежным сбором,— если селение не могло образовать полного участка

[1] ПСЗ, XXXIV, 26717; ВПСЗ, IX, 7638; XI, 10006.
[2] ПСЗ, XXXI, 24633. ЦАВИ, ф. К 28, № 11, л. 114.

или если крестьяне жили в пограничных районах; деньги вносили также крестьяне Архангельской губернии.

Крестьянским обществам было предоставлено право сдавать рекрутов вне очереди, освобождаясь от порочных элементов, от недоимщиков и от крестьян, которые добровольно поступали на военную службу. В подобных случаях сельские общества получали зачетные рекрутские квитанции. Подлежавшие рекрутчине имели право освободиться, купив такую квитанцию или наняв вместо себя охотника; конечно, подобной привилегией могла воспользоваться только имущая верхушка деревни. Рекрутские наборы были связаны с особым денежным сбором — на сопровождение и питание рекрутов до момента их сдачи. По компетентному заключению Сперанского, отдача каждого рекрута редко обходилась менее 50—80 рублей. Насколько тяжелы были рекрутская повинность и сопряженные с нею расходы, показывает количество рекрутских наборов: за сто лет, с 1724 года по 1830 год, их было объявлено 94 [1].

Таковы были повинности, лежавшие на государственных крестьянах и ярко характеризующие их зависимое и неравноправное положение, как феодально эксплоатируемых подданных государства.

5. Организация управления

Для того чтобы обеспечить исправную и своевременную уплату феодальной ренты, нужно было подчинить государственных крестьян системе внеэкономического принуждения. Она нашла свое воплощение в специальных органах управления, которые по существу преследовали те же задачи, какие разрешались вотчинной администрацией на территории помещичьего имения.

Указы Петра I о введении подушной подати и оброчного сбора подчинили оброчных государственных крестьян центральному ведомству — Камер-Коллегии, заведывавшей государственными доходами, и местной власти земских комиссаров, управлявших низшими территориальными единицами — дистриктами. В качестве орудия для осуществления фискально-административных целей были использованы крестьянские общины, сохранившиеся от эпохи первобытно-общинного строя, но сильно изменившие свой характер в условиях феодального режима. На них могли опереться органы бюрократии при взыскании оброка и подушной подати, при наборе рекрутов, при объявлении и проведении в жизнь государственных законов. В этом отношении административная практика XVIII и XIX веков унаследовала методы управления предшествующих столетий [2].

---

[1] ПСЗ, XXVIII, 21906; ВПСЗ, II, 886; VI, 4161, 4577, 4908; РОПБ, Бумаги Репинского, Ао Записка Сперанского, л. 2

[2] ПСЗ, V, 3295, 3466; VIII, 7048; А. Смирнов Историческое обозрение управления государственных крестьян. ЖМГИ, 1862, ч. 81.

Что касается однодворцев, то здесь были допущены выборные «управители» из среды местного дворянства. Так как выборы нередко сопровождались столкновениями отдельных групп, а сами управители допускали многочисленные злоупотребления, то указом 1763 года этот выборный орган был ликвидирован [1]. Тем не менее, однодворцы, подобно остальным государственным крестьянам, сохранили собственных старост, старшин и других выборных начальников.

По мере расширения сословия государственных крестьян росла и усложнялась организация его управления. Когда правительство Екатерины II произвело секуляризацию церковных имуществ, была учреждена Коллегия экономии, которая должна была заведывать сотнями тысяч экономических крестьян бывших церковных имений. В помощь этому центральному учреждению назначались в губернии особые штаб-офицеры. Хотя экономические крестьяне были переведены на денежный оброк, Коллегия экономии должна была наблюдать за ведением их хозяйства, чтобы обеспечить исправное отбывание ими денежных повинностей. В 1770 году пришлось создать с той же целью 4 Экономических правления — в Ярославле, Вологде, Ельце и Казани. Они управляли экономическими вотчинами с помощью 93 назначенных казначеев, имевших при себе технических помощников [2]. И здесь Коллегия экономии, Экономические правления и казначеи составили верхний ярус административной системы; нижний ярус образовали те же унаследованные от прошлого крестьянские общины, которые раньше играли роль подчиненного орудия в руках духовных землевладельцев.

В 1775 году Екатерина II, исходя из идей «просвещенного абсолютизма», создала новую единообразную систему местного управления. В основу этой реформы был положен западно-европейский принцип разделения властей: власть хозяйственная, власть полицейская и власть судебная были формально обособлены друг от друга. Поскольку дело касалось оброчных имений государственной казны, они должны были управляться тремя параллельными учреждениями: хозяйственные вопросы должна была разрешать Казенная палата, которая назначала непосредственным управителем государственных имуществ особого «директора домоводства»; полицейские функции возлагались на Нижний земский суд — уездный орган, избиравшийся местными дворянами и подчиненный Губернскому правлению во главе с губернатором; судебные дела передавались в ведение особых сословно-крестьянских выборных учреждений — Нижней земской расправы в уезде и Верхней земской расправы в губернии [3]. Однако за всем этим европеизированным фасадом скрывалось старое феодально-доморощенное содержание. Фактически крестьяне оказались в подчинении у местных землевладельцев,

[1] А. Смирнов, о. с.

[2] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 3, л. 6—10. Записка об устроистве и управлении земних поселян; ПСЗ, XV, 11481; XIX, 13487.

[3] ПСЗ, XX, 14392, главы IX, XVII, XXIII, XXIV

получивших в свои руки управление уездом, которые сейчас же воспользовались своей властью, чтобы переложить всю тяжесть натуральных повинностей на казенную деревню.

Система, введенная Екатериной II, сохранилась до самой реформы 1837 года. В 1786 году была упразднена Коллегия экономии, и экономические крестьяне были поставлены в одинаковое положение с остальными категориями казенного крестьянства. Однако отсутствие центрального органа по управлению государственными крестьянами сильно давало себя чувствовать и повлекло за собою новые преобразования.

Павел I учредил в 1797 году «Экспедицию государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства», которая ставила своей задачей развивать все отрасли государственного хозяйства, в частности, способствовать хозяйственному подъему деревни, состоявшей на казенном оброке, и заботиться о нуждах иностранных колонистов [1].

С учреждением министерств функции Экспедиции перешли сначала к Министерству внутренних дел, а с 1811 года были возложены на Департамент государственных имуществ, образованный в составе Министерства финансов [2].

Так складывались центральные и губернские органы по управлению государственными оброчными крестьянами. Что касается нижнего яруса этой системы, то крестьянская, номинально самоуправляющаяся община сохранялась в течение всего этого периода почти неизменной. Однако, чем дальше развивались товарно-денежные отношения и чем больше увеличивались феодальные и налоговые повинности крестьян, тем теснее становилась зависимость крестьянской общины от дворянской государственной власти. Правительство старалось внести единообразие и строгую подчиненность в структуру и компетенцию выборных крестьянских органов. Эта тенденция ярко обнаружилась в екатерининском законе 1787 года: «Установление сельского порядка в казенных Екатеринославского наместничества селениях, директору домоводства подведомственных» [3]. Екатеринославское наместничество охватывало южные причерноморские губернии, только что приобретенные в результате удачной войны с Турцией. Это были обширные и редко населенные степи, где административный талант Потемкина пытался создать «Новую Россию», экономически мощную, использующую богатства благодатного южного края. Здесь, на невозделанной целине чернозема, среди переселенцев и беглых крепостной России, «просвещенный абсолютизм» Екатерины II пытался обеспечить государственное крестьянство благами «попечительной» политики. В этих целях была создана единообразная система крестьянских органов. По закону 1787 года круп-

[1] ПСЗ, XXIV, 17865, 17866. В. Вешняков, Экспедиция государственного хозяйства. РС, 1901, октябрь, ноябрь; 1902, июль, август.

[2] ПСЗ, XXXI, 24688.

[3] ПСЗ, XXII, 16603.

ные селения, имевшие тысячу людей и более, избирали сельского старшину и на каждые 500 дворов — по одному старосте, по два «выборных» или словесных «разборщика» (т. е. судьи) и по одному сборщику (податей и оброков). При меньшем составе населения устанавливалось меньшее количество выборных. Выборы старшин и старост должны были происходить через каждые три года, выборы остальных должностных лиц — каждый год. В 1790 году закон был распространен и на другие губернии. Уже здесь, в этом строгом нормировании должностей, избирательных участков и сроков выборов, мы видим проявление строгой правительственной регламентации, которая не считалась с разнообразием обычного права, сложившегося в различных крестьянских общинах.

Дальнейшее законодательство сделало еще шаг вперед в этом направлении. В 1797 году, по предложению Экспедиции государственного хозяйства, Павел I издал указ об организации волостного управления в казенных имениях. Взамен сельских выборных органов, которые существовали на основании давнего обычая и были признаны действующим законом, была установлена, по примеру удельного ведомства, более широкая административная единица — волость. Мотивы такого изменения были вполне понятны: дворянское государство стремилось сильнее подчинить себе крестьянские массы; чтобы устранить неудобство рассеянного управления на огромной и редко населенной территории, оно решило сконцентрировать местную власть в более крупных и прочно организованных объединениях[1]. Волость охватывала население численностью до 3 тысяч ревизских душ. Во главе каждой волости учреждалось волостное правление, состоявшее из выборных — волостного головы, старосты селения и писаря. Кроме того, для охраны внешнего порядка каждое селение избирало десятских. Выборы происходили каждые два года. Общие вопросы крестьянской жизни разрешались на волостных сходах, состоявших из крестьян-домохозяев.

Совершенно иначе складывалась система управления государственными имениями, состоявшими на «хозяйственном положении». В Литве, Белоруссии, Прибалтике и на Правобережной Украине — в имениях

---

[1] ПСЗ, XXIV, 18082. Вопреки мнению Д. Зайцева мы не находим принципиального отличия между законом 1787 года, якобы признававшим подлинное крестьянское самоуправление, и указом 1797 года, подчинявшим крестьянский мир бюрократической власти. Павел I продолжал своим указом развитие той же бюрократической традиции, которую мы видим в законах Екатерины II и которая восходит своими корнями к областному управлению Московского государства XVII века. Так же неверно утверждение Зайцева, что крестьянское самоуправление XVIII века — вплоть до закона 1797 года — не знало волостных единиц. (Д. Зайцев, Очерки истории самоуправления государственных крестьян, II, 1911, стр. 23, 47—48). О существовании волостных сходов в первой четверти XVIII века есть данные у А. Л. Шапиро Очерки по истории крестьянского хозяйства первой четверти XVIII века, стр. 86 (рукопись). Попытка официальной организации волостей уже имела место в 1790 году (ПСЗ, XXIII, 16810).

старостинских, понезуитских, бывших католических и других — феодальная система внеэкономического принуждения действовала более обнаженно и непосредственно. Хозяйственная, полицейская и судебная власть над государственными крестьянами принадлежала здесь арендатору или заменявшему его временному администратору. Крестьянская община, если она фактически существовала, не охранялась и не регулировалась государственным законом. За Казенной палатой и Департаментом государственных имуществ сохранялись обязанности верховного наблюдения и контроля над выполнением арендных контрактов, а следовательно, и над положением земледельческого населения. Единого закона, нормирующего взаимные отношения между правительственными органами, арендаторами и крестьянами, долгое время не существовало. Однако издавались сепаратные нормы, которые стремились ограничить произвольные действия сменяющихся владельцев. Наиболее подробные и точные правила сдачи имений были опубликованы в 1803 году для украинских губерний — Волынской, Подольской и Киевской. На основании этого акта феодальные повинности крестьян должны были определяться инвентарями и учитываться в реестрах или кардах. Арендаторы не имели права сдавать казенные имения в субаренду, употреблять крестьян в собственных и чужих имениях, произвольно увеличивать панщину, данины и подводную повинность. На владельцев возлагалась обязанность оказывать крестьянам пособия и помощь, наблюдать за исправною уплатою ими податей, «вникать, научать и наставлять крестьян в их хозяйстве». Казенная палата должна была время от времени производить внезапные ревизии государственных имений и проверять выполнение арендаторами инвентарей и контрактов [1].

При кодификации законов эти правила были положены в основание «Устава аредных имений» [2]. С теми или иными отклонениями они распространяли свою силу и на арендные имения других западных районов.

6. Теория и практика «попечительства»

Учреждая органы управления казенной деревней, государство подробно определяло границы их компетенции. Основными задачами управления, которые вытекали из самого существа взаимоотношений между казной и ее феодальными подданными, были, во-первых, собирание налогов и повинностей, во-вторых, поддержание в деревне полицейского порядка. Однако ограничиться этими основными задачами было невозможно: чтобы извлекать из крестьян больше дохода, нужно было предварительно укрепить их хозяйство. Такая руководящая мысль, продиктованная фискально-вотчинными мотивами, мелькала еще в петровских законах начала XVIII века — в инструкциях земским

[1] ПСЗ, XXVII, 20801. Ср. ПСЗ, XXIX, 22218, 22728. XXXII, 25065
[2] Свод Законов Российской Империи, т. VIII, СПб, 1832.

комиссарам и земским камерирам и в Регламенте Камер-Коллегии[1]. Это положение европейских камералистов нашло себе более полное и ясное выражение в «Наставлении Экономическим правлениям» 1771 года. Приняв в свое ведение секуляризованные церковные имущества, Экономические правления должны были не только «понуждать» крестьян к исправному платежу податей и оброков, но и принимать разнообразные методы против оскудения казенной деревни: наделять крестьян недостающей землей, равномерно распределять угодья между крестьянскими тяглами, помогать крестьянам в несчастных случаях, снабжать их продовольствием во время неурожая, изыскивать меры против пожаров, следить за ведением крестьянского хозяйства, строго учитывать деревенские сборы и расходы[2].

Расширение и обобщение этих первоначальных предписаний мы находим в Установлении Екатерининского наместничества 1787 года. Издавая этот закон, дворянская власть принимала на себя роль «попечителя» над опекаемыми крестьянами. Она стремилась проникнуть во все уголки казенной деревни: не только обеспечить платежеспособность крестьянского хозяйства, но и целиком подчинить своему моральному руководству деревенское население[3]. В том же духе всепроникающей регламентации был редактирован указ о волостном управлении 1797 года. Он возлагал на волостные головы и сельских выборных разнообразные административные обязанности,— не только обнародование законов, наблюдение за порядком и собирание податей, но и «попечительные» функции в отношении казенного крестьянства: заботы об их сельском хозяйстве, устройство запасных хлебных магазинов, принятие мер против пожаров, болезней и скотских падежей, опеку над малолетними, борьбу с нищенством и т. п. Головы и выборные должны были следить не только за внешним благочинием, но и вразумлять обывателей в правилах добронравия и религиозной веры[4].

Идея казенного «попечительства» возникла не самостоятельно: она была заимствована из сложившейся практики крупного частновладельческого хозяйства. Реальными источниками законов 1762 года, 1787 года и 1797 года послужили вотчинные инструкции, которые давались многими русскими землевладельцами своим управляющим на протяжении XVIII и первой половины XIX веков. Ярким образцом подобных инструкций можно считать наставление известного петровского деятеля В. Н. Татищева, составленное в 1742 году[5]. Автор выступает в этом произведении как трезвый хозяин, подходящий к задаче повышения доходов с широкой экономической точки зрения.

[1] ПСЗ, V, 3295 (п. 13), 3296 (п. 10), 3466 (п. 13, 15).
ПСЗ, XIX, 13590.
ПСЗ, XXII, 16603.
ПСЗ, XXIV, 18082.
[5] В. Н. Татищев, Краткие экономические до деревни следующие записки «Временник имп. М. О. И. Д. Р.», кн. 12, М., 1852. Смесь, 13—32.

Он прекрасно знает условия помещичьей вотчины, знаком с состоянием крестьянского хозяйства и проникнут стремлением извлечь максимальные выгоды из эксплоатации крепостного крестьянства. Подробно и деловито он наставляет своего управляющего, как нужно разделять поля и содержать луговые угодья, как лучше пахать и сеять, косить сено и унавоживать землю, собирать жатву и ходить за скотом. Типичный представитель землевладельческого класса, Татищев не доверяет крестьянину-земледельцу: он смотрит на него, как на подчиненное опекаемое существо, которое должно находиться под постоянным и бдительным надзором помещика. По мнению Татищева, крестьянин по природе ленив и от лености способен запустить не только помещичье, но и собственное хозяйство [1]. Поэтому, исходя из своих экономических интересов, Татищев требует неусыпного наблюдения за хозяйством каждого крестьянина и разумного попечения о крестьянских нуждах. Он рекомендует заранее организовать продовольствие на случай неурожая («хлеба в запасе иметь на 5 лет, а фуража на 2 года в случае недорода»). Зная, какие бедствия причиняют помещику и крестьянину эпизоотии и эпидемии, он заботится о сбережении скота и о здоровье рабочей силы: в случае скотского падежа кож не снимать, а зарывать трупы глубоко в лесу; заболевшую скотину лечить определенными средствами; для предупреждения болезней завести мужскую и женскую баню, а старых и хворых «по миру не пущать, а определять их в домовую богадельню». Чтобы предупредить пожары, предписывается строить крестьянские дворы каменные, а если деревянные, то не крыть их соломой и во избежание тесноты соблюдать между дворами достаточные промежутки.

Для разумного хозяина выгоднее иметь крестьян, знающих грамоту и ремесло. Татищев требует поэтому обучать крестьянских ребят от 5 до 10 лет грамоте, «через что оные придут в познание закона», а подросших ребят от 10 до 15 лет «обучать разным художествам: кузнечному, колесному, бочарному, овчарному, горшечному, коневальному, шерсть бить, войлоки валять, портному, сапожному и всему тому подобному, что крестьянину необходимо иметь надлежит».

Чтобы подвести прочную экономическую базу под эти попечительные мероприятия, Татищев советует «всякому жителю сего света оставлять от годового своего дохода по крайней мере пятую часть денег для нечаянных приключениев» — на случай неурожая, скотского падежа или пожара.

Система попечительной опеки предполагает в качестве необходимого элемента суровые наказания в отношении ленивых и непокорных:

---

[1] «Понеже от праздности крестьяне не токмо в болезнь приходят, но и вовсе умирают, спят довольно, едят много, а не имеют моциону, доброму старосте и приказчику всего того смотреть надлежит, ибо за хорошее смотрение должны получить хорошую заплату, а за нарушение штраф или наказание».

Татищев предписывает устроить для таких крестьян тюрьму и не давать им пищи и питья до трех суток.

Подобные же инструкции составлялись и другими крупными вотчинниками России: таковы — наставления Артемия Волынского дворецкому Ивану Немчинову 1724 года и нижегородского губернатора А. М. Бестужева (отца канцлера) 1738 года, таковы вотчинные инструкции графов П. Б. Шереметева, И. М. Шувалова, В. Г. Орлова и др. Вольное экономическое общество придавало большое значение выработке таких документов: в 1760-х годах оно назначило специальную премию авторам наилучших экономических наставлений и на страницах своих «Трудов» напечатало премированные сочинения на эту тему — Болотова, П. И. Рычкова, Ф. Удалова, Н. Вольфа [1]. Разбираясь в коллекции подобных инструкций, опубликованной в свое время М. В. Довнар-Запольским, мы убеждаемся, как из десятилетия в десятилетие накоплялись отдельные сельскохозяйственные предписания в крупнейших землевладельческих экономиях России. В имении графа П. А. Румянцева в конце XVIII века была произведена настоящая кодификация этого сложившегося внутривотчинного права. В сводной инструкции Румянцева обращает на себя внимание стремление крупного феодала использовать крестьянскую общину как точку опоры в проведении своей хозяйственной и «попечительной» программы: первостатейные крестьяне, которых в первую очередь выдвигала вотчинная администрация, избирают старост, несущих административные функции, целовальников, в присутствии которых судятся крестьяне, и купчин, которые продают на рынке крестьянские товары; сбор и расходование денег производятся только «с мирского согласия»; рекрутов назначают особые выборные; за посещением церкви наблюдают парядчики, сотские и десятские. Инструкция Румянцева предусматривала назначение особого стряпчего для ходатайств о крестьянских делах. Семейные разделы она категорически запрещала. Так же, как другие помещики, Румянцев придавал большое значение религиозно-нравственному воспитанию крестьян в духе крепостнического мировоззрения: недопущению пьянства и мотовства, обязательному посещению церкви, обязательной исповеди и причащению и т. д. В инструкции подробно регламентировалось и сельское делопроизводство: вотчинная администрация должна была вести разнообразные описи, ведомости, табели, инвентарнумы и регистры [2].

Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень [illegible] регула о лошадях А. Волынского, «Памятники древней письменности», СПб, 1881. Инструкция или пункты Пошехонской вотчины прикащику.., РА, 1904, № 1, стр. 28—38; Труды Вольного экономического общества, 1769, ч. XI, стр. 35—38 и ч. XII, [illegible] 1—66; 1770, ч. XVI, стр. 13, 69—230; М. В. Довнар-Запольский, Материалы истории вотчинного управления в России. «Киевские Университетские Известия» 903, № 12; 1904, № 6, 7; 1905, № 8; 1909, № 7; 1910, № 11.

[2] «Киевские Университетские Известия», 1903, № 12; 1904, № 6, 7

Постепенно складывавшиеся нормы внутривотчинного права переносились затем в сферу государственного законодательства. Правительство рецепировало эти помещичьи наставления и широко применяло их к собственным крестьянам. Уже в наказах сибирским воеводам XVII века мы находим зародыши идеи «попечения» о крестьянах: нужно было обеспечить сохранение и воспроизводство рабочей силы для обработки десятинной государственной пашни; именно поэтому воеводы обязаны были охранять крестьян от поборов и взяток, удовлетворять их судом и расправой и истреблять в их среде всякое «воровство». Когда в 40-х годах XVIII века правительство организовало непосредственное управление синодальными вотчинами, оно назначило для ведения хозяйства специальных «управителей». Сохранившиеся инструкции этим чиновникам-управителям воочию показывают, как государственная власть, принимая на себя функции феодала-землевладельца, заимствовала и применяла на практике принципы частновладельческого хозяйства. Наряду с агрономическими наставлениями — как обрабатывать пашню и убирать сенные покосы,— инструкции содержат в себе административные предписания — об учете рабочей силы и казенного имущества, о собирании хлебного и денежного оброка, о предотвращении пожаров, о защите крестьян от соседних помещиков, об охране их от произвольных поборов, о наставлении их «страху божию и добродетели». По своему содержанию и стилю инструкции повторяли знакомые наставления помещичьих вотчин. И здесь точкой опоры для феодальной администрации были избранные крестьянами старосты и целовальники [1].

В расширенном масштабе политика феодального «попечительства» была применена в дворцовом хозяйстве, которое на рубеже XIX века было преобразовано в удельное управление. «Учреждение об императорской фамилии» 5 апреля 1797 года заканчивалось наставлениями чиновной и выборной администрации, составленными в том же феодально-«попечительном» стиле [2]. Теория «просвещенного абсолютизма» помогла обобщить и облечь в идеологическую оправу эту практику расчетливого ведения крепостного хозяйства. Российское самодержавие уже в конце XVIII века выступило с настоящими декларациями «попечительного» характера. Когда в 1788 году наследник Павел Петрович составлял самому себе наказ как будущему императору, он исходил из европейских идей «просвещенного абсолютизма» и делал из них определенные практические выводы: «Предмет каждого общества — блаженство каждого и всех.... Крестьянство содержит собою все прочие части и своими трудами, следственно особого уважения достойно и утверждения состояния, не подверженного нынешним пере-

[1] ЦАВП, ф. канцелярии Синода, 1742 г., № 1088, лл. 482—485, 504—510 (за сообщение данных документов приношу свою благодарность А. Л. Шапиро).

[2] ПСЗ, XXIV, 17906, § 208.

менам его, из благодарности Отечества и для того, чтобы тем лутче трудились, и государство имело тем вернее снабжение...» «Таким образом,— заключал через несколько страниц автор наказа,— проходя все части, в предмете блаженства общего, не меньшего частного уважения заслуживают государственные крестьяне, однодворцы, черносошные и пахотные, которых свято по их назначению оставлять, облегчая их судьбу. Они прямые государственные» [1].

В этой декларации коронованного помещика, несмотря на ее европеизированную форму, ясно обнаруживается руководящая тенденция — обеспечить исправное доставление крестьянского оброка упрочением и развитием крестьянского хозяйства.

Аналогичные явления мы находим в истории Западной Европы. И в Пруссии, и в Австрии на территории государственных доменов, сидели такие же государственные крестьяне, окруженные массой крепостных частновладельческих вотчин. И австрийские, и прусские короли декларировали идеи «попечительной политики» в отношении к государственным крестьянам; и там теория «просвещенного абсолютизма» приходила на помощь задачам текущей экономической политики.

Однако эта программа казенного «попечительства» носила в значительной степени декларативно-бумажный характер. Если от широковещательных законодательных текстов мы перейдем к анализу практики управления, то увидим перед собой совершенно иную картину. Больше всего внимания государство уделяло вопросу об обеспечении крестьян земельным наделом: снабжение крестьянина землей было основным условием феодального хозяйства; земледелец, потерявший надел или оказавшийся малоземельным, становился непригодным источником для барщинной и оброчной эксплоатации. Вот почему дворянское государство на протяжении XVIII века издавало немало указов о наделении государственных крестьян определенной пропорцией земли. Межевой инструкцией 1766 года правительство установило надельную норму в размере 15 десятин на ревизскую душу. В 1801 году, когда выяснилось, что в целом ряде губерний недостает земельного фонда, было предписано отводить крестьянским семействам по крайней мере по 8 десятин на душу. Но и эта норма во многих уездах, особенно в перенаселенном центре, оказалась недостижимой, и правительство по существу отказалось от провозглашенного им принципа: в 1830 году оно объявило, что наделение крестьян недостающими участками надо ограничить только теми местностями, которые имеют излишние земли [2].

[1] М. Семевский, Материалы к русской истории XVIII века. «Вестник Евр-пы», 1867, март, т. I, стр. 316.

[2] ПСЗ, XVII, 12659, гл. XIV, п. 12; гл. XIX, п. 2; гл. XXXII, п. 9; XXVI, 9500 19914, 20033; XXVII, 20426; XXVIII, 21691, 21927; XXXVI, 27697. ВПСЗ, II, 1176; V, 3576. В. Якушкин, Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX вв., вып. I, М., 1890, гл. XII. Автор мобилизует большой юридический мате-

Крестьяне нуждались не только в пашенных угодьях, но и в лесном материале — на отопление, на постройку жилищ, изготовление дегтя и пр. Обыкновенно крестьяне пользовались лесом «на домашние надобности» из прилегающих казенных дач. Законы 1799 года и 1800 года признали и закрепили за ними это право [1]. Однако сокращение площади казенных лесов и стремление поднять доход от лесного хозяйства толкнули правительство на другую дорогу. В 1802 году был издан Лесной устав, который сильно ограничил право крестьянских обществ на пользование казенным лесом. Все государственные леса отошли в распоряжение Лесного департамента Министерства финансов. Государство решило разделить лесную площадь на годовые лесосеки, а крестьянам выделить специальные участки по соглашению Казенных палат с Лесным департаментом. Крестьяне получили право производить вырубку в отведенных лесах «не более определенной для годового продовольствия лесосеки» [2]. Последующим указом 1808 года было предписано безлесным казенным селениям отпускать лес на домашние надобности, но исключительно за деньги [3]. Эти новые законы поставили в тяжелое положение государственных крестьян. Из казенной деревни посыпались бесконечные жалобы на притеснения лесного начальства: на вымогательство излишних денег за отпускаемый лес, на отказы давать лесные участки, на потакательство людям богатым и посторонним. С другой стороны, усилились порубки в казенных лесах; судебные органы были завалены огромным количеством дел, начатых против порубщиков. Правительство вынуждено было смягчить запретительную силу предыдущих указов и возложило непосредственную охрану казенных лесов на крестьянские общества [4].

Наряду с обеспечением крестьян землей и лесом, правительству приходилось оказывать помощь казенной деревне, если она переживала стихийные бедствия — пожары, наводнения, скотские падежи. Ряд указов обеспечивал погоревшим крестьянам помощь лесным материалом для постройки новых жилищ. С 1831 года погорельцы стали получать денежное пособие в 100 рублей. Крестьянам, потерпевшим наводнения, выдавались специальные ссуды. В распоряжении министра финансов находился особый фонд, из которого он мог черпать небольшие денежные суммы на пособие пострадавшим [5].

Аналогичные заботы должно было проявлять государство-вотчин-

риал, но подходит к нему в духе наивного эмпиризма и крайне преувеличивает внимательную заботливость правительства» о крестьянском наделе. Правильную оценку всей этой земельной политики дал в 1830 году М. М. Сперанский, РОЛБ, Бумаги Репинского. Ао.

[1] ПСЗ, XXV, 18875; XXVI, 19262а.

[2] ПСЗ, XXVII, 20506.

[3] ПСЗ, XXX, 23217; XXXII, 25640.

[4] ПСЗ, XXXI, 24784; XXXII, 25411; ВПСЗ, I, 39415, IV, 3293; VII, 5712.

[5] ПСЗ, XXIII, 16890; XXV, 19086; XXVII, 21066; ВПСЗ, VI, 4538, 4815; IX, 7343.

ник, когда разражался неурожай и начинался массовый голод. Правительство закупало в подобных случаях крупные партии хлеба и направляло их в голодающие районы. Чтобы прочнее поставить продовольственную помощь государственным крестьянам, Петр I решил организовать запасные хлебные магазины. Однако, несмотря на многочисленные повторные указы, постройка магазинов чрезвычайно затянулась, и государство стало колебаться между политикой натурального сбора хлеба и организацией специального продовольственного капитала. В 1822 году были учреждены губернские комиссии продовольствия и применена более гибкая политика: с одной стороны, строились хлебные запасные магазины, с другой стороны,— там, где это было удобнее,— собирался денежный капитал. Наконец, с 1834 года в губерниях одинаково был введен и хлебный, и денежный сборы. Тем не менее, во многих местах запасные хлебные магазины так и не были построены, а собранный хлеб хранился в выкопанных ямах [1].

Чтобы поставить на более прочную ногу организацию помощи в случае стихийных бедствий, правительство учредило в 1806 году особый хозяйственный капитал Новороссийского края, из которого выдавались ссуды нуждавшимся крестьянам причерноморских губерний. Выдача ссуд была обставлена многочисленными обследованиями и разрешениями, которые сильно затрудняли своевременно реальное получение помощи [2].

В сущности указанными мерами и ограничилась «попечительная» политика правительства. Она проявлялась там, где этого требовали реальные казенные интересы, непосредственное давление тяжелой сельскохозяйственной обстановки. В других областях крестьянской жизни мы наблюдаем очень слабые проявления «попечительства». Правительство понимало необходимость агрономической помощи крестьянам, но оно попыталось применить ее очень поздно и в самых скудных размерах. Только в 1832 году была учреждена Аккерманская школа садоводства для обучения казенных бессарабских поселян разведению виноградников и приготовлению вина. В школу присылались крестьяне не моложе 20 лет, которые обучались в течение 3 лет[3]. В 1836 г. была учреждена в Горыгорецком казенном имении, Могилевской губернии, школа для усовершенствования земледелия. Наряду с детьми личных дворян, священников, купцов и мещан сюда принимались дети казенных крестьян, розночинцев и западных однодворцев [4]. В 1826 году министр финансов Канкрин предпринял первую и очень робкую попытку начать среди государственных крестьян агрономическую пропаганду.

[1] ЦАВИ, ф. ГС К 28, № 1; ЦАНХ, ф. V О., № 26440, лл. 12—13; ПСЗ, XIII, 9615; XVIII, 13017; XXV, 19203; XXVII, 20661; XXX, 23000; XXXVII, 28784; XL, (общ прил.), 28827; XXXVIII, 29000; ВПСЗ, IX, 7300; X, 7867; XI, 8782.

[2] ПСЗ, XXIX, 22270; XXXV, 27473

[3] ВПСЗ, VII, 5448.

[4] ВПСЗ, XI, 9097.

С этой целью он предложил составить обозрение разных способов усовершенствования хлебопашества и скотоводства. Однако эта попытка не встретила сочувствия Николая I, который нашел, что проектируемое обозрение принесет пользу только тем, кто умеет читать, а так как большинство крестьянского населения было безграмотно, то отсюда вытекал логический вывод — о бесплодности и ненужности подобного начинания [1].

Что касается распространения грамотности, то правительство проявляло здесь чрезвычайно мало инициативы. В школьных уставах 1803 года и 1828 года было запроектировано устройство начальных школ не только в городах, но и в казенных селениях. Предполагалось, что крестьянам будет даваться религиозно-нравственное образование под руководством местных священников. Обучение должно было ограничиваться элементарной грамотой. Однако в государственном бюджете не было отведено никаких средств на организацию и содержание школ, и декларации школьных уставов остались без всякого практического применения [2].

Правительство стало открывать начальные училища только с 1830 года и притом с определенной практической целью — подготовки сельских и волостных писарей, в которых ощущался большой недостаток. Школы устраивались в виде опыта в Петербургской и Псковской губерниях, по волостям; они состояли при приходских церквах; в качестве учителей предпочитались священники и «другие церковные служители», как пояснял законодатель. Программа ограничивалась законом божиим, чтением, письмом и четырьмя правилами арифметики [3]. Количество таких школ было крайне ничтожно, и крестьяне нередко предпочитали в качестве преподавателей грамоты местных церковных причетников или случайных деревенских грамотеев.

Не менее жалкими были попытки государственной власти оказать врачебную помощь государственной деревне. По данным В. И. Семевского, среди крестьян были распространены еще в XVIII веке тяжелые эпидемические болезни: на севере свирепствовала цынга, среди отходников и ссыльно-поселенцев Восточной Сибири был распространен сифилис, нередки были желудочные заболевания; в районах горных заводов наблюдались туберкулез, глазные болезни, ревматизм. За отсутствием врачей и аптек, крестьяне лечились домашними средствами; от простуды парились в бане, а свежие раны посыпали толченым углем и даже солью [4]. Правительство не учреждало в казенной деревне больниц и врачебных пунктов, не приглашало на службу врачей и

---

[1] ЦАНХ, ф. Канцелярии Министерства финансов по секретной части, 1828 г., № 6/77.

[2] ПСЗ, XXVII, 20597; ВПСЗ, III, 2502

[3] ВПСЗ, VI, 4211об (прил. к V т.).

[4] В. Семевский, Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в., «Устои», 1882, № 2.

фельдшеров. Самое большее, что оно делало,— была выдача из казенных аптек лекарства в случае эпидемических болезней. Если болезни были обыкновенные, а не «повальные», то лекарства не выдавались, «так как на пользование всех потребовалось бы непомерное количество лекарств и вкрались бы тут злоупотребления», как мотивировали законодатели свое мудрое решение [1].

Только с 1831 года государство стало отпускать средства на подготовку оспопрививателей. Мирским приговором выделялись из числа крестьян неспособные к рекрутской повинности взрослые мальчики для обучения оспопрививанию у уездных врачей. После окончания курса они должны были объезжать деревни своего района и бесплатно прививать оспу [2]. Наблюдения современников показывают, что этот закон проводился в жизнь далеко не удовлетворительно. Многие оспопрививатели были обучены слабо, многие плохо исполняли свои обязанности по небрежности и нежеланию объезжать отдаленные районы. Качество оспенного детрита было очень низкое, эпидемия оспы не уменьшалась и попрежнему поражала широкие массы населения.

Такие же ничтожные результаты дало казенное «попечительство» в области опеки над малолетними крестьянами. Законом 1832 года была подробно регламентирована организация попечения о здоровье, воспитании и имуществе малолетних сирот. Она возлагалась на родственников, а за их отсутствием — на благотворителей волости, в крайнем же случае — на особых опекунов, избираемых из состава сельского общества. Волостное правление должно было следить за действиями опеки и разбирать жалобы обиженных опекаемых [3].

Законом 1827 года правительство пыталось установить в Петербургской и Псковской губерниях охрану интересов крестьян, заключенных в тюрьму. Оно поручило посещать их управляющим Казенными палатами и окружным комиссарам и делать представления «в случае несоразмерного крестьянам отягощения» [4].

Борьба с нищенством велась исключительно в форме запретительных приказов: правительство не разрешало выдавать крестьянам паспорта для прошения милостыни и требовало от сельских обществ содержать нуждающихся на собственные средства [5].

Наблюдения современников и, в частности, сведения, собранные сенаторами во время ревизий, показывают нам всю цену казенного попечительства. Практика управления государственными крестьянами в свете этих сохранившихся материалов рисуется с самой отрицательной стороны. И губернская администрация, и уездные чиновники, и крестьянские выборные заботились прежде всего о взыскании податей

[1] ПСЗ, XXXII, 25700; XI, 30355
[2] ВПСЗ, VI, 4761; XII, 10320.
[3] ВПСЗ, VII, 5772.
[4] ВПСЗ, II, 1605.
[5] ПСЗ, XL, 30356.

и недоимок, об отбывании крестьянами натуральных повинностей и поставке рекрутов во время наборов. Выколачивание податей шло беспощадным образом и нередко сопровождалось продажей последнего крестьянского имущества.

Собирая государственные налоги и оброчные сборы, дворянская бюрократия и подчиненные ей органы крестьянского «самоуправления» старались не забывать и самих себя. По свидетельству современников, государственную деревню грабили все без исключения. На ней наживались и земские исправники, избиравшиеся дворянами из наихудших элементов дворянского сословия, и коронные чиновники, не исключая вице-губернаторов, которые руководили деятельностью Казенных палат, и выборные крестьянские начальники. Поводы к лихоимству были самые разнообразные. «Черновые» или «темные» книги волостных правлений заключали в себе приходные записи, во много раз превышавшие официальные сборы. По самым разнообразным поводам устраивались «добровольные» складки среди крестьян. Безграмотная деревенская масса, не умевшая разбираться в сложных финансовых подсчетах, платила вдвое, втрое больше положенного оклада. При отбывании натуральных повинностей богатые, а иногда и средние крестьяне предпочитали откупаться от работ — здесь тоже открывалось широкое поле для извлечения денежных средств со стороны местной администрации [1].

Особенно крупным источником для вымогательств являлась рекрутская повинность. Очередные семейные списки составлялись с таким расчетом, чтобы освободить от рекрутчины «хозяйственных мужичков». Когда объявлялся набор, начиналась настоящая лихорадочная торговля людьми: крестьяне-кулаки платили по 300—500 рублей, стараясь во что бы то ни стало отстоять своих сыновей. Нередко местные уездные и губернские чиновники объезжали селения и ставили рекрутов собственной властью, вымогая у крестьян денежные взятки [2].

Особую статью незаконных доходов составлял прием приезжающих чиновников, которых задаривали взятками и содержали на крестьянский счет. Обыкновенно в отчетах о подобных приемах расходы увеличивались в несколько раз — в интересах крестьянских голов и старост [3].

Наконец, крупным орудием обогащения администрации служили

---

[1] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 1, лл. 25—26; № 8, лл. 23—25; № 22, лл. 6—12; № 34; ЦАВП, ф. ДПИ, 1830 г., № 213, лл. 47—48; ЦАНХ, ф. V О., № 26421 (25), л. 6; ПСЗ, XXVIII, 21934; XXXIV, 26819; ВПСЗ, II, 1113. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива с.е.в. канцелярии под ред. Н. Ф. Дубровина в. VIII, СПб, 1896, стр. 168—169, 175; СРИО, т. 98, стр. 473; Крестьянское движение 1826—1869 гг., сост. Е. А. Мороховец, М.—Л, 1931, ч. 1, стр. 16; Министерство финансов 1802—1902 гг., ч. 1, СПб. 1902, стр. 157—158; В. Семевский, Казенные крестьяне в царствование Екатерины II, РС, 1879, № II, стр. 262—263.

[2] ЦАВП. ф. ГС К 28 № 125, лл. 16—17. ПСЗ, XXX, 22982; XXXVIII, 29; XL, 30263.

[3] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 22, лл. 120—131

мирские оброчные статьи, т. е., земельные угодья, мельницы, пруды, рыбные ловли и пр., которые не были в непосредственном пользовании крестьянского общества. Они сдавались в аренду с торгов за оброчную плату и могли быть сняты каждым желающим. Администрация организовывала эти торги в соответствии с собственными интересами: оброчные статьи поступали именно к тем, которые были особенно щедры на взятки волостным головам и уездным чиновникам. Оброчная плата назначалась крайне ничтожная и не уплачивалась арендаторами в течение целых десятилетий. Это было систематическое расхищение казенного имущества оборотливыми и ловкими богатеями [1].

Незаконные поборы достигали огромных размеров. По донесению сенатора Маврина, обследовавшего в 1796 году Вятское наместничество, помимо коронных чиновников, в каждой казенной волости мирские начальники, писчики и рекрутские отдатчики чинили вымогательства и взятки. Число виновных, которые подлежали преданию суду, достигало по Вятскому наместничеству солидной цифры 3.900 человек [2]. На основании сенаторского обследования Слободско-Украинской губернии в 1824 году в 22 волостях под предлогом платежа податей с убылых, калек и малолетних было собрано 103.544 рубля, а в казну поступило только 13.923 рубля: все остальные суммы были истрачены на «предметы недозволенные» и застряли на добрую половину в карманах выборных сельских начальников [3]. Правительство не только не отрицало всех этих фактов, но торжественно и громко объявляло об этом в своих манифестах и указах. Таковы были признания Павла I в 1798 году, заявление Александра I в манифесте 1810 года, фактические указания Николая I в указе 1827 года [4].

Государственная власть применяла разнообразные меры для борьбы против лихоимства: чем больше взыскивалось с оброчных плательщиков в интересах личного состава государственного аппарата, тем меньше оставалось для самой государственной казны, тем больше подрывалась крестьянская платежеспособность. Правительство не ограничивалось торжественным запрещением произвольных и незаконных поборов; время от времени оно отправляло в губернии сенаторов для производства ревизий, а чиновников, обличенных в лихоимстве, предавало суду. Иногда подобная мера затрагивала самые верхи губернской администрации: в 1797 году в Курской губернии был привлечен к суду за вымогательства у государственных крестьян сам руководитель хозяйственного отделения Казенной палаты, вице-губернатор князь Урусов. Однако чаще всего ревизии оканчивались ничем, и начатые судебные процессы прекращались по высочайшему распоряжению [5].

[1] ПСЗ, XXVII, 20692; XXX, 23188.
[2] ПСЗ, XXIII, 17444.
[3] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 34, л. 60—61.
[4] ПСЗ, XXV, 18352; XXXI, 24116, п. 15; ВПСЗ, II, 1113.
[5] ПСЗ, XXXVIII, 21382, 29454; XXXIX, 30177; XL, 30595; ВПСЗ, XII, 10303

Чтобы ликвидировать незаконные доходы, правительство обратило бóльшее внимание на правильную постановку отчетности. Крестьянские выборные должны были вести разнообразные книги и заносить в них все полученные и израсходованные суммы. По окончании срока своих полномочий волостные головы и сельские старосты должны были отчитываться перед крестьянскими сходами. Уездная и губернская администрация обязана была производить периодический контроль книг. Крестьянам при сборе податей стали выдавать печатные квитанции. Были установлены строжайшие правила хранения и передачи денежных сборов в уездные казначейства [1].

Но все эти меры не имели практического успеха. Крестьянская масса была почти поголовно безграмотна, плохо уясняла себе оклады податей и оброков и была не в состоянии разобраться в сложной и запутанной отчетности по недоимкам. У крестьянской и коронной администрации было бесконечное количество поводов собирать дополнительные суммы и присваивать их в свою пользу. Казенная деревня фактически была отдана на поток и разграбление своекорыстному, развращенному и вооруженному всеми методами насилия государственному аппарату.

Таким образом, практика «попечительства» резко противоречила теории благожелательной опеки просвещенного государства над «неразумными и невежественными крестьянами». Если мы подведем итоги феодальному управлению государственной деревней, то окажется, что «попечительные» меры были целиком перечеркнуты практикой насилий и хищений самой попечительной администрации. Да и центральная власть плохо считалась с провозглашенными ею принципами. Государственные крестьяне формально считались свободными сельскими обывателями,— государство признавало за ними определенные сословные права, которые отличали их от частновладельческих крепостных. Однако в условиях феодально-крепостнического порядка правительство систематически нарушало эти права, возводя подобное нарушение в принцип самодержавной политики. В течение XVIII века государственные крестьяне различных губерний десятками тысяч приписывались к казенным и частным заводам, преимущественно в районах горного Приуралья [2].

В течение того же XVIII века, особенно в царствования Екатерины II и Павла I, более миллиона душ государственных крестьян были пожалованы дворянству [3]. Указом 1797 года Павел I передал несколько тысяч государственных крестьян в состав так называемых

---

[1] ПСЗ, XXXIV, 26819; XXXV, 27395. ВПСЗ, I, 105; IV, 3221; VI, 4790.

[2] В. И. Семевский, Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. I, СПб, 1888, стр. 393, 404; т. II, СПб, 1901, стр. 458, 527 и след.

[3] В. И. Семевский, Раздача населенных имений при Екатерине II. «Отечественные Записки», 1877, август. В. Семевский, Пожалование населенных имений при имп. Павле. РМ, 1882, декабрь.

командорственных имений ордена Иоанна Иерусалимского[1]. И в XVIII, и в XIX столетиях не только добровольно, но и принудительно государственные крестьяне переводились в казаки. Так было в Сибири, где полоса, пограничная с казахскою степью, была укреплена форпостами и заселена казаками из состава государственных крестьян. Так было в начале XIX века на кавказской боевой линии, когда по предложению А. П. Ермолова более 2 тысяч душ государственных крестьян были обращены в казаки и поселены в пределах Ставропольского и Моздокского уездов[2]. В 1810—1816 годах более 10 тысяч крестьян казенных имений на Украине и в Белоруссии были распроданы в частные руки[3]. В промежуток между 1816 и 1830 годами правительства Александра I и его преемника перевело несколько десятков тысяч государственных крестьян в военные поселяне[4]. Николай I передал в удельное ведомство, т.-е. в собственность царской фамилии, значительное количество государственных крестьян: 4996 душ были приписаны к Петергофскому дворцу императрицы Александры Федоровны, 4525 душ — к Ораниенбаумскому дворцу вел. князя Михаила Павловича, 3471 душа — к Павловскому дворцу того же владельца. В начале 1830 года было приступлено к принудительному обмену государственных крестьян на удельных: свободные сельские обыватели, населявшие Симбирскую губернию, в количестве 350 тысяч душ, были целиком переданы в удельное ведомство; такое же количество удельных крестьян должны были получить в свое ведение Казенные палаты в различных губерниях России[5]. Таким образом, значительный процент государственных крестьян был насильственно исключен из своего сословия и попал в положение или крепостных рабов, или рядовых солдат царской армии.

7. Товарно-денежные отношения в казенной деревне

Наиболее крупным фактом, который определил собой дальнейшие судьбы казенного крестьянства в течение XVIII и первой трети XIX веков было развитие товарно-денежных отношений на всей территории крепостной России. Этот процесс принял особенно интенсивные формы в определенных районах: в нечерноземной промышленной полосе (особенно вокруг столиц), на больших речных магистралях, которые слу-

---

[1] В. И. Семевский, Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. II, СПб, 1901, стр. 286.

[2] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 11, л. 52; ЦАНХ, ф. V О., № 26452, лл. 288—289; ПСЗ, XXXVIII, 29682; ВПСЗ, II, 1418; IV, 3205; VII, 5332; В. Семевский, Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. II, СПб, 1901, стр. 687.

[3] ПСЗ, XXXI, 24244. Архив ГС, ч. IV, СПб, 1881, стр. 1522, 1526—1528, 1551—1553, 1562 и след. См. гл. II, стр. 148—152.

[4] ПСЗ, XXX, 26389, 26390; XXXIV, 26803, 26772, 27107, 27195; XXXVII, 28170, 28831, 28832; XXXIX, 29814, 30135; ВПСЗ, IV, 2739, 2855, 2943.

[5] ЦАНХ, ф. ДГИ, 1826 г., № 735. ЦАВП, ф. ДГЭ 1829 г., № 88 и 139; ВПСЗ, IV, 3360, 5172; V, 3427.

жили главными средствами транспорта, вблизи приморских портовых городов и в тех земледельческих районах, которые были теснее связаны с хлебным рынком.

Правда, натуральное хозяйство еще продолжало господствовать в стране; оно налагало свою печать на всю экономическую жизнь государственного крестьянства. Описание Пермской губернии 1802—1803 годов, одной из наиболее промышленных губерний крепостной России в начале XIX века, давало такую характеристику крестьянского хозяйства: «Кроме земледелия, скотоводства и сопряженных с ними рукоделий, занимают еще многие заботы земледельца; ничто, относящееся к его званию, не скрывается от его искусства. Он умеет сам устроить соху, борону и все земледельческие орудия; чтобы не покупать саней, он сам гнет полозья, к чему служит вырубленное на толстом бревне бало, достает вязье, лубки и делает дровни, сани или обшивни, также роспуски, иногда и телеги, даже самые колеса, корыта, кросна и все принадлежащие к ним орудия, заготовляет дрова, веснодельную или паровую зимою лучину, веники всем семейством; иногда садит смолу и деготь, вьет разного рода веревки, плетет лапти, но только для себя, а не на продажу, ткет рогожи и циновки в лесах, обилующих липой» [1].

Такая характеристика была вполне приложима к государственным и помещичьим крестьянам почти всех районов России на рубеже XVIII и XIX веков. Особенно отсталыми в экономическом отношении были губернии крайнего севера, заволжских степей и отдаленной Сибири. Тем не менее, на всей территории империи ясно обнаруживался процесс отделения промышленности от земледелия. Государственные крестьяне, которые, помимо подушной подати, платили оброк, были особенно заинтересованы в продаже части продуктов своего труда. Они не только сбывали на рынок сельскохозяйственные произведения, но и втягивались в развитие торговли и промышленности. Об этом достаточно подробно говорят нам такие источники, как депутатские наказы и прения в Екатерининской комиссии 1767 года, документы центральных коллегий, экономические анкеты, организованные в 1760—1780 годах Академией наук, Вольным экономическим обществом и Шляхетским корпусом, наконец, современные описания различных губерний, которые касались экономических процессов в помещичьей и казенной деревне.

Если мы раскроем городские наказы Екатерининской комиссии 1767 года, то услышим настоящий вопль со стороны купеческого сословия о защите его интересов против торгующих крестьян. Городские депутаты Московской, Новгородской, Казанской, Смоленской, Нижегородской и Симбирской губерний рисовали широкую картину оптовой торговли, которую вели государственные и частновладельческие крестьяне. Земледельцы продавали и покупали для перепродажи не только сельскохозяйственные продукты — хлеб, пеньку, лен, сало, рыбу;

[1] Хозяйственное описание Пермской губернии, ч. II, СПб, 1804, стр. 367.

не только отправляли эти товары крупными партиями по речным путям, иногда в самые порты, но открывали в городах лавки, торговали там холстами, парчевыми и шелковыми тканями, занимались мелкими ремеслами, устраивали постоялые дворы, строили мыловаренные, кожевенные и салотопенные заводы [1].

По данным Мануфактур-Конторы и Мануфактур-Коллегии, во второй половине XVIII века промышленность государственных крестьян существовала не только в столичных центрах, но и в различных селениях нечерноземных губерний, особенно Московской, Петербургской и Тверской. Это были разнообразные предприятия по изготовлению тканей, по производству канатов и веревок, по гонке смолы и скипидара, по выделке сусального золота и серебра, по выработке шляп и пуговиц.

Иногда государственные крестьяне вступали в промысловые товарищества с купцами и посадскими людьми; бывали случаи, когда они вкладывали в организованные «фабрики» до 500 рублей капитала [2].

Особенно широко была развита торговля и промышленность в экономических (бывших церковных) селах, расположенных около Москвы. «Историческое и топографическое описание городов Московской губернии», составленное в 1787 году Чеботаревым, дает обстоятельное описание крестьянской торговли и промыслов по отдельным уездам. Наиболее сильно были втянуты в товарно-денежные отношения крестьяне Московского уезда: по словам автора, они больше упражнялись в ремеслах и рукоделиях, нежели в хлебопашестве; среди них были распространены ткачество шелковых и полотняных тканей, изготовление глиняной посуды, кузнечное, слесарное, столярное и прочие мастерства. Везде и всюду крестьяне занимались извозами и ежегодно отправлялись на отхожие заработки, особенно в зимнее время года. Они строили на берегах рек струги, сплавляли лес и различные товары, открывали горжки и базары [3].

Наиболее распространено было текстильное производство. В 1773 году Мануфактур-Коллегия выдала экономическим крестьянам московских уездов 239 билетов на заведение 986 ткацких станов. По преимуществу это была шелкоткацкая промышленность, рассеянная по деревенским избам: изготовление материй, платков, кружев, лент, кушаков и т. д. Подавляющее большинство станов (871) находилось в Москов-

---

[1] СРИО, т. 93, стр. 88, 102, 153, 165, 183, 201, 215, 230, 251, 358, 376, 389, 548, 563, 528, 535; т. 107, стр. 86, 91, 118, 133—136, 172, 256, 272, 282, 373, 388, 412, 517, 558, 579, 588, 610; т. 134, стр. 4, 10, 18, 32, 46, 64, 97, 113, 129, 324, 330, 372, 391.

[2] Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX века. Изд. Академии Наук СССР, т. I, М.—Л., 1935, стр. 16—22, 33—34, 46—48, 50—52, 152—164, 175—178; т. II (рукопись), стр. 175, 177—188, 339—355.

[3] Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами, 1787, стр. 90, 115, 117, 119, 132, 145, 161, 180, 201; 220; 238; 258, 277—279; 300, 326. Ср. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи, СПб, [Л. Бакмейстера], 1771, т. I, ч. 1, стр. 41, 62.

ском уезде; наряду с обычными изделиями здесь производились высшие сорта тканей, в том числе бархатные материи. Параллельно распространялись полотняное и хлопчатобумажное производства. В 1796 году, по данным Главного правления мануфактур, в экономических селах Московской губернии существовало 54 шелкоткацких и 24 полотняных и хлопчатобумажных предприятия. Некоторые казенные села особенно выделялись развитием текстильной промышленности: Богородское, Озеры, Павлово-Вохна, Покровское, Хомутово и пр. В Павлове (Вохна тож) насчитывалось 22 крестьянина-предпринимателя, которые держали 157 шелкоткацких станов и нанимали 169 вольных рабочих; сумма годичного производства этих зародышевых капиталистических предприятий колебалась от 100 до 2800 рублей. Но были предприятия и более крупного масштаба; в селе Хомутове у экономического крестьянина Дмитриева шелковая «фабрика» производила товара на 11.070 рублей [1].

Такие же явления наблюдались на берегах больших рек, особенно Оки, Волги и Камы. Больше всего выделялись развитием торговли и мелкой промышленности государственные крестьяне Нижегородской губернии: такие села, как Работки, Мурашкино и Княгинино, притягивали к себе тысячи продавцов и покупателей. Здесь были очень распространены речные промыслы: постройка барок, сплавные работы, бурлачество. Также распространена была кожевенная и деревообделочная промышленность [2].

Крупнейшим центром растущих товарно-денежных отношений был горнозаводский район Приуралья. Возникновение на этой территории крупных дворянских и купеческих предприятий втягивало деревню в развитие обмена. «Хозяйственное описание Пермской губернии» 1802—1803 годов отмечает среди местных крестьян большое количество кожевников, овчинников, сапожников, кузнецов, кадушников, колесников и других ремесленников, которые занимались промыслами в дополнение к земледелию. Из Пермской губернии крестьяне направлялись нередко в отдаленные районы: в Тобольскую и Архангельскую губернии — за рыбой, в Вологодскую — на промысел точильного камня, в

---

[1] Цифровые подсчеты произведены на основании таблиц и ведомостей, помещенных в «Материалах по истории крестьянской промышленности», т. II, стр. 233—268, 339—355 (рукопись в Институте истории Академии Наук СССР).

[2] Георги, О побочных крестьянских работах (Продолжение Трудов ВЭО. 1783, стр. 100—172). Рычков, капитан. Журнал, или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства 1769 и 1770 гг., СПб, 1770, стр. 42—43, 58, 167—168. В. И. Снежневский, Опись делам Нижегородского наместнического правления за 1790—1797 гг. (Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Сборник статей и пр. т. III, Нижн.-Новг., 1898, стр. 2); В. Н. Бочкарев, Экономический строй и социальная структура Нижегородского края средины XVIII в. (Труды Нижегородского научного общества по изучению местного края, т. I, Нижн.-Новг., 1926, стр. 17—20, 25—27). Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ив. Лепехина 1768 и 1769 гг. СПб, 1771, стр. 90—91.

Вятскую — за хлебом и льном, в Казанскую — за рыбой и съестными припасами, в Оренбургскую — за рыбной икрой и бухарскими товарами. Немало крестьян нанимались для сплава соли и разных металлов, которые перевозились из горнозаводских районов во внутренние губернии [1].

В известной мере развитие промышленности захватило и Северное Поморье. Здесь, на берегах Онежского и Белого озер, путешественники конца XVIII века наблюдали широкое распространение рыбного промысла и большое количество ремесленников различных отраслей производства. Школьный товарищ Радищева П. И. Челищев, путешествуя в 1791 году по северу, нашел в Белозерском уезде, в районе казенных деревень, тысячи семейств, которые могли поддерживать свое существование только дополнительными заработками. Жившие вдали от озер вязали сети, делали посуду и барки, ездили лоцманами и работниками на судах, наконец, использовали густые леса Поморского края, приготовляя золу и поташ, подвозя дрова на стеклянные заводы, поставляя крупный строевой и мелкий лес [2]. В районе Архангельского уезда академик Лепехин нашел в 1772 году чрезвычайно искусное тканье полотен и резьбу по дереву, которые были связаны с рынком [3].

Торговля и промышленность, по данным анкетных обследований конца XVIII века, были распространены и в центральном черноземном районе. Описание Воронежской губернии, обработанное Б. Д. Грековым, свидетельствует о большом экономическом оживлении, которое переживал этот район в связи с повышающимся спросом на хлеб. Однодворцы и экономические крестьяне, наряду с помещичьими крепостными, усиленно торговали здесь хлебом, мясом, скотом и рыбою, изготовляли яловочные и бараньи кожи, делали медную и железную посуду, широко занимались извозом. Уже в этот период крестьяне нередко брали на себя подряды и поставки; само правительство заключало с казенными селами торговые условия на поставку хлеба [4].

Там, где развивалась торговля и промышленность, менялись хозяйственный и бытовой уклад крестьянской жизни. Еще В. Семевский, на основании имевшихся у него данных, выяснил, насколько отличались крестьяне промышленной Ярославской губернии от своих соседей по условиям своего домашнего обихода в конце XVIII века. Здесь можно было увидеть чистые и хорошо обставленные избы, кожаную обувь вместо лаптей, покупные товары наряду с самодельной утварью. То же

[1] Хозяйственное описание Пермской губернии, ч. II, СПб, 1804, стр. 237, 367—368.

[2] П. И. Челищев, Путешествие по северу России в 1791 году, СПб, 1886, стр. 19—20, 240—241; Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в., т. I, М.— Л., 1935, стр. 217.

[3] Путешествие академика Ивана Лепехина в 1772 году, ч. IV СПб, 1805, стр. 4—5, 438—448.

[4] Б. Д. Греков, Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII столетия. («Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—1928 гг.», XXXV, Л., 1929)

явление можно было наблюдать в промышленном Приуралье: районы горных заводов славились лучшей, модной крестьянской одеждой; крестьяне Невьянского и Нижне-Тагильского заводов умели лучше всего вышивать шелком и золотом, изготовлять кокошники и другие предметы праздничной одежды. В районах торговых и промышленных начинала подрываться и старая патриархальная психология; там, где крестьяне тысячами уходили на заработки, не могли сохраниться устойчивые и привычные вековые обычаи [1].

Сведения о количестве полученных паспортов дают нам приблизительное представление о размерах крестьянского отхода. По данным Казенных палат, в 1826 году было выдано крестьянам (кроме удельных) 574 тысячи паспортов; по крайней мере, треть этой цифры может быть отнесена к казенной деревне. Особенно большое развитие отхода мы встречаем в Ярославской, Владимирской, Нижегородской, Московской, Рязанской и Калужской губерниях, т. е. в северной нечерноземной полосе, сильнее всего захваченной развитием денежного хозяйства [2].

С ростом торговли и промышленности был неразрывно связан процесс расслоения крестьянства. Характеризуя денежную форму капиталистической ренты, Маркс отмечает, что период ее господства есть в то же время период начинающейся дифференциации мелких производителей: «...превращение натуральной ренты в денежную ренту не только необходимо сопровождается, но даже антиципируется образованием класса неимущих и нанимающихся за деньги батраков. Поэтому в период возникновения этого нового класса, когда он выступает еще лишь спорадически, у обязанных к платежу ренты крестьян, находящихся в лучшем положении, необходимо развивается обыкновение эксплоатировать сельских наемных рабочих за собственный счет» [3].

Расслоение государственных крестьян в XVIII веке было указано еще в работах В. Семевского: он обратил внимание на выделение богатых и бедных слоев среди однодворцев южных окраин, черносошных крестьян Северного Поморья и в Сибири. Семевский объяснял этот рост имущественного неравенства отсутствием общинного землевладения и торжества частной собственности на землю[4]. Однако диффе-

[1] В. Семевский, Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII века. «Устои», 1882, № 1, стр. 126—127; № 2, стр. 77—89, 119—121.

[2] В Ярославской губернии было выдано 45 503 паспорта, во Владимирской губерния — 45 089 паспортов, в Нижегородской губернии — 41 812 пасп., в Московской губ.— 39 275 паспортов, в Рязанской губернии — 36 431 паспорт, в Калужской губернии — 34 346 паспортов (ЦАВП, ф. ГС К 28, № 1, л. 124—128); об отходе во второй половине XVIII в. см. Т. Шатилова, Работные люди в свете депутатских наказов 1767 года, «Архив истории труда в России», кн. 8, П., 1924, стр. 121.

К. Маркс, Капитал, т. III, изд. 8, 1936, стр. 703.

[4] В. Семевский, Казенные крестьяне в царствование Екатерины II, РС, 1879, № 1, стр. 29—32; № 2, стр. 264—265; № 3, стр. 393; № 4, стр. 636-638; В. Семевский, Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. II, СПб, 1901, стр. 697, 699, 731.

ренциация государственной, так же как и помещичьей, деревни наблюдалась одновременно в различных районах России. Мы имеем разнообразные источники, которые характеризуют этот повсеместный и сложный процесс крестьянской жизни.

В начале XIX столетия сенаторы Неплюев и Фонвизин, ревизовавшие Воронежскую губернию, указывали «на неравномерное состояние поселян, у коих одни преимуществуют числом земли перед другими, одни имеют промыслы и извозы, другие — никаких; иные, сидя на дурном грунте, хотя и довольны землей, но по дурному ее свойству не имеют надлежащего числа пашенной» [1]. О том же явлении, наблюдавшемся в различных уездах Воронежской губернии, говорит нам анкетное обследование XVIII века. Из среды разбогатевших крестьян и в частности, одноДворцев выходили новые купцы, которые оттесняли старых. Бедные крестьяне нанимались к прожиточным за вольную плату[2]. Аналогичные данные мы имеем о горнозаводских районах Урала: и здесь, в связи с ростом торговли и промыслов, выделялись богатые крестьяне, которые засевали большие земельные участки в 30 десятин и выше, имели много скота, до 10—20 лошадей и 10—15 дойных коров, разводили птицу, занимались пчеловодством, держали мельницы, нанимали годовых работников. Такие крестьяне, судя по «Хозяйственному описанию Пермской губернии» 1802—1803 годов, продавали избыток своего хлеба, зимой отправляли своих лошадей на возку руды и металлов, перевозили купеческие клади, перебрасывали на заводские горжки закупленные в Екатеринбурге мясо и рыбу. Некоторые крестьяне наживали на этой торговле тысячи рублей капитала [3]. В противовес этим верхним, поднимающимся слоям крестьянства, правительство констатировало в районе частных горных заводов известное число горнозаводских рабочих из числа обедневших государственных крестьян, которые «с давних и даже незапамятных времен живут... с семьями, без всяких видов обзавестись собственными домами и хозяйством... предки их всегда упражнялись в горнозаводских работах и мастерствах» [4]. Таким образом, приуральская деревня заметно расслаивалась, выделяя из своей среды, с одной стороны, мелкую буржуазию, с другой, полупролетариев, почти оторванных от земли и вынужденных продавать свою рабочую силу.

О Слободской Украине мы имеем свидетельство помещика Маркова, который в 1829 году обращал внимание Н. С. Мордвинова на значительное неравенство в состоянии крестьян казенной деревни: «Мно-

[1] ПСЗ, XXVI, 19162.

[2] Б. Д. Греков, Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII столетия. («Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—1928 гг.», в. XXXV, Л., 1929, стр. 97, 103)

[3] Хозяйственное описание Пермской губернии, ч. II, СПб, 1804, стр. 119, 236—237, 241.

[4] ВПСЗ, X, 8095.

гие крестьяне остались без земли, а другие имеют много... те, кои, лишась до сих пор своих участков, давно не имеют никакого хозяйства и снискивают себе пропитание заработками у богатых» [1].

О процессе расслоения говорят нам статистические данные о государственных крестьянах, перешедших в купечество и мещанство. По сведениям Казенных палат, было перечислено из сословия государственных крестьян:

	В 1834 году	В 1835 году	В 1836 году
В купцы	431	1 192	1 016
В мещане	837	2 987	2 373 [2]

Эти сведения далеко не полно характеризуют социальные сдвиги, наблюдавшиеся в казенной деревне: очень многие торгующие крестьяне так же, как и многие фабриканты и заводчики из среды государственных крестьян, предпочитали попрежнему оставаться в поселянском звании. Кроме того, зажиточная деревенская верхушка не только занималась торговлей и промыслами, но и развивала самостоятельное сельское хозяйство. На основании закона 1801 года государственные крестьяне имели право приобретать ненаселенные земли в частную собственность. По подсчету Министерства государственных имуществ, к 1836 году в 25 губерниях России этим законом воспользовалось 130.607 душ государственных крестьян, которые приобрели в свои руки 722.570 десятин земли. Особенно много приобретателей было, с одной стороны, в Саратовской и Самарской, с другой — в Полтавской губерниях, т. е. в районах Заволжья, где земли было много и где она стоила сравнительно дешево, и в перенаселенном черноземном районе, где ощущался острый земельный голод. Средний губернский размер приобретений поднимался до 32 десятин (в Оренбургской губернии) [3]. Это было новое, свободное землевладение, которое становилось источником буржуазного накопления и разлагало устои феодально-крепостного хозяйства.

Мы имеем немало указаний, как использовали свои хозяйственные преимущества богатые государственные крестьяне. Анонимный автор записки «О казенных крестьянах в Новороссийском крае» (1836 год) так характеризует взаимные отношения между богатыми и бедняками в начале XIX века: «Они (богачи) захватывают и лучшие и ближайшие участки земли и содержат своих бедных собратий в совершенном себе порабощении. Не находя противу их покровительства и защиты, они лишены вовсе способов производить собственные посевы, размножать свой скот и даже распоряжать временем для своих полевых работ, быв обязаны заниматься таковыми по долговым претензиям, преимущественно у богатых» [4]. Яркую картину экономической зависимо-

---

[1] Архив Мордвиновых т. VII, СПб., 1888, стр. 291—293.

[2] ЦАНХ, ф. V О., 1841 г., № 26671, л. 7.

[3] В. Вешняков, Крестьяне-собственники в России, СПб. 1858, стр. 7.

[4] ЦАНХ, ф. V О., № 26428/1, лл. 112—115.

ия бедных крестьян от богатых дает нам в своей записке 1823 года калужский прокурор Корнилевский. Он утверждает, что богатеи кабалили разорившихся хозяев, превращая их в потомственных зависимых работников. «Так называемая кабала нередко переходит от деда к сыну и падает на внука. Не имея средств к поправлению, они находятся в вечном рабстве. Содержание, одежда, оплачивание податей производится от того, у кого они живут, и выставляется все в такую цену, которую они никогда не в состоянии заработать. Часто, когда не нравится жить или видеть себе большее стеснение, будучи подговорен кем, он переходит к другому. Новый хозяин платит старому весь долг, назначает почти произвольную плату, и он снова лишается надежды быть свободным... Можно утвердительно сказать, что зло сие, распространяясь час от часу более, делает большее влияние на бедность крестьян. Богатые угнетают бедных и изыскивают все способы, чтобы завлечь их к себе в долги» [1].

Правительство тоже не отрицало этого явления и даже пыталось изыскать выход из создавшегося положения. Министр финансов Канкрин в 1831 году решительно возражал против предоставления права крестьянам сдавать свои наделы односельчанам. Он утверждал, что результатом такого явления всегда были праздность и перекупка земель, «причем хозяева делались бобылями перекупщиков и обращались в работников на собственных своих участках» [2].

Но у государственной власти не было единой и последовательной политики в этом вопросе. Нуждаясь в финансовых средствах и заинтересованное в поднятии сельскохозяйственных доходов, дворянское государство систематически поддерживало зажиточную верхушку деревни. Законом 1830 года было разрешено отводить желающим государственным крестьянам небольшие участки общественной земли (от 1 до 3 десятин) для разведения фруктовых и виноградных садов, туговых рощ, огородов, красильных растений, ворсильных шишек и т. п. без всякого платежа казне или мирскому обществу. Такие же участки, но при условии уплаты оброка, могли предоставляться под устройство промышленных заведений: фабрик, заводов и мельниц. Закон явно ориентировался на зажиточные элементы казенной деревни, которые могли использовать получаемые участки для организации свободных капиталистических предприятий [3].

Правительство шло еще дальше в этом направлении. Моментами оно пыталось задержать и даже остановить процесс обеднения крестьянской массы, так как разорение деревни угрожало сокращением оброка и подушной подати; но там, где процесс расслоения подвинулся достаточно далеко и где образовалась устойчивая категория безземельных крестьян, правительство делало отсюда обратный практиче-

[1] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 22, лл. 52—53, 55.

[2] ЦАВП, ЖКМ, Генварь, 1832, ч. 1, Приложение, лл. 397—398

[3] ПСЗ, V, 3410.

ский вывод. Особым законом 1830 года оно разрешило в казенных старостинских и арендных имениях отдавать кутников (безземельных крестьян) в работники к зажиточным хозяевам, ибо кутники, «не имея никакого хозяйства и ведя жизнь праздную, служат отягощением для общества». Таким образом, государственная власть не только признавала, но и закрепляла расслоение крестьянской массы на кулацкую верхушку и безземельных батраков [1].

8. Изменения в правовом положении крестьян

Развитие торговли и промышленности имело многообразные хозяйственные и юридические последствия для государственной деревни. Втягиваясь в торговлю не только в районе своего жительства, но и в пределах целой губернии, иногда переезжая с товарами дальше — в города и столицы,— крестьяне мало считались с существующими запретительными законами. Они торговали не только съестными продуктами, но и другими товарами, вели не только розничную, но и оптовую торговлю. Сила экономических фактов разрушала феодальные сословные перегородки. Различными обходными и потаенными путями свободная крестьянская торговля просачивалась в поры феодального общества, и государство должно было считаться с этим неотвратимым явлением. Перед правительством возникла дилемма — или упорно и безнадежно противиться развитию крестьянской торговли, или признать и использовать это явление в собственных экономических интересах.

Уже Петр I указом 1711 года поставил и пробовал решить этот вопрос в соответствии с требованиями жизни: «Рассмотреть и ежели не будет какого препятствия, то позволить всякому чину торговать точию с такою же пошлиной, а вместо десятой деньги, по пропорции с торгов класть». На основе этого «высочайшего пункта» Правительствующий сенат объявил свободу торговли под условием платежа обыкновенной пошлины [2]. Но против подобного принципа выступило купеческое сословие, которое видело в помещичьих и государственных крестьянах нежелательных и опасных конкурентов. Последовали новые запретительные указы и началась продолжительная борьба между стихийным экономическим процессом и не соответствовавшими ему правовыми нормами. Крестьянская торговля продолжала расти так же, как продолжалось развитие крестьянских «безуказных» промыслов. Правительство сначала преследовало потаенную торговлю и незаконно открытые предприятия, но затем вынуждено было пойти на капитуляцию под давлением казенных и помещичьих интересов: наличие торгующих и промышляющих крестьян означало прогрессирующий рост и феодальной ренты, и государственных налогов. Мало-помалу стали отменяться прежние запрещения, и государственные крестьяне, наряду с

[1] ВПСЗ, V, 4148.

[2] ПСЗ, IV, 2349, 2433.

крестьянами помещичьими и дворцовыми, стали приобретать законное право на ведение торга и на открытие промыслов.

Законом 1745 года крестьянская торговля была разрешена, но ограничена только «знатными селами и деревнями, состоящими по большим дорогам и не в ближнем от городов расстоянии». Торговля должна была вестись определенными товарами, которые отвечали сельским потребностям: сохами, серпами, косами, топорами, сермяжными сукнами, овчинными шубами, холстинными рубахами и портами, телегами, дровнями и т. д. Все эти ограничения устанавливались с определенной целью — «дабы купечеству обиды и в торгах их умаления не было» [1].

Таможенный устав 1755 года расширил эти ограниченные рамки — он разрешил крестьянам беспрепятственно торговать привозным хлебом и другими съестными продуктами [2], а уставы столичных городов Петербурга и Москвы (1798—1799 годов) пошли еще дальше — они допустили розничную торговлю крестьян в столицах «съестными и прочими припасами» [3]. Мало-помалу строгие запрещения сменились обратными предписаниями — не чинить препятствий торгующим крестьянам в торговле хлебом и другими продуктами, которую дозволить производить и оптом, и в розницу [4]. Манифест 1801 года разрешил крестьянам свободную торговлю «с заморскими странами» [5]. Законом 1808 года было разрешено в Москве и Петербурге не только вести мелочную торговлю, но и открывать различные торговые заведения: блинные, хлебные, калашные, булочные, колбасные избы, харчевни и постоялые дворы, лавки для продажи карет, колясок и других летних экипажей [6]. Наконец, в 1812 году было разрешено торговать сельскими продуктами беспошлинно, а всеми остальными товарами — под условием взятия торговых свидетельств [7].

В 1814 году было опубликовано постановление Государственного совета о разрешении производить торговлю на ярмарках всем состояниям людей. Мотивируя этот закон, правительство торжественно осудило стеснения, которые чинились крестьянам, приезжающим на Макарьевскую ярмарку: «Если воспретить всем сим торговцам обороты их, то не токмо ярмарка не принесет и десятой части дохода противу прежнего, но и заведенный тамо весьма обширный гостиный двор год от году упадать станет» [8].

Наконец, указом 1815 года было объявлено о праве крестьян вести

---

[1] ПСЗ, XII, 9201.
[2] ПСЗ, XIV, 1048.
[3] ПСЗ, XXV, 18663, 18822 (о других городах — закон 1810 г.: ПСЗ, XXXI, 24453).
[4] ПСЗ, XXVI, 19943.
[5] ПСЗ, XXVI, 19812.
[6] ПСЗ, XXIX, 22030 (дополн. XXX, 23054).
[7] ПСЗ, XXXII, 25302.
[8] ПСЗ, XXXII, 25594.

розничную торговлю не только в собственной губернии, но и во всех других губерниях [1]. Все эти меры, расширявшие торговые права крестьянства, нашли себе обобщение в манифесте 1824 года о «значительном понижении платимых торговыми классами повинностей» — в целях «поощрения торговли, мануфактур и всякого рода промышленности» [2]. IX глава этого закона была специально посвящена торгующим крестьянам, которые разделялись на 6 категорий в соответствии с объявленным капиталом и выбираемыми торговыми свидетельствами. При этом крупные капиталисты из крестьян получали купеческие права I и II гильдий, в частности, право оптовой торговли и устройства крупных промышленных предприятий; остальные торговцы из крестьян приобретали права или купцов III гильдии, или торговых мещан, или посадских, или «мелочных» торговцев. Правда, крестьянам, в зависимости от той или иной категории, не присваивались личные права купцов I и II гильдий, но в отношении торговли они уравнивались с купцами, если не считать некоторого повышения торговых пошлин. Указом 1827 года было устранено и это неравенство: стоимость крестьянских свидетельств была уравнена с ценностью купеческих [3]. Параллельно общему расширению торговых прав, крестьянам была предоставлена возможность открывать сначала портерные лавочки (Уставом о питейном сборе 1817 года), а затем Положением 1823 года — трактиры в казенных селениях [4].

Одновременно расширились и промысловые права государственных крестьян. Указ 17 марта 1775 года возвестил о праве «всем и каждому заводить станы и рукоделья, не требуя на то дозволения», а указ 1818 года разрешил крестьянам казенным, удельным и помещичьим учреждать фабрики и заводы при условии уплаты пошлин и согласия со стороны начальства [5]. В 1806 году крестьяне получили право строить мореходные суда [6]. Позднее, в 1826 году, им было дано новое право — открывать в селениях фабрики, не выбирая торговых свидетельств [7].

Торговые и промысловые права, данные крестьянам, должны были повлечь за собой расширение прав обязательственных. Силою обычая за крестьянами было закреплено право участвовать в подрядах, которыми не интересовалось купечество (на исправление печей, на очищение от нечистот и пр.). В 1811 году этот обычай был санкционирован специальным законом [8]. В 1810—12 годах крестьяне были допущены

---

[1] ПСЗ, XXXIII, 25856.
[2] ПСЗ, XXXIX, 30115.
[3] ВПСЗ, II, 1631.
[4] ПСЗ, XXXIV, 26764; XXXVIII, 29187 (ср. XXXIX, 30169).
[5] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 11, л. 4; ПСЗ, XXXV, 27600
[6] ПСЗ, XXIX, 22315.
[7] ВПСЗ, I, 458.
[8] ПСЗ, XXX, 24777.

торгам на содержание почтовых станций, а позднее, в 1823 году, было установлено право крестьянских обществ брать на себя подряды и поставки, не предъявляя денежного залога [1]. Наконец, законом 1825 года за государственными крестьянами было признано чрезвычайно важное право — давать и получать денежные обязательства. В мотивировке этого закона был приведен подробный очерк расширения экономических прав крестьян — в целях «распространения земледелия и торговли». Прослеживая этапы данного процесса, министр финансов приходил к выводу, что при наличии разнообразных коммерческих сделок, разрешенных государственным крестьянам, «получение обязательств и выдача оных сделалась для поселян казенного ведомства необходимыми» [2].

Предметом товарного оборота становилась также недвижимая земельная собственность. Сами помещики были заинтересованы в том, чтобы иметь возможность продать свою землю и обеспечить на нее достаточно широкий спрос, а следовательно, и высокие цены. Уже законами 1766 и 1788 годов казенные крестьяне приобрели право покупать «у помещиков по смежности малые деревни». Такая покупка могла происходить с разрешения Казенных палат по определенной таксе — 30 рублей за душу [3]. В 1801 году под непосредственным давлением товарного оборота был издан новый закон, имевший большое принципиальное значение. Государственные крестьяне, наряду с купцами и мещанами, получили право покупать земли, не населенные крестьянами. Дополнительное узаконение 1817 года подтвердило право приобретателей продавать, закладывать и переуступать всякими способами эти купленные участки [4]. Наконец, в 1823 году право покупки земель было присвоено крестьянским обществам, как юридическим лицам [5].

Для иллюстрации всего этого процесса характерен также закон 1802 года, который распространил на податные сословия, в частности на государственных крестьян, установленное Жалованной грамотой дворянству, право законных наследников получать имущество после осужденного преступника [6].

В условиях развивающегося товарно-денежного оборота крестьянам государственным, так же как удельным и помещичьим, приходилось чаще передвигаться с места на место: переезжать из губернии в губернию, переселяться для торговли и промыслов в города — уездные, губернские и даже столичные. Государственная власть должна была считаться с этим явлением и создавать юридические условия для более свободного передвижения по территории страны. Огромное количество

[1] ПСЗ, XXXI, 24428; XXXII, 25159; XXXVIII, 29685.
[2] ПСЗ, XL, 30585 (ср. ПСЗ, XXXII, 25731).
[3] ПСЗ, XXIII, 16813, 16821.
[4] ПСЗ, XXVI, 20075; XXXIV, 26649.
[5] ПСЗ, XXXVIII, 29338.
[6] ПСЗ, XXVII, 20256.

отлучающихся для торговли «и по разным надобностям», как выразился указ 1826 года, заставило правительство ограничить практиковавшиеся аресты и ссылки в Сибирь крестьян, отлучающихся без паспортов [1]. Самая практика выдачи паспортов должна была измениться: наряду с долгосрочными паспортами (на срок 1, 2, 3 года) были установлены паспорта полугодовые, а впоследствии особые билеты — месячные, двухмесячные и трехмесячные — на случай кратковременной отлучки. Было даже разрешено крестьянам отлучаться, в случае необходимости, не далее 30 верст от места своего жительства без всякого удостоверения личности [2].

Развитие торговли и промышленности привело к более частому переходу государственных крестьян в другие сословия. Крестьяне забрасывали земледелие и, занявшись промыслами или торговлей, подавали заявления о перечислении их в мещане или купцы. Нередко вследствие ограничительных постановлений закона, разрешение такого перехода сильно затягивалось; кроме того, в каждом отдельном случае требовалось специальное постановление Правительствующего сената. Указом 1824 года было предписано производить перечисление государственных крестьян в другие сословия непосредственным распоряжением Казенной палаты. Законодатель мотивировал необходимость этой меры интересами государственных крестьян — чтобы избежать «вредной для их благосостояния остановки» и «самого оскудения их капиталов, остающихся долгое время без оборота и употребления, а от сего естественного уменьшения казенных доходов» [3]. Через три года было разрешено подавать заявления о переходе в другие сословия не только по месту приписки, но и по месту, избранному для нового жительства [4].

Одновременно, в 1824 году, были отменены ограничительные правила о взыскании податей с перечисляемых по двум губерниям и по двум званиям — это значительно облегчило переход крестьян в другие сословия и переселение их с места на место [5]. Для менее зажиточных элементов оставались препятствия для перехода в виде наличия рекрутских очередей, но законом 1831 года было разрешено, при соблюдении определенных условий, переходить в купечество и мещанство государственным крестьянам, не отбывшим рекрутской очереди [6].

В конце 20-х и начале 30-х годов XIX столетия пали прежние стеснения, которые мешали переселению государственных крестьян в города. Допуская такие переезды и разрешая крестьянам иметь в горо-

---

[1] ЦАВП, ф., ГС К 28, № 11, лл. 67—68

[2] Там же, лл. 72, 94—97.
ПСЗ, XXXIX, 29846.

[3] ВПСЗ, II, 1123.

[4] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 11, лл. 21—22. Раньше подати взимались и по [illegible], и по новому месту жительства, и по прежнему, и по новому званию — до [illegible] течения года.

[5] ВПСЗ, VI, 4938.

дах недвижимую собственность, правительство признавало, что это «будет полезно, сколько для самих крестьян, представляя им новые способы к выгодному употреблению их собственности и к расширению круга их промышленности, столько и для городов, наипаче уездных, которых благосостояние может улучшиться умножением народонаселения и облегчением жителей в исправлении повинностей» [1]. Переселяясь в города, государственные крестьяне могли не представлять никаких удостоверений о том, что они «приобыкли к промыслу», что они имеют в городе обзаведение и что их земля «не останется впусте». Им разрешалось переселяться даже в том случае, если это влекло за собой раздробление крестьянского семейства, лишь бы было получено согласие общества и были обеспечены средства для пропитания остающихся в деревне. Взамен трехгодичной подати или залога, который требовалось внести по старому закону, крестьянам разрешалось ограничиться годичной податью и быть одобренными в благонадежности домохозяевами города [2].

Если мы прибавим, что уже в 1782 году были отменены выводные деньги за невест, выходящих замуж из казенных селений,— этот пережиток архаического феодального права,— то, учитывая все происшедшие изменения, мы должны сделать вывод, что в условиях развивавшихся капиталистических отношений государственные крестьяне все более и более освобождались от прежних феодальных ограничений [3].

Сепаратные нормы второй половины XVIII и первой трети XIX веков нашли себе систематизацию и обобщение в IX томе Свода законов, изданном в 1832 году. М. М. Сперанский привел в порядок и изложил в логической последовательности гражданские права государственных крестьян, а особое примечание к 390-й статье IX тома закрепило за ними почетное звание «свободных сельских обывателей» [4].

Тем не менее, отмена прежних ограничений не ликвидировала феодально зависимого положения государственных крестьян. Попрежнему они были сильно стеснены в праве семейных разделов; попрежнему они состояли в неполноправном податном сословии; попрежнему, несмотря на оговорки Свода законов, самая принадлежность к сословию «свободных обывателей» не была твердо закреплена за каждым крестьянином. Когда в 1837 году Киселев комментировал исторический очерк о правах государственных крестьян, он приходил к печальному выводу, что, несмотря на значительный объем этих прав, не меньших, чем в Австрии и Пруссии, гражданское состояние крестьян, законами установленное, недостаточно «уверительно» [5].

[1] ВПСЗ, II, 1559.
[2] ВПСЗ, VII, 5842.
[3] ПСЗ, XXI, 15468.
[4] ЦАВИ, ф. ГС. Секретного и Главного Комитетов, № 145, л. 4 и след.; Свод Законов Российской Империи, т. IX, СПб, 1832, стр. 121—167.
[5] ЦАНХ, ф. V О., № 26421 (52), лл. 61—64

9. Наступление дворянства на казенную деревню

Одновременно с процессом постепенной отмены феодально-сословных ограничений, мы наблюдаем в этот период обратный процесс — ухудшения экономического положения государственной деревни. Развитие товарно-денежных отношений способствовало росту помещичьего хозяйства. Во второй половине XVIII столетия, особенно после манифеста 1762 года о вольности дворянства, многие помещики начали оседать на землю и в условиях развивающегося хлебного сбыта стали расширять свои барские запашки. Земля, особенно в плодородной черноземной полосе, приобрела высокую денежную ценность. Началась настоящая лихорадочная охота за земельными угодьями. Сильные землевладельцы захватывали участки более слабых соседей, вторгались на территорию казенных имений и вступали друг с другом в продолжительные судебные тяжбы. Правительство пыталось остановить эту обостряющуюся борьбу: заваленное земельными исками, бессильное распутать усложняющиеся и неразрешимые споры, оно сосредоточило свои усилия на генеральном межевании земель, стараясь установить незыблемые границы казенных и частных владений.

Но самая процедура земельного межевания в условиях дворянского крепостнического государства приобрела ярко выраженный классовый характер. Обыкновенно капитан-исправники, губернаторы и землемеры открыто потакали требованиям местного дворянства. Всеми правдами и неправдами землевладельческое сословие стремилось использовать начавшееся межевание, чтобы расширить пределы своих угодий [1].

С неменьшей остротой вставал перед хозяйствующими помещиками вопрос о рабочей силе. Обедневшие однодворцы, панцырные бояры, ясачные татары и черносошные крестьяне в противоположных концах России подвергались насильственному или полулегальному закрепощению. Правительство должно было вмешиваться в этот стихийно развертывающийся процесс и на основании судебных исков освобождать государственных крестьян, незаконно закрепощенных за дворянскими имениями [2].

Вторая половина XVIII века и первая треть XIX века отмечены систематическим и все усиливающимся наступлением господствующего сословия на казенную деревню. Особенно наглядно вырисовывается перед нами процесс помещичьего присвоения казенных земель. Если

---

[1] О трудностях и злоупотреблениях, сопровождавших размежевание казенных и частных угодий см.: ЦАВП, ф. ГС К 28, № 11, лл. 49, 73; ЦАНХ, ф. V О., № 26474, л. 16; ПСЗ, XXV, 18322; XXVII, 20918; XXIX, 22359; ВПСЗ, IV, 2617. Яркую картину тех же явлений дает А. Т. Болотов. Записки, СПб, 1873, т. III, стр. 210—334; т. IV, стр. 383—490.

[2] Случаи закрепощения государственных крестьян наблюдались с 20-х годов XVIII века: ПСЗ, VII, 4218, 4563; VIII, 5358; XII, 9106; В. И. Семевский, Казенные крестьяне в царствование Екатерины II, РС, 1879, № 5.

мы пересмотрим наказы депутатов Екатерининской комиссии 1767 года и прислушаемся к прениям на заседаниях комиссии, то встретим многочисленные жалобы различных категорий государственных крестьян. Однодворцы и пахотные солдаты южных окраин, черносошные крестьяне северных и центральных губерний, служилые мурзы и татары среднего Поволжья одинаково жаловались на насильственные захваты их земельных наделов со стороны частных владельцев [1].

«Экстракт о монашеском и священном чине», представленный в 1772 году полковником Свечиным, рисует нам такую же картину захватов татарских земель на территории Поволжья [2].

По преимуществу, захваты казенной земли практиковались в черноземной полосе, в районах Тульской, Рязанской, Тамбовской и Пензенской губерний, на территории Поволжья и Приуралья. Но захваты были и в менее плодородных районах — в Московской и Калужской губерниях. Захватчиками казенной земли выступали главным образом дворяне-помещики, но наказы Екатерининской комиссии обвиняли также заводчиков, владевших горными предприятиями, чиновников, которые пользовались своим положением властных администраторов, а в губерниях северного Поволжья — купцов и посадских.

В первой трети XIX столетия мы знакомимся с тем же процессом на основании данных сенаторских ревизий и жалоб потерпевших крестьян. И здесь выступают на первый план преимущественно черноземные районы: губернии Курская, Орловская, Харьковская, Таврическая; но имели место захваты и в промышленной полосе, в губерниях Костромской, Ярославской, Калужской и других [3].

Размеры отдельных захватов были очень значительны. Как видно из наказа однодворцев Одоевского уезда, селение Левенское потеряло 628 четвертей земли, присвоенных соседними помещиками-дворянами. В конце XVIII века казенное селение Клетино Мещевского уезда Калужской губернии потеряло 5 тысяч десятин земли, тоже захваченных соседними помещиками. В 1837 году в Орловской губернии было зарегистрировано 5 167 десятин казенной земли, насильственно занятой помещиками. В Новоместном повете, Малороссийской губернии, в конце XVIII века помещики захватили более 1 577 десятин зем-

[1] СРИО, т. 4, стр. 101, 113; т. 115, стр. 3, 19, 29, 35, 45, 53, 59, 61, 72, 78, 81, 84, 97, 120, 163, 167, 215, 323, 332, 339, 346, 353, 360, 367, 412, 425, 443, 448, 520; т. 144, стр. 415. Ср. В. Бочкарев, Земельные нужды русской деревни по крестьянским наказам в Екатерининскую законодательную комиссию. («Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому», М., 1909); Б. Д. Греков, Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII столетия. («Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—1928 гг.,» в. XXXV, Л., 1929, стр. 79—80).

[2] «Пугачевщина», изд. Центрархива, М.— Л., 1929, стр. 16, 18—19.

[3] ЦАНХ, ф. V О., № 26425/II, лл. 80—81; № 26438, лл. 76, 138, 161—165, 195 220—221, 237, 248—249; № 26435 (9), л. 5; № 26450, лл. 13—16, 32; № 26485 (10) № 26437, л. 75, № 26485 (5), л. 27, № 26439, л. 128, № 26428/II, лл. 132—137 № 26411, л. 92.

ли; у села Путятина, Сапожковского уезда, Рязанской губернии, в 1821 году было захвачено 1 342 десятины и т. д. [1].

На почве земельных захватов возникали судебные тяжбы, которые продолжались целыми десятилетиями. Господствующее сословие прилагало все усилия, чтобы затянуть и ликвидировать начавшиеся процессы. Судебная практика Правительствующего сената была крайне пристрастна в данном вопросе. Земельные споры, начатые еще в XVIII веке, обыкновенно кончались в XIX столетии судебными решениями в пользу помещиков. От крестьянских деревень уже на основе легального титула отмежевывались сотни и тысячи десятин земли. Бывали случаи, когда помещики выигрывали процессы и закрепляли за собой захваченные владения на основании закона о десятилетней давности. Другими словами, захватить казенную землю и владеть ею в течение 10 лет без наличия судебного спора было достаточным поводом для законного приращения собственного имущества. Но часто дело не доходило до судебного спора. Государственные крестьяне, поголовно неграмотные и плохо разбиравшиеся в действующих законах, пропускали время для вчинения судебного иска и теряли право на отстаивание своего земельного имущества. Органы местного управления государственными крестьянами равнодушно относились к охране государственной собственности и за определенную мзду мирволили явным и злостным захватчикам.

В 1824 году министры юстиции и финансов предложили Государственному совету установить годовой срок для внесудебного возвращения захваченной казенной земли. Но Государственный совет, состоявший из крупных землевладельцев, занял ярко выраженную классовую позицию: он согласился установить только десятинедельный срок — слишком короткий и заведомо недостаточный для восстановления нарушенного права казны как землевладельца [2].

Одной из замаскированных форм присвоения государственных земель являлась передача казенных оброчных статей в потомственное вечное пользование без всякой переоброчки. Такие случаи были, например, зарегистрированы в Калужской и Астраханской губерниях, где местные администраторы присваивали и переуступали другим владельцам огромные земельные пространства.

Наряду с насильственными захватами, широко практиковалась полулегальная форма присвоения казенных земель. На территории Поморья и южных однодворческих селений обедневшие крестьяне продавали свои наделы односельчанам или посторонним лицам, преимуще-

---

[1] СРИО, т. 115, стр. 19—20; ЦАНХ, ф. V О., № 26438, л. 76; № 26439, л. 128; ЦАВП, ф. ДПИ, 1802 г., № 246; П. А. Шафранов, Казенный крестьянин Андриан Бугров и его замечания о домостроительстве казенных крестьян. («Исторические материалы из архива МГИ»), СПб, 1891, стр. 160.

[2] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 11, л. 18.

ЦАНХ, ф. V О., № 26441, л. 122; № 26185, л. 29.

ственно соседним помещикам. Государственная власть то запрещала подобные сделки, то колебалась и уступала под влиянием притязаний господствующего сословия. Межевая инструкция 1766 года признала и санкционировала захваты, сделанные на однодворческих землях; новые владельцы присвоили себе приобретенные участки и отделались уплатою несколько повышенного оброка [1].

Дворянство не удовлетворялось фактическими захватами: оно добивалось большего: легальной передачи в частные руки и казенных земель, и казенных крестьян. Такие требования раздавались уже в Екатерининской комиссии 1767 года, повторялись в разнообразных проектах и оказывали определенное давление на правительство. Под влиянием этого систематического нажима во второй половине XVIII века широко практиковались массовые раздачи государственного имущества отдельным помещикам. По подсчетам В. Семевского, Екатерина II пожаловала дворянам более 800 тыс. душ государственных крестьян обоего пола вместе с землей, находившейся в их пользовании. Павел I продолжал эту практику и в течение 4 лет своего царствования роздал 600 тысяч душ государственных крестьян обоего пола. Очень часто крестьянские души жаловались помещикам на очень важном условии — обеспечения каждого крестьянина 15-десятинной пропорцией земли. Если наличного количества земли нехватало, то производилась дополнительная нарезка не только в момент пожалования, но иногда значительно позже. Жаловались также ненаселенные земли. По количеству десятин эти пожалованные угодья были очень значительными. Екатерина подарила графу Орлову в Воронежской губернии 120 тысяч десятин земли, князю Вяземскому при разделе запорожских земель — 100 тысяч десятин; столько же получили князь Прозоровский и адмирал Мордвинов. При Павле I обер-шталмейстер Нарышкин получил 505 724 десятины земли в Саратовской и смежных губерниях. Пожалования в тысячу — пять тысяч десятин были обычным явлением. Александр I ограничился пятью пожалованиями населенных имений и торжественно объявил, что он «никому не даст крестьян и в этом отношении он не отступит от принятого им намерения» [2]. Но практика земельных пожалований продолжалась, даже усилилась и в царствование Александра, и при его преемниках. Государственной землей систематически расплачивались за службу с военными и гражданскими чиновниками. По данным Министерства государственных имуществ, количество лиц, получивших земельные пожалования, и количество десятин казенной земли, которые перешли в частные руки, характеризуются следующей таблицей:

[1] ПСЗ, XVII, 12659, гл. XIX, п. 3.

[2] В. Семевский, Раздача населенных имений при Екатерине II. «Отечественные Записки», 1877, август; В. Семевский, Пожалование казенных имений при имп. Павле I. РМ, 1882, декабрь.

Ведомость о всемилостивейших пожалованиях земель с 1804 года по 1836 год[1]

Год	Число лиц	Число десятин	Год	Число лиц	Число десятин
1804	2	6 500	1822	15	37 500
1805	3	10 000	1823	23	66 000
1807	3	13 000	1824	14	41 300
1808	4	2 950	1825	7	13 000
1809	5	27 000	1826	11	23 342
1810	3	5 300	1827	10	15 555
1811	1	1 000	1828	3	8 000
1812	2	4 171	1829	9	23 000
1814	4	7 576	1830	5	13 500
1815	2	3 000	1831	6	14 250
1816	12	32 130	1832	10	24 000
1817	10	40 418	1833	8	19 000
1818	25	85 000	1834	12	29 500
1819	31	73 500	1835	13	89 500
1820	42	118 500	1836	22	41 395
1821	51	143 637	Всего	368	1 032 524

Таким образом, за 33 года было вполне легально передано в частные руки более миллиона десятин государственной земли. Районами этих пожалований были преимущественно восточные и южные губернии, менее населенные, плодородные, нередко представлявшие собой девственную черноземную целину.

Несмотря на отмену пожалования ревизских душ, Александр I разрешил в 1810 году для поправления государственных финансов массовую продажу казенных имений и государственных крестьян[2]. Кроме того, владея отобранными церковными имуществами, правительство продолжало раздавать архиерейским домам и монастырям пожалования, хотя и в более ограниченном размере (от 30 до 60 десятин).

Окончательным итогом рассматриваемого процесса было закрепощение около полутора миллионов душ государственных крестьян и систематическое расхищение государственного земельного фонда. Потеря обработанных пахотных пространств соединялась с хищническим истреблением государственных лесов. Лесные казенные угодья не только захватывались, но и вырубались помещиками: так исчезали числившиеся на планах многие тысячи десятин прекрасного строевого леса и в северных, и в южных губерниях[4].

Таким образом, в условиях развивавшихся товарно-денежных отношений ясно обнаружились две противоборствующие тенденции: с одной стороны, происходил процесс медленной, но неуклонной ликвидации феодально-сословных ограничений, процесс стихийного «раскрепо

---

[1] ЦАНХ, ф. МГИ, I департамента, 1840 г., № 2511, л. 3.

[2] См. ниже, стр. 148—152.

[3] ПСЗ, XXV, 18591; XXXIX, 29942.

[4] ЦАНХ, ф. V О., № 26437, л. 11; № 26450, л. 108—109.

щения» феодально зависимого крестьянского сословия; с другой стороны, намечалась тенденция превращения государственных крестьян в помещичью собственность, переход их земельного обеспечения в дворянские руки, утрата феодально зависимым сословием тех относительных преимуществ, которыми отличался казенный крестьянин от крепостного раба.

10. Рост малоземелья и недоимочности

В условиях отсталой земледельческой техники и относительно слабого развития промышленности, расхищение земельного фонда должно было привести к прогрессирующему малоземелью казенной деревни. Уже в Комиссии 1767 года на недостаток земли жаловались депутаты различных районов — и северных поморских уездов, и восточных областей, и Поволжья, и Петербургской губернии [1]. Местная администрация в конце XVIII века и первой трети XIX столетия доносила центральной власти о растущем малоземелье в Псковской, Слободско-украинской и Воронежской губерниях. По заключению Слободско-украинского губернского правления, изложенному в записке 1801 года, при удовлетворении крестьян полагающейся 15-десятинной пропорцией, в губернии должно было оказаться 16 830 безземельных казенных крестьян [2]. Псковский губернатор маркиз Паулуччи во всеподданнейшей записке 1826 года подсчитывал, что, если исходить из закона о 8-десятинной пропорции, то в Псковской губернии следовало бы отвести на 71 тысячу ревизских душ 568 720 десятин земли. На самом деле крестьяне имели только 292 792 десятины, но и эта земля была разделена далеко не равномерно: многим нехватало и 3-х десятин на ревизскую душу. [3] Аналогичные сведения поступали от ревизующих сенаторов. Сенаторы Кушелев и Алексеев, обследовавшие в 1800 году Симбирскую губернию, сообщали: «Казенные крестьяне весьма малоземельны и так, что некоторые имеют ее не более 3-х десятин с сажениями, а другие по 4, 5, самые же изобильные — по 8 десятин, а когда последует и общая по губернии земель разверстка с присовокуплением оброчных пустошей, то и в то время не более достанется, как около 6 десятин на каждую ревизскую душу» [4].

В 1828 году Министерство финансов составило официальную ведомость о количестве земли у государственных крестьян, которая знакомит нас со степенью обнаружившегося малоземелья.

Сведения таблицы очень суммарны: она дает средние погубернские нормы и не показывает степени неравномерности земельного наделения

[1] В. Семевский, Казенные крестьяне в царствование Екатерины II, РС, 1879 № 1, стр. 26—27; В. Семевский, Крестьяне в царствование имп. Екатерины II т. II, СПб, 1901, стр. 633, 661—662, 664.

[2] ПСЗ, XXVIII, 21694.

[3] ЦАВП, Прилож. к ЖКМ, 1826, сентябрь, лл. 306—316

[4] ПСЗ, XXVI, 19500.

Ведомость о числе душ, о количестве владеемой казенными крестьянами земли и о том, поскольку оной причитается на каждую душу[1]

Губернии	Число душ по 7-й ревизии	Владеемой поселянами бесспорно удобной земли в десятинах	Из владеемой поселянами земли причитается на душу примерно десятин
Архангельская	56 898	3 949 607	более 60
Астраханская	15 998	316 001	» 19
Витебская	39 217	276 453	» 7
Владимирская	110 097	713 743	» 6
Вологодская	169 021	4 366 190	» 24
Волынская	10 526	371 683	» 25
Воронежская	412 970	3 307 159	» 8
Гродненская	35 917	191 662	» 5
Екатеринославская	141 621	1 416 265	» 10
Эстляндская	1 902	13 584	до 7
Иркутская	72 796	1 765 276	более 24
Кавказская	44 962	1 392 025	» 30
Казанская	359 482	2 824 429	до 8
Калужская	64 242	347 763	более 5
Киевская	45 320	149 597	» 4
Костромская	60 084	624 405	» 10
Курская	312 514	2 244 242	» 7
Минская	16 533	425 788	» 25
Могилевская	5 455	80 562	до 15
Московская	115 042	637 333	более 5
Нижегородская	76 694	643 378	» 8
Олонецкая	87 769	7 637 768	по 90
Оренбургская	317 729	8 731 411	до 27
Орловская	148 700	537 620	» 4
Пензенская	171 872	333 917	» 2
Пермская	285 382	4 230 218	» 25
Подольская	31 533	117 073	» 4
Полтавская	355 389	254 824	» 1
Псковская	70 940	347 430	» 5
Рязанская	133 230	496 800	» 4
Санкт-Петербургская	34 040	209 660	более 6
Саратовская	196 733	2 411 459	» 12
Симбирская	189 700	607 986	до 3
Слободско-Украинская	245 590	1 549 209	более 6
Смоленская	25 008	207 190	» 8
Таврическая	150 768	1 437 638	до 15
Тамбовская	252 281	1 093 665	» 4
Тверская	154 493	1 073 521	» 7
Тобольская	214 501	3 600 298	более 15
Тульская	66 909	169 029	до $2^1/_2$
Херсонская	50 473	878 230	более 15
Черниговская	229 585	232 148	» 1
Ярославская	89 202	473 425	» 5

в отдельных уездах, тем более в отдельных волостях и деревнях; она не учитывает также различных категорий крестьянства, более или менее снабженных землею. Самые итоговые нормы, повидимому, преувеличены: если мы сопоставим сведения псковского губернатора и сведения таблицы, то окажется, что фактическое положение вещей в казенной деревне было значительно тяжелее, чем рисуют министерские сводки. Тем не менее, прилагаемая таблица, несмотря на всю

[1] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 1, лл. 82—84.

приблизительность, должна правильно отражать взаимные отношения между отдельными губерниями. Оказывается, многоземельными губерниями оставались, по преимуществу, северные (Архангельская, Вологодская и Олонецкая), приуральские (Пермская и Оренбургская), средного Заволжья (Саратовская), Сибири и степного Юга. Эти окраины Европейской России еще не имели плотного населения: за исключением лесного Севера, это были колонизующиеся районы, сохранявшие значительные резервы свободной территории. Совершенно иное положение занимали центральные — черноземные и нечерноземные губернии, так же как губернии западные (за исключением Минской, Могилевской и Волынской). Даже эти преувеличенные официальные данные рисуют нам острое малоземелье государственных крестьян в Полтавской и Черниговской губерниях, где средний земельный надел составлял 1 десятину, в Тульской и Пензенской, где он поднимался до 2—2¼ десятин, наконец, в Симбирской, Тамбовской, Рязанской, Орловской и Киевской, где он равнялся 3—4 десятинам.

Если мы сопоставим эти цифры с подсчетами В. Семевского, которые относятся к землевладению экономических крестьян в период генерального межевания XVIII века, то увидим, насколько велики были темпы сокращения земельного обеспечения государственных крестьян: в 1781—95 годах экономические крестьяне Петербургской губернии имели в среднем 28 десятин на душу, в 1828 году у казенных крестьян той же губернии осталось 6 десятин на душу; в 1784—97 годах у экономических крестьян Нижегородской губернии было 19.7 десятин, а в 1828 году казенные крестьяне той же губернии владели 8 десятинами; в Орловской губернии это отношение составляло 15.2 : 4, в Псковской — 10 : 5, в Тамбовской — 8.8 : 4 и т. д.[1].

Правительство вполне понимало невыгодные стороны создавшегося положения: чем меньше становились крестьянские наделы, тем меньше были обеспечены государственные органы в получении подушной подати и оброчного дохода. Эту мысль наиболее ясно выразил псковский губернатор маркиз Паулуччи в той же записке 1826 года. Он указывал, что недостаток земли — основная причина крайней бедности крестьян Псковской губернии, а, следовательно, основная причина возрастающей из года в год недоимочности. Исходя из этих соображений, Паулуччи настаивал на дополнительном наделении крестьян землей за счет пустопорожних участков и оброчных статей[2].

В том же смысле высказывался несколько позже курский губернатор Муравьев: «...чрезвычайно малая пропорция земли для того посе[л]янина, который ничем другим не в состоянии заняться, кроме хлебо-

[1] Данное сопоставление, с известными оговорками, допустимо, так как экономические крестьяне в рассматриваемых губерниях составляли очень значительную [часть] в общей массе государственного крестьянства. В. И. Семевский, Крестьяне [в] царствование имп. Екатерины II, т. II, СПб, 1901, стр. 840—841.

[2] ЦАВИ, Прилож. к ЖКМ, 1826, сентябрь, лл. 309—316.

пашества, никак не может дать надежных способов не только исправно уплатить казенные повинности, но даже и содержать семейство и необходимо нужный для обрабатывания земли скот; и сии-то бедные поселяне увеличили в здешней губернии до чрезвычайной степени недоимку» [1].

Государственная власть еще в XVIII столетии пыталась пойти по пути, рекомендованному Паулуччи. Но пустопорожних участков во многих местах нехватало не только для 15-десятинной, но и для 8-десятинной нормы. Что касается оброчных статей, то местная администрация неохотно отдавала их в наделение государственным крестьянам. В 1801 году крестьяне различных губерний жаловались правительству, что его распоряжения на местах не исполняются и что с них берут оброчные деньги за дополнительно нарезанные участки [2].

Там, где были казенные леса, крестьяне самостоятельно или с разрешения местных властей расчищали лесные участки. Государство санкционировало эти расчистки и даже поощряло их своими распоряжениями. Но значительное сокращение казенных лесов, которое обнаружилось в начале XIX века, заставило правительство поставить вопрос более жестко. Разрешения на расчистки должны были даваться министром финансов на основании общественного приговора, вынесенного нуждающимся селением, и специального заключения Казенной палаты. Самый размер расчисток был очень ограничен: можно было расчищать не более одной десятины на душу, только в лесообильных губерниях и на участках, смежных с крестьянскими полями. Произвольные расчистки в казенных лесах были строжайше запрещены [3].

Растущее малоземелье, которое особенно сильно чувствовалось крестьянами черноземного центра, очень рано, еще в XVIII веке, поставило вопрос о необходимости переселения крестьян из малоземельных в многоземельные губернии. Первоначально у правительства не было никакого плана для разрешения этого вопроса. От случая к случаю оно производило переселение крестьян в Восточную Сибирь и причерноморские губернии; переселяемым давалось небольшое денежное пособие, а в местах нового водворения — временная льгота для уплаты податей и отбывания рекрутской повинности.

Но крестьяне переселялись и сами, без всякого поощрения и даже разрешения со стороны власти. И в XVII, и в XVIII, и в первой трети XIX столетий потоки «самовольных переселенцев» непрерывно направлялись в южные и восточные области. Крестьяне сплошь и рядом предпочитали не получать никакого разрешения: государство требовало от них не только предварительной уплаты всех недоимок, но и двойной уплаты всех денежных сборов вплоть до новой ревизии. Переселенцы обыкновенно оказывались в тяжелом положении: они не

---

[1] ЦАНХ, ф. V О., № 26448, лл. 28—29.

[2] ПСЗ, XXIV, 18256; XXVI, 19735, 20033; XXVII, 20655.
ПСЗ, XXVIII, 21679; XXXVII, 28497, 28793; ВПСЗ. I, 73; XII, 9841.

имели ясного представления о новых районах жительства, не получали никакой поддержки в пути, с трудом ориентировались в условиях новой жизни, нередко садились на чужие, уже освоенные земли, и не были в состоянии завести себе прочно налаженного хозяйства [1].

Министр внутренних дел в своем докладе 1805 года так характеризовал эту практику первоначальных переселений: «Быв произведены без надежного основания, без надзора за переселенцами, без всякого о них попечения и в пути, и на месте, при самой малой ссуде, не более 20 рублей на семейство составляющей и нередко до них не доходящей, большая часть людей сих пала жертвою терпений их, так что, если верно довольно общее заключение, то из 50 тысяч душ, в губернию Кавказскую посланных, не более 15 тысяч оставалось живых; да и те, как в сих, так и в других местах оставшиеся крестьяне от уныния и непривычки к обрабатыванию земли образом, свойственным ее почве, большею частью не достигли до порядочного состояния» [2].

На новых местах, которые обычно представляли собой незаселенные или малолюдные окраины, крестьянам угрожали разнообразные опасности от набегов соседних кочевых народов, от засухи, неожиданных и страшных эпидемий. Очень часто крестьяне оказывались неспособными, даже в условиях плодородной почвы и благоприятного климата, завести организованное земледелие. Нередко уцелевшие переселенцы в отчаянии снимались с места и возвращались на старые места разоренными и растерявшими почти все свое имущество.

В первые десятилетия XIX века, когда в казенной деревне обнаружилось острое малоземелье, переселенческая политика правительства стала более активной и планомерной. Этому повороту способствовали специальные доклады Сперанского, занимавшего должность сибирского генерал-губернатора, и позднее — министра финансов Канкрина, которого заботила растущая недоимочность казенной деревни. Сперанский настаивал на необходимости организованно переселять крестьян в сибирские деревни. Канкрин развивал ту же мысль, указывая на малоземелье и недостаток земли, которые обнаружились в Поволжье и Приуралье [3].

В 1823 году было опубликовано Положение Комитета министров о переселении казенных крестьян и о наделении их землею. Пересе-

[1] ПСЗ, XXI, 15177; XXII, 16135; XXIII, 17398; XXVI, 19639; XXVII, 20772, 20918; XXIX, 22015, 22254; XL (общ. прилож.), 21779$_2$; XXXII; 25150; XXXIV, 26944. Леонид Трефолев, Ростовские переселенцы, РА, 1896, № 1. Н. Петров. Переселение государственных крестьян в Сибирь в начале XIX в. «Труд в России», № 2, Л., 1924, стр. 110—116; В. Якушкин, Очерки по истории русской поземельной политики, в. 1, М., 1890, стр. 161—167 (автор преувеличивает планомерность переселенческой политики XVIII века).

[2] ПСЗ, Прилож. к XL, стр. 43, 21779а.

[3] Министерство финансов 1802—1902 годов, ч. 1, стр. 158—159, Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом, СПб, 1900, стр. 61—71.

ляться могли крестьяне малоземельных селений, т. е. те, которые имели менее 5 десятин на душу,— в первую очередь те, которые владели 2½ десятинами и меньше. Для переселенцев отводились пустопорожние земли, затем оброчные статьи, не дававшие больших доходов, далее, территории маловажных лесов и, наконец, земли государственных крестьян, имевших наделы более 8—15 десятин на душу. Предпочиталось переселение в пределах той же губернии. Переселенцам ставились определенные условия: отправляться на новое место без раздробления семейств, группами не менее трех семейств из каждого селения и притом не состоящих на рекрутской очереди. Рекомендовалось заранее через выборных депутатов осмотреть новые земельные участки. Оставшиеся крестьяне занимали освободившиеся наделы, но обязаны были оказывать переселенцам денежное пособие и в течение трех лет платить подати за выбылые души. Сами переселенцы освобождались на новом месте своего жительства от податей, повинностей и рекрутчины на три года; Казенные палаты должны были оказывать содействие переселенцам и в пути, и на местах их водворения[1].

Как и многие законы дореформенного периода, это Положение плохо применялось на практике и не учитывало всех потребностей переселенцев. В 1831 году оно было дополнено новым законом, который предписывал, чтобы Казенные палаты заблаговременно выделяли переселенцам участки земли по 15 десятин, обмежевывали эти участки и наносили их на планы. На обстройку переселенцы снабжались пособием от 50 до 100 рублей, в зависимости от наличия лесного материала. Было оговорено, что переселенцы имеют право во время пути получать на остановках квартиры, пользоваться пастбищами и иметь бесплатную медицинскую помощь[2].

Правительственные отчеты и воспоминания современников показывают, что и этот закон не дал положительных результатов. Крестьяне продолжали переселяться самостоятельно и попрежнему оказывались в беспомощном положении. По данным 1837 года в различных губерниях было зарегистрировано более 24 тысяч самовольных переселенцев. Чиновники, ревизовавшие Астраханскую губернию и знакомившиеся с бытом переселенцев, констатировали у них «нищету, крайность, смертность, соединенно со многими злоупотреблениями и бесполезной растратой чинимых им на вспоможение от казны денежных выдач». В некоторых местах переселенцы двукратно зачислялись в оклад и с них взимались не только двойные подати, но и штрафные деньги, которые повергали их в настоящее разорение[3]. Попытки пра-

[1] ПСЗ, XXXIX, 29848.

[2] ВПСЗ, VI, 4311.

[3] ЦАНХ, ф. V О., № 26429, лл. 349—351; № 26430, лл. 201—202; № 26450, л. 139; № 26446, л. 183; № 26432, л. 258; № 26448, лл. 78—83; № 26452, лл. 1—5, 126, 203 285; № 26474, л. 138; № 26485 (1) № 26485 (7); № 26485 (8); № 26485 (10); ЦАВП ф. ГС К 28, № 3, лл. 16—18, СРИО, т. 98, стр. 472. ВПСЗ, I, 592.

вительства реформировать переселенческое дело в Восточной Сибири также не увенчались успехом [1]. Таким образом, все усилия власти ликвидировать обнаружившееся малоземелье государственных крестьян не привели к поставленной цели.

Крестьяне страдали не только от недостатка земельной площади: они страдали от неравномерного распределения земельного фонда между отдельными домохозяевами. В результате расслоения казенной деревни некоторые сосредоточивали в своих руках большие участки, другие имели у себя крайне ничтожные наделы. Уже в законодательной комиссии 1767 года раздавались жалобы черносошных крестьян и украинских однодворцев на существующее неравенство землевладения. Крестьянские наказы выдвигали требование уравнительного передела земли, но это стремление нуждавшихся элементов деревни встречало резкий отпор со стороны ее богатеющей верхушки. Органы государственной власти стояли перед дилеммой — или поддержать зажиточные слои и пойти на сокращение оброчного дохода, или удовлетворить требования крестьянской массы, пожертвовав выгодами зажиточного меньшинства. Финансовые интересы казны получили на этот раз перевес. Уже в XVIII столетии местная администрация стала настаивать на необходимости равномерного распределения земельной площади между крестьянами казенных селений и волостей. При этом делалась ссылка на обычную практику частновладельческих имений. Сепаратными распоряжениями XVIII столетия такая мера была применена в различных районах, особенно на Северном Поморье и на территории однодворческих поселений. Практика уравнительных переделов была санкционирована общегосударственным законом 1797 года и подтверждена указами 1798 и 1800 годов [2].

Однако переделы казенной земли не стали повсеместным явлением. Само правительство сильно колебалось в этом вопросе, получая от губернаторов самые противоречивые мнения и советы. Тот же маркиз Паулуччи, который ходатайствовал о наделении землей псковских крестьян, указывал на опасность уравнительного раздела, неизбежно связанное с отобранием земли у давних владельцев [3]. На иной точке зрения стоял губернатор Слободско-украинской губернии Муратов. Отмечая «всеобщее оскудение жителей» и рост недоимок, Муратов в специальной записке 1827 года считал «справедливейшим и надежнейшим способом и почти единственным» для поправления вещей «повсеместное разделение во всей губернии земли и угодий на число ре-

[1] ВПСЗ, V, 3883.

[2] ПСЗ, XXIV, 69; XXV, 18633; XXVI, 19500. В. Семевский, Казенные крестьяне в царствование имп. Екатерины II. РС 1879, № 1, стр. 19—24, 35; № 7, стр. 38, 40. В. И. Семевский, Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. II, СПб, 1901, стр. 605, 621, 641, 642, 651, 658. И. В. Чернышев, Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет; II, 1918, стр. 31—45, 48.

[3] ЦАВИ, Прилож. к ЖКМ, 1826 г., сент., лл. 309—316.

вижских душ». Сам министр финансов Канкрин высказывался против уравнительного передела земли: он утверждал, что эта мера «весьма легкая на бумаге, но в исполнении встретит без сомнения тысячи препятствий и подаст повод к неменьшим злоупотреблениям и жалобам. Притом же приписанные по межевым правительствам за казенными селениями земли и угодья составляют собственность их селений. Лишение оной возродит неудовлетворение и ропот» [1].

Тем не менее, правительство склонялось к необходимости реализации рекомендуемой меры, и в 1829 году на севере и на юге, в районах подворного землевладения, стали вводиться общинные переделы земли, так же, как это практиковалось на территории внутренних и восточных губерний. Однако переделы земли могли на время затормозить расслоение и обеднение крестьянства, но они не могли окончательно остановить и ликвидировать начавшийся процесс.

Оказавшись лицом к лицу с острым малоземельем казенной деревни, правительство вынуждено было сделать еще один практический вывод. Уже в 1817 году было решено временно прекратить пожалование земель в различных губерниях: сенатским указом 1820 года раздача земель была разрешена только в многоземельных губерниях (Архангельской, Астраханской, Вологодской, Вятской, Кавказской, Олонецкой, Оренбургской, Пермской и частью Саратовской). Министр финансов ходатайствовал перед Комитетом министров запретить раздачу еще в трех губерниях: Вятской, Олонецкой и Оренбургской, но под давлением влиятельной землевладельческой аристократии это предложение было отвергнуто [2]. Мы уже видели, что правительственные ограничения не остановили роста земельных пожалований. Земельная проблема была неразрешима в рамках дворянского государства, особенно в условиях крепостнического строя. Государственные крестьяне оставались под воздействием двух параллельных процессов, вызванных к жизни развитием денежного хозяйства — растущего обезземеления и усиливающейся эксплоатации. Результатом этих явлений было прогрессирующее обеднение казенной деревни, которое хорошо видели современники и, в частности, представители государственной власти. В записке 1826 года генерал-губернатор Бахметьев утверждал, что большая часть казенных и удельных крестьян находится «в бедном состоянии» [3]. Не менее категорична была характеристика калужского прокурора Корнилевского: «Крестьяне час от часу становятся беднее и бедность сия, разливаясь, потрясает не гокмо благосостояние их, но и самую нравственность» [4].

Яркими красками рисовал бедность и тяжелые бытовые условия государственной деревни бывший новгородский губернатор Сумароков

---

[1] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 35, лл. 41—42.
[2] Архив гр. Мордвиновых, СПб., 1902—1903, т. V, стр. 716—717.
[3] ЦАВП, ф. ГС К 26, № 56, л. 4.
[4] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 22.

в своей записке 1826 года: «Селение есть куча лачужек, впадших, выпятившихся, разбросанных наудачу, без малейшего порядка. Таковые жилища кажутся построенными по нужде, на время и не для постоянного пребывания. Внутренность являет унижение человечества, бедность нередко при избытке. Хозяева существуют не лутче калмыков в кибитках, среди сырости, копоти, дыма вместе со своими скотами... Первая искра пожирает стяжения многих лет, селение в течение нескольких часов исчезает. Взгляните на англинских, саксонских, фламандских крестьян и согласитесь, что те походят на помещиков, наши — на илотов».

Далее, описывая различные стороны крестьянской жизни, Сумароков говорил о черных крестьянских избах, полных дыма, покрытых сажей и насекомыми, о примитивном освещении лучиной, о непрочной и нездоровой обуви из древесных лык, о губительных эпидемиях оспы, которую некому лечить, о дальнеполосице, которая изнуряет и крестьян и рабочий скот, о неуравнительности и разоряющем влиянии рекрутчины [1].

В том же духе были суждения автора анонимной записки 1826 года, которая была представлена Николаю I: «Неурожаи, падежи скота, гибель пчел, непомерная дешевизна естественных произведений, крестьянских изделий и платы за наем, повсеместный недостаток денег привели казенных крестьян в весьма затруднительное положение... Недоимки, податные и другие, беспрестанно возрастают, а строгость во взыскании оных, равно и взыскания за порубку леса и другие довели до того, что весьма многие не только не помыслят об излишествах, но с трудом изворачиваются в необходимом» [2]. К такому же выводу приходило Министерство внутренних дел: еще в докладе 1805 года, говоря о малоземелье смоленских крестьян, министр делал о них такое заключение: «От сего не только не в состоянии оплачивать казенных податей, но при неурожаях лишаются даже и пропитания» [3]. В 1812 году Государственный совет, разрешая некоторые податные льготы казенным крестьянам Белостокской области, мотивировал проводимую меру следующими соображениями: «Действительно, многие из казенных крестьян состоят в беднейшем положении: из них некоторые не только не имеют никакого скота, но даже на пропитание своего семейства до нового урожая не имеют достаточно хлеба» [4].

Еще тяжелее было положение крестьян арендных имений в западных, украинских и литовско-белорусских губерниях. Арендаторы мало считались с утвержденными инвентарями и контрактами: они расширяли арендаторские фольварки, отнимали у крестьян наделы, увели-

[1] ЦАВП, ф. К 26, № 84, лл. 9, 14.
[2] ЦАВП, ф. К 26, № 46, лл. 3—5.
[3] ПСЗ, Прил. к т. XL (стр. 41), 21779а.
[4] ПСЗ, XXXII, 25032. Ср. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства Государственных Имуществ, т. II, СПб, 1888, стр. 71.

чивали свои запашки, повышали барщину и оброки, подвергали крестьян самым жестоким истязаниям. В качестве одного из многих примеров подобной политики можно привести следующие данные из дел Департамента полиции исполнительной.

В 1809 году министр внутренних дел Куракин предложил подольскому губернатору проверить поступившие сведения о притеснениях поссессоров в некоторых селениях. После произведенного расследования выяснилось, что в селениях Бобрик и Познанки, Подольской губернии, экономы поссессора Августина Тржтецкого взимают с крестьян повышенные повинности, не считаясь с инвентарями: с халупников, т. е. с безземельных крестьян, вместо 4½ злотых они брали по 6, некоторых переводили в пешие крестьяне и принуждали к панщине по 100 дней ежегодно; пеших крестьян, имеющих по одной лошади, они заставляли отбывать панщину наряду с тяглыми, т. е. обязанными приходить на барщину с лошадью, запряженною в телегу; наконец, тяглых крестьян они заставляли выгонять в поле всю свою скотину и обрабатывать пространство чрезмерной величины, считая два дня за один. Вопреки контракту, крестьяне были обязаны возить арендаторам земледельческие продукты в Одессу и другие торговые пункты за 12—40 миль от деревни. С фактическим количеством истраченных дней не считались и насчитывали в счет панщины меньше, чем следовало. Во время этих перевозок гибли крестьянские лошади и волы, но крестьяне не получали за них полного возмещения, например, за павшего вола им выдавали 17 рублей, вместо 30 рублей. Если зажиточные крестьяне хотели избавиться от панщины и сопряженных с нею поборов, их переводили на чинш (на оброк), который поднимался до 50 рублей в год, т. е. превышал установленную норму на 33 рубля с лишком. Вопреки инвентарю, с крестьян взыскивали десятину от лучших пчел, от лучших овец с ягнятами, от сбора хлеба. Их заставляли возить в пользу арендатора по две фуры сена или соломы и по две фуры очерету. Взамен доставления мотков пряжи женщин заставляли жать снопы. При производстве расчетов крестьян нагло обманывали; иногда под всякими неосновательными предлогами не принимали в расчет по 100 дней отработанной панщины. Молодые крестьяне должны были исполнять на фольварках обязанности парубков, т. е. челяди и погонщиков скота. Когда объявлялся рекрутский набор, экономы ловили сыновей «значнейших господарей», т. е. зажиточных крестьян, и брали с них выкуп, а взамен их отдавали в рекруты бедных. Поссессоры устроили новые ланы — обрабатываемые господские участки — и возвели новые строения; уменьшив крестьянские наделы, поссессоры захватили крестьянские сенокосы и присвоили себе крестьянское сено. Удерживая крестьян на фольварках по 3 недели, поссессоры платили им за три дня работы. От телесных наказаний и притеснений из имения бежало 7 крестьян.

Только тот факт, что поссессор Тржтецкий во время войны 1807 года передался на сторону французов и увел с собой часть крестьян, заставил местную администрацию и центральное правительство обратить внимание на все эти вопиющие факты [1].

Материалы государственных архивов показывают, что подобные явления не были исключением: они повторялись в различных губерниях и в различных имениях, состоявших на «хозяйственном положении». Немудрено, что, останавливаясь на положении государственных крестьян до 1837 года, позднейший отчет Министерства государственных имуществ характеризовал состояние западных крестьян следующими словами: «Их личность, труд, имущество — все принадлежало временным арендаторам, которые за некоторую наддачу на публичных торгах приобретали право истощать имения до последней степени» [2].

Обеднение крестьян не только в западных, но и в центральных губерниях доходило иногда до грани подлинной нищеты. В нашем распоряжении имеются объективные показатели этого процесса, именно — данные Министерства финансов о возрастании недоимок государственных крестьян. Это явление сильно беспокоило Министерство финансов, вызывало назначение специальных ревизий, обсуждалось в докладах губернаторов и было предметом неоднократных обсуждений и проектов в Комитете министров. В 1823 году недоимки государственных крестьян достигли 47 миллионов рублей, несмотря на то, что за 9 лет до этого было сложено по высочайшему манифесту 22 маллиона рублей; к 1826 году недоимки выросли до 85 миллионов. Манифестом Николая I значительная часть недоимок была снова сложена. Тем не менее, через два года, в 1828 году, снова насчитывалось около 45 миллионов рублей недоимок. В 1831 году эта цифра поднялась до 51 миллиона рублей, а к 1835 году — до 68 миллионов[3].

Мы имеем возможность уяснить себе географическое распределение недоимок и уловить темпы их возрастания, сопоставив погубернские данные 1828 и 1831 годов (см. таблицу на стр. 100) [4].

Сравнивая эти цифры, мы видим, что недоимки увеличились в большинстве губерний,— особенно в земледельческих губерниях черноземного центра: Курской, Орловской, Воронежской, Слободско-украинской. Но недоимки были очень значительны и в губерниях промышленных, например, в Московской. Степень возрастания недои-

[1] ЦАВП, ф. ДПП, 1809 г., № 49.

[2] СРИО, т. 98, стр. 474. Ср. мнение Балугьянского. ЦАВП, ф. ГС К 26, № 81, л. 88.

[3] ЦАВП, ф. КМ. Прилож. к ЖКМ, январь, 1832, лл. 390—395, 408—415; ф. ГС К 28, № 1, лл. 112—113; ЦАНХ, ф. V О., № 27021, л. 28: Ср. ЦАВП, ф. ГС К 28, № 33, л. 4; № 35, л. 7 и ВПСЗ, II, 1140.

[4] Таблица составлена на основании ведомостей Министерства финансов 1828 года (ЦАВП, ф. ГС К 28, № 1, лл. 112—113) и 1831 г. (ЦАВП, ф. КМ, Прил. к ЖКМ, январь, 1832, ч. 1, лл. 408—415)

Податные недоимки государственных крестьян

По губерниям	1828 г.		1831 г.	
	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.
Архангельской	2 744	80	6 714	71
Астраханской	62 884	69	76 591	70
Белостокской	56 043	35	30 692	34
Виленской	198 419	35	180 301	42
Витебской	110 381	56	85 939	39
Владимирской	152 710	78	328 078	87
Вологодской	379 663	44	573 745	27
Волынской	11 254	93	15 054	33
Воронежской	596 221	42	1 582 500	56
Вятской	1 602 212	18	711 648	34
Гродненской	49 304	33	34 524	32
Екатеринославской	4 101 727	03	1 521 118	33
Енисейской	37 504	81	71 366	57
Эстляндской	6 006	90	5 701	15
Иркутской	255 616	70	245 392	14
Кавказской	20 858	54	163 218	30
Казанской	1 741 844	52	3 255 266	86
Калужской	662 137	19	1 448 529	85
Киевской	246 361	20	104 097	92
Костромской	854 881	19	585 706	08
Курляндской	35 291	06	48 641	22
Курской	4 784 391	26	9 141 206	91
Лифляндской	19 741	39	14 984	95
Минской	75 250	65	90 559	23
Могилевской	19 143	67	40 652	91
Московской	108 152	78	568 734	61
Нижегородской	155 352	64	287 395	27
Новгородской	427 828	09	558 301	81
Олонецкой	105 108	14	96 268	33
Омской	39 683	79	50 197	91
Оренбургской	529 250	73	1 656 641	64
Орловской	1 853 495	06	3 681 290	37
Пензенской	246 444	56	526 665	69
Пермской	445 095	60	474 716	97
Подольской	5 005	45	21 558	31
Полтавской	4 580 106	56	945 302	49
И с малороссийских казаков	—	—	2 618 788	32
Псковской	1 970 071	58	1 752 654	44
Рязанской	41 890	34	574 227	71
Санктпетербургской	186 403	90	61 742	08
Саратовской	142 907	35	693 286	90
Симбирской	608 947	51	1 301 735	69
Слободско-украинской	5 871 349	20	6 750 606	33
Смоленской	791 342	24	728 487	01
Таврической	1 266 593	26	216 396	06
Тамбовской	635 848	01	1 613 355	27
Тверской	1 436 406	44	2 027 409	45
Тобольской	304 491	09	518 318	27
Томской	315 813	04	539 040	30
Тульской	571 746	99	1 391 899	36
Херсонской	1 501 871	33	2 436 868	02
Черниговской	4 130 423	86	1 715 829	13
И с малороссийских казаков	—	—	6 339 042	19
Ярославской	332 528	70	313 320	77
Итого	44 688 760	35	51 864 484	06

мочности была наиболее значительной в районах малоземельных, там, где наделы крестьян не могли обеспечить их существования.

Министр финансов Канкрин в 1831 году в своем заключении на записку сенатора Мечникова о податных недоимках старался всячески успокоить Николая I. По словам министра, недоимки были всегда, время от времени их прощали, а иногда принимали к взысканию их более строгие меры. Правда, с 1824 года они стали увеличиваться, так как упали цены на все продукты и работы. Правительство учло эти временные затруднения и не стало применять строгие меры: «Не было счета для Министерства финансов разорить казенных крестьян на будущее время крутым взысканием недоимок и, так сказать, срубить дерево, которое несет плод». Однако министр финансов напрасно сводил все причины недоимочности к влиянию сельскохозяйственного кризиса, так же как напрасно приукрашивал свою податную политику, которая была достаточно жесткой. В своем докладе он перечислял различные обстоятельства, влиявшие на упадок платежеспособности крестьян: он говорил о пожарах, неурожаях, болезнях и прочих «частных случаях», но он умалчивал о самом существенном — о том, что было ясно псковскому и другим губернаторам: о растущем крестьянском малоземелье и несоответствии крестьянских платежей имеющимся наделам. Канкрин признавал, что правительству подавались неоднократные жалобы на жестокие и разорительные способы выколачивания недоимок: крестьяне подвергались телесным наказаниям, у них выставляли в зимнее время окна и двери, ставили неплательщиков на мороз, выдерживали их без пищи, продавали у них за бесценок последнее имущество. Но Канкрин снимал с себя ответственность за подобные меры, он утверждал, что в своих сношениях с губернаторами он всегда высказывался против всяких насильственных способов. Однако губернская администрация могла бы ответить Канкрину, что принимаемые ею суровые меры вызывались энергичным, все более усиливавшимся давлением со стороны центральной власти.

Обстановка, создавшаяся в государственной деревне, нашла себе правдивое отражение в анонимной записке, которая была представлена в 1826 году Николаю I. Вот какими словами характеризовала она финансовую политику правительства и вытекавшие из нее экономические последствия: «Взимаемые с крестьян подати, быв необременительны сами по себе, платятся ими со столь великим трудом, что при всей строгости применяемых правительством мер недоимки ежегодно возрастают. Земские и градские полиции, штрафованные за оные и быв не в силах выполнить требуемые от них взыскания, понуждают со своей стороны волостные правления и купно с ними приступают противозаконным жестоким мерам, которые без успеха в сборе недоимок служат к телесному токмо изнурению крестьян, приведенных уж

[1] ЦАВИ, ф. КМ, Прилож. к ЖКМ, январь, 1832, лл. 390—395.

в совершенную нищету. Сим способом казенные крестьяне ввергаются целыми селениями в нищету, из коей не имеют ни малейшей надежды когда-либо восстать, ибо во многих селениях недоимки возрасли до такой степени, что какие бы строгие меры ни употреблялись ко взысканию оных, они никогда уже не смогут приттить в возможность их заплатить» [1].

Этот вывод обратил на себя внимание Николая I, который передал бумагу на рассмотрение Дибича в числе других материалов, поступивших в царскую канцелярию после восстания 1825 года.

11. Волнения крестьян-оброчников

Тяжелое положение государственных крестьян возбуждало в их среде массовое недовольство и приводило к волнениям казенных деревень — как во внутренних, так и в западных губерниях.

В фонде Департамента полиции исполнительной Министерства внутренних дел сохранился значительный материал о волнениях государственных крестьян за период 1802—1830 годов. Здесь мы находим донесения губернаторов, переписку различных ведомств, жалобы самих крестьян и приговоры, вынесенные судебными органами. Дела Департамента дополняются журналами Комитета министров, рассматривавшего наиболее крупные случаи волнений. Большинство источников относится к западным губерниям, и это вполне понятно, если мы вспомним особенно тяжелое положение государственных крестьян в арендных имениях под властью поссессоров.

Причины волнений во всех районах сводятся к нескольким основным моментам. Крестьяне поднимались, когда у них отнимали землю, когда увеличивали их повинности и когда усиливали систему внеэкономического принуждения. С другой стороны, движение крестьян вызывалось попытками передать их в руки частных владельцев или лишить их прежних, относительно свободных условий существования.

В губерниях, состоявших на оброчном положении, преобладающей причиной крестьянских волнений было отмежевание казенной земли в пользу частных владельцев. Типичным примером такого аграрного движения являются события, развернувшиеся в 1815—1817 годах в районе деревень Псковской губернии — Ладыгиной, Федотовой, Больших Заходов, Капустиной, Шаневой, Кривцова, Навашков и Малой Волочки. На территории 5 волостей Псковского и Островского уездов, на основании судебного приговора Сената, крестьяне должны были потерять в пользу соседних помещиков более 1 650 десятин, несмотря на ярко обнаружившееся малоземелье и обеднение крестьянской массы. В частности, в деревнях Федотовой, Ладыгиной, Моисеевой Горе и Вашковой у 172 ревизских душ должны были отрезать из 912 десятин, которыми

[1] ЦАВП, ф. ГС К 26, № 113, лл. 3—4.

ии владели, 428 десятин. У крестьян должно было остаться по 2¾ десятины на душу. Приговор Сената еще не был получен Казенной палатой и органами земской полиции; тем не менее, помещица Окунева оказала давление на псковскую администрацию, и в сентябре 1815 года в деревню Федотову явился землемер, который начал отмежевывать землю в пользу помещиков. Крестьяне вооружились кольями, толпою вышли на межевые границы и оказали властям активное сопротивление. Землемеру и собравшимся понятым они угрожали смертью. Межевание было прервано; только в июле 1816 года была предпринята новая попытка, на этот раз в присутствии дворянского заседателя Нижнего земского суда. Крестьяне снова собрались целой деревней и в возбуждении кричали: «Пусть головы нам рубят, пусть секут нас кнутом, но земли мы отрезать не дадим». По распоряжению губернатора на место волнений выехало все присутствие земского суда в сопровождении губернского стряпчего, но крестьяне продолжали стойко и упорно отстаивать свою землю. Они единодушно кричали, что земли не отдадут: «Пусть положат головы на плахи, отвечать все будут, а землю государеву, принадлежащую им, не отдадут и указа Губернского правления не послушают». Когда землемер начал производить межевание, крестьяне силой остановили его, а при попытке ареста четырех вожаков отбили их у полиции. Напрасно губернатор вызывал к себе крестьян в город Псков «для вразумления»,— оно окончилось так же неудачно, как новая, уже третья попытка отмежевания земли. Когда на межевые границы было согнано более 100 человек понятых, вооруженных топорами, несколько десятков крестьян деревни Федотовой, «стоя на месте, где следовало итти с цепью, взявшись друг за друга крепко под руки, не допускали к выполнению предписанного, крича всяк в свой голос, что не дадут землю даром и чтоб не трогать их, а то головщина будет». Попытка арестовать зачинщиков вызвала еще большее возмущение. Крестьяне с криками бросились на представителей местной администрации. Перепуганные чиновники обратились в бегство, и крестьяне гнались за ними на расстоянии полверсты.

Губернатор лично отправился на место волнений в сопровождении губернского и уездного предводителей дворянства и начал уговаривать крестьян подчиниться постановлению правительства. Крестьяне отвечали, что они готовы повиноваться, но просят Министерство финансов не отрезать у них землю, так как иначе им угрожает полное разорение: земля удобрена и запахана ими для посева озимого хлеба; если землю отрежут, они останутся без всякого пропитания.

Положение осложнилось волнениями, начавшимися в соседних деревнях. Повсюду попытки отмежевания земли вызывали такие же бурные сцены, какие разыгрались в деревне Федотовой. Губернатор должен был подтвердить в своих донесениях, что положение крестьян, действительно, безвыходное. Дело поступило на рассмотрение Комитета министров, который занял формальную позицию, вполне соответство-

вавшую интересам местных помещиков; петербургскому генерал-губернатору было предписано принять законные меры против ослушников.

В этот момент Александр I проезжал через Псковский уезд, и крестьяне заявили ему устную жалобу, умоляя сохранить за ними прежние земельные наделы. В виду создавшегося тревожного положения Александр распорядился остановить на время начатое межевание и командировать из Петербурга чиновников для выяснения обстоятельств данного дела. 16 ноября 1817 года вышло специальное предписание — в случае сенатских решений об отрезке земель у экономических и удельных крестьян производить ее только при условии предварительного наделения крестьян другими земельными участками. При недостатке земли Министерство финансов должно было делать всеподданнейшее представление через Комитет министров о вознаграждении помещиков земельными угодьями в другом месте или взамен земли — денежною суммою [1].

Таким образом, псковские крестьяне одержали на этот раз относительную победу. Она объяснялась особыми условиями, в которых находилась Псковская губерния, близкая к Петербургу и сделавшаяся предметом тревожного внимания со стороны правительства. Именно о Псковской губернии, бывшей на виду у центральной администрации, подавались позднее донесения Паулуччи о малоземелье и недоимочности государственных крестьян.

Такое же аграрное движение имело место в других районах России. В 1802 году в селениях Вышков и Бобович Новоместского повета Малороссийской губернии, у 500 государственных крестьян, принадлежавших когда-то Киево-Печерской лавре, должны были отрезать, на основании сенатского решения, 1 577½ десятин земли. Судебная тяжба продолжалась в течение 30 лет. Крестьяне должны были выселиться с принадлежавших им земельных наделов и, по признанию самого генерал-губернатора Куракина, были повергнуты в полнейшую нищету. Когда крестьян выселяли из деревень, они оказали активное сопротивление, которое сопровождалось, по словам официальных документов, «насилиями и смертоубийствами». Волнения были подавлены военной силой. Однако в виду отчаянного положения крестьян Куракин испросил разрешения Александра I уговорить помещиков взять себе взамен присужденной земли казенные угодья в других районах [2].

В 1811 году такие же события произошли в Ранненбургском уезде Рязанской губернии. Здесь тысяча однодворцев селения Ломова должна была на основании сенатского указа потерять в пользу князя Барятинского и других соседних помещиков значительное пространство земель (количество десятин в делах не указано). Крестьяне не допускали отмежевания и упорно отстаивали свои наделы, ссылаясь на межевые пла-

[1] ЦАВП, ф. ДПИ, 1817 г., № 70.
[2] ЦАВП, ф. ДПИ, 1802 г., № 246.

ны 1765 года. Все попытки губернского стряпчего, а затем губернатора дважды выезжавшего на место волнений, не имели никакого успеха. Был арестован волостной голова Калина и однодворец Мерзлинин, особенно энергично защищавшие крестьянские интересы. Моментами крестьяне обнаруживали колебания, но затем снова переходили к тактике упорного сопротивления. Тогда губернатор решил применить хитрость. Выехав в третий раз в селение Ломово, он увлек за собой в Ранненбург часть однодворцев, обещав им полюбовно разрешить спорное дело. В Ранненбурге он приказал обрить однодворцам полголовы, взял их за караул и, возвратясь в Ломово с огромным количеством понятых, приказал произвести земельное межевание. С арестом вожаков сопротивление крестьян было сломлено. Единственная «милость», которую они получили от губернатора и от помещика Барятинского — это разрешение снять засеянный хлеб, который остался на отмежеванных угодьях. Зачинщики волнения в селении Ломове были преданы суду и в 1818 году последовал суровый приговор: часть крестьян была присуждена к наказанию плетьми, часть — к тюремному заключению; только послевоенный манифест 1814 года освободил их от наказания [1].

Такое же сопротивление оказали в 1816 году крестьяне деревни Чернавы, Скопинской волости Рязанской губернии. На основании сенатского указа они должны были потерять в пользу помещиков Аксенова и Козловой 600 десятин земли. Землемеры дважды предпринимали попытки отмежевания угодий, но оба раза крестьяне собирались огромной толпой и не давали довести до конца начатую отрезку земли. В марте 1815 года волнения приняли особенно бурные формы. Крестьяне ударили в набат, бросились на межу верхами, в телегах, пешком, вооруженные дубинами и кольями. Попытки местных чиновников уговорить крестьян не имели успеха. Так же безуспешны были усилия губернатора арестовать «зачинщиков». Крестьяне соседних селений и даже понятые, согнанные на межевые границы, приняли сторону волнующихся крестьян. В деревне Чернаве произошла схватка с военной командой, окончившаяся победой крестьян. Дело несколько раз обсуждалось в Комитете министров. Было решено ввести в волнующуюся деревню Чернаву батальон солдат. Губернатор вызвал к себе двух депутатов от крестьян и выдал им копии сенатских указов. Крестьянам было обещано переселить их в Воронежскую губернию, наделив достаточным количеством земли. Так, сочетанием методов насилия и уговоров волнение скопинских крестьян в конце концов было подавлено [2].

В 1816 году при попытке отмежевания земель у крестьян деревень Лужки, Трыковка, Байкова, Мокрое и слобод Рясники и Березок Карачевского уезда Орловской губернии, произошли аналогичные волнения. Крестьяне силой остановили межевание и уничтожили поставленные межевые знаки. Арестованные вожаки были отбиты крестьян

[1] ЦАВП, ф. ДПП, 1811 г., № 6.
[2] ЦАВП, ф. ДПП, 1814 г., № 114.

ской толпой. Поверенные и старшины, руководившие массовым сопротивлением, отказались явиться к чиновникам земского суда. Вмешательство земского исправника еще больше подлило масла в огонь. Крестьяне бросились на чиновников с кольями в руках и жестоко избили исправника и остальных членов суда. Землемер едва спасся от смерти, умолив крестьян пощадить ему жизнь. Крестьяне заявили, что они «не отдадут своей земли, которой владели их деды и отцы; пусть их бьют не плетьми, а кнутьями; пока 20 человек мертвыми не положат, они будут попрежнему сопротивляться». Было решено отправить на место воинскую команду, произвести следствие и обуздать ослушников. Об исходе этих событий данных не сохранилось [1].

Летом 1819 года в Новгород-Северском повете Черниговской губернии, в селе Олтаре, деревне Рудне и хуторе Чигине крестьяне попытались отобрать себе землю, которая принадлежала когда-то их деревням, но затем была отмежевана графу Завадовскому. Крестьяне владели этими землями более 100 лет; здесь были и пахотные, и сенокосные, и лесные угодья. Отобрание этих земель поставило крестьян в очень трудное положение: они не имели даже выпуска для пастьбы своего скота. В свое время обиженные деревни подали жалобу Павлу I, который приказал вернуть крестьянам землю до вынесения судебного решения. В 1803 году Сенат разрешил затянувшийся спор в пользу Завадовского, а всеподданнейшая жалоба крестьян в 1818 году была оставлена без последствий. Тогда крестьяне попытались перерешить вопрос по-своему: в июле 1819 года они толпою явились на свои бывшие земли, сняли с них хлеб, скосили сено и увезли урожай домой. В результате вмешательства администрации волнующиеся деревни были приведены к покорности [2].

Как правило, Комитет министров и Александр I не признавали возможным отменять односторонние решения Правительствующего сената. Типичным примером такой политики было дело экономических крестьян села Андроновки, Калужской губернии, которые неоднократно подавали всеподданнейшие прошения о возвращении им 1 536 десятин, отмежеванных в пользу помещика Римского-Корсакова. На все прошения крестьянам было отвечено отказом, а в 1819 году им было объявлено от лица Комитета министров, чтобы они «впредь подобными недельными просьбами утруждать его императорское величество не осмеливались». Однако, в противовес этому официальному требованию, крестьяне вынесли общественный приговор — отказаться давать подписку в том, что выслушали постановление Комитета министров, и заявили, что они «и впредь будут подавать всеподданнейшие жалобы». 35 крестьян были признаны властями наиболее виновными и преданы суду за свое упорство [3].

[1] ЦАВП, ф. ДПИ, 1816 г., № 137.
[2] ЦАВП, ф. ДПИ, 1819 г., № 30.
[3] ЦАВП, ф. ДПИ, 1819 г., № 32.

Наряду с отобранием земли активное сопротивление крестьян возбуждалось систематическим повышением оброков и повинностей. Уже в 1796—1797 годах, в связи с воцарением Павла I, прокатилась на этой почве волна массового движения. По донесениям нижегородского и пензенского губернаторов, волновавшиеся казенные деревни отказывались платить хлебную подать и подушные сборы [1]. В 1826 году, в связи с воцарением Николая I, проявилось такое же массовое брожение. По свидетельству манифеста 12 мая 1826 года, казенные крестьяне «отступали от должного порядка» и «вследствие ложных разглашений» отказывались уплачивать государственные подати [2].

Сохранились архивные документы, которые помогают нам конкретнее представить эту борьбу крестьянства против усилившейся эксплоатации со стороны государства. В 1823—1826 годах крестьяне Туриновской и Куминовской волостей, Тобольской губернии, отказались вносить земские повинности. Поводом к волнению послужили указы о запрещении производить с крестьян незаконные сборы. Крестьяне жаловались, что исчисленные с них земские повинности крайне отяготительны и что взыскиваются они срочно, во время жатвы, когда плательщики не в состоянии справиться с податями. В волнующиеся волости были введены войска, 14 человек было арестовано, а недоимку собрали продажей на корню еще несжатого хлеба [3].

Борьба против эксплоатации со стороны казны неразрывно сливалась с борьбой против методов управления местной администрации. Характерным примером подобных волнений было возмущение крестьян Бахтинской волости Вятской губернии в 1805—1807 годах. Местная земская полиция во главе с капитан-исправником практиковала здесь незаконные поборы и чинила над крестьянами различные насилия. Крестьяне неоднократно подавали жалобы уездной и губернской власти. В 1808 году было начато официальное следствие, но следователи приняли сторону земской полиции, и крестьяне обратились с жалобой к Александру I. В Вятскую губернию в качестве ревизора был отправлен сенатор Рунич, который признал справедливость крестьянских жалоб. В 1811 году земский исправник, который особенно прославился своими незаконными действиями, был переведен в виде «наказания» в Нолинский уезд. Тем не менее, с крестьянами решили расправиться и арестовать их вожака, который составлял жалобы,— писаря Моисея Кочурова. Когда земская полиция явилась в Бахтинскую волость, крестьяне не дали арестовать своего защитника и оказали, по выражению губернатора, «грубое непристойное упорство»: они сами арестовали весь состав земского суда, кроме бежавших председателя и секретаря, и приставили к арестованным караул из односельчан. Губернатору, вы-

[1] Е. П. Трефильев, Очерки из истории крепостного права в России, 1901 стр. 144.

[2] ВПСЗ, I, 330.

[3] ЦАВП, ф. ДПН, 1825 г., № 170.

ехавшему на место волнения, удалось освободить арестованных чиновников; он выслушал жалобы крестьян, но приказал нарядить следствие по делу о сопротивлении власти. Тем не менее, захватить писаря Кочурова так и не удалось: он скрылся из Бахтинской волости, а крестьяне решительно отказались дать подписку о выдаче его в руки полиции. Только позднее, после долгих убеждений крестьяне проявили наружное повиновение и дали требуемую подписку — на случай, если Кочуров «обнаружится в пределах их волости» [1].

Иногда крестьяне обращали свой гнев против собственных выборных. В 1825 году в Семеновской вотчине, Кинешемского уезда Костромской губернии крестьяне подали жалобу вице-губернатору на поборы волостного головы Николая Павлова. За крестьянами числилась недоимка в 9 тысяч рублей, но они считали ее исчисленной неправильно и вынесли мирской приговор об уплате в казну только 2 тысяч рублей (очевидно, 7 тысяч рублей были растрачены Павловым). Полицейские чиновники приняли сторону волостного головы, но крестьяне потребовали его смены и, по выражению губернаторского донесения, «чинили буйства и дерзости». По распоряжению из Петербурга, костромской губернатор ввел в Семеновскую вотчину военную команду, высек крестьян розгами и сменил сельского старосту, который был руководителем движения [2].

Сильное сопротивление оказывали государственные крестьяне, когда им угрожала опасность перехода в более зависимое положение — в состав непременных работников, военных поселян, а иногда просто в частные руки.

Указом 1807 года было предписано передать в горное ведомство крестьян Сретенской (Юскинской тож) волости Сарапульского уезда Вятской губернии. Крестьяне, по национальности коми, в возбуждении заявили, что они отказываются от приписки к Камским заводам и «все в один голос говорили, что пусть хоть головы им отрубят, но на заводы они не пойдут». Вятский губернатор лично явился в Юски, чтобы прекратить начавшиеся волнения. Он застал возбужденную массу из 500 человек, вошел в средину толпы, сначала для виду завел мирную беседу, а затем внезапно приказал схватить и арестовать зачинщиков. Сопротивление было сломлено: крестьяне 32 деревень прислали по 2 выборных депутата, которые дали подписку подчиниться указу.

Однако при передаче крестьян Камскому заводу волнения возобновились и приняли более широкие размеры. В Завьяловской и прилегающей волостях крестьяне «с буйством и дерзостью» отказались повиноваться распоряжениям власти. На этот раз увещания губернатора оказались безуспешными. В волости была направлена казачья команда.

[1] ЦАВП, ф. ДПИ, 1811 г., № 10.
[2] ЦАВП, ф. ДПИ, 1825 г., № 167

произведены новые аресты, и сопротивление было окончательно подавлено [1].

В феврале 1818 года крестьяне Савинской волости Изюмского уезда Слободско-украинской губернии отказались давать статистические сведения приехавшим чиновникам; стороною они узнали, что их собираются перевести в военные поселяне. Земская полиция, явившаяся в сопровождении кавалерийского эскадрона, встретила в деревнях активное сопротивление. По донесению губернатора, крестьяне «с буйственным криком» напали на исправника и нанесли ему удары. В деревнях были расквартированы три эскадрона улан и произведены аресты. Между прочим, один из арестованных крестьян села, Левковки, служивший раньше в Изюмской ратуше, повидимому, грамотный и бывалый, заявил при допросе, что он вполне согласен с волнующимися крестьянами и что «если бы общество сделало что-либо противу высочайшей его императорского величества особы, то он и на то был бы согласен» [2].

Известно, какие усилия прилагали крестьяне Новгородской губернии, чтобы не подвергнуться передаче в военное ведомство и переводу в военные поселяне. Они отказывались от выполнения назначенных работ, сжигали свои селения, сторожили на дорогах членов императорской фамилии, подавали жалобы самому царю, умоляя, чтобы их оставили на прежнем положении. Такие же волнения имели место на юге, в районе казачьих поселений, где создавалась полоса кавалерийских военно-поселенческих полков [3].

12. Волнения крестьян в западных районах

Волнения государственных крестьян в Прибалтике, Литве, Белоруссии и Правобережной Украине носили несколько иной характер. Основным фактором, возбуждавшим здесь массовое движение, было усиление крепостнического гнета временными поссессорами; целью крестьян было избавиться от передачи в аренду и перейти на более свободное оброчное положение. Самыми крупными событиями этого рода были волнения в Кошелевском старостве Могилевской губернии и в Динабургском старостве Витебской губернии.

Кошелевское староство в начале XIX века изобиловало пахотными, сенокосными и лесными угодьями. Крестьяне в количестве 640 ревизских душ еще в период Речи Посполитой находились в пожизненном владении престарелой старостины Кильчевской и платили ей установленный денежный оброк. После ее смерти, в 1801 году, имение было по-

[1] ЦАВП, ф. ДПИ, 1807 г., № 13.
[2] ЦАВП, ф. ДПИ, 1818 г., № 18
[3] П. П. Евстафьев, Восстание новгородских военных поселян, М., 1934 гг. 52—54, 82—90.

жаловано в 12-летнюю аренду флотскому капитану Моллеру, который уступил ее генерал-лейтенанту Беклешову; тот, в свою очередь, передал имение надворному советнику Чаплицу, который сдал его брату подполковнику Чаплицу; в результате нового договора старостве оказалось в руках помещика Грудинского. Таким образом, крестьяне оказались объектом многократных незаконных сделок, которые очень тяжело отразились на их хозяйственном положении. Каждый из новых арендаторов считал своим правом повысить крестьянские повинности. Подполковник Чаплиц управлял староством в течение 2 лет и собирал с крестьян оброк — по 4 рубля с мужчин и по 3 рубля с женщин; кроме того, он требовал от крестьян отбывания «пригона» (барщины). Грудинский содержал имение 3 года и повысил оброк до 6 рублей с мужчин и до 4 рублей с женщин; кроме того, он требовал с каждого двора по одному пуду пеньки и по полчетверти овса, а со всего старостве по 50 пудов меда. Крестьяне непрерывно выгонялись им на барщинные работы

В 1807 году имение снова было переуступлено местному исправнику Кильчевскому, который поднял оброк до 10 рублей с мужчин и 8 рублей с женщин, усилил «пригоны» и начал применять жестокие меры в отношении барщинников, избивая их плетьми, сдвоенными наподобие «кошек». В результате побоев несколько беременных женщин выкинули младенцев, а несколько мужчин были изувечены до потери трудоспособности. Крестьяне пробовали жаловаться, но, не получая удовлетворения, в конце концов заявили об отказе нести повинности. Они потребовали, чтобы их передали в казенное ведомство и разрешили им платить определенную сумму денежного оброка. В волнующееся старостве была направлена следственная комиссия, которая попыталась применить суровые меры; тогда крестьяне разошлись по лесам, и комиссия была вынуждена собрать до тысячи понятых, чтобы организовать массовые поиски разбежавшихся. В деревни были введены войска, по домам были расквартированы сначала рота гарнизонного батальона, а затем рота Азовского мушкетерского полка. Понятые и солдаты чинили над крестьянами различные насилия. Большинство населения старостве попрежнему укрывалось в лесах. Создавалось положение, тяжелое для крестьян, но достаточно трудное и для местной администрации. Вновь назначенный губернатор Берг склонен был пойти на некоторые уступки крестьянам: он обратил внимание на незаконную передачу имения субарендаторам и высказал мысль, что «крестьяне вызваны на такую крайнюю меру, как укрывательство в лесах, лишившее их жен, детей, имущества и на будущее время пропитания, какой-либо крайностью или через непомерные налоги, или от другого рода притеснений со стороны управляющего». Берг вызвал к себе депутатов от крестьян и поручил расследовать дело губернскому стряпчему Баку.

События в Кошелевском старостве приковали к себе внимание и

местных помещиков, и крестьян соседних имений. Очевидно, на губернатора было оказано соответствующее давление со стороны могилевского дворянства и, в частности, арендаторов казенных имений. Внезапно губернатор изменил свою позицию, нашел жалобы крестьян неосновательными, а причину волнений усмотрел в «злобном упорстве крестьян». Он потребовал от крестьян беспрекословного повиновения, грозил, что «возмутителей даже стреляют». На это крестьяне отвечали, что «и они согласны, чтобы прежде быть перестрелянными, нежели принадлежать арендатору». Многие крестьяне были арестованы и преданы поветовому суду.

Иную позицию заняла могилевская Казенная палата. Чувствуя свою ответственность за незаконную переуступку имения и повышение повинностей вопреки контракту, она отобрала староство от арендатора и отправила в Петербург донесение о желательности перевести крестьян на оброк. Это решение Казенной палаты ободряюще подействовало на крестьян, но вызвало негодование в среде могилевского дворянства и у самого губернатора Берга.

В июне 1808 года дворянский поветовый суд вынес драконовский приговор арестованным крестьянам. Было решено шестерых зачинщиков во главе с старостой Иваном Прокофьевым и каждого двадцатого крестьянина по жребию «вместо смертной казни высечь на месте по 30 ударов кнутом и, вырезав ноздри и поставив на лице знаки, сослать на вечную работу», остальным — дать по 20 ударов плетей и оставить на месте жительства; убытки взыскать с крестьян и «о всем том для преграды на будущее время к подобным возмущениям опубликовать через духовенство в церквах и земские и городские полиции в селениях и городах». Могилевский суд чуть-чуть смягчил этот приговор, присудив трех крестьян к наказанию кнутом 20—25 ударами и 2-х — к наказанию плетьми. Было решено произвести наказание публично в присутствии крестьян Кошелевского и соседнего староств, «дабы сим случаем на будущее время поселить страх и в других на такие же буйства и дерзости»

Губернатор утвердил приговор и приказал исполнить его в присутствии губернского стряпчего Бака. Но здесь произошел эпизод, совершенно не предвиденный ни местной властью, ни центральной администрацией. Губернский стряпчий Бак оказался достаточно честным чиновником, чтобы обратить внимание на чудовищность вынесенного приговора. Ссылаясь на губернского прокурора, который считал решение незаконным по формальным соображениям, Бак отказался присутствовать при исполнении приговора. Действия Казенной палаты, признавшей незаконными распоряжения арендаторов, служили в его глазах оправданию крестьян. «Следственно,— заключал Бак свою докладную записку,— воспоследовавшее от крестьян сего староства ослушание

оправдано и, следовательно, за то, что они отклонились от послушания диспоненту, не имеющему законного на то права, наказывать кнутом, рвать ноздри, клеймить знаками и ссылать на каторжные работы, как Главного суда первый департамент приговорил, никак не должно; мне же, яко губернскому стряпчему, носящему на себе обязанность блюсти закон, защищать казенные имения и охранять невинность, возможно ли осмелиться быть исполнителем вышеписанного определенного вместо смертной казни истязания? возможно ли быть при пролитии крови бедных казенных крестьян безвинно?»

Губернатор вынужден был приостановить исполнение приговора и перенести разрешение вопроса в Правительствующий сенат. Дело было доложено Александру I, который целиком принял сторону губернатора. Он приказал сделать строгий выговор Казенной палате за отобрание старостваа, а дело разобрать сенатору Корнееву, который уже раньше был командирован в Могилевскую губернию. Корнеев, учитывая позицию царя, принял сторону могилевского дворянства. Причиною волнений крестьян он признал «закоренелость грубых их нравов, привыкших к дерзости и наглости... и возродившееся в них по наущению развратно мыслящих желание уклониться от настоящих их работ». Приговор могилевского суда Корнеев признал законным, а наказание, к которому присуждены крестьяне, «не только соразмерным их преступлениям и не отягощающим немало судьбу их, но довольно еще умеренным».

Сенат утвердил приговор могилевского суда, даже усилив наказание крестьян: зачинщики, оставленные раньше на месте жительства, теперь должны были отправиться в Сибирь на поселение. Губернский стряпчий Бак за свое дерзкое заявление был отдан под суд, а могилевской Казенной палате был сделан выговор за неправильное отобрание имения.

В апреле 1809 года приговор над кошелевскими крестьянами был приведен в исполнение в присутствии военной роты, согнанных крестьян Кошелевского и соседних старостве, представителей могилевского дворянства и четырех крестьян, специально привезенных из волнующегося имения князя Огинского. Страшное зрелище телесной экзекуции терроризировало Кошелевское староство, и крестьяне дали подписку о повиновении властям.

Но эта жестокая расправа не остановила крестьянского движения. Когда в староство явился чиновник Сокол, чтобы заставить крестьян исполнять фольварковые работы, и крестьяне увидели перед собой перспективу перехода к новому арендатору, волнения возобновились с прежней силой. Напрасно Сокол грозил крестьянам и сажал непокорных в колодки. Крестьяне всей «громадой» отказались отбывать ненавистную барщину. Губернатор Берг должен был снова отправиться на

место волнений и, поговорив с крестьянами, убедиться в том, что «не предвиделось никакой надежды, чтобы можно было преодолеть сие их упорство».

На этот раз крестьяне победили. Им было разрешено принять участие в торгах на сдачу имения в аренду, другими словами, правительство согласилось признать их коллективным арендатором староства, т. е. фактически перевело их на денежный оброк. Крестьяне принялись обрабатывать фольварки, предложили на торгах 4 тысячи рублей вместо прежних 2 736 рублей 92 копеек и внесли требуемый от арендаторов денежный залог. С этого момента все усилия крестьян были направлены к тому, чтобы выручить 14 осужденных односельчан. Они подавали всеподданнейшие прошения, разыскивали ходатаев по делам, хлопотали в местных судебных инстанциях. Однако правительство считало, что дело сделано и виновные наказаны справедливо. Помогавшие крестьянам шляхтичи и чиновники неизменно арестовывались и отдавались под суд за возбуждение народа к ослушанию [1].

Еще драматичнее была история крестьянских волнений в Динабургском старостве, Витебской губернии. Здесь числилось 3 160 ревизских душ. Имение давало арендатору 23 454 рубля 86 копеек дохода. Оно находилось в пожизненном пользовании графа Платера, до 1772 года состоявшего каштеляном Троцким; после его смерти, в 1802 году, правительство передало староство в 20-летнюю аренду без уплаты кварты (т. е. в бесплатное пользование) жене и детям Платера. Крестьянские повинности староства регулировались сначала инвентарем 1765 года,— а затем, с 1772 года, новым инвентарем и приложенной к нему ведомостью. В 1783 году граф Платер решил изменить условия отбывания повинностей. Он сделал то, что делали многие поссессоры в условиях развивавшегося товарно-денежного хозяйства: он снес 4 крестьянских деревни и отвел их землю под 4 вновь устроенные арендаторские фольварка. Таким образом, крестьяне не только потеряли часть земельных наделов, но должны были отбывать увеличенную барщину. Они имели все основания считать этот шаг арендатора незаконным и начали упорную 35-летнюю борьбу, отстаивая прежний порядок, санкционированный инвентарем 1772 года: они подавали прошения министру финансов, жалобы самому царю в Петербурге и в Динабурге, посылали своих поверенных в столицу и, наконец, с 1815 года стали отказываться выполнять повышенные повинности.

Платер не хотел считаться с начавшимися крестьянскими волнениями. Он не только сохранил новые фольварки, но постарался застраховать себя ловким маневром в пользу местной администрации: он переуступил право владения несколькими фольварками местному исправнику Попову, ассессору земского суда Жабровскому и заседателю Лабун-

[1] ЦАВП, ф. ДПИ, 1803 г., № 199.

скому. Эти субарендаторы, по закону не имевшие права арендовать имения, широко воспользовались своей административной властью и побоями стали принуждать крестьян к еще более тяжелым повинностям; с другой стороны, они оказывали могущественную поддержку Платеру и обеспечили ему полное содействие со стороны уездной и губернской власти. Арендатор заявил, что инвентарь 1765 года пропал, так же как пропал и инвентарь 1772 года. С своей стороны, крестьяне перешли в контрнаступление: они использовали закон 1797 года о волостных выборах, хотя он не имел применения в западных губерниях, организовали свое волостное самоуправление и выбрали старостами и волостными головами людей, способных руководить их борьбой против поссессора. Чтобы расследовать это дело, правительство отправило в староство Г. Р. Державина, который должен был признать жалобы крестьян правильными, а действия Платера незаконными. Прежние повинности были восстановлены, но ненадолго: после отъезда Державина местная администрация снова разрешила требовать от крестьян увеличенную барщину.

В 1815 году была прислана специальная комиссия, которая 9 лет прожила в Динабургском старостве, но под давлением Платеров так и не закончила своего расследования. Жалобы и волнения динабургских крестьян обратили на себя внимание министра финансов Гурьева. То, что было сделано Платером, повторялось в других казенных имениях Украины и Белоруссии; волнения могли охватить более широкие районы и принять самые острые формы. Гурьев понимал опасность создавшегося положения и потребовал от местной администрации восстановления нарушенной законности. Казенная палата должна была составить новый инвентарь в соответствии с условиями 1765 года, произвести повторное расследование и, если жалобы крестьян подтвердятся, отобрать староство от Платеров и сдать его новому арендатору. Однако комиссия из местных чиновников повела себя иначе. Раньше, чем составлять какой бы то ни было инвентарь, она приказала крестьянам выполнять повинности по табели 1786 года, произвольно установленной Платером. С крестьян стали требовать подписок в том, что они будут подчиняться арендатору. Крестьяне не только отказались выполнить это требование — они отыскали в Динабургском поветовом суде затерянный инвентарь 1765 года и представили его в Казенную палату.

В 1817 году борьба приняла острые формы. Земская полиция во главе с исправником Поповым, лично заинтересованным в качестве субарендатора, выехала на место волнений, собрала ключвойтов, десятских и сотских, подвергла крестьян экзекуции, разгромила их дома и захватила часть их имущества. Крестьяне ответили активным сопротивлением: они окружили земскую полицию в деревне Осиновке, беспощадно избили чиновников кольями и камнями и, в конце концов, выгнали, их «с посрамлением». Тогда по распоряжению вице-губернато-

ра в Динабургском старостве были расквартированы два эскадрона гусар. В сопровождении военных отрядов арендатор объезжал непокорные деревни, ловил крестьян, разорял их дома и насильно вымогал у них подписки в повиновении. Гусары, в свою очередь, избивали крестьян, топтали их лошадьми, рубили убегающих обнаженными саблями, тяжело ранили 6 человек и на фольварке Лепенишке подвергли арестованных жестоким истязаниям. Крестьяне разбежались в леса, но продолжали оттуда вести борьбу против арендатора.

Незаконные действия комиссии были опротестованы министром финансов. В 1819 году имение было отобрано у Платеров, военная экзекуция была отменена, но вместе с тем было уничтожено волостное правление, организованное по закону 1797 года. Был составлен новый инвентарь, но он санкционировал все изменения, которые были внесены Платером. Охотников арендовать волнующее имение не оказалось и оно было поручено в управление временному администратору. Продолжая начатую борьбу, крестьяне принесли устную жалобу Александру I, когда он проезжал через Динабург, и получили от него обещание удовлетворить их просьбу. Министерство юстиции произвело новое расследование и пришло к выводу, что надо восстановить старый инвентарь 1765 года. Но на этот раз крестьяне, наученные опытом многолетней борьбы, решили обеспечить себя более надежной гарантией: они вызвались сами арендовать Динабургское староство, аккуратно уплачивая сумму, какую назначит само правительство. С Платеров они требовали взыскать за излишние повинности накопившуюся сумму в $8^1/_2$ миллионов рублей. Витебская Казенная палата выразила согласие сдать имение крестьянам, и от них был принят денежный залог, какой обычно вносили арендаторы. Таким образом, дело принимало такой же оборот, какой оно получило в 1809 году на территории Кошелевского староства: крестьяне фактически переходили на оброчное положение и тем самым завоевывали себе относительную свободу. В 1820 году крестьяне распределили между собой фольварочные земли и расселились по фольварочным зданиям.

Повидимому, местные землевладельцы, арендовавшие казенные имения, поняли неотвратимые последствия подобного прецедента и оказали энергичное воздействие на центральные органы власти. Министерство финансов, которое только что выступало против незаконных действий арендатора, круто изменило свою прежнюю точку зрения. Гурьев заявил, что перевод крестьян на денежный оброк недопустим, «ибо сие послужило бы примером для других крестьян искать таковой же свободы во вред казне». Мало того, Гурьев высказывался теперь за сохранение увеличенной барщины, введенной по распоряжению Платера, доказывая, что крестьяне Динабургского старостна легко справятся с новыми повинностями. Хотя крестьяне должны будут засевать не 72 четверти земли, как в 1765 году, а 400 четвертей, т. е. на тысячу

десятин земли больше, но их собственная пашня тоже увеличилась за это время — в 1765 году она составляла 6 280 десятин, а теперь, в результате лесных расчисток и осушения болот, она достигла 16 тысяч десятин. Нужно распределить барщинную повинность более равномерно между всем населением старостава — и тогда все будет справедливо и вполне осуществимо. Главные мотивы министра финансов были высказаны вполне откровенно. Ему казалось опасным отменять незаконные распоряжения арендатора, который отобрал у крестьян их наделы и устроил новые фольварки. Такова была практика всех арендаторов казенных имений, находившая поддержку и санкцию со стороны местной администрации. «При удовлетворении таковых требований (крестьян) надобно бы было много уничтожать фольварков и экономического хлебопашества, впродолжении 56 лет устроенного, и потребовалось бы за то вознаградить нынешних арендаторов до истечения их прав многими миллионами рублей за убытки, которые они от всего должны были бы понести»,— говорил Гурьев. Другими словами, перейти на оброк означало нанести удар русским и польским помещикам, арендовавшим казенные имения, рискуя при этом значительными расходами вследствие нарушения контрактов. Правительство предпочло другой путь — сохранить старую испытанную систему, подавивши волнения динабургских крестьян. Отсюда вытекал естественный вывод, который делал министр финансов: надо санкционировать изменения Платера, чтобы не возбуждать соответствующих притязаний у крестьян остальных казенных имений. Депутаты от динабургских крестьян были вызваны в Петербург для составления нового Положения. Сначала крестьяне отказались от выборов и посылки депутатов, увидев в этой мере признаки перемены правительственной политики. Затем часть крестьян отправила требуемых депутатов, но в Петербурге они отстаивали прежнюю крестьянскую точку зрения и резко разошлись с мнениями Министерства финансов.

В январе 1822 года Комитет министров и Александр I согласились с предложением Гурьева; тем самым были перечеркнуты обещания царя и прежние постановления правительства. Крестьяне увидели себя обманутыми и оставшимися без защиты, но они не прекратили затянувшейся борьбы и засыпали правительство новыми прошениями. В августе 1822 года Комитет министров решил сломить сопротивление динабургских крестьян суровыми мерами. Были произведены аресты вожаков, начато судебное следствие и сделаны внушения старостам и всем крестьянам. Однако допросы «возмутителей» только усилили брожение крестьян; они решительно отказывались принимать «кадры» (книжки, в которых были записаны их новые повинности), несмотря на усилия чиновников и нескольких священников, вооруженных крестами и евангелием. На все принуждения они отвечали криками: «Не желаем книжек, не желаем кадров! Батюшка государь обещал нам быть на обро-

ке». Когда крестьянские старшины начали разносить «кадры» по отдельным избам, крестьяне выбрасывали книжки на улицу. Таким же отказом ответили они на правительственные требования возвратиться из фольварочных домов и приступить к восстановлению фольварочных зданий.

В мае 1823 года Комитет министров решил принять еще более жестокие меры и ввести в Динабургское староство военные силы. Александр I поручил подавление волнений местному военному командованию. В селениях был расквартирован Великолуцкий пехотный полк, крестьяне были принудительно выведены из фольварков и под угрозой штыков должны были засеять назначенные им 400 четвертей земли. Кроме того, на крестьян легли тяжелые повинности, связанные с содержанием карательного отряда и различных военных команд, с починкой арендных строений и с возвращением хлебных ссуд. Через два года динабургские крестьяне были доведены до разоренья, доходность старостваа резко упала и сами начальники военных отрядов ходатайствовали о смене администратора и об оказании помощи разоренным крестьянам. Тем не менее, Комитет министров, который в марте 1824 года снова разбирал дело о положении Динабургского старостваа, остался на прежней точке зрения, ограничился выводом военной силы и ассигновками на поддержание фольварочного хозяйства.

В апреле 1825 года последовало окончательное решение по делу о волнениях в Динабургском старостве. Комитет министров утвердил приговор Сената о наказании 5 наиболее виновных крестьян 70 ударами плетей, а 4 из них, кроме того, ссылкою на поселение. Крестьяне потерпели тяжелое поражение, и вопрос о переходе казенных имений западных губерний с барщины на оброк был на несколько десятилетий снят с очереди [1].

Борьба против усиления барщины наблюдалась и в Гродненской губернии. В 1818 году крестьяне Гловсевицкого старостваа, находившегося во владении помещика Бишпинга, подали жалобу на чрезмерные притеснения со стороны арендатора. Они просили, чтобы их освободили от власти поссессора и заменили личную работу уплатой оброка. Крестьяне упорно отказывались от выполнения барщинных повинностей. То же самое, по донесениям литовского военного губернатора, происходило в старостве Борцянском, войтовстве Салатском, лесничестве Гродненском, экономии Слонимской, деревне Озеранах, Поранах «и прочих». По постановлению Комитета министров, литовский военный губернатор напомнил экономам, что надо строго держаться инвентарей,

[1] ЦАВП, ф. КМ, ЖКМ 1817 г., 26 сентября, лл. 541—548; 20 ноября, лл. 554—574; 1821 г., 26 января, № 1917, лл. 325—336; 1822 г., 22 августа, №№ 1371—1372, лл. 182—187; 1823 г., 1 мая, № 572, лл. 26—34; 1825 г., 11 апреля, № 643, лл. 177—181; ПСЗ, XXXIX, 29857; ЦАВП, ф. Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, № 89 за 1822

произвел аресты крестьянских вожаков, предал их суду, наиболее упорствующих наказал публично плетьми и расквартировал по селениям воинские команды. Крестьяне вышли на работы, но не прекратили начатой борьбы и продолжали подавать всеподданнейшие жалобы на арендаторов [1].

В 1818 году крестьяне фольварка Берещизна, Слонимского уезда, Виленской губернии, подали жалобу на своих поссессоров, которые наложили на них тягостные работы, принуждая выполнять их мучительными побоями. По словам крестьян, арендатор маршал Пословский дал Виленскому суду 500 червонцев, и поэтому все их жалобы оставались безрезультатными. Ссылаясь на грамоты польских королей (впоследствии отмененные польским правительством), крестьяне просили восстановить их в правах свободных людей и освободить их от подчинения поссессорам. Комитет министров оставил жалобу без последствий [2].

Несколько раньше, в 1808 году, были охвачены волнениями государственные крестьяне Режицкого староства, Витебской губернии. Они отказались повиноваться арендатору барону Корфу, напали на приехавшую земскую полицию и сопровождавшую ее военную команду, избили чиновников и освободили арестованных крестьян, руководивших движением. Витебский губернатор, приехав на место волнений в сопровождении кавалерийского эскадрона, прибегнул к хитрому маневру. Он притворился защитником крестьян, вступил с ними в переговоры, даже арестовал управляющего, объявил крестьянам, что они вполне правы и таким образом завоевал их доверие. Но когда явились скрывшиеся руководители движения, губернатор арестовал их и с помощью эскадрона подавил волнение [3].

В 1819 году отказалось подчиниться арендаторам население местечек Дывина, Городца и Мальча, Гродненской губернии. Когда-то крестьяне этих поселков пользовались мещанскими привилегиями; после разделов Польши они были пожалованы в аренду Румянцеву-Задунайскому и другим помещикам, но не переставали осаждать правительственные суды исками о свободе. Чтобы сломить сопротивление борющихся крестьян, в имение были введены военные отряды и барщинников стали выгонять на полевые работы в сопровождении конвоя [4].

В 1828 году в духовном имении Пошвитин, Виленской губернии, крестьяне отказались повиноваться арендатору Гедройцу. Дело кончилось организацией военного суда и присуждением нескольких «зачинщиков» к телесным наказаниям и к сдаче в солдаты [5].

На Правобережной Украине аналогичные волнения вспыхнули еще в 1803 году в Побережском имении Подольской губернии. Сначала

[1] ЦАВП, ф. ДПИ, 1818 г., № 28.
[2] ЦАВП, ф. ДПИ, 1808 г., № 218.
[3] ЦАВП, ф. ДПИ, 1818 г., № 21.
[4] ЦАВП, ф. ДПИ, 1819 г., № 151.
[5] ЦАВП, ф. ДПИ, 1828 г., № 137.

крестьяне подали жалобы на бесчеловечные поступки управляющих имением — главного комиссара и оффициалиста, подтвержденных впоследствии произведенным дознанием. Затем, когда крестьяне должны были перейти во владение нового арендатора, они отказались признать его власть и выполнять для него повинности, предусмотренные инвентарем. Крестьяне 5 деревень во главе со своими священниками принесли торжественную присягу помогать друг другу и не соглашаться на работу в пользу поссессоров. Местная администрация отправила в волнующиеся деревни военные команды, произвела аресты и применила «строжайшие меры» (повидимому, массовое сечение розгами) [1].

Крестьянские волнения имели место и в прибалтийских губерниях. В 1817 году крестьяне отказались выполнять повинности на четырех мызах Эстляндской губернии. В связи с произвольными действиями чиновников, в 1819 году вспыхнуло движение в Курляндской губернии, на казенной мызе Грендзель, в приходе Эрваленском и обергауптманствах Газенподском, Пильтенском и Кандаусском. В некоторые селения были введены войска, которые имели вооруженные столкновения с крестьянами [2].

Когда в 1811 году Александр I пожаловал в аренду курляндскому дворянству казенные мызы Петерталь, Ирмлау, Дегален и Фридрихсбер, крестьяне отказались давать сведения, требовавшиеся при описи дворов и составлении контракта. Были вытребованы две роты Севского полка, которых расквартировали по крестьянским дворам для экзекуции. Вице-губернатору удалось успокоить крестьян обещанием, что дворянство не станет увеличивать крестьянские повинности и приводить крестьян к присяге на службу [3].

Можно предполагать, что описанными волнениями не исчерпывалось движение государственных крестьян в первые два десятилетия XIX века. Департамент полиции исполнительной и журналы Комитета министров отразили только наиболее крупные протесты казенной деревни. Однако имеющихся материалов вполне достаточно, чтобы сделать некоторые общие выводы. Борьба, которую вели государственные крестьяне, по своим причинам, формам и целям носила такой же характер, какой имели волнения помещичьих крестьян за тот же период. Это была борьба против феодальной эксплоатации — борьба против отобрания земли, увеличения повинностей и усиления внеэкономического гнета. Там, где крестьяне находились под властью арендаторов и отбывали барщину, они стремились освободиться от власти частных владельцев, перейти в непосредственное ведение казны и ограничиться платежом денежного оброка. Там, где крестьяне закрепощались в частные руки, передавались в военное или горное ведомство, они вступали

[1] ЦАВП, ф. ДПИ, 1803 г., № 113.
[2] ЦАВП, ф. ДПИ, 1817 г., № 62; 1819 г., № 25
[3] ЦАВП, ф. ДПИ, 1811 г., № 2.

в борьбу, чтобы отстоять свое прежнее, относительно свободное положение. Материалы о волнениях государственных крестьян наглядно подтверждают вывод, что рассматриваемая категория земледельческого населения была объектом феодальной эксплоатации со стороны дворянского государства.

Тем не менее, в глазах помещичьих крестьян положение их соседей и собратий — крестьян государственных — казалось желанным и близким идеалом: несмотря на феодальную зависимость, государственные крестьяне, по крайней мере во внутренних губерниях, чувствовали себя относительно свободными. Вот почему в 1796—1797 годах, во время повсеместного массового движения помещичьих крестьян, они выдвинули руководящий лозунг — передачи их в государственную казну [1]. Вот почему бывшие казенные крестьяне, пожалованные частным владельцам, подавали многочисленные прошения о возвращении их в казенное ведомство [2]. По компетентному заключению шефа жандармов, высказанному в 1828 году, «приходя в соприкосновение с казенными крестьянами... крепостные невольно учатся ценить те преимущества, коими пользуются свободные сословия» [3]. Это явление не оставалось тайной и для дворянства. Соседство казенных деревень, которые жили более свободной жизнью, воздействовало на настроение помещичьих крестьян и поселяло в сознании крепостников ощущение настороженной тревоги.

Но тревожились не только помещики. Чем дальше, тем больше задумывались над положением государственных имений представители правительственной власти. Растущее обеднение казенных крестьян и упадок их платежеспособности оказывались в резком противоречии с ростом государственного бюджета и необходимостью расширить его финансовые источники. Волнения государственных крестьян, переплетаясь с движением помещичьих крепостных, усиливали разложение феодальной формации и заставляли самодержавие искать выхода из создавшегося положения. Вопрос о государственных крестьянах, о необходимости хозяйственной и административной реформы казенной деревни выдвигался на очередь неотвратимым ходом общественного развития.

---

[1] Е. П. Трефильев, Очерки из истории крепостного права в России, 1904, стр. 21—30, 110—118, 144—146, 148—154 и т. д.

[2] Типичным примером может служить полувековая борьба бывших государственных крестьян селения Маслов Кут около Пятигорска (см. Я. И. Линков, Крестьянское движение в России во время Крымской войны 1853—56 гг., М. 1940, стр. 13).

[3] Крестьянское движение 1827—1869 гг. Центрархив, вып. I, 1931 г., стр. 9.

Глава вторая

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ РЕФОРМЫ

1. Проекты декабристов. 2. Проекты крепостников. 3. Планы Екатерины II и Павла I. 4. Колебания Александра I. 5. Проект Д. А. Гурьева. 6. Проект Е. Ф. Канкрина и Положение 1826 года. 7. Комитет 6 декабря 1826 года и проект Александра Куракина. 8. Комитет В. П. Кочубея и проекты М. М. Сперанского. 9. Положение вопроса после 1830 года. 10. Итоги правительственных проектов к 1835 году.

1. Проекты декабристов

Наиболее прогрессивную позицию в вопросе о государственных крестьянах заняли дворянские революционеры, которые стояли на буржуазной, западноевропейской точке зрения. Тяжелое положение государственных крестьян не укрылось от пристального внимания декабристов. В известной сводке делопроизводителя следственного комитета Боровкова, составленной к сведению Николая I, мы находим специальный раздел на эту тему. Батенков, Штейнгель, Каховский и другие члены тайного общества возмущались насильственным обращением свободных земледельцев в военных поселян, тяжестью крестьянских натуральных повинностей, хищениями земской полиции, беспощадным выколачиванием недоимок[1]. Но наиболее глубокую и всестороннюю постановку вопроса о казенных крестьянах дал Пестель в своем политическом трактате «Русская Правда». Пестелю были ясны важнейшие стороны этой обострявшейся проблемы: не только вопрос о гражданской неравноправности крестьян, но и вопрос о земле, об усиливающемся расслоении деревни, о перспективах ее хозяйственного развития, о поземельной общине. На все эти вопросы Пестель дал определенные и точные ответы, которые связываются в цельную конструкцию, пронизанную руководящей идеей — радикально покончить с остатками феодального прошлого и обеспечить каждому освобожденному земледельцу

[1] ЦАВП, ф. К 26, № 179. Из писем и показаний декабристов, под ред. А. М. Бороздина. СПб, 1906, стр. 59, 62.

возможность вести самостоятельное хозяйство и свободно накоплять денежные средства.

По проекту Пестеля, все государственные крестьяне, к каким бы разрядам они ни принадлежали,— вольные хлебопашцы, малороссийские казаки, панцырные бояры, однодворцы, колонисты, крестьяне экономические и арендные — вступали в общий состав российского гражданства и получали права, которыми обладали все остальные граждане; все они становились лично свободными и политически полноправными; особые преимущества и обязанности отдельных крестьянских групп ликвидировались; права, принадлежавшие исключительно купечеству и мещанству, одинаково присваивались всем земледельцам. Таким образом падали сословно-феодальные перегородки и устанавливалось полное гражданское равенство. При этом бывшие государственные крестьяне расписывались по волостям, которые становились основными клетками общественной ткани. В пределах волости каждому гражданину было обеспечено участие в самоуправлении (выборы в «наместные собрания») и косвенное право избрания народных представителей в высший законодательный орган — «Народное Вече».

Переходя к главному вопросу — о земле, Пестель различал две категории государственных крестьян: 1) «вольных земледельцев», которые наряду с участием в общинном землепользовании обладали частной собственностью на землю («малороссийские казаки», «однодворцы», и пр.) и 2) казенных крестьян в собственном смысле слова, которые сидели на землях казны и составляли вместе с ним государственное имущество (крестьяне экономические, арендные, старостинские) [1]. Пестель был очень далек от мысли, что можно единым росчерком пера мгновенно установить единообразную систему земельных отношений: наоборот, он требовал от Временного верховного правления «внимательного соображения временных обстоятельств, частных случаев и местных положений». Исходя из своей основной двусторонней задачи — обеспечения каждому гражданину необходимого пропитания (за счет волостного земельного фонда) и благоприятных условий для доставления изобилия (с помощью частной собственности), Пестель считал необходимым постепенный переход к такому наилучшему порядку. Быстрее всего должен был осуществиться его план на территории «вольных земледельцев»: Временное верховное правление обязано было проверить право их частной собственности на землю, а в случае отсутствия документов произвести повальные обыски (т. е. массовые опросы), снабдить владельцев письменными актами и, наконец, разделить всю волостную землю на две равные половины — частную и общественную. При избытке частной земли должна была производиться ее принудительная отрезка с вознаграждением собственника деньгами или землею; при излишке общественных земель она отдавалась в

[1] К этой второй категории Пестель причислял также удельных крестьян.

частную собственность, распределяясь равными долями между членами волости. Иначе, значительно сложнее и медленнее, осуществлялся идеальный аграрный строй на землях «казенных крестьян». Первоначально земельные угодья разделялись на две равные половины: общественную, которая оставалась в непосредственном пользовании крестьян, и казенную, которая попрежнему составляла собственность государства. В течение 10—15 лет крестьяне, по Пестелю, продолжали отбывать казне барщинные и оброчные повинности — это была несомненная уступка феодальному прошлому. Казенную землю желающие крестьяне могли арендовать и покупать отдельными участками; в каждой волости, кроме страховых учреждений, создавались «маленькие банки и ломбарды», которые, судя по контексту, должны были облегчать эти частные земельные операции. Так постепенно, наряду с общественным земельным фондом, должны были образоваться собственнические участки «для доставления изобилия». Но Пестель не досказал до конца своего земельного плана: остается неясным, предоставлял ли он этот процесс собственному течению — стихийному и нестесненному заключению сепаратных сделок, или он находил необходимым планомерное вмешательство государства, которое специальными распоряжениями должно было содействовать превращению «казенной» земли в землю частновладельческую. Повидимому, развивая революционный план аграрного передела, Пестель задумался над финансовыми интересами государства, так же как он остановился в колебании и нерешимости перед другим вопросом — как перенести эту идеальную аграрную схему на дворянские частновладельческие земли? Но такая недоговоренность не изменяет принципиальной линии пестелевского проекта рано или поздно разделение земель на общественную и частную половины должно было охватить все волости Российской республики. Поземельная община сохранялась там, где она существовала раньше, и создавалась там, где ее не было; но в недрах этого хозяйственного союза, как его необходимое и закономерное дополнение, допускался институт частной собственности на землю. Община должна была предотвратить недостаток и нищету; частная собственность — обеспечить накопление богатства (ибо «богатые,— говорил Пестель,— всегда будут существовать, и это очень хорошо»); санкционируя начавшееся расслоение казенной деревни, Пестель открывал свободные пути капиталистическому накоплению, но пытался предупредить его разрушительные последствия частичной иммобилизацией земельных угодий. Конечно, вся эта схема была аграрной утопией, исходившей не из понимания законов исторического развития, а из субъективно-рационалистических построений «естественного права». Но объективный классовый смысл пестелевской конструкции представляется вполне ясным: несмотря на все свои колебания и компромиссы, Пестель разрушал сословную обособленность государственных крестьян, в конце концов ликвидировал их

феодальную зависимость, обеспечивал их землей и устранял юридические преграды буржуазному развитию. Это была наиболее прогрессивная, наиболее буржуазная из всех выдвинутых точек зрения [1].

Никита Муравьев в последовательных редакциях своей конституции тоже уделил определенное место государственным крестьянам, но он не пошел так смело и так далеко, как Пестель. Феодально-дворянское прошлое сильнее тяготело над его сознанием: он оставался солидарным с Пестелем в первом вопросе — об уничтожении сословной неравноправности крестьян, он постулировал гражданскую свободу личности и всеобщее равенство перед законом, но он оказался гораздо умереннее в постановке второго вопроса — о наделении землею. Н. Муравьев тоже различал две категории государственных крестьян, но он представлял их иначе, чем Пестель: в первый разряд, под именем экономических, он относил крестьян, состоявших на оброчном положении [2], во второй он зачислял «поселян, живущих в арендных имениях», т. е. находившихся в частном пользовании, на положении барщинников. За крестьянами-оброчниками закреплялась в собственность вся та земля, которую они фактически занимали; поземельная община у них сохранялась, и сами крестьяне получали название «общих владельцев». Что касается арендных имений, то здесь земли оставались «за теми, кому они были даны, и по то время, на которое они даны». Отсюда вытекает логический вывод: крестьяне, пользовавшиеся участками арендованной земли, продолжали отбывать за нее барщину и оброк, т. е. оставались в феодальной зависимости до окончания срока аренды. Правда, они могли уйти из арендного имения, но тогда за потерю соответствующих доходов арендатора они должны были внести ему определенное вознаграждение, установленное законом. Такое же единовременное вознаграждение «за плату земских повинностей» вносили своему обществу «общие владельцы», если они вздумают оставить свое селение и переселиться в другое место. Во второй редакции своей конституции Н. Муравьев исключил этот пункт о вознаграждении, которое критика рассматривала как непосильную и ненужную преграду свободному передвижению, но арендные земли он попрежнему оставил во временном обладании частных поссессоров. Вопрос о дальнейшей судьбе казенных земель Прибалтики, Украины и Белоруссии оставался неразрешенным, так же как остался открытым другой вопрос — о замене общинного землевладения частной собственностью на землю. С точки зрения экономического либерализма Н. Муравьеву была ясна необходимость ликвидации общины, но осуществление такого радикального переворота он передавал на волю будущего законодательного собрания.

---

[1] П. И. Пестель, Русская Правда, СПб. 1906, стр. 81—86, 202—211, 214—215. Ср. «Красный Архив», 1925, № 6 (13), стр. 283.

[2] Сюда попадали и удельные крестьяне, поскольку земельное обеспечение императорской фамилии, а следовательно, и «удельное правление» ликвидировалось Н. Муравьевым.

В этом отношении некоторые члены Северного Общества, в частности Тургенев и Николай Бестужев, занимали более решительную и прогрессивную позицию: в соответствии с новыми буржуазными принципами, они требовали уничтожения законодательным порядком поземельной общины и полной самостоятельности хозяйствующего индивидуума. Пока государственные крестьяне оставались на положении общинников, Н. Муравьев не признавал у них наличия земельного ценза и не обеспечивал им политического равноправия: при выборах они получали только право избрания выборщиков как уполномоченных целого общества (по 1 на 500 жителей мужского пола). Таким образом, и в конституции Н. Муравьева мы встречаем ряд колебаний и недоговоренностей, вытекающих из двойственной позиции дворянского революционера. В конце концов, Н. Муравьев санкционировал наличные поземельные отношения и временно сохранил поземельную общину; но в то же время он решительно ликвидировал сословно-феодальные перегородки и, предоставляя государственным крестьянам гражданскую свободу, устранял юридические преграды для буржуазного развития. В этом отношении Н. Муравьев шел рука об руку с Пестелем, хотя и делал бо́льшие уступки феодальному прошлому [1]. Мы имеем право сказать, что в лице революционных декабристов дворянская политическая мысль дала наиболее прогрессивное решение выдвинутой проблемы: несмотря на внесенные оговорки и коррективы, она потребовала — одновременно — ликвидации феодализма помещичьего и ликвидации феодализма государственного.

2. Проекты крепостников

Совершенно иную позицию заняла феодально-аристократическая группировка, исходившая из противоположных принципов — укрепления сословной иерархии, расширения дворянских привилегий, экономического усиления помещиков и сохранения крепостного права. Точку зрения этого дворянского течения особенно отчетливо и подробно выразил известный деятель XVIII века, князь М. М. Щербатов. Задумавшись о причинах голода 1767 года, Щербатов в специальной статье на эту тему сурово критиковал низкую постановку земледельческой техники, плохое использование казенных земель и недостаточное рачение о хлебопашестве. Ему представлялись как будто понятными основные причины сельскохозяйственной отсталости: он выражал недовольство, что многие коронные земли розданы и распроданы богатым вельможам, «захватившим многие тысячи десятин»; из этих земель «иные лежат впусте, а другие отдаются в наем для паствы, тогда как множество и государственных крестьян не имеют и по осмине на работника высеять». Такое положение, по мнению Щербатова, должно быть радикально изменено. Как же именно? Для ликвидации отсталости Щербатов пред-

[1] Н. Дружинин, Декабрист Н. Муравьев, М., 1935, стр. 307, 323, 324, 326

лагал создать специальную «Государственную коллегию земледелия и домоводства» и поручить ей проведение широкого плана агрономических преобразований. Коллегия должна была выписывать из-за границы образцовые сорта хлеба, лучшие породы скота и усовершенствованные орудия, заводить опытные фермы, распространять новые овощи и плоды (например «земляные яблоки», т. е. картофель), разбивать сады, устраивать виноградные и шелковичные плантации, открывать запасные хлебные магазины, развивать коммуникации, населять и оплодотворять пустующие земли. В ведомство Коллегии земледелия должны были перейти все государственные крестьяне со всеми казенными землями; Коллегии поручалось иметь о них попечение через особых директоров домоводства, руководить их хозяйством и переселять малоземельных на свободные пространства. Но Щербатов не верил в успешность казенного хозяйства и в способности государственного крестьянина: его идеалом была патриархальная вотчина дворянина, который энергично печется о повышении собственного дохода. Поэтому главную меру «для обновления упадшего у нас земледелия» Щербатов видел в распродаже дворянам всех государственных и экономических деревень вместе с населяющими их крестьянами, «щитая кругом по 80 рублей за душу». Щербатов настаивал, что эту операцию нужно провести не так, как проходили до сих пор правительственные пожалования: «продажу сию сделать, распределяя по чинам, в прибавку к имеющимся деревням, дабы большие бояры и любимцы их все не расхватали, а участники не толь велики были, чтоб за великим числом деревень и смотрения за ними не было и ниже бы кто мог на выбор оные взять и получить по жеребью с позволением меняться». Для облегчения покупки государство не должно было требовать от дворян наличных денег: оно продавало им земли с крестьянами в долг, под залог продаваемых деревень и ограничивалось ежегодным получением процентов с постепенным погашением покупной суммы. По тому же принципу производилась продажа излишних ненаселенных земель государства. От реализации этого дворянского «аграрного передела» Щербатов ожидал самых плодотворных результатов: «каждый бы старался умножить разные домостройства в сих деревнях; дворянство бы обогатилось, земледелие и другие домоводства умножились, службы наградились, крестьяне их лучше бы управляемы и защищены были; недоимок бы не было, и казна не токмо бы (не) потеряла, но нашла прибыль в денежном своем доходе» [1].

И здесь классовый смысл развиваемого проекта представляется вполне ясным: Щербатов стремился расширить и легализировать происходившие процессы закрепощения казенных крестьян и расхищения государственного земельного фонда; по его плану сословие «свободных сельских обывателей» уничтожалось, а государственные крестьяне

---

[1] М. М. Щербатов, Рассуждение о повсеместном голоде в России 1767 года «Чтения в Обществе истории и древностей российских». 1860, часть 1.

окончательно сливались с помещичьими и становились объектом бесконтрольной эксплоатации со стороны дворянства; приобретение нескольких миллионов душ и десятков миллионов десятин земли необычайно усиливало экономическую мощь господствующего класса; наконец, с уничтожением казенных деревень — этих опасных очагов «необузданной свободы» — утверждалось и гарантировалось спокойствие в помещичьей вотчине. «Государственный феодализм» ликвидировался, уступая свое место феодализму помещичьему.

Трудно сказать, насколько известной и распространенной была эта статья Щербатова, но нам хорошо известно, что высказанные им взгляды находили себе сочувствие и поддержку в рядах дворянского сословия. Еще за 20 лет до проекта Щербатова новгородский губернатор Сиверс предложил Екатерине II раздать экономических крестьян в аренду желающим дворянам. Этот проект обсуждался при императорском дворе, но не встретил поддержки со стороны влиятельных аристократов: в противовес предложению Сиверса, они настаивали на распродаже экономических крестьян в собственность отдельным помещикам [1]. Через 60 лет предложение Сиверса возродилось в новой редакции в многочисленных записках, проектах и заметках гр. Н. С. Мордвинова. Просвещенный поклонник Смита и Бентама, апологет личной свободы и частной собственности, Мордвинов умел красиво и либерально критиковать существующий порядок; состоя президентом Вольно-Экономического общества и членом правления Российско-Американской компании, он лелеял обширные планы торговой и промышленной экспансии; он понимал необходимость распространения знаний, заимствования европейской техники, поднятия производительных сил страны. Но эти характерные черты новой буржуазной идеологии не мешали Мордвинову оставаться на феодальных позициях в основных вопросах социально-политической жизни: принципиально осуждая рабство, он неуклонно боролся против всех проектов эмансипации; выступая против самодержавия, он противопоставлял ему идеал аристократической олигархии.

Положение, создавшееся в казенной деревне, приковывало к себе пристальное внимание Мордвинова. В специальной записке, обращенной к Александру I незадолго до восстания декабристов, он не пожалел красок для суровой и смелой характеристики русской действительности: «Там, где сохою скребут землю не глубже как на 4 пальца, где работает скот малосильный, всегда тощий, где паренина существует, где урожай дает от 3 до 4 зерен, где на десятине накашивают 30 или много 50 пудов сена, где коровы питаются соломою, а люди едят хлеб мякинный, конечно, владыке сих 12 миллионов душ достаточного стя-

[1] В. Семевский, Казенные крестьяне в царствование имп. Екатерины II. РС, 1879, № 5, стр. 39; В. Семевский, Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. II, СПб, 1901, стр. 280—283.

жания от них ожидать не можно... Но в сей дикости она (империя) и навеки остаться должна будет, если населяющие ее 12 миллионов пахарей и пастухов, живя среди мхов и дебрей, в грубых деревенских хижинах, оставляемы будут без всякого урядства и просвещения их во всем том, что потребно к благоденствию народному». Мордвинов непрерывно возвращался к интересующей его теме: разбирая положение государственных крестьян, он неустанно говорил о тяжести податей и натуральных повинностей, о вреде частых рекрутских наборов, о стесняющем влиянии паспортной системы и правовых ограничений, о размножении кабаков, о вымогательствах низших чиновников и вообще о дурной постановке казенного управления[1]. Мордвинов подходил к поставленному вопросу с широкой общегосударственной точки зрения: всеобъемлющей реформой он хотел поднять шатающиеся финансы, вдохнуть новую жизнь в отсталую и косную земледельческую массу. В чем же он видел главное орудие намечающегося преобразования?

Мордвинов решительно отстранял распространенное мнение, что главная причина всех бедствий, испытываемых государственными крестьянами, заключается в их малоземелье. Наоборот, по его словам, «недостаток земель для казенных поселян должно почесть счастливым для России обстоятельством»... «ибо доколе поселянин владеет великим пространством земли, дотоле он будет оставаться, наверно сказать можно, в скудном состоянии: при паренине, трехпольном разделении земли, при посеве ржи, овса, гречи, без всякого искусственного обрабатывания земли... Вместо того, чтобы наделить крестьян великим пространством земли, именно по 15 десятин на душу, должно бы там, где земли много, уменьшить количество в наделении их... Посему неблагоразумно делает тот министр финансов, который переводит казенных крестьян в те губернии, где пустой земли во множестве находится. Сию пустую землю полезнее бы было обращать в частную собственность, ибо и дворяне многие нуждаются в потребном для них количестве земли. Не видим ли, что ростовцы от малоземелья сделались искусными огородниками, костромитяне от бесплодия земли — плотниками, каменщиками и в прочих ремеслах искусными?» По мнению Мордвинова, причина крестьянского оскудения — не малоземелье, а принадлежность крестьян государственной казне, которая по самому своему существу не умеет и неспособна вести правильного хозяйства. Вот — настоящее «черное пятно», которое омрачает экономическое положение России и всегда будет умалять ее благосостояние. Чтобы выйти из состояния отсталости и дикости, нужно раздать казенных крестьян и государственные земли в частные руки, сделать их «частной собственностью многих, могущих радетельное об оных иметь попечение и приложить искусство к каждому участку для извлечения из оного способляемый

[1] Архив гр. Мордвиновых, СПб, 1902—1903, т. IV, стр. 204—205; т. II, стр. 59—60, 77—80; т. IX, стр. 31—33, 43, 64, 67, 74, 76, 129—131.

природою плод. Без такового последовавшего в России преображения она процвести не возможет, и скудость всеобщая пребудет вовеки» ...

В 1826 году Мордвинов составил детальный план такого «преображения» России. Согласно этому проекту, государственные крестьяне вместе со своими наделами и добавочной площадью земли передавались в долгосрочную аренду на 50—100 лет частным лицам (Мордвинов разумел под ними помещиков) и учебным заведениям. Помимо оброка, который оставался неизменным и попрежнему вносился государству, крестьяне от 18 до 50 лет облагались в пользу арендатора барщинными повинностями в размере 1 дня в неделю. С разрешения правительства арендаторы могли продавать, дарить и менять крестьян, но не имели права раздроблять деревни при передаче их по наследству. В качестве специальной льготы, установленной для арендаторов, слагались все крестьянские недоимки, накопившиеся до момента сдачи в аренду; зато арендатор брал на себя обязательство ввести в имении плодопеременную систему и учредить в нем деревенский банк, который процентными платежами на вложенные капиталы гарантировал государству уплату государственных податей. О размерах крестьянских наделов и об ограничении вотчинной власти Мордвинов не говорил ни одного слова,— здесь все предоставлялось на добрую волю самого арендатора. Как правило, в аренду должны были поступать деревни, обеспеченные землей, с крестьянским наделом не менее 6 десятин на душу. Малоземельных крестьян правительство должно было поощрять к выселению в города, освобождая их на 10 лет от уплаты государственных и городских налогов. Но Мордвинов допускал возможность и другого рода переселений — на пустопорожние земли отдаленных районов. Однако и тут он отдавал предпочтение частному помещичьему хозяйству: он требовал, чтобы казенные ненаселенные земли в Сибири и в смежных губерниях были распроданы, не дороже 50 копеек за десятину.

Крестьяне, которые еще не перешли в частные руки, должны были состоять в ведении министра двора и подчинены правилам удельного, т. е. частновладельческого управления; Мордвинов отказывался видеть в них «свободных сельских обывателей» и трактовал их — по аналогии с помещичьими — как «крепостных государя императора». Весь этот план увенчивался образованием Министерства сельского хозяйства, которое, по примеру щербатовской Коллегии домоводства, развертывало обширную программу агрономических улучшений [2].

[1] Архив гр. Мордвиновых. СПб, 1902—1903, т. V, стр. 716—717; т. IX, стр. 131—133, 136—137.

[2] Архив гр. Мордвиновых, СПб, 1902—1903, т. VIII, стр. 70—71, 172—173, 439, 502—504, 539, 566—567, 570—636; т. IX, стр. 365, 407, 432. В полном соответствии с этим проектом стоит конституционный проект Мордвинова, предусматривавший пожалование вельможам, членам Государственной думы, неотчуждаемых майоратов из состава казенных имуществ, размером не менее 10 тысяч душ оброчных крестьян (Архив гр. Мордвиновых, т. IV, стр. VIII—XIX).

В подтверждение своего проекта Мордвинов мог бы сослаться на мнение Адама Смита о преимуществах частного хозяйства и выгодах распродажи государственных доменов. Но такая формальная ссылка лишний раз подкрепила бы наше общее впечатление: за оболочкой либеральной фразеологии перед нами раскрывается типичный образец дворянской крепостнической мысли. Проект Мордвинова на 40 лет моложе щербатовского, отсюда — его смягчающие коррективы и дополнения (аренда вместо продажи, однодневная барщина вместо бесконтрольной эксплоатации и т. д.), но по существу они остаются классово-однородными: и тот и другой сливают государственных крестьян с помещичьими крепостными и передают национальный земельный фонд в полное распоряжение дворянства.

Такое решение вопроса было не менее радикально, чем предложения декабристов, но в диаметрально противоположном, реакционно-крепостническом направлении.

Мнения Мордвинова не были одинокими: в том же 1826 году, когда он составлял свои «Рассуждения об исправлении финансов», Николаю I была представлена всеподданнейшая записка статс-секретаря Н. Н. Муравьева «О владении землями без обладания живущими на них крестьянами».

Автор записки исходил из убеждения, что частное земледелие всегда лучше казенного и что заслуженным чиновникам нужно давать чрезвычайные и прочие награждения; между тем, аренд осталось мало, «а земель пустопорожних еще менее». Поэтому «для пользы человечества и правительства» автор предлагает жаловать населенные государственные земли в вечное и потомственное владение служащим дворянам, «не присваивая им, впрочем, лица и имущества сих крестьян». Казенные деревни должны были поступать к приобретателям с лесами и всеми угодьями; крестьяне попрежнему платили государству подати и оброк, но сверх того они облагались в пользу собственника земли определенною суммою «за покровительство, которое владелец будет им оказывать в их местных делах и повинностях». Размер такого годичного взноса варьировался в зависимости от положения и доходности имения, а также от улучшений, введенных помещиком; если крестьяне были несогласны на повышение платежа, они могли переселиться на другие — казенные или частные — земли. Через каждые 6 лет собственники пожалованных земель вместе с соседними помещиками должны были обсуждать вопрос, нельзя ли повысить государственный оброк и, в случае надбавки, половину этой добавочной суммы получали в свою пользу. Обязательным условием пожалования было точное определение «количества пахотной, сенокосной и дровяной земли, которое на каждую ревизскую душу должно давать крестьянину от владельца земли»; но если с размножением населения почувствовался бы недостаток в земле, крестьяне могли переселяться за пределы имения.

Автор не находил слов, чтобы изобразить все преимущества подобной раздачи государственных имений. Эта мера должна была не только вывести казенные земли из состояния «беспорядка, небрежения и запустения», не только обеспечить приложение к ним капитала и знаний, но и послужить переходною мерою к уничтожению крепостного права. «Вот один из легчайших и неприметных способов, чтобы освободить крестьян из рабства!» — воодушевленно, но совершенно необоснованно восклицал автор. «Ко всему прочему,— прибавлял Муравьев,— будет уничтожено самоуправство волостных правлений, и станет легче тяжелое положение казенных крестьян» [1].

Проект статс-секретаря Муравьева несколько отличался от проекта Мордвинова, так же как проект Мордвинова несколько отступал от старого плана Щербатова. Крестьяне не продавались и не сдавались в аренду, а жаловались бесплатно в полную собственность помещиков; однако им обеспечивалась личная свобода; они не могли быть переведены на барщину, а размеры их наделов и платежей утверждались правительством. Тем не менее, эти смягчающие поправки не изменяли существа дела — государственные крестьяне все-таки становились крепостными, феодально зависимыми от помещиков; они теряли право свободного распоряжения своею землею и должны были нести повышенные повинности.

В условиях первой половины XIX века не все дворяне решались развертывать такую программу-максимум, какая вышла из-под пера Щербатова, Мордвинова и Н. Н. Муравьева: чем сильнее обострялся кризис феодально-крепостнической системы, чем выше поднималась кривая крестьянского движения, тем меньше успеха могла завоевать мысль о полном закрепощении государственных крестьян. Зато выступала на первый план облеченная в пышную либеральную фразеологию другая идея Щербатова и Мордвинова — о дешевой распродаже государственных земельных имуществ. Еще в 1801 году, в связи с изданием известного закона о праве лиц податных сословий приобретать ненаселенные земли, граф Валериан Зубов, один из братьев екатерининского фаворита, подал Александру I пространную записку о необходимости широкой и всесторонней реализации этой меры. В частности, Зубов останавливался на положении государственных крестьян, на низком уровне их хозяйства и на их гражданском бесправии; по его мнению, государственные крестьяне только «сохранили некоторую тень бытия»: все их права, закрепленные законами,— переходить с места на место, поступать в купечество и мещанство, быть судиму себе равными,— призрачны, нереальны. Напрасно думать, что источник этой бедности и бесправия в малоземелье. Предвосхищая позднейшее мнение Мордвинова, Зубов говорил о ненужности и вреде новых прирезок: «Какая польза в том, что крестьянин займет великое пространство земли и худо ее

[1] ЦАВП, ф. ГС К 26, № 106.

возделает? Опыт лучших губерний — Ярославской, Калужской, Костромской и прочих — доказывает, что не пространство земель, но число возделывающих рук делает их плодоносными». Чтобы поднять доходность государственных земель, нужно, по мнению Зубова, превратить их из государственных в частные, т. е. распродать всем желающим. Автор проекта рисовал самые радужные перспективы осуществления этой меры: «Сия продажа земель доставит государству вместо пустошей цветущие поля и в то же время даст правительству важные капиталы, а капиталы сии, быв рассыпаемы в народ посредством публичных зданий, строения дорог, водяных коммуникаций, оживят народную деятельность, обогатят купца и поселянина, произведут избытки в уме и работе, родятся сами собой фабрики, возникнут мануфактуры, народ будет счастливее, здоровее и многолюднее». Зубов не прибавлял, что покупкою казенных земель воспользуются прежде всего помещики, т. е. дворяне, но об этом необходимо помнить, учитывая бедность капиталов и незначительность торгово-промышленного населения на рубеже XIX века [1].

Насколько распространенной в среде дворянства была идея планомерной денационализации государственных имуществ, показывают «пункты» тайного революционного общества «Ордена русских рыцарей» 1814 года. Эта аристократическая программа, составленная М. Ф. Орловым и М. А. Дмитриевым-Мамоновым, носила внутренне противоречивый характер: наряду с буржуазными требованиями ограничения самодержавия и упразднения рабства, она проектировала не только образование наследственных уделов, но также «общее размежевание земель в России и раздачу оных по государственным уважениям частным людям». Другими словами, пионеры революционного союза, еще оставшиеся под сильным влиянием феодальной традиции, по примеру Щербатова и статс-секретаря Муравьева, требовали пожалований за службу за счет государственного земельного фонда [2].

Наряду с общей программой-максимум, выдвинутой феодально-аристократическим течением, дворянство выступило с целою серией проектов, которые более или менее приближались к планам Щербатова, Сиверса и Мордвинова. Прежде всего останавливает на себе внимание группа всеподданнейших записок 1824/28 годов, проектировавших перевод государственных крестьян с оброка на барщину. Наиболее развитой и обоснованной из них была записка смоленского помещика А. Н. Лопухина «Об обращении всех казенных имений на положение хлебопашества». Как и все другие, автор начинал с суровой критики существующего положения: он говорил о тяжелом положении государственных крестьян, о небрежной обработке их полей — последствии

[1] ЦАВП, ф. ГС К 26, № 33.

[2] Из писем и показаний декабристов, под ред. А. К. Бороздина, СПб, 1906, стр. 146. В 1800 году два подобных же проекта были представлены в Экспедицию государственного хозяйства (Статья Вешнякова, РС, 1901, ноябрь, стр. 421).

нерадения и плохого управления, о слабом развитии промыслов, о неисправной уплате податей, наконец,— о «величайших обидах», которые причиняют крестьянам чиновники и посторонние лица. Проникнутый патриархально-вотчинным мировоззрением, Лопухин приходил к выводу, что «русский крестьянин, будучи необразован, хотя и имеет свой натуральный ум, но еще не может сам собою управлять без особого над ним надзора из людей просвещенных». Автор записки не шел так далеко, как Мордвинов — не требовал передачи крестьян в руки помещиков; он оставлял их во владении казны, но предлагал «основать управление оными хозяйственным образом с точным и действительным надзором». Крестьяне, занимавшиеся промышленностью, вовсе освобождались от хлебопашества; все остальные были обязаны обрабатывать казенную пашню, заведенную в каждом имении, из расчета от 1/2 до 1 1/2 десятины на тягло, в зависимости от качества почвы. Для пропитания себя и своих семейств крестьяне получали на тягло по 2 десятины в поле, не считая огородов и лугов [1], в случае недостатка земли предполагались переселения на пустопорожние земли. Селения укрупнялись, но хозяйства располагались отдельными хуторами. В каждом имении автор рекомендовал поселить главного управителя, а в отдельных хуторах — старост из надежных крестьян или еще лучше — «отставных унтер-офицеров, кои, приобыкши в полках к соблюдению порядка и деятельности, могут быть исправными смотрителями». Обязанностью этого начальства было надзирать как за казенною, так и за крестьянскою пашнею, принуждая крестьян, «чтобы они старались со тщанием обрабатывать свои поля, размножать скотоводство, удабривать земли и доводить хлебопашество до совершенства, за поведением же крестьян иметь.... совершенный надзор, ленивых и нерадивых принуждать к работам, пьяниц и воров удерживать от сих пороков и преобучать их к внутреннему в домах их хозяйству». Лучшие крестьяне посылались на опытные хутора знакомиться с новыми севооборотами. При всех казенных хозяйствах устраивались скотоводческие заводы. Административное руководство сосредоточивалось в губернии — в лице управляющего, по всей России — в лице директора, проживающего в Москве. Реформа должна была проводиться постепенно, начиная с подмосковных губерний [2].

По существу, это было возвращение к государевой десятинной пашне, перенесение порядков частновладельческого барщинного имения на территорию государственной деревни. 90 процентов государственных крестьян, никогда не знавших барщины и живших относительно самостоятельно, должны были поступить под непрерывный и придирчивый надзор вотчинной власти, надеть на себя барщинное ярмо и ограничить

[1] С правительственной точки зрения мало-мальски нормальным наделом в это время считалось 5 десятин на душу, т. е. 12 1/2 десятин на тягло или около 4 десятин в поле.

[2] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 25 и 26

собственное хозяйство сильно урезанными наделами. Такое возвращение от денежной формы оброка к отработочной ренте и, следовательно, к усилению внеэкономического принуждения, было бы реакционной, явно крепостнической мерой.

В том же духе был проект отставного прапорщика Недоброво, представленный Николаю I в августе 1826 года. Автор предлагал покончить с угрожающим накоплением недоимок и с повсеместною бедностью государственных крестьян; для этой цели он рекомендовал отдавать недоимщиков на фабричные, заводские и другие работы, а в многоземельных губерниях завести «экономическое казенное хлебопашество» из расчета 1 десятины пашни на 16 ревизских душ. Казенная пашня должна была не только питать хлебные магазины и быть надежным подспорьем на случай неурожая: по мнению автора, со временем, по мере накопления экономии, «из сего источника можно будет основать собственные казенные заведения разных изделий [1] и тогда бедность, корень злополучия человеков, бездонная могила всех талантов, исчезнет с лица земли русской».

Судя по ограниченным размерам запашки, прапорщик Недоброво мыслил ее в качестве некоторого дополнения к оброку, а не полной замены денежной ренты отработочною. Тем не менее, с принципиальной точки зрения это была вариация на тему предшествующего проекта, т. е. внедрение барщинного хозяйства в среду оброчных полусвободных хлебопашцев. И здесь необходимым условием реформы было усиление внеэкономического принуждения: автор отчетливо представлял себе эту внутреннюю зависимость и предлагал восстановить директоров домоводства, существовавших в XVIII веке; он подчинял их непосредственно министру финансов, т. е. ставил над крестьянами близкую «попечительную» власть, которая призвана была наблюдать за ведением их хозяйства [2].

Своеобразный вариант той же группы проектов представляет собой письмо, адресованное Аракчееву почетным смотрителем училищ Торопецкого уезда (повидимому, местным помещиком) Челищевым в 1824 году. Автор тоже был озабочен растущей недоимочностью государственных крестьян; в духе своего крепостнического мировоззрения он усматривал источник этого явления в крестьянской лености и в бездеятельности местного начальства. По мнению Челищева, необходимо было направить недоимщиков на казенные работы — на фабрики и заводы, на постройки, на проведение дорог, на ломки плиты и гранита и т. д.; для этой цели нужно было соединять крестьян в крупные партии по волостям и рассылать их под присмотром особого волостного

[1] Повидимому, автор имел в виду прежде всего сельскохозяйственные изделия — продукты хлебопашества, скотоводства, садоводства и пр.

[2] ЦАВП, ф. ГС К 26, № 22. Ср. изложение проекта надворного советника Эли в статье В. Вешнякова, Экспедиция государственного хозяйства. РС, 1901, ноябрь, стр. 418.

начальника; другая половина работников должна была оставаться в семье и попрежнему вести земледельческое хозяйство. Если казенных работ оказывалось недостаточно для отрабатывания недоимок, крестьяне могли отдаваться внаймы с публичного торга и использоваться не только в промышленных заведениях, но и в хлебопашестве. Другими словами, недоимщики из государственных крестьян (а они составляли к 20-м годам XIX века поголовно все население казенных деревень) могли быть направлены на крепостную барщину в помещичьи имения; подобная форма отработков должна была стать преобладающей: практика обращения неплательщиков на принудительные заработки показывала, что казенных предприятий оказывалось всегда недостаточно. Направление партий, так же как сбор казенных повинностей, должны были сосредоточиться в руках специального губернского чиновника. Таким образом, проект Челищева тоже устанавливал барщину, притом в ее худшей и наиболее тяжелой форме, приближавшейся к принудительным арестантским работам. Повидимому, торопецким деревенским хозяином, каким аттестует себя автор письма, руководили весьма практические мотивы: обеспечить хозяйствующих помещиков за счет государственного крестьянства добавочной дешевой рабочей силой. Это была попытка расширить и закрепить крепостнические приемы выколачивания недоимок, которые эпизодически уже применяла правительственная администрация. Аракчеев придал серьезное значение этому проекту и препроводил его на рассмотрение министра финансов, который, в свою очередь, направил его в правительственный комитет о государственных крестьянах [1].

Наряду с предложением возвратиться к барщине, дворянство выдвигало другую, не менее крепостническую идею — подчинить государственных крестьян патриархально-попечительной власти правящего сословия. Существующая организация казенного управления подвергалась большим нападкам: с точки зрения помещиков, она не заключала в себе бдительного надзора и руководства; с другой стороны, она порождала бесконечные притеснения и вымогательства, которые возбуждали недовольство в населении казенной деревни. По мнению крепостников, необходимо было поставить над крестьянами просвещенную и попечительную власть, дать казенным селениям то, чего им нехватало и что обеспечило бы общественное спокойствие в соседних помещичьих имениях: заботливого и опытного хозяина-вотчинника. Такая мысль уже мелькала в проектах Щербатова, Мордвинова и статс-секретаря Муравьева; она сплеталась с планами барщинного хозяйства у Лопухина, Недоброво и Челищева; она выступила на первый план и стала предметом детальной обработки в третьей группе проектов, поданных Николаю I в начале его царствования. Особенно подробно обосновал ее бывший новгородский губернатор Павел Сумароков. В своей характерной

[1] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 28.

записке «О новом устройстве всех частей в губернии», начатой в 1823 году и законченной после суда над декабристами, он подвергал обстоятельному и строгому разбору весь государственный и общественный порядок в России. Реакционно-крепостническая позиция Сумарокова не возбуждает у нас никакого сомнения: он негодовал на «зверское восстание» во Франции, которое «стремилось водворить безначалие, равенство», благоговел перед законодательством Екатерины II и считал наилучшей формой правления самодержавие, фактически ограниченное дворянством; правда, он соглашался, что «наступит время и уничтожению рабства», но предупреждал против всякого неосторожного прикосновения к этому сложившемуся институту: «иначе взрыв подорвет основание, все сословия потерпят, и безначалие сменит устройство». Административные реформы начала XIX века представлялись ему, так же как Карамзину, ненужным и вредным потрясением екатерининской системы; он отдавал предпочтение разрушенным коллегиям и скорбел о нарушении достоинства Сената. Но, оставаясь на реакционной позиции в коренных вопросах политической жизни, Сумароков был чрезвычайно далек от всякого официального оптимизма: его записка звучит как обвинительный акт против современного государственного управления. Проявляя дар наблюдательности и живого изложения, автор рисовал конкретную картину отечественной отсталости — бедности и некультурности деревень, убожества городов, насилий и грабежа чиновников. Империя казалась ему громадой, которую «славная законодательница» воздвигла из грубого вещества, но которую испортили последующие поправки и дополнения: они были «несвойственные корню, причинили великий вред составу и махина ныне едва движется».

В числе других явлений общественно-политической жизни внимание Сумарокова привлекало к себе тяжелое состояние государственных крестьян. Ему бросалась в глаза полная беззащитность казенной деревни, отданной на поток и разграбление чиновникам: «Участи, собственности поселян не обеспечены, зависят не от уставов, окладов, а от исправников, заседателей, старост, десятников, проезжающих солдат, более или менее буйных, корыстолюбивых. Всякий цепляется за них, берет, что хочет, нет ни малейшей защиты, ничего известного, положительного и самоуправия соделываются явными, будто позволительными, укореняются от привычного терпения притесняемых. Собирают взятки по гривне, по полтине с души, и учащаемые поборы приводят в замешательство платящих... От сего недостатки во всем государстве, которые доходят до невозможности очистить оные».

Присматриваясь к внутренней жизни государственных крестьян, Сумароков видел такую же неутешительную картину: «Наши селения без всякого устройства. Нет призрения увечным, старым, бедным, они скитаются по распутиям, чему бы в России быть не надлежало. Нет помощи, ничего общественного, и крестьянин, оставленный самому се-

бе, принадлежит к слободе по сбору только с него денег. Пылает его дом, нечем погасить, не имеет семян, денег купить оные, ссуда не существует, полоса лежит незасеянная; предстоит выгодный оборот, промысл — никто не даст в заем, хочет учить сына грамоте — нет учителя, умрет — и никто не попечется о сиротах». Такое же гнетущее впечатление производила на Сумарокова культурно-бытовая обстановка крестьянской жизни, которую он описывал живыми и яркими красками [1].

Критика существующего давала основание Сумарокову развернуть программу частичных улучшений, которые не затрагивали бы целости крепостнической системы. Главное — преобразовать местную администрацию, заменить негодные органы новыми, отвечающими своему назначению. В частности, Сумароков предлагал радикально перестроить управление государственными крестьянами. Ограниченный своим классовым кругозором, он объяснял бедствия крестьянской жизни отсутствием правильного дворянского руководства. По его мнению, крестьяне прежде всего нуждаются в опеке: «Неможно оставлять наших крестьян при их произволе. У них все от малой до большой вещи укореняется привычками. Пашут по преданиям, домостроительство порочно, образ жизни неопрятен, все удаляет их от приличного званию просвещения. Они еще младенцы природы, надлежит руководствовать их, указать на опытах выгоды, сотворять образования, употребить некоторое принуждение». Современные капитан-исправники, хотя выбираются дворянством, но не годятся на роли руководителей; «их должности постыдно унижены, оплачиваются жалкими окладами, загромождены непосильными обязанностями и запятнаны вынужденным лихоимством...». Сумароков предлагал иную, тоже сословно-дворянскую, но более сложную и независимую систему местной администрации. Каждая казенная волость должна иметь управителя из отставных чиновников, предпочтительно военных (т. е. дворян), который назначается министром финансов; управители несут функции полициймейстеров и «радеют о всем, что только касается до пользы, благоустройства общества»; их основная задача — охранять беззащитных крестьян от всяких обид и притеснений. Вместе с пятью выборными от волостного мира управители образуют Волостное правление, низший судебно-административный орган, обслуживающий территорию волости. Управитель получает от крестьянского общества усадебный участок и денежное вознаграждение в размере тысячи рублей в год. Следующую инстанцию составляет уездная администрация: здесь взамен прежних капитан-исправников и заседателей учреждаются должности трех земских комиссаров, избираемых дворянством на неопределенное время и обязательно из среды местных помещиков. Земский комиссар занимает почетное положение (его место — непосредственно за предводителем дворянства), он живет в своем поместье и обеспечен крупным окладом жалованья — две тысячи

[1] См. гл. I, стр. 96—97.

рублей в год. На нем не лежит никаких мелких исполнительных функций, которые целиком отходят к волостному управителю; задача земского комиссара — общее наблюдение за благочинием и взносом податей, периодические ревизии волостных правлений, ходатайства о нуждах обывателей, следствия по уголовным и тяжебным делам, принятие мер при чрезвычайных событиях (заразных болезнях, скотских падежах и т. д.). Наконец, высшей административной инстанцией является уездный предводитель дворянства, который избирается на неопределенное время и служит не за жалованье, а как почетный представитель сословной корпорации. Сумароков характеризовал его власть следующими чертами: «Он начальник комиссарам, старшина дворян, опекун казенных крестьян, генерал-полициймейстер, полный хозяин в уезде...» Казенные крестьяне «находят в нем себе покровителя, он их защищает от обид помещиков по землям, промыслам, договорам, поставкам, платежам, от несправедливостей комиссаров, волостных судей, по ссорам с другими волостями, принимает жалобы, дает управу; смотрит, чтобы они исправно отправляли подати, повинности, чтобы заведения на пользу, призрение человечества были в порядке».

Сумароков не ограничивался провозглашением общей идеи «попечительства»; он развивал конкретную программу мероприятий, которую должен был проводить в жизнь управитель с помощью Волостного правления, под ближайшим руководством земского комиссара и высшим наблюдением уездного предводителя. Повсюду при волостных обществах учреждаются денежные капиталы — из поступающих судебных пеней, из доходов от общественной запашки, от мирских оброчных статей и от хозяйственных предприятий; из накопившихся сумм крестьянам даются ссуды не выше 500 рублей, на покупку хорошего скота «и иные полезные для хозяйства предметы». В деревнях сооружаются хлебные запасные магазины и магазины для соли, ставятся общие весы и меры, заводятся пожарные орудия, открываются богадельни для престарелых. Волостное начальство приглашает повивальных бабок, скотоврача и цирульника для прививия оспы и подачи первой помощи. В селениях основываются школы для крестьянских мальчиков, где обучают грамоте, арифметике, истории общей и своего государства, географии и закону божиему; организуется воспитание сирот. Дома и улицы строятся по правильным фасадам и планам. С помощью выселок и новых земельных наделов навсегда уничтожается дальнополосица. Запрещаются черные избы, лучина и лыковые лапти. Сооружается общественная баня. Устраивается собственный кирпичный завод и распространяются ремесла. Наконец, издается краткий катехизис об обязанностях крестьян «к вере, правительству, обществу, семейству». Для осуществления всей этой обширной «попечительной» программы крестьяне облагаются особой и, повидимому, значительной податью. Крестьянский мир продолжает функционировать, он сохраняет свою самостоятельность в хозяйственных и податных вопросах, но в делах благочи-

ния и помощи он целиком подчиняется правительственной власти; крестьянские выборные рассматриваются автором, как приводной ремень, соединяющий дворянские попечительные органы с распыленною крестьянскою массою [1].

Таков был проект Сумарокова, ставивший государственных крестьян, как «младенцев природы» под всестороннюю опеку «просвещенного» дворянского сословия. Какие бы благожелательные формы ни облекали содержание намеченного плана, его объективная классовая сущность представляется совершенно ясной: подобное преобразование окончательно развязывало руки поместному дворянству в отношении государственных крестьян — в частности, при разрешении земельных споров и при раскладке земельных повинностей. Фигура «хозяина уезда», предводителя дворянства, который великодушно защищает крестьян от земельных захватов помещиков и от притеснений дворянских комиссаров, с головою выдает автора проекта. Самая программа попечительной опеки, которую не без маниловских приемов развертывает Сумароков, возвращает нас к феодальной практике крупного помещичьего имения. Екатерининское «Наставление Экономическим правлениям» 1771 года и аналогичный закон о казенных селениях Екатеринославского наместничества 1787 года, пронизанные тою же руководящей тенденцией, фактически оставались мертвою буквою. Дворянское правительство плохо проводило свою программу «попечительства» о казенных крестьянах. Перед лицом французского «безначалия» и внутреннего брожения, представитель господствующего класса возрождал екатерининскую традицию, которая сама была идеализированным выражением патриархально-вотчинной политики. Барская опека над крепостными подданными, лишенными самостоятельных прав и свободного самоуправления,— таков был руководящий принцип дворянского «попечительства» Сумарокова.

Воплощением той же идеи опеки над крестьянином служили подробно развитые проекты наставлений сотскому, десятскому и хозяину каждого двора, представленные в 1826 году отставным полковником Лазаревым-Станищевым. Наставления были изложены в духе Уставов благочиния и благоустройства, которые характерны для дворянского полицейского государства XVIII века. Всепроникающая регламентация, которая охватывала не только отношения подданного к государству, но также его домашний образ жизни и его моральное поведение, доводилась здесь до крайней степени выражения. В этом отношении было особенно характерно «Наставление хозяину каждого крестьянского двора», которое в десятках параграфов поучало отца семейства — как надзирать за порядком и повиновением в доме, как поддерживать чистоту и опрятность, как исполнять распоряжения старосты и десятского, ис-

[1] ЦАВП, ф. ГС К 26, № 34, О П. И. Сумарокове. Воспоминания Н. И. Шенига. РА, 1880, ч. III, стр. 306—311; Гр. А. А. Аракчеев и П. И. Сумароков. РС, 1900, № 11, стр. 399—403.

правно отбывать полагающиеся повинности, принимать предосторожности от пожаров, воздерживать семейство от пьянства, примирять возникшие ссоры, представлять буйных людей к десятскому и т. д. С точки зрения патриархально-опекающей власти, каждый хозяин дома должен был превратиться в служебное колесико правительственного механизма и обеспечивать благочиние и благоустройство в своем семействе, выполняя предначертания дворянской полиции [1].

Идея «попечительства» над государственными крестьянами пользовалась широким распространением в среде правящего сословия. Уничтожить «беспризорность» казенного поселянина, защитить его от всяких притеснений, обезопасить деревню от развития эпидемий и эпизоотий, остановить размножение кабаков, приучить земледельцев к трудолюбию и порядку — об этом наперерыв твердили авторы разнообразных проектов. Сенатор Дурасов, ревизовавший Костромскую губернию, предлагал возложить попечительные заботы о казенных поселянах на уездных предводителей дворянства. Известный агроном, волоколамский помещик Н. Н. Муравьев, тоже полагал, что «вразумление» государственных крестьян, борьба с их «безнравственностью, леностью и пьянством» должна вестись не чиновниками, а «дворянами, которые приняли бы эти обязанности не для жалованья, а для приобретения внимания правительства» [2].

Однако в среде высших и средних чиновников сохранялась непоколебимая вера в спасительную силу бюрократии; эти упорные гувернаменталисты рекомендовали иметь попечителей, не избранных дворянами, а назначенных правительством. При этом некоторые авторы проектов считали необходимым изъять казенные деревни из ведения земской полиции и подчинить их специальным административным органам: флаг-капитан Вавилов предлагал установить для этой цели особые должности губернских и уездных директоров из военных чинов; бывший губернатор Хвостов проектировал сделать попечителями чиновников особых поручений при губернаторах; черниговский вице-губернатор Н. Политковский высказывался за назначение особого чиновника, наделенного широкими полномочиями и правами губернского стряпчего. Другие сохраняли власть земской полиции, но считали неотложной задачей ее предварительную реформу. Калужский прокурор Корнилевский, давший конкретную и чрезвычайно яркую картину тяжелого состояния государственной деревни, предлагал повысить оклады членов земских судов, усилить их ответственность и поднять их авторитет; по его проекту, члены суда, комиссары должны были по при-

---

[1] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 29. Ср. Инструкцию, данную пятисотским, сотским и десятским Калужской губернии генерал-губернатором кн. Хованским (ЦАВП, ф. ГС К 26, № 93); широкие полномочия, предоставленные ею агентам власти, и крайняя регламентация, которой подвергались крестьяне, возбудила сомнения даже в Николае I.

[2] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 1, лл. 27—29; № 8, л. 25; ЦАНХ, ф. V О., № 26421, проект № 10.

меру хороших помещиков взять на себя хозяйственный и моральный надзор за крестьянами. Отставной губернский секретарь Михайлов тоже передавал попечительные функции о крестьянах назначенным комиссарам, но определял к ним в виде помощников выборных крестьянских депутатов [1]. Все эти варианты не изменяют основного существа развернутой схемы: назначенные попечители должны были выходить из той же дворянской среды, подчиняться распоряжениям того же дворянского государства и оставаться под сильным влиянием местных влиятельных помещиков. Попечительная опека «просвещенного сословия», воспроизводившая практику благоустроенного крепостного имения — такова была платформа всех составителей бюрократических проектов.

Следует оговориться, что не все авторы записок придавали вопросу широкую классовую постановку. Некоторые удовлетворялись паллиативами, сосредоточивая все свое внимание на прогрессирующей недоимочности государственных крестьян; некоторым казалось, что положение казенных деревень вовсе не так плохо и что вся беда — в неуравнительности подушной подати и в корыстных злоупотреблениях волостных голов. Отсюда вытекали усилия найти такую систему обложения и такие приемы взыскания и расходования налоговых сумм, которые гарантировали бы легкое и быстрое поступление податей и оброков. В 1802 году кн. Платон Зубов, охваченный зудом реформаторства после объявления «либерального» курса, подал Александру I всеподданнейшую записку о переложении крестьянских сборов с душ на землю. При установлении окладов он предлагал учитывать не только количество земельных угодий, но и степень их плодородия: по качеству почвы он разделял землю на 5 классов (лучшую, средственную, худую, усадебную и неудобную) и для каждого устанавливал особую подесятинную норму. Зубов стоял как будто на правильной позиции — обложение земельных наделов было равномернее и прогрессивнее подушного оброка,— но его классовая дворянская позиция выступала с полной ясностью: казенных крестьян Зубов предлагал обложить в 6 раз дороже, чем помещичьих; он ссылался на то, что помещичьи крестьяне платят подушную подать, а казенные сверх того оброк государству, но он не учитывал при этом земских и волостных сборов и брал искаженную, крайне преувеличенную пропорцию платежей [2].

Сенатор Рунич обратил внимание на другую сторону дела: главную причину неуравнительности налогов он видел в произвольном назначении различных общественных сборов со стороны волостных правлений. В записке 1808 года, поданной Александру I, Рунич предлагал строго

[1] ЦАВП, ф. КМ, ЖКМ, 19 мая 1831 г., № 959, лл. 338—390; ЦАВП, ф. ГС К 28, № 22, 23; Н. Политковский, Мысли о поправлении состояния казенных крестьян, 1806, (рукопись А. Тудоровского); ЦАНХ, ф. V О., № 26421, проект № 25.

[2] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 24.

регламентировать раскладку, сбор, хранение и ревизию денежных сумм, которые вносят государственные крестьяне; он рекомендовал ввести общественные волостные сборы в общую поуездную смету и запретить какие бы то ни было непредусмотренные взимания; завести волостные приходо-расходные книги, повысить жалованье крестьянским выборным (чтобы устранить стимулы к лихоимству) и взамен избрания писаря из среды односельчан (как требовал закон 1797 года) допустить наем на эту должность лиц посторонних. Руничу казалось, что все эти организационно-технические меры способны устранить умножающиеся жалобы и недовольство: «Сим способом... отвратятся все корыстолюбивые покушения и виды к обиде и разорению казенных крестьян служащие... а тем самым искоренится дух лихоимства и восстановится всюду спокойствие, прямое благоденствие всякого подданного составляющее». Автор не хотел знать ни об усиливающемся малоземелье, ни о тяжести податного бремени, ни о насилиях местной дворянской администрации [1].

В том же направлении — подробной регламентации взимания налогов для уничтожения «никогда ненасытимого лихоимства» — был развит проект коллежского советника Эрнста. Ограниченный узким кругозором провинциального чиновника (Эрнст служил при омском областном начальнике), автор характеризовал свою работу как результат многолетних наблюдений и размышлений, как призвание целой жизни. Но при всем своем субъективном сочувствии к бедствиям крестьянства, он не умел понять действительных причин этих бедствий и оставлял в неприкосновенности существующую систему хозяйственных и правовых отношений. Так же, как записка Рунича, проект Эрнста прикрывал основное существо социально-политической проблемы финансовыми вопросами организационно-технического порядка [2].

Таким образом, ни один из дворянских проектов, представленных правительству или изложенный в публицистических статьях начала XIX века, не имел ничего общего с требованиями декабристов. Начиная от широкой классово-заостренной программы Мордвинова, модифицировавшей щербатовские мысли XVIII века, и кончая мелкими проектами по отдельным вопросам, мы встречаем единый сплоченный фронт крепостнической реакции. Распродажа национальных земельных резервов и закрепощение государственных крестьян помещиками как требование-максимум, перевод государственных крестьян на барщину и подчинение их патриархально-попечительной опеке дворянства как пожелание-минимум — такова была программа правящего сословия, обращенная не вперед, к осуществлению буржуазной свободы и равенства, а назад, к увековечению феодально-зависимых отношений.

Однако крепостническим проектам первой трети XIX века были

---

[1] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 23.

[2] ЦАВП, ф. ГС К 26, № 125.

свойственны две характерные особенности: почти все авторы исходили из признания тяжелого положения государственных крестьян и иногда правильно улавливали действительные причины этого факта; с другой стороны, апеллируя к прошлому, они нередко облекали свои требования в форму экономического либерализма, аргументируя ссылками на развитие частной предприимчивости и постепенную ликвидацию рабства. Буржуазные отношения, которые внедрялись в систему феодально-крепостнического строя, заставляли приспособляться и выражать заскорузлые, отжившие понятия языком новой прогрессивной идеологии.

3. Планы Екатерины II и Павла I

Мнения дворянства о положении и судьбах государственных крестьян были хорошо известны самодержавному правительству. Предложения Сиверса и его оппонентов были доведены до сведения Екатерины II. Многочисленные записки Мордвинова оглашались на заседаниях государственных учреждений и распространялись среди дворянской бюрократии. Большая часть помещичьих проектов была сосредоточена в личных кабинетах Александра I и его преемника, откуда они передавались на заключение в специальные правительственные комитеты. Некоторые записки поступали в Министерство финансов и подвергались обсуждению в Комитете министров. Наконец, проекты и мнения декабристов были извлечены из следственного материала и сведены вместе для личных справок Николая I. Возникает вопрос, какую же позицию заняло правительство перед лицом этих сталкивающихся мнений?

О настоящем и будущем положении государственных крестьян задумывалась уже Екатерина II. Одной рукой она раздавала крестьян в дворянские руки, удовлетворяя своекорыстные требования правящей знати, другой рукой она чертила контуры «Сельского положения» в духе идей «просвещенного абсолютизма». После смерти Екатерины среди разнообразных бумаг ее кабинета были найдены отрывки широко задуманного, но не осуществленного законопроекта о правах свободного сельского населения [1]. Как видно из анализа текста, проект составлялся и собственноручно корректировался Екатериною одновременно с подготовкою Городового положения 1785 года. «Сельское положение» должно было стать третьей жалованной грамотой — наряду с грамотами, которые давались дворянству и городам. Поклонница Вольтера и Монтескье вдохновлялась при этом идеями Блекстона и де-Лольма: она цитировала их рассуждения — о сущности вольности, о значении выборного представительства и о «политическом корпусе» как воплощении «законного бессмертия». В соответствии с этими аксиомами

[1] СРИО, т. 20, СПб, 1877, стр. 447—498.

просветительной эпохи она излагала личные и корпоративные права «сельских обитателей», состоящих в ведении директора экономии [1].

Для екатерининского проекта Жалованной грамоты характерны три отличительные черты: он санкционировал социальное расслоение казенной деревни, закреплял за государственными крестьянами определенную сумму гражданских прав, признавал и регулировал деятельность крестьянского общинного самоуправления. Согласно проекту Екатерины, «поселяне» разделялись на 6 разрядов: 1) «настоящие сельские обитатели», т. е. владельцы земли или строений, 2) статейные, т. е. обладатели денежного капитала от 500 рублей до 10 тысяч рублей и более, 3) ремесленники, 4) «чужеродные», или переселенцы, т. е. временно занятые промыслами и работою, 5) «первоместные» — двукратно занимавшие выборные должности, 6) все остальные обитатели селений, деревень и хуторов («жилищ»). Соответственно этим 6 разрядам поселяне заносились в «сельский обительский список», который получал определенное юридическое значение: от принадлежности к тому или другому разряду зависела степень гражданской правоспособности, которою наделялись отдельные крестьяне.

В этом делении на разряды, формально повторявшем деление на классы членов дворянского сословия и жителей городов, обращает на себя внимание, с одной стороны, обособление ремесленников от чистых земледельцев, с другой стороны, распределение крестьян на три категории по имуществу: 1) безземельных и бездомных, входивших в последний 6-й разряд, 2) владельцев недвижимости, составлявших первый разряд, и 3) капиталистов. В свою очередь, в последней категории «статейных» проект различал «первостатейных», имеющих 10 тысяч рублей и более, «второстатейных», имеющих капитал от тысячи до 10 тысяч рублей, и «третьестатейных», имеющих от 500 рублей до тысячи рублей. Другими словами, правительство Екатерины учитывало социально-экономические процессы, переживавшиеся казенной деревней, и делало отсюда определенные юридические выводы: оно выделяло крестьян, исключительно занятых промышленностью, а наряду с основной массой земледельцев различало зажиточные и обедневшие слои крестьянского населения.

Личные права, которые признавались проектом за «сельскими обитателями», были различного рода: 1) неотъемлемое право принадлежать к свободному сельскому сословию, 2) право владения, пользования и распоряжения имуществом, 3) право отказываться от незаконных податей и нарядов, наконец, 4) некоторые исключительные права, которые присваивались «статейным» поселянам. Наиболее подробно была разработана вторая категория прав, непосредственно связанная с хозяйственной деятельностью крестьян. Проект признавал за всеми

[1] Повидимому, сюда входили не только экономические, но и все другие государственные крестьяне.

«сельскими обитателями» право пользования землей и неприкосновенность имущества. К этим традиционным правам казенного крестьянства проект присоединил новые и важные экономические права — заводить рукодельные станы, содержать бани, харчевни и постоялые дворы, торговать земледельческими продуктами не только в селениях, но и в городах [1]. Кроме того, статейным крестьянам было предоставлено право вступать в откупа и подряды и заниматься как розничной, так и оптовой торговлей сельскохозяйственными продуктами; третьестатейные могли производить ее только внутри уезда, второстатейные — не только внутри, но и вне уезда, первостатейные — и внутри, и вне губернии. Таким образом, проект «Сельского положения» признавал и торжественно санкционировал самостоятельное развитие крестьянской торговли и промышленности.

Не менее важное принципиальное значение имела совокупность статей, гарантировавших «сельского обитателя» от возможности личного закрепощения: согласно проекту, доброе «состояние поселянства» сообщалось жене и детям; оно не могло быть отобрано у крестьянина иначе, как по суду, причем Положение точно определяло категории преступлений, которые влекли за собой подобное наказание: нарушение присяги, измена, разбой, воровство, «лживые поступки», преступления, влекущие за собой телесные наказания, уговор к таким преступлениям. Если бы данные статьи Положения были действительно реализованы, они прекратили бы всякие раздачи государственных крестьян в частные руки.

Особой статьей проекта было торжественно возвещено, что сельские обитатели обязаны нести подати, службы и наряды только в том случае, если распоряжения о них даны «за подписанием собственной руки ея императорского величества».

Наконец, «статейным поселянам» были даны особые привилегии, которые сближали их с положением гильдейского купечества: все «статейные» без исключения освобождались от обязанности нести натуральную рекрутскую повинность, т. е. получили право нанимать вместо себя охотника или покупать рекрутскую квитанцию; сверх того, «первостатейные» и «второстатейные» (так же как «первоместные») получали полное освобождение от телесных наказаний. Эти привилегии, смягчавшие сословную неравноправность крестьянина, еще раз подчеркивали сочувственное внимание дворянского правительства к слагающейся зажиточной прослойке государственной деревни.

Наряду с личными правами «сельских обитателей» проект Екатерины II устанавливал также их корпоративные права: сельское общество рассматривалось в нем, как юридическое лицо, обладающее собственною казною и правом самоуправления. К участию в сельском

[1] Все эти права, за исключением права заводить станы, были признаны за крестьянами значительно позднее — сепаратными законами 1787—1825 гг. (См. гл. I, стр. 79—80).

сходе и к выборам исполнительных и судебных органов (словесных разборщиков, сельского старшины, сельского старосты и пр.) допускались только «настоящие сельские обитатели», т. е. владельцы двора или земли, если они имели семью, обладали возрастом не менее 25 лет и не подвергались никаким наказаниям. Сельские выборные, по одному варианту, составляли самостоятельную «сельскую управу», по другому — входили в качестве общественного элемента в «управительских дел горницу», руководимую назначенными чиновниками. Наряду с этими исполнительными учреждениями в проекте предусматривались также судебные органы (Верхняя и Нижняя расправы) и особая организация выборной опеки.

Несмотря на торжественно декларативную форму данного раздела, его содержание было наименее оригинальным и вовсе не новым: сельский «политический корпус», создававшийся усердной ученицей Блекстона и де-Лольма, оказывался стародавнею, уже признанною правительством крестьянскою административною общиною. Единственное, что вносила Екатерина в обычное традиционное право, были юридическое единообразие в структуре выборных органов и принцип разделения властей, подсказанный западноевропейскими теориями. В некоторых пунктах раздел о корпоративных правах «сельских обитателей» повторял Учреждение о порядке управления губерниями 1775 года.

Тем не менее, подводя итог обзору екатерининского проекта, мы должны признать его крупное принципиальное значение: это была первая попытка дворянского государства учесть и использовать нарождавшиеся буржуазные отношения в казенной деревне. Закрепляя за крестьянами право торговли и промышленности, наделяя дополнительными правами крестьян-капиталистов, подтверждая права крестьянского самоуправления, наконец, охраняя принадлежность государственных крестьян к сословию свободных земледельцев, правительство шло по линии социально-экономического развития. Объективно проект екатерининской Жалованной грамоты был направлен против реакционных притязаний помещичьего феодализма и в сторону частичного смягчения «феодализма государственного»; он был симптомом и отражением тех глубоких процессов, которые вызвали к жизни своеобразную политику «просвещенного абсолютизма». В этом смысле проект «Сельского положения» вполне координирован с некоторыми указами Екатерины II, изданными ею до и после 1785 года: с торжественным провозглашением свободы торговли, с прекращением преследования безуказной промышленности, с привлечением государственных крестьян в законодательную комиссию 1767 года, с допущением представительства казенного крестьянства в губернских и уездных учреждениях 1775 года.

Однако, в противовес этой прогрессивной тенденции, в политике Екатерины заключалась другая, более могущественная тенденция — в сторону дальнейшего расширения феодальных прав господствующего сословия. Находясь под непосредственным давлением землевла-

дельческой знати и воплощая ее интересы в собственном противоречивом мировоззрении, Екатерина легко изменяла своему парадному знамени «просвещенного абсолютизма». Задуманная Жалованная грамота свободному крестьянству осталась незаконченным, оборвавшимся опытом, так же как не нашли себе применения и развития социальные аксиомы Наказа и политические планы совещательного представительства. Кое-какие элементы екатерининского проекта — организация сельской общины и расширение экономических прав крестьянства — вошли в последующие законы 80—90-х годов, в частности, в «Установление сельского порядка Екатеринославского наместничества» 1787 года. Но основной вопрос, который был поставлен на очередь притязаниями помещичьего феодализма,— о неотъемлемости свободного состояния государственных крестьян — не получил никакого положительного разрешения в законодательстве. Если верить свидетельству А. А. Безбородко в его письме к С. Р. Воронцову, в последние дни своей жизни Екатерина выражала намерение раздать экономические вотчины в аренду заслуженным дворянам, т. е. осуществить крепостнический проект новгородского губернатора Сиверса [1]. Если бы эта мера действительно осуществилась, она означала бы решительную, хотя и не окончательную победу феодализма помещичьего над «феодализмом государственным» — фактический переход миллионного государственного имущества в руки господствующего дворянского сословия.

Противоречивые тенденции екатерининской политики повторились в царствование ее преемника. Будучи наследником, Павел торжественно обещал государственных крестьян «свято по их назначениям оставлять, облегчая их судьбу», но, ставши императором, он продолжал произвольные раздачи государственных крестьян в частные руки. В 1797 году он учредил специальную Экспедицию государственного хозяйства и издал закон о волостном крестьянском самоуправлении, но в личных беседах с представителями аристократии он не скрывал своего убеждения, что «лучше бы и всех казенных крестьян раздать помещикам». «Дураки те, которые меня за это бранят»,— говорил Павел генерал-прокурору Обольянинову. «Раздавая имения помещикам, я сажаю их туда в качестве полициймейстеров, которые обо всем радеют и за все мне отвечают». В том же духе он изъяснялся генералу Кутлубицкому: «помещики лучше заботятся о своих крестьянах, у них своя отеческая полиция» [2].

4. Колебания Александра I

Такое же противоречие сталкивающихся тенденций, характерное для начавшегося разложения крепостнической системы, мы находим в колеблющейся двойственной политике Александра I.

[1] Архив кн. Воронцова, книга XIII, М., 1879, стр. 371.

[2] СРИО, т. 98, стр. 246; РА, 1866, стр. 1309; РА, 1869, стр. 1893.

Как известно, Александр I, вступив на престол, отказался насаждать рабство — жаловать государственных крестьян в частные руки [1]. Рядом сепаратных указов Александр расширил гражданскую правоспособность государственных крестьян в соответствии с требованиями развивающегося хозяйства [2]. В манифесте 2 февраля 1810 года, возвышая оброчную подать, Александр торжественно обещал оградить интересы этого угнетаемого сословия: «Состояние казенных крестьян давно уже требовало лучшего устройства. Недостатком местного управления, попущением разных притязаний от нижних земских чиновников, нередко сей класс людей терпит важные отягощения. В ограждение их на будущее время в течение сего года приняты будут все нужные меры...» [3]. Либералы ожидали, что ученик Лагарпа, обещавший править «по законам и сердцу своей бабки», осуществит ее мысль об издании Жалованной грамоты «свободным сельским обитателям». Действительность далеко не оправдала этих ожиданий: в том же 1810 году правительство Александра I вступило на противоположный путь, рекомендованный крепостническими проектами Щербатова, Сиверса и Мордвинова.

Как раз в это время, в связи с угрожающим дефицитом и непрерывным падением ценности ассигнаций, был разработан, при непосредственном и активном участии Мордвинова, финансовый план Сперанского; в программу этого плана входило образование особого капитала в целях изъятия и погашения ассигнаций путем распродажи казенных земель и, в частности, всех арендных имений. Министром финансов Гурьевым предполагалось обратить в продажу на территории 37 губерний 3 миллиона десятин земли, около 2 миллионов десятин лесов и более 332 тысяч душ крестьян; общая сумма реализации должна была составить больше 100 миллионов рублей серебром. Правда, при обсуждении этого проекта в Государственном совете кн. Чарторыйский энергично возражал против подобной меры. Он называл ее нарушением многократно выраженной воли Александра I и считал недопустимой с принципиальной точки зрения: «будет ли сообразно с правосудием и человеколюбием его императорского величества обращать в рабство казенных крестьян с их потомством, которые поныне наслаждаются свободою, принадлежа одному государству, как и все подданные?» — спрашивал он членов Департамента государственной экономии. Чарторыйский настаивал, что во всяком случае необходимо, «продавая земли, предварительно определить право крестьян и охранить их свободу». Но голос Чарторыйского прозвучал одиноко; Департамент экономии признал, что «продажа излишних казенных земель

---

[1] В. к. Николай Михайлович, Граф Павел Александрович Строганов, т. II, СПб, 1903, стр. 82; Н. К. Шильдер, Имп. Александр I, т. II, СПб, 1897, стр. 69.

[2] См. гл. I, стр. 79—83.

[3] ПСЗ, т. XXI, № 24116.

как для частных людей, так и для самой казны весьма полезная быть может». Что касается отчуждения казенных крестьян, то подобная мера, по мнению Департамента экономии, отвечала их собственным интересам: старостинские и бывшие духовные имения, намеченные к продаже, обыкновенно сдавались во временную аренду, а «всякое временное управление, особливо если не определено оно точными правилами, весьма редко соединено с пользою управляемых. К установлению в сих имениях лучшего порядка потребуются многие годы; а для надзора за исполнением надобно поставить множество судов и частных расправ и, следовательно, допустить множество мелких и неминуемых злоупотреблений». Таким образом, с точки зрения Департамента экономии, руководимого тем же Мордвиновым, всякая попытка реформы управления государственными крестьянами окончится новыми насилиями и грабительством чиновников; отсюда делался вывод: помещичье управление лучше казенного [1]. Александр I согласился с мнением Государственного совета, и 27 мая 1810 года был опубликован манифест «об открытии срочного внутреннего займа для уменьшения количества ассигнаций и для уплаты государственных долгов». Первыми параграфами этого акта устанавливалось, что определенная часть государственных имуществ — оброчные статьи, отдаваемые в наем, часть казенных лесов и «имения арендные и другие, ныне во временном частном владении состоящие» — отделяется «для обращения ее в частную собственность посредством продажи»; самая продажа должна была производиться с публичных торгов; населенные земли могли приобретать не только дворяне, но и «купцы высших разрядов», в том числе иностранные капиталисты. Для реализации манифеста были образованы специальные губернские комиссии, которые должны были выделить оброчные участки и имения, составить их описания, произвести им оценку, и сделав публикации, назначить время для губернских торгов. Закон был издан так неряшливо и поспешно, что оставил открытым самый важный вопрос — о будущем положении продаваемых крестьян. Уже впоследствии, задним числом, Гурьев запрашивал, сохраняют ли силу инвентари, которыми определялись наделы и повинности крестьян, или, приобретая крестьян в собственность, помещик может руководиться исключительно собственным произволом. Ответ на этот вопрос был найден в выражении манифеста: «крестьяне переходят к покупателям на помещичьем праве». Другими словами, они закрепощались владельцам без всяких ограничительных условий [2].

Уже после смерти Александра I в его кабинете был найден черновик незаконченного манифеста, написанный на французском языке. Судя по разным почеркам, он был составлен не сразу, а в несколько

[1] ЦАНХ, ф. лит. «А», 1810 г., № 19—28; № 6733. Архив ГС, ч. IV, Журнал Департамента государственной экономии, СПб, 1831, стр. 201, 213—221, 228, 1515—1520.

[2] ПСЗ, т. XXXI, № 24244; ЦАНХ, ф. лит. «А», № 6753, л. 218.

приемов. Вчитываясь в содержание этого документа, мы сразу убеждаемся, что он имел непосредственное отношение к эпизоду 1810 года: это — начатая, но оборвавшаяся попытка Александра I гарантировать продаваемым крестьянам личную свободу и хозяйственную обеспеченность.

Манифест начинался торжественной декларацией на тему о законности: «Нашим намерением всегда было установить основы правильного управления («d'un gouvernement régulier»), первое условие которого, чтобы обязанности каждого были определены законом и чтобы они меньше всего зависели от произвола отдельных лиц». В соответствии с этим принципом император не желал передавать покупателям сеньериальные права на крестьян («des droits seigneureaux sur les paysans») относительно их барщинных и оброчных повинностей, не определив законом зависимость земледельцев в этом отношении: «Только такие законные взаимоотношения действительно обеспечивают продуктивную и доходную эксплоатацию земли». Манифест определял крестьянские права и обязанности следующим образом. Приобретаемые крестьяне продолжали оставаться государственными подданными, пользовались свободой заключения брака, обладали правом передвижения и при условии вознаграждения, сделанного своей общине, могли переходить в другие сословия. Владелец не имел права оторвать крестьянина от земли и уступить его другому лицу: крестьянские общины заключали с владельцами договоры о размерах земельных наделов и крестьянских повинностей (барщинных и оброчных), которые рассматривались как вознаграждение за пользование землей. Каждому крестьянину давался участок земли, обеспечивающий ему и его семье пропитание и возможность отбывания податей и повинностей; вознаграждение за такой участок не должно было превышать трехдневной барщины — земледельческой или заводской. За подати и повинности крестьяне отвечали круговой порукою. Выборные от общин составляли крестьянский суд по гражданским и уголовным делам. Владельцу принадлежала вотчинная полиция. Все недоразумения между собственниками земли и крестьянами разрешались особыми судами под председательством правительственного комиссара. Как предполагалось организовать этот суд, оставалось неизвестным — как раз в этом месте рукопись проекта неожиданно обрывается [1].

[1] ЦАВП, ф. ГС К 26, № 35; ф. ГС К 28, № 9. Связь проекта с финансовой операцией 1810—1811 гг. подтверждается текстуально и хронологически. Высшей инстанцией для разрешения споров между владельцами и крестьянами являлось по манифесту Министерство финансов: как раз в 1810 году государственные крестьяне были переданы из Министерства внутренних дел в ведомство Министерства финансов. В первых же строках документа говорится об уступке государственных крестьян частным лицам в обмен на банковые билеты; дальше допускается обмен банковых билетов (государственных обязательств) на ассигнации. Повидимому, текст составлялся на той стадии разработки финансового плана, когда предполагалась более широкая посредническая роль Государственного банка.

Таковы основные черты этого охранительного акта, который должен был гарантировать продаваемых крестьян от полного закрепощения за новыми владельцами. Отношения, которые устанавливались проектом между крестьянами и их собственниками, воспроизводили главные начала лифляндского Положения 1804 года: относительную свободу личности крестьянина, нормирование наделов и повинностей, крепость земле, крестьянские суды, вотчинную полицию. Но в отличие от остзейского закона, проект манифеста 1810 года не только сохранял общину как хозяйственную и административную единицу, но и придавал ей руководящее значение в крестьянской жизни. Институт индивидуального потомственного владения наделом и разделение крестьян на хозяев и работников — особенности лифляндского Положения 1804 года — не были заимствованы составителями манифеста. Александр I не решился изменять традиционную политику «уравнительного землепользования», завещанную XVIII веком и продиктованную фискальными интересами: процесс крестьянского расслоения в большей части империи отставал от развитых экономических отношений Прибалтики. Если бы намечавшийся проект стал законом, бывшие государственные крестьяне оказались бы в феодальной зависимости от помещиков, но границы этой зависимости были бы точно определены законом, а элементы личного рабства устранены вовсе. Очень возможно, что проект составлял лично Александр I, диктуя его по частям своим приближенным: на такой вывод наводит расплывчатость и некоторая выспренность его внешнего изложения. Во всяком случае попытка, продиктованная желанием смягчить нарушение данного торжественного обещания, оборвалась на полуфразе — явление характерное для личности и политики Александра I. «Сеньериальные права» императора на проданных крестьян перешли к покупателям без всяких «законных определений».

Однако задуманная финансовая операция не получила широкого развития и не имела практического успеха. Запущенное состояние казенного хозяйства сразу сказалось на темпе и результатах работ губернских комиссий. Государственные земли часто были не обмежеваны, не описаны и не имели никаких планов. Выяснение оброчных угодий и представление справочных ведомостей затянулось на многие месяцы. Комиссия погашения долгов подходила к вопросу с фискальной точки зрения и старалась поднять цены на продаваемые имущества; наоборот, покупатели стремились приобрести казенные угодья подешевле и делали малые наддачи; иногда десятина плодородной саратовской целины вместо 10 рублей шла по 2—3 рубля серебром. Публичные торги не давали желаемого эффекта и нередко отменялись из центра; назначались новые торги и переторжки, и все-таки выручаемые суммы были далеки от первоначальных расчетов Министерства финансов. Бывали случаи, когда приобретатели отказывались от заключения купчих крепостей или, получив их, просили отменить сделанную

покупку. Операция растянулась до 1816 года и не оправдала возложенных на нее ожиданий. Вместо 37 губерний в торгах приняло участие только 19; оброчных угодий было приобретено всего на 292 458 рублей серебром. Что касается арендных имений, то журналы Департамента экономии Государственного совета, утверждавшего заключенные сделки, дают нам следующие цифры: продажи были произведены в Киевской, Волынской, Подольской, Виленской, Витебской и Минской губерниях; всего было продано 37 имений и в них 11 686 ревизских душ на сумму 1 033 490 рублей серебром и 757 155 рублей ассигнациями. Позднее 1 278 душ вернулись в казну вследствие отказа покупателей. По мере поступления сведений с мест, правительство приходило к твердому выводу, что лучше оставить имущества в пользовании казны, чем распродавать их за бесценок в частные руки. Вспомним, что авторы дворянских проектов стояли на противоположной точке зрения и требовали максимального понижения цен на казенную землю. Сдавленное финансовым кризисом, государство не могло согласиться на удовлетворение этого требования: интересы казны и интересы частных землевладельцев непримиримо сталкивались в условиях развивающегося денежного хозяйства [1].

Но, кроме материальных соображений, на правительство воздействовали другие, не менее могущественные мотивы. При продаже казенных имений крестьяне не хотели итти в распоряжение частных собственников; бывали случаи, когда они выражали готовность уплатить объявленную на торгах сумму, чтобы откупиться от угрожавшего закрепощения; правительство находило для себя выгодной такую выкупную операцию и утверждало ее постановлениями Государственного совета. С другой стороны, все очевиднее становилось крестьянское малоземелье, все напряженнее — классовая борьба за землю. Когда в 1817 году Александр I проезжал через Орловскую и Курскую губернии, местные однодворцы подали ему более 400 жалоб на земельные захваты помещиков и на попытки самоуправно лишить их свободы. Этот факт произвел сильное впечатление на императора, послужил предметом специальной записки Аракчеева и был поставлен на обсуждение в Комитете министров. В том же 1817 году, в связи с отмежеванием крестьянской земли в пользу помещиков, вспыхнули крупные волнения государственных крестьян в Псковской губернии, которые заставили правительство задержать исполнение судебных приговоров об отрезке крестьянских земель — к чрезвычайному негодованию адмирала Н. С. Мордвинова. Через 3 года, в связи с усиливающимся малоземельем и недоимочностью, была ограничена раздача жалуемых земель северными, юго-восточными и сибирскими губерниями. Через некоторое время обес-

[1] Архив ГС, ч. IV, СПб, 1881, стр. 1522, 1526—1528, 1551—1553, 1562 и сл.; ЦАНХ, ф. лит. «А», № 19, лл. 154 и сл., 199 и сл., 232, 273, 302—303; № 22, лл. 49—52; № 25/1, лл. 48—49; № 26, л. 189; № 28, лл. 538—540, 532—533, 520. Блиох И. С., Финансы России в XIX столетии, т. I, стр. 98—101.

покоенный министр финансов внес новое предложение — изъять из числа этих губерний еще три — Олонецкую, Вятскую и Оренбургскую, чтобы сохранить земельные резервы для увеличивающегося потока переселенцев [1].

Таким образом, руководясь фискальными интересами и находясь под впечатлением крестьянских волнений, правительство стало переходить на другой путь — охраны казенной собственности и обеспечения минимального крестьянского надела. Чтобы уяснить себе этот поворот, необходимо вспомнить особенности переживавшегося момента. Период 1814—1818 годов проходил под знаком тяжелого послевоенного кризиса: ряд губерний был разорен, финансы были истощены, раскрылись крупные злоупотребления высших чиновников, дворянство находилось в состоянии оппозиции, а главное, половина Европейской России была охвачена массовыми крестьянскими волнениями. Феодально-крепостническая система, разъедаемая внутренними противоречиями, едва справлялась с последствиями затяжной и дорого стоившей войны. Ярким симптомом дворянского и правительственного возбуждения этого периода может служить докладная записка умеренного В. П. Кочубея, поданная Александру I в декабре 1814 года: она была проникнута опасениями и тревогой, испещрена резкими характеристиками и убеждала царя в необходимости дальнейшей, хотя и осторожной, европеизации России. По словам Кочубея, мера зол, облегающих государство, чрезмерна, «злоупотребления усилились до бесконечности, и невежество, лихоимство, пристрастие водворились там, где должно было ожидать благоразумия, бескорыстия и справедливости». «Отовсюду распространилися слухи о воровствах и беспорядках неслыханных»... «Бесполезно и даже опасно было знаменовать сии злоупотребления; бесполезно, понеже преступления всегда почти покрываемы были судилищами, корыстью руководимыми; опасно, понеже ознаменовавшие злоупотребления подвергались мести тех, кто уличаем был или покровителей их». Кочубей предупреждал царя против «интриг корыстолюбивых противников правильного устройства» и настаивал на продолжении начатых, но прерванных преобразований [2]. Нужно думать, что эта записка была не единственная и что сознание необходимости реформы прочно овладело Александром I в эти тревожные послевоенные годы. Одновременно он дал ряд ответственных поручений: Новосильцеву — составить проект конституции, Аракчееву — разработать план уничтожения рабства и несколько позднее Сперанскому — подготовить гражданское уложение. Правда, эти реформаторские потуги были еще более бесплодными, чем в медовый месяц Негласного комитета: начавшись мечтами о проведении федеральной конституции, они закончились всего навсего опытной организацией генерал-губернаторских округов. Тем не

[1] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 21; Архив ГС, ч. IV, СПб, 1881, стр. 1545—1547; Архив гр. Мордвиновых, т. V, стр. 716—717. См. гл. I, стр.

[2] ЦАВП, ф. ГС К 26, № 50 (ср. СРИО, т. 90, стр. 5—26).

менее был момент, когда реакционная часть дворянства с трепетом ожидала манифеста об уничтожении крепостного права. Недаром в 1818 году Мордвинов поторопился подать свою полемическую записку против подготовляемой реформы: он убеждал царя, что «патриаршее управление»[1] еще не отжило своего времени, что крепостные еще в младенческом состоянии, что крутые и быстрые меры всегда опасны[2]. Дворянские опасения имели под собой определенное и вполне реальное основание: именно в 1818 году Александр I дал официальное поручение министру финансов гр. Гурьеву подготовить двойной проект — освобождения помещичьих крепостных и всесторонней реформы положения государственных крестьян. О второй части этого поручения рассказывает сам Гурьев в обстоятельной записке к составленному проекту; о первой части задания мы узнаем из дел II отделения соб. его велич. канцелярии, куда в 1866 году были препровождены соответствующие материалы, найденные в бумагах умершего сына гр. Гурьева[3].

5. Проект Д. А. Гурьева

Обыкновенно с именем гр. Д. А. Гурьева, возглавлявшего Министерство финансов с 1810 до 1823 года, связываются иронические характеристики современников — Ф. В. Ростопчина, гр. Федора Толстого и других; сам Гурьев обыкновенно представляется безличным и бездарным бюрократом, который отличался не столько финансовыми, сколько кулинарными способностями. Несколько иначе характеризует его Николай Тургенев, служивший под его непосредственным начальством и близко наблюдавший его в домашней и служебной обстановке. Гурьев представлялся ему самым могущественным из министров Александра I, имевшим большие придворные и аристократические связи; его политический салон был первым в Петербурге по своему личному составу и влиянию; сам Гурьев умел щегольнуть своим интересом к Бенжамену Констану и использовать силы молодых образованных специалистов. Иронизирующий Ростопчин отмечал в нем ум, искусство интриги и чрезвычайную склонность к проектам. В свое время Гурьев пользовался расположением и поддержкою Сперанского — раньше, чем перешел в ряды его активных противников. В качестве министра уделов он провел крупную административную реформу, которая легла в основу всей системы последующего удельного управления. В качестве министра финансов он держался определенного принципа, который де-

---

[1] Т. е. вотчинно-патриархальное.

[2] ЦАВП, ф. ГС К 26, № 34. Толки и настроения умов в России по донесениям высшей полиции в СПб. с августа 1818 г. по 1 мая 1819 г. РС, 1881, № 11, стр. 668—669.

[3] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 19, лл. 1—2; ЦАВП, ф. II отд. с. е. в. канцелярии, 1866 г., № 123а (6390); ЦАВП, ф. ГС, Отделение дел государственных секретарей № 19 за 1866 г., л. 51.

лал его непопулярным в дворянской массе: отстаивать прежде всего «казенный интерес», особенно в столкновениях с частными лицами. Докладные записки гр. Гурьева показывают, что он претендовал на определенную политическую роль: в 1815 году он выступил с контрпроектом, направленным против конституционных замыслов Александра I; в 1823 году он возражал против плана наместнических округов, который привлекал к себе большое внимание императора. Повидимому, гр. Гурьев не был человеком принципа, убежденным носителем продуманной государственной программы, но он связал себя с консервативными кругами, считался членом «русской партии» и занимал соответствующую позицию, смягченную уважением перед европейской культурой. Это не мешало ему искусно маневрировать среди меняющихся политических веяний и в случае необходимости брать на себя поручения, которые шли дальше охраны существующего порядка. Во всяком случае на бюрократическом фоне начала XIX века он был достаточно серьезной фигурой для подготовки задуманной реформы [1].

Для выполнения поставленной задачи Гурьев пригласил двух авторитетных специалистов: законоведа Балугианского и директора Департамента государственных имуществ Дружинина: первый хорошо ориентировался в европейском и русском законодательстве, второй непосредственно управлял государственными крестьянами. Очевидно, в беседе Александра I с Гурьевым было обсуждено и намечено общее направление реформы; исполнителям поручения нужно было обосновать и развить руководящие принципы и составить самый проект будущего закона. Судя по данным II Отделения, Балугианский и Дружинин подготовили большой исторический очерк «О законах, относящихся до землевладельцев и крестьян в Западной Европе и в России». За ним должно было последовать «Начертание начал и плана, которые можно было бы считать приличными для принятия за основание нового законодательства и управления»; наконец, в последней части предпринятой работы должно было излагаться самое «Уложение». Но дело не дошло до начертания принципов и составления законопроектов: работа оборвалась раньше — повидимому, в связи с переменой прави-

[1] ЦАВП, ф. ГС К 26, № 92, стр. 80—120; 1812 год в записках Ф. В. Ростопчина. РС, 1889, № 12, стр. 633; Тургенев Н., Россия и русские, т. II, 1915, стр. 96, 102—114; Император Александр Павлович и его двор в 1804 году. Из бумаг бывшего саксонского посольства. РС, 1830, № 12, стр. 817; Беглые очерки. Воспоминания О. А. Пржецлавского. РС, 1883 № 8, стр. 387; Толки и настроения умов в России. РС, 1881, № 11, стр. 672; История уделов за столетие их существования. 1797—1897, т. I, СПб, 1902, стр. 46—64; СРИО, т. 90, стр. 39—107. Записка 1815 года была составлена Гурьевым очень дипломатично: проникнутая сознанием переживаемого послевоенного кризиса, она исходила так же, как записка Кочубея, из принципа разделения властей и плана постепенной европеизации России, но при условии сохранения самодержавия (оговорка на 60—70 стр. о «великодушных намерениях» Александра I помогает понять заднюю мысль автора). Министерство финансов 1802—1902, ч. 1, СПб, 1902, стр. 32—33; И. С. Блиох, Финансы России, т. I, стр. 96, 128; Записки гр. Ф. И. Толстого. РС, 1873, № 12, стр. 128—129.

тельственного курса. После 1820 года — года южноевропейских восстаний и возмущения Семеновского полка — Александр I отказался от плана социально-политической реформы и избрал путь открытой последовательной реакции: к этому моменту экономическое оживление ликвидировало последствия войны, крестьянское движение было потушено, а в Европе решительно утвердилась гегемония Священного союза.

Первоначальная мысль — связать улучшение участи государственных крестьян с освобождением крестьян помещичьих — повидимому, по образцу австрийских, прусских и остзейских Положений — была признана «несвоевременной» и сдана в архив. Однако тревожная мысль о перспективах будущего развития не оставляла Александра I: в 1823 году, давая отставку гр. Гурьеву, он потребовал от него окончания незавершенной работы; на этот раз дело шло исключительно о государственных крестьянах, вопрос о помещичьих крепостных — по крайней мере официально — был снят с очереди. Очень возможно, что Александр I продолжал оставаться под впечатлением прусского опыта и рассчитывал, реформировав социальные отношения на территории доменов, постепенно приблизить к ним положение частновладельческой вотчины; недаром эту мысль в период нового царствования настойчиво выдвигали Кочубей и Сперанский, которые сыграли при Николае I роль политических душеприказчиков покойного императора; но если эта мысль руководила Александром I, он не высказывал ее публично, и, очевидно, не надеялся на ее быстрое осуществление [1].

К июлю 1824 года работа Гурьева была закончена. Он представил ее на предварительное одобрение императора и, получив его согласие, направил ее на рассмотрение Государственного совета. Проект заключал в себе пять объемистых законоположений: 1) «Учреждение для управления государственными имуществами и казенными поселянами», излагавшее новую систему административных органов; 2) «Постановления о казенных поселянах и государственных имуществах», представлявшие собою сословный гражданский кодекс; 3) «Устав экономический для управления государственными имуществами»; 4) «Устав судебный по делам государственных имуществ и казенных поселян» и, наконец, 5) «Сельский полицейский устав» [2]. Как видим, Гурьев пытался охватить все стороны крестьянской жизни: хозяйственную, правовую, административную и даже культурную (в рамках так называемой «общей полиции»). Вчитываясь в эти юридические своды, довольно стройно сконструированные, детально разбитые на отделы, главы и параграфы, мы сразу улавливаем руководящую идею составителей: сохранить и оберегать казенные имущества как важнейший источник го-

---

[1] ЦАВП, ф. ГС, Отделение дел государственных секретарей, № 19 за 1866 г., л. 51. ЦАВП, ф. II Отделения с. е. в. канцелярии, 1866 г., № 123а (6390).

[2] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 14—19.

сударственного хозяйства — в противовес домогательствам реакционных крепостников; создать условия для максимального поднятия доходности этих имуществ; во имя данной цели преобразовать хозяйственное и правовое положение государственных крестьян, чтобы обеспечить повышение экономического уровня их жизни и, следовательно, их оброчной платежеспособности; в частности, остановить угрожающий рост крестьянского малоземелья, но не затрагивая при этом дворянского права на пожалование землею; наконец, определенной системой «попечительного» управления не только достигнуть «благополучия» крестьян, но обеспечить порядок и спокойствие в казенной деревне.

Эта основная задача должна была разрешаться посредством ряда преобразований, прежде всего относившихся к государственным крестьянам. На первый план Гурьев выдвигал «дарование их сословию твердого гражданского бытия, подобно как таковое установлено для дворянства грамотою, всемилостивейше оному пожалованною, а для среднего состояния Городовым положением» [1]. Отдельные сословные разряды государственных крестьян с разнообразными правами и обязанностями сливались в единое сословие «казенных поселян»; за ними утверждались гражданские права, которые принадлежали «свободным податным состояниям»: право собственности на движимое и недвижимое имущество, право передвижения и перехода в другие сословия, возможность совершать обязательственные сделки, безусловная свобода заключения брака, свободный выбор занятий, право свидетельствования на суде, право наследования и опеки. На основании нового Положения исключалась возможность закрепощения казенных поселян, передачи их тем или иным способом в частные руки [2]. На втором месте — и это составляло основной стержень проекта Гурьева — стояло коренное изменение прежних форм землепользования: общинное владение отведенными угодьями заменялось институтом «бессрочного содержания» существующего надела. Все участки, находившиеся у казенных поселян «под их усадьбами, дворами и всякими сельскими устройствами, также под пашнею, сенокосами и лугами, оставаясь по-прежнему собственностью казны», с момента опубликования наказа переходили в потомственное владение отдельных домохозяев под условием платежа оброка. Правда, луга, сенокосы, выгоны и лесные угодья могли оставаться в пользовании крестьянского общества, но согласно постановлению $^2/_3$ голосов на мирском сходе можно было произвести раздел общинных земель между отдельными домохозяевами. При отсутствии такого коллективного решения каждый отдельный домохозяин имел право требовать выдела соответствующего участка в бессрочное содержание. В случаях раздела и выдела требовалось, «поколику возможно, избегать раздробления по разным местам участка, принадле-

[1] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 19, гл. IV.
[2] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 14.

жащего одному хозяину». Гурьев мотивировал проектированные аграрные меры в соответствии с требованиями новой буржуазной экономики: «Вследствие установления бессрочного содержания поселяне превратятся в наследственных казенных фермеров, и прекратится главное препятствие к усовершенствованию нашего хлебопашества — ненадежность на прочное и продолжительное владение землею. Одна только полная уверенность в ненарушимом и спокойном пользовании полем навсегда или надолго может заставить земледельца употребить значительный капитал и труды на усовершенствование пашни и отправлять свой промысел на истинно хозяйственных правилах, без чего никогда не достигнет полного успеха земледелие...» Чтобы приблизить институт «бессрочного содержания» к частной земельной собственности, Гурьев придал ему очень широкое правовое содержание: «Бессрочное содержание есть наследственное право владеть, распоряжать и пользоваться недвижимым имуществом, казне принадлежащим...», право соединять чресполосные участки посредством обмена, продавать, дарить, завещать или иным образом передавать свое право на землю в пользу другого казенного поселянина, в частности, делить имущество при своей жизни между законными наследниками; но сдавать участки в аренду и отдавать их в заклад не разрешалось, очевидно, чтобы предотвратить спекуляцию казенными угодьями. Обязательным условием заключения сделок было сохранение определенного минимума размера участка,— не менее 20 десятин земли. На основании закона участок переходил по наследству к старшему сыну, а за отсутствием сыновей — к дочери. Введение института «бессрочного содержания» участков ликвидировало не только земельные переделы, но и всякое наделение землей безземельных, малоземельных и вновь приписавшихся к обществу, если они не получили наследственной доли в недвижимом имуществе. Для таких обделенных крестьян открывалась возможность или приобрести землю в собственность, или взять свободные казенные участки в аренду (институт срочного содержания), или заняться промышленностью, или поступить в работу по найму [1]. Автора проекта нисколько не пугала подобная перспектива: она соответствовала его принципиальной позиции, которая приводила к третьей характерной особенности реформы. Санкционируя классовое расслоение деревни, Гурьев разделял государственных крестьян на две основные юридические категории: 1) «хозяев», имеющих землю в качестве самостоятельных собственников или держателей казенных участков, и 2) «работников», имеющих только дворы или усадьбы; такое же деление на «хозяев» и «работников» устанавливалось для крестьян, занимающихся промыслами и торговлею; только «хозяева», обладавшие собственными или бессрочными участка-

[1] ЦАВП, ф. ГС К 38, № 19, гл. IV, п. А; № 14 (особенно §§ 212, 214, 219, 223, 229, 239, 248, 298, 316, 319, 322, 329, 450, 531—533, 540); № 16 (особенно §§ 150, 151, 158); № 17, §§ 61, 118.

ми, могли участвовать в мирском сходе, следовательно, руководить хозяйственной жизнью селения [1].

Управление государственными крестьянами перестраивалось на началах попечительной власти, близко стоящей к казенному поселянину,— это составляло четвертую отличительную черту проекта. Центральное руководство управлением попрежнему исходило от Департамента государственных имуществ при Министерстве финансов; губернским органом оставалась Казенная палата, только с одним отличием — вместо Хозяйственной экспедиции в ее составе должно было образоваться особое отделение из нескольких чиновников: советника как главного руководителя, фортшмейстера, заведывавшего лесами, землемера и поверенного, т. е. юриста; низшими органами управления, как и раньше, являлись мирской сход и крестьянские выборные, составлявшие Сельский приказ. Зато существенно изменялась волостная инстанция, которая по павловскому закону 1797 года строилась на основе выборного крестьянского самоуправления; теперь в каждую волость должен был назначаться волостной управитель из чиновников, к нему присоединялись два заседателя, избираемых миром из казенных поселян — эти три лица составляли Волостной приказ, непосредственно руководивший крестьянской жизнью. Гурьев так объяснял состав и значение этого органа: «Вследствие определения управителя в казенную волость, правительство приобретает местного начальника, посредством которого может иметь лучший надзор над имуществами своими, сохранить безопасность и благочиние в казенных селениях и надеяться скорейшего, порядочнейшего и точнейшего отправления со стороны поселян государственных, земских и мирских повинностей. Но дабы волостной управитель не мог неограниченною властью угнетать казенные селения, для сего даны ему для совета два заседателя из поселян, с которыми он решает дела и предпринимает всякого рода меры по единогласию или большинству голосов». Таким образом, решающая власть принадлежала назначенному агенту правительства, дворянину по происхождению или выслуге; крестьянские выборные должны были служить некоторым противовесом против злоупотреблений чиновников — именно так рассматривали смысл и значение крестьянского самоуправления в петербургских канцеляриях. Но волостной управитель, по предложению Гурьева, действует не самостоятельно — он подчиняется Окружному правлению государственных имуществ, во главе с назначенным окружным начальником, главным хозяином и попечителем казенных поселян. Эта промежуточная инстанция между губернией и волостью создавалась заново — она была призвана заменить в казенной деревне власть земской полиции и охватывала территорию округа из одного или нескольких уездов. Мелкие судебные дела должны были разбираться в Сельском приказе, а тяжбы о недвижимых имуществах —

[1] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 14, §§ 8—11; № 17, § 60.

в Окружной расправе,— из назначенного судьи и 6 выборных крестьянских заседателей. Таким образом создавалась четырехъярусная система местного управления: хозяйственное отделение Казенной палаты, Окружное правление с окружным начальником, Волостной приказ во главе с волостным управителем и Сельский приказ, состоявший из крестьянских выборных; все эти звенья административной цепи были иерархически связаны друг с другом, причем органы крестьянского самоуправления занимали зависимое, подчиненное положение по отношению к бюрократическим инстанциям. Такое строение вполне соответствовало руководящей точке зрения Гурьева: критикуя павловский закон 1797 года, он считал неудачным вручение самостоятельных административных полномочий выборному волостному голове. «Каких сведений, распоряжений и управления можно ожидать от человека почти всегда безграмотного, не имеющего не только политического, но даже и гражданского состояния, и никакого понятия о законах и даже предметах своей должности?» — спрашивал составитель проекта в своей объяснительной записке. По его мнению, действительными администраторами в деревне должны быть представители правительства; крестьянские выборные — не больше, как исполнители предначертаний дворянской государственной власти. Очерчивая компетенцию этих бюрократических классовых органов, Гурьев следовал традиционной программе патриархально-попечительной опеки, правда, смягченной сравнительно с инструкциями XVIII века: наряду с внешним благоустройством и благочинием, своевременным отбыванием повинностей, задержанием беглых и беспаспортных, предметами правительственного внимания и усилий должны были являться — улучшение крестьянского хозяйства, образование с этой целью добровольных капиталов, борьба с эпидемиями и эпизоотиями, устройство училищ и богаделен, наконец, поддержание религиозного чувства и доброй нравственности. В этом пункте Гурьев опирался на богатый материал «наставлений» XVIII века и инструкций удельного ведомства [1].

Пятым и очень важным принципом гурьевского проекта была коренная реорганизация оброчной системы: взамен неуравнительного подушного сбора проектировалось ввести поземельное обложение, соответствующее количеству и качеству земли, находящейся в пользовании каждого домохозяина. При этом большое внимание было уделено детальной и строгой регламентации сбора, хранения, расходования и контроля налоговых и оброчных поступлений.

Наконец, шестой и последний принцип реформы — планомерная охрана и эксплоатация государственных имуществ: лесов, пашен, лугов, выгонов, рыбных ловель, мельниц и других оброчных статей. С этой целью проектировалась последовательная система мероприятий: с одной стороны, внешнее и внутреннее межевание земель, их измерение и

[1] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 19, гл. IV; № 15.

описание, нанесение их на планы, наблюдение за их неприкосновенностью, борьба против их самоуправных захватов, ведение судебных процессов; с другой стороны, устройство арендных ферм, введение агрономических улучшений, организация мирских хозяйственных предприятий, сдача в аренду излишних земель, содействие развитию торговли и промыслов.

Таково основное содержание проекта Гурьева. Составленный под сильным влиянием остзейских «Положений» и с учетом западно-европейского законодательства, этот проект представлял собою своеобразное сочетание буржуазных и феодально-крепостнических наслоений. Его внутреннее содержание повторяло и развивало дальше руководящие начала екатерининского «Сельского положения». Расширяя гражданские права крестьян и ставя преграды их закрепощению, проект шел навстречу буржуазным требованиям личной свободы и равноправия. Разрушая поземельную общину и насаждая индивидуальное землепользование, он создавал благоприятные условия для развития хозяйственной предприимчивости и капиталистического накопления. Санкционируя классовое расслоение деревни и ставя в привилегированное положение имущую верхушку, проект форсировал процесс развития буржуазных отношений. Той же прогрессивной задаче служили разрешенная в определенных рамках мобилизация земли, поощрение аренды казенных земель и заботы об агрономических улучшениях. Наконец, межевание угодий и уничтожение чересполосицы создавали более благоприятные условия для ведения хозяйства нового буржуазного типа. Несомненно, что из всех правительственных проектов, касавшихся государственных крестьян, это был наиболее прогрессивный, открывавший пути к изживанию феодально-крепостнических отношений. Разрывая с хозяйственной традицией XVIII века, он пытался направить государственное крестьянство на дорогу английского фермерства, приложения к земле частного капитала и сельскохозяйственных знаний. Это была сознательная «ставка на сильных», на укрепление зажиточного сельского слоя, на пролетаризацию и устранение экономически слабых.

Но мы не должны преувеличивать влияние этих буржуазных элементов в проекте 1824 года. Не надо забывать, что крестьянин становился не самостоятельным, а «казенным» фермером и оказывался в промежуточном положении между крепостным оброчником и свободным арендатором. Земля оставалась собственностью дворянского государства, т. е. сохранялась основа «государственного феодализма», и укрепить это право казны, приучить крестьянина к мысли, что он только держатель, только пользователь казенных угодий было одной из важнейших целей реформы. Обладание бессрочным участком только приближалось к буржуазному праву частной собственности. Отсюда вытекали разнообразные правовые ограничения: владелец мог отчуждать землю только казенному поселянину, только в определенном размере

и только с разрешения своего начальства; аренда, дарение и заклад бессрочных участков категорически запрещались. Сильно ущемлялись и общегражданские права крестьянина. «Казенный поселянин» продолжал рассматриваться как несовершеннолетний опекаемый член общества: хождение по тяжбам и подача жалоб разрешались только через «поверенных», чиновников Министерства финансов; поручительство допускалось только за собственного односельчанина; принимать и давать на свое имя векселя можно было тем, кто имел свидетельство на право торговли и содержание фабрики; сохранилась традиционная круговая порука при отбывании податей и повинностей; отлучка обусловливалась разрешением Волостного приказа и получением паспорта; для переселения и перехода в другие сословия требовалось согласие мира и принимающего общества. Наконец, что особенно важно, над государственной деревней воздвигалась громоздкая и сложная бюрократическая надстройка: оставаясь в правовом отношении обособленным государственным сословием, которое подчинялось особому гражданскому кодексу, «казенные поселяне» ставились под опеку правительственных чиновников; крестьянин не делался свободным гражданином, членом самоуправляющейся корпорации; он оставался под тяжестью внеэкономического принуждения, подчинялся надзору волостного управителя и ближайшим распоряжениям окружного начальника. Сельский полицейский устав подробно регламентировал внутренний распорядок его жизни — вплоть до неукоснительного исполнения церковных обрядов, а наказание розгами — от 1 до 20 ударов — и заключение в особой сельской тюрьме всегда угрожали за неисполнение мелких требований благочиния, за «мотовство, расточительность, праздность и пьянство». Крестьяне арендных имений вовсе изымались из-под действия реформы и оставались во власти барщинных отношений [1].

Проект Гурьева учитывал развивающиеся буржуазные отношения, в интересах фиска старался приспособить к ним хозяйственную жизнь деревни, но он не ликвидировал системы «государственного феодализма», не уничтожал препятствий, мешавших росту капиталистического строя. Крепостники типа Мордвинова и статс-секретаря Муравьева должны были признать свое поражение; казенные земли и крестьяне навсегда утверждались за государством. Но землевладельческое дворянство в целом не терпело ущерба: право земельного пожалования и аренды западных имений сохранялись в прежней неприкосновенности. Дворянское государство укрепляло свои финансы, заноза малоземелья вырывалась, неимущие и беспокойные элементы или переходили на положение зависимых работников, или устранялись из сельского хозяйства; зажиточные, укрепляющиеся слои крестьянства ставились под наблюдение и руководство твердой дворянско-бюрократической власти.

---

[1] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 14 (в частности, §§ 316, 329, 395, 424, 437); № 17; № 18 (особенно §§ 193, 529—530, 535)

Казалось, вопрос о государственных крестьянах получал свое разрешение без потрясения действующей системы, но с учетом сложной социально-экономической обстановки периода назревающего социально-экономического кризиса. Проект Гурьева совпадал с пожеланиями крупных землевладельцев, стоящих на позиции англоманов — Румянцевых, Воронцовых, Апраксиных, Полторацкого и их многочисленных сторонников; с другой стороны, он смыкался с мнениями дворянских агрономов: Рознатовского, Шелехова, Павлова, которые начали печатный поход против общины во имя улучшения системы земледелия.

Тем не менее, вокруг проекта вспыхнули оживленные дворянские споры. Отголоски этой фракционной борьбы сохранились в журналах комиссии Государственного совета, куда были направлены материалы Гурьева, в бумагах министра финансов, в делах Комитета 1828 года и в черновых записках Сперанского. Мнения дворянского общества разделились: более прогрессивные круги приветствовали предполагаемую реформу, не считая ее опасной для помещиков,— на такую позицию встала Комиссия составления законов с участием Александра Тургенева и Балугианского. Наоборот, крепостническое крыло было встревожено открывающимися перспективами: бессрочное содержание участков,— говорили представители этой группы,— означает фактически собственность на землю; но если такое право получит казенный крестьянин, то за ним потянется и крестьянин помещичий; «наследственная кортома» приведет к размножению класса бобылей, которые не найдут себе пропитания и станут тягостными и даже опасными подданными; новый порядок в казенных деревнях даст крестьянам необузданную свободу, которая может стать гибельной для помещичьего имения. К этим основным аргументам присоединялись другие: Мордвинов и его последователи не могли примириться с крушением своей максимальной программы; другим казалось, что правительственный переворот в поземельных отношениях организационно не подготовлен, сопряжен с огромными расходами и может привести к опасным финансовым последствиям. Наконец, указывали на социально-политическую опасность такого крутого перелома: крестьяне привыкли считать землю своим общественным достоянием, в этом убедили их писцовые книги, межевые инструкции, судебные решения; если эта общинная земля внезапно будет объявлена достоянием отдельных домохозяев, то кто поручится за спокойствие и порядок в казенной деревне [1]?

Возражения противников реформы были проникнуты боязнью буржуазных нововведений и опасением за будущее феодально-крепостнической системы. Комиссия составления законов старалась отвести эти возражения и высказалась за принятие проекта. Вопрос должен был разрешиться на общем заседании Государственного совета. Но рань-

[1] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 20; № 1 (лл. 16—17); № 8, ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1934 г., № 23. ЦАНХ, ф. Особой канцелярии по секретной части Министерства финансов, 1829 г., № 7/93, л. 142. РОПБ, Бумаги Репинского, № Ао.

ше, чем состоялись ожидаемые заседания, произошел ряд событий, который спутал все карты: зимою 1825 года последовала смерть Александра I, междуцарствие и восстание декабристов; на престол вступил Николай I, с трудом ориентировавшийся в сложных социально-экономических проблемах. Противники проекта поспешили воспользоваться создавшейся обстановкой. В качестве главного «агрессора» выступил министр финансов Канкрин, сменивший в 1823 году отставленного Гурьева: после воцарения Николая Канкрин произвел своеобразный «coup d'état», который навсегда похоронил проект его предшественника.

6. Проект Е. Ф. Канкрина и Положение 1826 года

Личность и деятельность Е. Ф. Канкрина вызывали самые различные оценки у современников и потомков, начиная с сурового осуждения и кончая неумеренными апологиями. Несомненно, Канкрин превосходил Гурьева и специальными знаниями, и замечательною работоспособностью, и пониманием практических жизненных отношений. Суровая школа, которую прошел в молодости Канкрин, его мытарства учителем, комиссионером и бухгалтером сделали его независимым и уверенным в своих суждениях и поступках. Но он вырос и получил политическое воспитание в затхлой атмосфере полуфеодального германского княжества; его мировоззрение строилось на отсталых теориях немецких камералистов; неожиданную и быструю карьеру он сделал в чужой крепостнической стране, которую видел преимущественно из окон бюрократической канцелярии. Отсюда — консервативная узость государственной и финансовой программы Канкрина, его неспособность к широкой исторической постановке вопросов, его страх перед смелыми экономическими нововведениями.

Выражением теоретических взглядов Канкрина служат не только докладные записки, но и самостоятельные сочинения — в частности, «Краткое обозрение российских финансов», предназначенное для обучения наследника, и «Очерки политической экономии и финансов», написанные за год до смерти. Узкий эмпирик, Канкрин руководился тривиальными истинами житейской философии. Он утверждал, что «все человеческое имеет две стороны, совершенно различные — хорошую и дурную. Трудно часто сказать — что лучше — главным образом держаться следует того, что уже существует...». Канкрин рекомендует «не переменять елико можно коренных государственных установлений, ибо недостатки существующего известны, нового сокрыты... Правила сии ныне особенно нужны. Дух переменчивости обладает народами, требует от правительства сверхчеловечное, потеряли из виду несовершенство человеческих дел...». Сильнейшее оружие против беспокойного духа века Канкрин видел в умеренной и мудрой финансовой политике. Государство должно уподобиться благоразумному человеку, который умеет жить по своим средствам. Быть осторожным и бережливым, не

прибегать к порче монеты, выпускать как можно меньше бумажных денег, не заключать внешних займов и не верить частному кредиту — таковы были главные, чисто отрицательные заповеди министра финансов. Правда, постоянная угроза дефицита в условиях развивающегося товарного хозяйства заставила Канкрина оценить торговлю и промышленность как могущественные источники повышения доходов. Канкрин понял на собственном опыте, какое значение имеет «умножение народного богатства», и сделал отсюда не один практический вывод. Но эта уступка своему времени не сделала его программу смелее и шире, не превратила ее в программу планомерного развития производительных сил империи; она осталась, по образному выражению председателя Государственного совета кн. Васильчикова, системой «заклеивания щелей» и вызывала попрежнему резкие выступления оппонентов, в особенности, Мордвинова и Любецкого, обладавших более широким классовым кругозором [1].

Такая же узость мышления наблюдалась у Канкрина в постановке крестьянского вопроса. Как истый «европеец», он возмущался существованием «крепостного состояния» (хотя это не мешало ему крепостнически эксплоатировать до тысячи крестьян казенного Чигиринского старостваа); больше того, Канкрин не раз подавал подробные и мотивированные проекты ликвидации крепостного права. Но он был уверен, что «несправедливо, неосторожно и даже невозможно» сразу отпустить крестьян; в своем проекте 1818 года он предусматривал постепенные этапы уничтожения рабства, рассчитанные ровно на 61 год; он прибавлял при этом, что слишком торопится и что следовало бы удлинить необходимые интервалы. Позднее, в 1827 году, он предлагал Николаю I растянуть эту реформу на 50 лет.

Канкрин хорошо понимал значение государственных имуществ как доходной статьи в бюджете: ему было известно тяжелое хозяйственное положение казенной деревни; в своем отчете за 1826 год, рассуждая об усилении российских финансов, он уделил особое место государственным крестьянам: «Улучшить положение и управление казенных крестьян; расселить исподволь великое число малоземельных, по мере остающихся земель; исправить самое у них хлебопашество и распространить разные между ними промыслы». Это звучало крайне общо и консервативно, но Канкрин не мог и не хотел дать более кон-

[1] Гр. Канкрин и его очерки политической экономии и финансов, СПб, 1894 (в частности стр. 44—45, 66, 81, 122, 132); СРИО, т. 31, стр. 1—162; т. 98, стр. 130—140; Из записок бар. М. А. Корфа, РС, 1899, № 12, стр. 515 и сл.; Письма П. А. Вяземского к И. И. Дмитриеву. РА, 1868, стр. 609; Воспоминания В. И. Сафоновича. РА, 1903, № 4, стр. 506 и сл.; Из записок И. В. Селиванова. РС, 1880, № 11, стр. 747; Записки Богуславского. РС, 1879, № 10, стр. 233 и сл.; Воспоминания О. А. Пржецлавского. РС, 1883, № 8, стр. 388 и сл.; Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского, т. IX, стр. 209; И. С. Блиох. Финансы в России, т. 1, стр. 157—158, 177; Архив гр. Мордвиновых, т. VIII, стр. 428, 704; т. IX, стр. 209. И. Н. Божерянов. Гр. Е. Ф. Канкрин.

кретного плана преобразований: он предпочитал не ломать существующего порядка и не отваживаться на опасные эксперименты. Гр. Гурьев навязывал ему головокружительную реформу, против которой он выступал систематически и упорно. «Введение вдруг и повсеместно и без опыта совершенно нового устройства не токмо в управлении, но и в самом гражданском быту казенных поселян, как в том проекте предположено, представляет непреодолимые затруднения, завязчивую переписку, существенные перемены в нынешней податной системе и даже потрясения в общем установленном порядке»,— писал Канкрин кн. Алексею Куракину. Принципиально он не возражал против ликвидации общины: в 1818 году он сам проектировал раздробление общинных земель на подворные участки, но теперь в качестве министра финансов, он находил эту меру неподготовленной, неосуществимой и социально опасной: больше всего он боялся «умножения бобылей» и сопротивления со стороны крестьянства [1].

Руководясь такими соображениями, Канкрин решил предпринять обходный маневр: не ожидая, пока в Государственном совете будет рассмотрен проект гр. Гурьева, он представил Совету свой собственный контрпроект. Канкрин постарался мотивировать свое предложение чрезвычайно осторожно: он не высказывался открыто против проекта Гурьева, а ссылался на сложность его содержания и, следовательно, продолжительность его обсуждения: «Поелику проект сей объемлет и самые права крестьян, следовательно, заключает полное в сем отношении законодательство, то рассмотрение оного требует продолжительных соображений, а между тем казенные крестьяне как по делам Министерства финансов так к сожалению обнаруживается, приходят в вящее расстройство». Кроме того, «без предварительных опытов едва ли удобно приступить к какой-либо общей и решительной мере». Поэтому Канкрин предлагал произвести опыт, а именно: «в некоторых губерниях, различествующих местными обстоятельствами» распространить на казенных крестьян «порядок для удельных установленный». Конкретно это означало — расширение хозяйственных отделений Казенных палат, изъятие государственных крестьян из-под власти земской полиции и подчинение их новым органам в системе Министерства финансов — Окружным хозяйственным управлениям, «которые соответствовали бы отделениям Удельных контор»; при этом Окружные управления и Казенные палаты в своей административной деятельности должны были руководиться инструкциями, изданными для удельных имений.

В этом проекте Канкрина было две стороны — принципиальная и практическая. Принципиально Канкрин приравнивал казенные имения

---

[1] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 1, лл. 15—17; Записка об освобождении крестьян от крепостной зависимости. РА, 1865, стр. 1360; СРИО, т. 74, стр. 192; Министерство финансов 1802—1902, ч. 1, СПб, 1902, стр. 355. Божерянов И. Н., о. с., стр. 123.

к удельным, т. е. к частновладельческим имуществам царской фамилии, которые обыкновенно трактовались как помещичьи вотчины; другими словами, Канкрин ставил знак равенства между государственными и крепостными крестьянами, т. е. перечеркивал основную идею Гурьева о даровании «казенному поселянину» прав «гражданского бытия», о признании его свободным подданным государства. Принимая в руководство удельные инструкции, которые подходили к крестьянину с вотчинной точки зрения — извлечения максимального дохода, Канкрин рассматривал государственного крестьянина преимущественно как объект феодально-оброчной эксплоатации. Принципиально это было движение назад, увековечение системы «государственного феодализма» и приближение ее к системе феодализма помещичьего. Практически Министерство финансов оказывалось единственным и полновластным хозяином в казенной деревне; благодаря новому органу, Окружному управлению, оно получало реальную возможность взять на себя непосредственное руководство всею крестьянскою жизнью. Такая административная реформа предусматривалась проектом Гурьева, но там она подчинялась хозяйственно-правовым задачам: новые органы становились исполнителями экономической программы — насаждения индивидуального землепользования. У Канкрина реформа управления имела самостоятельное значение и вовсе не предрешала направления будущей экономической политики; о содержании этой политики не было сказано ни одного слова, Министерству финансов предоставлялась свобода действий, оно оставалось не ограниченным ни определенными задачами, ни определенными сроками; глухая ссылка на удельные инструкции только развязывала ему руки. Фактически это предрешало ликвидацию гурьевского проекта и предоставляло Канкрину нестесненную инициативу для самостоятельной деятельности [1].

Департамент экономии Государственного совета не согласился с подобной постановкой вопроса: на заседании 8 января 1826 года он отказался принять проект Канкрина, так как не видел никакой гарантии улучшения быта казенных крестьян в результате введения удельного управления. Но Канкрин не примирился с таким исходом. Вскоре остзейским генерал-губернатором маркизом Паулуччи была подана всеподданнейшая записка о крайнем оскудении казенных крестьян Псковской губернии. Паулуччи не первый раз бил тревогу, но он не встречал до сих пор поддержки со стороны министра финансов. Теперь он повторил свое ходатайство — образовать специальную комиссию для оказания помощи псковским крестьянам и выражал убеждение, что постановления комиссии «могут быть благодетельны для всех казенных крестьян, находящихся почти во всем государстве в одинаковом скудном положении». Канкрин воспользовался запиской Паулуччи и убедил Николая I в виде опыта ввести удельное управление в Петербург-

[1] ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1826 г., № 11.

ской губернии, как наиболее близкой, и в Псковской, где создалось такое критическое положение. Проект Канкрина соответствовал патриархально-попечительному абсолютизму, который усвоил себе Николай I с первых дней своего царствования. Как раз в это время удельное ведомство в лице товарища министра Л. А. Перовского начинало развивать энергичную деятельность по повышению доходности царских имений. Казалось, примеры удельных начинаний давали точку опоры для аналогичных попыток казенному ведомству. Николай I дал Канкрину свое согласие и Канкрин, ссылаясь на волю императора, вторично внес свой проект на рассмотрение Государственного совета. Департаменту экономии оставалось признать совершившийся факт, предоставить министру финансов «распорядиться к приведению проекта своего в должное исполнение», а общему собранию Государственного совета — присоединиться к заключению Департамента экономии. Так родилось «Положение 24 июня 1826 года» — наскоро и неряшливо отредактированный закон, оставлявший многие вопросы или невыясненными, или вовсе не поставленными. На основании нового закона порядок управления удельными крестьянами распространялся постепенно «в первый раз в виде опыта, на казенных крестьян в губерниях Санктпетербургской и Псковской», впоследствии — «и в прочих губерниях, по особым каждый раз высочайшим разрешениям». Другими словами, заранее предрешался вопрос об устранении гурьевского проекта и о предпочтении ему системы удельного управления. Отныне руководством для управления казенными крестьянами должны были служить «изданные по удельной части узаконения» (какие именно — не указывалось) с применением специальных узаконений для казенных крестьян там, «где крестьяне казенного ведомства различествуют от удельных» (где именно они «различествуют» — тоже не указывалось). Хозяйственные отделения Казенных палат преобразовывались по принципу Удельных контор и получали расширенные штаты: заново создавались Окружные управления во главе с окружными комиссарами, которые делались центральными фигурами в администрации казенных имений. Земские суды не должны были вмешиваться в дела по взысканию податей, отбыванию повинностей и вынесению мирских приговоров — все эти вопросы отходили к ведомству окружных комиссаров. Волостные правления из чисто административных инстанций превращались в административно-судебные: на них возлагалась обязанность разбирать споры, иски и тяжбы между казенными крестьянами и стараться «оканчивать оные миролюбно». Для утешения гражданских губернаторов, которые утрачивали реальную власть на территории казенных имений, говорилось, что они «яко хозяева губернии должны иметь главное местное попечение о благосостоянии казенных крестьян»

и принимать меры против «законопротивных поступков по управлению оными» [1].

Так как Положение 1826 года не давало конкретных указаний о компетенции новых органов, то Министерством финансов постепенно была составлена и опубликована инструкция губернским, окружным, волостным и сельским управлениям казенными поселянами. По своему построению она соответствовала «уставам» Гурьева — административному, полицейскому, экономическому и судебному; но она исключала все гурьевские нововведения и содержала в себе только действующее право: в сущности, это была систематическая сводка инструкций удельного ведомства и узаконений о казенных крестьянах, изданных в XVIII веке и первой четверти XIX века; с начала и до конца она была проникнута духом попечительной опеки и детальной регламентации. Так же, как законопроект Гурьева, она ставила своей задачей охранить неприкосновенность государственных имуществ — межеванием, описанием и сбережением земель и лесов, поднять доходность оброчных статей, обеспечить в селениях внешнее благоустройство и благочиние; но в противоположность проекту Гурьева, она исходила из признания поземельной общины, считала обязательным наделение крестьян узаконенною пропорцией земли и стремилась «истребить пагубный обычай» закабаления «ленивых и нерадивых» поселян «алчными заимодавцами». Подробно был развит отдел о продовольственной помощи и специальная глава «о покровительстве и ободрении крестьянской промышленности», хотя тут же предписывалось не допускать «излишнего размножения базаров и ярманок, ибо оное увеличивает праздность и невоздержность» [2].

Казалось, реформа, начатая Канкриным, должна была удовлетворить крепостнические круги дворянства: она предотвращала опасные последствия гурьевского проекта, брала из него то, что отвечало дворянским требованиям — патриархальную опеку над крестьянами и в общем сохраняла систему существующих отношений. На самом деле, опыт 1826 года не встретил ожидаемого сочувствия: губернская и уездная администрация увидела в нем нарушение своих прав и восстановление казенных крестьян против земской полиции, а помещики были недовольны отстранением Нижнего земского суда — дворянского выборного органа, который старался в своих взаимоотношениях с казною соблюдать интересы собственного сословия. При всей консервативности закона 1826 года, в нем было две характерные черты, кото-

[1] ЦАВП, ЖКМ, сентябрь, 1826 г., лл. 274—278; Приложения к ЖКМ, сентябрь 1826 г., лл. 309—316; ВПСЗ, I, 423. Связь между запиской Паулуччи и законом 24 июня 1826 года устанавливается не только хронологическим совпадением событий и выбором Псковской губернии в качестве второго поля для «опыта», но и мотивами Канкрина, оглашенными в Комитете министров против практического предложения Паулуччи; История уделов, т. I, стр. 65—104.

[2] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 32.

рые восстанавливали против него дворянство: он продолжал гурьевскую традицию охраны государственных имуществ и поручал эту охрану назначенным бюрократическим органам. Враждою к пришлому чиновнику, который отстранял от государственных крестьян местного помещика, дышит обстоятельный критический отзыв петербургского губернатора Безобразова; та же нота сословного осуждения звучит в таконических замечаниях Мордвинова. Оппозиция имела достаточно материала для резкой критики: новые органы Министерства финансов душили крестьян формальными предписаниями и бумажным делопроизводством; не прошло и двух лет с момента издания закона, как обнаружились корыстные вымогательства со стороны окружных комиссаров, и была назначена специальная комиссия для исследования их злоупотреблений; кроме того, новое управление оказалось крайне громоздким и дорогим. Все эти факты поколебали первоначальное решение Николая I и оставляли вопрос о государственных крестьянах попрежнему неразрешенным [1].

7. Комитет 6 декабря 1826 года и проект Алексея Куракина

Однако и помимо этих фактов сложившаяся политическая обстановка исключала возможность легкой победы со стороны Канкрина. Восстание декабристов было только что подавлено. В различных пунктах страны вспыхнуло крестьянское движение. Победители чувствовали себя неуверенно и, развивая политику суровых репрессий, должны были задуматься о причинах пронесшихся ошеломляющих событий. Николай чувствовал себя недостаточно опытным и искал поддержки в совещаниях с ближайшими сановниками, в переписке с Константином и в политическом опыте Александра I. Он чувствовал, что почва под его ногами все еще колеблется, что в теле могущественной империи гнездится какая-то скрытая болезнь — необходимо исследовать и истребить это зло, вникнув в систему государственного устройства и управления. Так родилась идея специального комитета, который должен был пересмотреть все планы Александра I, все проекты, поданные в предыдущее и настоящее царствование, продумать всю систему государственных учреждений и всю организацию финансов, словом — все, от чего зависит спокойствие и благоденствие государства. Такова была программа, намеченная спустя два месяца после восстания в интимных беседах Николая I с Кочубеем и, повидимому, со Сперанским; записка Сперанского «Обозрение гражданских установлений» была представлена в самом начале царствования и выдвигала политические проблемы, которые заполнили впоследствии деятельность Комитета 6 декабря 1826 года. Кочубей и Сперанский были близки друг к другу не только по своей прежней работе, но и по сво-

[1] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 6, 7; Архив гр. Мордвиновых, т. VIII, стр. 704; ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1834 г., № 52.

им общественным взглядам: оба стояли на консервативной позиции, но критиковали существующую государственную систему; признавали необходимость самодержавия, но высказывались за продолжение реформ Александра; хотели преобразований осторожных и постепенных, но преобразований, сближавших Россию с европейскими государствами. Это была дворянская умеренно прогрессивная платформа, противопоставленная крайним ревнителям старины и поклонникам административной системы XVIII века. Кочубей и Сперанский принадлежали к той группе, которая чувствовала процесс разложения феодально-крепостнической системы и стремилась преодолеть его своевременными и благоразумными мерами. Николай I не случайно избрал их руководителями секретного комитета: в лице обоих он видел не только знатоков государственных вопросов, но и носителей умеренно преобразовательных идей предшествующего царствования. Привлекая их к выполнению ответственной задачи, определившей всю последующую политику, Николай постарался обеспечить их необходимым материалом: манифестом 13 июля 1826 года подданным Российской империи разрешалось приносить к подножию трона свои мнения о необходимых улучшениях в государстве.

Целый поток дворянских записок, проектов и жалоб на самые разнообразные темы общественно-политической жизни был ответом на это высочайшее разрешение. Комитет 6 декабря широко воспользовался накопившимся материалом при построении своего плана общей реформы. Среди других вопросов, поднятых авторами записок, был наиболее волнующий дворянство вопрос — о крестьянах, в частности о крестьянах государственных. Наряду с проектами реформы центральных и местных учреждений, уничтожения чинов, отмены дворянской выслуги, образования среднего сословия «граждан», Комитет не мог не поставить социальной проблемы крепостного права и его постепенной ликвидации. Правда, ко всем этим вопросам Комитет подходил с исключительной умеренностью и осторожностью, оставаясь под впечатлением только что разгромленного восстания и предвидя отпор крепостнической реакции. Приходилось выискивать далекие обходные пути и уверять себя в реальности мирных безболезненных решений. Опыт восточно-европейских монархий казался поучительным и ободряющим примером: прусские и австрийские реформы XVIII столетия начались благоустройством государственных домэнов и окончились освобождением помещичьих крепостных. России необходимо избрать тот же благоразумный и правильный путь — такую мысль отчетливо выразил Сперанский в своей известной записке о крестьянах; ее подхватили и закрепили в виде руководящей формулы члены Комитета 6 декабря: «одним из первых и надежнейших средств для улучшения состояния помещичьих крестьян было бы учреждение лучшего хозяйственного управления для крестьян казенных. Такое управление, будучи и непосредственно полезно в отношении к поселянам, принадлежащим казне, послужи-

ло бы образцом для частных владельцев. Благоразумнейшие, видя порядок и довольство в казенных селениях, вскоре последуют примеру правительства; другие будут увлечены примером общим, а если найдутся между помещиками некоторые упорные и нерассудительные люди, то сие малое число легко уже будет принудить сообразовать свои поступки с действиями прочих, не прибегая ни к каким чрезвычайным и почему либо опасным мерам». Та же самая точка зрения более откровенно и обоснованно была высказана шесть лет спустя Кочубеем на заседаниях особого Комитета, обсуждавшего проекты о государственных крестьянах. «Прошедшее царствование,— говорил Кочубей,— направление умов и часто являвшиеся признаки нетерпеливого перенесения помещичьими крестьянами их рабства обращали внимание правительства к сему важному предмету. Не оспаривая, что правительство в то время, может быть, слишком явно изъявляло чувства свои, нельзя однако и отвергнуть, что нетерпение крестьян, вероятно, еще более усилилось, скрываясь, может быть, только по боязни решимости и твердости, с коими правительство теперь все беспорядки укрощает. При таковом положении вещей должно, конечно, помышлять о том, как на будущее время обеспечить спокойствие государства. В сем отношении люди предусмотрительные, удаляя всякую мысль о даровании мгновенно свободы крестьянам, признавали необходимым действовать с большою осмотрительностью и постепенно, приуготовляя крестьян к перемене их положения, а между мерами к достижению самою надежною почитаемо было: устроить поселян казенных, дать им прочное существование и постановить правила для повинностей, взаимно им и казне выгодные, дабы сим образом можно было впоследствии, с должною осторожностью, ввести таковое положение и в помещичьих владениях. Рассматриваемое с сей точки зрения дело об устройстве казенных крестьян заслуживает особенного внимания и стараний правительства».

Таким образом, реформа управления государственными крестьянами приобретала в глазах правительства новое и могущественное значение: предполагалось, что она выведет дворянское государство из состояния начавшегося глубокого кризиса — кризиса, о котором говорили только что пережитое восстание, критическое содержание всеподданнейших записок и периодические отчеты III Отделения. Очень вероятно, что мысль о взаимной зависимости обеих реформ — постепенного смягчения «государственного» и помещичьего феодализма уже овладела сознанием Александра I, когда он давал свое поручение Гурьеву; но именно теперь, в условиях более сложной обстановки, она была высказана официально и получила значение государственной директивы. Николай I целиком согласился с позицией Сперанского и Кочубея; с этого момента вся его политика по крестьянскому вопросу исходила из этого основного намеченного положения [1].

[1] ЦАВП, ф. ГС К 26, № 3, 61; журн. Комитета, т. II, лл. 152—154, 212, 345—349 ВПСЗ, I, 465; СРИО, т. 74 (особенно стр. 173—176).

Такая постановка вопроса о государственных крестьянах должна была привести к очень важным социально-политическим выводам. Она окончательно разрывала с реакционной программой Щербатова, Мордвинова, Муравьева и Зубова; требовала такого экономического и правового преобразования, которое послужило бы стимулом для освобождения помещичьих крестьян; наконец, ставила на очередь не обособление государственных крестьян, как особого замкнутого сословия, а его всестороннее сближение с остальными слоями земледельческого населения. Комитету 6 декабря были совершенно ясны все эти выводы. Обсудив проект статс-секретаря Н. Н. Муравьева о раздаче населенных земель дворянству, Комитет признал этот план неудобным и даже невозможным в исполнении. Приступив к обсуждению вопроса о государственных крестьянах, устами Сперанского Комитет установил приоритет экономической проблемы, сосредоточив основное внимание на вопросах о хозяйственном оскудении крестьян, об их малоземелье, неуравнительном обложении, системе землепользования. Наконец, устами Кочубея он признал самым существенным «приведение всех крестьян, каких бы то ни было, к одинаковым отношениям и отклонение, поелику сие от предусмотрительности человеческой зависеть может, внезапных потрясений, всегда столь вредных». Но все это означало решительный отказ от принципиального курса Канкрина, который своим Положением 1826 года направлял развитие в диаметрально противоположную сторону: насаждения в казенной деревне приемов частновладельческого вотчинного управления, затушевывания экономической стороны вопроса и превращения государственных крестьян в замкнутый обособленный мир, подчиненный усмотрению Министерства финансов. С точки зрения Комитета 6 декабря, нужно было ликвидировать неправильный опыт Канкрина, заново поставить вопрос о государственных крестьянах, пересмотреть проект, составленный Гурьевым, и подготовить новый, соответствующий выдвинутым задачам. Таковы были мотивы, продиктовавшие постановление Комитета — не дожидаясь нового гражданского уложения, которое определит права и обязанности казенных крестьян, образовать особую комиссию для выяснения начал их хозяйственного управления. Комиссия должна была состоять «из опытных в сельском хозяйстве людей, и быть совершенно независимой от Министерства финансов»; помимо личной перегруженности Канкрина, учитывалось то обстоятельство, что «министры финансов нередко и, вероятно, по роду обыкновенных своих занятий, почти невольным и неприметным для себя образом увлекались предпочтительно к мгновенным прибылям казначейства, вместо видов, кои, открывая новые источники доходов или усовершая существующие, впоследствии доставляют истинные государству выгоды». В сущности, это было официальным вотумом недоверия по адресу Канкрина и заранее предопределяло новое решение комиссии. Николай I согласился с постановлением Комитета, но внес в него две существенные поправки: комиссия должна была рассматривать

вопрос о государственных крестьянах во всей полноте — не только с хозяйственной, но и с политической точки зрения. Чтобы придать комиссии «более важности», решили назвать ее Комитетом и «привязать ее к высшему месту в империи», назначив ее председателем члена Государственного совета. После некоторых колебаний выбор кандидата остановился на князе Алексее Куракине, руководителе Департамента экономии Государственного совета. Кочубей предварительно посвятил его в планы правительства, Сперанский составил текст высочайшего рескрипта, и 20 апреля 1828 года существование нового особого Комитета было официально санкционировано. Перед ним была поставлена большая задача — рассмотреть законопроект Гурьева, «сообразить» Положение, введенное в Петербургской и Псковской губерниях, принять во внимание другие существующие предположения и «основать полный проект устава об управлении казенных крестьян». Членами комитета были назначены: директор Департамента государственных имуществ Дружинин, тайный советник Дюгамель и два чиновника министерства внутренних дел — Филатьев, считавшийся большим знатоком вопроса, и Львов. Но все эти тайные и действительные статские советники быстро отступили на задний план перед служебным авторитетом своего председателя [1]..

Князь Алексей Куракин был достаточно заметной фигурой в рядах крупной феодальной аристократии. Когда-то участник оппозиционного панинского кружка, он очень быстро был вознесен на высоту иерархической лестницы Павлом I: последовательно он занимал посты управляющего делами, генерал-прокурора и министра внутренних дел. По мнению Николая Тургенева, Алексей Куракин «не мог пожаловаться на недостаток природного ума», но «его характер, его инстинкты толкали его к укреплению ярма рабства»; «за учтивыми манерами светского человека» этот царедворец скрывал в себе отсталого и дикого крепостника. Тургенев противопоставлял Куракину Мордвинова, как воплощение света и европейской цивилизации — началу мрака и азиатского варварства. Внимательнее присматриваясь к воззрениям и деятельности обоих сановников, мы должны исправить характеристику Тургенева: и просвещенный граф Мордвинов и малообразованный князь Алексей Куракин одинаково выступали защитниками сословных дворянских интересов: и тот и другой, хотя и в разной степени, были затронуты влиянием новой европейской культуры. Куракин был не только «человеком опыта и рутины»: у него имелись принципиальные взгляды и самостоятельные проекты. Тургенев должен был констатировать, что во всех тяжбах между крепостными и помещиками о свободе Куракин неизменно высказывался в пользу крестьян; в 1826 году он представил проект об уничтожении гильдий, исходя из положения

[1] ЦАВП, ф. ГС К 26, № 212, л. 154; № 165, лл. 1—3; СРИО, т. 74, стр. 148, 175—176, 234—295, 297—298, 302, 310, 319.

«свобода есть душа торговли». Оставаясь прежде всего крупным аристократом, он отдавал некоторую дань буржуазной идеологии, хотя никогда не поднимался до такой умственной высоты, какой достигал адмирал Мордвинов. Эта характерная внутренняя двойственность, отражавшая социальные противоречия переживаемого периода, ярко сказалась на позиции Куракина как председателя Комитета 20 апреля [1].

Несмотря на свою глубокую старость, Куракин быстро и энергично приступил к делу. Комитет собрал большой и разнообразный материал, воспользовавшись данными Государственной канцелярии, нескольких министерств и отчасти представителей местной администрации. В течение семи месяцев состоялось 10 заседаний, на которых были заслушаны и рассмотрены все накопившиеся проекты, Лифляндское и Удельное Положения, законы о государственных крестьянах, отзывы губернаторов, докладные записки членов Комитета и, наконец, разработанный проект нового управления. Куракин проявил большую инициативу и своей властной фигурой заслонил собственных сотрудников. Это сказалось на содержании комитетских журналов, на оценках изучаемого материала и на окончательном исходе предпринятой работы: проект был самостоятельно составлен самим Куракиным и, несмотря на замечания и поправки, по существу остался таким же, каким вышел из под пера своего автора. 24 ноября 1828 года Куракин уже представил Кочубею всеподданнейший доклад, записку об устройстве и управлении казенных крестьян и проект временного управления казенными крестьянами [2].

В своих построениях Куракин исходил из противопоставления двух систем — Гурьева и Канкрина. Принципиально он отдавал предпочтение первой, «по коей сословие поселян государственных облекается в бытие политическое», т. е. получает права свободных подданных; он находил, что «правила другой системы, напротив того, удерживают их в настоящем положении крестьян помещичьих, в зависимости неограниченной, без всякой к ним доверенности в разных отношениях, в совершенной ничтожности, в обязательствах личных, и в одном безмолвном исправлении податей и повинностей». Куракин принимал и хозяйственные принципы гурьевского проекта — индивидуального землепользования и поземельного обложения: по его мнению, только такая система «указывает неиссушаемый, так сказать, источник будущего сельского изобилия в едином постоянстве владений и в уравнительности податей существовать могущего». Но вместе с тем, проект Гурьева пугал Куракина своим радикализмом — мгновенным повсеместным потрясением существующего хозяйственного порядка. Являясь рупором крепост-

[1] ЦАВП, ф. ГС К 26, № 157, л. 75; Из архива кн. Ф. А. Куракина. «Старина и новизна», кн. XIV, № 1911, стр. 157—160; Император Павел и его время. Записки Курляндского дворянина. РС, 1887, № 11, стр. 368 и сл.; Н. Тургенев, Россия и русские, М., 1915, стр. 116, 118, 376—377; СРИО, т. 74, стр. 248, 251.

[2] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 13, 36, 8, •5

нических суждений, Куракин повторял уже известные дворянские аргументы о чрезмерном умножении бобылей и о вредном влиянии реформы на помещичьи вотчины. «При прекращении переделов и при умножении тягол в семье остающийся неразделенный участок в руках одного хозяина лишит других тех участков, на принадлежность которых они раньше имели право, и таким образом из хозяев, хотя скудных, должны будут поневоле войти в число работников, от хозяев зависящих, каковая мера, как весьма справедливо замечает нынешний министр финансов, умножит число бобылей, подданных не только праздных, но и опасных; а я сверх того присовокуплю, что мера сия на одного довольного произведет десять недовольных, в чем никакой пользы государству быть не может». С другой стороны, Куракин считал особенно опасным предоставлять домохозяину широкое право распоряжения бессрочно используемым участком: «Мысль, что сия земля принадлежит ему не только как хозяину, но по нынешним понятиям нашего народа как господину, может распространиться между крестьянами, принадлежащими дворянству и, укореняясь, сделаться новым препятствием для установления иного порядка сношения их с помещиками и для уничтожения личного рабства». Вся эта аргументация ярко вскрывает классовую позицию автора: он хочет устранения элементов рабства из положения помещичьих крестьян, он не боится расширения их гражданских прав, так же как превращения государственных крестьян в сословие свободных обывателей, но он считает крестьянские наделы помещичьих имений неотъемлемой собственностью дворянства и представляет себе взаимные отношения крепостного к землевладельцу на основе феодальной зависимости, постепенно перерастающей в форму арендного договора. С такой точки зрения институт бессрочного содержания земельных участков, конструированный Гурьевым, угрожал неприкосновенному праву помещичьей собственности и мог направить хозяйственное развитие на опасную и нежелательную дорогу. По мнению Куракина, необходимо было соблюсти строгую постепенность и воспитать казенного, а следовательно, и помещичьего крестьянина в привычном и твердом убеждении, что не земля зависит от поселянина, а поселянин зависит от предоставленного ему надела [1].

Из этого исходного пункта вытекал следующий самостоятельный план Куракина. Государственные крестьяне не обособлялись в отдельное замкнутое сословие, а подчинялись действию общих государственных узаконений, являясь членами свободного податного сословия. Крупные торгово-промышленные села объявлялись городами с предоставлением крестьянам прав городского мещанства. Среди крестьян-земледельцев устанавливался институт личного землепользования, но не сразу и не повсеместно, а в строгой и медленной постепенности: чтобы не потрясать существующих обычаев, на первый раз выделялись две

[1] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 2, 3; СРИО, т. 74, стр. 346—347.

малоземельные и две многоземельные губернии, и под руководством правительства, с оказанием государственной поддержки, организовывалось массовое переселение из губерний малоземельных в многоземельные. Переселялись преимущественно многотягольные зажиточные семьи; им нарезались отдельные (мы бы сказали, «отрубные») участки со всеми нужными угодьями, размером от 30 до 500 десятин. Переселенцы пользовались землею на правах потомственного бессрочного содержания без права переделов, но и без права раздела и отчуждения. По истечении 2—3-летнего льготного срока на переселенцев налагалась поземельная подать, соответствовавшая выгодам данного участка. На старом месте жительства оставались преимущественно малотягольные семьи; их наделы расширялись за счет переселившихся, по крайней мере до 10 десятин на тягло; всякие переделы запрещались; крестьяне, занимавшиеся промыслами, получали исключительно усадебные участки; что касается прибылых членов семейств, то эти излишние руки могли или заниматься промышленностью, или арендовать соседние помещичьи дачи, или переселяться на свободные земли. Поземельная подать вводилась и среди оставшихся крестьян. Вся эта грандиозная операция принудительного перемещения населения производилась особой чрезвычайной комиссией, которая действовала по инструкции комитета Куракина; председатель комиссии облекался широкими правами генерал-губернатора [1].

Существовавшая организация земской полиции подвергалась радикальному преобразованию. Куракин не устанавливал принципов этой реформы, перелагая ее на обязанность будущей комиссии, но он подробно излагал проект временного управления казенными крестьянами, которое вводилось в ожидании будущего коренного переустройства. Здесь он последовательно пошел по пути, указанному дворянскими крепостническими проектами: выборные крестьянские органы — и в волости и в селении — сохранялись, но над ними воздвигалась попечительная власть в лице Окружных правлений (заимствованных из проекта Гурьева и Положения 1826 года) и особого попечителя, избранного губернским дворянством из числа местных помещиков, бывших предводителей дворянства. По словам Куракина, «попечитель, быв избираем из лучшего дворянства и пользуясь доверием своего сословия, есть лучшее ручательство о пользе возлагаемой на него должности, ибо он как житель уезда, зная ближе всего свойства людей, составляющих уездных чиновников, и зная действие судов и членов оного, более всякого может быть защитником и покровителем притесняемого казенного крестьянина». Попечитель должен был наблюдать за всеми проявлениями крестьянской жизни, присутствовать на волостных выборах, следить за поступлением податей, проверять отбывание рекрутской повинности, заботиться о благосостоянии крестьян, принимать их жалобы, прекра-

[1] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 3.

щать их споры, сноситься по их делам с центральными и местными органами. Под его руководством действовали его ближайшие помощники (один избранный — дворянами, остальные — крестьянами на волостных съездах), а за ними — окружные комиссары, волостные старшины и сельские старосты, снабженные подробнейшими наставлениями, которые регламентировали их должностные обязанности [1].

Принудительное переселение сотен тысяч крестьян и патриархальная опека дворянского попечителя достаточно иллюстрируют крепостнические тенденции куракинского проекта; но они особенно ярко обнаруживаются в двух второстепенных, но очень характерных предложениях Комитета. Проектируя в районах нового водворения крупные крестьянские хозяйства (наподобие английских ферм) и заботясь о снабжении их недостающей рабочей силой, Куракин старался избежать размножения бездомовых бобылей: он предлагал разрешить домохозяевам покупать себе крепостных работников, снабжать их небольшим наделом и в течение 24 лет пользоваться их трудом в размере трехдневной барщины. С другой стороны, Куракин проектировал устройство магазинной пашни (для обеспечения продовольственных запасов), на которой вводилась коллективная барщина самих домохозяев. Таким образом, в предложении Куракина «государственный феодализм» не только не исчезал, но обрастал новыми крепостническими институтами.

Представленный проект подвергся уничтожающей критике со стороны члена комитета, чиновника Министерства финансов Дружинина. Особенно обстоятельными были его возражения против института дворянского попечительства и организации магазинной запашки. Хорошо зная на опыте министерского управления, во что превратится власть дворянского попечителя, Дружинин доказывал, что «интересы его, как жителя той же губернии, совершенно противоположны выгодам казенных крестьян. Можно ли ожидать от него беспристрастия и защиты, когда крестьяне будут иметь тяжбы с ним, с его крестьянами, или с его родственниками, или друзьями? Будучи выбран дворянами, из признательности и духа сословия не пожертвует ли он их пользе [illegible] казенных крестьян, не токмо при тяжбах, но особенно при раскладке земских повинностей и других общественных тягостей?» Крестьяне нуждаются в опеке — в этом не сомневался представитель дворянской бюрократии; но эта власть, по его мнению, должна принадлежать «беспристрастным» правительственным чиновникам. Однако с подобной позицией не согласились остальные члены Комитета 20 апреля, и проект председателя остался почти без всяких серьезных изменений [2].

Таким образом, проект, разработанный Куракиным, представлял собой попытку удовлетворить и сторонников, и противников проекта Гурьева, взять его основные принципы (освобождение государственных

[1] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 4.
[2] ЦАВП, ф. ГС К 28, № 5

крестьян и ликвидацию земельной общины), обеспечить их постепенную и безопасную реализацию и соединить их с началом дворянской попечительной опеки в еще более обнаженной сословной форме, чем это предусматривалось положениями Гурьева и Канкрина. Проект представлял собою эклектическое соединение прогрессивно-буржуазных и крепостнических тенденций; он противостоял и максималистской программе Мордвинова, и удельной ориентации Канкрина, но очень близко подходил к дворянским проектам Сумарокова, Муравьева, Лазарева-Станищева и др. Требуя от правительства значительных хлопот и материальных издержек, проект растягивал решение наболевшей проблемы на очень продолжительный и неопределенный срок. Такая постановка [illegible] государственных крестьянах не отвечала задачам Комитета 6 декабря: она не только не обеспечивала воздействия государства на помещиков, но, наоборот, ставила его политику в зависимость от органов местного дворянства.

Немудрено, что проект Комитета 20 апреля встретил чрезвычайно холодный прием со стороны Кочубея, Сперанского и их ближайших сотрудников. Соблюдая необходимые приличия, Комитет 6 декабря констатировал, что некоторые из основных мыслей Куракина (в частности, разрешение переселенцам покупать крепостных) «невозможны в исполнении», а образование особой переселенческой комиссии «едва ли будет нужно». Гораздо резче звучал отзыв о проекте временного управления казенными поселянами, включавшем в себя институт дворянской опеки. Комитет нашел, «с одной стороны, что большая часть сих постановлений были бы весьма затруднительны и неудобны в исполнении, с другой же, что порядок изложения оных не совсем удовлетворителен, а образ выражений не соответствует понятию того класса людей, для коих предназначается сей проект Положения». Комитет отверг идею специальных дворянских попечителей и остался при своем прежнем решении, что никакого особого попечительного начальства не нужно, а охрану казенных крестьян от злоупотреблений чиновников можно вверить уездному предводителю дворянства. При этом обязанности предводителя Комитет понимал очень ограничительно: в случае замеченных злоупотреблений или крестьянских жалоб предводитель должен был доводить о них до сведения главного губернского начальства и только.

Критикуя отдельные параграфы куракинского проекта, Комитет исходил из ранее установленного принципа — сблизить все слои земледельческого населения и подчинить их единообразной системе местной администрации. Зато обсуждая экономические планы Куракина и не входя в организационные подробности, Комитет энергично поддержал идею переселения государственных крестьян как средство выйти из состояния земельного кризиса и насадить новую форму [illegible] го землепользования.

8. Комитет В. П. Кочубея и проект М. М. Сперанского

Николай I согласился с мнением Комитета, касавшимся переселения крестьян; что касается остальных предложений Алексея Куракина, то, вопреки установившемуся порядку, Николай воздержался от собственного суждения, а предписал обсудить их совместно с министром финансов Канкриным и министром императорского двора и уделов кн. Волконским. Чтобы соблюсти тайну существования секретного комитета от этих министров, им было объявлено, что рассмотрение проекта Куракина поручено особому комитету под председательством Кочубея. Таким образом, весь состав Комитета 6 декабря вместе с Канкриным и Волконским составили новый, уже гласный, «Комитет Кочубея». Повидимому, Николай колебался, и весь последующий ход событий помогает нам понять причины его колебаний. Как раз в этот момент начинала развертываться энергичная деятельность Перовского по усилению доходности удельных имений. Исходя, во имя поднятия платежеспособности крестьян, из традиционной идеи попечительства, Перовский завел общественную запашку, образовал «хлебный капитал» для агрономических и культурных улучшений, переложил оброки на землю, открыл главные училища для подготовки сельских учителей, а для концентрации хозяйственного управления и расширения земельной площади проектировал массовый обмен удельных крестьян на казенных. Доходы удельных имений начали повышаться, и попечительный абсолютизм Николая I нашел себе новую эмпирическую точку опоры. Вопрос о предпочтительности удельного управления снова выдвинулся на очередь, и Николай намеревался свести сторонников и противников удельной системы, чтобы выслушать аргументы обеих сторон и вынести собственное решение. Перед Комитетом 6 декабря возникала опасность выпустить из своих рук инициативу реформы и оказаться в необходимости пойти на соглашение с Канкриным. В этот период Сперанский уже разрабатывал проекты гражданского уложения и учреждения о губерниях, которые выражали его идею — сближения крестьян с свободными податными сословиями. Предстоящие совещания со сторонниками удельной частновладельческой системы грозили сорвать это важное принципиальное начинание [1].

Чтобы избежать такого нежелательного исхода, Кочубей прибегнул к искусному организационному маневру: открыв заседание гласного Комитета 15 января 1830 года, он заявил, что вопрос о государственных крестьянах распадается на две части: во-первых, об устройстве крестьян (т. е. об их экономическом и правовом положении) и, во-вторых, о порядке управления крестьянами. Сначала должен быть разрешен первый вопрос, «ибо для начертания даже временного порядка управления крестьян казенных нужно знать сначала, какие меры будут

[1] СРИО, т. 74, стр. 279—280, 338—339, 341, 352—355, 364, 368—370, 375; ЦАВИ, ф. ГСДЭ, 1829 г. № 88, 139; 1831 г., № 45; История уделов, т. I, стр. 65—104.

предназначены правительством для постепенного и прочного улучшения их состояния, особливо же для отвращения тех неудобств, от коих ныне стесняются не только успехи промышленности, но и самые способы их существования и которые в настоящем их положении, может быть неизбежны». Комитет, не исключая Канкрина и Волконского, должен был согласиться с такой логичной постановкой проблемы, и все дальнейшие прения, минуя спорные пункты о системе управления, сосредоточились на хозяйственном преобразовании казенной деревни. Оба министра предварительно ознакомились с бумагами Куракина и быстро согласились с комитетской оценкой его проекта, одинаково отступавшего и от закона 1826 года, и от программы, только что развернутой удельным ведомством. В этом отношении журнал заседания 15 января прозвучал еще откровеннее и суровее, чем прежние отзывы: совещание находило, что большая часть предложений Комитета 20 апреля «была бы весьма затруднительна, или и совершенно невозможна в исполнении, по крайней мере, на означенном в записке кн. Куракина основании, а некоторые, вероятно, противны видам нашего правительства и началам здравой политики». Затем, по предложению Кочубея, было признано крупное хозяйственное и политическое значение рассматриваемого вопроса и формулирована руководящая задача, выдвинутая Комитетом 6 декабря 1826 года: достигнуть благосостояния казенной деревни и оказать этим влияние на положение помещичьих крепостных. Совещанию оставалось высказать собственные суждения по основному вопросу, поставленному в начале заседания: какими путями преобразовать хозяйственное положение государственных крестьян? Осуществляя инициативу секретного Комитета, Сперанский первый взял слово и выступил с заранее подготовленной речью: он предлагал систему экономических мероприятий, которые составляли одно из звеньев задуманной им реформы. Позднее он изложил свои предложения в особой записке; ее собственноручный черновой оригинал хранится в Рукописном отделении Ленинградской публичной библиотеки. Сопоставляя содержание этого документа с другими высказываниями Сперанского и с его проектом преобразования местной администрации, мы можем отчетливо представить себе основные очертания его плана [1].

Сперанскому были понятны действительные причины крестьянской нищеты и недоимочности: с цифрами в руках он показывал, как прогрессирует крестьянское малоземелье и как поднимается налоговое обложение; выяснял, что развитие промышленности оказывается недостаточным для поглощения избыточных рук; вскрывал грубую неуравнительность подушной подати и оброчного сбора и приходил к самому безрадостному выводу: «Ясно, что если крестьяне малоземельны, если нет для них сподручных промыслов, если подати, на них лежащие, си-

ЦАВП, ф. ГС К 26, № 212, лл. 115-12 [illegible]

[1] РОПБ, Бумаги Репинского, № Ло.

лам их несоразмерны, то и при самом лучшем и бескорыстном управлении они будут бедны...». Но, по мнению Сперанского, беда в том, что и система их управления не является «лучшей» и «бескорыстной»: «Земские исправники суть те же помещики, с тою токмо разностью, что они переменяются и что на них есть некоторые способы к управе; но взамен того сии трехлетние владельцы не имеют никаких побуждений беречь крестьян, коих они ни себе, ни потомству своему не прочат». Существующая система переделов, при неизменной земельной площади и непрерывном росте населения, все больше и больше дробит наделы, порождает «непрочность владения и безнадежность в удобрении». «Какого, впрочем, удобрения можно ожидать от бедного крестьянина, который на тощей лошади худою сохою без унаваживания не пашет, а едва бороздит землю, отсюда истощение почвы и урожаи столь маловажные, что в других государствах они считались бы бедствием». Окончательный вывод Сперанского можно передать его же собственными словами, занесенными в журнал Комитета 6 декабря: ...«корень зла остается, бедность порождает бедность, так же как богатство помогает богатству; с умножением населения, с новым раздроблением земли, бедствия нищеты должны усугубиться; за ними могут последовать другие ужаснейшие»...

Какие же практические выводы делал отсюда Сперанский? Как все составители дворянских и правительственных проектов, он не говорил о социально-политических причинах крестьянского малоземелья: о массовых пожалованиях земель, о незаконном расхищении государственного земельного фонда, о предстоящей передаче казенных угодий удельному ведомству. Сперанский молчаливо проходил мимо этих явлений, считая их неизбежными и не подлежащими даже секретному обсуждению. Он искал возможного выхода в тех же экономических преобразованиях, какие выдвигали дворянская агрономия, Гурьев и в своих принципиальных заявлениях Куракин. Если бы удалось ввести институт семейно-наследственного владения землей, «то он решил бы дело в самом его основании. Он установил бы состояние крестьян навсегда и сделал бы его состоянием действительно государственным». Сперанского не пугала мысль об «умножении бобылей», о неизбежном классовом расслоении деревни: вместе с Комитетом 6 декабря он был непоколебимо убежден, что «неравность жребия», ожидающая крестьян, весьма естественна: она существует везде, даже и в нынешнем состоянии крестьян казенных и помещичьих, по мере их трудолюбия или удачи в земледелии или промыслах. Сия самая неравность, из коей произойдут обоюдные выгоды и нужды, будет главною связью между владельцами земель и наемниками». Английский тип капитализации земледелия представлялся Сперанскому естественной и неизбежной формой социально-экономического развития. Но его пугала крутая и немедленная ломка общинного землевладения: она в корне противоречила привычному убеждению крестьянской массы, что надельная зем-

ия — общественная, мирская, крестьянская; попытаться обратить землю во владение отдельных семейств — значит вызвать отпор со стороны возбужденного крестьянства; «такая мера была бы несправедлива и небезопасна», а раз так, приходится «искать средств в самом том порядке вещей, какой установлен законом, не разрушая того, что есть».

Исходя из этого последнего вывода, Сперанский предлагал формально сохранить порядок общинного землевладения, но фактически, системою обдуманных мероприятий, постепенно преобразовать его в институт семейного наследственного землепользования. Орудием реформы должны были стать, с одной стороны, прекращение переделов, с другой стороны, принудительное переселение. В ближайшую ревизию за каждым крестьянским семейством закреплялся участок земли, состоящий из всех паев, отведенных ему в качестве надела; в промежуток времени между ревизиями семейный участок не подвергался никаким переделам, а в селениях, которые имели раньше 8 десятин на ревизскую душу, не допускалось приписки новых поселенцев. При наступлении новой ревизии семейные участки оставались неприкосновенными, причем в селениях многоземельных прибылые души наделялись новыми паями, за счет имевшихся земельных резервов; в селениях малоземельных, где нехватало установленной пропорции земли, семейные участки оставались без изменения, а прибылые крестьяне, не получившие земли, освобождались от уплаты оброчного сбора. Одновременно правительство должно было организовать принудительное переселение крестьян на свободные земли — в Башкирию, в южные губернии и в Сибирь; пространства, годные для водворения переселенцев, предварительно измерялись и обмежевывались; в местах нового поселения с самого начала устанавливался не общинный, а семейно-наследственный порядок землепользования; начиная с ближайшей ревизии оброк переклался с душ на землю; необходимым условием для проведения этой меры Сперанский считал тщательно подготовленную и выполненную ревизию. Чтобы на практике проверить все неудобства и затруднения, поземельное обложение проводилось в течение года в виде опыта в 2—3 губерниях.

Таков был хозяйственный план Сперанского. Как видим, он был составлен гораздо осторожнее гурьевского проекта — не разрывал сразу с системою переделов, не предоставлял домохозяину права самостоятельного распоряжения участком и старался внешне затушевать переход к наследственному участковому землепользованию. Из куракинского проекта Сперанский заимствовал идею принудительного переселения, но освободил ее от крайних крепостнических наслоений и распространил на всю территорию империи. Это была компромиссная позиция, которая удерживала основные буржуазные тенденции предшествующих проектов [1].

[1] РОПБ, Бумаги Репинского, № 40.

Второе звено в проекте Сперанского составляла реформа местной администрации. В противовес Гурьеву, Канкрину и Куракину, Сперанский отказался от создания особых — дворянских или бюрократических — органов для управления государственными крестьянами. Он считал очередной задачей не «защищать» крестьян от уездной земской полиции, а преобразовать самую систему полицейского, хозяйственного и судебного строя, освободив ее от элементов «самовластия» и придав ей необходимую стройность. Гарантию от самовластия должны были представить новые губернские и земские коллегии, контролировавшие местных чиновников, но состоявшие из тех же местных чиновников. Таким образом, Сперанский остался в заколдованном кольце дворянско-бюрократических учреждений, которое исключало возможность действительного, независимого и гласного контроля. Тем не менее, для его административной, внешне европеизированной схемы были характерны две главные особенности. Государственные крестьяне, наряду с другими сословиями, подчинялись общим административным учреждениям: в губернии — Губернскому правлению, ведавшему вопросы полиции, Казенной палате, ведавшей вопросы хозяйства, и их общему коллегиальному присутствию, ведавшему наиболее крупные общие вопросы; в уезде аналогичным органам — Земской управе, Казенному приказу и объединяющему их Уездному правлению; никаких «средних начальств», опекающих и обособляющих крестьян от всего остального населения, Сперанским не создавалось. С другой стороны, Сперанский сохранял и несколько перестраивал волостное и сельское самоуправление государственных и удельных крестьян; но, возлагая на него полицейские и хозяйственные обязанности в духе дворянско-бюрократического государства, Сперанский старался устранить всякие элементы патриархально-попечительной опеки. В его проекте мы не находим назойливого вторжения в хозяйственную и бытовую жизнь крестьянина, которое отличает проекты Гурьева, Канкрина и Куракина. И в этом отношении Сперанский остался проводником руководящей идеи секретного Комитета: приблизить казенного крестьянина к положению свободного обывателя, чтобы позднее приблизить к положению казенного крестьянина освобожденного помещичьего крепостного. Административное и хозяйственное звенья реформы соединялись в единое целое во имя постепенного и безболезненного выхода из социального кризиса. По существу, попытка Сперанского была безнадежною и таила в себе глубокое внутреннее противоречие: она утверждала видимость экономической и гражданской свободы, продолжая связывать хозяйственную самостоятельность крестьянина и оставляя его в рамках дворянского крепостнического государства; но она заключала в себе прогрессивные буржуазные тенденции, пробивавшиеся наружу в условиях складывающегося капиталистического строя [1].

[1] ЦАВП, ф. ГС К 26, № 151, лл. 1—32; СРИО, т. 90, стр. 274—358; т. 74, стр. 379—388, 404—423

Хозяйственный план, оглашенный Сперанским на заседании 15 января 1830 года, вызвал энергичный отпор со стороны министра финансов. И в проекте Куракина, и в предложениях Сперанского Канкрин увидел угрозу его собственной позиции, т. е. положению вещей, которое устанавливалось законом 1826 года. Согласиться на представленные проекты значило пойти на ликвидацию «удельного управления», потерять возможность непосредственного и независимого использования огромных материальных ресурсов, которые заключались в государственных имуществах. Как бюрократ-гувернаменталист, Канкрин возражал против дворянской опеки Куракина; как руководитель финансов, он высказывался против огромных издержек, которые поглотит принудительное переселение. Отдавая дань своему прошлому, он готов был согласиться на прекращение переделов и на введение наследственно-семейного землепользования, но внутренне он колебался и в этом вопросе. Принудительное переселение он считал совершенно излишним и еще ранее высказал это в записке, адресованной Кочубею: «Со временем число народа само собою придет в некоторое уравнение. Крестьяне переходят в города, они сами ищут переселения и там, где земель много, по естественным законам природы число людей умножается более, нежели там, где способы пропитания скуднее». Теперь Канкрин соглашался только на умеренную продовольственную помощь со стороны правительства, оказываемую добровольным переселенцам. Но особенно энергично Канкрин восстал против введения поземельного сбора, который требовал, по его мнению, сложной и дорогой операции кадастра. Чтобы осуществить подобную меру, утверждал Канкрин, Министерство финансов должно иметь собственный аппарат по управлению государственными крестьянами. Другими словами, прежде чем предпринимать хозяйственные реформы, нужно преобразовать систему существующего управления. Аргументами Канкрина вопрос переводился обратно из экономической плоскости в административную: Канкрину нужно было вернуть себе потерянную инициативу, чтобы заставить Комитет Кочубея признать и сохранить Положение 1826 года.

Разногласия между Сперанским и Канкриным приняли форму затянувшегося конфликта. В обоснование своих мнений противники представили подробно составленные записки: Сперанский доказывал, что поземельный сбор не требует обязательного кадастра, Канкрин возражал, противопоставляя ему «аксиомы финансовой науки». Кочубей попытался найти линию соглашения: он предложил отделить оброчный сбор от подушной подати, оброк переложить на землю, а государственную подать оставить поголовной; в этом духе он набросал компромиссный проект, чтобы спасти принцип беспредельного наследственного пользования землей. Но все эти усилия оказались напрасными. Самое бо́льшее, на что соглашался министр финансов, это — постараться уравнять оброчные сборы, т. е. привести их в бо́льшее соответствие с имущественным положением плательщиков путем назначения в каж-

дой губернии нескольких окладов; на основе этого принципа Канкрин составил специальный законопроект и внес его на обсуждение Государственного Совета. Разгоревшаяся ведомственная борьба не привела ни к каким результатам: журнал первого заседания «Комитета Кочубея» остался неподписанным, а журналы следующих заседаний даже не составленными. В середине 1830 года деятельность гласного Комитета Кочубея оборвалась и вопрос о направлении реформы остался неразрешенным [1].

9. Положение вопроса после 1830 года

Тем временем, и в Западной Европе и в России произошли политические события, которые существенно изменили прежнюю ситуацию. В 1830 году во Франции вспыхнула Июльская революция, которая перекинулась в Бельгию и в Италию; началось восстание в Польше, а в России, в связи с холерной эпидемией и произвольными действиями полиции, прокатилась широкая волна крестьянских, городских и военных волнений. Наряду с помещичьими крепостными, во многих местах поднялись государственные крестьяне. Перепуганное правительство Николая I в нерешимости остановилось перед осуществлением плана сословно-административной реформы. Еще раньше, в начале 1830 года, при обсуждении первых проектов, разработанных Комитетом 6 декабря, в Государственном совете раздались предостерегающие оппозиционные голоса крепостников; робкие попытки приступить к крестьянскому вопросу — запрещением продавать крепостных без земли и постепенным уничтожением класса дворовых — вызвали решительный отпор со стороны Мордвинова и Ланского. Теперь крепостническая реакция приобрела себе твердую точку опоры и ярко обнаружилась в отзыве великого князя Константина по поводу законопроекта о состояниях, подготовленного Комитетом 1826 года. Несмотря на все оговорки и смягчения, Константин старался обосновать в своих записках «ту непреодолимую мысль, что касательно существенных перемен, лучше казалось бы отдать их на суд времени, по крайней мере, по главнейшим предметам». Придирчивому разбору крепостников подвергся не только проект сословной реформы, но и план преобразования местной администрации, непосредственно касавшийся государственных крестьян; прежде чем поступить в Государственный совет, он был роздан по рукам на заключение министров. А. А. Закревский, руководивший в это время Министерством внутренних дел, дал о нем резкий уничтожающий отзыв. Закревский особенно обрушился на волостное самоуправление, которое было нормировано еще указом 1797 года. Теперь, под впечатлением революционных событий 1830—1831 годов, крепостникам казался крайне опасным даже

[1] ЦАВП, ф. ГС К 26, № 212; ЦАНХ, ф. Особенной канцелярии Министерства финансов, 1829 г., № 7/93, л. 13.

этот старый закон Павла I. По словам Закревского, введение выборных крестьянских органов принесло не пользу, а только вред. Он спрашивал представителей правительства: «Можно ли ожидать точного исполнения постановлений от людей, которые не постигают ни цели, ни пользы сих постановлений, которые нимало не побуждаются в деяниях своих понятием о чести, свойственным людям просвещенным...?» «Все сии люди будут выведены из класса производителей, отделены от земледельческих управлений и по непросвещению своему, увлекаясь ложными понятиями о предоставленной им власти, могут терять добрую нравственность... Из всего этого следует заключить, что не токмо предполагаемое проектом в обширном размере волостное управление ничего, кроме вреда, не произведет, но что и настоящие волостные правления едва ли не бесполезны; что миллионы рублей, на оные потребные, умножат сумму народных тягостей и притом без всякой существенной пользы, и что, вообще, доколе просвещение не распространится между населением, не надлежит для собственного их блага облекать их властью правительственною». Полиция, хозяйство и суд, по мнению Закревского, должны быть поручены исключительно членам дворянской корпорации. Нет никакого сомнения, что эти взгляды разделяли широкие круги правящего сословия: идея патриархально-попечительной опеки над «непросвещенными» крестьянами должна была укрепиться в свете революционных событий. К критике административного проекта Сперанского присоединился также министр финансов Канкрин[1].

Под влиянием усилившегося реакционного курса рушились не только все планы Комитета 6 декабря, но и проект гражданского уложения, который должен был расширить и укрепить права государственных крестьян. Правительство отказалось от общей сословно-административной реформы, но оно продолжало с прежней остротой сознавать необходимость исправления действующего порядка. С этого момента оно перешло на дорогу частичных мелких преобразований крепостнической системы; это были не принципиальные реформы, а преимущественно организационно-технические улучшения, о которых метко выразился осторожный, но умный Сперанский: «легкие временные поправки имеют еще то важное неудобство, что не только не исцеляют болезни, но закрывают ее и делают, наконец, неизлечимой».

О необходимости реформ заставляли думать не только массовые народные волнения, но и затянувшийся финансовый кризис. При составлении росписи государственного бюджета на 1832 год Канкрин забил настоящую тревогу: для изыскания средств покрытия дефицита были соз-

[1] СРИО, т. 90, стр. 467—536, 540—607; ЦВАП, ф. ГС К 26, № 92, лл. 69—72, 75—77, 122—125. Архивисты, разбиравшие фонд Государственного совета, неправильно связали замечания Закревского, датированные 13 августа 1831 года, со старым, уже давно забракованным, проектом губернского управления генерал-адъютанта Балашова. Такая догадка опровергается и временем появления замечаний Закревского и их внутренним содержанием. Ср.: СРИО, т. 74, лл. 144—147.

ваны специальные правительственные совещания; старые вопросы о недоимочности государственных крестьян, о дурном ведении казенного хозяйства, о необходимости повышения и уравнения налогов снова выдвинулись на очередь и приковали к себе внимание бюрократии. Канкрин настойчиво рекомендовал свой старый проект, залежавшийся в портфеле бездействовавшего Комитета Кочубея: распределить оброчную подать на несколько варьирующихся окладов и с помощью особых губернских комиссий разнести их между казенными селениями соответственно пространству, качеству почвы, развитию промыслов и «местным удобствам». Это не был бы имущественный или поземельный сбор, предполагающий более точную регистрацию платежеспособности населения, но это было бы некоторое приближение к реальному учету действительных хозяйственных отношений. Николай I согласился с Канкриным и приказал, «дабы сие важное дело получило свое разрешение». Обсудить предложение министра финансов было поручено уже известному нам гласному Комитету Кочубея. Но рассмотреть этот организационно-технический проект — значило поднять всю сумму спорных и неразрешенных вопросов. Снова лицом к лицу встретились прежние противники: с одной стороны, Канкрин, с другой стороны, Сперанский и Кочубей. Однако политическое положение весной 1832 года было иное, чем за два года до этого совещания. Перед лицом сплотившегося реакционного фронта умеренные сторонники европеизации сумели сбрести почву для компромиссного соглашения. Несомненно, что и сами члены секретного Комитета 1826 года сдвинулись вправо со своей первоначальной, более прогрессивной позиции. Проект административной реформы Сперанского уже был похоронен вместе с идеей расширения гражданских прав казенного крестьянства. При таких условиях Сперанский и Кочубей пошли навстречу требованиям Канкрина и признали возможным распространить «удельное управление» 1826 года на остальные великорусские губернии. В свою очередь, Канкрин согласился ввести поземельную оброчную подать, связав ее с постепенной ликвидацией общинного землепользования. Есть основания полагать, что Канкрин действовал здесь не вполне искренно: перехватывая инициативу у своих прежних противников, он устанавливал такие долгие сроки, которые оттягивали реформу на неопределенное и далекое будущее. Секретные бумаги Канкрина вскрывают перед нами внутренние колебания, которые переживал в это время министр финансов. Когда-то он сам был убежденным сторонником индивидуального землепользования; но развитие европейских событий в частности, борьба ирландского крестьянства и французская революция 1830 года заставили насторожиться его консервативное классово-ограниченное сознание; он опасался, что остзейские провинции России станут питательной средой аналогичного демократического движения.

Тем не менее, Канкрин взял на себя обязанность составить новый проект реформы на принципах, только что установленных в Комитете Кочубея. Основные начала этого проекта были формулированы следующим

образом. Подушная подать отделялась от оброчного сбора и оставалась личным государственным налогом; оброк превращался в поземельный сбор и варьировался в связи с учетом промысловых доходов. Соответственно денежным повинностям разделялся надел государственного крестьянина: усадьба, т. е. двор с огородом, конопляником, садом, гумном, составляла «дворный участок» и оставалась в вечном наследственном пользовании отдельного крестьянского семейства; на этот дворный участок падали все казенные и земские денежные налоги. Что касается пашен, лугов, сенокосов и всех угодий, составлявших надел казенного селения, то они распределялись на оброчные двухдушевые участки, которые предоставлялись в бессрочное пользование отдельных крестьянских семейств по принципу «uti possidetis»,— под условием личной обработки и выполнения повинностей, но без права продажи в другие руки. Оброчный сбор устанавливался в соответствии с размерами и качеством оброчного участка, с ценами на продукты и с наличием промыслов, оставаясь неизменным от ревизии до ревизии. В общинном владении селения сохранялись пастбища, определенная часть лесов и кустарники. Земли и леса, превышавшие узаконенную пропорцию, должны были образовать земельный резерв, из которого составлялись новые дворные и оброчные участки для прибылых и переселяющихся душ. Обязательными условиями для осуществления принятой системы были намечены 1) измерение, обмежевание и оценка земель (с этой целью при Лесном институте учреждалась школа межевщиков) и 2) постепенное распространение на новые губернии Положения 1826 года, т. е. изъятие государственных крестьян из-под власти земской полиции и создание на местах особого административного аппарата Министерства финансов. Таким образом в компромиссную программу 1832 года вошли два основные элемента: несколько подправленные хозяйственные принципы Сперанского и система удельного управления, принятая Канкриным [1].

Было решено, что Канкрин подробно разовьет этот план, но раньше, чем вводить его в жизнь, правительство издаст переходный закон о варьирующихся окладах оброчного сбора, а результаты его применения на практике будут учтены при составлении окончательного проекта. Николай I одобрил эти мнения Комитета Кочубея. Государственный Совет принял общее постановление о введении различных окладов и по окончании работ нескольких губернских комиссий предложил установить их для 8 великорусских губерний, в том числе Петербургской и Псковской [2].

[1] ЦАВП, ф. ГС К 26, № 212; ЦАНХ, ф. Особенной канцелярии Министерства финансов, 1829 г., № 7/93, лл. 31—40, 410 и след., П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 136.

[2] ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1829 г., № 138; 1832 г., № 38. Канкрин представил в Государственный совет губернские табели оброчных окладов: 23 ноября 1832 года — по Петербургской, Новгородской, Псковской и Тверской губерниям, 14 декабря 1832 года — по Вологодской, Владимирской, Костромской и Тульской губерниям; табели предусматривали не только уравнение, но и значительное повышение оброчного сбора.

Но когда мемория Государственного Совета была представлена Николаю I, дело получило новый и совершенно неожиданный оборот.

Как раз в это время Министерство двора и уделов энергично вводило в удельных имениях поземельную форму оброка. В сущности, это не был [illegible] поземельный денежный сбор с предварительным учетом и оценкой всех земельных угодий. Исчисление суммы оброка основывалось на приблизительных расчетах, сопровождалось большим повышением оклада (до 50 процентов) и значительной отрезкой надельных земель (до 30 процентов). Задачей реформы официально выдвигалось не только достигнуть уравнения податей и повышения доходов, но и внушить крестьянам мысль, что земля не составляет их собственности, а дается им в пользование временно, как оброчникам. Проведение реформы было чрезвычайно жестким, сопровождалось массовыми волнениями удельных крестьян в Московской, Костромской и Пермской губерниях, но, в конце концов, дало заметное увеличение удельных доходов. Финансовый успех этой меры и сопровождавшие его крестьянские волнения произвели определенное впечатление на Николая I. Под влиянием министра двора Волконского, Николай пришел к выводу, что казна должна пойти по стопам удельного ведомства, но постараться избежать всяких волнений. Поземельный сбор «сообразен доброму распорядку», подати поступают исправно, «недоимок нет и доход через сбор с земли увеличился» — такова была резолюция Николая I. Вводить переходные меры в виде предлагаемой переоброчки не к чему, да и не безопасно: «Теперь произведет она между казенными крестьянами одну тревогу, а потом едва люди поймут новую раскладку, едва успокоятся, как снова надо будет все переделывать и произойдет между ними новая тревога». Николай предложил снова пересмотреть вопрос в Комитете Кочубея. Членам Комитета оставалось согласиться с мнением императора и на заседании 3 марта 1833 года вынести постановление: поручить министру финансов выработать правила введения поземельного оброка государственных крестьян, исходя из ранее установленных и изложенных принципов. Николай приказал Канкрину выполнить это поручение в течение короткого четырехмесячного срока.

Однако прошло 4 месяца, а проект все еще не был [illegible]. 22 сентября 1833 года на запрос Николая I Канкрин почтительно доносил, что он беспрестанно имеет в виду трудное дело о поземельном оброке казенных крестьян, но что «наперед должно привести в известность количество и внутреннее достоинство угодий казенных крестьян... почему наперед приготовляется потребное число землемеров в школе межевщиков. При том предназначено начать сперва в некоторых губерниях, и до окончания столь огромного дела пройдут многие годы [1]».

Если хозяйственная сторона преобразования безнадежно затягивалась, то можно было выдвинуть другую — административную сторону

[1] ЦАВП, ф. ГС К 26, № 212; ЦАНХ, ф. Особенной канцелярии Министерства финансов, 1829 г., № 7/93, лл. 59—82, 101.

проекта. 11 мая 1834 гг. Канкрин препроводил государственному секретарю проект распространения удельного управления, действовавшего в Петербургской и Псковской губерниях, на 10 великорусских губерний: Херсонскую и Екатеринославскую, пораженные последним неурожаем и требовавшие неотложной помощи, Вятскую, плотно заселенную государственными крестьянами, Курскую и Воронежскую (по большому числу казенных крестьян и «по множеству недоимок»), Слободскоукраинскую («по худому положению казенных крестьян»), Саратовскую, Оренбургскую и Кавказскую («по причине усиливающегося переселения») и Новгородскую («по близости к Петербургу и удобству надзора»). В объяснительной записке Канкрин доказывал благотворное влияние новой системы на управление государственными крестьянами: благодаря деятельности окружных комиссаров прекратилась незаконная сдача казенных земель, началась обработка заброшенных участков, приостановлены неразрешенные семенные разделы, уничтожены незаконные поборы, уравнены натуральные повинности, а главное, лучше собираются текущие подати и недоимки. Канкрин не отрицал злоупотреблений со стороны некоторых окружных комиссаров и жалоб со стороны крестьян, но он находил, что эти отдельные недостатки вполне возмещаются достигнутыми результатами; крестьяне довольны попечительным управлением, а губернаторы, вначале возражавшие против отстранения местной администрации, согласились с полезностью нового управления. Канкрин предлагал частично исправить прежнее Положение, в частности расширить права губернаторов и возложить на крестьян расходы по содержанию введенного учреждения. Если бы Государственный совет принял внесенный законопроект, Канкрин мог бы торжествовать окончательную победу: он возвращался к своему старому плану 1826 года, который ставил государственных крестьян под власть Министерства финансов, но не стеснял его административной инициативы и не предусматривал содержания и сроков хозяйственных преобразований.

Однако Государственный совет в лице соединенных Департаментов экономии и законов не согласился с доводами Канкрина и нашел, что закон 1826 года не оправдал возлагавшихся на него надежд. Прения затянулись на три заседания. Опровергая мнение министра финансов, члены Государственного совета утверждали, что опыт 1826 года не был «окончательным», иначе все остальные разыскания и предположения правительства оказались бы излишними. Новое управление не было образцовым само по себе, а должно было создать образцовое и прочное устройство государственных крестьян: размежевать и описать казенные земли, разделить на лесосеки леса, привести в известность хозяйственное положение крестьян, наделить их землею, организовать переселения, подготовить преобразование оброчной системы. Ничего этого не сделано, «и следовательно, первая и главная цель учреждения не достигнута». Причины этой неудачи, по мнению соединенных департаментов, заключались в перегруженности делами хозяйственных отделений казен-

ных палат; чтобы достигнуть намеченной цели, необходимо выделить все дела по заведыванию казенными крестьянами и поручить их особому «временному отделению», во главе с управляющим и в составе достаточного числа чиновников. На эти «временные отделения» следует возложить те подготовительные хозяйственные задачи, которые до сих пор не выполнены Министерством финансов. В заключительной части своего постановления соединенные департаменты высказали очень важную мысль, что «временные отделения» могли быть преобразованы в отдельное губернское место, больше того,— что над ними следовало бы учредить высшее центральное управление по заведыванию государственными имуществами. Таким образом намечался проект образования нового министерства специально для управления казенными крестьянами.

К сожалению, журналы Государственного совета составлялись очень суммарно, и мы не можем установить мнений отдельных членов, разобраться в их доводах и мотивах, наметить сложившиеся группировки и точно определить их взаимоотношения. Но можно предполагать, что против Канкрина и его преувеличенного гувернаментализма соединились две основные группы противников: с одной стороны, принципиальные защитники дворянской уездной администрации, возражавшие против возобладавшего бюрократического курса,— на такой позиции стояли Мордвинов и Литта; с другой стороны, члены Комитета 6 декабря 1826 года и Комитета Кочубея,— сам Кочубей, Сперанский, Васильчиков, Волконский, Толстой, с которыми Канкрин как будто бы договорился, но программу которых он фактически саботировал. И те и другие настаивали на приоритете экономической проблемы над проблемой чисто административной; и те и другие упрекали министра финансов в восьмилетнем бездействии и банкротстве; наконец, и те и другие проектировали в будущем образование особых органов по управлению государственными имуществами, т. е. фактически предлагали изъять государственных крестьян из ведения Министерства финансов. Канкрину было поручено разработать новый проект — в соответствии с только что высказанными суждениями. Несмотря на упорные возражения Канкрина, общее собрание Государственного совета согласилось с мнением департаментов, а через месяц, 3 августа 1834 года, последовала высочайшая резолюция об утверждении и исполнении принятого постановления [1].

Такой исход дела был неожиданным, но не единственным ударом для Канкрина: одновременно с собраниями Государственного совета, летом 1834 года, происходили заседания особого финансового комитета, объединившие противников Канкрина и посвященные вопросу о тяжелом положении финансовой системы империи. И здесь политика министра финансов подверглась разносторонней критике, а вопрос о государственных крестьянах получил заостренную постановку в духе постановлений Государственного совета.

Таким образом, многолетние усилия и попытки не дали никакого

[1] ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1834 г., № 52

практического результата: вопрос о судьбах государственных крестьян вернулся к своему исходному пункту. Министр финансов должен был разработать новый проект на основании принципов, которые навязывали ему противники и которые отрицали за ним руководящую роль в будущем управлении. Секретные бумаги Канкрина, хранящиеся в фонде его «Особенной канцелярии», показывают, что он попрежнему не верил в реальность этих принципов, отодвигал прекращение переделов в отдаленное будущее, считал поземельный оброк делом сомнительным и не очень охотно составлял требуемые проекты [1].

10. Итоги правительственных проектов к 1835 году

Несмотря на неудачу всех правительственных попыток, начиная с екатерининской Жалованной грамоты и кончая принципиальными предложениями Комитета Кочубея, многолетняя борьба по вопросу о государственных крестьянах имела определенное практическое значение: она заставила правительство разобраться в сущности выдвинутой проблемы, внимательно прислушаться к мнениям дворянства и определить основное направление будущего преобразования. Процесс разложения крепостнической системы, который оказывал непосредственное давление на власть повторяющимися финансовыми затруднениями, разорением и недоимочностью деревни, волнениями помещичьих и государственных крестьян, заставил эту власть после продолжительных колебаний занять определенную социальную позицию. Самодержавие охраняло интересы дворянства в целом, оно стремилось спасти шатающиеся феодальные устои и должно было так или иначе приспособиться к новым буржуазным отношениям. Исходя не только из фискальных и узко-полицейских мотивов, но также из сознания нарастающей социальной опасности, самодержавие должно было отказаться от выполнения крайней крепостнической программы Щербатова и Мордвинова. После продолжительной практики раздачи и распродажи казенных имуществ, правительство поняло финансовую убыточность и политический вред такой меры. С этого момента сохранение и широкое использование системы «государственного феодализма» стали его сознательной и настоятельной задачей. Но поднять доходность казенных имений в условиях развивающегося капитализма значило освободить крестьянина от феодальных стеснений или, по крайней мере, смягчить нависавший над ним крепостнический гнет. К этой производной задаче присоединялась другая, не менее важная: отступая перед реакционным крылом дворянства, но сознавая неотвратимость уничтожения рабства, правительство выискивало безболезненные и замедленные пути крестьянской реформы; преобразование управления государственными крестьянами казалось наилучшей формой такого осторожного и постепенного сдвига. В известной мере эти прогнозы могли быть оправданы, но не в том смысле,

[1] ЦАНХ, ф. Особенной канцелярии Мин. фин. по секретной части, 1829 г., № 7/93.

какой придавала им дворянская бюрократия: если бы положение государственных крестьян действительно улучшилось, это оказало бы огромное возбуждающее влияние на соседних помещичьих крестьян.

Однако, разрывая с программой Щербатова и Мордвинова, правительство еще менее могло согласиться с декабристской программой последовательного буржуазного преобразования земельных и правовых отношений крестьянства: спасая феодально-крепостническую систему и стараясь поддержать ее частичными поправками, правительство должно было постоянно лавировать между дворянскими фракционными течениями, заимствовать отдельные прогрессивные идеи, сочетать их с реакционно-крепостническими требованиями, наталкиваться на оппозицию той или другой группировки и, в конце концов, убеждаться в невозможности осуществить выработанные проекты. Все правительственные планы реформы—особенно проекты Гурьева, Канкрина, Куракина и Сперанского — были попытками выйти из состояния социального кризиса, но все они направлялись по линии компромисса между крепостническими и буржуазными тенденциями. Проекты Екатерины, Гурьева и Сперанского ближе подходили к условиям товарно-денежного оборота, шире открывали двери капиталистическому строю; проекты Канкрина и Куракина отдавали бо́льшую дань феодальной традиции, сильнее задерживали развертывающиеся буржуазные процессы. Эти различия в оттенках доказывали сложность создавшейся обстановки, неравномерное давление капиталистических элементов на разные прослойки дворянской бюрократии. Но все правительственные проекты исходили из одних и тех же предпосылок: дворянские земли должны остаться неприкосновенной собственностью помещиков, а казенные — неприкосновенной собственностью дворянского государства; крестьянин — только держатель, пользователь, оброчник; государственная центральная и местная власть должна оставаться в руках «просвещенного дворянского сословия», а крестьянские выборные — играть подчиненную и служебную роль, нести исполнительные функции под руководством и контролем бюрократических учреждений; самоуправные захваты земель и крестьян должны быть прекращены, насилия и злоупотребления ликвидированы, но древняя привилегия дворянского сословия — право на пожалование государственных земель — должна быть сохранена и обеспечена. Эта классовая программа правительства приводила к определенным социально-экономическим выводам: в противовес идее аграрного передела, которую выдвигали дворянские революционеры, правительственные проекты развивали мысль о стабилизации крестьянского надельного фонда, которая устранила бы опасность аграрной революции. Такая стабилизация достигалась уничтожением поземельной общины, переселением малоземельных крестьян на свободные государственные территории и направлением избыточного населения в сферу развивающейся промышленности. Ликвидация общинного землевладения представлялась и оценивалась различно, но авторы всех проектов понимали

экономическую прогрессивность индивидуального пользования и распоряжения землей в обстановке складывающегося буржуазного хозяйства; в той или иной степени все проекты открывали путь капиталистическому накоплению, росту зажиточных элементов деревни и развитию их торговой и промышленной предприимчивости.

Такой же двойственный социально-экономический характер носило требование переложить на землю неуравнительные подушные и оброчные сборы; несомненно, это была прогрессивная финансовая мера, которая облегчала тяжесть феодального обложения и создавала более благоприятные условия для ведения крестьянского хозяйства; но с другой стороны, переложение оброка на землю должно было утвердить за казною право земельной собственности и покончить с крестьянским убеждением в неоспоримой принадлежности надельных земель сельскому и волостному миру. Буржуазные преобразования должны были служить — так же, как позднее у Столыпина — классовой задаче укрепления дворянского землевладения и дворянской власти. Но мы не должны модернизировать аграрную политику крепостной эпохи, перенося на нее характерные особенности позднейшего империалистического периода. И Гурьеву и Сперанскому с их проектами прекращения переделов и введения наследственной аренды было далеко до столыпинского идеала самостоятельного собственника-хуторянина. Хотя проекты конца XVIII и первой трети XIX века ориентировались на расширение прав казенного крестьянина, они продолжали опутывать его тысячами феодальных стеснений. Патриархально-попечительная опека, которая являлась «благожелательной» формой внеэкономического принуждения, занимала определенное и очень важное место во всех правительственных планах: у Сперанского она принимала наиболее смягченные формы, у Куракина обнажалась с наибольшим цинизмом и жесткостью. Именно в этом пункте правительство ближе всего подошло к дворянским проектам, больше всего заимствовало из их реакционной крепостнической идеологии. Сделать крестьянина правоспособным, чтобы стимулировать его хозяйственную предприимчивость и поднять его платежеспособность, но в то же время поставить его под руководство и надзор опекающего дворянского государства, опутать его полицейской регламентацией, сделать его мирным и покорным подданным — такова была задача предстоявшей социальной реформы. В этом глубочайшем противоречии правительственной позиции отражалось основное противоречие, вытекавшее из разложения крепостнической системы: «просвещенные» дворяне его не замечали, но крестьянские массы активно на него реагировали, когда с дрекольями и вилами в руках защищались от непрошенной передачи в «уделы».

Таким образом, несмотря на взаимные разногласия и споры, выдвигались повторяющиеся устойчивые предложения — искомые элементы намечающейся реформы. События, развернувшиеся в 1834—1835 годах, заставили быстрее и решительнее поставить вопрос об их реализации.

Глава третья

БЛИЖАЙШИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕФОРМЫ

1. Ухудшение в положении государственных крестьян в 1830—1835 годах. 2. Обострение классовой борьбы в казенной деревне. 3. Возмущение крестьян Приуралья в 1834—1835 годах. 4. Привлечение П. Д. Киселева к разработке крестьянской реформы. 5. Секретный комитет 1835 года.

1. Ухудшение в положении государственных крестьян в 1830—1835 годах

Техническая отсталость и бедность государственной деревни обрекали ее на полное бессилие в случае стихийных бедствий; достаточно было очередного неурожая или массовой эпидемии, чтобы государственные крестьяне были выбиты из хозяйственной колеи и оказались на грани окончательного разорения. В условиях крепостнического строя, особенно в период его разложения, такие стихийные бедствия были закономерным и часто повторяющимся явлением: почва была истощена, скота у крестьян было мало, сельскохозяйственные орудия были примитивными, крестьянский организм ослаблен недоеданием и лишениями. Особенно тяжелая обстановка сложилась в крепостной деревне, в частности в государственных имениях — в первой половине 1830-х годов.

Уже летом 1830 года — сначала в губерниях нижнего и среднего Поволжья, затем в центральном черноземном районе — появились признаки страшной холерной эпидемии. Распространяясь по торговым речным артериям, холера проникла в центральную промышленную область, [illegible] к Москве и Петербургу и начала косить десятки тысяч жертв среди городского и деревенского населения. Зимою эпидемия [illegible], но с наступлением весны 1831 года она вспыхнула опять и к лету приняла угрожающие размеры. По неполным статистическим данным, в течение одного 1831 года заболело холерою 466 тысяч человек, из [illegible] умерло 42 процента [1]. Правительство в лице министра внут-

---

[1] Л. П[illegible] СПб., [illegible] стр. [illegible]

[illegible]

ренних дел А. А. Закревского вступило в борьбу с распространением болезни: оно установило полицейские карантины, оцепило вооруженными кордонами зараженные местности, препятствовало свободному экономическому общению населения и опубликовало строжайшие предписания о принятии профилактических мер против заноса эпидемии. В руках продажного и своекорыстного чиновничества все эти распоряжения из центра стали источником бесконечных злоупотреблений и поборов. Полицейские стеснения вводились и поддерживались, поскольку нельзя было откупиться от их насильственного и грубого проведения в жизнь; городская и деревенская полиция широко пользовалась наступившим несчастием, чтобы вымогать у населения взятки. Приостановка нормальной хозяйственной жизни больно задевала не только зажиточные слои — дворянство и купечество,— но и широкие трудящиеся массы города и деревни. Подвоз продуктов значительно сократился и в некоторых пунктах приостановился вовсе; цены на съестные припасы необычайно и быстро выросли. Уменьшилась возможность отхожих заработков. Сильно пострадали работники транспорта — ямщики и возчики. Положение осложнялось слабой постановкой медицинской помощи — ничтожным количеством больниц и врачей, недостатком лекарств, неумением врачебного персонала, некультурностью мещанского и крестьянского населения.

В частности, сильно страдала от холеры и казенная деревня. Эпидемия охватила районы массового сосредоточения государственных крестьян — по Волге и по торговым путям северных соединительных каналов. Материалы, связанные с холерными волнениями в Тамбовской губернии, показывают, как болезненно отражались на экономической жизни государственных крестьян противохолерные полицейские меры. Подгородное село Никольское, населенное однодворцами, имело самую тесную хозяйственную связь с Тамбовом: оно сбывало горожанам хлеб, рыбу, мясо, овощи, скупало и перепродавало мерлушки и другие мелочные товары. После устройства карантина и вооруженного оцепления всякая торговля Никольского с городом приостановилась, в селе обнаружился острый недостаток муки и соли, самые корни существования жителей оказались подрезанными. Не меньше страдало мещанское и многочисленное однодворческое население Тамбова: с прекращением торговых сделок город остался без продуктов, цены на товары выросли в несколько раз, мелкие торговцы и промышленники остались без всяких средств существования; ямщики не могли проехать на загородное гумно, чтобы накормить лошадей. Общее возмущение вызывали грубые приемы «полицейской профилактики»[1]. Можно предполагать, что подобные факты не были случайными, свойственными одному Тамбову и его подгородному селу Никольскому: такие же явления должны были наблюдаться и в других районах, охваченных холерной

[1] ЦАВИ, ф. ДПИ, 1831 г., № 445.

эпидемией. Сокращая состав производительного населения, ослабляя его трудовую энергию и нанося ему экономический ущерб, холера одновременно возбуждала ужас и сеяла панику. Полицейско-крепостнические меры вызывали острую социально-психологическую реакцию; массовое недовольство, накопленное многими годами насилий и притеснений, получало новый могущественный толчок и готово было прорваться наружу в стихийном массовом возмущении.

Не успела казенная деревня оправиться от последствий холерной эпидемии, как ее постигло новое стихийное бедствие. В 1832 году в России началась полоса неурожаев, которые захватили многочисленные и разнообразные районы. В 1832 году неурожай и сопутствовавший ему голод сильнее всего обнаружились в Тамбовской губернии. В 1833 году неурожай поразил плодородные украинские губернии — Черниговскую, Полтавскую, Слободскоукраинскую, Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую, резко проявился на Северном Кавказе, на Поволжье, в Саратовской губернии, в Архангельской и Пермской губерниях. В 1834 году неурожай снова постиг старые, уже подорванные голодом районы (Полтавскую, Черниговскую, Херсонскую губернии) и распространился на новую, еще более широкую территорию: губернии черноземного центра (Курская и Орловская), белорусские (особенно Витебская), вся Бессарабия и отчасти центральная промышленная область (губернии Рязанская и Смоленская) оказались во власти страшного стихийного бедствия. Правительство вынуждено было притти на помощь голодающей деревне, отпустить ей семенные и продовольственные ссуды; но организация этой помощи была недостаточной, сильно запаздывала и осложнялась крупными хищениями местной администрации [1].

Помещик Хрущев, который имел возможность наблюдать картину голода среди государственных крестьян, подал специальную докладную записку с описанием разразившегося бедствия. Указывая на застарелую бедность казенной деревни, Хрущев подчеркивал особенно тяжелые результаты последнего неурожая 1834 года: «От сего беспрерывно в означенных губерниях умножаются толпы просящих куска хлеба для пропитания, от сего сими нищими соделались самые рабочие люди, не только селения и города ими наполнились, но все дороги усеяны жертвами голода, который они принуждены бывают удовлетворять пищею [illegible] дубовыми желудями, разными кореньями, травами. Сколько болезней является как непременные следствия от сего ужасного, но необходимого пропитания... При сих несчастных обстоятельствах везде крупный и мелкий скот от худой пищи и зараз гибнет или совсем истребляется [illegible] которые не в состоянии прокармливать оный. Таким

[1] ЦАВП, ф. ДПИ, 1835 г., № 1542; ЦАНХ, ф. V О. д. 26485, л. 18; С в. С [illegible] ц о в, Историческое и статистическое обозрение неурожаев в России. («Сборник статистических сведений о России, издаваемый статистическим отделом Рус. Геогр. Общ.», кн. III, СПб., 1858, стр. 471—472); Б л и о х, Финансы в России, СПб., т. I, стр. 195.

образом, бедные хозяева, избегая настоящего несчастья, приготовляют себе будущее, но что ж остается им делать в сем ужасном положении?» [1]

Современники единодушно отмечали самые гибельные последствия этого трехлетнего, почти повсеместного неурожая на хозяйственное положение казенной деревни. Государственные крестьяне во многих местностях не только проели свои семенные запасы, не только потеряли живой инвентарь, но сплошь и рядом должны были ликвидировать свое хозяйство и, заколачивая родные избы, отправляться на поиски первого попавшегося заработка.

Неизбежным последствием холерной эпидемии 1830—1831 годов и особенно неурожаев 1832—1834 годов было дальнейшее возрастание податных и оброчных недоимок. Вспомним, что если в 1828 году недоимки исчислялись в сумме 45 миллионов рублей, то к 1835 году они выросли до 68 миллионов рублей. В отдельных случаях средний размер недоимки на каждого крестьянина поднимался до 65 рублей, т. е. превышал годичный оклад податей не менее как в 5 раз (так, например, было в Славянском уезде Екатеринославской губернии [2]). Правительство было вынуждено специальным указом 15 июня 1832 года рассрочить уплату накопившихся недоимок, если они превышали половину годового оклада [3]. Тем не менее, финансовый нажим на население казенной деревни не ослабел, а еще более усилился: не получая запроектированных бюджетных сумм, Министерство финансов оказывало соответствующее давление на местную администрацию, а органы земской полиции — на крестьянских выборных. По свидетельству того же помещика Хрущева, местные власти употребляли множество способов для выжимания недоимок. Наиболее «успешными» и в то же время самыми беспощадными были массовые принудительные отработки. В южных губерниях постепенно установился следующий порядок. В середине зимы, обыкновенно в январе месяце, в казенные селения съезжались с разных концов подрядчики; они приходили в волостные правления и делали заявки на определенное количество рабочих. Волостные правления заключали с подрядчиками договоры о поставке рабочей силы и в апреле отправляли крестьян-недоимщиков в намеченные пункты. Принудительные работы продолжались все лето и всю осень — до конца ноября и, как правило, оплачивались в сумме 50 рублей или несколько менее, «звонкою монетою по курсу». Подрядчики расплачивались непосредственно с волостным головой, и деньги, минуя самого крестьянина, шли на уплату накопившихся недоимок. Такая система оказывала самое гибельное влияние на брошенное крестьянское хозяйство. «Невозможно исчислить всех бедственных последствий, проистекающих от сих распоряжений. Престарелые родители, жены, малолетние дети

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26121 (28), лл. 3—6.
ЦАВИ, ф. ДПИ, 1836 г., № 493, лл. 116, 124.
ВПСЗ, VII, № 5136, 5574.

оставляются работниками в домах, не только без всякого призрения, но и без всякого пропитания. Земля по большей части бывает не вспахана, скот остается без корма, словом, весь быт хозяйственный приходит в постепенное разорение. Не имея никаких средств к пропитанию, жена принуждена бывает сама зажинать серпом и едва, однако ж, успевает заработать около 10 копен ржи, овса и гречихи, чем и должна бывает удовольствоваться с своим семейством от августа до февраля месяца и нередко до следующего благодетельного урожая, если только оный случится...» [1]. Таким образом, ликвидируя финансовые последствия неурожая и крестьянского разорения, государство еще более разоряло своих оброчных плательщиков. В результате подобной системы, в свое время рекомендованной дворянскими проектами, крестьяне проникались чувствами ожесточения и протеста. Третье Отделение не могло не заметить политической опасности этой меры. Когда в 1836 году рязанский вице-губернатор Дашков произвел опыт массовой отправки недоимщиков на принудительные шоссейные работы, шеф жандармов Бенкендорф забил тревогу и добился отмены этой «несообразной меры» [2]. Однако угроза финансового кризиса оказалась сильнее всяких полицейских опасений: в поисках разнообразных средств извлечения недоимок Канкрин пошел еще дальше «несообразных мер» рязанского вице-губернатора.

Министерство финансов предложило прежде всего расширить круг государственных плательщиков податей и оброков. Еще оставались отдельные привилегированные группы, которые были освобождены от уплаты казенных и земских повинностей. Таковы были пахотные и поселенные отставные солдаты, жившие в южных и поволжских губерниях; таковы были татары и черемисы, населявшие Поволжье и Приуралье. Специальными указами 15 апреля 1831 года и 18 ноября 1834 года правительство отменило их привилегии и уравняло обе группы с остальными государственными крестьянами в отбывании податной и рекрутской повинностей [3]. С другой стороны, следуя проектам сенатора Рунича и московского генерал-губернатора Тормасова, Министерство финансов, решило упорядочить организационно-техническую сторону взимания сборов [4]. После двукратного обсуждения в Государственном совете 28 ноября 1833 года было утверждено новое «Положение о порядке взимания с казенных поселян денежных сборов на государственные подати, земские повинности и мирские расходы, также и по казенным взысканиям». Этот закон детальнейшим образом регламентировал систему взимания, хранения, учета и сдачи денежных платежей государственных крестьян. Сохраняя круговую поруку, Положение

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26421 (28), лл. 3—6.

[2] Крестьянское движение 1827—1869 гг., вып. 1, подготовил к печати Е. А. Мороховец, Центрархив, 1931, стр. 21—22.

[3] ВПСЗ. VI, 4499.

[4] См. гл. II, стр. 141—142.

1833 года учитывало недостатки прежней системы и вносило в нее некоторые изменения. Чтобы приблизить государство к отдельному плательщику, взамен крупной административно-финансовой единицы — волости — устанавливалась более мелкая — сельское мирское общество из 300—500 душ; в соответствии с этим изменением сборщиком становился не волостной голова, а староста (в случае его болезни — два его помощника), действовавший под надзором волостного правления. Чтобы внести полную ясность в расчеты между плательщиком-крестьянином, сборщиком-старостой и уездным казначейством, вводился сложный порядок налогового делопроизводства. Казенная палата составляла не позже декабря окладной лист на каждое сельское общество с указанием всех сборов на предстоящий год; уездное казначейство вписывало в окладной лист оставшиеся недоимки и рассылало окладные листы по волостным правлениям, а волостные правления — по сельским обществам. На основании присланного окладного листа сельский сход производил раскладку общей налоговой суммы между отдельными домохозяевами. Сумма платежей, причитающихся с каждого домохозяина, вписывалась в податную тетрадь плательщика, которая хранилась у старосты, и в специальную табель, которая оставалась на руках крестьянина.

По мере уплаты денежных сборов, каждый сделанный взнос отмечался и в податной тетради и в табели; другими словами, староста и плательщик в любой момент могли проверить и точно установить, какие сборы и в какой сумме были взысканы в соответствии с раскладкой податного оклада. В свою очередь, волостные правления должны были вести особые шнуровые книги для отметок всех платежей по сельским обществам, а также для учета приходов и расходов по земским повинностям и мирским суммам. За сборы и ведение делопроизводства сельское общество должно было оплачивать жалованьем старосту и сельского писаря. Ответственность волостного и сельского начальства за неправное поступление налогов была значительно смягчена: в противоположность старому закону 1828 года, сборщики не должны были отсылаться в рабочие дома; зато была значительно усилена ответственность самого плательщика. По истечении 2 льготных месяцев недоимка могла покрываться из следующих источников: сначала из доходов с собственного недвижимого имущества, затем от продажи собственного движимого имущества, за исключением необходимого (этого не было в законе 1828 года), потом — обращением неплательщика в мирские или частные работы в своем или соседнем уезде (закон 1828 года предусматривал только отсылку неплательщиков в рабочие дома или использование их в собственной деревне); последней, самой крайней, мерой была продажа собственного недвижимого имущества недоимщика. Если и этого источника нехватало, оставшаяся сумма раскладывалась на всех крестьян сельского общества [1].

[1] ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1832 г., № 129; 1833 г., № 57; ВПСЗ, VIII, 6592

Положение 1833 года означало дальнейшее усиление податного пресса, придание ему бо́льшей сложности и бо́льшей эффективности. Однако, осуществление закона на практике не оправдало радужных предположений правительства. Члены Государственного совета, возражавшие против сложности вводимого счетоводства, оказались правы в своих предсказаниях; позднейшие ревизии обнаружили полное незнакомство не только самих плательщиков, но и сборщиков-старост и сельских писарей с системой многостороннего и правильного учета уплачиваемых налогов. В Казанской губернии в продолжение 1835 года остались незаполненными 24 438 податных тетрадей и табелей; в следующем, 1836 году это число выросло до 46 068, а в 1837 году казанский военный губернатор приказал вовсе отменить рассылку и податных тетрадей и табелей «по уважению, что как самые поселяне, так и избираемые ими старосты большею частью безграмотны; расчеты же с семействами в сборе следующих с них податей делаются по сие время основанными на местных обыкновениях способами»[1]. Другими словами, попытка документальной регистрации каждого отдельного взноса на глазах у самого плательщика разбивалась о полную безграмотность крестьянской массы; средствами учета попрежнему оставались преимущественно бирки, а перед писарем и старостой открывалось широкое поле произвольного начисления сборов и сокрытия сделанных платежей. Введение податных тетрадей и табелей было воспринято государственными крестьянами в противоположном смысле — как таинственная и опасная мера, связанная с усилением податного гнета и еще бо́льшим экономическим закабалением. Даже там, где Положение 1833 года полностью проводилось в жизнь, оно не устраняло злоупотреблений местной администрации и не ослабляло тягостной обстановки, созданной в холерные и неурожайные годы.

В начале 1835 года Канкрин решил прибегнуть к крайней мере для извлечения недоимок: он испросил разрешение у Николая I применить к неисправным казенным крестьянам систему военной экзекуции. Начальникам 35 губерний было предоставлено право «в страх прочих неплательщиков» вводить в недоимочные селения специально командированные военные отряды. По отзыву Министерства финансов эта мера возымела успех и была повторена сначала в 1836 году, а затем в 1837 году. Как видно из последующих отчетов, губернаторы широко и разносторонне воспользовались рекомендованным способом: они расквартировывали военные отряды в отдельных «упорствующих» селениях, иногда в целых волостях (например, в Юрьевской волости Новгородской губернии), а порою и в целых больших районах (например, по всему Павлоградскому уезду Екатеринославской губернии). В некоторых случаях николаевским «драгонадам» подвергались отдельные группы «закоренелых» домохозяев — так было в селе Князево Займище Скопинского уезда Рязанской губернии, где военная экзекуция

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26432, лл. 89—90

была применена по отношению к 5 семействам. Размеры военных отрядов были различными, в зависимости от объема селения и от степени требуемого «понуждения»,— большею частью от 10 до 50 рядовых под командой одного или нескольких унтер-офицеров. Бывали случаи, когда в селение посылалось 5, 2 или даже 1 солдат для наведения страха и в виде предупреждения; но бывали и обратные случаи: в Юрьевскую волость Новгородской губернии, которая запуталась в недоимках вследствие растраты волостных старшин, был введен целый пехотный батальон. В целях военной экзекуции были использованы уланские полки, резервные пехотные дивизии и местные гарнизонные батальоны. Продолжительность экзекуции определялась степенью достигнутого успеха: в некоторых селениях удавалось выколотить недоимку в 4—6 дней, в других отряды задерживались на 9—11 дней, но бывало и более тяжелое положение, когда драгонада длилась месяц и более. При этом губернаторы не стеснялись временем года: они расквартировывали отряды не только зимою, но и в весенние месяцы, и даже в период летней земледельческой страды. Как правило, отряды продовольствовались за счет самого населения «улучшенною пищею без вознаграждения», как доносил в Петербург орловский губернатор. Непосредственное руководство экзекуцией возлагалось на местных исправников, которые получали соответствующие, весьма жесткие инструкции. Архангельский губернатор— и, вероятно, не он один — угрожал своим подчиненным, что в случае неуспеха экзекуции он будет удерживать у чинов полиции причитающееся им жалованье, отрешит виновных от должности и предаст их уголовному суду. Можно себе представить, насколько тягостной была для государственных крестьян, подорванных многолетней бедностью и разразившимися бедствиями, эта система вооруженного вторжения в обстановку мирного домашнего быта. Расквартированные отряды, действительно, терроризировали население казенной деревни; крестьяне прилагали всевозможные меры, чтобы ликвидировать свою задолженность и избавиться от военного давления. По словам орловского губернатора, жители Катовского участка Орловской губернии, после введения экзекуции «приступили к продаже излишнего своего скота и другого имущества». Все, что сохранилось у крестьян,— а «излишнего» у них было мало — должно было пойти на уплату накопившегося долга. Иногда недоимки взыскивались полностью, иногда — в большей своей части (за исключением «самых беднейших» — доносили услужливые исправники). Двенадцать казенных селений Павлоградского уезда Екатеринославской губернии, насчитывавшие около 21 тысячи ревизских душ, внесли под давлением экзекуции более 150 тысяч рублей. Какою ценою достигалось это жестокое взыскание недоимок, губернаторы умалчивали в своих донесениях министерству, но окончательные результаты предпринятой меры хорошо иллюстрируются итоговыми цифрами Блиоха: в 1836—1837 годах в казенных селениях 11 губерний, «несмотря на введение военной экзекуции»

(т. е. вернее, из-за введения военной экзекуции), недоимки сразу увеличились на 2 623 тысячи рублей. Правительство наводило страх на обедневших крестьян, заставляло их ликвидировать живой и мертвый инвентарь, расхищало их последнее достояние и оказывалось перед разбитым корытом окончательно разоренной, нетрудоспособной деревни [1].

Ко всем бедствиям, которые обрушились на государственных крестьян в первой половине 1830-х годов, прибавилось еще одно непредвиденное несчастие: передача значительной части казенных имений в распоряжение удельного ведомства, т. е. превращение крестьян этих имений в частновладельческих крепостных императорской фамилии. Вопрос о массовом обмене казенных имений на удельные был поднят в 1829 году в связи с хозяйственными преобразованиями Перовского. Удельное ведомство решило осуществить давнее предположение о переводе оброка с душ на землю, высказанное еще в законе 1797 года. Такая мера диктовалась и экономическими, и социально-политическими соображениями: вводя поземельную форму оброка, удельное управление могло равномернее распределить взыскиваемые суммы между многоземельными и малоземельными селениями; взимая оброк с земельных наделов, оно стремилось приучить крестьян к мысли, что земля принадлежит не им, а царской фамилии, что они — только пользователи удельной земли, за которую обязаны платить денежный оброк. Удельное ведомство руководилось при этом еще одной мыслью, хотя она осталась невысказанной в проекте закона: воспользоваться введением поземельного сбора с целью уменьшить обязательные наделы и повысить крестьянские оброки. Чтобы «облегчить» проведение проектированной меры, Перовский предложил обменить определенное количество удельных имений, рассеянных по разным губерниям, на компактные массы казенных владений, приравнивая не количество душ обмениваемых крестьян, а получаемые суммы оброка обмениваемых имений. Если казенные крестьяне, передаваемые в удельное ведомство, оказывались малоземельными, то казна была обязана отвести недостающее земельное пространство, исходя из 5-десятинной нормы.

Предложение об обмене было внешне, чисто формально связано с введением поземельного оброка. Управление уделов воспользовалось этим представившимся поводом, чтобы еще более повысить доходность удельного имущества за счет государственной казны и казенного крестьянства. Предполагалось отдать в казну удельные имения в 25 губерниях, общим количеством в 296 766 ревизских душ. Имения в 11 губерниях центрального промышленного района и многоземельного востока, т. е. наиболее доходные, оставались в удельном управлении. Взамен передаваемых имений удельное ведомство должно было получить казенные земли и крестьян по месту нахождения удельных имений, т. е. в тех же 11 наиболее доходных губерниях — Петербургской, Мос-

[1] ЦАНХ, ф. ДГИ, 1835 г., № 1542; 1836 г., № 493; ВПСЗ, XI, 8813; Блиох. Финансы в России. СПб., т. I, стр. 216.

ковской, Владимирской, Нижегородской, Костромской, Казанской, Вятской, Пермской, Оренбургской, Симбирской и Саратовской. Недостающую землю казна обязана была отвести в многоземельной Оренбургской губернии. Таким образом достигалась двойная выгода: земельные владения императорской фамилии сосредоточивались в немногих районах крупными компактными массами и, следовательно, хозяйственное управление этими угодьями организационно упрощалось и становилось значительно дешевле; с другой стороны, удельное ведомство сбывало в казну перенаселенные и выпаханные земли центральных, западных и южных районов, получая взамен не только бо́льшую земельную площадь, но и земли лучшего качества — в дополнение к богатейшим источникам промыслового дохода. В качестве министра финансов Канкрин решительно возражал против дополнительного отвода земли, да еще в Оренбургской губернии, служившей важнейшим резервом для переселяемых государственных крестьян, но возражать в принципе против обмена он не решился: министр двора и уделов Волконский заблаговременно заручился поддержкой Николая I, и вопрос о передаче казенных имений в удельное ведомство считался уже предрешенным. Проект закона с некоторыми коррективами был принят Государственным советом и получил утверждение 16 января 1830 года. В губерниях, намеченных для производства обмена, началось усиленное собирание статистических сведений о государственных и удельных крестьянах. Через 5 лет, 25 января 1835 года, последовал первый «приступ» к реализации принятого закона: именным указом Правительствующему сенату повелевалось «всех казенных крестьян Симбирской губернии передать ныне же в удельное ведомство со всеми землями, лесами, не исключая и корабельных рощей, оброчными статьями и прочими угодьями как крестьянам сим, так и собственно казне принадлежащими...».

Одновременно во всех удельных имениях вводился взамен душевого оброчного сбора поземельный. Оценка земли производилась приблизительно и крайне грубо. За каждым крестьянином закреплялся «коренной участок», приносивший, по вычислениям управляющих, 75 рублей; все излишки отрезались и могли арендоваться крестьянами за добавочную плату. Там, где исчисленная сумма поземельного оброка оказывалась меньше прежнего душевого сбора, сохранялась старая система обложения. В результате всей этой реформы платежи удельных крестьян значительно увеличились (например, в Пермской губернии более чем на 50 процентов), а земельные наделы значительно сократились (в Пермской губернии удельные крестьяне потеряли 30 процентов земельной площади, в Оренбургской — 31 процент). Реформа сопровождалась многочисленными случаями неправильной, повышенной оценки наделов. Ее результатом было значительное увеличение удельных доходов и повсеместное брожение в среде удельного крестьянства, в частности, в Пермской губернии. В некоторых имениях — особенно в Сара-

товской и Вятской губерниях — крестьянское недовольство прорвалось наружу и приняло форму массового протеста.

Государственные крестьяне, предназначенные к передаче в удельное ведомство и жившие по соседству с удельными имениями, не могли не знать о предпринимаемых мерах. Им не только угрожало формальное зачисление в разряд частновладельческих крепостных, их ожидало еще бо́льшее ухудшение хозяйственного положения. Удельное управление пошло по той самой дороге, по какой шло огромное большинство частновладельческих имений в период кризиса крепостнической системы: во имя выжимания большего денежного дохода оно усиливало эксплоатацию феодально зависимой массы, увеличивало размеры своего земельного фонда за счет крестьянских наделов и повышало феодальные платежи не только в промышленных, но и в чисто земледельческих районах. Государственные крестьяне Симбирской губернии, предназначенные к передаче удельному ведомству, должны были в первую очередь почувствовать эти тяжелые перемены. Возбужденные холерной эпидемией, трехлетним голодом, жестокими экзекуциями и сознанием хронической усиливающейся бедности, государственные крестьяне увидели перед собой новую страшную перспективу — утрату того относительного минимума хозяйственной и правовой самостоятельности, который обеспечивался принадлежностью к казенному ведомству [1].

Для того чтобы уяснить себе возбужденное состояние казенной деревни, необходимо вспомнить еще два привходящих, но очень важных момента. Первая половина 1830-х годов была отмечена продолжающимся затяжным сельскохозяйственным кризисом, который начался в 1820-х годах и повлек за собой повсеместное понижение цен на земледельческие продукты. Нуждающемуся крестьянству было трудно выйти из состояния бедности и задолженности в этот период невыгодной рыночной конъюнктуры. С другой стороны, 1834 год был годом новой, восьмой ревизии, которая имела многообразные последствия в жизни крестьянского населения: как всякая ревизия, она сопровождалась повышением податных окладов, падавших на отдельные селения, и переделом полей — в соответствии с новым исчислением плательщиков. Вокруг обоих вопросов — основных вопросов в жизни деревни — сталкивались интересы зажиточного слоя и трудящейся массы. Кулацкая верхушка деревни стремилась использовать раскладку денежных сборов и распределение пахотных участков в собственных интересах; нуждающиеся и наиболее обделенные государственные крестьяне не могли выдержать этой неравной борьбы и оказывались в еще более тяжелом, а иногда безнадежном положении. Так, совокупным влиянием различных условий, создавалась почва для обострения классовой борьбы в казенной деревне в период 1830—1835 годов.

[1] ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1829 г., № 88; 1831 г., № 45; ф. ДПИ, 1835 г., № 660; 1836 г., № 492, лл. 2—3; ВПСЗ, V, 3427. История уделов, т. I, стр. 65—101; т. II, стр. 90—140.

2. Обострение классовой борьбы в казенной деревне

Еще в начале 1830-х годов сенатор Мечников, после окончания порученной ему ревизии, предупреждал правительство о глубоких сдвигах в недрах государственной деревни. «Вникая в дух черного и вообще низкого состояния,— писал Мечников в своей докладной записке,— я заметил в нем величайшее изменение в нравственности, как я его знал за тридцать лет. Он сделался дерзновеннее, своевольнее и непокорнее и с тем вместе и беднее. Он перестал благоговеть, как прежде, пред лицами чиновными и пред поставленною властью...»[1]. Эта характеристика вполне подтверждается данными Департамента полиции и III Отделения. Никогда раньше правительство не регистрировало такого большого количества волнений государственных крестьян, как в первой половине 1830-х годов. Если в предшествующие два десятилетия имело место 12 волнений, то в следующее семилетие, с 1830 года по 1836 год, кривая крестьянского движения быстро поднялась вверх, показывая 19 массовых выступлений. Движение охватило, наряду с прежними областями — внутренними, западными и поволжскими,— новые обширные районы — север и Приуралье. Увеличилось количество непосредственных участников движения в оброчных губерниях. Предшествующее тридцатилетие не знало такого массового и бурного возмущения государственных крестьян, какое разразилось весной и летом 1835 года на территории Пермской и Оренбургской губерний. В борьбе государственных крестьян наблюдалась та же усиливающаяся тенденция, какую отмечало III Отделение среди помещичьих крестьян: над частными причинами и поводами все чаще и сильнее доминировал основной мотив, вдохновлявший борющееся крестьянство — завоевать себе свободу от крепостнического гнета.

И в этот семилетний период продолжалась та же борьба против обезземеления, против усиления феодальной эксплоатации и против тяжести внеэкономического принуждения, какую мы наблюдали в предшествующий период. Попрежнему соседние помещики стремились захватить казенную землю, попрежнему Сенат выносил пристрастные решения в пользу землевладельцев, а крестьянство силою отстаивало свои давние, политые трудовым потом, угодья. Типичным примером такой борьбы были волнения татар и лашман села Сайман Сызранского уезда Симбирской губернии, возникшие в 1834 году. На основании сенатского указа часть крестьянской земли должна была отойти к соседней помещице Нефедьевой. Местные чиновники начали отмежевание земли, но встретили активное сопротивление со стороны деревни Сайман. Крестьянский поверенный выступил с мотивированным заявлением, но администрация не обратила на него никакого внимания. Тем не менее, межевание было прервано и возобновилось только в следующем го-

[1] ЦАВП, ф. КМ ЖКМ. Прилож. к заседанию 19 января 1832 г., часть 1, лл. 379—380.

ду, под охраной вооруженной инвалидной команды. 29 апреля 1835 года крестьяне села Сайман снова оказали сопротивление межевым чиновникам. Понятые и инвалидная команда были избиты. Попытка чиновников уговорить крестьян не имела успеха. В селение были вызваны из Симбирска две роты местного гарнизонного батальона. Однако ловкими маневрами жандармского подполковника Стогова крестьяне были «успокоены без применения оружия» [1].

В том же 1835 году вспыхнуло подобное же волнение в экономических деревнях Старые и Новые Бусцы Дмитровского уезда Курской губернии. На основании сенатского указа 879 десятин казенной земли, засевавшиеся крестьянским озимым хлебом, должны были отойти к помещикам села Шетохина. Земля была отмежевана и поступила к новым владельцам. 14 мая потерянные крестьянами пашни уже обрабатывались помещиками в присутствии понятых и уездных чиновников. Но экономические крестьяне решили силою возвратить себе земли. Толпа из 150 человек обоего пола, вооруженная кольями, двинулась на межевые границы, прогнала работавших людей и напала на понятых и начальство. Но крестьянам не удалось удержать в своих руках землю. В деревни было введено «соразмерное количество команды в виде экзекуции», и крестьяне под давлением вооруженной силы должны были присягнуть, что они де станут ходить на свои старые земли и препятствовать их обработке. Донося об этом волнении в Петербург, курский губернатор М. Н. Муравьев (будущий «Вешатель») должен был констатировать у государственных крестьян «совершенный недостаток в земле и неопределительность принадлежности каждого» [2].

Очень близкое по своим причинам и характеру волнение государственных крестьян имело место несколько раньше, в 1830 году, в Пермской губернии. По жалованной грамоте 1797 года крестьяне двух волостей — Огневской и Богорядской (всего 1110 ревизских душ) получили в свое владение два больших озера — Большой и Малый Куяш,— богатые мелкой рыбой — окунями, карасями, плотвой. Крестьяне 27 лет беспрепятственно пользовались принадлежащими им озерами, которые составляли большое подспорье в деревенском хозяйстве. Но в 1824 году главная контора Екатеринбургских заводов самовольно и совершенно незаконно объявила озера своей собственностью и сдала их в оброчное пользование мещанину Чиркову за ничтожную плату 295 рублей в год. Чирков начал хищническую ловлю рыбы снастями и в летние и в зимние месяцы; десятки возов на десятки тысяч рублей увозили выловленную рыбу в Екатеринбург. Возникала опасность, что озера останутся совсем без рыбы. Крестьяне вступили в борьбу за свое право — и с арендатором, и с горной администрацией. Со стороны собственного начальства — Казенной палаты и земской полиции — крестьяне не встретили никакой

[1] ЦАВП, ф. ДПИ, 1835 г., № 378; Крестьянское движение, Центрархив, вып. 1, стр. 19—20.

[2] ЦАВП, ф. ДПИ, 1835 г., № 384.

оддержки: чиновники, повидимому, задаренные ловким предпринимателем, защищали его права как арендатора. Министерство финансов в течение многих лет не выносило своего решения по этому спорному делу. Наконец, в 1830 году терпение крестьян истощилось: на мирской сходке они вынесли приговор о том, что не дадут мещанину Чиркову вылавливать рыбу из их озер и 13 декабря подтвердили этот приговор коллективными действиями. В этот день в волость явились чиновники для «внушения» и отобрания подписки о повиновении. Но крестьяне ответили им отказом и, ссылаясь на указ 1797 года, заявили, что не подчинятся решению Казенной палаты. Возбужденная толпа, вооруженная дубинами, двинулась к захваченным озерам, обратила в бегство 27 работников Чиркова, отобрала невод и на 40 подводах привезла его к волостному правлению. Попытки заседателя и исправника уговорить крестьян не привели ни к каким результатам. Крестьяне упорно и стойко боролись за свое право, готовясь оказать еще более активное сопротивление. «Все равно, когда затеяли, то что перстом, то и горстью», «пусть нас сселяют на другие места, отнимают наших жен и домы, когда не отдают нашу собственность, озера»,— такие речи слышались в крестьянской массе. Дело принимало опасный и неприятный оборот для местной администрации. Губернатор был вынужден командировать чиновника особых поручений, чтобы распутать этот затянувшийся узел. Крестьяне встретили его спокойно, но попрежнему стойко. В конце концов, Губернское правление и Министерство финансов разрешили спор в пользу казенных волостей; тем не менее, за проявленное «буйство» крестьяне были отданы под суд [1].

Наряду с борьбой за пашенные и другие угодья, государственные крестьяне и в этот семилетний период продолжали бороться против феодальной эксплоатации. Попытки государственной власти увеличить крестьянские повинности встречали упорные массовые протесты. Решение Министерства финансов расширить круг государственных плательщиков и привлечь к обложению пахотных солдат и малолетков вызвала среди них массовые отказы от уплаты подати и оброка. В 1831—32 годах волнения охватили Чистопольский уезд Казанской губернии. В одном Чистопольском уезде более 5 тысяч ревизских душ отказались подчиниться указу 15 апреля 1831 года. Соединенными силами губернаторов и местных жандармов крестьяне были «приведены в повиновение» [2]. Еще более упорными и продолжительными были волнения государственных крестьян Ижемской волости Мезенского уезда Архангельской губернии, по национальности коми. В 1826 году по предложению архангельского губернатора правительство решило провести через лесную тайгу новую летнюю дорогу от Мезени до Пинеги. На крестьян прилегающих районов была возложена тяжелая дорожная повинность: расчистить на протяжении 33 верст густые лесные заросли, выкорчевать и вывезти

[1] ЦАВИ, ф. ДПИ, 1830 г., № 376.

[2] Крестьянское движение, Центрархив, вып. 1, стр. 11.

пии, устроить фашинные мосты на непролазных болотах, простиравшихся в длину на 38 верст, и т. д. Ижемская волость была расположена в тысяче километрах от строящейся дороги и в силу такой отдаленности была освобождена от выполнения повинности. Но в 1833 году администрация изменила свое решение и отвела ижемским крестьянам особый участок, среди болот, длиною в 12 верст 90 сажен; крестьянам было разрешено строить дорогу наймом рабочей силы, но такая замена обошлась бы по 49 рублей на ревизскую душу. Население Ижемской волости обсудило вопрос на мирском сходе и вынесло приговор о тяжести и разорительности возложенной повинности. Как раз в это время Архангельскую губернию, в том числе Ижемскую волость, постиг неурожай, который больно отозвался на крестьянском хозяйстве. Ижемцы составили прошение министру внутренних дел и отправили в Петербург двух ходоков выхлопотать освобождение от наложенного на них бремени. Местная администрация, в лице земского исправника Попова, прославившегося своими насилиями и поборами, приняла с своей стороны контрмеры: явившись в волость, Попов собрал крестьян, запер их в мирскую избу и решил взять их измором; под давлением голода арестованные дали подписку с обязательством заключить договор на работы с соседними деревнями. Но это вынужденное согласие не остановило начавшегося движения: ижемцы продолжали отказываться от выполнения повинности, посылали новые прошения в Петербург — и министру внутренних дел, и в Сенат. У крестьян нашелся умелый и знающий руководитель, хорошо разбиравшийся в законах, крестьянин соседнего Яренского уезда Дмитрий Балин (повидимому, бывший волостной писарь); он составлял им прошения, давал им советы, организовывал и направлял все движение. Отказ от повинностей осложнился новым моментом: по соседству с Ижмой пролегала тундра, населенная ненцами; деревенские богатеи пользовались этими пространствами для массового разведения оленей и торговали с ненцами разными товарами, в том числе спиртными напитками. Правительство решило поставить преграды эксплоатации и вымиранию ненцев; началось межевание тундры, с отводом ижемским оленеводам очень ограниченного количества земли; продажа ненцам спиртных напитков была вовсе запрещена. Это обстоятельство усилило недовольство ижемских богатеев и дало новый толчок крестьянскому движению. Министерство внутренних дел заняло колеблющуюся позицию, но в конце концов склонилось к поддержке местной администрации. Губернские и уездные власти решили привлечь крестьян к суду и арестовать их руководителя Балина. Эти попытки вызвали организованный отпор; ижемцы отказались участвовать в следствии и выдать Балина, так же как они отказывались помогать размежеванию тундры. Движение вступило в новую фазу: крестьяне обратились к центральным органам с жалобами на притеснения и взятки со стороны местных чиновников. Специальное расследование подтвердило эти жалобы, но губернская администрация посмотрела на дело иначе и реши-

ла во что бы то ни стало поддержать престиж своей власти. К «бунтующим» крестьянам решили применить военную экзекуцию, но ижемцы прогнали присланную инвалидную команду. Борьба приняла затяжной и острый характер; из Архангельска собирались двинуть в Ижму военные силы, но крестьяне не сдавались и на исходе шестого года борьбы получили неожиданную опору в лице новообразованного Министерства государственных имуществ. Новое расследование открыло ужасающую картину вымогательств и произвола местной администрации, которые, по донесению ревизоров, «невольно пугают воображение и возмущают душу». Дело об Ижемской волости приняло новый оборот и получило окончательное разрешение уже после проведения реформы Киселева [1].

Ижемские волнения 1833—1838 годов показывают, как легко крестьянская борьба против увеличения повинностей перерастала в борьбу против деятельности чиновников, т. е. против действующей системы внеэкономического принуждения. Так же, как в предыдущий период, массовые выступления против хищений и насилий административного аппарата составляли особую и очень важную струю в движении рассматриваемого семилетия.

Ярким примером подобных волнений может служить возмущение ясашных крестьян села Невежкина Чембарского уезда Пензенской губернии. Начиная с 1825 года, наиболее инициативная и смелая часть крестьян этого села (130 из 2 075 человек) жаловались на незаконные денежные поборы со стороны волостных выборных. Жалобы подтвердились, но поверенный крестьянин Ширшов, ездивший в Москву и подавший Николаю I прошение во время коронации, был арестован местной администрацией, наказан плетьми и сослан в Сибирь «за разглашение ложных слухов». Однако жалобщики не прекратили борьбы: они просили выделить их из общества и разрешить им уплачивать подати и отбывать повинности особой независимой группой. Очевидно, усилия наладить солидарные выступления всем сельским обществом не имели успеха, и более активные элементы сельского населения решили бороться и жить самостоятельно. Администрация отказала крестьянам в их просьбе, и они перешли к более решительным действиям: не прекращая легального способа борьбы путем подачи прошений, они отказались от уплаты податей и от поставки рекрутов. Когда в 1830 году был объявлен очередной рекрутский набор, протестанты скрылись из села Невежкина. Волостной голова Коробков организовал поиски бежавших крестьян. Один из них был найден и сдан в рекруты, но сам Коробков поплатился за свое усердие: крестьяне напали на него и на его племянника Григорьева; в происшедшем столкновении Григорьев был убит и Коробков ранен. Началось уголовное следствие, которое сопровождалось насилиями со стороны следователя, заседателя Симанского; в со-

[1] ЦАНХ, ф. V О., № 26456, лл. 93—101; РОЛБ, ф. Шаховских, II, № 18/13в; Крестьянское движение, Центрархив, вып. I, стр. 27; Д. Н. Хонькин, Волнения ижемских крестьян, Сыктывкар, 1941.

провождении понятых он обходил крестьянские избы, допрашивал домохозяев, избивал их, ломал их имущество; избиению подвергались и женщины. Ответом на эти насилия было массовое вооруженное сопротивление: несколько крестьян, вооруженных ножами и копьями, напали на следователя и причинили ему опасные раны. В село Невежкино была отправлена воинская команда в сопровождении другого заседателя, Рацула. К этому моменту крестьяне успели вооружиться копьями, топорами и кинжалами; арестовать удалось только одного участника нападения на Коробкова; остальные верхами бежали в лес и здесь вступили в бой с преследовавшим их отрядом. После холостых выстрелов со стороны команды крестьяне еще ожесточеннее напали на чиновников, на понятых и на солдат. Только троекратная стрельба боевыми патронами остановила их натиск. Был организован военный суд, который приговорил 3 зачинщиков к прогнанию сквозь строй и ссылке в крепостные работы; 10 человек были наказаны палками и отданы в солдаты [1].

Крестьяне западных губерний попрежнему вели ожесточенную борьбу против эксплоатации со стороны поссессоров. Департамент полиции исполнительной зарегистрировал наиболее крупные из этих волнений — в старостах Витебской, Могилевской и Гродненской губерний и на острове Вормсе Эстляндской губернии. В Люцинском старостве Витебской губернии возмутились в 1836 году крестьяне Яновольского фольварка, в количестве 1 300 душ. Находясь в пожизненном владении графа Борха, крестьяне состояли в управлении его сына, который действовал через поверенного дворянина Реута. Поссессоры подвергали крестьян изнурительным работам и жестоким наказаниям, самовольно присваивали общественные суммы и довели население фольварка до состояния полного обнищания; в Яноволе бывали случаи смерти от голода. Не раз крестьяне подавали жалобы на притеснения и жестокости поссессоров; большею частью жалобы подтверждались в результате официального расследования, но никакого влияния на положение крестьян этот факт не оказывал. После смерти арендатора Борха имение должно было перейти к новому поссессору; сын Борха начал хлопотать о передаче ему освободившейся аренды, а управляющий Реут продолжал жить в имении и выжидал исхода начатого дела. Крестьяне опасались, что они [illegible] быть казенными и перейдут в частное владение наследника Борха; все их усилия были направлены на то, чтобы избежать власти частных владельцев и добиться перехода на более свободное оброчное положение. Советниками крестьян были дьякон соседнего Синеозерского прихода и мещанин Шептунов, который составлял им жалобы и прошения. Руководителем движения был крестьянин Андрей Тимофеев.

Весной 1836 года Казенная палата предложила крестьянам Яновольского фольварка избрать волостного старшину и принести ему присягу

[1] ЦГАДА — ПИИ 1836 г., № 383.

в полном повиновении. Повидимому, администрация выдвинула угодной ей кандидата с определенной целью облегчить переход имения к новому арендатору. Однако население увидело в этом акте попытку снова закабалить их ненавистному Борху и единодушно отказалось производить выборы и приносить присягу; крестьяне ссылались на то, что они «прежде выбирали таковых старост, но они потом не защищали, а обижали и притесняли их, и оных часто без согласия общества переменяли»; выбранный может не оправдать своего назначения, и крестьяне не хотят отягощать свою совесть принесенной присягой. Все усилия местных чиновников, в том числе военно-уездного начальника подполковника Агатонова «вразумить» люцинских крестьян не имели никакого успеха. Тогда трое «зачинщиков» были арестованы и препровождены в Люцинский тюремный замок, а для расследования крестьянских жалоб была организована особая комиссия.

Крестьяне рассчитывали на мирный исход начатой борьбы. Они продолжали выполнять экономические работы и подали губернатору прошение об освобождении арестованных и о разрешении им выбрать новых старшин по собственному желанию. В качестве посредника для разбора их жалоб они указывали на соседнего помещика Львова. Не ожидая формального разрешения, крестьяне выбрали старшиной Андрея Тимофеева и приняли ряд постановлений о хозяйственном использовании земельных угодий. Но витебский губернатор занял непримиримую позицию: явившись на фольварк Яноволь, он приказал населению принести присягу и перестать «своевольничать»; большую часть жалоб он признал неосновательными и всеми своими действиями давал понять крестьянам фольварка, что он не пойдет на ожидаемые уступки. Ответом на эту политику было еще большее усиление крестьянского движения. Крестьяне самовольно покинули сходку, отказались от участия в комиссии и от посредничества помещика Львова и заявили, что никакой присяги они приносить не станут. В старостве был введен батальон солдат в сопровождении вице-губернатора, но эта мера оказала обратное влияние: состоялись бурные крестьянские сходки, подтвердившие прежний коллективный отказ от присяги; настойчивые требования чиновников вызвали взрыв ожесточения; дом, в котором находился вице-губернатор, был осажден возмутившеюся толпою. Тогда была применена военная сила, произведен индивидуальный опрос всех крестьян и первые отказавшиеся от присяги были положены под розги. Организованный губернатором военный суд сейчас же вынес приговор 9 наиболее активным протестантам: 5 человек были присуждены к наказанию шпицрутенами, остальные — к ссылке в Сибирь, к сечению розгами и к заключению под арест. Приговор был немедленно приведен в исполнение, сопротивление крестьян было сломлено и население фольварка в присутствии войска принуждено было произвести выборы и принести присягу. Затем по распоряжению губернатора было устроено молебствие «с коленопреклонением и водосвятием в благодарение всевышнему за восстановление в во-

лости спокойствия». После этой официальной демонстрации военный суд возобновил свою жестокую расправу над арестованными. Было осуждено за «буйство» еще 40 человек, из них 32 — к наказанию плетьми, остальные — к заключению под стражей. Только по окончании суда комиссия приступила к разбору крестьянских жалоб против поссессоров [1].

Почти одновременно вспыхнуло возмущение среди крестьян Трипутинского старостваа Могилевской губернии, состоявшего в аренде у генерала Гернгросса. И здесь крестьяне подвергались жестоким наказаниям и не получали от поссессора никакой помощи во время стихийных бедствий. В 1836 году они подали прошение Николаю I об освобождении их от власти частных владельцев. Вслед за этим двое крестьян, Михайлов и Якимов, участвовавшие в организации «противозаконных сходок» и в посылке ходоков, были арестованы, закованы в кандалы и отправлены в ближайший уездный город Мстиславль. Узнав об этом событии, крестьяне двинулись к управляющему имением Толпыге и потребовали от него объяснения о причинах произведенного ареста. Повидимому, толпа была сильно возбуждена и угрожала управляющему стихийною расправою: перепуганный Толпыга немедленно оставил старостваа и бежал в город Мстиславль. Тогда крестьяне решили догнать конвой с арестованными односельчанами и освободить их силою. В 15 верстах от Трипутина Ахремову и Никитину, опередившим остальных, удалось осуществить намеченный план: они разбили замки у кандалов, отбили арестованных и возвратились с ними в староство. Очевидно, прежние крестьянские выборные слепо исполняли распоряжения поссессора и не пользовались доверием населения: трипутинцы отрешили их от должностей и отправили под стражей в сборный пункт, деревню Дубровку. На сходке были избраны новые волостной староста, выборные и смотритель запасного магазина. Чтобы обеспечить успех начатого движения, крестьяне принесли клятву крепко держаться вместе.

В староство были командированы исправник и воинский начальник, а затем двинута рота солдат. Опираясь на вооруженную силу, чиновники арестовали «зачинщиков» и расквартировали в имении 50 рядовых под командою офицера. Когда вице-губернатор явился на место происшествия, крестьянское возмущение было подавлено и поводов для новых репрессий уже не было. Тем не менее, ретивый администратор решил в назидание остальным государственным крестьянам терроризировать население Трипутинского старостваа. Вопреки действующему закону, он приказал организовать военный суд и через Министерство внутренних дел и Комитет министров добился легализации этой крайней и жестокой меры. Но тут произошел эпизод, который спутал карты местной администрации. Поручик Кривцов, назначенный президом суда и получивший материалы следственной комиссии, убедился в ее «фальшивых, беззаконных и клятвопреступных действиях» и подал мотивированное заявле-

[1] ЦАВП, ф. ДПИ, 1836 г., № 289.

ние о неправильности начатого дела; войдя в подробный анализ положения и поступков крестьян, он доказывал, что вина их преувеличена и что предание их военному суду «не соответствует существенной надобности»; опечатав все дело, он сложил с себя звание презуса, ссылаясь на недостаток опытности и на то, что «чувства души лишили его спокойствия духа и самого здоровья». Когда смоленский и белорусский генерал-губернатор разобрался в материалах Кривцова, он нашел в его доводах «дельность и основательность», а в начатом военном процессе «разные несообразности и упущения»; было установлено, что следствие велось пристрастно в интересах поссессоров, многие важные показания крестьян не учтены, в беловых бумагах имеются подделки и т. д.

Однако весь этот эпизод не облегчил положения трипутинских крестьян. Военный министр приказал начальству поручика Кривцова поступить с ним «по законам». Был назначен новый состав военно-судной комиссии во главе с «благонадежным» офицером и вынесен драконовский приговор: 14 человек повесить и 56 оставить под строгим надзором полиции. Генерал-губернатор смягчил приговор, заменив смертную казнь наказанием шпицрутенами (от 500 до 1000 ударов) и последующей ссылкой наиболее виновных в крепостные арестантские роты, других — в солдаты, третьих — в Сибирь на поселение[1]. Таким образом, обе попытки государственных крестьян — и в Люцинском и в Трипутинском старостве — выхлопотать переход с «хозяйственного» на оброчное положение закончились трагически, разбившись о сопротивление заинтересованных дворянских кругов и поддерживавшего их правительства.

Менее крупные, но бурно протекавшие волнения имели место в Мстибовском старостве Гродненской губернии осенью 1834 года. Староство находилось в пожизненном владении помещика Бржестовского и управлялось на основании инвентаря 1798 года. Согласно инвентарным нормам, крестьяне были обязаны сверх барщины перевозить материалы для починки мельницы, но у крестьян сохранялась старая привилегия польских королей, которая давала им право требовать зачета этой подводной повинности в счет нормированных барщинных дней. Между крестьянами и владельцем произошел конфликт по данному вопросу. Крестьяне отказались перевозить лес для мельницы, и когда чиновники приехали разбирать вспыхнувший спор, предъявили им текст привилегии. Тогда чиновники прочли крестьянам распоряжение Казенной палаты об отобрании у них привилегии и предъявлении ее в палату. Но тут случилось то, чего не ожидали представители администрации: 5 крестьян бросились на земского исправника, один из них схватил его сзади и крепко прижал к стене, а другие насильно отняли отобранную бумагу. Все усилия начальства разыскать документ не увенчались успехом. В Мстибовское староство была введена рота солдат, трое крестьян было арестовано, тем не менее привилегия осталась попрежнему на руках крестьян.

Вопиющий характер носило дело о «беспорядках между крестьянами

[1] ЦАВИ, ф. ДПИ, 1836 г., № 289

острова Вормса». Здесь в поместьях Магнусгоф и Седерби, находившихся в аренде у помещика Штакельберга, с давних пор жило 1 500 шведских крестьян. На основании старых шведских привилегий они были обязаны выполнять арендатору земледельческие повинности, но сохраняли за собою право переходить на другие земли. Поссессор постепенно усиливал эксплоатацию крестьян и чинил им различные насилия. Начиная с 1816 года, крестьяне непрерывно жаловались на обременение их работой и на жестокие притеснения со стороны арендатора. Местный ландгерихт и Правительствующий сенат признали все эти жалобы основательными, тем не менее, вследствие бюрократической волокиты, дело никак не могло получить окончательного разрешения. В 1824 году крестьяне заявили, что они желают переселиться с острова; однако губернская администрация считала невозможным такое массовое переселение, а Штакельберг требовал, чтобы крестьяне либо ушли, либо заключили с ним новые, закабалявшие их договоры. Тогда эстляндский губернатор решил переселить крестьян «по отделениям» и в первое отделение назначил наиболее активных и смелых. Расчет администрации был простой: выселить с острова инициаторов и руководителей движения, чтобы помочь Штакельбергу легко справиться с остальной рядовой массой. Но крестьяне разгадали этот нехитрый замысел и категорически отказались переселяться по отделениям. Губернская администрация решила отдать неповинующихся под суд, но от крестьян последовали новые жалобы, которые были подтверждены специальным расследованием. Штакельбергу пришлось отказаться от аренды, и мыза перешла в административное управление комиссии из местных помещиков. Были выработаны новые нормы повинностей, которые не встретили возражений со стороны крестьянских депутатов. Казалось, конфликт был улажен и дело получило законный и мирный оборот. Но, очевидно, Штакельберг и поддерживавшие его власти решили не складывать оружия: неожиданно для крестьян, губернатор отказался опубликовать новые правила о повинностях, мотивируя свой отказ тем, что односторонняя ссылка на старые шведские привилегии может привести к новым «недоразумениям». В свою очередь, крестьяне отказались признавать новые правила, если они не будут опубликованы и хорошо всем известны. Такое условие было не только законным: оно представляло единственную гарантию ненарушимости старого крестьянского права на свободу перехода к новым владельцам.

Тем не менее, в отказе крестьян увидели дерзкое неповиновение. Губернатор в 1836 году лично отправился на остров в сопровождении вооруженного отряда из 200 матросов. Когда крестьяне подтвердили свой отказ и возобновили просьбу отпустить их с острова Вормса, первые же отказавшиеся, в присутствии всего общества, были высечены розгами. Затем начались христианские увещания: по поручению губернатора, выступил с проповедью местный пастор; он говорил о том, как больно губернатору назначать наказание, как гибельно и неосуществимо общее

переселение, как необходимо крестьянам подчиниться губернскому начальству. Пастор закончил свои увещания всенародной молитвой, а губернатор покинул остров, уверенный в полном восстановлении порядка.

«Усмирение» крестьян дало основание поссессору переменить свою тактику: он потребовал обратно свое заявление о прекращении аренды, возвратился на остров Вормс и начал оспаривать новые инвентарные правила. Дело вернулось к своему исходному положению. Генерал-губернатор передал конфликт на рассмотрение ландгерихта, а крестьяне, глубоко убежденные в законности и правоте своей позиции, снова заявили о желании всего общества переселиться с острова Вормса. Местные жандармы с сокрушением доносили в III Отделение о необычайной стойкости крестьян в отстаивании своих привилегий, воспитанной многими поколениями и не сломленной военною экзекуцией [1].

Описанные волнения 1830—1836 годов продолжали наметившуюся линию общественного развития: это была непрестанная борьба против ухудшения хозяйственного и правового положения государственной деревни в условиях разложения феодально-крепостнического строя. Крестьяне боролись против сокращения их земельных наделов, против увеличения феодальных повинностей, против усиления внеэкономического принуждения; особенно остро протекала эта борьба на территории западных губерний — там, где крестьяне находились в тяжелой зависимости от частных поссессоров. Волнения носили характер эпизодических выступлений, не выходили из пределов отдельных имений и не имели непосредственной связи с пережитыми бедствиями. Однако самый факт возрастания числа волнений говорил о напряженной обстановке в казенной деревне. В некоторых массовых выступлениях (например, в движении симбирских и казанских пахотных солдат, в возмущении ясашных крестьян села Невежкина и пр.) ясно обнаруживалось определенное стремление — освободить себя от подчинения всякому феодальному гнету.

Но описанными волнениями не ограничилось движение государственных крестьян в семилетний период 1830—36 годов. Наряду с крестьянскими выступлениями старого типа в это время наблюдались иные, более широкие и бурные возмущения, непосредственно связанные с пережитыми событиями, в первую очередь, с холерной эпидемией 1830—31 годов и с «симбирским обменом» 1835 года. Холера и связанные с нею карантинные меры сыграли роль могучего возбудителя, который разрядил накопившуюся революционную энергию в городе и деревне. В стихийной и острой форме здесь проявилось массовое недовольство всей системой крепостнического государства. Протестуя против полицейских стеснений, население объективно выступало против существующего социально-политического порядка. Государственные крестьяне принимали в этом движении особенно активное и широкое участие.

Уже 13 ноября 1830 года — в первый год холерной эпидемии — разразилось бурное возмущение однодворцев в селении Никольском, рас-

[1] ЦАВП, ф. ДПИ, 1836 г., № 283 (окончание дела неизвестно).

положенном около города Тамбова. Вековое недоверие к чиновникам, в частности к казенным врачам, прорвалось наружу с стихийной разрушительной силою. Когда в Никольской больнице умерло несколько холерных больных, в Никольском распространились слухи, что смертные случаи произошли не от холеры, а от преступных действий лекарей; говорили, что они режут людей, пуская им кровь, варят их в горячих ваннах и отравляют их мышьяком. Толпа однодворцев подошла к больнице, разобрала по домам холерных больных, заковала в кандалы врача и его помощника, поместила обоих в холерную палату и разогнала карантинное оцепление. Тамбовский губернатор, пытавшийся успокоить население, не достиг своей цели. Арестовав 7 человек и восстановив часть оцепления, он возвратился обратно в Тамбов. Но и в Тамбове становилось далеко не спокойно. В местной больнице был принят, как холерный, больной-эпилептик, мещанин Просин, который умер после кровопускания и горячей ванны. Этого случая было вполне достаточно, чтобы вызвать взрыв народного возмущения. В городе упорно утверждали, что никакой холеры в Тамбове нет, что холера выдумана полицией, чтобы морить людей и вымогать взятки. Когда в Городской думе, на общественном сходе было прочитано обращение губернатора к купечеству и мещанству и была потребована подписка о подчинении мерам начальства, поднялись шумные крики; депутаты отказались давать подписку и остались глухи к увещаниям губернатора.

Волнения быстро вылились на улицу. Тысячная толпа мещан и государственных крестьян-однодворцев с шумом и криками сняла оцепление и не хотела слушать убеждений полициймейстера и начальника внутренней стражи. На следующий день она собралась вновь, отвечала оскорбительными возгласами на обращение губернатора, предводителя дворянства и архиерея. Гарнизонный батальон оказался «слабым» и не мог восстановить полицейского порядка. Вечером толпа разгромила городскую больницу и расставила караулы около трупов холерных больных. Батальону едва удалось оттеснить волнующуюся массу людей при помощи штыковой атаки. Губернатор едва спасся, пробравшись домой под охраной вооруженных солдат. 19 ноября архиерей устроил всенародное молебствие, но остановить стихийное движение он оказался не в состоянии. Были вызваны крупные военные силы из прилегающих городов. В Тамбов приехал министр внутренних дел А. А. Закревский. Начались судебное следствие и аресты. В результате вынесенного судебного приговора 12 однодворцев села Никольского были наказаны — одни кнутом, другие шпицрутенами, третьи батогами, с последующей ссылкой на каторгу и отдачей в солдаты. Так же сурово расправились власти с участниками тамбовского движения, в том числе с 4 однодворцами [1].

Летом 1831 года движение вспыхнуло в новых районах. Эпидемия распространялась по речным путям, охватила Поволжье и систему северных каналов. Среди населения укрепилась мысль, что вода рек и ка-

[1] ЦАВП, ф. ДПИ, 1831 г., № 445.

налов отравлена и отравили ее люди, враждебные народу. Подозрение падало на тех, кто был особенно ненавистен крестьянству — на чиновников, офицеров и помещиков, так же, как и на тех, кто непосредственно боролся с холерой — на аптекарей и врачей. В июне 1831 года в Новоладожском уезде Петербургской губернии крестьянские старосты получили распоряжение купить хлорной извести и раздать ее по дворам для ежедневного обмывания рук, лба и шеи. В экономической деревне Жуковщине решили проверить это подозрительное снадобье, размешали его в молоке и дали выпить кошкам, которые околели. По всей округе стали распространяться слухи, что никакой холеры нет, а людей морят отравою. Возбужденное население стало искать отравителей. В Сясском погосте обратили на себя внимание два офицера путей сообщения, которые служили на Свирском канале, квартировали в одной из деревень и проводили долгое время около воды. Крестьяне решили, что именно эти офицеры, прапорщики Рокштуль и Гущин, приехали в деревню отравлять воду. Рокштуль, как иностранец, возбуждал к себе особенное недоверие. 28 июня толпа подошла к его квартире и потребовала от него выехать из деревни. Отправившись в Новую Ладогу, Рокштуль явился к начальнику 2-го отделения Ладожского канала капитану Борейше и получил от него распоряжение — возвратиться обратно и доложить о всем происшедшем управляющему Свирским отделением барону Спенглеру. Между тем в отсутствие Рокштуля и его сослуживца Гущина крестьяне стали допрашивать их помощников унтер-офицеров и побоями вынудили их дать показание, что Рокштуль лил в воду отраву. Положение стало еще более опасным. По приказанию Спенглера, офицеры обходными проселочными дорогами поехали к гранитному шлюзу, чтобы там спастись от преследования. Однако весть об отравлении воды прапорщиком Рокштулем быстро облетела окрестные села и деревни. Был Петров день, в одном из селений открылась ярмарка и скопилось большое количество народа; везде и всюду говорили о пущенной отраве и останавливали всех подозрительных проезжих. В экономической деревне Пульницы офицеры были задержаны, связаны и жестоко избиты. Под ударами кольев и грабель оба они дали вынужденное признание, что, действительно, отравляли воду и что в Главном управлении путей сообщения имеется аптека, рассылающая по всем губерниям хлорную известь, марганец и серную кислоту — для отравления людей. Избитых офицеров посадили под караул. Толпа крестьян, получив подтверждение своим подозрениям, решила итти в Новую Ладогу — объясняться с местной администрацией. Петербургский губернатор предупредил этот поход: явившись на место происшествия, он начал судебное следствие и 25 человек высек розгами. Был организован военный суд, который приговорил 2 крестьян к повешению, 1— к отсечению руки, 3— к колесованию, 8— к наказанию кнутом и ссылке в каторжные работы. После смягчения приговора 6 человек было наказано кнутом и сослано на каторгу, 8— высечено плетьми и сдано в рекруты; непригодные к военной

службе были отправлены в Сибирь на поселение. Во все время следствия и суда крестьяне оставались глубоко убежденными, что они были правы и что начальство заметает следы своей жестокой расправой. Николаевские чиновники сделали все возможное, чтобы оставить крестьян в этой слепой уверенности, продиктованной ненавистью к крепостнической власти и неспособностью разобраться в действительных причинах событий [1].

В июле 1831 года, по мере усиления холерной эпидемии, стихийные возмущения начали охватывать новые районы Петербургской, Тверской и Новгородской губерний. В Ржеве, Осташкове, Вышнем Волочке, Старице, на пристани Сомино возбужденные толпы нападали на больницы, избивали докторов, задерживали и пытали иностранцев, заподозренных как отравителей. В селении Гнилец, недалеко от Твери, казенные крестьяне ворвались в квартиру инженерного поручика Степановского, произвели у него тщательный обыск, извлекли все находившиеся у него жидкости и заставили попеременно пробовать их, чтобы проверить, нет ли у него отравы. В сельце Большой Городок около Вышнего Волочка возмущение охватило 10 тысяч судоработных и местных ямщиков: толпа избила доктора и двух чиновников. Когда был задержан солдат, участвовавший в этом холерном бунте, помещик Колодничев начал допрашивать его и несколько раз ударил его по лицу. Это еще больше возбудило собравшуюся крестьянскую толпу: она ворвалась в помещичий дом и подвергла его полному разгрому [2].

Осенью 1831 года движение вспыхнуло в Спасском уезде Казанской губернии, среди ясашных крестьян. Распоряжения Закревского — при первом появлении болезни избрать попечителей, десятников и служителей, отвести дома под больницы, заготовить ванны, котлы и пр.— вызвали массовый протест татарского населения. В селе Пичкас и в деревнях Кожевки и Татарская Измерь решительно отказались исполнить опубликованные распоряжения; увещания чиновников и священника вызывали насмешки и возражения. Крестьяне боялись увеличения числа начальников и заявляли, что «чиновников, на сей предмет определенных, им не нужно, что они обойдутся без них». В Пичкас был двинут казачий отряд под командою гвардейского полковника Молоствова, специально назначенного из Петербурга. Возмущение было подавлено, но Молоствов не скрыл в своем донесении, что одною из главных причин крестьянского протеста было «слишком ревностное исполнение предписанных мер» [3].

Холерные бунты 1830—1831 годов обнаружили наиболее слабые стороны крестьянского движения: слепую стихийность, неуменье задавленной крестьянской массы ясно осознать причины происходящих событий, отсутствие выработанной и налаженной организации. Те же характерные

---

[1] ЦАВП, ф. ДПИ, 1831 г., № 457.
[2] ЦАВП, ф. ДПИ, 1831 г., № 442.
[3] ЦАВП, ф. ДПИ, 1831 г., № 435.

особенности проявились в бурных волнениях государственного крестьянства, связанных с «симбирским обменом» 1835 года. Местная администрация получила строжайшие инструкции из Петербурга о немедленной и энергичной реализации указа 25 января 1835 года. В Симбирскую губернию были специально командированы флигель-адъютант граф Протасов и жандармский полковник Флиге с поручением обеспечить быструю передачу казенных крестьян в удельное ведомство. Местный губернатор Жиркевич и жандармский подполковник Стогов уделяли этому вопросу свое главное внимание. Большую энергию развил и местный управляющий удельной конторой Бестужев. Казалось, принятые предупредительные меры гарантировали спокойное и повсеместное выполнение правительственного решения. После опубликования указа симбирский губернатор успокоительно доносил министру внутренних дел: «Поселяне таковое распоряжение правительства принимают с должным благоговением»... «Поселяне, руководимые делаемыми внушениями, принимают обстоятельство сие за особенную к ним милость высшего начальства» [1]. Однако действительность не оправдала этих радужных характеристик. Бывшие государственные крестьяне быстро почувствовали на себе все отрицательные стороны нового положения. Удельное ведомство начало вводить в деревнях собственные порядки: приказало завести общественную запашку, вмешивалось в хозяйственную жизнь крестьян, мучило их строгими и придирчивыми предписаниями. Чиновники удельного ведомства оказались еще более требовательными и хищными, чем представители полиции и Министерства финансов. Когда жандармский подполковник Стогов спрашивал переведенных крестьян, лучше ли им стало в удельном ведомстве, он получал от них характерный иронический ответ: Теперь не в пример легче. Бывало, в год раз наедет исправник, выберешь жирного барана, взвалишь на плечи, да и прешь, ажно лоб не раз взопреет; а теперь наедут эти господа удельные, то возьмешь хворостину, да и сгонишь, что есть на дворе, легко и скоро. Теперь нам несравненно легче. Мы скоро и одеженки лишимся, какая была» [2].

Особое положение среди государственных крестьян Симбирской губернии заняли татарские лашманы. Так же как однодворцы и пахотные солдаты, они не подлежали передаче в удельное ведомство, но «для единообразного в губернии управления» переходили в административное подчинение Удельной конторе. Однако удельное управление распространительно толковало свои права и стремилось наложить свою руку не только на хозяйственную, но и на бытовую жизнь симбирских лашман. Их принуждали вводить общественную запашку, пытались ликвидировать среди них многоженство, старались уравнять их положение с жизнью удельных крестьян. Ответом на эти крутые распоряжения были

[1] ЦАВП, ф. ДПИ, 1835 г., № 660, лл. 43, 49.

[2] Эразм Стогов, Очерки, рассказы и воспоминания. РС, 1878, декабрь, тр. 697.

массовые волнения, которые в 1836 году охватили 40 тысяч крестьян и приняли особенно острую форму в Буинском, Курмышском и Симбирском уездах. Центром начавшегося движения стало большое селение Бездна Буинского уезда, где собирались тысячи возбужденных лашман, созывались бурные сходки и происходили острые столкновения с удельной администрацией. Лашмане опасались, что они будут окончательно переданы в удельное ведомство, утратят свои прежние преимущества и потеряют право собственности на купчие земли. В татарских селениях ходили даже толки о насильственном обращении мусульман в христианскую веру. Селение за селением отказывалось выделять и запахивать общественные участки. Крестьяне верхами разъезжали по полю, вооруженные ножами и кистенями. Когда удельное начальство, во главе с управляющим конторою, стало настаивать на введении общественной запашки, лашмане арестовали чиновников, засадили их в одну из изб в селе Бездна, крепко заколотили избу и приставили к ней караул. Удельная контора потребовала от губернатора применения военной силы. Но здесь выступил на сцену жандармский подполковник Стогов, который применил испытанный им способ — застращивания и уговаривания зажиточных крестьян. Учитывая ненависть татар к удельной администрации, Стогов объявил себя единственным начальником и «покровителем» симбирских лашман, предложил им избрать депутатов, торжественно принимал их у себя в городе, в ярком цветном халате, разбирал судебные споры и надеялся мирным путем прекратить волнения: местные воинские команды были слабы и ненадежны, а бунтующих лашман насчитывалось несколько десятков тысяч. Однако удельное начальство стало на иную точку зрения. В Петербург были посланы грозные доносы на слабость губернатора Жиркевича и подполковника Стогова; управляющий удельною конторою Бестужев лично отправился в столицу, сделал соответствующий доклад Перовскому и добился командирования в Симбирск генерал-адъютанта князя Лобанова-Ростовского, наделенного неограниченными полномочиями.

Местная администрация должна была изменить свою тактику. В волнующиеся селения были двинуты рота гарнизонного батальона и конные жандармы. Стогов продолжал разыгрывать роль «покровителя» лашман, назначал татарских старшин на несуществующие должности, требовал введения общественной запашки и стал применять фухтеля и розги. В ответ на массовые отказы в подчинении было высечено несколько селений. Когда сопротивление было сломлено в Бездне и Цильне, движение стало постепенно ослабевать, а крестьяне стали коллективно заявлять о своей покорности. 25 арестованных участников были наказаны в административном порядке: без всякого суда частью сданы в солдаты, частью сосланы в Сибирь, а частью отданы в смирительный дом. Губернатору был сделан неофициальный выговор за допущенное про-

медление, а Удельная контора должна была собрать и уничтожить приказы о запрещении многоженства [1].

Волнения, связанные с передачей государственных крестьян в удельное ведомство, не ограничились пределами одной Симбирской губернии. Та же судьба грозила крестьянам других районов, в первую очередь, нижнего Поволжья и Приуралья; во многих губерниях уже были приняты подготовительные меры к предстоящему обмену, и государственные деревни были взволнованы и насторожены — в ожидании возможного перехода в частное владение. Каждое изменение в порядке управления и делопроизводства обсуждалось и истолковывалось в свете этих тревожных массовых опасений. Когда в 1836 году саратовская Казенная палата на основании закона 1833 года разослала по деревням новые податные таблицы и табели, крестьяне увидели в этих документах признак окончательного закабаления за уделами. В глазах крестьянства принять таблицы и табели значило согласиться на утрату своей относительной свободы, «записаться» в удельное ведомство, может быть, потерять значительную часть наделов и надеть себе на шею ярмо новых повинностей. Волость за волостью отказывались принимать новые таблицы и табели. Движение охватило несколько уездов Саратовской губернии. Особенно острый характер приняла борьба в Шалкинской волости Хвалынского уезда: более 800 крестьян села Шалкина и деревень Калмантай, Илюшкино и Чертовка, поддерживаемые своими волостными головою и писарем, оказали властям «упорное неповиновение». В 1836 году крестьянам удалось откупиться от таблиц, собрав голове большую взятку, но в 1837 году голова сначала согласился задержать таблицы, но затем испугался, узнав о приезде кн. Долгорукова (которого он принял за министра), и снова роздал таблицы отдельным домохозяевам. Крестьяне созвали сходки, выбрали ходоков и отправили их в Саратов просить губернскую администрацию освободить их от таблиц и тем самым от «удела». Не получив поддержки у губернатора, крестьяне избрали нового уполномоченного, собрали ему 800 рублей и отправили его в Петербург с прошением к царю. Все усилия местных чиновников, во главе с исправником, добиться принятия таблиц не привели к желаемой цели. Было арестовано 11 зачинщиков и начато следствие. Крестьяне отказывались давать показания, собрали 480 рублей и препроводили их в Хвалынский тюремный замок заключенным односельчанам. В Шалкино была двинута воинская команда из 60 человек, крестьянам грозили военным судом, но все было напрасно: и арестованные и остававшиеся на свободе, за исключением 2 человек, отказывались принимать таблицы и ссылались на то, что они ждут возвращения поверенного. По личному распоряжению Николая I был организован военный суд, который предпринял новые безуспешные попытки заставить крестьян подчиниться.

[1] ЦАВП, ф. ДПИ, 1836 г., № 291; Записки И. С. Жиркевича. РС, 1878, июль, стр. 412—422; сентябрь, стр. 33—54; Э. Стогов, Очерки, рассказы и воспоминания. РС, 1878, декабрь, стр. 658—672, 697—703.

Сентенцией суда 11 крестьян было приговорено к наказанию кнутом и ссылке в каторжные работы, 798 крестьян — к наказанию плетьми и ссылке в Сибирь на поселение. По ходатайству Киселева, назначенного к этому времени министром государственных имуществ, Николай I снизошел к «невежеству и легковерию» обманутых крестьян и смягчил драконовский приговор: 13 человек было присуждено к наказанию шпицрутенами от 250 до 1000 ударов и к последующей отправке на каторгу, в Сибирь на поселение или в солдаты — в зависимости от степени вины; 790 человек было прощено под условием полного подчинения и уплаты издержек на усмирение. Приговор был выполнен на месте в присутствии губернатора, волостных голов, писарей и стариков, согнанных из разных селений. Терроризированные зрелищем жестокого избиения, крестьяне изъявили покорность, и пресловутые таблицы были введены в обращение [1].

Но это были не самые крупные волнения, вызванные впечатлениями от «симбирского обмена». Наиболее широкие и сильные протесты против передачи в удельное ведомство разразились в Оренбургской и Пермской губерниях. Это движение уральских государственных крестьян 1834—1835 годов приняло форму настоящего восстания и заставило николаевскую администрацию вспомнить о далеких временах грозного Пугачева.

3. Возмущение государственных крестьян Приуралья в 1834—1835 годах

Приуральский край, занимавший Пермскую и Оренбургскую губернии [2], отличался целым рядом особенностей, которые проливают свет на возникновение массового движения 1834—1835 годов. Именно сюда, на восточную окраину Европейской России, из поколения в поколение тянулись вольные и невольные переселенцы из внутренних перенаселенных губерний. Здесь простирались могучие глухие леса, которые скрывали в себе и беглых крепостных крестьян, и гонимых ревнителей «старой веры». Леса перемежались с открытыми пространствами, богатыми тучною плодородною почвою и постепенно переходившими в степную нетронутую целину. В этом сравнительно слабо заселенном районе открывался широкий простор для ведения земледельческого хозяйства и для более свободной и сносной жизни — вдали от административных центров и придирчивого бюрократического надзора. Уже сто лет на Урале существовала горная промышленность, которая приобрела крупное хозяйственное значение, притянула к себе значительные массы рабочих и способствовала развитию местного товарооборота. По сведениям Казенной палаты, в Пермской губернии было 109 торговых сел, в которых функ-

[1] ЦАВП, ф. ДПИ, 1837 г., № 266

[2] В состав Оренбургской губернии входила тогда и территория образованной позднее Уфимской губернии.

ционировало 55 ярмарок [1]. Такое развитие товарно-денежных отношений разлагало натурально-хозяйственную базу деревни, расслаивало крестьянство на различные социальные группы и подрывало вековые патриархальные устои. Приуральская деревня уже не знала спокойного и устойчивого уклада прежнего времени; новая жизнь врывалась в ее внутренние застоявшиеся отношения и вступала в резкое противоречие с традиционными воззрениями и привычками.

Государственные крестьяне были сосредоточены здесь большими компактными массами: по данным 7-й ревизии 1816 года в Пермской губернии насчитывалось 294 191 ревизская душа, в Оренбургской — 165 593 души [2]. Наряду с однодворцами, экономическими крестьянами и другими земледельческими прослойками русского происхождения, сюда входила значительная часть нерусского коренного населения: татары, башкиры, чуваши, коми и мари. Русским чиновникам труднее было эксплоатировать уральские деревни, рассеянные на огромных лесных и степных пространствах; но если чиновник подбирался к этим удаленным, а иногда скрытым, раскольничьим гнездам, новообразованным деревням, татарским и чувашским поселкам, то он не знал удержу в проявлении своей начальственной власти и своих хищнических аппетитов. Вдали от высшего начальства и от всякого, хотя бы и слабого контроля центральной администрации, местные исправники, заседатели, стряпчие, советники Казенной палаты, поддерживаемые крестьянскими головами, старостами и писарями, насильничали, грабили и измывались над правыми и виноватыми. Ко всем тягостям крепостнического строя присоединялись бедствия колонизаторской политики — систематическая эксплоатация подавленных «инородцев», не знавших русского языка, бессильных против могущественной бюрократии, оскорбляемых в своих вековых обычаях и верованиях. Чем больше сюда, в приуральские лесные чащи, бежало смелых, активных, протестующих элементов из внутренних губерний, тем резче и непримиримее были их отношения с местной продажной и развращенной администрацией. Близость к казачьим общинам, сохранявшим некоторые остатки былой независимости, живые воспоминания о пугачевском восстании, влияние уральских горнорабочих, исполненных ненависти к заводчикам и чиновникам, поддерживали и усиливали чувство неумирающего крестьянского протеста. При этих условиях всякое событие, наносившее удар налаженному жизненному укладу, всякая угроза установившейся, хотя и весьма относительной свободе могли явиться могучим возбудителем массового движения. Таким возбуждающим событием и послужила передача государственных крестьян в удельное ведомство — в связи с целым рядом мелких событий, непосредственно затрагивавших уральское казенное крестьянство.

Когда Пермская удельная контора стала собирать статистические

[1] ЦАНХ, ф. 1 департамента МГИ, 1838 г., № 136, лл. 162—187.

[2] ЦАНХ, ф. ДГИ, 1824 г., №№ 615—625; ЦАВП, ф. ГС К 28, № 1, лл. 145, 147.

сведения о казенных имениях, среди государственных крестьян поползли слухи о предстоящей «продаже в удел», а, следовательно, о резкой перемене в хозяйственном и правовом положении деревни. Некоторые волости отправили уполномоченных в губернский город, чтобы навести справки у «верных людей» — подпольных адвокатов и мелких чиновников, хорошо осведомленных о новых законах и подготовляемых распоряжениях. Справки оказались неутешительными: «верные люди» (по официальной терминологии, «ябедники», мутившие крестьян) подтвердили крестьянские опасения о возможности перехода в удельное управление.

Ходоки привезли в деревни подтверждающие документы — копии с министерского предписания Пермской казенной палате 15 июня 1832 года о предполагаемом обмене казенных имений на удельные. А от коллежского регистратора Игнатьева крестьянам удалось даже получить расписание волостей, которые были намечены к передаче удельному ведомству.

Незадолго до этих событий во всех волостях Пермской губернии была введена новая печать с губернским гербом, имевшим изображение медведя. Несколько позднее от татар и мари потребовали уплаты податей и оброка на основании указа 1834 года. Среди крестьян, в частности в татарских и марийских селах, стало складываться убеждение, что «продажа в удел» уже произошла и что они перестали быть свободными казенными крестьянами. Представление об «уделе» было смутное: крестьяне знали, что в отличие от казны это — управление частновладельческое и воспринимали его по образу и подобию помещичьего, т. е. крепостного (в чем они мало ошибались). Уравнение татар и мари с остальными крестьянами в отбывании денежных повинностей стало рассматриваться как первое распоряжение нового собственника, а введение новой волостной печати — как внешнее выражение его власти. Стали говорить, что изображение медведя сделано недаром, что казенные царские крестьяне перешли «в удел» к помещику Медведеву. Встревоженная народная мысль уже рисовала дальнейшие нерадостные перспективы: говорили, что помещик назначил платить ему ежегодно по 50 рублей с ревизской души, что он не удовлетворится денежным оброком, а потребует от крестьян натурою — хлеба, картофеля и холста. Усиленная постройка запасных хлебных магазинов, которая началась в это время в приуральских губерниях под впечатлением недавнего голода, явилась новым подтверждением крестьянских страхов и ожиданий. Принуждаемые к натуральной повинности — к рубке леса, к сооружению хлебных амбаров, к засыпке семян — крестьяне были уверены, что это — работа на нового барина и что им предстоит еще большее усиление подневольной и постылой барщины.

Ко всем этим событиям, волновавшим государственную деревню, присоединилось еще одно, которое окончательно укрепило крестьян в

сложившемся мнении о перемене их быта. В 1834 году местная администрация стала энергично проводить в жизнь Положение 1833 года о взимании сборов и повинностей; чиновники потребовали от крестьян избрания участковых старост и их помощников; по деревням стали рассылать окладные листы, податные тетради и табели. В этих фактах крестьяне Кунгурского и Красноуфимского уездов увидели окончательное закрепление их за «уделом». Увеличение числа «выборных», притом выборных, предназначенных сосать соки из крестьян, вызвало массовую волну негодования и протеста. Волость за волостью отказывались производить выборы, обрушивались на предполагаемых виновников совершившейся «продажи», прежде всего на волостных писарей, и стали поспешно снаряжать ходоков в Петербург, чтобы избавиться от навязанного и непрошенного «барина».

Первой заволновалась Златоустовская волость Красноуфимского уезда. Осенью 1834 года крестьяне созвали сходку, избрали из своей среды двух уполномоченных — Могильникова и Мельникова, выправили им обходными путями полугодовые паспорта и вручили им прошения на царское имя об освобождении Златоустовской волости от «удела». Избирать участковых старост крестьяне отказались и свой отказ подтверждали коллективно четыре раза. 14 октября в волость приехали исправник, уездный судья и стряпчий. Увещания чиновников были напрасными. Крестьянская сходка, на которую собралось 400 человек, объявила Положение 28 ноября 1833 года «фальшивым указом». Волостной писарь был избит толпою, а священника, который проповедывал народу повиновение, прогнали криками и угрозами. Несколько позднее такие же события разыгрались в Черноярской волости Кунгурского уезда. 8 декабря, в присутствии дворянского заседателя, здесь состоялся волостной сход, на котором участвовало 300 крестьян. Волость заявила категорический отказ от выборов. Волостной писарь едва спасся от избиения благодаря заступничеству чиновника.

Волнения быстро перекинулись на соседние районы, особенно ярко обнаружившись в Красноуфимском уезде. После возвращения из Перми уполномоченного, крестьянина Пермякова, поднялась Саинская волость. Инициаторами движения в Бродовской волости выступили крестьяне Попов и Трегубов; здесь тоже было составлено прошение на царское имя и собраны средства на посылку ходоков; волостной писарь Стругов подвергся жестокому избиению. В Сабирской волости выборы участкового старосты были уже произведены, но затем крестьяне опомнились и по предложению сельского старосты Бурцева изорвали «куверт», адресованный в Казенную палату с извещением о выборах: столкновение с волостным начальством едва не окончилось избиением головы и писаря. В Комаровской волости мнения крестьян разделились, однако подавляющее большинство сменило волостного голову и избило небольшую кучку односельчан, призывавших волость к восстановлению

спокойствия. В Березовской волости крестьяне арестовали волостного голову Кислых и заковали его в кандалы. В Ачитской волости, населенной татарами, был коллективно заявлен отказ от «удела» и от выбора старост, а волостные начальники были жестоко избиты.

Пермская администрация поспешила принять экстренные меры: в бунтующие волости были разосланы чиновники земской полиции и Губернского правления. Начались новые «увещания» крестьян, сопровождавшиеся попытками арестовать зачинщиков и произвести судебное следствие. Но этот административный нажим вызвал только новое обострение протеста. Особенно бурный характер приняло движение в Златоустовской волости. Чиновникам удалось в начале задержать некоторых руководителей и часть из них отправить в Красноуфимск. Но в ответ крестьяне немедленно вооружились косами, копьями и стягами, ударили в набат, бушующей толпою заполнили собою улицы и, окружив съехавшихся чиновников, освободили одного арестованного, сбивши с него кандалы; представителей администрации заставили торжественно обещать возвратить из Красноуфимска всех остальных арестованных. На место волнений выехал пермский губернатор Сластенин, которому удалось склонить к подчинению только 13 человек. Остальные крестьяне продолжали крепко держаться, опираясь на решение схода («как мир, так и мы») и ссылаясь на посылку в Петербург уполномоченных. Губернатор ввел в селения крупный отряд пермского гарнизонного батальона и под давлением военной силы добился внутреннего раскола среди восставших: большинство крестьян подчинилось, а 100 человек, оставшихся «непокорными», было сломлено мерами «военного понуждения» (в первую очередь розгами).

Такая же экзекуция была произведена в других волостях — Черноярской, Таз-Бродовской, Березовской и др. В селе Спасобардинском крестьянская толпа из 200 человек сосредоточилась в церковной ограде и была выбита из нее атакою военной команды. В Березовской волости крестьяне арестовали заседателя Жданова и нанесли ему «оскорбления» (т.-е. повидимому, побои); заседатель был освобожден, а толпа «успокоена» после применения военной силы. Во время объяснений с губернатором крестьяне показывали ему копии предписаний о переводе имений в удельное ведомство. Кое-где подчинение было достигнуто незначительными уступками, например, уменьшением количества участковых старост. Постепенно, в начале 1835 года в волновавшихся районах было восстановлено относительное спокойствие. Так закончился первый, начальный период приуральского движения.

Полицейская расправа терроризировала крестьян поднявшихся волостей, но она не могла остановить все более усиливающегося массового брожения. Крестьяне нетерпеливо ожидали возвращения из Петербурга волостных уполномоченных. В середине февраля поверенные Бродовской волости Кунгурского уезда, крестьяне Суханов, Трегубов и Попов

прислали своим односельчанам отчетное письмо о выполнении возложенной на них задачи. В Петербурге им удалось заручиться содействием унтер-офицера Беляевского, служившего в охране Михайловского дворца. Унтер-офицер, повидимому, хорошо осведомленный о порядке и времени выходов Николая I, научил ходоков «как подойти к царю» и они втроем подали царю «бумагу обо всех волостях». Николай взял прошение и приказал посадить крестьян в тюрьму. Подобная же судьба постигла уполномоченных других волостей. Постепенно, после проверки паспортов и наведения справок, крестьянских поверенных освободили и они прониклись радостной надеждой на счастливый исход начатого дела. Бродовские уполномоченные сообщали, что они «хлопочут со слезами», просили огласить письмо на мирской сходке, убеждали волость крепко держаться и требовали срочной присылки новых полугодовых паспортов. Письмо заканчивалось следующими строками: «Еще уведомляем мы вас, что обман тот, которым они нас обманывали, то уже изведали мы, что это — настоящий обман, то просим вас, чтобы вы не сдавались, так уже скажите другим правлениям, еще уведомляем вас, когда и как скоро будет, а только дело идет на лад и ожидаем от бога милости, остаемся, слава богу, живы и здоровы благополучны, ваши слуги Суханов, Трегубов, Попов».

Весною уполномоченные Бродовской волости вернулись из Петербурга; под конвоем вернулись и ходоки Златоустовской волости Мельников и Могильников. Вести, которые они привезли с собою, были смутными и противоречивыми. С одной стороны, ходоки подтвердили крестьянские опасения, сообщив, что пермские казенные крестьяне поступили в удел уже 4 года тому назад и что все собираемые подати направляются непосредственно сенатору Медведеву; именно от него разослана по волостям новая печать «с вырезкой медведя». Но с другой стороны, уполномоченные сохраняли надежду на освобождение от «удела»: вера в массовые усилия самого народа соединялась с традиционной верою в помощь могущественного и доброжелательно настроенного царя. Ходоки убеждали крестьянскую массу, «что если народ не будет в том упорствовать, то все они пропадут навеки», и вместе с тем распространяли слухи, «что государь император скоро сюда будет для казни чиновников, волостных голов, писарей и тех, кои исполняют волю правительства за то, что принудили их чрез посредство военной команды выбрать пятисотенных старост для сбора податей». Царь, как идеальный символ народного заступника, оказывался отделенным от ненавистного правительства и местного чиновничества. Не получив удовлетворения своей просьбы, но оставаясь во власти своих вековых иллюзий, крестьяне приписывали воображаемому справедливому царю свои собственные чаяния и стремления. В Златоустовской волости — и, вероятно, не в ней одной — говорили, что пермские чиновники во главе с исправником и губернатором уже отрешены от должностей, что командир гарнизон-

ного батальона, посылавший военный отряд, поплатился за это собственной жизнью, что для всех чиновников наковано «множество кандалов с наручнями и железными глухими на головы шляпами». Из среды крестьян Златоустовской волости выдвинулись энергичные организаторы — Савва Тихомиров, Аксен Попов и Семен Прибытков; повидимому, первый был главным руководителем движения, двое других, будучи грамотными, «производили при нем какую-то возмутительную переписку» (т.-е. очевидно, составляли агитационные воззвания) и в ожидании приезда царя сочиняли новое коллективное прошение. По призыву этих руководителей, в деревнях Броховой и Мостовой, стали собираться мирские сходки, куда приходили крестьяне из всех селений Златоустовской волости («почти с каждого двора по человеку»); здесь обсуждалось создавшееся положение и вырабатывался план дальнейших действий. Из селения в селение передавалось, «что для встречи государя императора велено народу собираться на гору за городом Кунгуром, а если народ не встретит царя, то будет худо».

Волнения еще более усилились, когда пермская администрация попыталась организовать судебное следствие по поводу зимних беспорядков. Крестьяне Бродовской волости Кунгурского уезда категорически отказались явиться на допросы. Когда уездный стряпчий Потапов, ненавидимый крестьянами за насилия и взятки, явился в селение Асовское, в избу уполномоченного Суханова, тот встретил его словами: «Я давно тебя, голубчика, ждал!» и со всего размаху ударил его по лицу. Вместе с собравшимися односельчанами Суханов заковал стряпчего в кандалы «нога за ногу с другим крестьянином» (повидимому, ближайшим клевретом Потапова) и запер обоих в особую избу, где они просидели два дня. Чтобы воспрепятствовать приезду губернских чиновников, крестьяне сняли своих лошадей, содержавшихся при волостном правлении, и остановили движение парома через реку. Сборным пунктом для сосредоточения восставших была избрана деревня Броды; сюда стекались из всех окрестных районов тысячи людей, вооруженных дубинами, копьями и ружьями, большинство — пешком, часть — на лошадях. По всем дорогам были расставлены крестьянские пикеты. Приехавших землемеров задержали, избили и прогнали из волости, проводив выстрелами в воздух. Вдогонку им было послано письменное предупреждение — не производить у крестьян никаких расспросов, приобретать продукты только за наличные деньги и как можно меньше задерживаться в пределах волости. При этом крестьяне угрожали перековать в железа и перебить всех местных чиновников.

Такое же возмущение вспыхнуло в Черноярской волости. Здесь сборным пунктом была выбрана деревня Шуршнева, куда сошлось «множество» крестьян из окрестных деревень, вооруженных рогатинами, косами, копьями и всякими «железными орудиями». Когда вице-губернатор, приехавший для подавления волнений, вызвал к себе крестьян в село

Черноярр, они отказались явиться к нему и, в свою очередь, потребовали его явки в Шуршневу. Однако в самую деревню его не пустили, а заставили остановиться на противоположном берегу реки и вели с ним переговоры с речного парома на расстоянии 10 саженей. Увещания вице-губернатора ни к чему не привели. Тридцать человек, выбранных крестьянами в качестве делутатов, выражали явное недоверие к его словам, отвергали мысль, что Положение о сборах 1833 года исходит от самого царя, указывали на обременительность этого закона и выражали убеждение, что писаря, головы и местные чиновники продали их в удел помещику Медведеву. Особенно смело выступал крестьянин Сысой Дугин, громко протестовавший против навязываемого нового «Положения».

Одновременно возмутилась Кыласовская волость. 11 июня толпа из 250 крестьян под предводительством Козьмы Кузнецова подступила к зданию Волостного правления и потребовала от волостного головы Степана Дрокова показать им указ о поступлении в «удел». Получив отказ, собравшиеся бросились на Дрокова и на писарского помощника Тиунова, сильно избили их, разломали шкаф с волостными делами и начали искать роковой указ. Староста Синицын говорил во всеуслышание, что волостной писарь Николаев «продал общество в удел». После безрезультатных поисков кыласовские крестьяне решили присоединиться к бродовским. Этому примеру последовали и другие волости Кунгурского уезда — Березовская, Черноярская, Саборская, Комаровская, Рождественская.

К 9 июня 1835 года в Бродовской волости образовался настоящий боевой фронт. В деревне Броды, расположенной на реке Барде, сосредоточилось от 4 до 5 тысяч восставших крестьян, в том числе около 150 человек конницы. Повидимому, руководство движением принадлежало бывшему уполномоченному Василию Суханову и его племяннику Федору. В деревне Байкиной, находившейся в 17 верстах от центра движения, расположились уездные и губернские чиновники под охраной военной команды в 50 человек, имевшей командиром прапорщика Чашовского. Обе стороны зорко следили друг за другом, выдвигая сторожевые пикеты и высылая в окрестности конные разъезды. Находясь под угрозой массового нападения со стороны крестьян, чиновники посылали в Пермь тревожные донесения и просили о командировании более крупной военной силы. В Кунгур было двинуто 300 человек пехоты и 100 конных казаков; вслед за ними отправился пермский губернатор Сластенин. Но раньше, чем подкрепление достигло территории Бродовской волости, здесь разыгралось событие, которое стало кульминационным пунктом приуральского движения. Уже 9 июня, когда прапорщик Чашовский во главе небольшого конного отряда производил разведку на берегах Барды, собравшиеся крестьяне попробовали перейти в наступление: они переправились на противоположный берег и, обладая численным превосходством, попытались захватить весь отряд. Прапорщик Чашов-

ский предпринял несколько «фальшивых атак», заставил отступить крестьянские пикеты и в конце концов ускользнул от преследования со стороны восставших. С каждым днем положение администрации в деревне Байкиной становилось опаснее. 19 июня все чиновники, за исключением заседателя уездного суда Шамонина, оставленного для надзора и хозяйственных распоряжений, бежали в город Кунгур — под тем предлогом, что необходимо принять присланную воинскую команду и представиться приехавшему губернатору. На следующий день, 12 июня, в 1 час дня восставшие крестьяне двинулись походом против деревни Байкиной. Прапорщик Чашовский, заблаговременно предупрежденный пикетами, построил свой отряд в сомкнутую колонну и вывел его в открытое место — на пахотное поле. Заседатель Шамонин сопровождал его в составе отряда, одетый в солдатскую шинель и снабженный ружьем. Отряд был окружен с трех сторон. Дорога на Кунгур была перехвачена крестьянскими конными разъездами. Наступавшие открыли ружейный огонь и первыми же выстрелами ранили в голову прапорщика Чашовского. Военный отряд отвечал сначала выстрелами в воздух, а затем пальбою по наступавшим крестьянам. С обеих сторон пали убитые и раненые. Восставшие ринулись в атаку, действуя дубинами и осыпая солдат градом камней. Положение отряда стало критическим. В этот момент солдатским выстрелом был убит наповал Федор Суханов, повидимому, руководивший крестьянскими боевыми действиями. Потеря вождя парализовала энергию сражавшихся крестьян: они прекратили атаку и вступили с отрядом в мирные переговоры. Чашовскому было предъявлено требование — выдать скрывающихся чиновников, которых, по словам крестьян, они намереваются растерзать; на этом условии отряду гарантировались неприкосновенность и право уйти, куда угодно. Часть крестьянской толпы уже бросилась в деревню Байкину и начала осматривать избы в поисках ненавистных чиновников.

В этот момент на Кунгурской дороге показался новый военный отряд численностью в 60 человек; он шел из города на подкрепление Чашовскому, под командою заседателя Столова, тоже переодетого солдатом. Крестьяне преградили отряду путь и с криками «ура!» не давали ему проникнуть в деревню Байкину. Завязалась новая перестрелка, которая сменилась затем мирными переговорами. Отряд был пропущен в деревню и усилил собою первоначальную команду Чашовского. Это была новая ошибка восставших бродовцев, которые вторично обнаружили колебание и попытались уговорить солдат не вмешиваться в завязавшуюся борьбу. Повидимому, к этому моменту относится письменное обращение к отряду, отправленное Василием Сухановым и начинавшееся следующими словами: «Господа командующие, вы изволите прибывать с военною командою на сражение в волость Бродовскую, мы честь имеем донесть, что естьли вы намерены поставить драку, в таком случае просим нам дать знать через одного только посланника; бунту делать не

могите и ежели есть у вас указное повеление, нам объявите»... Суханов предупреждал далее, что крестьяне готовы к вооруженному сопротивлению против «буянства», но предпочитают договориться мирно. Пусть командующие пришлют письменный ответ или приезжают сами в Асовское «поговорить без силы, добросовестно». Всякая же попытка взять его, Суханова, «приступом», встретит вооруженный отпор. В этом письме характерны не только угроза продолжения вооруженной борьбы, но и сознание своего дела законным и правым, а действий противника — «буянством» и «бунтом». Крестьяне считали, что на их стороне и царь и действующие законы; продажа «в удел» (и «фальшивый указ» о выборах) противоречат законному порядку и являются результатом заговора и обмана со стороны местных чиновников, известных насильников и корыстолюбцев. Военный отряд во главе с командующим сам введен в обман, и опасность нового пролития крови можно предотвратить «добросовестными» переговорами.

Но создавшаяся обстановка исключала всякую возможность переговоров и соглашений. Пришедшее военное подкрепление должно было сообщить Чашовскому, что сзади двигается новый, еще более значительный отряд. Сражение возобновилось. Крестьяне тысячными массами атаковали с разных сторон деревню Байкину. В самый разгар боя, в 3½ часа дня, на прилегающей высоте показались двигающиеся колонны нового войска: это было 300 конных и пеших солдат, еще утром двинутых из Кунгура под начальством асессора Пещанского. Узнав о разыгравшихся событиях, Пещанский построил отряд в боевой порядок, занял казаками прилегающую дорогу в Таловское, а сам во главе с 50 казаками бросился в деревню Байкину. По крестьянам был дан ружейный залп, который привел их в замешательство и заставил отступить в направлении Таловского. Пользуясь имеющимися перелесками, восставшие привели свои ряды в порядок и начали отвечать на огонь преследователей собственными ружейными залпами; некоторые вступили в рукопашную с казаками и их командиром. Пещанский был ранен дубиною по голове и копьем в ногу. Но силы были уже неравными: за конными казаками шли организованные колонны пехоты, которая разбилась на три основные отряда и двинулась в разных направлениях. Сопротивление крестьян продолжалось; но солдаты, преследуя восставших на протяжении 10 верст, загоняли их все дальше и дальше в леса. Одновременно мелкие военные отряды получили приказ обыскать деревенские гумна и захватить всех найденных бунтовщиков. Было задержано 253 крестьянина из разных волостей. С наступлением темноты преследование было прекращено. По официальным данным, восставшие потеряли 5 человек убитыми и 35 — ранеными, из них 5 тяжело; в войсках было ранено 9 человек; у солдат и казаков было отбито и изломано 30 ружей и 4 пики. На следующий день в Байкино прибыли пермский губернатор Сластенин и жандармский майор Новицкий. Была снаряжена каратель-

ная экспедиция в волновавшиеся села — Броды и Асовское; но ни в том, ни в другом власти не нашли ни одного жителя: все крестьяне с женами и детьми бежали в прилегающие леса и болота, чтобы избежать угрожающей расправы. Сластенин опубликовал воззвание к населению, предлагая вернуться в свои дома и принести повинную. Впечатление от понесенного разгрома и тягость неопределенного положения возымели свое действие: постепенно беглецы стали выходить из своих убежищ и являться к представителям администрации. Через некоторое время было зарегистрировано 2238 «раскаявшихся», но руководители движения и многие из его рядовых участников еще продолжали скрываться от преследования.

Слухи о происшествиях 12 июня в деревне Байкино широко распространились по окрестностям и произвели сильное впечатление на крестьянство. Старообрядческая масса и татарское население толковали эти события по-своему. Через 4 дня на Суксунском заводе был обычный воскресный базар, на который собиралось много государственных крестьян из Кунгурского, Красноуфимского и даже Осинского уездов. Рассказывали о сражении в Байкине и о приходе военного отряда. При этом прибавляли в виде предположения, что команда направлена в Бродовскую волость с определенной целью приводить крестьян в «новую веру». У некоторых предположение превращалось в полную уверенность; передавали даже, что солдаты чертят на земле «знамение перстов, как крестятся православные христиане» (т.-е. никонианцы) и заставляют крестьян поклоняться этому изображению и целовать его на земле. Отсюда встревоженная, хилиастически настроенная мысль делала дальнейшие выводы: кровавое побоище около деревни Байкиной представлялось крестьянам-старообрядцам в свете пророчеств апокалипсиса. Говорили, что наступило время антихриста, что зверь уже вышел из бездны и что печати с изображением медведя, разосланные по всем волостям, даны им как внешнее выражение его власти. Возбужденные крестьяне готовились к дальнейшей борьбе, говоря, что они веру свою будут защищать до последнего издыхания. Эти слухи и толки влияли на татар, мещеряков и башкир, исповедывавших мусульманскую религию. Между татарами Красноуфимского и Осинского уездов стали распространяться слухи, что предстоит насильственное обращение мусульман в христианство, что для этой цели учреждена миссия в Пермской губернии. Опасения перейти «в удел», т. е. потерять прежнюю относительную свободу, переплелись с опасениями потерять старую веру и старые обычаи, т. е. утратить основу привычного и освященного традицией духовного уклада. Прежнее чувство социального протеста облекалось в идеологическую форму и приобретало новую могучую силу; оно питалось впечатлениями реальной действительности — сведениями о начавшемся удельном обмене и о насильственных действиях николаевских миссионеров. Волнения постепенно передались соседней Оренбургской губернии: переселенцы из Кунгур-

ского уезда распространили все эти слухи на местах своего нового жительства в Бирском уезде; отсюда они стали расходиться по деревням татар, тептерей и мещеряков Уфимского, Белебейского и Троицкого уездов, проникли в башкирские кантоны и приняли новые, своеобразные формы.

Как раз в это время в селениях государственных крестьян и башкирского войска проводилось в жизнь распоряжение о постройке хлебных запасных магазинов. По волостям рассылались образцовые чертежи, на которых изображался поперечный разрез магазинного амбара. Мусульманское население обратило внимание на то, что начерченные перекладины и стойки образуют форму креста и сделали отсюда определенное заключение: строящиеся здания, для которых крестьяне и башкиры должны рубить и перевозить лес, на самом деле будут не хлебными магазинами, а христианскими церквами. Такое толкование, поддерживаемое местными муллами, укрепляло распространившуюся версию о подготовляемом обращении мусульман в христианство. В свою очередь башкирское население увидело в новой натуральной повинности доказательство коренной перемены национального быта — превращения башкирского иррегулярного войска, пользовавшегося податными привилегиями и административными особенностями, в обыкновенное крестьянство, может быть, с передачею частному собственнику. Стихийное возмущение и готовность отстаивать свои старые угрожаемые права овладели тысячами людей, населявших казенные села и башкирские кантоны. Приуральское движение вступило в новый, третий этап своего развития.

На этот раз волнения вспыхнули в районах национальных поселений и сразу приняли обостренный характер. В возбужденных деревнях происходили бурные сходки, которые выносили приговоры об отказе строить запасные хлебные магазины. Толпы татар, мещеряков, тептерей, мари двинулись к волостным правлениям, чтобы найти указы о закрепощении их сенатору Медведеву и расправиться с виновниками произведенной продажи — волостными головами и особенно писарями. Выделились селения, которые приобрели руководящую роль в движении: сюда сходились многие тысячи людей из окрестных районов (например, селение Большая Ока в Уфимском уезде). Началось поспешное массовое вооружение населения. Движение захватило 6 кантонов башкирского войска — 2-й, 3-й, 4-й, Загорный, 8-й и 10-й. Из кантона в кантон посылались «возмутительные письма»; договаривались о совместных выступлениях против «главного начальства»; более инициативные и смелые селения убеждали колеблющиеся и угрожали тем, кто занял нейтральное положение. При этом государственные крестьяне действовали вместе с башкирами, имея перед собой общего врага и выступая против одних и тех же мероприятий, приписываемых правительству. Протестуя против постройки хлебных магазинов, в сущности, боролись против передачи в

удельное ведомство и насильственной христианизации, т.-е. против закрепощения и колониальной политики царизма. Движение приняло ярко выраженный национальный характер и развертывалось при участии мусульманского духовенства.

Типичными и повторявшимися в разных селениях были события, разыгравшиеся в Тептерском старшинском правлении, Красноуфимского уезда. 18 июля 1835 года сюда подъехала конная толпа башкир, татар и мари, вооруженная казачьими плетями и самодельным оружием. Восставшие потребовали от старшинского начальства выдачи письменной доверенности избранным уполномоченным, которые должны хлопотать перед начальством об освобождении от удела. Толпа была сильно возбуждена и действовала под руководством татар деревни Еманзельги — Ардашира Баширова и Мухаметдина Баклева, имевших в руках обнаженные сабли. Все бумаги старшинского правления были извлечены из ящиков и шкафов, положены в сумки и унесены с собою восставшими. Попытка писаря Голенищева прочесть во всеуслышание увещание пермского губернатора — в связи с волнениями в Бродовской волости — была оборвана толпою. Возмутившиеся объявили это увещание «злодейским» и потребовали от присутствовавшего старшины Забирова выдать им на руки указ о переходе их в удел и о крещении их в православие. Такого указа у Забирова не было, и толпа удовлетворилась его заявлением, подтвержденным собственноручною подпискою, что он подобного указа не имеет, так же как не имеет плана постройки хлебного магазина. Толпа повела старшину в питейный дом и заставила его угостить всех собравшихся вином. Забиров купил вина на 8 рублей, но от дальнейшего угощения отказался. Тогда башкиры и крестьяне избили старшину плетьми и, арестовав, приставили к его дому караул. Через 4 дня Забирову удалось бежать и донести о случившемся Красноуфимскому земскому суду. Подобные же события имели место в деревне Устатурки, Покровскоясыльской волости: собравшиеся крестьяне из татар, мещеряков и тептерей потребовали у писаря указа о переходе в удел, увезли книгу приговоров с тамгами (т. е. рукоприкладством неграмотных) и, не найдя бежавшего волостного начальства, связали и избили писаря.

Еще серьезнее были волнения в деревне Шокуровой того же Красноуфимского уезда. Сюда 15 июля собралось 800 башкир, вооруженных копьями, луками и ружьями. Дом, в котором находились кантонный начальник Кустугильдинов и его помощник Хамзин, был осажден толпою. Восставшие требовали предъявления все того же указа о передаче в удельное ведомство. После отказа Кустугильдинова начался обстрел его дома. Кантонный начальник, защищая свою жизнь, тоже отвечал выстрелами. В качестве посредника выступил местный мулла; в его присутствии Кустугильдинов поклялся на коране, что башкирское войско в удел не переходит и что народ сохранил свои прежние права. Русские писаря

Росихин и Шипалов должны были бежать в лес под угрозою неминуемой расправы.

В деревне Мясогутовой Уфимского уезда, невдалеке от Соткинского завода, собралась вооруженная толпа из 2 тысяч башкир и государственных крестьян; земский исправник Тимашев, дворянский заседатель Шлих и сельские выборные были избиты и взяты под караул. В поисках «медведевского указа» восставшие собирались пытать исправника, а его письмоводителя и рассыльного хотели сбросить с береговой кручи в реку Ай. Чтобы спасти свою жизнь, исправник роздал толпе имевшиеся у него деньги (980 рублей казенных и 370 рублей собственных) и в конце концов, переодевшись крестьянином, ночью бежал в одно из соседних сел, под защиту оренбургского губернатора.

Тревожные донесения поступали со всех сторон. Распоряжения местных властей не исполнялись. Башкиры громко заявляли, что они готовятся к войне. Всюду ковалось оружие и собирались «рукоприкладства» для обеспечения солидарности. Волостные головы и старшины во многих местах бежали из своих селений. Огромная территория, состоявшая из 3 уездов Пермской губернии и из 5 уездов Оренбургской, с десятками тысяч башкир и государственных крестьян была охвачена массовым нарастающим возмущением. В одном Бирском уезде насчитывали 20 тысяч душ волнующихся тептерей. Положение властей осложнялось близостью горных заводов и ненадежностью местных казачьих войск. По сведениям, дошедшим до пермского губернатора, руководители бродовского движения скрывались у старообрядцев красноуфимских и екатеринбургских заводов. Горное начальство опасалось командировать имевшиеся у них воинские отряды, так как боялось возмущения на заводской территории. Очень вероятно, что оружие, в таком изобилии оказавшееся у восставших крестьян, было произведено и доставлено с помощью тех же заводских рабочих. По сведениям, притекавшим к местной администрации, восставшие башкирские и крестьянские массы рассчитывали приобрести оружие и провизию в Златоусте, т. е. в одном из крупнейших горнозаводских центров. С другой стороны, полковник Дебрюнольд сообщал о брожении среди самарских казаков, а Оренбургское казачье войско только что пережило массовые волнения: весною 1835 года все станицы 4-го и 5-го кантонов, за исключением очень немногих, категорически отказались выполнить приказ о заведении общественной запашки; кантонные и станичные начальники, повидимому, сочувствовали движению, так как не приняли никаких мер против ослушников. Генерал-губернатор Перовский должен был лично объехать неповинующиеся станицы и сломить массовое сопротивление военными судами и экзекуциями.

Таким образом, на территории Приуралья летом 1835 года складывалась такая же революционная обстановка, какая предшествовала крестьянской войне 1773—1775 годов: с оружием в руках восстали государ-

ственные крестьяне и угнетенные национальности, в том числе, значительная часть башкирского иррегулярного войска; глухое брожение наблюдалось среди горнозаводских рабочих; затаенные обиды и жажда мести волновали многие станицы оренбургского казачества. Все элементы, игравшие роль в пугачевском восстании, имелись налицо и в 1835 году. Судя по поступавшим донесениям, местная и центральная администрация могла опасаться дальнейшего, еще более решительного подъема начавшегося движения.

Перовский, извещая военного министра Чернышева о разразившемся восстании, выражал сильную тревогу за ближайшее будущее. По его мнению, рассчитывать при подавлении движения на башкирское войско было бы неразумно: оно не станет действовать против собственных единоземцев; уральских казаков не удастся легко и быстро передвинуть в северные уезды; оренбургские казаки рассеяны мелкими частями на огромной территории и не представляют собой значительной боевой силы. Восстание угрожает захватить 6-й и 9-й башкирские кантоны, наиболее многочисленные и настроенные особенно воинственно. «Но то, что больше всего беспокоит меня в данный момент,— прибавлял Перовский,— это то, что очаг возмущения — в ближайшем соседстве с казенными и частными заводами; там находятся элементы бунта, который может разразиться от одной искры» [1]. Перовский мог бы присоединить сюда еще одно опасение: Казахская степь была только что взволнована национально-демократическим восстанием Исатая Тайманова; на смену этому подавленному движению нарастало новое, необычайной широты и силы, под предводительством Кенесары Касымова. Оренбургские казаки были отвлечены борьбой на крайнем юго-востоке, и крестьянско-башкирское восстание в тылу могло развиться с новою и могучею силою.

Большую тревогу выражал и министр финансов Канкрин в своей переписке с министром внутренних дел: «Не могу скрыть, что дело сие представляется мне весьма опасным по слабости наших военных сил в тамошнем краю, ибо на оренбургских казаков едва ли много надеяться можно, если бунт сей распространится между башкирцами...» [2]. Канкрин настаивал на посылке в Оренбургскую губернию значительных военных сил из внутренних районов России.

Николай I находился в это время за границей; Чернышев посылал к нему срочные донесения, но во избежание проволочки принимал от его имени самостоятельные решения. Было предписано подготовить к походу одну пехотную дивизию из состава 4-го или 6-го корпуса, 4 казачьих полка из Области войска Донского и 3 дивизиона артиллерии из Воронежской губернии. Действия пермского губернатора Сластенина были признаны нерешительными и мало целесообразными. Руководство всеми

---

[1] Ленингр. Военно-исторический Архив, ф. Канцелярии военного министра, 1835 г., № 9915, л. 3 (ф. № 2425, связка 985, д. 112)

[2] ЦАВП, ф. ДПИ, 1835 г., д. № 358.

военными силами было поручено оренбургскому генерал-губернатору Перовскому, а в качестве полномочного лица, ответственного за подавление волнений, был выделен Николаем жандармский генерал Апраксин.

Тем временем были мобилизованы и двинуты в волнующиеся районы разбросанные части отдельного корпуса внутренней стражи. Они были сведены вместе и составили два основных отряда: один был направлен из Оренбурга на Уфу, другой (в составе 2 рот, 800 казаков и 2 орудий) из Верхнеудинска и Троицка на Златоуст «и далее, куда бы надобность потребовала». К башкирскому, мещерякскому и тептярскому войскам Перовский обратился с увещательным приказом, в котором напоминал им о неудаче прежних восстаний — 1676, 1707, 1734 и 1772 годов,— призывая не слушать «злонамеренных и безрассудных людей», не поднимать «соседа на соседа и брата на брата». Мусульманскому муфтию было предложено обратиться с таким же увещанием к восставшим от имени мусульманской церкви. Фетва (послание), составленная муфтием, убеждала магометанское население, что его вера пользуется покровительством со стороны царской власти, что ему гарантирована свобода богослужения, религиозного обучения и церковной организации и что не следует доверять «нелепым простонародным слухам». Ссылаясь на самого пророка и угрожая неумолимым гневом всевышнего, муфтий призывал свою паству не слушать «ложных слов возмутителей и искусителей», свято исполнять присягу и охранять себя от «буйственных возмущений» и «вражеских смятений». Специальные уполномоченные развозили фетву по волновавшимся кантонам и читали ее «кантонным начальникам, головам, юртовым старшинам, почтенным муллам, ихунам, мухташпам, имамам и всем без исключения мусульманам». Пропаганда магометанского духовенства, точно так же как проповеди православных священников, подготовляли, поддерживали и закрепляли военно-карательные экспедиции.

Приступая к подавлению восстания, Перовский прежде всего направился в беспокоивший его 9-й башкирский кантон, расположенный недалеко от Оренбурга. Генерал-губернатору удалось искусными маневрами внести раскол в башкирское войско и, опираясь на старшинскую группу, добиться образования специального добровольческого отряда из тысячи человек для усмирения волнующихся кантонов. Присоединенные к златоустовскому отряду, эти «охотники» показали особенное усердие, которое в некоторых случаях приходилось умерять самому Перовскому. В донесениях министру внутренних дел генерал-губернатор откровенно излагал значение этой меры: «Междуусобную ненависть, долженствующую произойти из себя в башкирских кантонах, почитаю я вернейшим залогом будущего спокойствия для здешнего края» [1]. Так, поднимая «соседа на соседа, и брата на брата», Перовскому удалось нанести удар

[1] ЦАВП, ф. ДПИ, 1835 г., № 387, л. 23.

разросшемуся, но не успевшему организоваться движению башкирского народа.

Одновременно — быстрыми и жестокими мерами — началось подавление восстания государственных крестьян. Перовский разделил златоустовский отряд на две части: первую он направил в Уфимский уезд, другую — в Пермскую губернию. Войска шли форсированным маршем, пехота передвигалась на подводах и достигала назначенных пунктов одновременно с конницей. Сам Перовский отправился сначала в селение Мясогутово, где произошло избиение исправника, затем в районы 2-го башкирского кантона и, наконец, в глухие леса Бирского уезда, где поднялись тептярские команды. Слабо организованные массы повстанцев, с самодельным и примитивным оружием, не выдержали энергичного натиска регулярного войска. В течение трех недель Перовский сначала один, потом с генералом Апраксиным, огнем и мечом прошел по волнующимся селениям, перепорол тысячи людей, организовал массовые облавы по лесам, арестовал сотни людей, начал судебные следствия и силою данных ему полномочий учредил на месте быстро действующие военные суды. Министру внутренних дел Блудову пришлось напоминать об опасности поголовных и слишком суровых репрессий: «Неосторожный следователь,— писал он в своих отношениях,— не ограничиваясь главными виновниками, может обратить в остроги целые уезды и всех обывателей: одних в арестантов, других в стражу и т. п. Тогда неудовольствие имело бы уже некоторое основание и беспокойства могли бы снова возникнуть». В Петербурге было решено привлекать к формальному следствию и суду только зачинщиков и подстрекателей, а к рядовым участникам движения применять внесудебную полицейскую расправу. В отступление от действующего закона государственных крестьян было предписано предавать военному суду вместе с башкирами, а конфирмацию приговора предоставить единоличному суждению Перовского.

К концу августа 1835 года приуральское восстание было окончательно подавлено. В «неприступной чаще леса», указанной предателем из среды бродовских крестьян, был захвачен один из главных инициаторов движения, Василий Суханов. 63 зачинщика были осуждены военным судом к различным жестоким наказаниям, начиная с прогнания сквозь строй и ссылки на каторгу и кончая избиением палками. В действиях местного начальства были найдены «непростительные послабления», весь состав красноуфимских и кунгурских уездных и земских судов был отставлен от службы, а пермский губернатор Сластенин должен был уступить свое место другому лицу. Попутно было сломлено сопротивление крестьян Кантугановской волости Красноуфимского уезда, по национальности татар и мари, которые долго отказывались подчиниться указу об уравнении их в отбывании повинностей с остальными государственными крестьянами. Перспективы военной экзекуции перед лицом массовой жестокой расправы заставили кантугановцев

заявить о своей покорности и дать подписку о своевременной уплате податей и повинностей. Указом 30 августа 1835 года Николай I выразил признательность Перовскому за проявленное им «пламенное отличное усердие» и «неутомимую деятельность» в подавлении бунта [1].

Однако правительство не могло оставаться спокойным и уверенным после событий, разыгравшихся на Урале. Восстание 1835 года завершало собою многолетнюю цепь волнений в государственной деревне, которые приобрели особенно напряженный характер после 1830 года. Восстание было раздавлено перевесом организованной вооруженной силы, оно несло в себе неустранимые недостатки всякого стихийного крестьянского движения, его отдельные элементы не сумели сомкнуться в единовременном и мощном напоре против крепостнического порядка. Нарастая постепенно, тремя основными приливами революционной волны, движение не получило необходимой организационно объединяющей скрепы. В частности, брожение в казачьих станицах и горнозаводских районах не переросло в форму активного вооруженного протеста; крестьяне помещичьи не поднялись вовсе; между движением государственных крестьян, сильно подорванным байкинской бойней 12 июня, с одной стороны, и начавшимся восстанием башкирских кантонов с другой, образовался известный организационный разрыв; отдельные центры крестьянского движения — Златоустовское, Броды, Большая Ока, Мясогутово — действовали разновременно и независимо друг от друга; несмотря на энергию и самопожертвование крестьянских вождей — вроде Василия Суханова и Попова — крестьяне оставались во власти традиционных иллюзий, плохо ориентировались в истинном положении вещей и не могли преодолеть своего ограниченного волостного кругозора. Тем не менее, по широте своего размаха, по количеству своих участников и по напряжению массовой борьбы, приуральское восстание 1835 года ярко выделяется из числа массовых выступлений данного периода—наряду с холерными бунтами 1830—1831 годов. Правительству было ясно, что движение государственных крестьян вызвано передачей казенных имений в удельное ведомство, т. е. опасением крестьянства перейти на положение частновладельческих помещичьих крепостных; что одним из источников массового протеста были действия местной администрации, т. е. существующая практика крепостнического управления; наконец, что центральные органы управления крестьянами — прежде всего Министерство финансов — не гарантируют спокойствия и порядка в государственной деревне. Давая свои заключения о разразившихся событиях, генерал Апраксин одинаково обрушивался и на органы земской полиции, и на учреждения Министерства финансов. По его словам, местные чинов-

[1] Основные источники для изучения приуральского восстания 1834—1835 годов: ЦАВП, ф. ДПИ, 1835, №№ 358, 387 и Военно-исторический архив, ф. Канц. ВМ, 1835 г., № 9915. Ср. Крестьянское движение 1827—1869 гг., вып. 1, стр. 18—19; Н. С. Шукшинцев, Волнения в Башкирии в 1835 году. «Труды Оренбургской ученой архивной Комиссии», вып. 11, СПб., 1903.

ники в высшей степени корыстолюбивы и неблагонамеренны, своими действиями они только способствовали распространению беспорядков; такие чиновники, как стряпчий Потапов, неоднократно подвергавшийся побоям, потерял всякое уважение не только дворян, но и крестьян. «Пермская Казенная палата,— писал Апраксин,— не имеет надлежащих средств к сохранению благоустройства в управлении казенными крестьянами, через что волостные начальники, не быв под надзором ближайшего начальства, допускают преступления и оставляют оные без наказания» [1]. Еще отчетливее и резче звучал всеподданнейший отчет III Отделения, составленный под свежим впечатлением произведенного расследования: «Земская полиция во многих губерниях не только ничтожна, но вредна; она не только не прекращает злоупотреблений, но неосновательными и беззаконными действиями своими нередко порождает их... Разительным примером такого иногда вредного действия земской полиции может служить бывшее в нынешнем году значительное возмущение между казенными крестьянами Пермской губернии». III Отделение не ограничилось таким выводом: на основании всей суммы наблюдений и донесений своей разветвленной жандармской агентуры, оно обращало внимание Николая I на тяжелое и, следовательно, опасное состояние сословия государственных крестьян: «Казенные крестьяне, сия значительная часть нашего народонаселения, почти повсеместно находятся в самом худом положении. Не имея должного надзора или, лучше сказать, не имея никакого за собою надзора, и будучи жертвою своих голов и алчной земской полиции, они год от года беднеют и развращаются». Зная, что в недрах Министерства финансов уже давно составляются проекты преобразования государственной деревни, III Отделение торопило с постановкой и разрешением вопроса о реформе: «Говорят, что составляется новое о управлении их постановление. Для пользы их и для пользы государства весьма бы желательно было, чтобы положение сие скорее состоялось и предупредило бы совершенное и конечное расстройство казенных крестьян» [2].

Но у III Отделения, так же как у его главного коронованного начальника, должно было проснуться законное недоверие и к Министерству финансов; не только Пермская и Оренбургская Казенные палаты отвечали за разразившееся волнение — за них были ответственны и центральные органы министерства. Канкрин не только не сумел предотвратить восстания — он реагировал на него черезчур поздно и крайне слабо. Только через 6 месяцев после начала пермского движения, после вооруженных столкновений в деревне Байкиной Департамент государственных имуществ удосужился впервые запросить о принятых мерах Министерство внутренних дел. Министерство финансов ничего не сделало, чтобы остановить или задержать нараставшие события, он

[1] ЦАВП, ф. ДПИ, 1835 г., № 358, [illegible].

[2] Крестьянское движение 1827—1869 годов, вып. I, стр. 18.

предпочитало оставаться в стороне, предоставляя свободу действий Департаменту полиции и корпусу жандармов. В глазах Бенкендорфа и Николая I Канкрин должен был казаться полным банкротом в этом крупном и чреватом многообразными последствиями государственном вопросе. Впечатления от пугавших событий 1835 года неразрывно соединялись у представителей правительства с другими впечатлениями — о разорении и недоимочности казенной деревни, о неуклонном нарастании крестьянских протестов и о полной безуспешности всех мер и проектов, которые вырабатывались в канцеляриях Министерства финансов. Приуральское восстание 1835 года, в связи с другими волнениями государственных крестьян, заставляло снова и еще резче поставить старый, но неразрешенный вопрос, о реформе управления государственной деревни.

Положение осложнялось обнаружившимся тревожным настроением частновладельческих крепостных крестьян. Жандармские донесения и здесь рисовали неутешительную картину. В том же 1835 году III Отделение представило Николаю I всеподданнейший отчет за предыдущий год, в котором изложило свои предостерегающие мысли «о расположении умов». «Год от года,— писал Бенкендорф,— распространяется и усиливается между помещичьими крестьянами мысль о вольности. В 1834 году много было примеров неповиновения крестьян своим помещикам и почти все таковые случаи, как по произведенным исследованиям оказывалось, происходили не от притеснений, не от жестокого обращения, но единственно от мысли иметь право на свободу». III Отделение указывало, что до сих пор такие случаи «не имели между собой никакой общей связи», оставались разрозненными, а потому и безуспешными, но оно предостерегало Николая I в отношении дальнейшего будущего: «могут явиться неблагоприятные обстоятельства: внешняя война, болезни, недостатки; могут явиться люди, которым придет пагубная мысль воспользоваться сими обстоятельствами ко вреду правительства и тогда провозглашением свободы их из помещичьего владения им легко будет произвести великие бедствия». Выражая мнение «благомыслящих людей», III Отделение обращало на этот факт внимание «бдительного правительства»: во имя «спокойствия России» оно советовало Николаю I поставить перед собою «благотворную цель уничтожения крепостного права»; действуя мерами осторожности и осмотрительности, «мудрое правительство» должно исподволь приблизиться к разрешению этой трудной, но неотложной задачи [1]. Таким образом высший орган государственной полиции почти одновременно напоминал о тревожном, все более пугающем положении и частновладельческой и казенной крепостной деревни; почти одновременно, под давлением процесса разложения феодально-крепостнической формации дворянское государство задумывалось над вопросом о необходимости реформы

[1] Крестьянское движение 1827—1869 годов, вып. I, стр. 15—16.

управления помещичьими и государственными крестьянами. Логика общественного развития связывала эти вопросы вместе; ликвидация крепостного строя и здесь и там выдвигалась самою жизнью; одновременное и взаимно связанное изыскание путей для выхода из создавшегося кризиса и здесь и там становилось очередною и важнейшею задачею николаевского правительства.

4. Привлечение П. Д. Киселева к разработке крестьянской реформы

Повидимому, под непосредственным впечатлением жандармских соображений «о расположении умов» у Николая I возникла мысль об учреждении нового секретного комитета, посвященного обсуждению крестьянского вопроса: всеподданнейший отчет Бенкендорфа за 1834 год был подан в начале следующего 1835 года; «Комитет для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий» был образован в марте того же 1835 года [1]. В состав Комитета были назначены в качестве председателя И. В. Васильчиков, в качестве членов Д. В. Дашков, Е. Ф. Канкрин, М. М. Сперанский и П. Д. Киселев. Мотивы такого назначения вполне понятны. Васильчиков был председателем Государственного совета, и его назначение руководителем секретного комитета по крестьянскому вопросу преследовало определенную задачу: заранее подготовить прохождение разработанных проектов через высший законодательный орган, согласовав содержание этих проектов с имеющимися материалами Государственного совета. Назначение членами Комитета Канкрина и Дашкова определялось их официальным положением — первого, как министра финансов, второго, как министра юстиции. Первый должен был дать свои заключения по существу разрабатываемых проектов, второй — по вопросам их юридического оформления. Иные цели должно было преследовать назначение членами Комитета Сперанского и Киселева. В Сперанском Николай I видел не только умного, образованного и опытного бюрократа [2], но и крупнейшего знатока крестьянского вопроса, автора многочисленных записок, посвященных этой проблеме и главного двигателя предшествующих комитетов 1826 и 1833 годов. Николаем I руководил тот же мотив, который лег в основание секретного комитета 6 декабря 1826 года: нужно было изыскать такие способы преобразования крепостных отношений, которые не подрывали бы социальных основ дворянской империи, но устранили бы угрожающую опасность «великих бедствий». Однако поручить это дело одному

[1] Время учреждения секретного комитета 1835 года, указанное А. П. Заблоцким-Десятовским («Гр. П. Д. Киселев и его время», т. II, стр. 8), подтверждается сопоставлением двух дат: 1) приезда Киселева в Петербург (о. с., стр. 7) и 2) даты резолюции Николая I о рассмотрении нового Положения об устройстве казенных имуществ (ЦАНХ, ф. Особ. Канцел. МФ, 1829 г., № 7/93, л. 409); резолюция была дана после образования комитета и предполагала его существование.

[2] Из записок бар. М. А. Корфа. РС., 1899, июль, стр. 5

Сперанскому было бы невозможно: Сперанский был занят кодификацией законов, которой Николай I придавал огромное политическое значение; правда, Свод законов уже был издан, но оставались неподготовленными специальные своды — Польский, Финляндский, Остзейский, которые должны были поглотить у Сперанского все его время и силы [1]. Кочубея, действовавшего вместе со Сперанским в секретных комитетах 1826 и 1833 годов, уже не было в живых. Нужно было найти нового человека, на которого можно было положиться и который личными способностями и административным опытом давал бы основание надеяться на успех предпринятого дела. Такого человека, призванного стать главным деятелем при разработке законопроектов по крестьянскому вопросу, Николай I наметил в лице генерал-адъютанта П. Д. Киселева.

Киселев был моложе других сановников Николая I (в 1835 году ему исполнилось 47 лет) и, повидимому, вполне отвечал предъявленным требованиям: за его спиной был 26-летний период военной службы (чему Николай придавал огромное значение) и большой административный опыт, приобретенный управлением 2-й армией и Дунайскими княжествами; он занимал крупное служебное, в частности, придворное положение, состоя в чине генерал-адъютанта; друзья и противники одинаково признавали в нем человека выдающихся способностей — сильного ума, твердой энергии и большого такта в общении с людьми. Социально-политические воззрения Киселева вполне соответствовали позиции Кочубея и Сперанского, которую в конце концов занял Николай I, успех дунайской реформы 1831 года не только в глазах Николая I, но и в представлении буржуазной Европы, окружил Киселева ореолом талантливого волевого преобразователя. Казалось, это — та искомая политическая фигура, которая сумела бы сдвинуть с мертвой точки неподатливую проблему, сохраняя основные устои существующего порядка. Правда, в блестящей и быстро развертывавшейся карьере Киселева было одно расплывчатое и темное пятно — его заподозренные и не выясненные отношения с декабристами. Но вся дальнейшая деятельность Киселева, так же как его многочисленные демонстрации верноподданно-монархических взглядов восстановили его прежнюю репутацию, поколебленную в самом начале николаевского царствования. Николая I пленили личная храбрость и распорядительность Киселева во время Турецкой войны 1828—1829 годов; общение с Киселевым доставляло царю не меньше удовольствия, чем Александру I, а чтение отчета по управлению Молдавией и Валахией навело Николая на первые мысли об использовании Киселева в качестве «начальника штаба по крестьянской части». После возвращения в Петербург весною 1834 года Киселев сразу стал конфидентом сокровенных мыслей российского императора.

[1] О. с., стр. 6.

Если верить биографии Лакруа [1], Николай при первой же встрече заговорил с Киселевым о крестьянском вопросе: «Мы займемся этим когда-нибудь; я знаю,— сказал царь,— что могу рассчитывать на тебя, ибо мы оба имеем те же идеи, питаем те же чувства в этом важном вопросе, которого мои министры не понимают и который их пугает...» Из числа ближайших сановников Николай выделил только одного Сперанского: замышляя «преобразование крепостного права» и избирая Киселева своим помощником в собирании материалов и составлении проектов, Николай рекомендовал ему советоваться со Сперанским, как носителем богатого опыта предшествующего царствования. «Покойный государь начал, а я должен это довершить»,— прибавил царь, подчеркивая преобразовательное направление, в котором должна была итти разработка поставленного вопроса.

В соответствии с этим первоначальным замыслом последовали дальнейшие назначения Киселева: в конце 1834 года он был сделан членом Государственного совета и зачислен в Департамент государственной экономии; несмотря на упорные слухи о назначении его то командиром корпуса, то главнокомандующим в Грузию, то посланником в Париж, Киселев был оставлен Николаем в Петербурге; в марте 1835 года он был введен в состав Секретного комитета, а в мае 1836 года ему было поручено руководить V Отделением «собственной его величества канцелярии», на которое возлагалась задача не только реформы управления казенными имуществами, но и разработки общей реформы феодальных отношений. С этого момента Киселев становится главным деятелем по крестьянскому вопросу в течение дальнейшего двадцатилетнего периода николаевского царствования.

Каковы же были социально-политические воззрения Киселева в момент его привлечения к разработке крестьянской реформы? И насколько был прав Николай I, утверждая, что они оба имеют одинаковые идеи и питают одни и те же чувства «в этом важном вопросе»?

Киселев вступил в Секретный комитет 1835 года человеком достаточно зрелым, с мировоззрением, сложившимся и оформившимся в условиях разложения феодально-крепостнической системы. Помещичья семья Киселева, в которой он родился и получил первые политические внушения, не отличалась ни знатностью, ни богатством; но она принадлежала к старинному служилому дворянству, имела несколько сот крепостных душ и была неразрывно сплетена с верхами господствующего класса. В этой патриархально-помещичьей семье, обладавшей большими политическими и культурными связями, были заложены прочные основы сословно-дворянских и монархических убеждений Киселева. Отсюда он почерпнул привычную преданность религиозной традиции, веру в незыб-

---

[1] Лакруа писал свою книгу на основании консультации Киселева, и Киселев, ознакомившись с ее текстом, не только не оспорил данного места, но подтвердил его в своих воспоминаниях (ЗД, II, 2, 208).

лемость сословной иерархии и укоренившийся культ монархической власти. Военная служба в Кавалергардском полку в обстановке мира и войны — еще более укрепила эту глубокую феодальную подоснову мировоззрения Киселева: она воспитала в нем привычки и навыки военного командования, привила ему чувство служебной дисциплины и упрочила его дворянские аристократические связи. Назначение флигель-адъютантом к Александру I было не только счастливым поворотом в личной карьере Киселева, но также определяющим моментом его внутреннего развития: с этого времени Киселев сделался представителем придворного круга, нерасторжимо связанным с существующим строем; честолюбивый и властный, умный и ловкий, он чувствовал себя обязанным в своих служебных успехах расположению и милостям императора: его «религия монархизма», которой он гордился в продолжение всей своей жизни, приобрела еще более строгие и резкие очертания. Когда по окончании войн с Наполеоном, дослужившись до генеральского чина, Киселев был назначен начальником штаба 2-й армии — фактически руководителем многотысячной войсковой массы — его феодально-консервативная позиция должна была укрепиться еще более: он действовал в условиях нарастающей реакции, руководясь аракчеевскими инструкциями из Петербурга и приучая себя «подчинять действия не внушениям собственным, но обстоятельствам, нами управляемым»[1]. Приспособляясь к фронтомании Александра I и насаждая в войсках суровую дисциплину, Киселев еще более втягивался в орбиту дворянского государства, теснее и крепче связывал себя с его феодальными институтами.

После окончания Турецкой войны 1828—1829 годов перед ним открылось новое широкое поле деятельности: он был назначен полномочным председателем диванов Молдавии и Валахии,— областей, на несколько лет оккупированных войсками русского правительства. Перед лицом Западной Европы он должен был, по выражению министра иностранных дел Нессельроде, «навязать некоторым образом жителям всех классов благодеяние правильной администрации»[2]. Эта реформа, продиктованная расчетами ближневосточной политики, завоевала Киселеву славу либерального государственного деятеля, но она проводилась им сверху, в обстановке военной оккупации, путем беспощадного подавления боярской оппозиции и крестьянских протестов. Киселев выступал здесь в роли могущественного протектора, исполняя веления императора Николая I, опираясь на огромную победоносную армию. Деятельность Киселева в Дунайских княжествах продолжала основную линию его внутреннего развития. В расширенном и усложненном виде она упрочивала авторитарные основы его мировоззрения, заложенные еще в детские годы, постепенно оформленные военно-административной и придворной службой. Мы не найдем в политическом развитии Киселева

[1] СРИО, т. 78, стр. 77.
[2] ЗД, I, стр. 353.

никаких мучительных колебаний и внутренних сдвигов: его убеждения выросли органически и постепенно в недрах феодального государства, как идеологическое выражение установившегося господства дворянского сословия.

Но Киселев был не только представителем военной бюрократии, генерал-адъютантом, проводником официальной политической программы. Он был хозяйствующим помещиком, который в течение продолжительного периода с интересом и энергией руководил эксплоатацией своих собственных имений. Эта страница в жизни Киселева осталась скрытой от большинства его биографов и, повидимому, была сознательно замаскирована его апологетом А. П. Заблоцким-Десятовским. Чтобы понять социально-политическую программу Киселева и проследить процесс ее внутреннего роста, необходимо учесть и эту сторону его деятельности. Личный архив Киселева хранит в себе многочисленные и разнообразные документы, рисующие хозяйство его имений,— отчеты и ведомости управляющих, инструкции бурмистрам, собственноручные резолюции и заметки самого помещика. Анализируя эти неопубликованные материалы, мы имеем возможность отчетливее представить себе классовое лицо Киселева, лучше продумать и понять его социально-экономическую программу.

После смерти отца в 1829 году Киселевы унаследовали два родовых имения: село Полибовку в Пензенской губернии и село Красное с деревнями в Ярославской губернии. На основании произведенного раздела Киселев сделался единоличным собственником этого недвижимого имущества: с 1833 года за ним стало числиться село Красное, с 1836 года — село Полибовка. Пензенское барщинное имение заключало в себе 352 ревизских души и 3212 десятин чернозема; в 1835 году оно давало Киселевым 43 596 рублей 69 копеек годового дохода, из которых более 33 тысяч рублей составляли чистый доход владельцев. Ярославское имение состояло на оброке; в 1833 году оно насчитывало 241 ревизских душ и 1336 десятин земли и давало годового дохода 7 тысяч рублей ассигнациями. Наконец, при вступлении в брак с С. С. Потоцкой (в 1821 году) Киселев получил в приданое большое имение в Киевской губернии: сюда входили Торговицкий и Бугский ключи Уманского повета, имевшие в 1830 году 4 569 ревизских душ и 55 526 моргов плодородной земли, суконную фабрику, винокуренный завод, многочисленные мельницы и корчмы. Имение было оценено в 607 314 рублей серебром, но имело на себе 163 387 рублей серебром долга, оставшегося после матери Потоцкой; в 1832 году оно давало годового дохода 103 354 рубля серебром плюс 112 467 рублей ассигнациями. Имение считалось личной собственностью С. С. Киселевой, но на основании акта доверенности состояло в управлении ее мужа. По заключенному условию супруги взаимно обязались пользоваться доходами друг друга на половинных началах.

В киевском имении находилась главная господская контора во главе с управляющим полковником Холмским; ему был подчинен управляющий пензенским имением штабс-капитан Козицын, а последнему в свою очередь отдавали отчет ярославские бурмистры. Архивные документы не оставляют никакого сомнения в том, что Киселев лично и очень внимательно входил во все детали управления имениями. Состоя начальником штаба 2-й армии и проживая в Тульчине, он имел возможность часто посещать свои киевские владения и проводить там значительное время; он лично наблюдал за ведением хозяйства, писал наставления управляющему и отдавал текущие частные распоряжения. Из пензенского и ярославского имений он получал полугодовые и годовые отчеты с приложением инвентарных и кассовых ведомостей. Эти бумаги испещрены карандашными замечаниями Киселева, которые помогают уловить основное направление его мысли.

Вступив в непосредственное управление киевским имением, Киселев ничего не изменил в прежней системе его эксплоатации. Тарговицкий и Бугский ключи были типичными польскими экономиями юго-западной Украины. Большая часть угодий отдавалась в поссессию частным предпринимателям; сравнительно небольшое количество земли находилось в «экономическом распоряжении» владельцев. Крестьяне отбывали барщину на основании инвентарей и урочных положений. Имущественное положение крепостных было очень различно: они делились на «паровых», «поединков», «пеших», «халупников» и «коморников» — в зависимости от количества своей земли и скота [1]. Соответственно этому разделению варьировалась крепостная барщина: паровой крестьянин был обязан отработать 180 годовых дней и заплатить 20 злотых чинша, поединок отрабатывал 154 дня, пеший — 128, халупник — 76 дней, коморник от 12 до 36 дней; если крестьяне имели меньше 4 работоспособных членов семьи, размер барщины «соразмерно возможности» сокращался. Урочные положения точно определяли, какое количество работы могут требовать поссессоры на основании контрактов: на вспахивание плугом одного морга полагалось 3 дня, на молотьбу 1 копы озимого хлеба — 1 день и т. д. Крепостные получали в надел по 3 морга земли на ревизскую душу (в трех полях). В каждом местечке и селении выбирались по 3 мирских старшины из числа «совестных и достойных стариков» и время от времени созывались «гражданские сходки» всех хозяев. Непосредственным начальником крестьян, наблюдающим за порядком, был ключевой эконом.

Эта традиционная система хозяйства была крайне тяжелой для украинского крестьянства. Повинности в экономии Киселева были так

[1] Паровые имели пару волов, поединки — одного вола, пешие вовсе не имели скота, халупники владели только домом и огородом, коморники не имели ни земли, ни дома, ни огорода.

же высоки, как и в других киевских имениях. Поссессоры, арендовавшие отдельные части имения, так же злоупотребляли своею властью, как и в других местах: в главную контору поступали жалобы крестьян на чрезмерную эксплоатацию и побои со стороны поссессоров. Крестьяне нередко бежали из имения — на 1 января 1835 года числилось в бегах 410 мужчин и 327 женщин, т. е. около 10 процентов крепостного населения; экономия должна была ежегодно выделять особую сумму на поиски и обратное водворение беглых крестьян.

Сохраняя традиционную систему хозяйства, Киселев систематически и упорно стремился повысить доходы жениного имения. В 1828 году он учредил главную экономическую контору и составил для нее подробные правила, регламентировавшие порядок ее делопроизводства, движение и отчетность денежных сумм, компетенцию каждого должностного лица, их взаимоотношения с владельцем и т. д. В дополнение к «Правилам» были составлены детальнейшие инструкции — управляющему, вахмистру (заведующему счетами и архивом), конторщику, фабричному писарю, лесничему. В обязанность управляющему были поставлены не только охрана имения и умножение его доходов, но и «бдительное наблюдение о благосостоянии подданных» в духе попечительных инструкций крепостного времени. Киселев старался быть «строгим, но справедливым» помещиком. Если подтверждались жалобы крестьян на жестокие притеснения поссессоров, он отбирал у этих поссессоров земельные участки и передавал их другим арендаторам; когда ему донесли о самовольном отказе крестьян села Зеленкова смолотить хлеб, он приказал наказать виновных и, найдя зачинщиков, «представить в суд для законного взыскания». Киселев мотивировал свое решение следующей резолюцией: «Как с одной стороны я обязан защищать крестьян от притязаний, так с другой не следует допускать ни малейшего своеволия». В качестве расчетливого хозяина он отдавал распоряжения купить волов для нуждающихся крестьян, выдать господский лес для крестьянских крыш, расширить крестьянское поле для обеспечения хлебного магазина, но в то же время он строго предписывал ликвидировать крестьянские хутора, устроенные в лесах, энергично разыскивать и ловить беглых, проверить инвентари и увеличить размеры барщины (однако «без отягощения»).

Под управлением Киселева киевское имение стало давать больше дохода, и он горделиво отмечал это в своих записках. Когда в 1834 году Киселевы фактически разорвали свой брачный союз, киевское имение продолжало оставаться в управлении мужа. В 1840 году Торговицкий ключ, благодаря хлопотам Киселева, был выгодно продан в военное ведомство. Осталось Бугское имение, которое Киселев предполагал купить в личную собственность, но позднее отказался от этого плана и в 1846 году вернул имение своей доверительнице «с умноженным инвен-

тарем и доходами». С. С. Киселева вознаградила мужа за понесенные труды и потерю приданого анонимным даром в 138 996 рублей [1].

Гораздо менее внимания и забот уделял Киселев ярославскому и пензенскому имениям. К фактическому управлению этими землями он должен был приступить сейчас же после смерти отца: по свидетельству Д. А. Милютина, «семейные дела оказались в расстроенном состоянии», и Киселев взял на себя задачу привести их в порядок [2]. Но он редко посещал свои отдаленные владения и ограничивался общими указаниями управляющим, внимательным знакомством с присылаемыми отчетами и отдачей отдельных частных распоряжений. После одного из посещений села Палибовки во время служебной командировки 1838 года Киселев записал в своих путевых записках: «Пребывание полуторы суток в степной деревне не заслуживает особенного рассказа. Прием крестьянами меня на коленях и целованье рук старыми слугами отца и их детьми, раздача привезенных подарков и денежных наград; удовлетворение просьб, осмотр полей, дурной обед и хороший сон — вот вся история дневного пребывания малозаботливого помещика в своем родовом состоянии» [3]. Однако, анализ сохранившихся документов показывает, что Киселев не пропускал ни одной детали в представляемых отчетах. И здесь он установил определенный, строго регламентированный порядок ведения хозяйства, движения сумм, конторского делопроизводства и попечительства над крестьянами. Инструкции по селу Красному были составлены в 1833 году, по селу Полибовке — в 1835 году, повидимому, на основании ранее установленного распорядка. Так же, как в киевском имении, Киселев не ломал традиционной системы заведенного хозяйства, не делал никаких крупных нововведений и больше всего заботился о непрерывном поступлении денежного дохода.

Ярославское имение доставляло ему мало хлопот: половина земельной площади находилась под сосновым лесом и кустарниками, остальная была роздана крестьянам под условием уплаты определенного оброка. На каждую ревизскую душу краснинские крепостные имели 1,4 десятины пахотной земли и 1,3 десятины сенного покоса — надельную норму, явно недостаточную для обеспечения прожиточного минимума и отбывания казенных и господских повинностей. Повидимому, большая часть мужского населения уходила на заработки в Москву и Петербург: специальная статья в инструкции краснинскому бурмистру предусматривала выбор особых старост, которые ручались за отпускаемых крестьян, сами проживали в столицах и следили там за поведением всех людей вотчины. Но часть деревенского населения — преимущественно женщины, старики и дети — оставались у себя дома и были предметом попечительного наблюдения и руководства. «С воли владель-

[1] ЦАНХ, ф. Киселева, №№ 76, 77, 78, 79, 82, 83, 84, 85; ЗД, IV, стр. 348—349. РОЛБ, ф. Милютиных, № 7833; Воспоминания Д. А. Милютина, кн. 1, стр. 35. ЦАНХ, ф. Киселева, № 23. Путевые записки, л. 193.

ца» крестьянам были даны строгие предписания — о регулярном посещении церкви, об обязательном соблюдении таинств, о недопущении дочерей к распутной жизни, об опеке над малолетними сиротами. От предусмотрительности помещика не ускользали даже мелкие стороны деревенского быта: особым параграфом старшинам предписывалось «строго смотреть за хозяевами домов, чтобы каждую субботу непременно чистили в печах свои трубы, дабы от смоляных дров накопляющаяся сажа не могла загореться и чрез то не случился бы пожар». Инструкция входила в подробную мотивировку этих крепостных предписаний, особенно убеждая крестьян соблюдать требования православной веры [1]. Крестьяне, не отговевшие великим постом, должны были в продолжение всей пасхальной недели просидеть при вотчинном правлении с колодкою на ноге («дабы каждый видел негодяя и богоотступника») и сверх того заплатить крупный денежный штраф — 10 рублей на украшение церкви и 4 рубля в пользу церковного причта. Крестьянин, не явившийся в вотчинное правление по вызову бурмистра, сажался в колодки на одни сутки. За распутную жизнь, драки и пьянство краснинских крестьян ожидали такие же строгие наказания; в вотчинном правлении была заведена особая штрафная книга «с показанием, за что и по какому приговору, чем и в каком количестве был наказан» каждый, совершивший проступок. Бурмистр не имел права наказывать крестьян без решения выборных старшин и земского, но если сами выборные оказывались виновными в попустительстве, и проступки оставались без строгого наказания, в дело вмешивался управляющий. Среди краснинских документов сохранились его приказы о наказании провинившихся крестьян розгами, крупными денежными штрафами и заключением в колодки; в качестве высшей меры наказания были предусмотрены отдача в рабочий дом и отправка на винокуренный завод в киевское имение. Таким образом, практика управления ярославской вотчиной воспроизводила типичные особенности крепостного оброчного хозяйства; регламентация административного распорядка и помещичье «попечительство» над крестьянами, применявшиеся в киселевском имении, восходили к давней традиции и не заключали в себе ничего оригинального и нового.

Значительно сложнее и хлопотливее было управление пензенским имением. Киселев сохранил здесь традиционную барщину и трехпольное

[1] «Священники села Красного уведомили меня, что некоторые из крестьян совершенно забыли храм божий и к тягчайшему их греху по пяти и более лет не исповедуются и не причащаются св. тайн, а из молодых другие и до 18 лет ни разу не были у исповеди и даже не знают ни одной молитвы. Подобное невежество еще неслыханное, и неминуемо их ожидает справедливое божие наказание, как не исполняющих правил православной веры и закона отцов их. Нет примера не только у крестьян, но даже у жидов и турок, кто бы не тщался с полным усердием выполнять все правила веры и закона, в котором он рожден. Безверный человек уподобляется скоту, и тот, кто не чтит веры и правил ее, тот не заслуживает никакого покровительства — ни небесного, ни земного, и для примера другим всегда должен быть наказан» .(ЦАНХ, ф. Киселева, № 83, лл. 144—150).

хозяйство. Из 2447 десятин пахотной земли 1074 десятины были отведены под крестьянское поле, 784 — под господскую пашню и 589 десятин оставались неиспользованными [1]. За вычетом общественной запашки, крестьяне получали от помещика по 2 десятины на тягло (или по 3 десятины на ревизскую душу во всех трех полях), не считая сенокосов, которых приходилось на тягло по 1 десятине. За этот надел крепостные должны были отбывать трехдневную барщину, регулируемую урочным положением (тяглу вспахать в день 1 десятину, обороновать 2 десятины и пр.); в число барщинных работ входила также подводная повинность по перевозке господского хлеба. Барская пашня засевалась зерновыми культурами: озимою рожью, яровыми хлебами — овсом, ячменем, гречей, пшеницей, просом; небольшая площадь отводилась под коноплю и лен. Основной доход Полибовки выручался от рыночной продажи хлеба, который доставлялся на пристани по реке Морше и на ближайшие винокуренные заводы. При экономии было заведено овцеводство: существовал овчарный двор (более тысячи овец), ежегодно дававший несколько сот рублей за продававшуюся шерсть. Кроме покупки «гишпанских овец», обжига кирпича и некоторого улучшения мертвого инвентаря (приобретения сеялки, молотилки, веялки и «круподральной машины») мы не найдем в полибинской экономии никаких отступлений от традиционного примитивного барщинного хозяйства. Извлечение дохода достигалось повышенной эксплоатацией крепостной рабочей силы. Особенно тяжелой была подводная повинность, обеспечивавшая сбыт господских продуктов: каждый крестьянин отвозил ежегодно по 4 обоза на Моршу (за 160 верст от имения), по 2 обоза в Пензу за 80 верст и делал по одному или по два конца с мелочными товарами на местные базары за 30—40 верст. Эти многочисленные и далекие поездки сильно истощали крестьянский скот, тем более, что обозы часто отправлялись с другими хозяевами, мало заботившимися об уходе за чужой лошадью. Положение крестьян села Полибовки было ниже среднего уровня: они имели мало скота, часто им нехватало хлеба не только на продовольствие, но и на обсеменение полей; экономия ссужала их зерном и деньгами, и значительная часть крестьян не выходила из состояния хронической задолженности; кроме барщинных дней задолжавшие должны были нести на себе бремя изнурительных отработков. Несмотря на попечительные тенденции Киселева, больные крестьяне оставались без всякого лечения, а калеки и одинокие были предоставлены собственной участи. Тяжелее всего складывался быт крепостных в деревне Владимировке: многие крестьяне жили в грязных и ветхих избах, с «невыносимо тяжелым запахом», страдая от нужды и болезней. Управляющий имением штабс-капитан Козицын пользовался полным доверием Киселева; впоследствии оказалось, что он 17 лет притеснял крестьян и держал их в состоянии панического страха. Уже в 40-х годах обнаружились

[1] По данным отчета за 1836 год (ЦАНХ, ф. Киселева, № 83).

признаки хозяйственного неблагополучия: население стало уменьшаться в результате побегов и слабой рождаемости, количество тягол сократилось и доходы владельца начали катастрофически падать.

Киселев не мог не заметить этих тревожных явлений и постарался устранить их паллиативными мерами: на время прекратил отбывание подводной повинности и предписал не отягощать крестьян взысканием долгов; кроме того, он разрешил ослабить напряжение барщины и несколько увеличил крестьянские наделы. В то же время Киселев настаивал на увеличении тягол путем поощрения браков, требовал сократить количество дворовых и обращал внимание управляющего на участившиеся побеги. В начале 40-х годов стали отпускаться экономические средства на покупку лекарств и содержание фельдшера. Однако все эти частичные распоряжения не привели к желаемой цели. «Деспотические и варварские» приемы управления Козицына [1] вызвали внезапную катастрофу, которая оказалась неожиданной и крайне тягостной для помещика: в октябре 1851 года в пензенском имении Киселева вспыхнули крестьянские волнения, которые закончились судебною расправою с «зачинщиками» и отрешением от должности управляющего Козицына.

Инициатором движения выступил конторщик полибовской вотчины, молодой местный крестьянин Федор Максимов. Судя по официальным данным, Максимов вместе с другими молодыми крестьянами деревни Владимировки явился в село Полибовку, созвал мирскую сходку и объявил, что владелец имения гр. Киселев уже три раза присылал предписание управляющему отпустить крестьян на оброк и отдал им господскую землю, но управляющий скрывает у себя барский приказ, не желая приводить его в исполнение. Возмутившиеся крестьяне и дворовые тут же сменили старост, заместили выборные должности руководителями движения; толпою подошли к господскому двору и потребовали от Козицына выдачи им скрытого предписания Киселева. Козицын попытался бежать в Чембары, но крестьяне вернули его, отобрали у него конторские печать и документы и приставили к нему караул. Возмутившиеся тут же принесли клятву действовать заодно и составили приговор о посылке выборных ходоков к Киселеву. Козицын под угрозой смерти должен был оформить этот акт, а попытка приехавшего исправника арестовать нового старосту Изюмникова вызвала резкое столкновение крестьян с полицией.

В результате разразившихся волнений 7 крестьян в возрасте от 19 до 27 лет были отданы под суд; Максимов за распространение ложных слухов и возмущение крестьян был приговорен к наказанию плетьми и ссылке в Сибирь на поселение, его соучастники — к наказанию розгами и отдаче в арестантские роты; двое крестьян были сданы вне очереди в рекруты. Но, с другой стороны, и Киселев должен был назначить ре-

[1] Выражение, употребленное в донесении титулярного советника Петрова, отправленного Киселевым обревизовать имение в 1853 году.

визию прежнего управления. Убедившись в воровстве и жестокости Козицына, он передал дела новому управляющему.

Когда выяснились массовое обеднение и бытовое расстройство пензенских крестьян, Киселев поступил, как расчетливый хозяин: он уменьшил размеры барщины и выделил сумму в 3 тысячи рублей на восстановление крестьянского хозяйства, в частности, на покупку скота, устройство больницы и аптеки, постройку богадельни и пр. Было обращено особое внимание на правильный созыв мирского схода и регулярную деятельность вотчинного суда. Барщина была сохранена в качестве временного института — вплоть до восстановления экономического и крестьянского хозяйства; в дальнейшем крестьянские семейства могли переводиться на оброк, однако при условии, если они имели достаточное количество скота и орудий. Господская пашня должна была остаться, но обрабатываться частью за денежную плату, частью путем крестьянских отработков за пользование дополнительным наделом. Каждое отступление от новых инструкций и урочного положения должно было поступать на личное утверждение самого владельца. Таким образом, ценою открытого возмущения и суровой кары, обрушившейся на руководителей, полибовские крестьяне добились улучшения своей горькой участи. И здесь, в практике управления барщинным имением, мы находим типичные черты, свойственные крепостнической эпохе. Так же, как на западной Украине и в ярославской вотчине, Киселев действовал, как феодальный помещик, прежде всего заботившийся об увеличении доходов и предпочитавший итти привычною и проторенною колеею. Но он исходил при этом из разумного учета своих помещичьих интересов, и если эксплоатация крепостной рабочей силы подрывала источники феодальной ренты, он готов был пойти на временные «пожертвования», чтобы вернуться к обычным условиям крепостного хозяйства [1].

Занимая крупные государственные должности и находясь вдалеке от своих имений — то на турецком фронте, то в Придунайских княжествах, то в Петербурге,— Киселев не мог непосредственно и систематически руководить сельскохозяйственными операциями. В общем, он равнодушно относился к вопросам агрономической техники и во имя получения обеспеченного дохода предпочитал держаться испытанных консервативных методов ведения хозяйства. Больше того, оставаясь помещиком-землевладельцем, Киселев не придавал решающего значения своим доходам с недвижимого имущества: свободные денежные средства он старался перевести в банковые билеты, отдавая предпочтение спокойному получению капиталистической ренты в условиях развивающегося буржуазного хозяйства. Многолетняя денежная аренда, крупные награды за управление Молдавией и Валахией, «анонимный» дар жены и отчасти доходы от имений помогли Киселеву накопить значительное денежное состояние; после его смерти наследники получили 612 тысяч

[1] ЦАНХ, ф. Киселева, №№ 83, 95, 96, 103.

рублей серебром в ценных бумагах Государственного банка (не считая 100 тысяч рублей, переведенных при жизни Киселева на имя его румынских друзей) [1]. Во всяком случае, Киселев не принадлежал к типу предпринимателей-новаторов, которых выдвинула помещичья среда в этот период ломки отжившей экономической формации.

Тем не менее, многолетнее управление родовыми и благоприобретенными вотчинами не могло не оказать влияния на выработку социально-политических взглядов Киселева. Именно этот фактор должен был сильно укрепить дворянское самочувствие и самосознание Киселева: постоянное и планомерное преследование помещичьих интересов наполняло реальным практическим содержанием его сословные принципиальные построения; под непосредственным давлением помещичьего хозяйства у него накоплялись живые наблюдения над русской деревней; он приучался рассматривать и оценивать боевые вопросы общественной жизни сквозь призму сельскохозяйственных впечатлений крепостной эпохи.

В 1835 году, когда Киселев превратился в «начальника штаба по крестьянской части», он был достаточно вооружен не только запасом жизненных наблюдений, но и сложившимися оценками в сфере сельскохозяйственной действительности. В случае необходимости он мог выступить достаточно самостоятельно и уверенно, как дворянин-помещик, воспитанный в обстановке императорской крепостнической России.

Но Киселев развивался и действовал в особый исторический период: на Западе только что прогремела французская буржуазная революция, все европейские страны переживали переход к капиталистическому строю, в России уже явственно обозначались признаки глубокого социально-экономического перелома. Киселев вышел из того поколения, которое в детстве слышало разговоры о тирании Павла и либеральных планах его преемника, в юности пережило тильзитское унижение и возвышение Сперанского, в начале самостоятельной жизни было охвачено патриотическим подъемом 1812 года и боролось с владычеством Наполеона. Киселев был достаточно умен, чтобы осознать всемогущую, непобедимую власть «духа времени» и достаточно образован, чтобы подвести под это сознание определенную идеологическую базу. Правда, его домашнее образование не было систематическим и глубоким, но он восполнил пробелы своих знаний самостоятельным чтением европейской литературы, разносторонним общением с людьми и постоянными размышлениями над фактами жизни. 18-летним юношей Киселев поступил корнетом в Кавалергардский полк, проделал с ним заграничную кампанию 1807 года и после заключения Тильзитского мира оказался в Петербурге, в атмосфере нарастающего оппозиционно-дворянского движения. Дворянство не могло простить Александру I ни поражения под Фридляндом, ни договора в Тильзите. Континентальная блокада нано-

[1] ЦАНХ, ф. Киселева, №№ 1, 115; РОЛБ, ф. Киселевых (II), № 10 (8/1—3).

сила огромный ущерб не только помещичьему х[illegible], но и всей э[illegible]
номической жизни России. Зависимость от Франции воспринималась ка
национальное унижение и позор. Либеральные планы Александра I ост[illegible]
вались неосуществленными. Внешняя и внутренняя политика подверг[illegible]
лась публичной критике. Кавалергардский по[illegible] аристократический п[illegible]
гаву своего офицерства, был одним из важнейших аккумулятор[illegible]
ословно-дворянской фронды. Товарищами и друзьями юного Киселе[illegible]
были не только будущие сановники Николая I — Закревский, Меншиков, Левашев, но и будущие крупные декабристы — Михаил Орлов, [illegible]пухин и Волконский. Наряду с проявлениями молодечества и бретт[illegible]ства, передовых кавалергардов интересовали вопросы политическ[illegible] жизни. В записках декабриста Волконского рассказывается о дерзких демонстрациях против французского посланника Коленкура, которые чувства национального протеста устраивали в Петербурге молодые к[illegible]валергарды [1]. Личный архив Киселева сохранил нам другое, более серьезное выражение сильной дворянской оппозиции. В числе черновых [illegible]писок и проектов Киселева есть документ, составленный на французск[illegible] языке и датированный 25 августа 1808 года. Это — «Проект представления» Александру I, заключающий в себе резкую критику внешней и внутренней политики правительства. Мы не имеем доказательства, что проект был составлен 20-летним корнетом Киселевым, но Киселев не только читал его, но и хранил в течение своей жизни вместе с другими, особенно ценными для него документами. Очевидно, Киселев не только интересовался в это время политическими вопросами, но и разделял — в той или иной мере — высказывания автора этого рукописного сочинения. Очень возможно, что «Проект представления» вышел из-под пера Михаила Орлова: некоторые утверждения, заключающиеся в проекте 1808 года, поразительно совпадают с позднейшим уставом «Ордена русских рыцарей», основанного М. Орловым и М. А. Дмитриевым-Мамоновым.

Автор проекта выступает как убежденный сторонник монархии и дворянских привилегий: он обращается к императору, как дворянин-патриот, страдающий от бедствий своего отечества и исполненный веры в благородные свойства Александра I. Он заклинает царя «предупредить страшную и неизбежную катастрофу, грозящую отечеству в лице как его вождя, так и последнего из его подданных». С восхищением автор вспоминает первое время царствования Александра, когда «блестящая будущность открывалась взорам всей нации», и самыми черными красками рисует политическое положение, в котором оказалась Россия к 1808 году. Постыдный мир, который возложил на Россию его Наполеона, нерешительные и несогласованные полумеры во вну-

[1] Записки С. Г. Волконского. СПб. 1902, стр. 61—62

треннем управлении, полный разброд в рядах министров [1], засилие бюрократической касты, составленной из иностранцев и «людей самых подлых классов», невежественные и корыстолюбивые губернаторы, расстроенные и неразумно растрачиваемые финансы, армия и флот, не имеющие признанных вождей и необходимого оснащения, волнения крестьян и рабочих, дороговизна и голод, всеобщий дух недовольства, отчаяния и возмущения, наконец, потеря внешних союзников и неустраненная опасность французского нападения — такова «страшная, но верная картина критического положения», в которую ввергли Россию «самонадеянность, невежество, интриги и всеобщая безнравственность». От Александра I требуется героическое усилие: вдохновляясь примером своих великих предков, он должен прогнать эту «стаю иноземцев, которые, как вороны в годину скорби, питаются язвами государства и собираются вместе, чтобы клевать наши трупы», должен отбросить прочь «развращающую систему равенства», опереться на «истинные столпы империи», т. е. на русское дворянство, и образовать объединенное и сплоченное правительство. Тогда исчезнет «беспримерный разлад между общественным мнением и мнением правительства» и утвердится счастливая гармония между народом и его монархом [2].

Проект 1808 года носит на себе печать крайне незрелой политической мысли. Автор этого сочинения не искушен в социальных и политических теориях; без всякого разбора и системы он соединяет хозяйственные и политические факты, возбуждающие недовольство в рядах дворянства; но он не может установить главных причин этого недовольства, бессилен в анализе создавшейся обстановки и не имеет ясной программы государственных преобразований. В конце концов, бедствия отечества объясняются у него происками «злополучных интриганов», а источник возрождения и подъема оказывается в личном характере Александра. Но в этой острой критике действующего порядка, в этом «смутном желании благодетельной перемены», о котором говорит автор, проскальзывают определенные и ясно выраженные особенности: безграничная вера в призвание монарха, сословная дворянско-аристократическая трактовка вопроса о власти, негодование против Тильзитского мира и ненависть к иностранцам в роли влиятельных бюрократов. Проект выражает мнения фрондирующей части российского дворянства — достаточно расплывчатые, хотя и агрессивные, которые пользовались широким распространением в столицах в послетильзитский период. По существу эта фронда нисколько не посягала на основные устои социально-политического порядка; более того, в ее ламентациях против бюрократизма и «равенства» обнаруживались яв-

[1] Рядом с людьми широкого кругозора и либеральных принципов — «олицетворения глупости, неспособности, неопытности, стяжательства, честолюбия, безнравственности, духа придворного зубоскальства, духа сектантской нетерпимости». ЦАНХ, ф. Киселева, № 7.

[2] ЦАНХ, ф. Киселева, № 7.

ные черты феодальной реакции; «дух времени», влияние буржуазных тенденций сказывались только в настойчивом подчеркивании идеи общего блага, в стремлении укрепить государственную власть на базе общественного мнения и в неясной мысли о необходимости единого цельного правительства. Перед нами — памятник начавшегося брожения политической мысли, горячей реакции на возмущающие явления, но слабого знакомства с наукою о государстве. Впоследствии многие мнения рассматриваемого проекта повторятся в противоречивом уставе «Ордена русских рыцарей» [1] и в позднейших проектах самого Киселева, но повторятся в ином, более точном и обоснованном толковании. Документ 1808 года помогает установить, что уже в этот послетильзитский период Киселев начал интересоваться политическими вопросами, горячо реагировал на окружающую действительность и многое критиковал в правительственной политике.

Отечественная война 1812 года и заграничный поход должны были усилить и углубить политические интересы Киселева. Вместе с Кавалергардским полком он проделал славную кампанию 1812 года, как все его сверстники был охвачен патриотическим подъемом, участвовал во множестве сражений, на Бородинском поле отважно защищал батарею Раевского. Преследуя по пятам отступающего Наполеона, Киселев дошел до ворот Парижа и в качестве флигель-адъютанта Александра I сопровождал его на заседания Венского конгресса. В обстановке полкового товарищества он должен был обмениваться со своими друзьями и впечатлениями боевых выступлений, и наблюдениями над западноевропейской жизнью. Дружеские письма декабриста Волконского, которые он посылал Киселеву из Парижа, показывают интересы и настроения передового кавалергардского кружка. Волконский подробно извещал Киселева о политических группировках среди парижского общества, иронизировал над французской аристократией, выражал презрение к «выродившейся династии» Бурбонов и после возвращения Бонапарта, приветствовал его новый политический курс, как «вторичное пробуждение народов». По словам Волконского, первым пробуждением Европы была французская революция 1789 года, когда «истинная философия быстро утвердила свою доктрину во всех государствах». Последующие события — ужасы террора, анархия Директории, жестокая тирания Наполеона снова собрали народы вокруг королевского трона. «Народам казалось, что они борются за свои интересы, но увы! это была борьба за интересы нескольких семейств». Конституция, возвещенная вернувшимся Наполеоном, открывает перед Францией новую эру и делает для нее предстоящую войну войной национальной и священной. Из контекста и настроения писем становится оче-

[1] Таковы идеи аристократического устройства государства, изгнания иностранцев, устранения бюрократии (А. Бороздин, Из писем и показаний декабристов, 1906).

видным, что Волконский адресуется к Киселеву как к заинтересованному и сочувствующему собеседнику, что вопросы о событиях и теориях послереволюционного периода не впервые поднимаются в дружеских разговорах [1].

У нас имеется и другое свидетельство о политических интересах Киселева в эту бурную воинственную эпоху. В своих путевых записках о пребывании во Франкфурте он рассказывает о продолжительном свидании с товарищем по полку Старынкевичем. Однополчанин принес с собой только что изданную брошюру профессора Шмальца о возникновении и деятельности германского Тугендбунда. Брошюра была прочитана вслух и дополнена «любопытными» комментариями Старынкевича. Повидимому, сообщенные сведения произвели на Киселева сильное впечатление — он подробно изложил их в своих записках, рассказал о патриотической борьбе немцев против Наполеона, об инициативе Штейна, о целях Тугендбунда и об его усилиях, направленных к освобождению Германии. Изложение заканчивается характеристикой нового этапа в деятельности Тугендбунда, когда руководители тайного общества «провозгласили необходимой для всеобщего блага разработку новых законов, которые, будучи более либеральными и отвечающими уровню просвещения нашего времени, обеспечивали бы навсегда священные права граждан и ставили бы границы деспотической власти государей». Изложение выдержано в беспристрастном и объективном тоне, но сквозь спокойную ткань повествования заметно проскальзывают, с одной стороны, сочувствие Киселева национально-освободительному движению Германии, с другой стороны, его сомнение в правомерности и полезности тайных обществ. Руководимые «склонностью к таинственному», которая со времени религиозных споров стала отличительной чертой немецкого характера, организаторы общества после освобождения Германии не захотели «примириться с безвестностью» и решили «продолжать быть особой державой в составе государства» [2]. Таким образом, период борьбы с Наполеоном не только обогатил Киселева яркими впечатлениями и политическими знаниями: он усилил в нем самостоятельную работу политической мысли, попытки осмыслить и оценить восприн[illegible] явления.

Возвращение на родину повлекло за собою новые, на этот раз тяжелые впечатления для Киселева. Так же, как будущие декабристы, он не мог не почувствовать глубокого контраста между передовыми государствами Западной Европы и отсталою крепостническою Россией. В качестве флигель-адъютанта он получил, одно за другим, ответственные поручения — объехать Бессарабию, затем южную Украину и Крым, наконец, специально войска 2-й армии, в частности, для раскрытия [illegible]стративных злоупотреблений. Перед молодым Киселевым

[1] ИРЛИ [illegible] 29.6.90 [illegible]–10.
[2] ИМИХ [illegible] 1.

...лась неприглядная картина систематических насилий и хище-..., которые составляли характерную черту крепостнического управления. Собственноручные записи бессарабского дневника знакомят нас переживаниями Киселева во время этой южной поездки. Киселева поразила резкая противоположность между природными богатствами Бессарабии и страшною бедностью ее населения; «с удивлением и ужасом» он встретил на посту саранского исправника известного грабителя, уличенного в делании фальшивых ассигнаций; везде и всюду он слышал рассказы о «непостижимых и невероятных» притеснениях; все чиновники, начиная с бессарабского губернатора, занимались грабежом и вымогательствами у местных жителей.

«Жалобы всех, слезы разоренных и страх зажиточных час от часу утверждали меня более в бедственном их положении»,— записывал Киселев в своей путевой тетради. «Я с удивлением вчера узнал, что в молдаванских деревнях на 10 домов полагать более нельзя одного плуга, коим вместе обрабатывают землю... вся Бессарабия отдается на откуп за самую малую цену... грабежи и разорение установлены правилом»... [1].

Не лучшая картина развернулась перед ним в Новороссии: вся администрация была на службе у винных откупщиков; не только подтвердились данные, полученные в Петербурге, но раскрылись новые страшные злоупотребления. Повсюду Киселев встречал беззакония и самоуправства. С горьким чувством он приходил к заключению в своей докладной записке, что местная система управления «уничтожает промышленность и вообще все выгоды, которые Россия вправе ожидать ... страны столь для нее важной» [2]. Такой же грабительский характер носило хозяйственное управление 2-й армией; ревизия Киселева разоблачила незаконные сделки, заключавшиеся с подрядчиками, массовое казнокрадство и воровство, прикосновенность к хищениям не только главного интенданта, но и самого главнокомандующего Бенигсена [3].

В результате командировок 1815—1817 годов у Киселева накопился громадный запас наблюдений и выводов, которые говорили о вопиющих недостатках действующего порядка. Вместе с передовыми представителями своего поколения он возмущался этими явлениями и искренно стремился к их устранению. Но он так же искренно верил ... политическое призвание монарха и в благородные намерения Александра I. Отсюда — энергичные усилия Киселева довести подлинную правду до подножия трона, откровенно и смело раскрыть глаза самому императору. Киселев берет на себя роль пиллеровского маркиза Позы и в личной беседе с Александром I спешит передать ему о «величайших злоупотреблениях» в Новороссии, о высасывании крови из

---

[1] ИРЛИ, ф. Киселева, № 29.7.123, л. 12

[2] [illegible]

[3] [illegible]

жителей Бессарабии, об отяготительности чрезмерной армии, о всеобщем недовольстве и ропоте. Критикуя последние назначения на должности губернаторов, Киселев выступает в защиту коренного русского дворянства, которое царь предпочитает ничтожным «выходцам канцелярским» [1]. Эти ламентации Киселева в почтительной форме верноподданного отчета повторяли горячие, хотя и сбивчивые мысли «Проекта представления» 1808 года. Но искушенный пережитыми впечатлениями, Киселев был уже иным, чем в годы после Тильзита. Борьба с Наполеоном, пребывание в Западной Европе, размышления над русской отсталостью способствовали развитию его политической мысли. Вместе с лучшими представителями своего поколения он чувствовал потребность в теоретическом изучении государственных вопросов. От дружеских разговоров в товарищеском кругу Киселев перешел к самостоятельному чтению политической литературы.

Уже в период своей бессарабской поездки в 1815 году Киселев с интересом отдавался изучению труда Ансильона, немецкого историка и теоретика права — «Картина переворотов в политической системе Европы начиная с XV века» [2]. В своих путевых записках Киселев тогда же отметил, что Ансильон «по мере сближения с историей наших времен становится занимательнее». В дальнейшем круг чтения и научно-образовательных запросов Киселева все более расширялся. В тульчинский период своей жизни в 1819 году он писал своему приятелю Закревскому: «Я устроил себе комнату, из которой почти не выхожу, с бумагами провожу часов десять, остальное время с книгами» [3]. Сохранившиеся каталоги тульчинской библиотеки Киселева помогают нам понять преобладающее направление его умственных интересов. Наряду с философскими творениями Платона и Локка, естественно-научными энциклопедиями и монографиями, художественными произведениями Рабле, Вальтера Скотта и Байрона, мы находим здесь большое количество книг, посвященных истории и политике. Особое и почетное место занимают здесь античные авторы, начиная с Геродота и Фукидида, кончая Плутархом и Ювеналом. Но основное ядро библиотеки составляют не они, а французские публицисты XVIII и начала XIX века: Киселев имел у себя не только корифеев просветительной литературы — Вольтера и Монтескье, Руссо и Мабли, но и второстепенных писателей предреволюционной эпохи — Мирабо, Рейналя, Вольнея и представителей позднейшей политической мысли — Шатобриана и Бенжамена Констана. Английская социально-политическая литература была представлена сочинениями Бентама и Адама

---

[1] ЗД, т. I, стр. 27—36.

[2] ИРЛИ, ф. Киселева, № 29.7.123, лл. 1, 4. Заглавия сочинения Ансильона Киселев не приводит, но из цитаты видно, что речь идет именно об этой 4-томной исторической работе Ансильона, а не об его позднейших теоретических трактатах.

[3] СРИО, т. 78, стр. 34

Смита, итальянская — старым трактатом Макиавелли. Исторические книги, которые составляли не менее значительную часть библиотеки, включали в себя английских историков вольтеровской школы — Юма, Гиббона, Фергюсона, известного немецкого историографа Иоганна Мюллера, представителей исторической мысли периода реставрации Гизо и Тьера. Кроме того, в библиотеке Киселева было немало работ, посвященных европейским переворотам, особенно французской революции XVIII века, и имелся специальный раздел — сочинения о России европейских путешественников и публицистов. Нет никакого сомнения, что умственные интересы Киселева развивались в том же основном направлении, в каком проявляла себя политическая мысль всего передового поколения. Тульчинские декабристы не только знали о библиотеке Киселева, но и пользовались ее книжными сокровищами. Киселев внимательно следил за выходящими европейскими новинками и выписывал их непосредственно от книготорговцев Парижа и Берлина. Иногда книжные транспорты, адресованные на его имя, задерживались и конфисковывались на границе; два раза Киселеву приходилось испрашивать высочайшее разрешение на возвращение конфискованных запрещенных книг [1]. Сохранившиеся конспекты исторических сочинений [2] и особенно личные проекты и афоризмы Киселева ясно показывают, что вся эта богатая литература не оставалась внешним украшением библиотечных полок: Киселев, действительно, читал приобретенные сочинения, размышлял над основными социально-политическими проблемами и сумел выработать определенное и самостоятельное мировоззрение.

Ближайшим и наиболее ранним результатом этих занятий была всеподданнейшая записка, представленная 28-летним Киселевым Александру I 27 августа 1816 года. Ее содержание и политическая терминология достаточно ясно указывают на ее основные источники. Записка озаглавлена «О постепенном уничтожении рабства в России» и начинается следующим принципиальным вступлением: «Гражданская свобода есть основание народного благосостояния. Истина сия столь мало подвержена сомнению, что излишним считаю объяснять здесь, сколько желательно было бы распространение в государстве нашем законной независимости на крепостных земледельцев, неправильно лишенных оной. Сие тем более почитаю нужным, что успехи просвещения и политическое сближение наше с Европой, усиливая час от часу более брожение умов, указывает правительству необходимость предупредить те могущие последовать требования, которым отказать будет уже трудно или невозможно; кровью обагренная революция французская в том свидетельствует». Дальше следует целый ряд практических предложе-

[1] ЦАНХ, ф. Киселева, № 129; ИРЛИ, ф. Киселева, № 29.6.83. Письма Бурце Киселеву 25/VI 1820 г. и 14/XII 1822 г.

[2] ЦАНХ, ф. Киселева, № 150

ний, при помощи которых, по мнению Киселева, «правительство постепенно водворит законную свободу, а рабство значительной части народа русского само собою и без потрясения государства уничтожится» [1].

Мы видим, что Киселев начинает свое рассуждение с политических истин, почерпнутых из французской просветительной литературы и не требующих, по мнению автора, никаких доказательств. Эти аксиомы можно развить и формулировать следующим образом: народное благосостояние есть высшая цель государственной жизни; гражданская свобода составляет основу народного благосостояния; сущность гражданской свободы заключается в хозяйственной и правовой независимости, обеспеченной государственными законами. Киселев полагал, что такая независимость должна принадлежать всем земледельцам и что лишение их свободы было «неправильным», другими словами, что гражданская свобода есть неотъемлемое прирожденное право человеческой личности. Киселев говорит в сочувственном тоне об успехах просвещения и политическом сближении с Европой: там, на Западе, гражданская свобода установлена и охраняется законом; чем шире завоевания разума, тем больше отставая Россия приближается к нормальному естественному порядку. Французская революция с ее кровавыми столкновениями и развитием террора не возбуждает восхищения у Киселева, но она служит в его глазах поучительным уроком, так как является результатом государственной непредусмотрительности. Нужно учитывать веления разума, сообразоваться с непобедимым духом времени; правительство должно сохранять в своих руках историческую инициативу, оно обязано во-время отзываться на выявляющиеся потребности государства. Игнорируя естественные веления разума, верховная власть неизбежно утрачивает такую инициативу и идет навстречу опасным и трагическим потрясениям.

Такова рационалистическая концепция Киселева, подсказанная французскими публицистами XVIII века и заключающая в себе основные особенности просветительной идеологии: отрицание действующего порядка с точки зрения человеческого разума, учение о неотчуждаемых правах личности, понятие о законе как гарантии гражданской свободы. Но Киселев, как верный сын своего класса, воспринимал эту теорию не в революционной, а в умеренно-либеральной интерпретации: восстановление попранных прав земледельцев должно быть достигнуто не движением масс, не действием насильственных переворо[illegible] а инициативою верховной власти, благоразумною и своевременною реформою сверху. Таковы первые контуры намечающегося со[illegible]ально-политического мировоззрения Киселева. Только что закончившаяся поездка по южным губерниям оставила у Киселева чувства [illegible]ования и внутреннего протеста; он увидел не только на[illegible]

хищения администрации, перед ним раскрылась отвратительная картина крепостнического произвола, и он реагировал на нее новым представлением к подножию трона; откровенные диалоги с Александром I в духе маркиза Позы были дополнены политическим проектом, облеченным в оправу просветительной философии.

Записка Киселева имела такие же практические результаты, какие имели аналогичные многочисленные представления Александру I. Вероятно, воспитанник Лагарпа поблагодарил своего ревностного и порывистого флигель-адъютанта, согласился с его передовыми политическими аксиомами и присоединил плоды его бескорыстного творчества к накопившейся груде прекрасных, но неосуществленных проектов.

Однако подобная неудача не могла обескуражить молодого Киселева. Его политическое развитие продолжалось в намеченном направлении и отлилось в законченные формы в 1819—1825 годы, в период тульчинского сидения за книгами и непосредственного общения с декабристами. Состоя начальником штаба 2-й армии, Киселев имел у себя в качестве ближайших помощников целый ряд членов Южного общества. Он ценил способности, знания и волю Пестеля, защищал его перед петербургскими властями и помогал ему продвигаться вперед по службе. Позднее между Киселевым и Пестелем поддерживалась оживленная переписка, которая говорит о наличии несомненной близости[1]. Расположением и поддержкой Киселева пользовались декабристы И. Г. Бурцев и Н. В. Басаргин. С Михаилом Орловым у Киселева была старая и крепкая дружба, которая не прекращалась после 14 декабря 1825 года. В тульчинский период они писали друг другу длинные письма, которые принимали иногда характер политического спора. В этом обмене мнений участвовал и бывший партизан Денис Давыдов. В завязавшейся переписке отражаются широкие интересы, увлекавшие в это время передовое русское офицерство: все трое рассказывали о прочитанных книгах, обменивались рукописными сочинениями, делились впечатлениями своей деятельности, поверяли друг другу свои сокровенные мысли и чаяния. Нет никакого сомнения, что, несмотря на серьезные политические разногласия, Киселев и передовые представители дворянского поколения объединял [illegible] искреннем осуждении действующего порядка. «Люди прошедшего столетия не поймут меня,— писал Денис Давыдов Киселеву в августе 1819 года,— ибо их мысли и чувства падали к стопам Екатерины, Зубова и Грибовского! Слова о т е ч е с т в о, о б щ е с т в е н н а я п о л ь з а, ж е р т в а, ч е с т о л ю б и я и ж и з н и для них известны были только в отношении власти, от которой они ждали власть, кусок эм[illegible]

[1] Кроме опубликованных писем Пестеля к Киселеву («Памяти декабристов», Академия Наук, вып. III, Л., 1926, стр. 150—301), характерны ответные письма К[illegible] Пестелю (ИРДИ, ф. Киселева, № 29 б 138

или несколько тысяч белых негров...» [1]. Что касается Киселева, то он понимал эту благородную и бескорыстную настроенность Дениса Давыдова; он сам, несмотря на сильно развитое честолюбие, руководился искренней любовью к отечеству и ясно сознанной идеей общего блага. Свою деятельность в качестве руководителя южной армии он рассматривал не только в свете личной карьеры, но и с точки зрения государственной и народной пользы. Опубликованная переписка с Закревским хорошо показывает нам прогрессивную сторону мировоззрения Киселева: он выступает здесь решительно и безоговорочно врагом Аракчеева; его не увлекает фронтомания Александра I и он, скрепя сердце, осмеливаясь возражать и спорить, заставляет себя заниматься пресловутым учебным шагом; ему чужды реакционно-мистические настроения, которые охватывали широкие слои дворянского общества. Киселев тульчинского периода — не только ненавистник рабства, но и сознательный противник бездушной палочной дисциплины, которую насаждали в армии послушные клевреты Аракчеева. Киселев любит и жалеет русского солдата, в его программу входит реформирование армии, распространение в ней духа гуманности и просвещения; он хочет — по крайней мере, в начале, до 1820 года — смягчить жестокие телесные наказания и создать кадры образованных и энергичных командиров. Судя по переписке, увлечение Орлова и Давыдова ланкастерским методом обучения находило в Киселеве сочувствующего и чуткого сторонника. В составе его личного архива сохранилась собственноручная записка «Телесные наказания», датированная августом 1820 года. Он выступает в ней убежденным противником аракчеевской системы и находит достаточно резкие слова для ее осуждения: «В полку от ефрейтора до командира все бьют и убивают людей и как сказал некто в русской службе: убийца тот, кто сразу умертвит, но кто в два, в три года забил человека, тот не в ответе. Убыль людей бежавшими и умершими, безнравственность, отклонение от службы и страх оной происходят часто от самовластных наказаний» [2]. Попытки Киселева, в качестве начальника штаба, если не уничтожить, то ограничить произвол и беззакония вызвали горячее сочувствие со стороны Дениса Давыдова: «Дай бог тебе исполнить все, что ты предпринимаешь, ибо рвение твое имеет целью общую пользу... Продолжай, брат, дави могучей стопою пресмыкающих!» [3]. В том же духе высказывался и Михаил Орлов: «Я тебя уверяю, что в обширном круге твоего нынешнего действия ты мало найдешь людей, кои бы тебя понимали как я... Мне многие уже сказывали, что ты взялся за дело твердою и справедливою рукою. Тебе честь и слава» [4].

---

[1] ИРЛИ, ф. Киселева, № 29.6.92. Письмо Давыдова 7 августа 1819 г.
[2] ЦАНХ, ф. Киселева, № 160. лл. 3—4
[3] ИРЛИ, ф. Киселева, № 29.6.92. Письмо Давыдова 7 августа 1819 г.
[4] ИРЛИ, ф. Киселева, № 20 (29.6.99). Письмо 23 июля 1819 г.

Киселева сближало с декабристами не только отвращение к крепостническому произволу и в деревне, и в армии. Исходя из принципиальных предпосылок просветительной философии, они сходились общем желании — видеть Россию преобразованною на новых западноевропейских началах. Варшавская речь Александра I, произнесенная в 1818 году, воодушевила Киселева такими же светлыми и бодрыми надеждами, как и членов Союза Благоденствия: в переписке с Закревским он называл эту речь «чудесною». Так же, как декабристы, Киселев был восхищен и приподнят, узнав о национальном восстании греков. В марте 1821 года он писал Закревскому: «Нельзя вообразить себе, до какой степени они очарованы надеждою спасения и вольности. Что за время, в котором мы живем, любезный Закревский? Какие чудеса творятся и какие твориться еще будут? Ипсиланти, перейдя за границу, перенес уже имя свое в потомство. Греки, читая его прокламацию, навзрыд плачут и с восторгом под знамена его стремятся. Помоги ему бог в святом деле; желал бы прибавить: и Россия» [1]. Брожение политических идей, которое имело место среди офицеров 2-й армии, было известно Киселеву и не вызывало с его стороны никаких репрессий. По свидетельству Басаргина и Якушкина, Киселев сам принимал участие в политических беседах декабристов, частично был знаком с «Русскою Правдою» Пестеля и соглашался со многими высказываниями своих молодых подчиненных [2]. И тем не менее, между Киселевым и декабристами пролегала определенная резкая грань, которая политически противопоставляла их друг другу.

Буржуазный «дух времени», воплощенный в работах французских публицистов и в революционных стремлениях Орлова и Пестеля, не мог уничтожить феодальной основы мировоззрения Киселева. Передовые идеи XVIII—XIX века ложились на прочную ткань его сословно-авторитарных взглядов, окрашивали ее в яркие тона просветительной философии, но они не разрывали ее внутренних традиционных нитей. Декабристы поставили своей целью насильственно низвергнуть существующую самодержавно-крепостническую систему, Киселев оставался решительным противником всяких насильственных переворотов. Декабристы мечтали установить народовластие в форме открытой или замаскированной республики, Киселев оставался сторонником абсолютизма, но абсолютизма просвещенного и введенного в законные рамки. Декабристы стремились ввести в России гражданское равенство, уничтожить сословные перегородки и дворянские привилегии, Киселев выступал защитником сословного строя и старался увековечить и укрепить преобладание дворянства. Тульчинская переписка с Орловым и Давыдовым, вероятно так же, как споры с Пестелем, были моментом политического размежевания Киселева с декабристами. Киселеву так же,

[1] СРИО, т. 78, стр. 63—64, 70. Ср. письмо Ермолова Киселеву, о. с., стр. 243.

[2] Записки декабриста И. В. Басаргина, П., 1917, стр. 10—11. Записки И. Д. Якушкина, М., 1925, стр. 45—46.

как Денису Давыдову, были известны революционные проекты «Ордена русских рыцарей», и они одинаково сходились в своем скептическом и отрицательном отношении к мечтаниям «Михаила-Идеолога». Но Киселев шел значительно дальше Давыдова в своем примирении и приспособлении к существующему порядку. Сопоставление взглядов этих трех представителей передового офицерства помогает нам понять характерные особенности политической позиции Киселева.

Программа «Ордена», составленная Орловым и Мамоновым, предусматривала уничтожение самодержавия и крепостного права, законодательную власть Народного веча и применение революционных методов, не исключая тираноубийства. Денис Давыдов считал эти проекты утопическими и бесплодными. «Мне жалок Орлов с его заблуждением, вредным ему и бесполезным обществу,— писал Давыдов Киселеву,— как он ни дюж, а ни ему, ни бешеному Мамонову не столкнуть самовластия с России. Этот домовой долго еще будет давить ее тем свободнее, что, расслабясь ночною грезою, она сама не хочет шевелиться, а только привстать разом. Но мне он не внимает...». Однако Давыдов не был поклонником абсолютизма. В привычном военном стиле лихой партизан и романтический поэт рисовал себе такие перспективы возможного будущего: «Я представляю себе свободное правление, как крепость у моря, которую нельзя взять блокадою, приступом — много стоит, смотри Францию. Но рано или поздно поведем осаду и возьмем ее осадою, не без урона рабочих в сапах, особенно у гласиса, где взрывы унесут не малое их число, зато места взрывов будут служить ложементами и осада все будет подвигаться, пока, наконец, войдем в крепость и раздробим монумент Аракчеева... Но Орлов об осаде и знать не хочет; он идет к крепости по чистому месту, думая, что за ним вся Россия двигается, а выходит, что он да бешеный Мамонов, как Ахилл и Патрокл (которые вдвоем хотели взять Трою), предприняли приступ». Денис Давыдов тоже мечтает о перевороте, но он видит кругом бесправие и покорность, не верит в силы революционного авангарда и отодвигает выполнение задачи в далекое и неопределенное будущее.

Совершенно иначе критикует воззрения Орлова Киселев в одном из сохранившихся черновых писем[1]. Он не отрицает, что исходные предпосылки взглядов — его и Орлова — одинаковы: «Цель моя благонамеренная и потому одинакая с твоею»... «каждому определено, каждому предназначено увеличивать блаженство общества». Но с точки зрения Киселева эта руководящая и вдохновляющая задача достигается не революционными вспышками, не самовластным вторжением управления в сферу государственной жизни, а планомерною деятельностью самой правительственной власти. «Скажи,— спрашивает он Орлова — если б все те, коими управляют, захотели в свой черед быть правителями; те, которые обязаны слушать, заговорили и звукоприят

ными выражениями предложили новые системы правления, новое законодательство, новое для государства бытие... неужели бы разумно позволило бы терпеть и соглашаться на все введения, на все безуствия, которые появились бы из толпы народной? Тут, несомненно, нашлись бы благонамеренные, и представилось бы много желательных улучшений; но вместе с ними появились бы и люди 1793 года, и предложения развратные; и порядок заменился бы пагубной [illegible] и блистательные для некоторых минуты обратились бы в печальные для них и для народа последствия». В этих строках — основное существо политической философии Киселева. Так же как Давыдов, он исходил из отрицательной оценки Французской революции, но его позиция — иная и глубоко консервативная. Государство, в представлении Киселева, воплощается в органах правительственной власти, которые служат идее общественного блага в прочно очерченных границах своей компетенции. Не отдельные граждане и не народная толпа, а верховная власть призвана осуществлять государственные задачи, используя для этого исполнительный аппарат чиновников. Государство в представлении Киселева подобно сложному механизму, в котором каждый рычаг, каждое небольшое колесико имеют определенное и неизменное назначение. Нарушение действия составных частей грозит расстройством всего политического механизма, твердый и гармоничный порядок может смениться анархией и сделаться источником гибели государства. Отсюда Киселев делал определенные морально-политические выводы. «Я полагаю, что гражданин, любящий истинно отечество свое и желающий прямо быть полезным, должен устремиться по мере круга действия своего к пользе дела, ему вверенного. Пусть каждый так поступает, и более будет счастливых... от министра до будочника, от фельдмаршала до капрала, каждый чин, каждое звание — влиянием своим полезен быть может».

В основе этого воззрения лежало глубокое недоверие Киселева к народным массам, его инстинктивный страх перед «людьми 1793 года», его решительное отрицание демократических принципов. Такая позиция была свойственна Киселеву в течение всей его жизни; она нашла себе особенно ясное выражение в одной из записей его дневника 1863 года после чтения биографий историка Светония: «Я окончил жизнь обоих Гракхов и жалею об участи защитников народа, который всегда и везде неблагодарен и неистов»[1]. Киселев согласен, что в развитии человечества бывают поворотные моменты, что государственная жизнь не стоит на месте, но он возлагает все свои надежды на великие личности, которые дают толчок политическому прогрессу: «Каждый век, каждый народ имел несколько знаменитых мужей, коих гений предшествовал времени, раскрывал сокрытые для прочих тайны будущего и был для сограждан своих водителем [illegible]

[1] [illegible]

порою. Но века проходят, все тлеет, а гений их живет посреди нас и научает нас жить. Подражать им есть добродетель; но каждому мнить, что он рожден, чтобы занять место сих блистательных украшений человечества — есть химера вредная, для людей пагубная и заключающая в себе бедствия беспредельные». Из других высказываний Киселева мы знаем, к кому обращалась его политическая мысль, как к гениям человечества: это были просвещенные государи, умевшие понять могущественные потребности времени и руководить государственным кораблем в соответствии с велениями разума; это были Генрих IV, Петр Великий, Иосиф II и Мария Терезия. Киселев считает, что его точка зрения единственно правильная и практически целесообразная. По его мнению, опыт веков и народов показывает бесплодность и вред политических переворотов. «Все твои суждения,— убеждает он Михаила Орлова,— в теории прекраснейшие, в практике неисполнительные. Многие говорили и говорят в твоем смысле; но какая произошла от того кому польза? Во Франции распри заключились тиранством Наполеона, в Англии — приращением власти министерской, в Германии — Марисским инквизиционным трибуналом. Везде идеологи — вводители нового — в цели своей не успели, а лишь дали предлог к большему и новому самовластию правительств». Киселев советует своему другу прекратить «сношения с красноречивыми бунтовщиками», оставить «шайку крикунов» и, отбросив выспренние мечтания, посвятить себя более скромной задаче — пожертвовать собою «в пользу благосостояния безмолвных жертв политического образования государств, в пользу почтенных... мучеников-солдат наших». Он призывает Орлова бороться против «варварского обычая» в армии, изобличать корысть, облегчать «тягостную участь» войсковой массы. Киселев, так же как Орлов, многое осуждает, многое хотел бы изменить и преобразовать в отсталой, страдающей от злоупотреблений России. Но он утешает себя консервативными доводами: «Общее зло менее чувствительно, чем частное. Общее — искореняется веками, обстоятельствами, судьбою, частное — увеличивается или уменьшается облеченными властью» [1]. Так же, как Орлов и как все декабристы, Киселев хочет разумного порядка вещей, он рассуждает и расценивает явления с рационалистической точки зрения. Но он не только не верит в революционное призвание человеческого разума, но и стремится поставить ему охранительные преграды. Киселев хочет «разумной середины», компромисса, осторожного и постепенного приспособления старого порядка к новым потребностям и запросам. «Время и необходимость сообразоваться с его духом есть лучшее средство преобразования общества; ускорять его неблагоразумно; не сознавать его было бы нелепо»,— таково было мнение Киселева, которое он формулировал впоследствии на страницах своего дневника, но которое служило ему руководящею мак-

[1] ИРЛИ, ф. Киселева, № 29.7.91

симою в течение всей его жизни [1]. Ни Орлов, ни Денис Давыдов, представлявшие более радикальные круги дворянского общества, не могли согласиться с подобною точкою зрения.

Киселев недаром увлекался чтением Ансильона. Этот немецкий теоретик начала XIX века соединял в себе преклонение перед теорией Монтескье и согласие с учением исторической школы права; он признавал за человеческой личностью неотчуждаемые права и видел задачу общественного союза в обеспечении требований разума и свободы; но он был решительным противником французской революции, идеи общественного договора и всяких рационалистических конституционных построений. По мнению Ансильона, «общая воля» находит свое воплощение в верховной государственной власти, которая противостоит анархическим и неразумным метаниям народной толпы. Государство развивается в соответствии с постепенным развитием народа, его основа — не выдуманное теоретически «естественное право», а положительное историческое право со всеми его относительными достоинствами и недостатками. Ансильон враждебен деспотии, но он отдает свое предпочтение традиционной монархии, которая ограничена сословным представительством и правит вместе с дворянством, посредником между народом и государем [2]. Учение Ансильона — типичный образец феодальной интерпретации буржуазных теорий XVIII века; оно вполне отвечало самостоятельно сложившимся воззрениям Киселева с его преклонением перед исторической традицией и заимствованием отдельных элементов просветительной философии. Но Киселев занял еще более консервативную позицию, чем немецкий теоретик начала XIX века. Если Ансильон в теории был сторонником представительной монархии, то Киселев никогда не высказывался в пользу конституционного преобразования русского государства. Наоборот, все его суждения говорят об его симпатиях к просвещенному абсолютизму, который законностью своих действий устранил бы возможность политического произвола. В этом отношении Киселев сближался с такими последователями просветительной философии, какими были в XVIII веке М. Н. Муравьев и А. С. Бестужев. В эпоху, последовавшую за французской революцией и наполеоновскими войнами, Киселев привносил идеологию предыдущего столетия; так же, как Сперанский, и еще сильнее, чем Гурьев и Куракин, Киселев заключал в себе противоречивые сталкивавшиеся тенденции. Как умный и впечатлительный сын своего времени, он не мог не ощущать назревающего кризиса феодальных отношений, но он вышел из недр этой старой формации и оставался верен ее важнейшим устоям. Отсюда — неразрешимая двойственность его социально-политической позиции и постоянные колебания в его личных оценках и деятельности. С одной стороны, Киселев увлекается идеями просветительной филосо-

[1] ЗД, III, стр. 308.

[2] Б. Чичерин. История политических учений, ч. IV, М., 1877, стр. 439.

фии, с другой стороны, он заклинает своих родных не отдавать брата в заграничный Иенский университет, этот «буйственный рассадник якобинства и своеволия» [1]. С одной стороны, Киселев выступает против варварских телесных наказаний в армии, с другой стороны, воюет против «фальшивой филантропии» Михаила Орлова. С одной стороны, он покровительствует Пестелю и декабристам, с другой стороны, настаивает на учреждении политической полиции и на лишении Орлова 16-й дивизии [2]. Судя по показаниям Бурцева, Киселев дал ему полную возможность сжечь уличающий список членов тайного общества, и вместе с тем Киселев настойчиво и энергично вел следствие по кишиневскому делу Раевского [3]. После возмущения Семеновского полка и усиления политической реакции заметно усиливаются и охранительные ноты в высказываниях Киселева. В январе 1822 года он пишет Закревскому как дежурному генералу: «...удалите от военной службы всех тех, которые не действуют по смыслу правительства; все они в английском клубе безопасны, в полках чрезмерно вредны; дух времени распространяется повсюду и некое волнение в умах заметно; радикальные способы к исторжению причин вольнодумства зависят не от нас; но дело наше — не дозволять распространяться оному и укрощать сколько можно зло...» [4]. Когда началось следствие по делу декабристов, Киселев оказал самое энергичное и всестороннее содействие генералу Чернышеву, присланному во 2-ю армию; оправдываясь в обвинениях и анонимных доносах по своему адресу, Киселев резко отмежевывался от «тайных котерий» «гнусных заговорщиков». И в то же время он пригласил к себе одного из этих заговорщиков, адъютанта Басаргина, накануне его ареста, и обнимая его на прощание, говорил ему о своем неизменном уважении, что бы с ним ни случилось [5].

Особенно ярко обнаружились внутренние противоречия Киселева в его воззрениях по крестьянскому вопросу. Буржуазно-либеральная традиция связывала с именем Киселева настойчивую и искреннюю борьбу против крепостного права. Действительно, Киселев был убежденным и горячим противником личного рабства. Но это вовсе не значит, что Киселев был таким же сторонником полного и радикального освобождения крестьян. Киселев считал, что дворянству, как первенствующему сословию в государстве, должны принадлежать экономическое могущество и широкие правовые полномочия. Цитированная записка 1816 года — наглядная иллюстрация этого положения. Когда от прин-

---

РОЛБ, ф. Милютиных, № 7833, Воспоминания Д. А. Милютина, кн. 1, стр. 32.

СРИО, т. 78, стр. 25, 49, 53, 56, 70, 86, 90, 93, 96, 104. ИРЛИ, ф. Киселева, № 29.6.135, прилож. 8.

ГАФКЭ, ф. 48, дело 95, лл. 11, 18—18 об., ср. Записки И. Д. Якушкина, М., 1925, стр. 45—46. СРИО, т. 78, стр. 90, 93, 96.

[4] СРИО, т. 78, стр. 86

[5] ИРЛИ, ф. Киселева, № 29.6.135. Прилож. 5, л. 8. Записки Н. В. Басаргина, [illegible] ст.), 12

ципиальных предпосылок Киселев переходит в своем проекте к конкретным предложениям, он требует не только сохранения, но и укрепления дворянских привилегий. Чтобы помочь дворянам «охранять потомство свое от бедности и породу свою от унижения», Киселев предлагает дозволить высшему сословию учреждать майораты с тем, чтобы крестьяне соответствующего имения перечислялись в сословие вольных хлебопашцев на основании закона 1803 года. Таким путем, рассуждает Киселев, уменьшится число мелкопоместных дворян и увеличится количество свободных земледельцев. Наряду с этою мерою Киселев предлагает другие, постепенно и незаметно ослабляющие институт крепостного права: разрешить капиталистам покупать у дворян населенные имения, но с тем, чтобы права и обязанности как крестьян, так и владельцев приобретенных поместий были точно определены законом; воспретить помещикам увеличивать дворовую прислугу и возложить на них уплату податей за дворовых; в случае устройства дворянских фабрик и заводов переводить крепостных рабочих на положение свободных людей; разрешить крестьянам выкупаться на свободу за точно установленную «откупную цену (сколько можно для дворян выгодную)»; перемерить земли и излишнее число крестьян, ненужных для обрабатывания помещичьих имений, выкупать в казну, переводить в вольные хлебопашцы и облагать соответствующим налогом, компенсирующим затраченные средства. «Приуготовительные способы сии к распространению свободы,— заключает Киселев,— основанием имеют сохранение главнейших прав дворянства». Действительно, феодальная эксплоатация крестьян классом помещиков остается нетронутой киселевским проектом 1816 года. Предлагаемые меры открывают пути, с одной стороны, для уменьшения числа крепостных крестьян, с другой стороны, для очищения феодально зависимых отношений от элементов рабовладельческого вещного права. И та, и другая цели достигаются «нечувствительным образом»: Киселев учитывает начавшийся в России процесс капиталистического развития и идет по линии этого процесса; он предоставляет возможность обладателям капитала добровольно сращиваться с классом феодалов-землевладельцев, разбогатевшим крестьянам приобретать себе экономическую и правовую независимость, а феодалам — промышленным предпринимателям — переходить на эксплоатацию наемной рабочей силы; с другой стороны, Киселев — подобно Сперанскому, Канкрину и другим наиболее проницательным руководителям дворянского государства — понимает опасную разлагающую сторону развившегося рабовладельчества; поэтому он стремится к уничтожению института дворовых и к законодательному регулированию феодальных отношений. В случае реализации проекта 1816 года небольшой процент крепостных крестьян перешел бы на положение свободных собственников; некоторое количество крепостных было бы изъято из категории рабов и стало бы к своим феодалам в отношения, строго нормированные законом; но огромная, подавляющая масса земледель-

цев — именно тех, которые обрабатывали помещичьи земли,— осталась бы в прежнем, нисколько не изменившемся положении. Проект Киселева, несмотря на его просветительную оболочку и громкую фразеологию, не подрывая основ существующего порядка. Но он интересен и важен в ходе развития самого Киселева: здесь намечается программа мероприятий, которую с некоторыми изменениями будет развертывать и развивать Киселев в течение всей своей государственной деятельности; именно здесь заложены зачатки его последующих проектов и реформаторских усилий [1].

Записка 1816 года исходила из мысли о политической опасности, связанной с сохранением крепостного права. Это положение определило собою все дальнейшие выступления Киселева по крестьянскому вопросу: кризис феодально-крепостнической системы воплощался для него в образе волнующегося, готового на массовое восстание крестьянства. Под впечатлением уманских волнений 1826 года Киселев подал новую записку, которая указывала «на необходимость тщательного рассмотрения причин, возбуждающих мятежный дух в крестьянах, и на те постановления, которые необходимы к отвращению тех причин» [2]. Позднее, возражая на заседании Государственного совета противникам частичного ослабления крепостного права, Киселев говорил: «Подобная теория ведет прямо к тому, чтобы оставаться в неподвижности и ожидать кровавых событий, могущих вынудить правительство согласиться на то, в чем отказать уже будет не в силах...» [3]. Но откровеннее и отчетливее всего Киселев высказал свои основные мотивы, руководившие им при постановке и разрешении крестьянского вопроса, в личной переписке с графом М. С. Воронцовым. 3 января 1852 года Киселев писал ему из Петербурга: «Очень ошибочно думали о моих воззрениях на счет этого. По тому, что было сделано в княжествах, и еще более по разным запискам, которые я имел случай представлять в качестве члена Комитета, бывшего под председательством кн. Васильчикова, можно достаточно убедиться в том, что никогда не было речи об абсолютном освобождении, а только единственно о регулировании крепостного права, с целью отнять у дурных помещиков возможность злоупотреблять своими правами, случайно введенными в свод наших законов и несогласными с справедливостью. Я могу сказать, что этого и до сих пор желаю из страха, потому что чем более я всматриваюсь, тем более страшусь жакерии, грозящей спокойствию России и существованию дворянства. Предупредить зло было бы, конечно, разумнее, чем дать ему развиться и, сложа руки, ожидать его печальных последствий... У нас, как и повсюду, личные выгоды возбуждают страсти и заставляют молчать разум. Есть минуты, в которые самые ничтожные жертвы могут предупредить великие несчастия. История подтверждает

[1] ЗД, IV, стр. 197—199.

[2] ЗД, II, стр. 206.

[3] ЗД, II, стр. 296.

это неоспоримым образом. Во Франции упрямство аристократии произвело революцию со всеми ее гибельными последствиями. В Англии аристократия своим практическим умом сумела избегнуть смут и удержаться до сих пор при общем смятении. Этот урок, к несчастью, мало действует на наших помещиков, думающих, что они погибнут, если правительство вмешается в вопрос об их неограниченной власти над крестьянами» [1].

Такова исходная сословно-дворянская точка зрения Киселева, которая преобладала в его суждениях по крестьянскому вопросу. Она заключает в себе не только указание могущественных классовых мотивов, возбуждавших реформаторскую инициативу Киселева, но и точное определение границ задуманной им реформы: он не хотел полного уничтожения крепостной зависимости, он хотел правительственного регулирования феодальных отношений, введения их в законные, «нормальные» рамки,— другими словами, Киселев требовал установления полного и строгого соответствия между основными началами феодальной формации и сословным положением эксплоататора и эксплоатируемого. Все проекты, представленные Киселевым в течение 40 лет его политической деятельности, подтверждают и конкретизируют эту самооценку, данную в письме к Воронцову в 1852 году.

Уже в записке 1826 года Киселев выдвинул на первый план введение инвентарей как лучшее средство урегулирования взаимоотношений между помещиками и крестьянами Правобережной Украины [2]. Когда в 1829 году Киселев был назначен правителем Молдавии и Валахии и получил официальный мандат на преобразовательную деятельность, он подошел к румынской деревне с такой же осторожной феодально-консервативной точки зрения. Органический регламент 1831 года узаконил традиционную барщину в Придунайских княжествах, точно установив размеры крестьянского надела и отбываемых за надел земледельческих повинностей. С исчерпывающей подробностью были регламентированы все виды крестьянских работ — сообразно количеству усадебной, пахотной, луговой и сенокосной земли, выделенной каждому домохозяину. Маркс на страницах «Капитала» беспощадно разоблачил эксплоататорскую сущность этих постановлений, стяжавших, по его словам, «одобрительные рукоплескания либеральных кретинов всей Европы» [3]. В 1835 году Киселев возвратился из-за границы и подал правительству два новых проекта: один—об использовании конфискованных польских имений, другой—о приобретении помещичьих имений личными дворянами и разночинцами. В основе обоих предложений лежала та же идея инвентарей, т.-е. законодательного регулирования крестьянских наделов и повинностей. Киселев высказывался за образование на террито-

[1] ИРЛИ, ф. Киселева, № 29.7.86, лл. 7—9. Ср. ЗД, II, стр. 325—326.

[2] ЗД, II, стр. 207.

[3] ЦАВП, ф. V О., 1831 г., № 196, лл. 133—149, К. Маркс, Капитал, т. I, изд. 8, М, 1936, стр. 180.

рии юго-западного края ленных имений, раздаваемых в наследственное пользование русским чиновникам; в отношении всей остальной России он проектировал создание особого института «условных земледельцев», лично свободных, но вместе с тем крепких земле: в такое смягченное феодально зависимое положение Киселев предлагал поставить крестьян в имениях, приобретаемых личными дворянами, разночинцами и капиталистами, в дворянских поместьях, объявленных майоратами, и на крепостных фабриках и заводах.

Наконец, в 1839 году Киселев подробно разработал и аргументировал свое основное предложение в специальных представлениях новому Секретному комитету. К этому моменту классовое мировоззрение Киселева стало отчетливее и резче. Указ 1803 года о свободных хлебопашцах, из которого исходил когда-то сам Киселев в своем проекте 1816 года, стал представляться ему неудачною антидворянскою мерою. Разделяя мнение подавляющего большинства помещиков, Киселев указывал на опасную тенденцию этого акта — перемещение дворянской земельной собственности в руки низшего земледельческого сословия. «Последствием сей меры было бы уничтожение самостоятельности дворянства и образование демократии из людей, перешедших из крепостного состояния. После сего не нужно, кажется, особенных доказательств, сколь мера сия противна государственному устройству, в котором дворянство, составляя необходимое звено, соединяющее верховную власть с народом, должно исключительно пользоваться правом владения заселенными землями, дабы, сохраняя влияние свое на массу народа и обеспечив свое существование, быть в возможности исполнить высокое назначение свое на службе престолу». Обсуждая различные способы освобождения крестьян, необходимого «в видах распространения промышленности и развития народного богатства и в видах охранения общественного спокойствия», Киселев одинаково отвергал английскую и французскую форму ликвидации крепостного права. В Англии, Ирландии, в некоторых частях Италии, в остзейских провинциях России крестьяне освобождены, но земли остались в полном и неограниченном распоряжении дворянства, а крестьяне, за исключением ничтожной прослойки фермеров, превратились в вольных поденщиков, т.-е. бобылей, пролетариев: «положение опасное при всяком недостатке выгодной работы для бобылей и особенно при неурожае, или внутренних замешательствах, где люди, не имеющие оседлости, обыкновенно бывают орудием злоумышленных действий». Противоположную картину представляют Франция, Швейцария и некоторые части Германии, где крестьяне вместе со свободою получили прежние наделы, а помещикам оставлены одни господские запашки. Такое положение тоже не удовлетворяет Киселева: «Сим распоряжением, во-первых, нарушены права собственности дворянства, во-вторых, ослаблена самостоятельность высшего государственного сословия и через то уничтожена важнейшая нравственная си-

ла, через которую верховная власть действовала на народ и, в-третьих, по праву вотчинной собственности привлечена к участию в важнейших предметах государственного управления масса народа, которая силою необузданного большинства ниспровергает равновесие в частях и колеблет порядок государственного устройства». Верный феодально-дворянским основам своего мировоззрения, Киселев предпочитает «среднюю меру», одинаково далекую от обеих крайностей, «которая, поставив крестьян на приличную для них степень свободных или обязанных земледельцев, обеспечивает их быт силою закона, не вводя их в права, принадлежащие одному только дворянству». Образец для подражания Киселев видит в австрийских землях и в Придунайских княжествах, где дворяне-землевладельцы остались собственниками земель, а крестьяне, получившие личную свободу, пользуются обязательным наделом за точно определенные повинности. Урбарии Марии Терезии и Органический регламент 1831 года, т.-е. акты, регулировавшие феодальную барщину, поставившие формальные границы помещичьему произволу и устранившие всякие остатки личного рабства — таков желанный идеал Киселева как реформатора [1].

Таким образом, через все проекты Киселева, начиная с записки 1816 года и кончая предположениями 1839 года, проходит одна и та же настойчивая идея — ограничить власть феодала-помещика государственными инвентарями, которые не затрагивают существа феодальной эксплоатации и не наносят хозяйственного ущерба помещику, но которые очищают и, следовательно, укрепляют институт феодальной зависимости. В записке 1816 года эта мысль смягчается и корректируется использованием закона 1803 года о вольных хлебопашцах, в дальнейших проектах она выдвигается на первый план и приобретает необходимую ясность, в записке 1839 года она получает законченную формулировку и резко противопоставляется идее закона 1803 года — полного экономического и правового разрыва феодальных связей.

Была ли реформа, предложенная Киселевым, движением вперед сравнительно с существовавшим крепостным порядком? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо учесть конкретные исторические условия, в которых зарождались и проводились в жизнь подобные меры. В России, так же как и в других восточноевропейских странах, происходило разложение феодальной формации со всеми явлениями, характерными для этого процесса: массовым обезземеленнем крестьянства, непомерным увеличением крестьянских повинностей, вырождением феодальной зависимости в самое жестокое рабство, проникновением капиталистических отношений в деревню, образованием зажиточных полусвободных оброчников и самой острой борьбой эксплоатируемых против эксплоататоров. При этих условиях законодательное ограничение помещичьего произвола — т.-е. определение и охрана крестьянского

[1] ПАВП, ф. V О, 1839 г., № 196

надела, точное установление феодальных повинностей и создание официальных инстанций для крестьянских жалоб — шло по линии социально-экономического развития, создавало для борющегося крестьянства некоторую легальную опору для противодействия усиливающейся эксплоатации. Если эти мероприятия соединялись с личным освобождением крестьян, то создавались более благоприятные предпосылки для капиталистического накопления в деревне. Правда, инвентари вводились дворянским государством при непосредственном и самом активном участии помещиков; нередко инвентари санкционировали повышенные барщинные и оброчные нормы; при отсутствии сельскохозяйственной инспекции бумажные постановления очень плохо охранялись от нарушения помещиками. Тем не менее, инвентари были противовесом безграничной эксплоатации крестьянства и, как показывает пример австрийских урбариев, служили исходным пунктом для новых законодательных актов, постепенно подтачивавших основы феодальных отношений. Нигде и никогда, в условиях разложения феодализма, инвентари не могли укрепить шатающееся здание крепостного порядка; везде и всюду они служили симптомом ослабления средневекового строя и возбуждали сопротивление и злобу со стороны помещиков; крестьяне, а частью и буржуазно настроенные чиновники пользовались урбариями, инвентарями, вакенбухами и тому подобными актами, чтобы наносить удары отживающей феодально-крепостнической системе. Именно в этом — ограниченное, но относительно прогрессивное значение подобных паллиативов. Но нет никакого сомнения, что инвентари входили органической частью в феодальную систему и предполагали ее сохранение и более правильное функционирование. Высказываясь за личное освобождение крестьян и в то же время за сохранение земли и власти в руках помещиков, Киселев не выходил из рамок феодального мира, не переступал демаркационной линии, которая отделяла его от капиталистической формации. Киселев хотел постепенного, медленного, «нечувствительного» врастания в новые развивающиеся отношения в интересах феодального класса помещиков, к которому он принадлежал по своим общественным убеждениям.

Такая позиция не мешала Киселеву субъективно чувствовать себя защитником крестьянства, борцом за правду и справедливость, так же как не мешала его современникам и либеральным поклонникам прославлять его как провозвестника гуманности и свободы. Но всматриваясь в объективное содержание высказываний Киселева, мы видим нечто другое: за тонким покровом просветительной идеологии перед нами вскрывается устойчивое феодально-дворянское миросозерцание, которое опирается не только на силу сословных традиций, но и на личную материальную заинтересованность. В деятельности Киселева были отдельные эпизоды, которые резко дисгармонировали с его основным курсом — на планомерное ослабление крепостного права постепенными

сепаратными мерами. В 1839 году, в связи с наблюдавшимся ростом крестьянских повинностей, витебским губернатором Львовым был поднят вопрос о целесообразности ограничить помещичью власть специальными инструкциями. Николай I сочувственно отнесся к этому предложению — поскольку дело касалось не всей России, а западных губерний, населенных польскими помещиками. Перед Киселевым открылась полная возможность настоять на реализации своей любимой идеи — введения обязательных инвентарей. Но Киселев совершенно неожиданно занял очень умеренную позицию: он предложил ограничиться введением инвентарей только в тех имениях, которые по действующим законам должны быть взяты в опекунское управление вследствие излишества, беспутства, мотовства и тиранства помещиков. Иные, более решительные мнения высказывали по этому вопросу киевский генерал-губернатор Бибиков и сам Николай I. Они предлагали обязательное и повсеместное введение инвентарей во всех западных губерниях. После долгих споров и проволочек дело было окончательно решено во втором смысле [1]. Еще характернее было отступление Киселева по другому вопросу — о воспрещении помещикам западных губерний отдавать свои населенные имения в аренду. Вопрос был поднят в 1846 году и непрерывно возбуждался киевским генерал-губернатором Бибиковым. Сдача имений в аренду приводила к хищнической эксплоатации крепостного крестьянства. В принципе Киселев признавал вредное влияние арендной системы, но практически он возражал против предлагаемой меры. Главным аргументом Киселева была разорительность проектируемого закона для помещиков; самое большее, на что он соглашался,— воспретить арендование западных имений лицам, не имеющим потомственного дворянства. И в этом случае не только Бибиков и Николай I, но и большинство членов Государственного совета оказались настроенными более решительно, чем Киселев [2]. Очевидно, опыт хозяйствования в киевском имении оказывал определенно тормозящее действие на реформаторские стремления Киселева.

Можно полагать, что размышляя о далеком будущем, Киселев считал неизбежной и желательной практику свободного перехода владельческих крестьян с одних помещичьих земель на другие. Но эта перспектива нисколько не меняет феодального существа его социально-политической позиции. Крепость земле могла быть уничтожена по мере образования зажиточного слоя крестьян — собственников и поглощения обедневшей части крестьянства развившейся промышленностью; обязательная барщина могла смениться договорно-арендными отношениями, т.-е. перерасти в форму капиталистической земельной ренты. Но вотчинное право на всю землю должно было попрежнему оставаться в руках помещичьего дворянства как основа и гарантия хозяйственного и политического преобладания землевладельцев. Такова была

[1] ЗД, т. II, стр. 310—315; т. IV, стр. 239—242

[2] ЗД, т. II, стр. 315—320; т. IV, стр. 242—245

твердая и устойчивая позиция Киселева, которая сближала его с главным массивом его класса и обеспечивала ему взаимное согласие и понимание со стороны Николая I. В сущности, Киселев разделял ту самую точку зрения, которую высказывал в своих многочисленных записках Сперанский. А постоянное напоминание Киселева о социальной опасности нерешенного крестьянского вопроса буквально совпадало с откровенной мотивацией Бенкендорфа. В этом смысле Киселев противостоял сплоченному фронту крайних крепостников, которые не допускали ни малейшего прикосновения к институту крепостного права. Он возобновлял ту же кампанию в пользу безубыточного и своевременного выхода из назревающего кризиса, которую в 1826 году с классово-помещичьей точки зрения начали вести Кочубей и Сперанский. Но Кочубея уже не было в живых, а старый и занятый работой по кодификации Сперанский должен был ограничиться ролью опытного союзника и главного консультанта Киселева. Избирая их обоих главными двигателями Комитета 1835 года, Николай не делал с своей точки зрения никакой ошибки: он имел полное право сказать Киселеву, что их соединяют в крестьянском вопросе одинаковые мысли и одни и те же чувства.

5. Секретный комитет 1835 года

Деятельность Секретного комитета 1835 года не нашла себе подробного и точного освещения в исторической литературе. Даже В. И. Семевский, давший наиболее обстоятельный обзор правительственных проектов по крестьянскому вопросу, ограничился изложением программной записки Комитета, опубликованной в свое время Заблоцким-Десятовским [1]. Среди документов о секретных комитетах Николая I, имеющихся в фондах Государственного совета, отсутствует делопроизводство Комитета 1835 года. Кое-какие отрывочные и глухие указания об этом учреждении можно найти в биографическом труде Заблоцкого-Десятовского [2]. Однако сохранились отдельные фрагменты материалов — в бумагах Васильчикова, в личном архиве Киселева и в фондах секретной канцелярии Министерства финансов, помогающие восстановить основные этапы в деятельности этого третьего секретного комитета, обсуждавшего крестьянский вопрос в царствование Николая I. Разбираясь в уцелевшем материале, мы имеем возможность установить крупное значение Комитета 1835 года, определившего все дальнейшие попытки николаевского правительства выйти из кризиса феодальных отношений.

Судя по названию, «Комитет для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий» был задуман с широкой, но очень

---

[1] В. И. Семевский, Крестьянский вопрос в XVIII и первой половине XIX века, т. II, СПб., 1888, стр. 22—25; ЗД, IV, стр. 148—151

[2] ЗД, II, стр. 8—16.

неясно формулированной целью: обсудить способы смягчения и ликвидации крепостного права всего земледельческого населения империи. Повидимому, в первую очередь — в соответствии с мнением III Отделения и личными желаниями Николая I — выдвигался вопрос о положении помещичьих крестьян, как наиболее острый и не допускающий отсрочки. Постепенно эта задача дополнялась другими, по мере поступления предложений и проектов. 29 марта 1835 года Киселев представил Николаю I записку о политическом положении юго-западных губерний: только что он побывал в своем киевском имении и, ориентировавшись в обстановке после подавления польского восстания 1830 года, мог сопоставить настроение польской шляхты с состоянием умов в прежние годы. Несмотря на внешнюю покорность и спокойствие, царившие на Правобережной Украине, Киселев предупреждал Николая о росте внутренней оппозиции и об ожесточении поляков против русского правительства. Следуя принципу «divide et impera», Киселев предлагал воспользоваться враждебным отношением украинских крестьян против польских помещиков, улучшить положение крестьян и этим привлечь их на сторону правительства, а с другой стороны обессилить польских землевладельцев, образовав на территории края побольше русских поместий. С этой целью Киселев проектировал раздачу в потомственное ленное владение конфискованных имений польских повстанцев и регулирование наделов и повинностей крестьян определенными нормами. В дальнейшем Киселев предлагал распространить обе меры на другие категории бывших польских имений — на староства и владения католической церкви, которые были отобраны в казну и в значительной части арендовались польскими уроженцами. Судя по последующей судьбе этого проекта, Николай передал его на заключение того же Секретного комитета 1835 года [1].

9 апреля в Комитет поступили новые материалы, подготовленные к этому времени в Министерстве финансов. Еще 30 декабря 1834 года Канкрин представил царю две докладные записки: одну — «о новом устройстве управления казенными крестьянами», другую — «касательно нового порядка управления казенными имуществами». Очевидно, это было изложение принципов той реформы, которая была намечена Комитетом Кочубея и постановлениями Государственного совета и которой долго и настоятельно требовал от Канкрина Николай I. Царь наложил на записку Канкрина следующую резолюцию: «Быв убежден в пользе, которую ожидать должно от подобного устройства, прошу на сем основании изготовить полный проект». Через 3 месяца, 22 марта 1835 года, Канкрин, подгоняемый фактом образования Секретного комитета, представил царю записку «о новом образовании управления казенными имуществами». Николай I согласился с проектом Канкрина и поручил ему «докончить проект положения со штатами на пред-

[1] ЗД, IV, стр. 146—148.

ставленном здесь основании». Наконец, 5 апреля Канкрин представил четвертую всеподданнейшую записку «относительно порядка рассмотрения нового положения об устройстве казенных имуществ». Очевидно, руководясь указаниями Николая I, Канкрин предлагал передать изготовленный проект на рассмотрение того же Комитета 1835 года. 9 апреля на предложение Канкрина последовала утвердительная резолюция Николая и все материалы о государственных крестьянах поступили в состав делопроизводства учрежденного комитета [1].

Таким образом перед Комитетом 1835 года или, как его называли иначе, «Комитетом Васильчикова», встали две самостоятельные и вполне конкретные задачи: дать свое заключение на проект Киселева об использовании конфискованных польских имений и рассмотреть проект Канкрина о реформе управления государственными крестьянами. Учитывая общие задачи, выдвинутые перед Комитетом, и новые, связанные с только что внесенными предложениями, Васильчиков (вероятно, по совету с Киселевым и Сперанским) решил прежде всего наметить руководящие принципы для разрешения крестьянского вопроса. Этой цели было посвящено несколько майских заседаний; в результате обсуждения общих вопросов и предварительного просмотра проектов Киселева и Канкрина Комитет 1835 года представил всеподданнейшую программную записку, которая является важнейшим источником для понимания его дальнейшей деятельности [2].

Анализируя этот документ, мы сразу видим руководящую роль, занятую в Комитете Сперанским и Киселевым. Попытка Канкрина выделить вопрос о государственных крестьянах и свести его к проекту чисто административной реформы вызвала решительный отпор со стороны большинства Комитета. Ожили старые разногласия и споры, как будто разрешенные компромиссными постановлениями Комитета 1833 года. В противовес односторонней позиции министра финансов Комитет Васильчикова установил принципиальные положения, в свое время формулированные и подробно обоснованные Сперанским и Кочубеем: нельзя отделять реформу управления казенными крестьянами от изменения в положении крестьян помещичьих; по словам Комитета, «сие преобразование долженствует составлять одно целое с общим делом об улучшении состояния крестьян разных званий в государстве»; с другой стороны, нельзя ограничиваться изменениями в структуре и компетенции административных органов, руководящих жизнью государственной деревни: «прежде всего надлежит постановить главные начала, на коих желаемое улучшение вообще, и казенных крестьян в частности, произведено быть может». По мнению Комитета, устройство разных типов казенных имений и улучшение состояния помещичьих

[1] ЦАНХ, ф. Особенной канцелярии М. Ф. по секретной части, 1829 г., № 7/93, л. 409, ЗД, II, стр. 9. Самые записки Канкрина не сохранились; остались только глухие указания в «Реестре».

[2] ЗД, IV, стр. 148—151.

крестьян «должны быть обработаны под господством одной главной мысли и служить одна другой подкреплением и примером — с теми изменениями, коих потребуют свойства каждой части и местные обстоятельства». Иными словами, Комитет возвращался к той точке зрения, которую, по инициативе Сперанского, не раз высказывали предшествующие Комитеты 1826 и 1833 годов: реформа управления государственной деревни должна быть отправным пунктом в разрешении общекрестьянского вопроса, могущественным средством в руках государства воздействовать на косные и неподатливые слои частных вотчинников; центр тяжести в вопросе о государственных крестьянах лежит не в создании новых правительственных инстанций, а в хозяйственном и правовом изменении крестьянской жизни. «Тогда только,— по мнению Комитета,— представится возможность судить со всею точностью о способах и порядке нового управления, имея уже в виду положительную цель, для коей сие преобразование предпринимается, и определить меру необходимых пожертвований, кои без того отяготили бы лежащее ныне на казенных крестьянах бремя податей, не принося им видимой и существенной пользы».

Повидимому, такая принципиальная позиция была заранее предусмотрена на совместных беседах Киселева и Сперанского. Она вполне соответствовала изменившейся политической обстановке и более решительному курсу, принятому в это время Николаем I. Реакционная тревога, вызванная непосредственными впечатлениями от событий 1830—1831 годов, постепенно улеглась в сознании представителей правящего класса. Мало-помалу она уступила место более спокойному и более обдуманному анализу пережитых потрясений — учету тех потенциальных опасностей, которыми грозила крепостническая система господствующему дворянскому сословию. В этом смысле тревожные предупреждения, которые мы находим в отчетах III Отделения за 1834 год, были очень существенным и очень характерным симптомом. Самое образование Комитета 1835 года предполагало более настойчивое и твердое намерение правительства Николая I изыскать выход из назревающего социального кризиса. При таких условиях медлительная и близорукая политика министра финансов, не склонного к принципиальной и широкой постановке вопроса, должна была капитулировать перед продуманной и более решительной программой, подготовленной Сперанским и Киселевым.

Майская записка Комитета 1835 года формулировала эту программу, исходя из прежних докладов Сперанского и первоначальных суждений Комитета 1826 года. Конечная цель преобразования, удовлетворяющая «потребность государственную, столь важную для будущего спокойствия и процветания России», мыслилась Комитетом 1835 года, как замена крепостного права свободными договорными отношениями и на государственных, и на помещичьих землях. По мнению Комитета, вся земля, не исключая крестьянских наделов, должна была остаться

в руках землевладельцев, т.-е. казны и помещиков; крестьяне, получающие по закону право свободного перехода и, следовательно, гражданское право свободного состояния, «могут по воле своей переменять место жительства и зависимость от помещика, соблюдая предписанные условия». «Количество работ их определяется каждый раз обоюдным их соглашением с помещиком, от коего получают участок земли в пользование».

Таким образом, монопольное обладание землею со стороны господствующего класса оставалось попрежнему основным условием всякого преобразования. Комитет 1835 года придавал этому моменту огромное принципиальное и практическое значение. Он требовал «при всех удобных случаях распространения и утверждения коренного правила, что земля есть неотъемлемая и неприкосновенная собственность помещика (казны или частного лица) и что крестьяне не могут оною пользоваться иначе, как с согласия помещика и взамен определенной за нее работы». «Несчастная мысль,— прибавлял Комитет,— почти повсеместно существующая между помещичьими крестьянами, что они сами принадлежат господину, а земля принадлежит им, есть одно из главных препятствий к достижению желаемой цели при введении предполагаемых улучшений крестьянского быта; она может возбудить волнение умов и подать повод к важным беспорядкам».

Если мы сопоставим это основное положение с указом 1803 года о свободных хлебопашцах и с правительственными проектами, представленными Александру I, то увидим существенное изменение в самой постановке крестьянского вопроса. Если в ранний период разложения крепостного хозяйства, до восстания декабристов, насаждение мелкой крестьянской собственности или наследственного семейного землепользования рассматривалось лучшим выходом из создавшегося положения, то теперь, в условиях более развитого товарооборота, победила иная точка зрения в аграрном вопросе. Наблюдавшееся повышение ценности земельных угодий, стремление повысить земельные доходы, жадная погоня за землей, охватившие широкие слои помещичьего класса, оказали сильнейшее влияние на правительство. Под непосредственным давлением своего класса, представители дворянской бюрократии перестают увлекаться идеями Адама Смита и начинают настойчиво выдвигать мысль о прочном закреплении земельных имуществ за наличными дворянами-землевладельцами. Идея неприкосновенности и неотъемлемости земельной собственности помещиков уже мелькала на заседаниях Комитета 1826 года; наряду с добровольным освобождением крестьян по указу 1803 года, этот Комитет проектировал добровольное освобождение крестьян без земли. Теперь, в результате долгой борьбы, предпринятой крепостниками против самых оснований указа 1803 года, в правительстве возобладало мнение о желательности иного разрешения земельного вопроса.

По мнению Комитета 1835 года, должно сохраниться не только

феодальное право помещиков на землю, но и социальный аттрибут этого права — феодальная зависимость крестьянина от землевладельца, непосредственно связанная с отработкой помещичьих угодий. Формальная свобода заключаемого договора сама по себе в условиях слабо развитой экономической жизни (как это имело место в Остзейском крае и в Царстве Польском) не ликвидировала основного существа феодальной эксплоатации. Именно так, по образу и подобию крепостной эпохи, представляло себе сельскохозяйственное будущее Российского государства большинство сановников в Комитете 1835 года: монополист-землевладелец выделяет надел безземельному крестьянину, с своей стороны крестьянин пользуется этим наделом и уплачивает за него прибавочный продукт в форме отработочной ренты. Правда, можно предполагать, что Сперанский и Киселев, лучше знакомые с европейской жизнью, предвидели неотвратимые последствия экономического развития: они могли ожидать, что взаимоотношения между землевладельцем и крестьянином постепенно выльются в форму арендного денежного договора, а феодальная рента перерастет в ренту капиталистическую. Мобилизация земли и, следовательно, образование зажиточного слоя крестьян-собственников не исключались программою Комитета 1835 года, так же, как не устранялась возможность свободного найма рабочей силы взамен господствующей системы завуалированной барщины. Но эти отдаленные последствия задуманного преобразования не изменяли феодальной тенденции предложенного проекта. Сперанский и Киселев оставались верны своим дворянским классовым убеждениям; реформа, которую они замышляли, сохраняла почти нетронутыми основные экономические устои действующего порядка.

Но и та конечная цель, которою руководился Комитет 1835 года, представлялась ему чересчур радикальным и потому небезопасным переворотом. «Сверх внезапного потрясения прав собственности,— рассуждали члены Комитета,— могло бы последовать еще и то, что крестьяне, вдруг получив свободу переходить с земли, к коей они и предки их были крепко привязаны законом, хлынули бы целыми селениями в губернии южные, куда давно манит их благорастворенность воздуха, обилие земли и мечтательные надежды лучшей и притом менее трудной жизни — подвергаясь на пути всяким бедствиям, затрудняя все необходимые сношения между правительством и подданными и рассеивая вредный пример даже в местах, от них отдаленнейших». Опасение утратить резервы дешевой рабочей силы и сомнение в возможности быстро приспособиться к новому правовому порядку диктовали представителям помещичьего класса осторожную систему переходных мероприятий. Комитет полагал, что «определение степеней и порядка сего перехода требует величайшей осмотрительности: поспешность, необдуманные распоряжения и даже одно имя свободы, рано произнесенное, могут иметь последствия гибельные».

Исходя из такой предпосылки, Комитет намечал «три основные эта-

па или три степени» перевода крестьян «от состояния крепостного до состояния свободы»: первым этапом должно было явиться положение великорусских помещичьих крестьян, обязанных трехдневной барщиной по манифесту 5 апреля 1797 года; вторым этапом должно было стать законодательное регулирование крестьянских повинностей в форме точного определения количества и ценности работ; третьим и последним этапом было предоставление крестьянам полной свободы перехода — по образцу законов Прибалтийского края, принятых в 1816—1819 годах. Каждому этапу соответствовала определенная форма правовых взаимоотношений между помещиком и крестьянином: крестьяне первой степени оставались в полной зависимости от помещика, без всякого права распоряжаться своей личностью; крестьяне второй степени («мерной работы») становились лично свободными, но оставались крепкими земле, т.-е. не имели права переходить на земли других помещиков; крестьяне третьей степени получали право свободного выбора местожительства и права заключения свободного договора на пользование земельным участком. Следовательно, ближайшей задачей правительства являлось установление «мерной работы», т.-е. введение обязательных инвентарей, точно определяющих размеры крестьянской барщины и соответствующего ей денежного эквивалента. Так как государственные крестьяне уже платили своему владельцу-казне точно установленный законом оброк или отбывали (в западных районах) барщинные повинности на основании утвержденных инвентарей, то очередные усилия правительства должны были привести к уравнению положения помещичьих крестьян с крестьянами казенными. В дальнейшем и те и другие — и крестьяне помещичьи и крестьяне государственные — превращались в свободных, но безземельных хлебопашцев, которые ничем не отличались друг от друга по своим правам и обязанностям; феодализм помещичий и феодализм государственный формально, юридически ликвидировались одновременно и в одинаковой форме. Фактически и тот и другой сохранялись в смягченном и завуалированном виде. Это было новое решение старого вопроса о государственных крестьянах, не предусмотренное проектами Гурьева, Куракина, Сперанского и Кочубея. Взамен превращения крестьян в наследственных держателей государственной земли на основе семейного землепользования, Комитет 1835 года выдвинул новую идею — свободного, ничем не ограниченного распоряжения крестьянскими наделами со стороны государственной казны, т.-е. фактически обезземеления 20 миллионов государственных крестьян силою законодательного акта. Связь между этим предложением и аграрной проблемой, вставшей в помещичьих имениях, несколько позднее была откровенно раскрыта самим Киселевым на одном из заседаний Государственного совета. Говоря о повсеместном убеждении государственных крестьян в том, что казенные наделы составляют их неотъемлемую и бесспорную собственность, Киселев находил такое явление чрезвычайно нежелательным: «Эта мысль перешла

к крестьянам помещичьим и укореняется более и более — мысль опасная и которая может иметь последствия самые плачевные. Если принять, что рано или поздно крепостное состояние 12 миллионов душ должно измениться, тогда какой помещик, какой дворянин будет в возможности уверить своих крестьян, что земля оставлена собственностью его, а не их — и особенно при убеждении казенных крестьян, что главный вотчинник в государстве казна оставила земли их принадлежностью» [1]. Чтобы подготовить безземельное освобождение помещичьих крестьян, нужно было, по мнению Киселева, переломить убеждение крестьян казенных, внушить им противоположную мысль, что собственником их наделов является само государство и только оно одно.

Решая уравнять положение частновладельческих и казенных крестьян и воспользоваться реформой государственной деревни как рычагом для решения общекрестьянского вопроса, крепостническая власть не могла занять иной социально-экономической позиции. Перемещение центра тяжести с проблемы индивидуального землепользования на проблему законодательного укрепления владельческих прав казны было естественным результатом изменившихся взглядов на ликвидацию крепостного права в частновладельческих имениях. Если «освобождение» помещичьих крестьян мыслилось без земли, то предполагаемое и подготовляющее его «освобождение» государственных крестьян должно было произойти тоже без всякого земельного обеспечения.

Поскольку очередной и важнейшей задачей становилось регулирование крестьянских повинностей, огромное значение приобретал вопрос об учете местных социально-экономических условий. Комитет 1835 года обратил на это обстоятельство самое серьезное внимание. Он исходил из определенного принципа — установления размера повинностей не по количеству крестьянских душ, а по величине земельных участков и по степени развития промыслов, т.-е. по степени доходности крестьянского хозяйства. Составлению будущих инвентарей должно было предшествовать собирание «всех возможных справок и сведений, кои только могут быть собраны в разных губерниях». Конечно, и здесь предполагалось установить единообразные нормы барщины и оброка и для казенных и для частновладельческих имений; необходимым условием подобной реформы становилось переложение казенного оброка на землю и промыслы и новая люстрация в казенных имениях Украины, Белоруссии и Прибалтики.

Чтобы достигнуть постепенности и «нечувствительности» задуманного преобразования, Комитет 1835 года решил подготовить «ряд постановлений и распоряжений, кои бы развивались постепенно и были приводимы в действие с расстановкою, отнюдь не имея вида, особливо сначала, какой либо перемены в государственных постановлениях». При этом был формулирован принцип, который подчеркивал зависи-

[1] ИРЛИ, ф. Киселева, № 29.7.128 (Собственноручные «Заметки на память» П. Д. Киселева).

мость проектируемой реформы от впечатлений нарастающего социального кризиса: «Должно, чтобы при переходе от одной системы на другую, крестьяне находили уже ощутительную выгоду в перемене своего положения и были приготовлены пользоваться оною, не переступая предписанных границ: дело, конечно, трудное, но осторожность необходима, без коей нельзя приступить ни к какому преобразованию из спасения многих, может быть, неисправимых бедствий». С точки зрения Комитета, нужно было успокоить волнующееся крестьянство частичными и осторожными уступками, стараясь предотвратить использование крестьянами этих уступок в целях дальнейшей, все усиливающейся борьбы за полное освобождение.

Наметив основные линии предположенного преобразования, Комитет 1835 года перешел к обсуждению отдельных частных вопросов — к записке Киселева о конфискованных польских имениях и к бумагам Канкрина, касавшимся управления государственными крестьянами. Поскольку в бывших польских имениях была начата люстрация угодий, решили подождать ее окончания и уже тогда «учредить весь порядок мерной работы в раздаваемых имениях таких образом, чтобы крестьяне не имели причины сожалеть о прежних своих владельцах и, чтобы, оставаясь по закону еще привязанными к помещичьей земле, они могли привязываться к ней более и более теми выгодами,— кои прилежный труд доставляет земледельцу». Таким образом, конфискованные имения польских повстанцев должны были явиться первым полем для предполагаемого опыта перехода крестьян от 1-й ко 2-й степени: именно здесь, в качестве образца для подражания, необходимо было урегулировать феодальные повинности и предоставить гражданские права крестьянам.

Обсуждение канкринских проектов «нового управления казенными имуществами с разделением оного на главные, губернские, уездные и волостные» было постановлено отложить до разработки «главных начал» желаемого улучшения, т.-е. до постановки и разрешения хозяйственных, финансовых и правовых вопросов государственной деревни. Комитет 1835 года, вероятно, по почину Сперанского, решил предварительно ознакомиться с материалами предшествующего Комитета Кочубея, особенно с его проектом переложения оброка с душ на землю и промыслы. Канкрин, когда-то подписавшийся под этим проектом, должен был согласиться на подобное постановление. Инициатива в постановке вопроса снова выбивалась из его рук и переходила в руки его противников — Сперанского и солидарно действовавшего с ним Киселева.

Чтобы сохранить за собою руководство казенными имениями, Канкрин пошел на некоторые уступки. Немедленно после постановления Комитета, 10 мая 1835 года, он составил докладную записку, в которой изложил «главные начала» последнего компромиссного проекта, приня-

гого в Комитете Кочубея[1]; но он изложил эти начала в определенном толковании, которое больше соответствовало и его собственным планам, и изменившейся точке зрения правительства. Канкрин делал знак ударения не на аграрной, а на финансовой стороне проекта — на переложении оброка с душ на землю и промыслы. По-старому он предлагал в качестве первоначальной меры ввести по губерниям варьирующиеся оклады оброчного сбора соответственно «примерному обсуждению выгод, которыми каждое общество пользуется». В дальнейшем, по мере межевания и оценки казенных земель, крестьянские наделы должны были разделиться по угодьям, усадебные участки — стать объектом подушной подати, а остальные земли — объектом оброчного обложения; леса и «излишние земли» предполагалось обложить дополнительными оброчными платежами. Поскольку вопрос о замене общинного землепользования индивидуальным, семейно-наследственным утрачивал свое прежнее руководящее значение, Канкрин очень глухо высказывался о «разделении земель», ничего не упоминал о проектированных институтах вечного наследственного пользования личной усадьбой и бессрочного семейного пользования оброчным участком. Оставляя открытым вопрос о ликвидации поземельной общины, Канкрин уделял некоторое, правда, очень скромное место вопросу о прекращении переделов, «которые препятствуют не только коренному улучшению самой почвы, но и введению всякого усовершенствования земледелия, крестьянскому быту и малому хлебопашеству свойственного». Этот вопрос, по словам Канкрина, «важнейший и удобнейший, почему и должен быть предоставлен времени»; на первое же время достаточно было, по его мнению, ограничиться, с одной стороны, оценкою четвертого или так называемого овощного поля (которое, в силу такой оценки и последовавшего за ней более точного обложения могло быть выключено из переделяемых угодий), с другой стороны, заменой 3-летних переделов более долгосрочными — 8—12-летними. В заключение Канкрин предлагал самому Комитету решить вопрос, нужно ли «теперь о сих предметах составить вновь правила», или предпочтительнее предоставить развитие дела новому преобразованному управлению; сам он высказывался в последнем смысле, «полагая, что время, впрочем, не весьма отдаленное, ближе укажет те подробности, которые в сем деле необходимы»[2].

Из содержания этой краткой докладной записки совершенно ясно, что Канкрин продолжал свою политику организованного саботажа. По-прежнему он не выполнил постановления Комитета Кочубея о подробном развитии намеченного хозяйственно-финансового плана, несмотря на настойчивые запросы Николая I; попрежнему он предлагал свой проект варьирующихся оброчных окладов, хотя проект был отвергнут резолюцией Николая I, а затем и Комитетом Кочубея; попрежнему

[1] См. стр. 188—189.

[2] ЦАНХ, ф. Особенной канцелярии МФ, 1829 г., № 493, лл. 405—408.

Канкрин выдвигал на первый план чисто-административную реформу — вопреки решительному вотуму Государственного совета, утвержденному Николаем I. Наконец, войдя в состав Комитета 1835 года и присоединившись к его принципиальной программе, Канкрин не обнаруживал никакого желания делать из нее какие-либо практические выводы: он не указывал никаких путей к реализации общих постановлений Комитета — о сближении государственных и помещичьих крестьян, о подготовке конечного этапа реформы и о способах воздействия на частновладельческие имения силами и средствами казенного хозяйства. Как и раньше, Канкрин оставался упрямым гувернаменталистом, скептически относился к общим проектам и старался не связывать законодательными нормами полномочий министра финансов на территории государственной деревни. Канкрин продолжал настаивать, что межевых чиновников мало, что нужно в течение многих лет готовить новые кадры межевщиков и что рассчитывать на быстрое разрешение поставленных хозяйственных и финансовых вопросов было бы наивной и бесплодной утопией. Такая позиция министра финансов вовсе не соответствовала изменившейся обстановке и тревожному настроению, которое охватывало высшие слои николаевского правительства [1]. Ко всему прочему Канкрин воздержался от немедленного представления своей докладной записки — он внес ее только через несколько месяцев, когда Комитет 1835 года должен был снова и гораздо острее поставить вопрос о будущих судьбах государственного крестьянства.

Представив Николаю I свою программную майскую записку, Комитет Васильчикова разошелся на летние каникулы и вновь собрался не раньше ноября 1835 года, после возвращения Киселева из заграничного отпуска. За этот промежуток времени произошли события, которые сделали реформу государственной деревни еще более настоятельной: разразилось бурное восстание в Приуралье, которое не могло не произвести сильного впечатления и на самого Николая I, и на III Отделение, и на членов Комитета 1835 года. Заседания Комитета возобновились под непосредственным воздействием этих событий и привлекли к себе пристальное внимание императора. Комитет должен был приступить к реализации разработанной программы, т. е. к составлению конкретных проектов задуманных «постановлений и распоряжений». Члены Комитета предпочли пойти по линии наименьшего сопротивления: они начали работу с обсуждения наименее спорного вопроса — о раздаче в частные руки конфискованных польских имений. В основу своих занятий они положили всеподданнейшую мартовскую записку Киселева; содержание

---

[1] Утверждение Заблоцкого-Десятовского, что основная мысль программной записки Комитета 1835 г. о переходных «ступенях» принадлежит Канкрину (ЗД, II, стр. 9) ничем не обоснована, противоречит документам Министерства финансов и очень плохо вяжется с другим утверждением Заблоцкого, что Канкрин не ждал от своего проекта управления казенными крестьянами никаких реальных практических результатов.

разработанного ими проекта воспроизвело основные мнения киселевского доклада. Отсюда были целиком заимствованы предложения о раздаче польских имений русским дворянам православной веры на основе ленного права и об инвентарном регулировании крестьянских повинностей соответственно размерам и ценности земельных угодий. Так же, как у Киселева, проект ставил перед правительством определенную задачу руссификации Западного края путем внедрения русского дворянского землевладения и привлечения местного украинского крестьянства на сторону центральной власти. Согласно проекту, целые имения или отдельные хозяйства (т. е. фольварки) должны были жаловаться в наследственное владение на праве майората без права дальнейшего отчуждения и раздробления. Доходы от имений объявлялись неприкосновенными, т. е. не могли быть источниками для покрытия долгов ленного владельца. Казне обеспечивалось получение 5 процентов дохода. Имения предварительно подвергались люстрации, земельные угодия оценивались и облагались чиншем или работою — по выбору самих крестьян. При составлении инвентарей предписывалось руководиться «местными обыкновениями». Дворовые, а постепенно и все безземельные крестьяне получали земельные наделы. Крестьянские повинности точно регламентировались. Производство люстрации возлагалось на комиссию из 3 лиц — уездного предводителя дворянства (или помещика по назначению губернатора) и двух чиновников от Министерства финансов. Полицейская власть в имении вверялась Сельской управе из 4 человек — ключвойта (бурмистра) и писаря, назначаемых владельцем, и 2 выборных от крестьян. За крестьянами признавались права собственности на движимое имущество, наследственного пользования земельным наделом и избрания нового рода жизни (при условии очищения повинностей).

Мелкие тяжбы и проступки крестьян разбирались крестьянским судом, состоявшим из выборных, утверждаемых владельцем. Крестьянские жалобы должны были разбираться Казенною палатою. За владельцем признавалось исключительное право на земельные недра и лесные угодья (за исключением крестьянских лесов, закрепленных инвентарями). Владелец должен был иметь в имении собственное хозяйство, лишался права переселять крестьян и не мог обращать крестьянские земли в собственные фольварки «без достаточного вознаграждения другою землею». Дворовые услуги могли выполняться только наемными людьми за «вольную цену». На владельце лежала обязанность оказывать крестьянам продовольственную помощь. В случае дурного управления имение переходило «в казенный присмотр» (т.-е. в непосредственное управление Казенной палаты).

Таковы были правила о ленных имениях, сочетавших в себе моменты государственной собственности и частного владения, т. е. занимавших промежуточное положение между казенными и частновладельческими имуществами. Составляя эти правила, Комитет давал с своей

точки зрения идеальный прообраз положения крестьян 2-й ступени — крепких земле, обеспеченных, по его мнению, от произвола помещика и наделенных правами гражданского состояния. Это было феодальное право, очищенное от элементов рабовладельчества, но утверждавшее и регулировавшее приемы феодальной эксплоатации земледельцев. Наиболее важными нововведениями — сравнительно с порядками крепостной деревни — были права крестьян переходить на оброк, иметь самостоятельный крестьянский суд и жаловаться на владельца в государственные органы. Но за владельцем сохранялись весьма широкие полномочия (ни Казенная палата, ни земская полиция «сами собою не вмешиваются в управление и хозяйство ленного имения»), которые обеспечивали за ним систему внеэкономического принуждения над зависимыми крестьянами. Разрешение крупнейших хозяйственных вопросов — о размерах земельных наделов и повинностей — возлагалось на специальный орган, возглавлявшийся представителем местных помещиков; при этих условиях «местные обыкновения», которые определяли собою работу люстраторов, должны были истолковываться под давлением и в непосредственных интересах ленного владельца.

Правила были утверждены Николаем 22 февраля 1836 года и легли в основание последующей раздачи конфискованных имений [1].

Покончив с вопросом о западных губерниях, Комитет перешел к следующему, наиболее волновавшему в данный момент вопросу — о дальнейшем положении государственных крестьян. Членов Комитета не могли удовлетворить проекты, еще в начале 1835 года составленные в недрах Министерства финансов. Канкрин предлагал произвести следующие организационные изменения в управлении казенными имениями: из Департамента государственных имуществ, входившего в состав Министерства финансов, учредить особое Главное управление, расширить полномочия главноуправляющего сравнительно с прежним директором Департамента, но оставить этот новообразованный орган в непосредственном подчинении министра финансов; в губерниях выделить из компетенции Казенных палат все дела, касающиеся государственных имуществ и передать в ведение новых губернских мест, так называмых «Экономических правлений». Эта чисто административная реформа должна была повлечь за собою значительное расширение штатов и крупное увеличение расходов по управлению; она усиливала ресурсы министра финансов, облегчала ему более быстрое и внимательное разрешение вопросов, связанных с жизнью государственной деревни, но она оставляла нетронутыми все основы прежнего единодушно осужденного порядка. Члены Комитета 1835 года ожидали и требовали совершенно иного: они считали, что необходимы изменения в самом характере управления казенными крестьянами — в их хозяйственном, финансовом и, может быть, правовом положении. Нужно было остановить процесс

[1] ЦАНХ, ф. V О., лит. «А», 1847 г., № 27 021, лл. 38—55. По предложению Комитета, правила не были опубликованы и не попали в Полное собрание законов.

обеднения государственной деревни, ликвидировать ее возрастающую недоимочность, устранить причины массовых волнений, наконец, создать необходимые условия для постановки и разрешения общего вопроса — о судьбах помещичьего крестьянства. Административные проекты Канкрина ни в коей мере не отвечали этим выдвинутым требованиям. Сперанский точно выразил мнение Комитета о характере канкринского проекта следующими словами: «В предположении сем есть один существенный недостаток; в нем есть форма управления, но нет правил — как, т. е. какими средствами, к какой цели вести самое управление. Словом, есть учреждение, но нет устава» [1].

Повидимому, между членами Комитета и Канкриным начались такие же разногласия и споры, какие в свое время вспыхнули в Комитете Кочубея. В качестве последнего резерва Канкрин использовал свою докладную записку, составленную 10 мая 1835 года, но переданную Васильчикову только в апреле 1836 года [2]. Но и эта записка, излагавшая основные принципы, намеченные еще в 1833 году, не могла удовлетворить членов Комитета Васильчикова: они имели полное основание увидеть в этом «проекте» формальную отписку, не дававшую обоснованных и развитых ответов на поставленные вопросы. Правда, в среде противников Канкрина не было желаемого единодушия. Некоторые члены (повидимому, Васильчиков и Дашков) предлагали ограничиться экономическим межеванием государственных и помещичьих земель, сначала в пределах одной Петербургской губернии, затем постепенно на территории остальных губерний; по мере окончания межевания государственные крестьяне должны были переходить в ведение нового управления. Такое межевание должно было послужить основою нового поземельно-промыслового оброка и поставить преграду расхищению государственного земельного фонда. Это мнение было заострено против позиции Канкрина с его постоянными рассуждениями о невозможности проведения быстрого межевания и сложного кадастра, но оно имело в виду только финансовую сторону дела и осложняло поставленную задачу немедленным межеванием частновладельческих земель. Было и другое предложение: избрать четыре разнородных губернии и учредить в них особые управления государственными имуществами, выделив их из ведомства Казенных палат и подчинив особой центральной комиссии; произвести затем экономическое измерение одних казенных земель, ограничившись обводом границ и приблизительною оценкою земли соответственно ее количеству и выгодам; уже потом, мало-помалу, распространить эти меры на другие губер-

[1] ЦАНХ, ф. V О, лит. «А», 1847 г., № 27 021, лл. 33—36.

[2] Время внесения в Комитет «главных начал» Канкрина выясняется из следующих слов апрельского доклада Сперанского после изложения содержания административного проекта Канкрина: «К сему присоединен впоследствии проект основны правил на сих днях от него же в Комитет поступивших» (ЦАНХ, ф. Киселева, № 41. Записки о предложениях министра финансов о казенных крестьянах, лл. 1—8; ЗД, II, стр. 14).

нии. В этом плане немедленного выделения государственных имуществ в особое ведомство и в одновременном обследовании казенных имений 4-х разнотипных районов мы узнаем точку зрения Киселева, отстаивавшего такую позицию позднее, при практическом приступе к реформе. Наконец, было еще одно мнение, близкое к предыдущему, но изложенное в стройной административной концепции, свойственной бюрократическому стилю Сперанского: выделить в качестве опыта одну Петербургскую губернию — центральную и имеющую сравнительно небольшую площадь казенных земель; произвести здесь силами Министерства финансов измерение и экономическое описание угодий соответственно их доброте и местным выгодам; после окончания этой работы отделить казенные земли, оброчные статьи и крестьян от ведомства Казенной палаты и передать их особому губернскому управлению («Конторе»), которое подчинить Главному управлению (или Комиссии); по окончании такого преобразования в Петербургской губернии начать измерение в 3—4-х губерниях (в том числе в Курской) и завершить его учреждением губернских Контор, «раздвигая вместе с тем и круг действия Главного управления или Комиссий». «Таким образом постепенно крестьяне перейдут в особые местные управления, а Департамент имуществ перельется весь в новый состав Главного управления». Однако, расходясь в частностях, и Киселев и Сперанский были согласны в самом существенном: измерение земель они рассматривали «только как средство к достижению основной цели» и старались придать всей работе «постоянное направление, с тою целью сообразное»; поэтому формулировку «главных не подверженных сомнению начал» они считали предварительным и необходимым условием задуманной реформы [1]. Спорными оставались вопросы, избирать ли в качестве первоначального опыта одну губернию (это обещало более простую и быструю реализацию плана) или несколько разнородных губерний (это обеспечивало бо́льшую полноту и разносторонность данных при разработке окончательного проекта) и, что еще важнее, поручать ли предварительные работы старым органам, что было значительно проще, или заблаговременно создать новые учреждения, что обещало больше успеха?

Таким образом, мнения Комитета 1835 года раздробились и найти общую почву для соглашения, особенно между Канкриным и его оппонентами, оказывалось чрезвычайно трудным. Комитет топтался на одном месте и оказывался не в состоянии выработать никакого определенного проекта. Такое положение вещей не могло остаться тайной для Николая I. Как раз в это время — вероятно в первой половине февраля 1836 года — он получил всеподданнейший отчет III Отделения, в котором подводились итоги крестьянским волнениям предшествующего года и указывалось на тяжелое и опасное положение государ-

[1] ЦАНХ, ф. V О., лит. «А», 1847 г., № 27 021, лл. 33—36. ЦАНХ, ф. Киселева, № 41 «Записка...», лл. 1—8.

ственной деревни [1]. Повидимому, под непосредственным впечатлением этих фактов, у Николая I созрело окончательное решение взять дело проектированной реформы в свои руки и образовать с этой целью новое отделение «собственной его и. в. канцелярии». Николай провел по этому вопросу специальную беседу со Сперанским и под его влиянием пришел к выводу, что для ускорения дела нужно начать с измерения земель в одной Петербургской губернии. В качестве главного двигателя реформы, в полном согласии со своими прежними намерениями, Николай решил привлечь Киселева. 17 февраля 1836 года во дворце, после придворного обеда, между царем и Киселевым состоялась решающая беседа, которая послужила основанием для всех дальнейших мероприятий. Заговорив о государственных крестьянах, Николай начал с резкой характеристики Канкрина и занятой им позиции: «Я давно убедился в необходимости преобразования их положения, но министр финансов, от упрямства или неуменья, находит это невозможным. Я его знаю и потому настаивал на необходимости заняться пристально и, увидев, что с ним это дело не пойдет, решился приступить к нему сам и положить основания под личным своим руководством». Продолжая далее мотивировать свое решение, царь высказался еще резче: «Канкрин сам уже убедился, что на нынешнем основании от департамента успеха ожидать не можно, а я ему доказал, по прочтении входящих и исходящих бумаг за целую неделю, что они пишут вздор, что он бумаг этих не видит и что все дело идет без толку». Царь предлагал Киселеву быть его ближайшим помощником, начать с межевания земель в Петербургской губернии и выработать вместе со Сперанским общие принципы реформы. Обсуждение и окончательная формулировка этих принципов падала на Комитет 1835 года. Прощаясь с Киселевым, Николай многозначительно прибавил: «Ты будешь мой начальник штаба по крестьянской части» [2]. Этими словами подчеркивалась и закреплялась та принципиальная позиция, из которой исходило правительство Николая I в вопросе о реформе управления государственными крестьянами: задуманное преобразование рассматривалось не в качестве обособленной и самодовлеющей меры, а как начальное звено в постановке и разрешении общекрестьянского вопроса. Такова была точка зрения, которую настойчиво проводили и Кочубей, и Сперанский в секретных Комитетах 1826 и 1830 годов, таково было руководящее мнение Комитета Васильчикова; такого намерения держался и сам Николай I, активно поддерживаемый Сперанским и Киселевым. Впоследствии, предлагая Александру II подтвердить права государственных крестьян, Киселев еще раз указал на эту взаимозависимость социальных планов Николая I: «Он желал дать устройство сельскому сословию вообще, начав с государственных крестьян» [3]. Так

[1] См. стр. 242.
[2] ЗД, II, стр. 11—13
[3] ЗД, II, стр. 148.

было понято учреждение нового отделения императорской канцелярии в кругах наиболее осведомленных современников. В этом смысле характерно письмо к Киселеву, написанное в начале 1837 года князем М. С. Воронцовым: приветствуя «расширение карьеры», которое открывалось перед Киселевым, «для дел истинно полезных нашему отечеству», Воронцов выражал удовлетворение, что казенные крестьяне изъяты «из нелепого управления Казенных палат» и что вместе с тем «можно ожидать разумного и твердого движения к существенному и необходимому улучшению быта крестьян вообще» [1].

Выполняя данное поручение, Киселев в продолжение февраля, марта и апреля 1836 года имел неоднократные совещания со Сперанским, а затем с председателем комитета Васильчиковым. Сперанскому, как подчеркивал впоследствии сам Киселев, принадлежала крупная роль на этом раннем этапе подготовки реформы. В частности, на Сперанского пала обязанность подвести итоги всем высказываниям в Комитете и наметить практические меры по вопросу о государственных крестьянах. В личном архиве Киселева сохранилось извлечение из журнала Комитета, которое излагало выводы и предложения этого суммирующего и решающего доклада. Сперанский сопоставил все высказанные точки зрения, изложил волю Николая I — начать преобразование с Петербургской губернии, обосновал мысль об учреждении особого временного отделения царской канцелярии и перечислил вытекающие отсюда необходимые мероприятия. Сопоставляя прежние предложения Сперанского с его окончательным проектом, мы убеждаемся, что доклад явился результатом взаимного соглашения с Киселевым: с одной стороны, Киселев должен был подчиниться решению императора ограничить свои первоначальные действия пределами Петербургской губернии, но с другой стороны, Сперанский должен был принять мнение Киселева — немедленно, при самом начале измерения земель, образовать новые органы управления государственными крестьянами и сейчас же по окончании измерения в Петербургской губернии распространить его на три или четыре разнородные губернии (в том числе Курскую). Что касается «основных правил будущего устройства казенных крестьян», Сперанский, очевидно, в полном согласии с Киселевым, предлагал наметить «только главные черты оного», чтобы избежать ошибок от недостаточного знакомства с разнообразными местными условиями. Комитету 1835 года оставалось, учитывая личную волю Николая I, принять все предложения, внесенные Сперанским, и представить их на формальное утверждение императора [2].

29 апреля 1836 года последовало два именных указа — один на имя Киселева об учреждении временного V Отделения собственной е. и. в. канцелярии и петербургской Конторы казенных имуществ, другой — министру финансов о передаче всех дел о казенных крестьянах

[1] ЗД, II, стр. 215.

[2] ЦАНХ, ф. Киселева, № 41, лл. 1—8. ЗД. II, стр. 14

и имуществах Петербургской губернии из Казенной палаты в ведомство новоучреждаемой Конторы. По словам указа, в V Отделении «должны быть собраны и приведены в надлежащую совокупность все сведения и предположения, вообще к преобразованию управления казенных крестьян относящиеся». Киселев становился единоличным докладчиком императору по всем делам V Отделения [1]. Фактически компетенция этого нового органа оказалась шире ее формально-юридического определения: в согласии с руководящей мыслью правительства, V Отделение, действительно, сделалось генеральным «штабом по крестьянской части»: в течение 20 лет оно служило основным средоточием всех проектов по крестьянскому вопросу, местом, куда стекались все предложения о смягчении и ликвидации крепостного права и откуда исходили все последующие попытки частичных преобразований сельского порядка. Вместе с тем создание V Отделения послужило исходным пунктом для разработки и проведения реформы по управлению государственными крестьянами.

Комитету 1835 года оставалось наметить главные начала предстоящего преобразования. Но члены Комитета, в том числе и сам Киселев, чувствовали себя недостаточно подготовленными к выполнению этой задачи. Нужно было разобраться в разнообразных проектах, накопившихся за предыдущее время, учесть многообразные условия и потребности различных местностей и договориться относительно основных принципов намечаемой реформы. К тому же, между членами Комитета, в частности между Канкриным и Киселевым, не могло быть взаимного понимания и согласия. Киселев предпочитал быть свободным в своих действиях, сохраняя в своих руках не только инициативу, но и все направление реформы. Вот почему уже через несколько дней он предложил Комитету Васильчикова предоставить ему возможность вникнуть в положение государственных крестьян и, разобравшись в материалах Петербургской губернии, дать свои заключения по важнейшим из возникающих вопросов. Программа, намеченная Киселевым, охватывала 7 основных пунктов:

1. Переложение оброка с душ на землю и промыслы.
2. Введение семейно-наследственного землепользования.
3. Наделение землею малоземельных.
4. Отвод и сохранение крестьянских лесов.
5. Улучшение сельского и волостного управления.
6. Прекращение неправильных поборов и притеснений.
7. Повышение доходов от оброчных статей.

Эта программа была результатом неоднократных консультаций со Сперанским и подводила итог многолетнему обсуждению вопроса в дворянских кабинетах и правительственных канцеляриях. Запоздалые попытки Канкрина отстранить экономические проблемы потерпели оконча-

[1] ПСЗ, XI, 9119, 9120.

гельное поражение. Под влиянием крестьянской борьбы направление реформы возвращалось в первоначальное русло проектов Кочубея и Сперанского. Выдвигая на первый план финансовые задачи, Сперанский и Киселев подчеркивали не только материальную заинтересованность казны в предпринимаемом преобразовании, но и важнейший источник крестьянского оскудения и недовольства. Выделяя вопрос о ликвидации крестьянского малоземелья и связывая этот пункт с другими хозяйственными проблемами, Сперанский и Киселев указывали наиболее существенные опорные пункты для укрепления и подъема крестьянской платежеспособности. Вопросу административному, в частности борьбе с хищениями и произволом местных органов, они уделили определенное, но менее значительное место. Замена общинного землепользования индивидуальным потеряла значение центрального момента реформы; тем не менее, и этот вопрос был включен в предлагаемую программу как спорный и требующий определенного заключения. Решив поставленные вопросы и учтя опыт удельного управления и закона 1826 года, Киселев должен был составить и внести в Комитет Васильчикова предварительный проект реформы управления государственными крестьянами.

Комитет согласился с предположениями Киселева, и 9 мая 1836 года они получили утверждение со стороны Николая I. В действительности этим формальным актом и закончилась деятельность Комитета 1835 года. После образования V Отделения и передачи дела в единоличное заведывание Киселева, существование Комитета 1835 года делалось излишним. С этого момента Комитет прекратил свои заседания и дальнейшая разработка реформы легла на самого Киселева и на его новых сотрудников [1].

Однако решения Комитета 1835 года и особенно его принципиальная программа, представленная в мае 1835 года, сохранили свое влияние в течение всего последующего периода. Комитет завещал Киселеву идею двуединой реформы, распространенной одновременно на казенных и помещичьих крестьян и направленной к смягчению и урегулированию феодальной зависимости в условиях развивающихся капиталистических отношений. Именно отсюда исходил сам Киселев, собирая необходимые материалы и намечая основные линии проектируемого переустройства.

---

[1] ЗД, II, стр. 15—17.

Глава четвертая

ДЕРЕВНЯ ПЕРЕД РЕФОРМОЙ

1. Материалы ревизии 1836—1840 годов как исторический источник. 2. Численность и распределение государственных крестьян. 3. Наделы. 4. Повинности. 5. Система управления. 6. Культурно-бытовые условия. 7. Общее хозяйственное положение. 8. Северное Поморье. 9. Озерный край. 10. Центральный промышленный район. 11. Центральный черноземный район. 12. Нижнее Поволжье. 13. Сибирь. 14. Правобережная Украина. 15. Белоруссия и Литва. 16. Прибалтика. 17. Основные выводы.

1. Материалы ревизии 1836—1840 годов как исторический источник

Организуя ревизию государственных имуществ в четырех губерниях, Киселев ставил себе определенную задачу: ознакомиться с основными разнотипными районами, чтобы решить хозяйственные проблемы задуманной реформы. Вот почему критерием для отбора ревизуемых губерний были приняты степень развития земледелия и промышленности в их взаимных повторяющихся сочетаниях. По данным V Отделения, Курская губерния соединяла в себе широкое развитие хлебопашества со значительным развитием промыслов; Псковская губерния отличалась скудным хлебопашеством и незначительной промышленностью; Московская губерния считалась одною из самых промышленных и в то же время «малохлебопашественной»; Тамбовская губерния обладала развитым земледелием, но не имела развитой промышленности [1]. Инструкция и наставления, данные в руководстве ревизорам, намечали широкую программу социально-экономического обследования. Ревизоры должны были всесторонне осветить основные стороны крестьянской жизни: выяснить, каково хозяйственное положение государственных крестьян и в чем коренятся причины хорошего или дурного состояния их быта; обратить внимание на размеры крестьянских угодий и на распределение их между селениями и отдельными хозяевами; изучить качество и способы обработки этих угодий; установить степень разви-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26422, лл. 25—26.

тия и доходности промыслов; проследить, каковы размеры крестьянских податей и повинностей, насколько правильно они собираются и почему они связаны с недоимками; привести в известность натуральные повинности крестьян и проверить, равномерно ли они распределены между сословиями; удостовериться, существуют ли хлебные запасные магазины, богадельни, больницы, училища и в каком состоянии они содержатся; наконец, обревизовать местное крестьянское управление, ознакомиться с нравственным уровнем и способностями начальников, с состоянием их делопроизводства и степенью законности их действий. Особое место в инструкциях занимали вопросы о положении казенных лесов и эксплоатации оброчных статей.

Собирая и систематизируя все эти сведения, ревизоры должны были не забывать основных моментов задуманной реформы: размежевания земель, переложения оброка на землю и промыслы, ликвидации незаконных поборов, наделения и переселения малоземельных крестьян, улучшения сельского и волостного управления, повышения доходности государственных имуществ и пр. Ревизорам вменялось в обязанность учитывать преобразования, проведенные в удельных имениях, и соображать, насколько они приложимы к государственным крестьянам.

Инструкциями и предписаниями точно определялся и самый порядок ревизии. Командированные чиновники должны были прежде всего явиться к местному губернатору, на которого возлагалась задача оказывать всестороннее содействие предпринимаемой ревизии. С губернатором ревизор поддерживал непосредственную и постоянную связь, обращался к нему во всех затруднениях и сообщал ему результаты своего обследования. Ревизия начиналась истребованием разнообразных сведений из Казенной палаты. Изучив эти материалы — законы, инструкции, ведомости, статистические данные,— ревизор должен был приступить к непосредственному личному обозрению государственных имуществ. Объезжая имение за имением в сопровождении чиновника Казенной палаты, ревизор должен был произвести изыскания по всем вопросам намеченной программы. При этом имелись в виду не только сношения с органами администрации — головами, старостами, писарями и пр.,— но также опросы самих крестьян, «в чем именно состоят удобства или неудобства правил, принятых для управления крестьян казенных и удельных, что должно изменить, дополнить или исправить в оных?» Кроме того, ревизору разрешалось принимать от крестьян словесные и письменные жалобы, «дабы узнать, чем в особенности недовольны крестьяне и от чего они более терпят». По некоторым вопросам, наиболее острым и важным (например, о полюбовном разделе земель, о способах уловления промыслового дохода, о целесообразности назначения особых комиссаров и пр.), рекомендовалось секретное собирание мнений и сведений от местных жителей «всех состояний».

В результате произведенного обследования ревизор должен был представить подробное хозяйственное описание казенных имений и

приложить к нему ряд ведомостей — о состоянии крестьян, о промыслах, об оброчных статьях и пр. На ревизию отводилось от 3 до 4 летних месяцев. Через министра финансов ревизоры снабжались необходимыми денежными средствами—подъемными, прогонными и суточными [1].

Очень скоро ревизия переросла намеченные территориальные рамки. Сначала к четырем разнотипным губерниям была присоединена еще одна — Петербургская, как опытно-показательная; позднее, в конце 1836 года, Киселев исходатайствовал у Николая I разрешение распространить произведенный «удачный опыт» на 10 великорусских губерний; через некоторое время, учитывая важность собранных сведений, было решено организовать ревизию повсеместно, за исключением Сибири и Грузии [2]. В конце концов ревизия была распространена и на сибирские губернии. В зависимости от местных условий менялось и содержание инструкций; сохраняя общие вопросы первоначальной программы, они включили в себя ряд специальных пунктов: например, ревизору, командированному в Черниговскую и Полтавскую губернии, предписывалось обратить особенное внимание на привилегии казачьего сословия (свободу винокурения, право продажи земли и пр.); в инструкции ревизорам западных губерний — украинских, белорусских, литовских, прибалтийских — уделялось крупное место фольварковому хозяйству арендаторов и влиянию арендной системы на хозяйственное положение крестьян [3].

По мере хода ревизии командированные чиновники получали дополнительные поручения, тоже расширявшие рамки обследования. В связи с личной поездкой Киселева по губерниям ревизорам предписывалось выбрать и описать по 2 волости, расположенные около почтового тракта — одну, находящуюся в цветущем, другую — в расстроенном состоянии. Летом 1837 года все ревизоры получили предписание произвести специальное обследование о вредном влиянии откупной системы. От ревизоров требовали дать заключение о размерах земельного надела («тяглового участка»), обеспечивающего правильное функционирование крестьянского хозяйства, составить особые ведомости о казенных волостях, перешедших из удельного ведомства, и т. д. [4]. Продолжением ревизии была деятельность так называемых «Приготовительных комиссий» по приему государственных имуществ из ведомства Казенных палат в распоряжение нового управления. Старшими членами этих комиссий часто назначались те же бывшие ревизоры. Получая и проверяя сдаточные ведомости по казенным имениям, Приготовительные комиссии производили новые обследования, дополняя и уточняя ранее полученные данные.

---

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26422 (особенно лл. 31—35, 49—62).
[2] ЦАНХ, ф. V О., д. 26428, лл. 1—2, 5—8.
[3] Там же, д. 26428, лл. 208—233, 336—383
[4] Там же, д. 26422.

Киселев хорошо понимал, что успех ревизии зависел от удачного подбора командируемых чиновников — от их способностей, знаний и честности. V Отделение обратило особенное внимание на приглашение подходящих кандидатов, используя с этой целью бюрократические кадры различных министерств. Предполагалось, что ревизоры, хорошо справившиеся с своей задачей, займут ответственные посты по новому управлению и что ревизия послужит для них наилучшим способом для ознакомления с делами. Просматривая списки приглашенных чиновников и учитывая итоги их ревизорской и последующей деятельности, мы находим здесь ряд деловитых и энергичных бюрократов: таков был таврический ревизор Кеппен, адъюнкт Академии Наук и впоследствии академик, человек редкой трудоспособности и больших экономических знаний; таков был виленский ревизор Арцимович, позднее калужский губернатор и известный участник крестьянской реформы 1861 года; большую энергию и твердость проявил подольский ревизор капитан Забелла, разоблачивший отрицательные стороны арендной системы; настойчиво и всесторонне освещал злоупотребления местного управления екатеринославский ревизор, коллежский асессор Гладкий; обстоятельные и продуманные отчеты представили петербургский ревизор Лоде, псковский ревизор Шеншин, курский ревизор Веневитинов и т. д. Но в среде ревизоров, несмотря на строгий отбор Киселева, оказались и такие лица, которые воплотили в себе самые отталкивающие стороны дореформенного режима: помощник Арцимовича губернский секретарь Вериницкий оказался взяточником и был устранен от ревизии; пермский ревизор полковник Фридерикс представил поверхностный отчет, а впоследствии, стоя во главе управления пермскими государственными имуществами, прославился произволом и хищениями; тульский ревизор Мельников проявил бездеятельность и был уволен; курляндский ревизор (повидимому, местный помещик) барон Оффенберг опирался исключительно на сведения губернских учреждений и на опросы арендаторов, нисколько не заботясь о проверке этих односторонних показаний [1]. Тем не менее, исходя из материалов ревизии и отзывов с мест, можно считать, что подавляющее большинство ревизоров было добросовестными исполнителями инструкций и что представленные ими данные могут служить достаточно надежным историческим источником.

Правда, условия, в которых работали ревизоры, оказались чрезвычайно тяжелыми. Казенные палаты сплошь да рядом не могли доставить требуемых сведений; губернский аппарат николаевской России был неповоротливым и громоздким; данные, поступавшие от местных чиновников, были неполными, часто устаревшими и еще чаще противоречивыми. Ревизоры осаждали V Отделение жалобами на волокиту и небрежность губернских административных органов. Как правило, хо-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26482, лл. 16—20; д. 26450, л. 33; д. 26465, лл. 31—37, 116; д. 26471, лл. 1—120; д. 26474, лл. 67. 179; д. 26485, лл. 3—4.

зяйственные отделения Казенных палат, исправники, стряпчие и другие представители местной власти стремились скрыть от ревизоров действительную правду, чтобы не допустить угрожающих разоблачений и неминуемых взысканий. Волостные и сельские выборные были невежественными, большею частью неграмотными и нередко своекорыстными исполнителями начальственных приказаний; по отзывам всех ревизоров, волостное и сельское делопроизводство представляли собою хаос, в котором трудно было свести концы с концами. Наконец, сами крестьяне, не без влияния тех же чиновников и выборных, были предубеждены против начавшейся ревизии, ожидая очередного усиления налогов и не надеясь на улучшение своего положения. «Мы не теряем ни одной минуты,— доносил Киселеву вятский ревизор Холодовский,— ловим все случаи, объясняющие настоящее положение государственных имуществ, но по неполноте и неверности доставленных нам из Казенной палаты сведений, по запутанности дел и счетов волостных правлений и по неимению сведущих толковых домохозяев, объяснение каждого предмета ревизии сопряжено с большими затруднениями»[1].

Киселев рекомендовал ревизорам обращаться за содействием к местным губернаторам, но позиция губернаторов была далеко не одинаковой. Некоторые из них, вроде курского М. Н. Муравьева, оказывали ревизии энергичную поддержку и не скупились на критику подведомственных учреждений. Другие — и таких было большинство — должны были считаться с давлением царской канцелярии и в столкновениях ревизоров с местными органами держались в отношении первых благожелательного нейтралитета. Но были губернаторы иного типа,— например, олонецкий Дашков или нижегородский Бутурлин,— которые стали в резкую оппозицию к командированным чиновникам; ревизию государственных имуществ они рассматривали, как непрошенное и опасное вмешательство в компетенцию местной администрации; в действиях уполномоченных Киселева они видели «удаление от законного порядка, отстранение узаконенных властей, совершенное минование полиции, присвоение прав, никаким законом не предоставленных и в инструкции невидимых, и притом скрытность от здешнего главного начальства и совершенную от него независимость». Они апеллировали к министру внутренних дел и иногда создавали для ревизоров крайне тяжелую обстановку. Орловский ревизор Похвиснев, разоблачавший преступления местных чиновников, писал управляющему V Отделением:

---

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26455, лл. 26, 15—16; д. 26460, лл. 3—4, 42—43, 59—60, 94; д. 26485 (29), л. 16; д. 26448, л. 15; д. 26440, л. 6; д. 26476 (2) В-1, л. 47; д. 26485 (7), л. 5; д. 26447, лл. 98—99; д. 26433, лл. 143—144; д. 26443, лл. 132—141, 185—230; д. 26456, лл. 161—167; д. 26441, лл. 84—85; д. 26454, лл. 105—106, 112—113, 429; д. 26438, лл. 55—58; д. 26435, лл. 16, 28, 45—60, 66, 82; д. 26430, лл. 19—20, 148—149; д. 26450, л. 169; д. 26429, лл. 411—424 и т. д.

«Засим действия местного начальства час от часу делаются смелее, а я начинаю терять должную самонадеянность, не имея от вас на что-либо опереться...» [1]. Огромному большинству ревизоров приходилось надеяться на самих себя и свои главные усилия сосредоточивать на личном и непосредственном изучении государственных имений.

Насколько велика была эта работа, показывает отчет архангельского ревизора Огарева: за 5 месяцев ревизии он изъездил 5800 верст, его помощник Миронов — около 4000 верст, второй помощник Михайлов — 3400 верст и третий помощник Федорицкий — 1500 верст, всего 14 700 верст. За это время ревизором было исписано 5 тысяч номерованных листов, составивших делопроизводство ревизии Архангельской губернии. Порядок обследования хорошо иллюстрируется предписаниями сибирского ревизора генерал-майора Черкасова, которые он заблаговременно разослал по волостным правлениям. К моменту своего приезда Черкасов требовал приготовить к обревизованию все дела волостного правления, запасные хлебные магазины и общественные заведения. Волостной голова и волостной писарь должны были встретить ревизора на границе волости, имея на руках списки должностных лиц и крестьян, которые подлежали личному опросу со стороны ревизора. Из должностных лиц обязаны были ждать вызова сельские старшины и десятники, магазин-вахтеры (смотрители хлебных магазинов) с магазинными книгами, тетрадями и счетами, сборщики податей с реестрами и квитанциями, сельские писаря с материалами о полевом хозяйстве и квитанциями в сдаче податей, церковные сторожа и поселенческие старосты. От каждой деревни должны были явиться выбранные миром крестьяне — десять зажиточных, двенадцать среднего состояния и пятнадцать неимущих. Кроме того, вызывались все наличные поселенцы, отставные солдаты, казаки, самовольные переселенцы. Волостное правление должно было объявить по деревням, что каждый крестьянин, имеющий надобность в ревизоре, может явиться и свободно говорить с ним [2]. Материалы по остальным губерниям показывают, что большинство ревизоров широко использовали метод личных опросов; они принимали устные, в частности, коллективные заявления крестьян, приобщали к делу их письменные жалобы, поверяли данные Палат и Департамента местными показаниями, разбирались с помощью крестьян в волостных и арендных документах.

Результатом такого обследования было накопление большого материала о беспорядках, хищениях и насилиях, допущенных в управлении государственными крестьянами. В V Отделение и к местным губернаторам поступало немало донесений ревизоров о раскрытых ими злоупотреблениях. Это создавало командированным чиновникам новые

---

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26438, лл. 37—40; д. 26454, лл. 27—40; д. 26455, лл. 37—38; д. 26456, лл. 150, 158; д. 26424, л. 3; д. 26435, л. 14.

[2] ЦАНХ, ф. V О., д. 26456, л. 34; д. 26476 А-II, лл. 1—2.

трудности. Екатеринославский ревизор Гладкий писал Киселеву, что он старается «выполнить принятую на себя обязанность, несмотря ни на гнев Палаты, ни на брань исправников, ни на вопль откупщиков» [1]. Саратовский ревизор Долгорукий, описав небрежность и вымогательства местной администрации, заканчивал свой рапорт следующим заявлением: «Лица, дозволявшие себе управлять поселянами таким беззаконным образом, употребляют ныне все возможные средства, чтобы затруднить меня и везде и всячески мне противодействовать. В каждом селении, куда приезжал я, мне предшествовали один или два заседателя Земского суда для внушения крестьянам, чтобы они ни о чем не объявляли мне откровенно: ни о своем состоянии, потому что цель моего приезда будто бы обложить поселян бо́льшим оброком, ни о их злоупотреблениях, потому что после моего объезда они снова останутся в их заведывании и испытают на себе всю меру их мщения» [2]. Против некоторых ревизоров была организована настоящая кампания, имевшая целью скомпрометировать их в глазах Петербурга или сделать невыносимым их пребывание в губернии. Когда иркутский ревизор Черкасов с помощью крестьян раскрыл преступления красноярской администрации, ему была объявлена настоящая война со стороны местной полиции. Исправник Засульский объезжал обревизованные селения, лично избивал крестьян-жалобщиков и вымогал у них подписку в том, что они дали неверные показания, а ревизору поднесли крупную взятку. Один из волостных писарей, смещенный по предложению ревизора, внушал крестьянам, что Черкасов «фальшивый крестьянский бог», а исправник Засульский — «справедливый бог», который покарает их, будет их тиранить и даже сошлет на каторгу. Красноярский городничий арестовал домашнего слугу ревизора и конфисковал купленные для ревизора вещи. Черкасову пришлось прибегать к защите сначала иркутского губернатора, а затем самого генерал-губернатора Восточной Сибири [3].

Еще ожесточеннее была кампания, поднятая против подольского ревизора Забеллы. В результате его обследования выяснилось повсеместное нарушение инвентарей и контрактов, допущенное арендаторами казенных имений. Проверив жалобы крестьян, Забелла убедился в незаконности увеличения крестьянских повинностей, отобрании у них земельных наделов и жестоком обращении с ними арендаторов. Между ревизором и поссессорами бывали горячие споры, иногда в присутствии крестьян. В ответ на эти разоблачения к Киселеву посыпались заявления и жалобы со стороны поссессоров и местного губернатора. Ревизора обвиняли в сознательном подстрекательстве крестьян к неповиновению и отказу от работ. Губернатор Гирс заявлял Киселеву, что «неслыханные действия» Забеллы подрывают доходы не только поссессоров —

[1] Там же, д. 26451, л. 69.
[2] ЦАНХ, ф. V О., д. 26433, л. 18.
[3] Там же, д. 26476/1-А-16, лл. 7—10; д. 26476/А-57, лл. 31—33, 13—15.

в том числе высших чиновников государства: князя Витгенштейна, адмирала Грейга, министра Татищева,— но и самой государственной казны. Ревизор колеблет авторитет административной власти; он является виновником смут, охвативших подольские казенные имения: крестьяне перестали обрабатывать владельческие фольварки, занялись только собственным хозяйством, бьют досмотрщиков, вызывающих их на барщину. В свою очередь, Римско-католическая коллегия и подольский епископ выражали беспокойство по поводу ревизии Забеллы и ее возможных последствий. В Петербург поступили донесения, что ревизор публично оскорбляет и бьет арендаторов, насильственно врывается в их дома, развозит с собой наложницу, переодетую в мужское платье и выдаваемую им за племянника. Киселев, встревоженный этими жалобами, поручил волынскому ревизору генералу Мочульскому проверить действия Забеллы и, если обвинения подтвердятся, устранить его от производства ревизии. Из секретного сообщения Мочульского видно, что возведенные против ревизора обвинения оказались клеветническими: Забелла, доносил Мочульский, «усерднейше исполняет данные ему поручения и приносимые на него жалобы полагаются средством оправдания просителей» [1].

Иногда деятельность ревизоров и Приуготовительных комиссий служила поводом для коллективных выступлений местного дворянства. Так было в Полтавской губернии, страдавшей крайней чересполосицей — результатом многолетних захватов казенных земель со стороны соседних помещиков. Чтобы точнее установить границы государственных имений и подготовить почву для полюбовного размежевания, старший член Полтавской приуготовительной комиссии, полковник Арандаренко, запросил у губернского предводителя дворянства документы местных помещиков на право владения землею. В таком обращении помещики увидели угрозу владению захваченными участками. На дворянском собрании, по предложению губернского и уездных предводителей, было принято коллективное заявление протеста. Ссылаясь на «универсалы гетманов малороссийских, грамоты королей польских, царей и императоров российских», полтавское дворянство выступило на защиту своего права собственности, закрепленного давностным владением. Дворянство утверждало, что многие акты утрачены, предъявление документов на каждый лоскут земли невозможно, а сделанный запрос «есть рановременный, наводящий сомнение и беспокойство дворянству». Авторы петиции требовали отмены проектированной меры и считали, что onus probandi в утверждении своих владельческих прав должен лежать не на частных собственниках, а на государственной казне. Такое же беспокойство вызвали у черниговского дворянства действия ревизора Войцеховича: в V Отделение поступило тревожное сообщение черниговских помещиков, что этот чиновник ездит в коляске шестеркою

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26460, лл. 25—29, 31—32, 34, 35—38, 46, 48—49, 51—54, 59, 63—67, 68, 69.

обывательских лошадей, в сопровождении свиты из трех чиновников, что казаки называют его генералом, присланным от царя; этот чиновник повсюду разглашает, что нищета казаков происходит от свободного винокурения, действия Литовского статута и помещичьих захватов казачьей земли. Среди дворянства,— продолжали авторы сообщения,— распространились неудовольствие и ропот; некоторые дворяне обратились к защите губернского предводителя, другие «не могли не возыметь сомнения, видя, как волостные урядники целыми толпами выгоняли в город к Войцеховичу, по его требованию, казаков для принесения ему жалоб, которые он принимал от них на словах и на письме, забирая по оным разные справки из присутственных мест, а по отъезде его слыша похвальбы казаков, сопровождаемые угрозами об отборе пре́дковщины (т. е. достояния предков) их от помещиков». Письмо предупреждало против потрясения «драгоценнейших привилегий» малороссийского дворянства, во имя неприкосновенности его права собственности. Киселев, получая подобные заявления, стремился уладить возникшие инциденты и устранить новые поводы к коллективным ходатайствам [1].

Иногда объездов и изысканий ревизоров оказывалось недостаточно для выяснения действительного положения государственной деревни. Так было в Курской губернии, где ревизор Веневитинов столкнулся с крайней запутанностью в вопросах землевладения и взыскания недоимок. По ходатайству Киселева Николай разрешил образовать специальную губернскую комиссию для разбора недоимок, а состояние землевладения, запутанное насильственными захватами и частными сделками, было поручено осветить специально командированному чиновнику вместе с Межевым комитетом и местными административными органами. Губернская комиссия по разбору недоимок, в свою очередь, образовала уездные комиссии, которые в конце концов привели в порядок местное финансовое счетоводство. Большая дополнительная работа была произведена и по вопросам землевладения государственных крестьян Курской губернии. Такие же дополнительные изыскания о недоимках пришлось произвести в Саратовской губернии [2].

Ревизия обошлась в крупную сумму — 258 291 рубля 31 копейки [3]. По мере ее окончания в V Отделении накоплялся обширный материал хозяйственных описаний, статистических ведомостей и делопроизводственной переписки. Эти данные изучались Киселевым и его помощниками, частично просматривались Николаем I, служили основанием для докладов и проектов V Отделения, а впоследствии были использованы для составления ряда статей в Журнале министерства государственных

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26449, лл. 93, 111—114, 122—126, 137—141, 143—146, 276—283; д. 26447, лл. 25—26, 31—37.

[2] ЦАНХ, ф. V О., д. 26425 (I), лл. 91—97, 140—143, 146—149; д. 26425 (II), лл. 168—169; д. 26425 (III), лл. 84—85, 99; д. 26427, л. 225.

[3] Там же, ф. V О., д. 26482 (II), л. 26.

имуществ. В 1839 году была образована специальная комиссия для сводки ревизорских отчетов и составления общего обозрения государственных имуществ. Были затребованы дополнительные материалы с мест и сделана первая сводка ревизорских отчетов. Она не удовлетворила руководителей нового ведомства. Последовало назначение новой комиссии и составление нового общего обозрения, сводных ведомостей и заключительных выводов.

В 1843 году, в связи с теснотой архива Министерства государственных имуществ, было решено весь материал оброчных губерний разослать на места; в министерском архиве остались дела западных губерний — Правобережной Украины, Белоруссии, Литвы и отчасти Прибалтики; сохранилась также вся делопроизводственная переписка и разрозненные дела отдельных великорусских губерний [1]. За истекшее столетие этот материал подвергался неоднократным пересмотрам, частичным изъятиям и перевозкам в новое помещение. В настоящее время сохранилась только часть ревизорских отчетов; пропали многие хозяйственные описания, почти все статистические ведомости и общие сводные обозрения.

Тем не менее 450 дел, относящиеся к ревизии 1836—1840 годов и хранящиеся в Центральном архиве народного хозяйства, имеют значение крупного исторического источника. Состав этих дел далеко не равноценен. Наиболее полными и содержательными являются хозяйственные описания арендных имений Правобережной Украины и казенных волостей Сибири. Вторую категорию составляют общие погубернские описания государственных имуществ, имеющиеся по большинству западных районов, по Западной и Восточной Сибири и по немногим великорусским губерниям (Курской, Псковской и пр.). Третье место занимает обширная административная переписка, в которую вложены докладные записки, отчеты и статистические ведомости (по Московской, Тамбовской и другим губерниям); несмотря на разрозненность и отрывочность этих документов, они помогают представить себе состояние государственных крестьян в ряде великорусских губерний. Но такие конкретные материалы сохранились не по всем районам; бо́льшая часть дел ревизии 1836—1840 годов представляет собой формальное делопроизводство, которое мало освещает реальное положение вещей в государственной деревне. Особое место занимает трехтомное дело о вредном влиянии откупной системы, дающее материал о систематическом спаивании казенных крестьян откупщиками и кабатчиками. Важным дополнением к этим основным источникам служат дела о ревизионных поездках самого Киселева, дела комиссий по сводке ревизорских отчетов и отдельные статьи Журнала министерства государственных имуществ, в той или иной степени использовавшие материалы ревизии.

---

[1] Там же, ф. V О., д. 26482 (I), лл. 22, 26, 39; д. 26482 (II), лл. 130, 147—148; д. 26482 (III), лл. 45—47, 50. ЦАНХ, ф. 1 Департамента МГИ, 1841 г., № 3026.

В числе этих документов, наряду с хозяйственными описаниями государственных имуществ, особенно важны письменные крестьянские жалобы, записки местных деятелей и секретная переписка губернаторов с ревизорами, Киселевым и его помощником по V Отделению Карнеевым.

Не только в ведомостях, но и в общих обозрениях ревизоров встречается немало цифровых данных; однако этот важный источник, несмотря на всю свою кажущуюся точность, требует предварительной критической оценки. Не все статистические сведения, представленные ревизорами, могут считаться одинаково надежными. Наиболее близкими к действительности являются данные финансового порядка — о количестве собираемых налогов, о денежной ценности натуральных повинностей, о размерах накопившихся недоимок и проч.; Волостные правления, Казенные палаты и особенно Уездные казначейства были кровно заинтересованы в проверке и уточнении этих сведений.

Приблизительно верными могут считаться цифры количества населения: в силу тех же финансово-административных соображений государственные органы обращали большое внимание на эту сторону дела. Тем не менее мы встречаем в источниках существенные разногласия в итогах вследствие применения различных принципов подсчета и комбинирования материала. Данные о количестве земель — крестьянских, фольварковых, оброчных и пр.— заключают в себе большие ошибки; часто они устанавливались ревизорами на основании самостоятельного сличения противоречивых данных, при отсутствии межевых планов и официально заверенных описаний, а иногда — на основании непосредственного опроса волостных органов и сельского мира. Такой же характер носят сведения о продовольственных запасах, ссудах и недоимках: при малограмотности и небрежности крестьянских выборных, счетоводство хлебных запасных магазинов было далеко не безупречным; ревизорам, а позднее Приготовительным комиссиям приходилось делать большие усилия, чтобы разобраться в запутанных записях о выдаче и возвращении семенных и продовольственных ссуд. Наименее надежными надо признать сведения о земельных и промысловых доходах крестьян и вообще данные, относящиеся к крестьянским бюджетам. Как правило, эти цифровые величины получались в результате суммарных опросов и самостоятельных вычислений ревизоров; внимательного изучения посемейных бюджетов не производилось, проверки стандартных ответов крестьян, повидимому, не было; самая сущность подобных опросов должна была побуждать крестьян скрывать настоящее положение вещей из опасения роста государственного обложения. Вот почему, используя цифровые данные ревизии 1836—1840 годов, мы должны подходить к ним дифференцированно и осторожно, поверяя их конкретными наблюдениями и общими характеристиками ревизоров.

Нет никакого сомнения, что материалы ревизии 1836—1840 годов заключают в себе много недостатков: сами ревизоры, так же как и гу-

бернаторы, просматривавшие их отчеты, делали оговорки относительно неполноты, а иногда — приблизительности собранных данных; делопроизводство местных органов николаевского времени не обеспечивало безошибочности и точности статистических сведений; время, отведенное на производство ревизии, было очень коротким для всестороннего и тщательного изучения десятков, а иногда сотен казенных волостей; наконец, надо помнить, что ревизия производилась агентами дворянского правительства в условиях отсталой феодально-бюрократической империи. Несомненно, что в описаниях и выводах ревизоров имеются ошибки, противоречия и пристрастные классовые оценки. Тем не менее, в ревизии 1836—1840 годов можно установить положительные моменты, которые в значительной степени нейтрализуют указанные недостатки. Ревизия была организована с определенной целью — раскрыть отрицательные стороны предшествующего, официально осужденного управления; в основу ревизии была положена достаточно широкая и продуманная программа, ставившая глубокие и важные вопросы крестьянской жизни; ревизорам была предоставлена большая самостоятельность в действиях; центр тяжести их деятельности переносился на непосредственное обследование казенной деревни; опрос самих крестьян повышал качество собираемых сведений; подбор ревизоров, как показывают факты, облегчил независимость их действий в противовес узко классовым притязаниям помещиков и сопротивлению местных администраторов. Ревизия 1836—1840 годов по условиям своей организации и итогам своего выполнения превосходила качественно предшествующие ревизии, не исключая и сенаторских [1]. По широте своего охвата она является одним из важнейших обследований дореформенного периода. Использование ее сохранившихся материалов составляет важное подспорье для изучения жизни докиселевской государственной деревни.

Материалы ревизии помогают нам в трех основных направлениях. С одной стороны, они значительно дополняют сведения о государственных крестьянах, которые мы имеем от предшествующего периода; разрозненные, отрывочные, нередко субъективные данные официальных и частных наблюдателей находят себе восполнение в систематических, разносторонних и гораздо более точных ревизорских отчетах. С другой стороны, материалы ревизии дают нам возможность не только набросать общую картину положения государственных крестьян, но всмотреться и вдуматься в конкретную специфику различных хозяйственных районов. Благодаря наличию такого материала мы оказываемся в силах уяснить себе конкретное многообразие социально-экономических отношений, которые складывались в государственной деревне под влиянием разложения феодальной формации. Наконец, ревизия 1836—1840 годов, проведенная почти одновременно и повсеместно, дает нам возможность

[1] В некоторых губерниях ревизорам приходилось разоблачать формализм, неполноту и неточность прежних ревизий, например, в Курской и Псковской губерниях. ЦАНХ, ф. V О., д. 26424, лл. 125—136.

судить о положении государственных крестьян накануне реформы Киселева, следовательно не только понять условия и особенности реформы, но и нащупать точку опоры для ее исторической оценки. Исходя из этих материалов, мы получаем более объективный критерий для сопоставлений и выводов о тех изменениях, которые вносила реформа в хозяйственную и культурную жизнь государственного крестьянства.

2. Численность и распределение государственных крестьян

Прежде чем характеризовать социально-экономическое положение казенной деревни, необходимо точно установить численность государственных крестьян накануне реформы. На основании данных Приготовительных комиссий 1836—1840 годов в империи жило 7 583 888 государственных крестьян (не считая Сибири и Закавказья), которые распределялись по губерниям следующим образом.

Численность государственных крестьян по данным 1836—1840 годов[1]

№ п/п.	Наименование губерний и областей	Число государственных крестьян мужского пола	№ п/п.	Наименование губерний и областей	Число государственных крестьян мужского пола
1	Архангельская	67 933	26	Орловская	194 978
2	Астраханская	27 658	27	Оренбургская	312 355
3	Бессарабская	30 187	28	Олонецкая	76 111
4	Виленская	80 920	29	Пензенская	196 685
5	Витебская	48 849	30	Пермская	373 673
6	Владимирская	126 214	31	Подольская	39 422
7	Вологодская	268 653	32	Полтавская	425 578
8	Волынская	62 743	33	Псковская	116 449
9	Вятская	604 042	34	Рязанская	156 987
10	Воронежская	451 339	35	Санкт-Петербургская	24 684
11	Гродненская	65 397	36	Саратовская	309 486
12	Екатеринославская	186 565	37	Смоленская	95 539
13	Кавказская	55 720	38	Таврическая	199 513
14	Казанская	446 228	39	Тамбовская	360 365
15	Калужская	92 391	40	Тверская	194 476
16	Киевская	64 065	41	Тульская	80 665
17	Курляндская	66 571	42	Харьковская	289 400
18	Курская	370 205	43	Херсонская	42 169
19	Костромская	72 878	44	Черниговская	294 652
20	Лифляндская	49 955	45	Эстляндская	2 143
21	Минская	46 428	46	Ярославская	107 128
22	Могилевская	23 817	47	Белостокская область	46 810
23	Московская	150 638			
24	Нижегородская	89 403		Итого	7 583 888
25	Новгородская	95 821			

Располагая эти данные по степени заселенности губерний государственными крестьянами, мы получаем такие обобщающие итоги:

[1] ЖМГИ, 1841 г., № 1, стр. 8—9. Данная сводка была основана на материалах ревизии, проверенных и исправленных при сдаче государственных имений новому ведомству. Отсюда — некоторые расхождения в погубернских итогах между подсчетами ревизоров V Отделения и приводимыми цифрами.

	Число государственных крестьян в губернии (в тысячах рев. душ)	Число губерний	Название губерний
I	Менее 50	11	Астраханская, Бессарабская, Витебская, Лифляндская, Минская, Могилевская, Подольская, Санкт-Петербургская, Херсонская, Эстляндская, Белостокская область
II	От 50 до 100 . . .	13	Архангельская, Виленская, Волынская, Гродненская, Кавказская, Калужская, Киевская, Костромская, Курляндская, Новогородская, Олонецкая, Смоленская, Тульская
III	От 100 до 200 . . .	10	Владимирская, Екатеринославская, Московская, Орловская, Пензенская, Псковская, Рязанская, Таврическая, Тверская, Ярославская
IV	От 200 до 300 . . .	3	Вологодская, Харьковская, Черниговская
V	От 300 до 400 . . .	5	Курская, Оренбургская, Пермская, Саратовская, Тамбовская
VI	От 400 до 500 . . .	3	Воронежская, Казанская, Полтавская
VII	Более 500	1	Вятская

Таким образом, большая часть губерний имела от 50 до 200 тысяч ревизских душ; наиболее населенными были губернии колонизующегося востока (Приуралья и Нижнего Поволжья) и перенаселенного черноземного центра; наименьшее число государственных крестьян наблюдалось на западной и крайней восточной окраинах государства (Прибалтика, Бессарабия и пр.). Чтобы точнее уяснить себе распределение государственных крестьян по различным районам, можно воспользоваться в качестве вспомогательных данных цифрами 8-й народной ревизии. Хотя итоги 8-й ревизии не совпадают с показаниями ревизоров V Отделения, тем не менее они помогают нам установить процент государственных крестьян по отношению к общему числу жителей и по отношению к общему числу крестьян — помещичьих, удельных и государственных.

Численность государственных крестьян по 8-й ревизии 1835 года[1]

№ по порядку	Губернии	Число государственных крестьян мужского пола	Число всех жителей мужского пола	Процент государственных крестьян к числу всех жителей мужского пола	Число всех крестьян мужского пола	Процент государственных крестьян к числу всех крестьян мужского пола
1	Архангельская	69 910	109 332	63.9	92 088	75.9
2	Астраханская	64 490	143 500	44.9	69 746	92.4
3	Бессарабская	28 879	352 430	8.1	36 150	79.8
4	Виленская	92 887	386 117	24.0	294 294	31.5
5	Витебская	66 217	375 065	17.6	304 756	21.7
6	Владимирская	129 346	535 821	24.1	502 500	25.7

[1] П. Кеппен, Девятая ревизия, СПб., 1857, стр. 189—200, 217. В основу распределения по губерниям П. Кеппеном положено административное деление 1851 года, т. е. после образования Ставропольской и Самарской губерний и, следовательно, после соответственного увеличения Астраханской губернии за счет ликвидированной Кавказской и уменьшения Саратовской и Оренбургской за счет новообра-

№ по порядку	Губернии	Число государственных крестьян мужского пола	Число всех жителей мужского пола	Процент государственных крестьян к числу всех жителей мужского пола	Число всех крестьян мужского пола	Процент государ. ственных крестьян к числу всех крестьян мужского пола
7	Вологодская	204 643	359 125	56.9	330 890	61.8
8	Волынская	89 256	705 712	12.6	540 754	16.5
9	Воронежская	457 584	734 180	62.3	715 828	63.8
10	Вятская	597 031	720 473	82.8	678 180	88.0
11	Гродненская	122 473	405 521	30.2	319 337	38.3
12	Екатеринославская	203 118	396 230	51.2	358 945	56.5
13	Енисейская	80 970	102 843	78.5	81 147	99.7
14	Забайкальская	76 660	125 529	61.0	76 734	99.9
15	Иркутская	70 743	128 139	55.2	70 816	99.8
16	Казанская	447 378	583 409	78.3	558 602	80.0
17	Калужская	90 664	455 555	19.9	404 849	22.3
18	Киевская	89 647	733 118	12.2	594 236	15.0
19	Ковенская	98 856	409 260	24.1	274 629	35.2
20	Костромская	78 070	456 543	16.1	437 166	17.8
21	Курляндская	64 551	245 864	26.2	—	—
22	Курская	344 853	769 220	44.8	701 665	49.1
23	Лифляндская	49 234	355 189	13.8	—	—
24	Минская	64 407	467 778	13.7	357 461	18.0
25	Могилевская	32 848	423 248	7.7	331 978	9.8
26	Московская	156 912	616 518	25.4	500 071	31.3
27	Нижегородская	115 453	509 735	22.6	490 122	23.5
28	Новгородская	95 531	403 511	23.6	313 741	30.4
29	Олонецкая	76 187	112 567	67.6	83 394	91.3
30	Оренбургская	161 309	865 374	18.6	310 596	53.5
31	Орловская	191 259	670 206	28.5	600 653	31.8
32	Пензенская	195 282	485 621	40.0	458 629	42.5
33	Пермская	370 057	707 726	55.1	600 610	61.6
34	Подольская	53 013	753 202	7.0	515 763	10.2
35	Полтавская	390 867	809 309	48.2	727 894	51.6
36	Псковская	108 524	342 211	31.7	314 793	34.4
37	Рязанская	176 335	615 788	28.6	567 073	31.0
38	Самарская	277 284	—	—	—	—
39	Санкт-Петербургская	30 926	253 143	12.2	171 994	17.6
40	Саратовская	216 803	774 723	27.9	579 104	37.4
41	Смоленская	93 374	517 347	18.0	472 977	19.7
42	Ставропольская	73 175	243 987	29.9	80 843	90.5
43	Таврическая	196 725	265 349	74.1	214 150	91.3
44	Тамбовская	343 013	779 835	43.9	715 079	47.9
45	Тобольская	334 095	352 170	94.8	335 492	99.5
46	Томская	54 040	233 344	23.1	54 478	99.1
47	Тверская	198 338	617 949	32.0	580 154	34.1
48	Тульская	77 348	552 246	14.0	493 714	15.6
49	Харьковская	288 100	659 132	43.7	514 236	56.0
50	Херсонская	39 886	392 379	10.1	191 316	20.8
51	Черниговская	282 385	646 968	43.6	572 775	49.3
52	Эстляндская	2 186	135 545	1.6	—	—
53	Якутская	1 508	89 311	1.6	1 517	99.4
54	Ярославская	109 192	429 127	25.4	396 218	27.5
	Итого	8 423 822	24 313 524	34.6	18 990 137	44.3

зованной Самарской. Число свободных крестьян в Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниях П. Кеппеном не указано, но зато учтены государственные крестьяне Сибири. В итоговую сумму крестьян Пензенской губернии введены 3549 конюзаводских крестьян. В основу исчисления 8-й народной ревизии легли ведомственные данные Министерства финансов. Позднейшие сведения, доставленные ревизорами V Отделения, следует признать более точными. Процентные отношения вычислены автором данной работы.

Определяя место государственных крестьян среди всего населения губерний, мы получаем следующие итоги:

	Процент государственных крестьян к числу всех жителей мужского пола	Число губерний	Название губерний
I.	Менее 10	5	Бессарабская, Могилевская, Подольская, Эстляндская и Якутская
II	От 10 до 25	16	Виленская, Витебская, Владимирская, Волынская, Калужская, Киевская, Ковенская, Костромская, Лифляндская, Минская, Нижегородская, Новгородская, Оренбургская, Смоленская, Тульская, Херсонская
III	От 25 до 50	17	Астраханская, Гродненская, Курляндская, Курская, Московская, Орловская, Пензенская, Полтавская, Псковская, Рязанская, Ставропольская, Саратовская, Тамбовская, Тверская, Харьковская, Черниговская, Ярославская
IV	От 50 до 75	10	Архангельская, Вологодская, Воронежская, Екатеринославская, Забайкальская, Иркутская, Олонецкая, Пермская, Таврическая, Томская
V	Более 75	4	Вятская, Енисейская, Казанская, Тобольская

Следовательно, в 14 губерниях из 53 (т. е. более чем на четвертой части всей территории) государственные крестьяне составляли абсолютное большинство наличного населения. Это были губернии Северного Поморья, Приуралья, Западной и частью Восточной Сибири, некоторые из губерний черноземного центра, среднего Поволжья и южной Украины. Особенно высоким был процент государственного крестьянства в Вятской и Тобольской губерниях. Однако очень значительным был процент государственных крестьян и в других губерниях черноземного центра (Пензенской, Курской, Тамбовской — от 40 до 44,8 процентов) и в северо-восточной части Украины (в Полтавщине и Черниговщине — 48,2 и 43,6 процента). Если мы сопоставим количество государственных крестьян в отношении ко всей крестьянской массе, то получим следующие погубернские итоги:

	Процент государственных крестьян к числу всех крестьян мужского пола	Число губерний	Название губерний
I	От 10 до 25	13	Витебская, Волынская, Калужская, Киевская, Костромская, Минская, Могилевская, Нижегородская, Подольская, Санкт-Петербургская, Смоленская, Тульская, Херсонская
II	От 25 до 50	16	Виленская, Владимирская, Гродненская, Ковенская, Курская, Московская, Новгородская, Орловская, Пензенская, Псковская, Рязанская, Саратовская, Тамбовская, Тверская, Черниговская, Ярославская
III	От 50 до 75	7	Вологодская, Воронежская, Екатеринославская, Оренбургская, Пермская, Полтавская, Харьковская
IV	Более 75	14	Архангельская, Астраханская, Бессарабская, Вятская, Енисейская, Забайкальская, Иркутская, Казанская, Олонецкая, Ставропольская, Таврическая, Тобольская, Томская, Якутская

Другими словами, из 50 губерний Российской империи 21 губерния, т. е. почти половина всей административной территории, отмечены численным преобладанием государственных крестьян над помещичьими и удельными. Казенному крестьянству принадлежало абсолютное большинство преимущественно в Сибири и в тех районах, которые особенно выделялись в предшествующих подсчетах: в губерниях Северного Поморья, Приуралья, южной и восточной Украины, отчасти — черноземного центра. Именно здесь государственные крестьяне сидели крупными компактными массами, а количество помещичьих крестьян было или ничтожным, или значительно уступало числу крестьян государственных.

Распределение казенного крестьянства по различным губерниям объясняется историей его происхождения и постепенного расселения по территории империи. Государственных крестьян было относительно больше там, где сидели потомки крестьян черносошных, и крепостное право не получило заметного распространения, т. е. в районах Северного края; там, где происходил процесс массовой колонизации, а крепостное право или вовсе не развилось, или возникло сравнительно поздно, как в Приуралье или на Украине; там, где были сосредоточены значительные массы ясашного многонационального населения, т. е. в районах того же Приуралья и в среднем Поволжье (особенно в Казанской губернии); наконец, там, где проходила южная граница Московского государства и сохранились многочисленные слои однодворцев и украинских казаков; значительно меньше было государственных крестьян во внутренних губерниях, в районах бывших церковных вотчин, и еще меньше — на западе — в позднее завоеванных прибалтийских и польских областях.

Ревизия 1836—1840 годов дает нам возможность установить численность основных прослоек казенного крестьянства. Соединяя эти разряды в более крупные группы, мы получаем следующую цифровую сводку.

Численность государственных крестьян по важнейшим разрядам в 1836—1837 годах

I. Государственные крестьяне (в том числе экономические)	5 075 018
Половники	2 723
Переселенцы	55 283
	5 133 024
II. Однодворцы	1 238 214
Однодворческие крестьяне	10 983
Малороссийские казаки	553 691
Войсковые обыватели	373 833
	2 176 721

III. Старостинские, поиезуитские, ленные, конфискованные	393 593
Панцырные бояры	6 007
Однодворцы западных губерний	121 074
Вольные люди западных губерний	129 984
	650 658
IV. Бессарабские поселяне на казенных землях	2 285
Греки, грузины, болгары, армяне, бухарцы в казенных селениях	21 763
Кавказские магометане	39 768
Татары Таврической губернии	124 599
	188 599
Итого.	8 148 728[1]

Эта таблица дополняет и конкретизирует предыдущие выводы. Основную и наиболее многочисленную группу в составе казенного крестьянства занимали государственные крестьяне в собственном смысле слова, т. е. черносошные крестьяне Северного Поморья вместе с экономическими, ясашными и переселенцами, рассеянными по всей территории Российской империи. Эти земледельческие прослойки насчитывали более 5 миллионов ревизских душ, т. е. около 70 процентов главного населения казенной деревни. Значительно меньше было потомков мелких служилых людей и казаков, расположенных на старой московской границе, т. е. в губерниях черноземного центра и Левобережной Украины: они составляли 2 с лишним миллиона ревизских душ, т. е. несколько более четверти основной массы. Еще уже была прослойка государственных крестьян, унаследованных от Швеции и Речи Посполитой: их насчитывалось 650 тысяч ревизских душ, т. е. около 8 процентов. Наименее значительной была группа многонациональных обитателей казенной деревни, живших на южной окраине государства, в том числе в Закавказье: их было несколько более 188 тысяч ревизских душ, т. е. 2,3 процента общего числа государственных крестьян.

К сожалению, ревизия 1836—1840 годов не дает нам полных и точных сведений о национальном составе казенного крестьянства. Поэтому выразить эти данные в определенных цифровых итогах и установить процентные отношения между различными национальностями не представляется возможным. Приходится ограничиться суммарными наблюдениями и отдельными статистическими указаниями. На основании ревизорских отчетов можно уверенно сказать, что наряду с преобладающим русским населением в государственной деревне мы встречаем почти все национальности Российской империи. На юге и юго-западе

[1] И. О., т. II, отд. I, стр. 10 (опущены категории сельских производителей, не подходящих под понятие государственных крестьян: калмыки, киргизы, свободные хлебопашцы и пр.).

компактными массами сидели украинские крестьяне, на северо-западе — белоруссы и литовцы, по берегам Балтийского моря — эсты и латыши, в районе Северного Поморья — карелы, удмурты и коми, в бассейне Волги — татары, чуваши, мордва и мари, на огромных пространствах Сибири — якуты, буряты, ойроты и другие более мелкие народности, на юге — национальности, исчисленные в предыдущей таблице.

Насколько разнообразен был национальный состав крестьян в отдельных губерниях и каковы были процентные отношения национальных прослоек, показывает пример многонациональной Казанской губернии. По данным ревизии V Отделения, в состав государственных крестьян этой губернии входили следующие народности[1]:

Русские	97 335	ревизских	душ	(21.8	процента)	
Татары	161 000	»	»	(36.1	»	)
Чуваши	142 720	»	»	(32.0	»	)
Мари	34 476	»	»	(7.7	»	)
Мордва	7 944	»	»	(1.8	»	)
Удмурты	2 753	»	»	(0.6	»	)
Итого	446 228	ревизских	душ	(100	процентов)	

Таким образом, в казанской государственной деревне жили 6 различных народностей; нерусские национальности составляли подавляющую массу населения; из них татары превосходили численностью всех других, образуя более трети всех земледельцев.

Подводя итоги, мы вправе сказать, что накануне реформы Киселева государственные крестьяне занимали очень крупное место в земледельческом населении империи, особенно крупное в северных и восточных районах страны, в колонизующихся и более редко населенных губерниях. Это была разнородная, многонациональная масса мелких производителей, которые дробились на самые разнообразные группы и по условиям своего происхождения, и по языку, и по сложившимся национальным обычаям.

3. Наделы

Основным вопросом в жизни государственной деревни накануне реформы Киселева оставался наболевший вопрос о земле. От степени обеспечения крестьян земельными наделами прежде всего зависело их материальное положение и, следовательно, их способность удовлетворять возрастающим потребностям государственной казны. Ревизоры обратили на этот вопрос серьезное внимание и собрали по нему обширные и достаточно точные сведения. Правда, и здесь ревизоры натолкнулись на различные препятствия: многие казенные имения, особенно в Сибири, еще не были измерены и нанесены на межевые планы; в не-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26485 (№ 76), лл. 3 и сл.

которых губерниях планы оказались затерянными или безнадежно устаревшими; иногда официальные сведения Казенных палат не совпадали с цифрами Министерства финансов или с действительным количеством земельных угодий. Ревизорам приходилось немало поработать, чтобы восполнить пробелы своих источников или разобраться в их цифровых противоречиях. Несомненно, что в итоговых данных ревизии 1836—1840 годов встречаются неполные и неточные сведения о земельных нормах. Однако эти отклонения от реального положения вещей едва ли превышают обычный процент статистических ошибок. По мере сокращения учитываемой административной единицы этот процент должен был мало-помалу снижаться: суммарные погубернские сводки были менее точными, чем поуездные, поуездные — не так надежны, как волостные; сведения по отдельным крестьянским хозяйствам, собиравшиеся на местах самими ревизорами, были наиболее конкретными и наиболее близкими к действительности. Вот почему мы не должны удовлетворяться общими средними цифрами земельных наделов и должны дополнять и конкретизировать их сведениями об отдельных уездах, если возможно — об отдельных имениях и, еще лучше,— об отдельных крестьянских хозяйствах. Личными наблюдениями ревизоров и коллективными показаниями крестьян необходимо поверять и корректировать кажущиеся сомнительными цифровые показатели.

По данным ревизии V Отделения, степень обеспечения крестьян удобными угодьями в 43 губерниях Европейской России определялась следующими средними нормами [1]:

	Средние размеры надела на ревизскую душу	Число губерний	Название губерний
I	От 1 до 2 десятин	4	Архангельская, Гродненская, Курляндская, Подольская
II	От 2 до 3 десятин	9	Витебская, Вологодская, Курская, Минская, Московская, Олонецкая, Тульская, Черниговская, Ярославская
III	От 3 до 5 десятин	17	Белостокская область, Виленская, Воронежская, Владимирская, Могилевская, Казанская, Калужская, Киевская, Орловская, Псковская, Рязанская, Санкт-Петербургская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Харьковская, Эстляндская
IV	От 5 до 8 десятин	6	Волынская, Вятская, Костромская, Лифляндская, Пензенская, Пермская
V	От 8 до 10 десятин	3	Екатеринославская, Нижегородская, Новгородская
VI	10 десятин и более	4	Кавказская, Оренбургская, Саратовская, Харьковская

[1] ЖМГИ 1841 г., № 3, стр. 5—6.

Сопоставляя эти данные с более ранними сведениями 1828 года [1], мы видим ясно проявляющуюся тенденцию к уменьшению земельных наделов.

Однако в отдельных случаях мы наблюдаем обратное явление: в Пензенской и Черниговской губерниях средние наделы на ревизскую душу выше в 1836—1840 годах и ниже в 1828 году. Нужно думать, что это кажущееся увеличение объясняется не реальным расширением земельных ресурсов казенного крестьянства, а более точным учетом принадлежащей ему земельной площади. Такой же более точный и строгий учет следует предполагать в отношении Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Пермской, Минской и Могилевской губерний: между средними губернскими нормами 1828 года и 1836—1840 годов мы находим здесь слишком резкое и трудно допустимое расхождение. Очевидно, в лесистых районах Северного Поморья, Приуралья и западного Полесья органы Министерства финансов считали за «бесспорно удобные земли» не только усадьбы, пашни и сенокосы, но и лесные нерасчищенные угодья. Критерий ревизоров V Отделения был более правильным и отвечавшим действительности: они исключали из числа надельных земель нетронутые лесные массивы; вот почему северные и западные губернии оказались через 10 лет одними из самых малоземельных.

Несмотря на эти частичные расхождения, общая картина распределения земель между государственными крестьянами осталась такою же как в 1828 году: наибольшие размеры наделов мы находим по преимуществу в многоземельных восточных и южных губерниях; значительно меньше были наделы перенаселенного черноземного центра и центрального промышленного района; минимальные наделы имели государственные крестьяне крайнего севера, менее заинтересованные в развитии земледелия, и некоторые из западных губерний, отмеченных сильным влиянием немецких и польских помещиков.

Из 43 губерний, показанных в сводке V Отделения, только 7 имели установленную 8-десятинную норму; 30 губерний, т. е. более двух третей, не располагали даже 5-десятинным наделом, считавшимся минимальным пределом земельного обеспечения; наконец, 13 губерний страдали острым малоземельем, так как имели не более 1—3 десятин на ревизскую душу.

За средними погубернскими нормами скрывалась крайняя неравномерность в распределении крестьянских земель между уездами, волостями и селениями. Государственные крестьяне Рязанской губернии имели в среднем от 3 до 5 десятин на ревизскую душу, но по отдельным уездам и селениям земля распределялась следующим образом [2].

[1] См. стр. 89—90.

[2] ЦАНХ, ф. V О., д. 26439, лл. 140—157.

Уезды	Средние наделы селений		
	наибольшие	средние по размерам	наименьшие
Рязанский	12 десятин	От 3 до 6 десятин	От 1 десятины с саженями до $2^1/_2$ десятин
Пронский	—	От 3 до $6^1/_2$ десятин	—
Раненбургский	От 8 до 11 десятин	От 3 до 7 десятин	От 1 десятины с саженями до 2 десятин с саженями
Данковский	От 9 до 13 десятин	От 3 до 7 десятин	От 1 десятины с саженями до $2^1/_2$ десятин
Зарайский	—	От 3 до 6 десятин	От 1 до $2^1/_2$ десятин
Егорьевский	9 десятин	От 3 до 7 десятин	От 1 десятины с саженями до $2^1/_2$ десятин
Спасский	—	От 3 до $5^1/_2$ десятин	От 1 десятины с саженями до 2 десятин с саженями
Касимовский	От 8 до 17 десятин	От 3 до 7 десятин	От 1 десятины с саженями до 2 десятин с саженями
Сапожковский	От $8^1/_2$ до 10 десятин	От 3 до 7 десятин	—
Ряжский	10 и 16 десятин	От 3 до 7 десятин	От 1 десятины до $2^2/_3$ десятины
Скопинский	От 8 до 15 десятин	От $2^1/_2$ до 7 десятин	От 1 десятины с саженями до 2 десятин с саженями
Михайловский	—	От 3 до $7^1/_2$ десятин	От 2 десятин до $2^1/_2$ десятин

Таким образом, в некоторых уездах, как, например, Касимовском, средние поселенные наделы колебались от 1 десятины с саженями до 17 десятин на ревизскую душу; в других, как, например, в Сапожковском, от 3 до 10 десятин, а в третьих, как, например, в Зарайском,— от 1 до 6 десятин. Наибольшее количество селений имело наименьшие наделы: например, в Егорьевском уезде 9 десятин на душу имело только одно селение, от 3 до 7 десятин очень немного селений, а от 1 до 2 десятин с саженями — все остальные. Так снижалась средняя погубернская норма, несмотря на наличие отдельных многоземельных селений.

В помонастырских имениях экономических крестьян Киевской губернии средние волостные наделы (включая лесные, церковные и неудобные земли) были такими [1]:

Название волости	Надел на ревизскую душу
1. Петропавловская	5¼ десятины
2. Хотовская	3½
3. Глевахская	4
4. Великобугаевская	3½ »
5. Трипольская	4 »
6. Стайковская	3½ »
7. Плисецкая	2⅛

То же явление наблюдалось в Орловской губернии [2].

Как иногда распределялась земля в границах отдельного селения, показывает сохранившаяся подворная ведомость малоземельного Локницкого старосты Минской губернии [3]. Земельные наделы измерялись здесь старою литовскою мерою — моргами. Переводя морги на десятины и учитывая количество душ в каждом семействе, мы получаем:

Размеры пашенных и сенокосных наделов	Количество душ
1. Менее 1 десятины	4
2. От 1 до 1½ десятин	55
3. От 1½ до 2 »	20
4. От 2 до 3 »	38
5. По 3½ десятины	12
Итого	129

Таким образом большая часть локницких крестьян имела наделы от 1 до 2 десятин, но была небольшая группа «12-морговых» хозяев, которые владели вдвое более значительными наделами.

Так было в Минской губернии, находившейся «на хозяйственном положении», т.-е. под сильным влиянием землеуравнительной арендной политики. Гораздо резче была неравномерность земельного обеспечения в районах «четвертного права», где определенные группы государственных крестьян издавна владели землею на праве частной собственности. В том же Кромском уезде Орловской губернии была Семенковская волость, где встречались владельцы полудесятинного надела и рядом с ними обладатели 50 и даже 200 десятин земельных угодий [4].

Неравномерность земельных наделов была повсеместным явлением, которое единодушно отмечали все ревизоры. Так же единодушно они констатировали почти повсеместное малоземелье казенной деревни; это явление наблюдалось одинаково и в черноземном центре, и в западных

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26162, Обозрение, т. II, л. 15.
[2] ЖМГИ 1842 г., № 6, лл. 134—150.
[3] Там же, д. 26466, лл. 3—7.
[4] ЖМГИ, 1842 г., № 6, лл. 134—150.

областях, и на степной Украине. Воронежский ревизор доносил V Отделению, что местные крестьяне страдают крайним малоземельем и в переселении нуждается более 100 тысяч душ. Хотя Приготовительная комиссия снизила эту цифру до 5 тысяч, но вместе с тем насчитала в Воронежской губернии 14.616 душ неоседлых крестьян, т.-е. хозяев, не имевших вовсе пашенных и сенокосных наделов [1]. В Тульской губернии было констатировано «крайнее малоземелье» государственных крестьян, соединенное со скудостью их промыслов [2]. В Ярославской губернии был установлен «большой недостаток земли» [3]. В Казанской губернии было исчислено 532 малоземельных селения [4]. В Черниговской губернии, в уездах Городницком, Новозыбковском, Суражском и Мглинском ревизоры нашли «несоразмерно малое количество земли по числу душ, земли большею частью бесплодной и неблагодарной почвы». В частности, в Суражском уезде Черниговской губернии, казаки и государственные крестьяне, жившие чересполосно с помещичьими, имели «весьма скудные дачи» и существовали «только тем, что пахали «со снопа» земли своих соседей» [5]. Вопиющую картину представляли собою многие казенные имения в Киевской губернии. В юридике местечка Козина крестьяне имели всего по ¾ десятин на ревизскую душу. В юридике местечка Чарторийка запашку имело только 15 дворов, остальные владели одними огородами; в имении Базилианского монастыря земли было так мало, что хлебопашество, несмотря на плодородную почву, не могло прокормить крестьянские семейства. В помонастырских имениях Плисецкой волости за недостатком земельных наделов приходилось обрабатывать их бессменно, а у крестьян деревни Салтановки пашни и сенокоса вовсе не было. Во многих помонастырских селениях крестьяне вынуждены были нанимать соседнюю землю за 15—20 верст от селения. Подгородные магистратские крестьяне около Киева в течение ряда лет умоляли местные власти наделить их недостающими земельными угодьями [6].

Характерно, что малоземелье наблюдалось даже там, где на основании средних итоговых подсчетов губернии признавались многоземельными. Так, в Екатеринославской губернии был установлен «недостаток земли, доходящий во многих казенных селениях до последней крайности», а в Нижегородской губернии Казенная палата не знала, что делать с малоземельными селениями — переселять их в другие районы империи или положиться на то, что они уплачивают подати из неземледельческих доходов [7].

---

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26443, лл. 225, 106.

[2] Там же, д. 26471, л. 73.

[3] Там же, д. 26458 (5), л. 31.

[4] Там же, д. 26432, л. 188.

[5] Там же, д. 26447, л. 17—22. ЖМГИ, 1844 г., № 6, стр. 252.

[6] ЦАНХ, ф. V О., д. 26459, №№ 21 и 32; д. 26432, Обозрение, т. II, лл. 35—36. 176—177, 273; т. V, л. 200.

[7] ЦАНХ, ф. V О., д. 26451, л. 231; д. 26435 (1), л. 172—173.

По произведенным подсчетам, на территории империи оказалось 275 тысяч душ государственных крестьян, имевших по 2 с небольшим десятины, 212 тысяч душ, владевших по 1 десятине, 56 740 душ, наделенных менее чем одной десятиной, и около 63 тысяч душ безземельных, не имевших возможности заниматься хлебопашеством [1].

К сожалению, мы не располагаем полными данными, чтобы дать систематическое сравнение крестьянских наделов накануне реформы Киселева в казенных и частновладельческих имениях. Однако кое-какие сведения мы имеем, и эти сведения не в пользу государственной деревни. По материалам Министерства внутренних дел, изданным в 1839 году, в Харьковской губернии приходилось следующее количество десятин на ревизскую душу.

Уезды	Казенные имения	Помещичьи имения
Харьковский	2	5
Валковский	3	8
Богодуховский	3	6
Ахтырский	3.5	5
Сумский	5.7	4.2
Змиевский	5	10
Волчанский	4	9
Изюмский	4	13
Керпятский	7	16
Старобельский	9	22

Таким образом, за исключением одного Сумского уезда, на территории Харьковской губернии земельное обеспечение помещичьих крестьян было, по крайней мере, вдвое выше, чем государственных.

На степной украинской целине ту же картину мы наблюдаем в многоземельной Екатеринославской губернии: по данным 1838 года, приводимым одним из ближайших сотрудников Киселева А. П. Заблоцким, в уездах Екатеринославском, Верхнеднепровском, Новомосковском, Павлоградском, Бахмутском, Славяносербском, Ростовском и Александровском государственные крестьяне имели по 8 десятин на ревизскую душу (вместе с лесными угодьями), а помещичьи — по 20 десятин [2].

Ревизия V Отделения документально подтвердила массовые захваты казенных земель соседними помещиками, как один из важнейших источников крестьянского малоземелья. О таких насильственных и легализированных захватах сообщали ревизоры различных губерний — Костромской, Орловской, Черниговской, Гродненской, Подольской

[1] СРИО, т. 98, стр. 473.

[2] ЖМГИ, 1842 г., № 3 (Д. Протопопов. О хлебной торговле в России). ЖМГИ, 1841 г., № 1, стр. 54.

и др.[1]. Особенно яркий материал заключает в себе делопроизводство киевской ревизии. В киевских судебных органах накопилось множество дел о завладении казенных земель частными владельцами. У одного Черкасского староства было отторгнуто: графом Самойловым 3024 десятины, княгинею Юсуповою — 205 десятин, графом Демишта — 803 десятины, княгинею Голицыною — 410 десятин, графинею Браницкой — 746 десятин, генерал-адъютантом Энгельгардтом — 107 десятин. У Дымерского староства было захвачено: графом Ходкевичем 3030 десятин, князьями Любомирскими — 968 десятин, помещиками Искра — 1755 десятин, остальными землевладельцами — 2122 десятины. Звенигородское староство таким же образом потеряло 689 десятин. У Чигиринского староства были отняты сенокосы соседним помещиком Михайловым. Кроме того казною велись процессы против графа Подосского, захватившего 1218 десятин, дворянского депутата Милевского, завладевшего 1652 десятинами, и князя Голицына, присоединившего к своим имениям 2358 десятин. Помещики вели с казною упорную борьбу, прибегая к самым разнообразным приемам: они вчиняли в судах встречные иски, перепродавали землю новым владельцам, подкупали судебных и полицейских чиновников, наконец, вторгались в спорные земли и начинали их эксплоатировать, не ожидая судебного решения. Экономия графини Браницкой, судившаяся с казенным Кошеватским ключом из-за пограничных угодий, самовольно уничтожила старые межевые знаки, окопала спорные земли собственным рвом и приступила к вырубке казенных лесов. Казенная палата неоднократно предписывала Таращанскому земскому суду произвести следствие и остановить дальнейшую порубку, но — согласно сообщению ревизора — «по разным изворотам и неосновательным объяснениям Таращанского Земского Суда не предпринято оным никакого по сему действия». Помещики Лопухины вторглись в спорные земли Звенигородского староства, запахали более 200 десятин земли и скосили до 200 стогов сена. «Земский суд,— прибавляет ревизор,— допустил Лопухиных к новым самоуправствам». Экономия графа Ходкевича самовольно установила новую межевую границу с Чернобыльским помонастырским имением и забрала себе более 30 стогов сена, накошенного государственными крестьянами. После неоднократных настояний Радомысльский земский суд произвел следствие, но Казенная палата, ознакомившись с документами, признала это следствие, «произведенным несообразно существующим на сей предмет узаконениям», и вернула его обратно. Даже судебные решения, вынесенные в пользу казны, бойкотировались местной полицией. По спору Киевской казенной палаты с помещиком Бердяевым Сенат еще в 1822 году из-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26485 (10), лл. 23—25; д. 26447, лл. 17—22; д. 26464 прилож. (Выписки с поданных казенными крестьянами просьб); д. 26460 (описание Балтского уезда, лл. 1—2, 59, 94, 124, 183, 185; описание Винницкого уезда, л. 154; описание Гайсинского уезда, л. 2; описание Литинского уезда, лл. 74, 98, 149; описание Каменецкого уезда, лл. 20, 51—52; описание Ушицкого уезда, лл. 60, 77).

дал указ о разграничении спорных земель, тем не менее и в 1837 году это решение оставалось неисполненным.

Соседние помещики не только отрезали пограничные земли: они вторгались внутрь крестьянских угодий, строили на них хутора, мельницы, промышленные предприятия, продавали захваченные участки новым владельцам, передавали их по наследству своим потомкам. В экономических помонастырских волостях киевским ревизором было открыто 13 хуторов, незаконно устроенных на крестьянских землях. В Петропавловской волости оказались захваченными 265 десятин земли, которыми владели наследники киевского войта Григоренки, в свою очередь купившего этот участок у графа Разумовского; на захваченной земле были возведены жилой дом и крупичатная мельница. Около села Демиевки был открыт хутор помещика Понятовского, успевшего соорудить здесь пивоваренный завод. В Глевахской волости был найден хутор генеральши Полыньевой, которая приобрела его у земского исправника Стрижи вместе с 25 десятинами сенокоса и леса, захваченного у крестьян деревни Козина [1].

Так расхищались плодородные крестьянские земли в Киевской губернии. Неслучайно многие казенные имения этой губернии страдали острым малоземельем.

Часто крестьянские земли находились в чересполосном владении с помещичьими — это создавало для крестьян новые дополнительные трудности. Помещики пользовались своими преимуществами и ставили крестьян в зависимое кабальное положение. Костромской ревизор доносил V Отделению, что в ряде волостей Костромского уезда крестьяне не могут пользоваться собственными выгонами: эти выгоны загорожены помещичьими дачами, и владельцы разрешают крестьянам прогонять скот только на определенных условиях или за деньги, или за отработки. Нередко крестьянские поля лежали так далеко от селения, что хозяева были не в состоянии ими пользоваться: например, наделы в Апраксинской волости Кинешемского уезда Костромской губернии были расположены в 70 верстах, и крестьяне предпочитали отдавать их в аренду за самую ничтожную плату. Бывали случаи, когда в состав наделенных земель входили участки, обозначенные на плане, но отсутствовавшие в натуре: не только крестьяне, но и земская полиция не смогли разыскать подобные земли в Галичском, Буйском и Нерехтском уездах Костромской губернии [2].

Непосредственным результатом малоземелья были напряженные усилия крестьян найти выход из создавшегося положения. Крестьяне прежде всего осаждали местные органы просьбами о дополнительном наделении их землею. Однако Казенные палаты и Министерство финан-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26462, Обозрение, т. II, лл. 11—14, 128; 3-я книга, лл. 7—8, 12; Ведомость о делах, лл. 1, 3, 16, 61, 68, 72, 87.

[2] ЦАНХ, ф. V О., д. 26485 (10), лл. 23—25.

сов, как правило, относились ко всем этим просьбам более чем безучастно. По свидетельству сенатора Болгарского и камергера князя Голицына, использовавших данные ревизии, «на этот толико важный предмет почти никакого не было обращаемо внимания ни местными начальствами, ни Департаментом, даже и в тех случаях, когда о том были предписания правительства или поселяне сами ходатайствовали» [1]. Снимать в аренду казенные оброчные статьи могли только зажиточные элементы деревни: для заключения контракта требовалось предварительное внесение залога; к тому же органы полиции намеренно избегали извещать крестьянские общества о времени торгов и об условиях заключения договоров. Торги организовывались подкупленными чиновниками и широко использовались деревенскими кулаками и городскими торговцами. В Ярославской губернии насчитывалось 94 казенных оброчных статьи, занимавшие пространство в 10 375 десятин. Они снимались предприимчивыми спекулянтами за 3622 рубля 39 копеек в год, т. е. по 34.9 копейки за десятину, и сдавались затем частями по повышенной цене — не дешевле 5 рублей за десятину пашни и 2 рублей 50 копеек за десятину сенокоса. Во многих уездах арендные цены поднимались еще выше — до 5—10 рублей за десятину. Еще разительнее были факты, удостоверенные екатеринославским ревизором: Новотроицкое поселенское общество в течение 6 лет, с 1832 по 1838 год, держало в оброчном содержании 2 казенных участка земли и своевременно вносило за него арендную плату. В 1838 году Казенная палата отобрала участки у крестьян и передала их поручику Износкову по 21 копейке за десятину. Новый арендатор, пользуясь крестьянским малоземельем, пересдавал им пашню по 2 рубля за десятину мякоти и по 4 рубля за десятину пара. В Ананьевском уезде Херсонской губернии нуждающиеся крестьяне должны были платить за субаренду оброчных участков десятую часть собираемых продуктов. В Пензенской губернии малоземельные крестьяне платили кулакам-оброкосодержателям тройную плату за мелкие участки [2].

За отсутствием свободных казенных земель приходилось прибегать к найму наделов, забрасываемых разорившимися односельчанами, не имевшими живого инвентаря; такая аренда была распространена у крестьян и казаков Черниговской губернии. Если подобных участков не находилось, крестьяне заключали арендные договоры с помещиками и их крестьянами. По донесению владимирского ревизора недостаток пастбищ заставлял местных государственных крестьян выпускать дойных коров и лошадей на соседние частновладельческие пастбища, уплачивая в лето по 2 рубля 50 копеек с головы и сверх того раза 4 угощая хозяев выгона. В Черниговской губернии был распространен

[1] ЦАНХ, ф. канцелярии МГИ, 1838 г., д. 16, л. 380.

[2] ЦАНХ, ф. V О., д. 26485 (5), лл. 34—35; д. 26485 (7), л. 40; д. 26451, лл. 94—95, 100.

обычай снимать соседние земли из половины продукта. В Белоруссии крестьяне арендных имений вынуждены были снимать у поссессоров «наддаточные поля», платя за них особый повышенный чинш; в Повитском имении Минской губернии этот дополнительный платеж равнялся 4 рублям 12½ копейкам серебром с каждой ревизской души [1].

Но этих легальных средств было далеко недостаточно для борьбы с возрастающим малоземельем. Доведенные до крайней нужды, крестьяне самовольно распахивали казенные оброчные статьи и лесные угодья. О таких случаях доносили ревизоры Тверской, Черниговской, Кавказской и других губерний. Казенные леса все больше редели от совершаемых расчисток. В Черниговской губернии когда-то сплошные, обширные леса превратились в зеленые острова и перелески, разбросанные между крестьянскими полями и сенокосами [2].

По данным ревизии 1836—1840 годов, государственные крестьяне нуждались в лесных наделах не менее, чем в пахотных и сенокосных. Из лесной площади, отведенной в пользование крестьян, приходилось в среднем по оброчным губерниям 2 десятины леса на ревизскую душу. По отдельным губерниям эти лесные ресурсы распределялись следующим образом [3].

	На ревизскую душу	Число губерний	Название губерний
I	Около 8 десятин	2	Новгородская, Оренбургская
II	Около 7 десятин	1	Пермская
III	Около 5 десятин	1	Костромская
IV	Около 4 десятин	1	Санкт-Петербургская
V	Около 2 десятин	5	Владимирская, Вологодская, Вятская, Нижегородская, Рязанская
VI	Не более 1 десятины	15	Астраханская, Воронежская, Екатеринославская, Кавказская, Калужская, Курская, Орловская, Пензенская, Полтавская, Смоленская, Таврическая, Тульская, Харьковская, Херсонская, Черниговская

Таким образом, из 25 губерний только северные и восточные, богатые лесом, заключали в себе достаточные лесные площади; центральная промышленная полоса, центральный черноземный район, Украина, не говоря уже о южных степных пространствах, не обеспечивали крестьянам даже голодной нормы. Немудрено, что в каждой губернии, не исключая таких, как Олонецкая, ревизоры констатировали бесчис-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26485 (13), л. 15; д. 26447, лл. 17—22, 235; д. 26459, № 34, л. 8.

[2] Там же, д. 26447, лл. 135—136; д. 26485 (3), л. 16; д. 26452, л. 260.

[3] ЖМГИ, 1841 г., № 3, ст. 281.

ленные самовольные порубки и массовое неплановмерное истребление казенных лесов[1]. И в этом вопросе органы Министерства финансов обращали очень мало внимания на нужды государственной деревни и на расчетливую эксплоатацию казенных имений.

Итак, недостаточные, иногда нищенские земельные наделы, неравномерное распределение земельного фонда между уездами, волостями, селениями, домохозяевами, непрекращающиеся захваты государственных земель со стороны помещиков и безучастное отношение центральных и местных органов власти — такова была общая картина, которую раскрыла перед правительством специальная ревизия 1836—1840 годов.

4. Повинности

Вторым вопросом, который имел огромное значение в жизни государственной деревни, был вопрос о размерах крестьянских повинностей. От размеров и от способов взимания повинностей не в меньшей степени зависело хозяйственное положение крестьянской массы. И на этот вопрос ревизоры обратили достаточно серьезное внимание. Натолкнувшись на сомнительные данные Казенных палат и на крайнюю запутанность волостного счетоводства, ревизоры должны были детально проверить полученные сведения цифровыми итогами местных казначейств. В отдельных случаях ревизоры ходатайствовали о назначении специальных комиссий, чтобы распутать сложный клубок неясностей и противоречий в вопросе о накопившихся денежных недоимках.

Цифровые данные, которые характеризуют повинности государственных крестьян накануне реформы Киселева — наиболее надежный материал ревизорских отчетов 1836—1840 годов

В соответствии с двойственным положением государственных крестьян как подданных государства и как мелких производителей, феодально зависимых от казны, их повинности разделялись на две основные категории — на государственные и феодальные. В свою очередь, первые распадались на денежные налоги и натуральные повинности. Денежные налоги во всех губерниях состояли из трех основных слагаемых — из подушной подати, из так называемых земских повинностей и из мирских сборов. Размеры подушного оклада были единообразными, какими установил их закон 1818 года — 3 рубля ассигнациями с ревизской души. К этой сумме присоединялся специальный душевой сбор по 30 копеек на устройство путей сообщения. Совершенно иной характер носили земские повинности, которые взимались на основании губернских смет и варьировались в зависимости от местных условий. Наименьший размер земских повинностей был 48 копеек ассигнациями (в Подольской губернии), наибольший — 3 рубля 57 копеек ассигнациями (в Иркутской губернии). Между этими крайними цифрами колебались оклады остальных губерний: в Тамбовской губернии они со-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26485 (30), л. 5.

ставляли от 79 до 87 копеек, в Курской губернии — 1 рубль 08 копеек, в Псковской — 1 рубль 12 копеек и т. д. В общем, эти колебания были не велики, если не считать восточно-сибирских губерний — Енисейской и Иркутской: в первой оклады земских повинностей варьировались от 26 копеек до 1 рубля 54 копеек ассигнациями, во второй — от 91 копейки до 3 рублей 57 копеек [1]. Огромные пространства и редкая населенность этих районов объясняют нам резкое отклонение восточно-сибирских окладов от средней нормы.

Если подушные оклады были твердо установлены законом, а земские повинности регулировались утвержденными сметами, то совершенно иную картину представляли мирские сборы, формально назначавшиеся мирскими сходами и утверждавшиеся Казенными палатами. Фактически взимание мирских сборов происходило под сильным давлением волостных органов и часто не получало никакой официальной санкции. Ревизоры делили эти сборы на «законные» и «незаконные» — первые, отвечавшие неотложным нуждам крестьянского самоуправления, и вторые, зависевшие от произвольных требований низшей администрации. Именно здесь, при взимании мирских сборов, открывалось широчайшее поле для обогащения губернских и уездных чиновников, волостных голов и старшин, волостных и сельских писарей, сельских старост, сборщиков податей и других представителей местной администрации. Мирские сборы взимались с каждой ревизской души, плохо регистрировались в волостных документах и еще хуже проверялись при сдаче отчетов.

Насколько разнообразны и отяготительны были эти сборы, показывает пример Ярославской губернии. Ревизором были открыты здесь следующие душевые налоги, неизвестные Казенной палате и не отраженные в волостных книгах: на содержание дороги и мостов от 25 копеек до 60 копеек, на постройку новых и на починку старых запасных хлебных магазинов — от 80 копеек до 3 рублей 50 копеек, на починку мостов — от 30 до 70 копеек, на устройство верстовых столбов — до 4 копеек, за перевозку через реки — от 7 до 15 копеек, на наем квартиры «для приезда Земского суда» — до 32 копеек, на лошадей для Земского суда — до 28 копеек, на содержание лошадей при Волостном правлении — до 35 копеек, волостному голове взамен подвод для его разъездов по волости — до 10 копеек, на содержание в училищах мальчиков, приготовляемых на должности писарей, — от 3 до 5 копеек, на жалованье сотским и писарям — до 28 копеек, оспопрививателям — от 4 до 8 копеек, церковным сторожам — от 4 до 30 копеек, участковым старостам — от 3 до 60 копеек, сотским податных участков — до 10 копеек, рекрутским старостам — от 3 до 15 копеек, дорожным сотским — от 2 до 8 копеек, ходокам земского суда — до 4 копеек. Вся сумма

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26440. Ямпольский уезд, л. 11; д. 26427, л. 20; д. 26423 лл. 47—48

сборов доходила до 4 рублей 31 копейки — 4 рублей 36 копеек на ревизскую душу, т.-е. превышала подушную подать и в несколько раз превышала земские повинности.

Сверх того, крестьяне Щадневской волости, Ростовского уезда, платили при получении паспорта голове и писарю по 46 копеек, казначею Уездного казначейства — 69 копеек (сверх узаконенных 5 рублей ассигнациями), за описание примет — 23 копейки, за меру — 4 копейки, за печать — 4 копейки. Те же крестьяне по требованию земской полиции должны были платить по 5, 10 и 20 копеек, «поскольку в год они припомнить не могут». В Тарасовской волости Пошехонского уезда существовал сбор «с одиночек», т.-е. с семейств, имеющих одного работника и потому не несущих рекрутской повинности. За освобождение от мирских должностей, отвлекавших от обработки земельного надела, такие одиночки платили от 8 рублей 50 копеек до 9 рублей; с несовершеннолетних и стариков-одиночек собирали меньше — по 2 рубля 50 копеек [1].

Каждая губерния изощрялась в изобретении новых объектов для взимания мирских сборов. Например, в Киевской губернии, помимо повторяющихся взносов — на постройку сельских магазинов, мостов, верстовых столбов, на дополнительное жалованье и пр., практиковались сборы на наем провожатых для арестантов, на наем сторожей при Волостном правлении, на наем сторожей при этапном доме, на постройку домов для лесной стражи, на постройку новой оброчной мельницы, на содержание казенных оброчных мельниц, на постройку домов для Волостных правлений, писарям за составление рекрутских списков. По 6 киевским экономическим волостям крестьяне уплачивали за все это 62 460 рублей 78 копеек, т.-е. по 3 рубля 35 копеек на ревизскую душу [2].

Номинально мирские сборы были или денежной заменой натуральных повинностей, или дополнительной оплатой за выполнение общественных обязанностей крестьянскими выборными. Фактически накоплявшиеся суммы давали возможность волостной и сельской администрации сосредоточивать в своих руках свободные денежные резервы.

Как тратились эти средства, показывают некоторые сохранившиеся расходные записи. Екатеринославский ревизор нашел в волостных тетрадях такие статьи волостных расходов:

В 1826 году в проезд разных чиновников куплено водки на	65	руб.	50 коп.
Дано стряпчему	20	»	— »
За купленных для стряпчего и секретаря 3 барашка	6	»	— »
За 4 барашка	8	»	— »
За купленную для стряпчего и письмоводителя муку . . .	4	»	— »
В 1830 году за 2 бутылки рома для городничего	4	»	— »

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26485, лл. 17—27.

[2] Там же, д. 26462, кн. 5, лл. 33—34.

При бытности в Бахмуте ревизора Сведерского (асессора Казенной палаты) на разные для него надобности	53	р.	60	к.	
В 1835—1836 годах при отдаче в казначейство податей издержано на гостинцы казначею и канцелярским	113	»	40	»	
В 1837 году дано старосте на рекрутскую квитанцию . . .	68	»	—		
Заплачено в кабак за взятую водку при выборе головы и писарей	23	»	20		
Издержано на водку для проезжающих чиновников	11	»	—		
Дано ремонтеру за освобождение подвод	4	»	—		
Подарено канцелярскому, проезжавшему с чиновником Бобово (при особых поручениях у начальника губернии) .	12	»	—	»	
Издержано для сельского заседателя Нагорного во время ярмарки	2	»	36	»	[1]

Та же картина, по показаниям крестьян, открылась при ревизии Белостокской области, Астраханской, Орловской, Костромской и других губерний [2].

Помимо подушной подати, земских повинностей и мирских сборов, существовали различные специальные налоги, узаконенные государственной властью. Украинские крестьяне платили по 2 рубля в год с души за право винокурения; во многих губерниях взимались дополнительные сборы на народное продовольствие (от 10 до 30 копеек с души), на водяные сообщения (например, в Курской губернии на судоходство по государству — по 5 копеек и специально на судоходство по курской реке Сейму — по $4^1/_2$ копейки), на пополнение вспомогательного земского капитала (в Подольской губернии — от 10 до 14 копеек), на усиление земской полиции (там же) по 30 копеек. В Курской губернии такие специальные сборы составляли сравнительно небольшую сумму — $34^1/_2$ копейки, в Псковской губернии уже 92 копейки, а в Полтавской в $2^1/_2$ раза больше — 2 рубля 30 копеек с души [3].

Особое место в платежном бюджете государственного крестьянина составляли штрафные деньги, взимавшиеся с целых волостей и селений — за передержательство беглых, за самовольные порубки леса, за допущенные лесные пожары, за прописные, т.-е. пропущенные при ревизии души и пр. Киевские экономические волости в 1835—1837 годах должны были заплатить подобных штрафов на сумму 2941 рубль 44 копейки, т.-е. в среднем по 15.7 копеек на ревизскую душу [4]. В довершение всей этой картины нужно вспомнить, что годовым окладом текущих податей и повинностей не исчерпывались налоговые обязанности крестьянина: редкие деревни обходились без накопления недоимок; иногда недоимки равнялись годовому окладу или даже превосходили

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26451, л. 77.

[2] Там же, д. 26463, Сокольский амт. л. 50; д. 26485 (1), л. 28; д. 26485 (12), л. 16; д. 26485 (10), лл. 9—11.

[3] ЦАНХ, ф. V О., д. 26449, л. 104; д. 26460, Ямпольский уезд, л. 71; д. 26460, Винницкий уезд, л. 188; д. 26423, лл. 47—48.

[4] Там же, д. 26462, кн. 5, лл. 33—34.

его своими размерами. Таким образом, на каждую ревизскую душу падала двойная, а иногда и тройная подать.

Как правило, взимание государственных налогов производилось по репартиционной системе: годовой оклад податей, павший на целое селение, раскладывался миром между всеми плательщиками соответственно их имущественному положению. Однако единых критериев для раскладки не существовало: в одной и той же губернии применялись самые разнообразные финансовые приемы. В качестве примера можно привести Подольскую губернию, оставившую нам, благодаря энергии ревизора, больше материала по данному вопросу. По количеству рабочего скота государственные крестьяне Подольской губернии делились на 5 категорий: 1) «плуговые», имевшие 6—8 волов, впрягавшихся в один плуг, 2) «почворные», имевшие 4 волов, 3) «потройные» — владельцы 3 волов, 4) «паровые» — имевшие 2 волов, 5) «поединки», имевшие только 1 вола. Бедные крестьяне, не имевшие собственного рабочего скота, в свою очередь разделялись на 3 категории: 1) «пеших», владевших «грунтами»,— пашнею и сенокосом, 2) «халупников», получавших усадьбы и огороды, 3) «коморников», не имевших собственной халупы (избы) и ютившихся под чужою крышею. Это разделение крестьян на разряды и ложилось в основание раскладок денежных налогов. Считалось, что почворный должен платить вдвое меньше плугового, поединок — вдвое меньше парового, пеший — вдвое меньше поединка, халупник — вдвое меньше пешего, коморник — вдвое меньше халупника. Варианты такой раскладки иллюстрируются таблицей на стр. 333.

Присматриваясь к этим цифрам, мы устанавливаем два факта: размеры душевых взносов в одном и том же селении были очень различны (например, в Гедвиновском фольварке плуговой крестьянин платил 14 рублей, халупник — 80 копеек в год) — это облегчало положение нуждающейся прослойки деревни; но, с другой стороны, размеры взносов одной и той же категории крестьян в различных селениях были крайне неравномерными: например, «паровые» платили от 1 до 13 рублей, «поединки» — от 50 копеек до 8 рублей, «халупники» — от $12^1/_2$ копеек до 2 рублей и т. д.; это сводило на-нет положительные стороны репартиционной системы. Причины такой неравномерности заключались не только в неправильном назначении поселенных окладов, но и в степени самостоятельности различных крестьянских обществ: если деревня имела мало хозяев из высших категорий, годовой оклад падал большею тяжестью на средние и бедняцкие слои; количественное распределение крестьян по разрядам определяло собой относительные размеры душевых взносов.

Однако в пределах той же Подольской губернии применялись и другие критерии раскладки. В ряде селений Балтского уезда в основание раскладки ложилось деление крестьян по возрасту: например, в селении Ляховой совершеннолетние платили по 5 рублей, имевшие от 12 до 16 лет — по 2 рубля, имевшие от 8 до 12 лет — по

Раскладка податей в Подольской губернии [1]

Название имения	Разряды крестьян											
	плуговой	почворный	потройный	паровой		поединок		пеший		халупник		коморник	
	р.	р.	р.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
1. Гавриловка, Телеценка, Винницкого уезда . . .	—	—	—	1	—	—	50	—	25	—	12½	—	12½
2. Гедвиновский фольварк, Балтского уезда	14	7	—	3	50	2	—	1	20	—	80	—	—
3. Гребинский фольварк, Ольгопольского уезда .	12	—	—	5	—	2	50	1	50	1	—	—	50
4. Рункушево, Ушицкого уезда	—	—	—	5	40	2	70	1	70		70	—	30
5. Будеяновский фольварк, Балтского уезда	—	—	—	6	—	3	—	1	50	1	—	—	50
6. Цекановское староство Ямпольского уезда . . .	12	9	6	4	—	2	—	1	—	—	50	—	30
7. Лопатинцы, Литинского уезда	—	—	—	6	—	3	—	1	50	—	50	—	50
8. Яструбицы, Брацлавского уезда	—	—	—	7	—	3	50	1	75	1	16	—	—
9. Юзефовка, Балтского уезда	—	—	—	8	—	4 ассигнациями	—	2	—	—	—	—	—
10. Черное, Каменецкого уезда	—	—	—	9	—	4	50	2	25	1	50	—	50
11. Пуклякское староство, Каменецкого уезда . . .	—	—	—	8	—	4	—	2	—	1	—	—	—
12. Фурмановка, Каменецкого уезда	—	—	—	8	40	4	20	2	10	1	05	—	50
13. Голохвастово, Проскуровского уезда	—	—	—	12	—	6	—	3	—	—	60	—	—
14. Кастановка, Балтского уезда	—	—	—	10—12	—	5—6	—	2 3	50 —	1 1	25 50	1	
15. Ольховецкое староство, Ушицкого уезда	—	—	—	13	—	6	50	3	25	1	62½	—	81¼
16. Думанова, Каменецкого уезда	—	—	—	—	—	8	—	4	—	2	—	—	75
17. Приворотское, Ушицкого уезда	—	—	—	—	—	8	—	4	—	2	—	1	—

1 рублю, а малолетние (до 8 лет) — по 50 копеек медью. Такая же система с некоторыми вариантами существовала на Глубочанском фольварке, в селах Дубинове, Михальченкове, Бурилове, Ольшанецком [2]. Она была значительно грубее предыдущей, приближалась к обыкновенному поголовному сбору и давала выгоды зажиточной прослойке деревни. Еще грубее и проще был порядок, заведенный на

[1] Таблица составлена на основании описаний различных имений. ЦАНХ, ф. V О., л. 26460; Каменецкий уезд, лл. 67, 57, 5, 24; Винницкий уезд, л. 123; Балтский уезд, лл. 107, 191, 24, 155; Ольгопольский уезд, л. 28; Ямпольский уезд, л. 9; Литинский уезд; Брацлавский уезд, л. 45; Проскуровский уезд, лл. 17, 18; Ушицкий уезд, лл. 23, 64, 74.

[2] ЦАНХ, ф. V О., д. 26460, Балтский уезд, лл. 14, 51, 55, 64, 130.

Воронковском фольварке того же Балтского уезда: каждая ревизская душа должна была внести в год по 4 рубля 50 копеек медью, а за выбывших и несостоятельных взимали дополнительно с каждого рабочего вола по 1 рублю медью [1]. Бывали случаи, когда репартиционный принцип не применялся вовсе, и все домохозяева облагались единообразным душевым сбором без всяких дополнений и коррективов: так было в селе Белоусовке Брацлавского уезда, в Вербецком старостве Летичевского уезда, в селениях Кримпа, Александровка, Великий Бобрик, Богачевка, Балтского уезда, и т. д. Наконец, встречались комбинированные системы раскладки: например, в Литинском старостве Литинского уезда крестьяне должны были вносить поголовный сбор по 2 рубля с души и сверх того — определенную сумму за грунт: паровой — по 4 рубля, поединок — по 2 рубля, пеший — по 1 рублю, халупник — по 53 злотых. Иногда, в случае недостатка собранных денег, поголовный сбор дополнялся специальными приплатами, которые вносили зажиточные крестьяне: так было в селениях Пасан, Гальма, Корытна, Балтского уезда [2].

Такое же разнообразие в системах раскладки имело место в других губерниях: в Киевской, Кавказской, в Бессарабской области [3] и пр. Однако есть основание полагать, что репартиционная система пользовалась решительным преобладанием и что в некоторых районах учет имущественного положения плательщиков достиг достаточного совершенства. По донесению Ярославской приуготовительной комиссии в бывших удельных имениях, переданных казенному ведомству, принимались во внимание не только размеры крестьянских наделов, но и качество их угодьев и выгоды местного положения [4]. Такова была давняя финансовая традиция, уходившая своими корнями в разрубы и разметы XVII века; такова была неумолимая логика вещей, которой не могла не учитывать местная администрация, заинтересованная в успешной работе налогового аппарата.

Тем не менее мы не должны преувеличивать положительные результаты раскладочной системы: принципу взимания налогов «по животам и промыслам» противостояла корыстная и беспорядочная практика его применения. По единодушному заключению всех ревизоров усилия Министерства финансов внести законность и порядок в дело взимания податей не имели никакого успеха. Очень часто постановления о раскладке выносились не обществом крестьян, а небольшой группой домохозяев и не закреплялись никаким письменным приговором; иногда приговоры составлялись позднее, в конце года, уездными чинов-

---

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26460, Балтский уезд, л. 178.

[2] Там же. Брацлавский уезд, л. 34; Летичевский уезд, л. 30; Балтский уезд, лл. 90, 148, 80, 178, 44, 71, 34; Литинский уезд.

[3] ЦАНХ, ф. V О., д. 26462, кн. 5, л. 41. Обозрение, кн. II, лл. 19, 157; д. 26485 (8); д. 26463, Суражский амт, л. 81; Кальинский амт, лл. 74, 112.

[4] Там же, д. 26440, л. 75.

никами, которые подписывались за всех крестьян, «не видя их и без их просьбы», как это было в Проскуровском уезде Подольской губернии.

Попытки правительства детально регламентировать взимание податей Положением 1833 года имели скорее обратные результаты: по заключению харьковского ревизора «правила и сложность счетоводства... превышают разумение волостных, а тем более сельских писарей». Сплошь и рядом приходо-расходные книги, присылавшиеся из Казенных палат, оставались незаполненными, податные тетради и табели получались поздно и вовсе не раздавались на руки крестьянам; финансовые распоряжения Казенной палаты не читались и затеривались в волости; казначейских квитанций домохозяевам часто не передавали; отчеты о движении сумм не делались на крестьянских сходах. В ряде губерний было обнаружено разительное несоответствие в итоговых суммах между сельскими обществами, Волостными правлениями, Уездными казначействами и Казенными палатами. Особенно запутанным оказалось счетоводство по недоимкам. В Костромской губернии по ведомостям казначейств за крестьянами числилось 123.029 рублей 98¼ копеек долга, а по счетам Казенной палаты — 141.775 рублей 80¾ копеек. В Казанской губернии было найдено неправильно насчитанных недоимок на 234.068 рублей 16 копеек. Крестьяне Курской, Саратовской, Тверской, Екатеринославской и других губерний должны были без всякого законного основания платить налоги за ушедших переселенцев. Во многих селениях общества обязаны были покрывать растраты своих голов и старост, причем допускались необоснованные и крупные переборы.

Наряду с непроизвольными ошибками были констатированы намеренные хищения: с крестьян взыскивали налоги выше установленного оклада, недоимочные суммы сознательно преувеличивались, к ранее установленным налогам присоединялись специально изобретенные сборы. При такой запутанности и безотчетности финансового делопроизводства ни один государственный крестьянин не знал, сколько он должен платить в год податей, сколько за ним числится недоимок, внесены ли его деньги в Уездное казначейство. Так создавались условия, благоприятные для самых беззастенчивых хищений со стороны местной администрации. Черниговский ревизор препроводил в V Отделение записку местного помещика, который так характеризовал тяжелое положение украинских казаков: «Урядники ездят по селам и требуют с них денег то на подушные, то на земские повинности, то на содержание контор, то на содержание Волостных правлений, то на содержание становых управлений, то на мирские надобности, то на оспопрививателей и так далее. Словом, предлогам ко взысканию денег нет конца, и бедные казаки платят безмолвно, не имея никогда той утешительной уверенности, что всё уже заплатили, а напротив того, оставаясь всегда в мучительном ожидании, что через несколько времени

опять придут урядники взыскивать с них деньги на какую-либо новую надобность, о которой они прежде и не слышали». Отчеты херсонского, подольского, екатеринославского и других ревизоров показывают, что подобная характеристика вполне приложима и к другим категориям государственного крестьянства [1]. Это обстоятельство сильно затрудняет определение платежного бюджета государственной деревни: никакие официальные ведомости законных повинностей не исчерпывают собою всей суммы денежных взносов, которые выколачивались из казенного крестьянина.

Из числа натуральных повинностей наиболее тяжелой для государственной деревни была, бесспорно, рекрутская повинность. О реальных размерах этой повинности мы узнаем из отчета подольского ревизора. Крестьяне села Вонячина Литинского уезда насчитывали 312 ревизских душ. В 1834 году они поставили 2 рекрут и в 1836 году — 3 рекрут. В селении Литинская Гута того же уезда было 208 ревизских душ; за тот же период они поставили 4-х рекрут. Таким образом в два набора подольская деревня дала царской армии от 1.6 до 2 процентов общего мужского населения. Правда, и эта повинность была далеко неравномерною: в призывы 1834—1836 годов соседние селения — Куляги (188 душ), Майдан Голоскин (92 души), Балин (278 душ) — вовсе не давали рекрут. Потеря взрослого работника была суровым испытанием для крестьянской семьи, так же как перспектива 25-летней солдатской службы была мучительной для каждого поставляемого рекрута. Вот почему условия сдачи и приема рекрут приобретали такое крупное хозяйственное и бытовое значение. Обследование, произведенное ревизорами, открыло здесь немало злоупотреблений, которые ложились всей своей тяжестью на среднюю и бедную прослойки деревни. Выяснилось, что рекрутские посемейные списки почти повсеместно ведутся неправильно, с нарушением закона: в установлении рекрутских очередей было найдено громадное количество ошибок; во многих местах засвидетельствованные списки оказались «перемаранными», т.-е. произвольно измененными волостной администрацией; в некоторых семьях не указывалось послуг (т.-е. ранее сданных рекрут); многие списки были вовсе не засвидетельствованы. Нередко допускались сознательные подделки: некоторые крестьянские семейства соединялись под одним номером, т.-е. выставлялись более многодетными и, следовательно, несли

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26460, Брацлавский уезд, л. 16; Винницкий уезд, л. 24, Проскуровский уезд, л. 5; Летичевский уезд, л. 46; д. 26462, Обозрение, т. II, лл. 51—53; д. 26463, Нововольский амт, л. 222; д. 26451, лл. 27, 207, 220, 97, 44—45, 88, 182; д. 26452, л. 162; д. 26425 (I), л. 25; д. 26425 (II), лл. 98, 75—76, 80, 86; д. 26448, лл. 88—89; д. 26474, лл. 69—70; д. 26427, л. 187; д. 26471, лл. 96—100; д. 26432, л. 294; д. 26447, лл. 27—28, 223; д. 26441, лл. 72—73; д. 26437, л. 71; д. 26485 (1), лл. 28—29; д. 26485 (2), лл. 7—8; д. 26485 (3), л. 18; д. 26485 (5); д. 26485 (7), л. 53; д. 26485 (9), л. 10; д. 26485 (12), лл. 24—25; д. 26485 (29), л. 8; д. 26485 (39), л. 16; д. 26435 (II), л. 9.

больше обязанностей по рекрутчине; наоборот, другие семейства показывались разделенными на самостоятельные семьи и потому заносились в более дальние очереди. В одной Казанской губернии ревизору было подано по этому поводу 420 крестьянских жалоб. Не меньше злоупотреблений практиковалось при сдаче рекрут; зажиточные крестьяне имели возможность не только подставить за плату охотника или приобрести за деньги зачетную квитанцию, они могли подкупить сельских и волостных выборных, угостить мир несколькими ведрами водки, наконец, обеспечить за собою поддержку нуждающихся элементов деревни. Донесения ревизоров констатировали широкое применение подобных приемов. Заявления о неправильной сдаче рекрут были наиболее распространенным видом крестьянских жалоб. Головы и старосты сдавали рекрут, часто не спрашивая мира и не имея на руках никакого общественного приговора. Кандидаты близких очередей произвольно освобождались от рекрутчины и взамен их шли малосемейные крестьяне, стоявшие в списках значительно дальше. Особенно много злоупотреблений практиковалось в арендных имениях, где поссессор и экономический писарь часто сдавáли рекрут собственной властью. При прохождении кандидатов через рекрутское присутствие подкупали лекаря и приемщика, сбывая государству больного крестьянина или стараясь освободить от рекрутчины здорового члена богатого семейства.

При поставке рекрут с крестьянского общества собирались особые «сдаточные деньги», которые вручались на расходы выборному рекрутскому сдатчику. О размерах и назначении этих сумм дает представление отчет того же подольского ревизора. В селе Юрченки Летичевского уезда расход на каждого рекрута составил 35 рублей 19 копеек. Из них на обмундирование, провиант и «жалованье» рекруту шло 23 рубля, штаб-лекарю — 2 рубля, военному приемщику — 3 рубля, за гербовую бумагу — 60 копеек, за написание объявления — 1 рубль, стряпчему за подпись на квитанции — 1 рубль, писарю за выдачу квитанции — 75 копеек, рекруту — 2 рубля, на корм в дороге — 1 рубль 84 копейки. В Литинском старостве Подольской губернии с 1894 душ собирали для этой цели по 1 злотому. В Киевских экономических волостях рекрутский сбор достигал еще более высокой цифры — 68 рублей. Остатки сумм часто растрачивались рекрутскими сдатчиками [1].

Какое влияние имели при сдаче рекрут зажиточные крестьяне, видно из отчетов екатеринославского ревизора. В одном из селений Екатеринославской губернии крестьянское общество заключило договор с односельчанином Онисимом Кувякой: Кувяка внес обществу 800 рублей на

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26460, Брацлавский уезд, лл. 17—18, 35, 45; Винницкий уезд, лл. 14, 25, 65, 107; Гайсинский уезд, л. 11; Каменецкий уезд, л. 9; Летичевский уезд, лл. 12, 47, 62—63; Литинский уезд, лл. 10, 66, 96, 110, 128, 87—88, 97; Ямпольский уезд, л. 26; д. 26462, кн. 5, лл. 45—46; д. 26432, лл. 314—319; д. 26435 (II), л. 46; д. 26485 (6), л. 9; д. 26485 (12), лл. 15—16, 23—24.

сдачу рекрут 1836 года, а общество навсегда освободило семейство Кувяки от рекрутской повинности. В селе Луганском той же губернии в набор 1836 года однодворец Голодников поставил вместо себя охотника, но для того, чтобы оформить сделку в Бахмутском рекрутском присутствии, он должен был раздать чиновникам взяток на сумму 500 рублей; эти деньги Голодников занял у крестьянина Михаила Галды, а в обеспечение уплаты долга заложил ему своего сына Козьму [1].

В связи с тяжестью рекрутской повинности в селе Никольском, Тверской губернии, возникла особая секта, стремившаяся избавить крестьян от рекрутчины: родив первого сына, женщины искусственно предотвращали новую беременность и таким путем освобождали свое семейство от будущего набора. В Виленской губернии ревизор встретился с другой формой борьбы с рекрутчиной: при объявлении набора очередные кандидаты бежали из своих деревень, а в случае поимки — вступали в вооруженную борьбу с земской полицией [2].

Очень тяжелой для государственной деревни была подводная повинность — обязанность поставлять подводы для проезжающих чиновников, военных команд, арестантских партий и провозимых казенных грузов. Обыкновенно с подводной повинностью связывалась другая обязанность — давать проводников для препровождаемых рекрут, прогоняемых арестантов и транспортируемых кладей. Ревизоры единодушно подтверждали крайнюю неравномерность в распределении этой повинности между помещичьими и государственными крестьянами: предводители дворянства в союзе с губернской администрацией перелагали ее тяжесть на казенную деревню. Но подводная повинность, по донесениям ревизоров, неравномерно ложилась и на государственные селения: от нее страдало преимущественно население крупных почтовых трактов, которое привлекалось чаще всего и в первую очередь. Примером взыскания подводной повинности может служить официальное расписание по экономическим волостям Киевской губернии за 1836 год [3].

Волости	Число ревизских душ	Число оседлых семейств	Воловьих подвод	Конных подвод	Итого	Проводников
1. Петропавловская	3 145	720	762	128	890	36
2. Хотовская	2 811	776	532	239	771	78
3. Глевахская	3 104	629	561	115	676	92
4. Великобугаевская . . .	2 822	717	369	214	583	120
5. Трипольская	3 052	628	395	33	428	170
6. Стайковская	3 692	770	607	187	794	88
Всего . .	18 626	4 240	3 226	916	4 142	314

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26451, лл. 57—78.

[2] Там же, д. 26482, т. II, л. 70. Варадинов, История Министерства внутренних дел, т. VIII, стр. 337—338.

[3] ЦАНХ, ф. V О., д. 26462, Обозрение, т. II, л. 75.

Количество подвод в 1836 году превзошло цифру предыдущего года (4142 против 3577), зато количество взятых проводников в 1835 году было значительно больше — 1066 против 314. В среднем каждое крестьянское семейство должно было поставить по одной подводе за год, что отнимало не один, а несколько дней — на дорогу, на отдых и на обратное возвращение. Фактическое отбывание повинности было значительно тяжелее «расписания».

Особенно отяготительной была поставка подвод по Нижегородскому и Сибирскому трактам,— там, где непрерывной чередой следовали чиновники, военные команды, рекруты, арестанты, казенные грузы.

Но и в других губерниях подводная повинность возбуждала повсеместные жалобы крестьян. Тяжесть этой обязанности усиливалась особыми условиями ее отбывания. Большая часть подвод требовалась в летнее время, когда крестьяне были заняты полевыми работами, и отрывать от них людей и рабочий скот значило наносить серьезный ущерб крестьянскому хозяйству. При проездах чиновников требовалась быстрая езда, которая сильно изнуряла крестьянских лошадей. Вместо одного перегона подводы гнали по 2—3 и более станций, иногда окончательно загоняя лошадей.

При перевозке грузов, в частности на Сибирском тракте, наблюдались другие явления: крестьяне должны были долго простаивать в ожидании груза; нередко клади были тяжелые и передвижение их в весеннюю распутицу вредно отзывалось на состоянии лошадей. Прогонов крестьяне обычно не получали. Отказаться от дачи подвод население не могло: разобраться в праве того или иного проезжающего требовать лошадей неграмотным крестьянам и их выборным было трудно.

На этой почве возникали массовые злоупотребления, которые возводились в правило и становились общепринятым обычаем. В делах виленского ревизора сохранилось письмо местного губернатора Долгорукого, который признавал крайнюю обременительность подводной повинности, хотя перелагал ответственность за нарушение законов на своих подчиненных.

«Доныне насчет сего предмета,— писал Долгорукий,— мимо строгих предписаний со стороны верховного губернского начальства об оказании казенным крестьянам надлежащей защиты, не соблюдается в Виленской губернии земскою полициею справедливость, ибо часто берут лошадей по приказам Земских судов, по запискам становых приставов и даже без какого-либо вида канцелярские стряпчие, лекаря, солдаты, землемеры и разного звания люди. Стоит только доехать до деревни казенной, потребовать лошадей, и они готовы, не спрашивая кто и зачем едет, так что на обывательских лошадях без малейшего вида можно проехать несколько уездов, особенно по казенным имениям, ибо крестьяне о прогонах едва когда-либо слыхали, а получаемые на стой-

ках обращаются, вероятно, в пользу распоряжающихся там, так как крестьяне и оттоль не получают исправно прогонов» [1].

Такой же обременительной для крестьянства была дорожная повинность — обязанность строить и ремонтировать дороги. Хотя на устройство и содержание дорог взыскивались денежные налоги в форме земских повинностей, но этих сумм нехватало, и крестьяне обязаны были выделять из своей среды работников, которые с лошадьми и инструментами обслуживали назначенные дорожные участки. И эта повинность раскладывалась крайне неравномерно как между сословиями, так и между отдельными селами. Поддержание дорог, так же как поставка подвод, падала своей тяжестью преимущественно на государственную деревню, особенно в районах крупных шоссейных дорог. Как видно из ревизорских отчетов, дорожные участки часто назначались далеко от селений, и крестьянам приходилось отправляться на казенную барщину за десятки и более верст от места своего жительства. По донесениям киевского ревизора, деревня Семеновка Киевского уезда должна была исправлять дорогу, находившуюся в 40 верстах; Дымерское староство имело участок за 60 верст; помонастырское имение Щучинка отстояло от назначенного участка за 90 верст, а крестьяне Чернобыльского имения вынуждены были ходить для отбывания повинности за 170 верст.

В наихудшем положении оказывались крестьяне северных и сибирских губерний с их огромными, редко населенными пространствами, которые на сотни верст покрывали густые леса и трудно проходимые болота.

Дело о волнениях в Ижемской волости Архангельской губернии показывает, насколько обременительным было проведение дорог через северную тайгу и насколько остро стоял этот вопрос в государственной деревне [2]. Но ижемские волнения были не единственным явлением подобного рода. По донесению Олонецкой приуготовительной комиссии, нечто подобное, хотя и в меньшем масштабе, произошло в Андомской вотчине Пятницкой волости Вытегорского уезда: крестьяне отказались работать на назначенном участке ввиду его отдаленности и исключительной трудности возложенного на них задания. Дорожная комиссия, поддержанная губернской администрацией, заняла непримиримую позицию. В свою очередь, крестьяне упорствовали и через поверенного старались разоблачить пристрастные и несправедливые действия местных чиновников. В присутствии исправника раздавались такие речи: «Делайте, что хотите, а дороги не возьмем, нешто и возьмете; в Сибирь всех не сошлют» — «Это не то, что в Питере вышли на площадь — стрелять не будут». Хотя трое «зачинщиков» было арестовано

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26482, т. II, лл. 68—69; д. 26460, Балтский уезд, лл. 35, 131, 179; Проскуровский уезд, лл. 6, 20; д. 26462, кн. 5, лл. 49—50; д. 26463, Нововольский амт. л. 224; д. 26485 (5), л. 20; д. 26485 (10), лл. 28—29.

[2] См. гл. III, стр. 209—211.

и предано суду, Киселев лично просил олонецкого губернатора назначить Андомской вотчине новый участок «по соразмерности с прочими» [1].

Тяжесть дорожной повинности тоже усугублялась особыми условиями ее отбывания: на дорогах приходилось работать летом, во время полевой страды; от крестьян требовали не только построить или починить дорогу, но соорудить мостки, возвести перила, окрасить их в установленные цвета и снабдить указаниями количества верст; некоторые селения откупались от повинности взятками, и их работа падала на другие соседние деревни; раскладки производились редко, без учета данных последней ревизии [2].

Такую же неравномерность констатировали ревизоры в отношении постойной или квартирной повинности. В районах скопления войск или прохода арестантов эта повинность была тяжелее и возбуждала вполне обоснованные жалобы со стороны государственных крестьян. Бывали случаи, когда постой становился постоянным и возлагал на деревню дополнительные расходы. По сведениям смоленского ревизора, в казенных селениях Бизюковской волости Дорогобужского уезда крестьяне с 1836 года должны были расквартировать у себя 20 арестантов, потерявших трудоспособность и не имевших права отлучаться от селения дальше 60 верст. Крестьяне вынуждены были не только держать у себя уголовных преступников, но и поддерживать их силами своего домашнего хозяйства. При постое военных команд крестьяне не получали провианта и должны были продовольствовать солдат собственной пищей. На требование сулемирских крестьян Подольской губернии выдать им нужные продукты офицеры ответили размещением большего количества солдат. В Нововольском амте Белостокской области хозяева должны были довольствовать солдат улучшенною пищею, а при назначении постояльцев в караул давать им натурою сало, картофель, крупу и соль [3].

Менее обременительной, но все же достаточно тяжелою была так называемая стойковая повинность — обязанность выделять стойщиков в местные административные учреждения. «Стойщики» должны были в течение определенного времени стоять на дежурстве, ожидая поручения по развозке и разноске официальных бумаг. Размеры этой повинности были не одинаковы, в зависимости от величины селения и границ административного округа. Крестьяне Вербецкого старосты Подольской губернии (598 ревизских душ) должны были один раз в год давать на стойку 4 верховых, которые исполняли свои обязанности

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26454, лл. 261—263.

[2] Там же, д. 26462, кн. II, лл. 148, 226, кн. V, лл. 51—52, 122, 157, 185; д. 26460, Проскуровский уезд, л. 7; д. 26485 (9), л. 5; д. 26485 (3), л. 19; д. 26447, л. 101.

[3] Там же, д. 26462, Обозрение, т. II, лл. 54—58; кн. V, л. 47; д. 26448, л. 44; д. 26123, л. 194; д. 26460, Литинский уезд, л. 66; д. 26463, Нововольский амт, л. 224.

курьеров в продолжение целого месяца. В Приворотском старостве той же губернии (371 ревизская душа) ставили 1 конного крестьянина на 20 дней в год. Гораздо тяжелее была стойковая повинность в Новсвольском амте Белостокской области (1552 ревизские души). Здесь в Нижний земский суд крестьяне давали 211 фурманок и 92 пеших людей, дежуривших по 1 дню; кроме того, в Комитет внешних потребностей крестьяне должны были еженедельно посылать 2 одноконные фурманки (всего 114 фурманок в год), дежурившие сплошь целую неделю. Стойковая повинность отвлекала земледельцев от сельскохозяйственных работ; чтобы освободить себя от ее гнета, крестьяне предпочитали взамен выделения стойщиков ставить вместо себя вольнонаемных охотников: в Брацлавском старостве Подольской губернии такому охотнику платили по 25—30 рублей за каждые полгода [1].

Менее определенной была обязанность государственных крестьян ставить понятых при осмотрах, обысках и арестах. Понятых имели право требовать не только чиновники земской полиции, но и содержатели винных откупов. В поисках контрабандного корчемного вина агенты откупщиков объезжали селения, входили в крестьянские избы, производили осмотры имущества и с помощью полиции задерживали владельцев контрабандного вина. Казенные крестьяне в количестве 3—5 человек должны были сопровождать питейных объездчиков и разъездную стражу. Такие поездки в Харьковской губернии захватывали обширные районы по 35 верст и отнимали у крестьян по трое суток не только в дневное, но и в ночное время. В Курской губернии эта повинность ложилась целиком на крестьян казенного ведомства — помещики отказывались давать откупщикам своих крепостных. Жалобы на частые требования понятых подавались также ревизору в Екатеринославской губернии [2]. Повсеместной повинностью государственных крестьян была засыпка семян в продовольственные хлебные магазины. Образование продовольственных капиталов и уплата ежегодных денежных взносов не освобождали казенное крестьянство от этой обязанности. При низкой урожайности и частых массовых недородах продовольственная повинность становилась источником хлебных недоимок и массовой неоплатной задолженности.

В некоторых губерниях существовали специальные местные натуральные повинности, которые уходили своими корнями в далекое прошлое или являлись результатом казенного предпринимательства последнего времени. В казенных селениях Чердынского и Солигаличского уездов Пермской губернии, так же как в Слободском уезде Вятской губернии, сохранилась натуральная повинность по поставке варничных [illegible] на пермские солеваренные заводы. Во многих казенных селениях Харьковской губернии были заведены шелковичные плантации, обраб-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26160, Ушицкий уезд, л. 75; Летичевский уезд, л. 39; Б[illegible] [illegible]3; д. 26163. Описание Новозольского [illegible] 221.

[2] [illegible]

тываемые государственными крестьянами; деньги, вырученные от продажи шелка, поступали в пользу сельского общества и, повидимому, составляли резервные средства для уплаты недоимок. Крестьяне тяготились этим своеобразным видом барщины, и производительность труда на плантациях, по донесениям ревизора, была «неудовлетворительной» [1].

На основании произведенной ревизии правительство должно было признать, что «натуральные повинности оставались без уравнения, и вся тягость их лежала почти исключительно на государственных крестьянах» [2]. По данным Костромской казенной палаты, общая сумма натуральных повинностей, отбывавшихся костромскими государственными крестьянами, оценивалась в 17 тысяч рублей ассигнациями. Другими словами, на каждую ревизскую душу в дополнение к денежным налогам падала затрата рабочей силы на 20 копеек. Материалы ревизии показывают, что этот казенный расчет был крайне преуменьшенным и затушевывал действительную тяжесть этих остатков отработочной ренты [3].

Вторую основную категорию крестьянских повинностей составляла феодальная рента — в великорусских губерниях в форме денежного оброка, в западных районах — в отработочной, продуктовой и отчасти в денежной форме. Размеры денежного оброка сохранялись в прежних размерах, установленных законом 1823 года, варьируясь в зависимости от хозяйственного развития различных районов. В пределах каждого района оброк был единообразным для всех категорий крестьянства и обыкновенно присоединялся к государственным налогам для раскладки между наличным количеством плательщиков. В виде исключения некоторые разряды государственных крестьян были освобождены от уплаты феодального оброка: в таком положении находились лашмане поволжских губерний, которые были обязаны заготовлять корабельный лес, ямщики, которые отбывали натурою почтовую гоньбу, казачьи недоросли Псковской губернии, не успевшие получить земельного надела, и т. д. [4].

Совершенно иную картину представляли собою феодальные повинности в западных губерниях. Процент казенных оброчных имений в этих районах был незначительным: в Киевской губернии на оброчном положении находилось 7 экономических помонастырских волостей, насчитывавших 20 435 ревизских душ, т. е. 32 процента всего состава киевских государственных крестьян; в Белостокской области даже «чиншевые деревни» должны были ходить на барщину; в Могилевской, Минской и других губерниях Литвы и Белоруссии крестьян-оброчников вообще не было. Подавляющая масса государственных имений слава-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26455, л. 24; д. 26448, лл. 30, 148
[2] СРИО, т. 98, стр. 473
[3] ЦАНХ, ф. V О., д. 26482, т. III, л. 67
[4] Там же, д. 26424, лл. 4—8

лась или жаловалась в аренду, а крестьяне этих имений были обязаны отбывать разнообразные повинности временным поссессорам. Как правило, формы и размеры этих повинностей точно определялись инвентарями, утвержденными Казенной палатой и подкрепленными арендными контрактами. Но бывали случаи, когда ревизоры не находили в тексте инвентарей никакого нормирования повинностей — чиновники Казенной палаты в интересах поссессоров намеренно обходили этот пункт, развязывая им руки для неограниченной эксплоатации крестьянства.

Феодальные повинности западных районов разделялись на три основные категории: 1) барщину (или панщину), 2) вещественные приношения («данины») и 3) денежные сборы. Денежные платежи в большинстве имений вовсе отсутствовали или занимали в бюджете поссессора второстепенную, подсобную роль. Только в редких случаях в немногих имениях в отношении зажиточных крестьян или, наоборот, крестьян, не имевших сельского хозяйства, денежный чинш (оброк) был установлен как основная или единственная форма феодальной ренты. Данины существовали всюду, но и эта продуктовая форма ренты не занимала основного, определяющего места в ряду крестьянских повинностей. Главное значение оставалось за барщиной, которая носила разнообразные формы, в зависимости от местных условий и давних сложившихся традиций: с одной стороны, сюда входила регулярная панщина, измеряемая определенным количеством дней в неделю (в большинстве случаев было назначено 2—3 дня в неделю); с другой стороны, в инвентарях были предусмотрены поголовные «гвалты» или «сгоны», отнимавшие у крестьян несколько дней в году, обычно в летнее время горячих полевых работ; дальше шли так называемые «шарварки», предназначенные для починки барских фольварковых строений; дополнительно во многих районах от крестьян требовались специальные «летние дни» (от 1 до 12); наконец, повсеместно существовала сторожевая повинность (в литовских и белорусских губерниях она называлась «ночною вартою»); во многих местах крестьяне должны были давать арендатору определенное количество крестьян в качестве дворовой прислуги. Кое-где сохранились специальные местные повинности барщинного типа — извозные (в частности, вывозка дров), сидка смолы и дегтя и т. д.

Размеры барщины обыкновенно варьировались в зависимости от состоятельности домохозяина и количества отведенной ему земли. На Правобережной Украине крестьяне официально делились на разряды, по которым раскладывались не только государственные налоги [1], но и барщинные работы. Исключение представляли собою «гвалты», которые были обязательными для всех крестьян мужского и женского пола в возрасте от 12 до 60 лет. Шарварки обычно взимались со двора или с «дыма». Однако никакого единообразия в назначении и раскладке

[1] См. выше, стр. 332.

барщинных повинностей не существовало: изучая ревизорские отчеты, мы наблюдаем необычайно сложную и пеструю картину, столкновение разных принципов и местных обычаев; для одних и тех же разрядов крестьян в различных районах, а иногда в соседних имениях, были установлены самые различные нормы. Только учитывая эти местные особенности, мы можем составить себе конкретное представление о степени эксплоатации государственных крестьян, находившихся «на хозяйственном положении».

Такое же разнообразие и пестроту представляли собой вещественные данины: они варьировались в своих размерах и формах, в зависимости от состоятельности домохозяев, местных обычаев, размеров чинша и пр. И здесь необходимо конкретное изучение определенных районов, чтобы взвесить степень отяготительности этих многообразных, часто мелочных приношений, падавших на государственную деревню.

Что касается денежных взносов, то помимо чинша-оброка западные крестьяне должны были во многих имениях платить специальные сборы, имевшие местное значение, например «подорощизну» (взамен извозной повинности), «пропинационное» (за право выкуривания вина), «пляцовое» (за место производства торговли), «верстатовое» (с ремесленников) и пр. Обыкновенно размеры чинша и других денежных сборов увеличивались или уменьшались в зависимости от размеров основной барщинной повинности.

Сопоставляя нормы инвентарей и действительные повинности крестьян, ревизоры часто не находили между ними требуемого соответствия. Поссессоры считали казенные инвентари «устарелыми» документами, результатами давно произведенных люстраций. В условиях разложения феодального строя, при развивающемся обмене и повсеместном повышении барщины, арендаторы казенных имений стремились во что бы то ни стало догнать частных землевладельцев. Нередко арендаторами были те же местные помещики, которые вносили в практику арендного хозяйства повышенные нормы, введенные в их собственных имениях. Нарушения инвентарей со стороны владельцев были повсеместными и принимали самые разнообразные формы: экономии произвольно увеличивали количество барщинных дней, искусственно сосредоточивали их в летние месяцы, требовали от крестьян работы сверх нормы, назначали непосильные уроки, обманывали крестьян при учете барщины, уплачивали за сверхурочные повинности ничтожную плату и т. д. Ревизоры были засыпаны жалобами государственных крестьян на незаконную и невыносимую феодальную эксплоатацию. Казенные палаты смотрели на эти нарушения сквозь пальцы: обычно асессоры, приезжавшие контролировать выполнение контрактов, получали взятки от арендаторов и не обращали внимания на крестьянские заявления. По единодушному заключению ревизоров государственные крестьяне западных районов были хозяйственно истощены произволом арендаторов и находились на грани полного разорения.

Таким образом государственные крестьяне — и оброчники, и барщинники — были обложены многообразными и тяжелыми государственными и феодальными повинностями. Несмотря на репартиционную систему собирания денежных платежей, они взимались с крестьян крайне неравномерно, очень плохо учитывались сельскими органами и сопровождались на практике произвольными своекорыстными переборами. Земские и натуральные повинности ложились своей главной тяжестью на государственную деревню и сопровождались такими же явлениями — неравномерностью, неточностью в учете и хищениями правящего аппарата. Мирские сборы представляли собою орудие систематического грабежа крестьянской массы. Но самыми обременительными были феодальные повинности в западных районах: преобладание барщины и дворянская политика местной администрации низводили государственного крестьянина этих районов на положение, близкое к крепостному праву частновладельческих имений.

5. Система управления

Третий вопрос, приковавший к себе пристальное внимание ревизоров, касался системы управления государственной деревней. И здесь характеристики и выводы ревизорских отчетов были единодушными и категоричными: вооруженные многочисленными фактами ревизоры воочию показывали, что вся организация выборной и коронной администрации ведет государственных крестьян к упадку и разорению.

Сельские и волостные органы избирались крестьянами на мирских сходах. «Мир», уходивший своими корнями в глубокое прошлое, представлялся и самому Киселеву, и многим из его современников хранителем народных обычаев, крестьянским оплотом против несправедливостей и насилий. В действительности в условиях крепостнического строя и разложения патриархальных устоев крестьянское самоуправление, за исключением северных районов, переживало состояние упадка и вырождения. Расслоение крестьянства и давление бюрократии превратило сельскую общину в орудие деревенских богатеев и уездных чиновников. Напрасно мы станем искать в конкретных материалах ревизии доказательства свободы и независимости крестьянского самоуправления. Черты идеализации, которые придавались сельскому миру в описаниях славянофилов, быстро стираются в свете материалов киевской ревизии. Сухие протокольные записи ревизоров разнообразных губерний дают безрадостную картину мирской жизни государственной деревни. Мирской сход — это прежде всего пьяная сходка, которая [illegible]ируется деревенскими кулаками и сельскими начальниками около и внутри питейного дома. Мирские выборы, которые в принципе [illegible]ь важнейшим актом самоуправляющейся общины, определяя состав ее исполнительных органов, проходили в обстановке полного беспорядка и пьяного угара. Не крестьянская масса, а ловкие и хищ-

ные деревенские дельцы были организаторами общинного исполнительного аппарата. Голоса продавались и покупались заранее «за ведра вина и мелкие денежные уступки». Приговоры составлялись и подписывались pro forma, ни в малейшей мере не выражая мнения трудящейся массы деревни. Как правило, на мирском сходе закладывались основы того произвола и повсеместного грабительства, которым систематически подвергались государственные крестьяне.

Яркими красками изображает мирские выборы ревизор Московской губернии: «...За несколько дней до назначенного дня схода желающий получить значительную должность, например, головы, объезжает с боченком вина селения с изветами на старого голову, или же с обещаниями и оговорками о действиях своих, если он состоит уже головою. Потом собирается сход толпою, без всякого порядка и разделения даже на стороны, но всегда в сопровождении вина и буйства. Сельский заседатель, играющий с земским в таковых случаях важную роль, предлагают или заставляют предлагать одного за другим двух или трех кандидатов, которых общество — уверены они — не изберет. Проходит три, четыре часа, мир мало-по-малу расходится, засыпает и утих[illegible] г. Этим и оканчивается выбор. Затем земский со сговорившимися пятью или шестью человеками пишут приговор, означая в оном произвольно и согласившихся, и несогласившихся, или не бывших даже на [illegible]е. Все это везется в город и тем проформенность оканчивается»[illegible].

Во Владимирской губернии правила избирательной процедуры выполнялись более строго, но и там характер и результаты «голосования» мало отличались от московской практики. По описанию владимирского ревизора, «выборы крестьянские начинаются пирами: одни угощают крестьян, чтобы быть избранными, другие — чтобы быть уволенными, и в сем случае всегда в числе первых находятся крестьяне поведения ненадежного, а среди вторых лица — хозяева, торговцы, промышленники, одинокие и имеющие многолюдное семейство, словом, лица, трудящиеся и соблюдающие выгоды, блага свои. Если первых нет, то выборы ложатся на последних и большею частью на бедных одиноких или тихих нравом. Приносится лукошко картофеля и балотировка начинается, подгулявшие же разбирают картофель, а иной, чтоб способствовать к выбору лица или выбалотировке оного, забирает число картофелин по произволу, сколько в руку забрать сможет, только чтоб не заметили, и кладет в свою очередь в избирательную чашку; таким образом иногда одно лицо делает перевес противу многих лиц. Картофель выбирается из чашек, и число избирательных [illegible] избирательных картофелин записывается без соображения, не превышает ли число положенных картофелин числа собравшихся на выборы [illegible]. Вообще на выборах шум, крик, брань, упреки, а иногда [illegible] удаляют от оных крестьян благомыслящих, трезвых и доб[illegible]

[illegible] МИХ, ф. V О., д. 26126, т. 1

поведения. Многие крестьяне в похвальбу себе говорят: «я, сударь, человек тихой, на выборах, то и на сходах никогда не бывал». Если же малая часть крестьян сих и появится, то крики пьяниц заглушают их голоса. Случается, что крестьяне, не желая итти по отдаленности на выборы или сход, дают руки свои старосте, и тот кладет за них картофелины» [1].

Такую же картину рисуют материалы Вятской губернии: «Кабак в мирские сходки есть, так сказать, поприще, на котором состязаются спорящие о правах своих; из кабака изливаются самые убедительные доказательства, всегда склоняющие мир на ту из тяжущих сторон, которая их предлагает. Кому из крестьян нужны голоса, тот обещает поставить на мир известное количество вина и поставляет оное пред начатием прений,— после сего дело его выигрывается. То же средство употребляется при склонении голосов на выборах. Кто при этом не купит вина, на того падают самые тягостные должности; кто же ставил вино на мир, тому достаются в удел обязанности более легкие. От сего происходит, что более зажиточные крестьяне, по собственным показаниям поселян, менее достаточных, управляют сходками. Вино есть средство тем более действительное, чем ближе ко времени сходки можно им воспользоваться. Вино, поставленное пред самою сходкою, более обязывает крестьянина, нежели то, которое выпито им накануне» [2].

Такие характеристики представляют собою не исключение, а общее правило. По свидетельству черниговского ревизора, «выбирают в начальники тех, которые могут напоить избирателей и которых притом надеются впоследствии за вино иметь на своей стороне». По данным калужской ревизии, «мир торгуется с кандидатами; кто из них большее количество ведер вина выставит на угощение миру, тот им и избирается» [3]. Подобные же отзывы мы находим в ревизорских отчетах Тамбовской, Тверской, Курской, Орловской, Киевской и других губерний [4].

Как правило, деревенские богатеи редко выставляли собственные кандидатуры: выполнение общественных обязанностей было хлопотливым и невыгодным делом, отвлекая от собственного хозяйства и ставя в непосредственную зависимость от начальства. Зажиточные верхи предпочитали проводить на выборные должности собственных подручных из числа обедневших и достаточно податливых крестьян. Избрание головою или старостою обещало таким кандидатам некоторые реальные преимущества: они освобождались от натуральных повинностей, получали сверх официального жалованья приплаты за счет мирских сборов, а главное, приобретали широкую возможность использо-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26485 (13), лл. 17—19.

[2] Там же, д. 26453, т. I, лл. 198—200.

[3] Там же, д. 26453, т. I, лл. 71—75, 235—326.

[4] Там же, д. 26453, т. I, лл. 249—250, 187, 291; д. 26462, Обозрение, т. II, лл. 70—71; д. 26485 (30), т. 17.

вать свою власть в личных материальных интересах. Такой отбор избираемых кандидатов засорял исполнительные органы сельского и волостного самоуправления: ревизоры единодушно отмечали невысокий умственный и моральный уровень крестьянских выборных; за редкими исключениями, они оказывались неспособными к ведению делопроизводства, чаще всего неграмотными и крайне неразборчивыми в средствах управления [1]. Вся обстановка крепостнического строя — примеры коронной администрации, действия деревенских кулаков, отсутствие всяких гарантий от произвола — воспитывали в выборных наклонность к беззаконию и стяжательству. Подавляющее большинство избранных на должности чувствовало себя независимым от мира и третировало общину как формальную и маловлиятельную организацию. Мирскую сходку созывали в случаях крайней необходимости; решения подготовлялись заранее и протаскивались всякими правдами и неправдами; широко применялась практика фальшивых приговоров, которые составлялись задним числом и хранились как оправдательные документы на случай неожиданной ревизии. По словам казанского ревизора, «не должно думать, чтобы слово мирской приговор действительно выражало приговор целого общества; оно чаще и почти всегда заключает в себе голос волостного писаря и нескольких стариков, а иногда и одного писаря, который сам собою ставит на приговоре имена двух третей домохозяев и прикладывает волостную печать». С этим выводом вполне совпадают данные костромской, нижегородской, псковской и киевской ревизий [2].

При этих условиях писарь — сельский и особенно волостной — приобретал в государственной деревне могущественное значение: нередко это был единственный грамотный человек среди десятков или сотен людей, неспособных разобраться в присылаемых распоряжениях, законах, инструкциях, таблицах. На писаре лежала обязанность публиковать и исполнять разнообразные и многочисленные предписания центральной и местной власти; он был единственным мало-мальски сведущим истолкователем действующего права; только он мог оформить официальные бумаги, которые бесконечным потоком рассылались в губернские и уездные органы. Грамотность и служебный опыт давали ему огромные преимущества перед сменяющимися и малоподготовленными головами и старостами. Но и писаря — эти фактические руководители сельской и волостной администрации — отличались низким культурным и моральным уровнем. По свидетельству херсонского ревизора, «в писарях, не только понимающих дело, но даже в таких, которые бы только в состоянии были переписывать бумаги, совершенный недостаток; по многим селениям, за неимением грамотных из по-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26485 (8), лл. 11—12; д. 26485 (3), л. 20; д. 26485 (5), лл. 20—21, 28; д. 26443, л. 119 и др.

[2] ЦАНХ, ф. V О., д. 26453, т. I, лл. 18, 364; д. 26435, т. III, л. 125; д. 26462, Обозрение, т. II, л. 98; д. 26424, лл. 4—31.

селян, допущены обществами без утверждения Палаты к исправлению писарской должности посторонние лица не из поселянского звания, и, между прочим, много отставных чиновников,— разумеется, не лучшей нравственности и без всякого образования». Такое явление наблюдалось и в других губерниях; например, Тамбовская приуготовительная комиссия доносила в V Отделение о состоянии волостей Шацкого уезда: «Настоящих волостных голов и писарей нет, и находятся исправляющие сии должности; первые недавно определены и потому ни о чем понятия не имеющие, а писаря малограмотные...» [1]. О неподготовленности писарей V Отделение имело многочисленные данные, в том числе от центрального аппарата Министерства финансов

Неизбежным результатом подобного положения была крайняя запутанность сельского и волостного делопроизводства. Не только финансовые счета и отчеты, но и текущая административная переписка находились в состоянии полного беспорядка. Редкие ревизоры могли отметить удовлетворительное ведение волостных книг и разобраться в хаосе незарегистрированных и невыполненных распоряжений. К огромному большинству сельских и волостных органов была вполне приложима резкая характеристика чиновника, ревизовавшего Волостные правления Западной Сибири: «Дела их состоят из кип бумаг, собранных без всякого порядка; настольные регистры в некоторых годах оказались вовсе неведенными или неоконченными; многие предписания не вносятся в книги, или остаются без исполнения; явки крестьян по воровствам и другим случаям удовлетворяются одною отметкою о ссылке в явочных книгах без всякого распоряжения об удовлетворении жалующегося... Одним словом, все, что касается до порядка производства дел и до отчетности Волостных правлений по всем предметам, принадлежащим непосредственному их ведению, представляет запутанность в высочайшей степени, от которой едва ли, даже при величайшем постоянном и долговременном усилии местных властей и при строгом надзоре высших лиц Правления могут когда-либо освободиться» [2]. Таким образом, отсутствовали самые элементарные условия, которые могли обеспечить крестьянской массе правильное и быстрое разрешение текущих вопросов деревенской жизни. «Самоуправляющийся мир» отталкивал от себя казенного крестьянина худшими сторонами бюрократического порядка. Добиться удовлетворения справедливой жалобы, продвинуть начатое дело в высшие инстанции, воспользоваться благоприятным решением судебного спора было исключительно трудно при небрежном и безотчетном ведении общинного делопроизводства.

Но выборные органы не только не обеспечивали внешнего, чисто формального порядка; за редкими исключениями вся их деятельность создавала обстановку произвола, насилий и вымогательств. Волостной

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26427, л. 281.

[2] ЦАНХ, ф. V О., д. 26476 В II А, л. 61; ср. д. 26460 (Проскуровский у.), лл. 24—47; д. 26462, кн. 5, лл. 63, 163—169, 183.

голова и сельские старосты, облеченные полномочиями исполнительной власти, спешили использовать выгоды своего административного положения: их примеру следовали писаря, сборщики податей, смотрители хлебных магазинов, сотские и десятские. Неукоснительно выполняя предначертания начальства, они не забывали о своих личных материальных интересах. Они заботились не столько о нуждах крестьянского мира, сколько о собственных преимуществах и выгодах. Ревизующие чиновники были завалены крестьянскими жалобами на незаконные действия выборных органов: на их непомерные поборы, неправильную нарезку земли, насильственное завладение наделами, искажения ревизских сказок, нарушения рекрутских очередей, разнообразные притеснения и телесные побои. Не ограничиваясь полулегальными мирскими сборами, головы и старосты вымогали у крестьян денежные взятки при подаче жалоб, при выдаче паспортов, при отбывании повинностей, при всяком удобном поводе, дававшем крестьянскому выборному реальную возможность влиять на жизненные отношения. Отчеты ревизоров Астраханской, Екатеринославской, Нижегородской, Пензенской, Орловской, Ярославской и других губерний были наполнены описаниями подобных фактов [1]. И здесь из-за спины крестьянских «начальников» выдвигалась зловещая фигура волостного писаря, который держал в своих руках все нити мирского «самоуправления». Что значил беззастенчивый и властный писарь в государственной деревне, показывают материалы восточно-сибирской ревизии. В Устьянской казенной волости Канского округа подвизался писарь Лобанов, на которого было подано 11 крестьянских жалоб. У крестьянина деревни Тинченской Перфила Михайлова Лобанов взял 100 рублей, несправедливо обвинив его в том, что он дал переночевать беглым поселенцам и пригрозив ему за это тюрьмою. У крестьянина деревни Серковской Козьмы Коверзина Лобанов потребовал «в подарок» 300 рублей, чтобы избавить его от ответственности за драку, бывшую шесть месяцев назад; стороны помирились на 200 рублях, только тогда задержанный Коверзин был отпущен домой. У крестьянина деревни Хандальской Хрисанфа Коверзина Лобанову удалось вырвать 130 рублей под угрозой, что иначе он будет отправлен в город за происшедшую драку. В связи с рекрутским набором Лобанов получил «отступные» от нескольких крестьянских семейств, якобы избавленных им от рекрутчины: крестьянин деревни Хандальской Трофим Мануков должен был дать писарю 40 рублей, крестьянин той же деревни Харитон — 50 рублей, крестьянин деревни Бузыкиновой Спиридон Кулаков заплатил два приема 225 рублей за сына Илью и 100 рублей за другого сына Василия (деньги с Кулакова были потребованы уже по окончании набора). Когда крестьянин деревни Покатейской Егор Кокленков купил

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26438, лл. 51—54; д. 26451, л. 72; д. 26429, лл. 426—42 д. 26485 (5), лл. 20—21, 28; д. 26485 (Астраханская губерния), лл. 7—9; д. 2644 л. 119; д. 26440, л. 24 и т. д.

у рабочего Васильева ружье-дробовик, Лобанов спустя пять месяцев выпросил ружье «для пробы» и присвоил его себе; на жалобу Кокленкова Лобанов ответил, что ружье должно пойти «в оценку»; попытка Кокленкова выручить свое ружье окончилась арестом жалобщика по личному настоянию писаря. Иногда Лобанов в своеобразной форме принимал на себя роль защитника угнетенных. Работник из поселенцев Иван пожаловался на побои, причиненные ему хозяином, крестьянином Хетчиковым; Лобанов приказал Хетчикову уплатить работнику 10 рублей, а ему, Лобанову, 25 рублей за избавление от ареста. У крестьянина деревни Кахинской Берсенева служила в «хозяйках» солдатская жена Арина Щербакова; уйдя от хозяина, она потребовала заработанные ею 87 рублей; Лобанов вызвал Берсенева в волость и за взятку в 25 рублей освободил его от уплаты долга; однако через некоторое время Лобанов снова вытребовал к себе Берсенева и пригрозил ему в случае неуплаты долга набить на него колодки и отправить к земскому исправнику. Но, может быть, наиболее характерным для практики мирского самоуправления был случай с поселенцем деревни Мокрушиной Иваном Гордеевым. Писарь Лобанов вызвал его в Волостное правление и приказал ему быть поселенческим старостою без выборов поселенческого общества. Гордеев отказался и просил отпустить его домой для уборки накошенного сена. Писарь потребовал отступного в размере 25 рублей; отпустив крестьянина домой, Лобанов через неделю снова вызвал его в Правление, продержал 6 дней под арестом, приказал волостному старосте и десятнику избить его и в конце концов заставил избитого уплатить 45 рублей. В этой переделке у Гордеева пропала шапка и 60 рублей личных денег. Попытка обиженного обратиться к поселенческому обществу и официально пожаловаться начальству кончилась для Гордеева не менее печально: Лобанов вернул ему взятые деньги, но подверг новому жестокому избиению. Судя по этим фактам, вымогательства и насилия были обычною системою в деятельности устьянского писаря [1].

Источником обогащения для сельского и волостного начальства были не только мирские сборы, но и произвольное распоряжение мирским оброчным хозяйством. Во владении крестьянской общины находились оброчные статьи — неподеленные пашни, сенокосы, рыбные ловли, мельницы, пристани, перевозы и пр. По закону они должны были сдаваться на основании приговоров сельского общества, а заключенные контракты — утверждаться Казенною палатою. Ревизия обнаружила грубейшее нарушение этих обязательных правил. Мирские оброчные статьи часто сдавались выборными органами без всяких письменных договоров, по устному соглашению с арендаторами, и оставались скрытыми от начальственного взора губернской администрации. В качестве съемщиков выступали городские купцы, одно-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26476/I-А-25, лл. 10—15.

дворцы, богатые крестьяне, иногда соседние помещики. Соглашения заключались на продолжительные сроки, арендные цены устанавливались крайне низкие, деньги иногда взыскивались вперед без ведома мирской сходки и расходовались безотчетно, т. е. присваивались себе головами, старостами и писарями. Ревизором Курской губернии было найдено в различных уездах 198 таких оброчных статей. Одному обоянскому купцу Горянинову было сдано в 8 местах 1590 десятин сенокоса и 815 десятин жнивья за 2130 рублей, в 8 раз дешевле обычной арендной платы; некоторые из этих угодий были уступлены на 15 лет с уплатой оброка вперед. Такие же явления были вскрыты ревизорами в Орловской, Херсонской, Екатеринославской, Калужской и других губерниях. Некоторые мирские статьи оказались в запущенном состоянии и давали поэтому ничтожные доходы. Бывали случаи, когда арендаторы десятки лет не вносили за них никакой платы [1].

Выборные крестьянские органы не гнушались и прямым заимствованием налоговых и оброчных поступлений. Денежные растраты голов, старост, писарей, сборщиков были широко распространенным явлением в государственной деревне. Иногда не досчитывалось небольших сумм, но иногда растраты достигали громадных размеров и многолетней тяжестью ложились на бюджет сельского общества. В селе Луганском Екатеринославской губернии из податных сборов сборщики «утратили» 333 рубля 7 копеек, а голова произвольно израсходовал 750 рублей. В Пошехонском уезде Ярославской губернии головою и другими выборными было растрачено из собранных податей 6944 рубля 10 копеек. В Пензенской губернии, по отчету ревизора, было растрачено старостою деревни Чурнюк 1000 рублей, а старшиной села Дубровки — 3495 рублей 20 копеек. В двух волостях Никольского уезда Вологодской губернии растраты выборных простирались до 32 091 рубля [2].

Пользуясь фактической независимостью от сельского мира, крестьянские выборные оказывались в полном подчинении у коронной администрации — земской полиции и Казенной палаты. Головы и старосты занимали положение посредствующего звена между бюрократическим аппаратом крепостной империи и разрозненной массой государственного крестьянства. Чиновники, время от времени наезжавшие в казенные имения, рассматривали органы крестьянского самоуправления как подчиненные инстанции, обязанные беспрекословно выполнять их распоряжения, доставлять им необходимые справки, отвечать за исправное отбывание повинностей и поддерживать в деревнях полицейский порядок. По словам псковского ревизора, действительность вполне оправды-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26425, т. III, лл. 1—13, 231, 332—337, 342—348; д. 26438, лл. 152—153, 234—236, 245—246; д. 26485 (2), л. 9; д. 26485 (3), л. 18; д. 26485 (9), лл. 9—10; д. 26451, л. 84; д. 26441, л. 169; д. 26485 (31), лл. 18—19.

[2] Там же, д. 26451, л. 76; д. 26440, лл. 77—78; д. 26454, лл. 339, 369—370, 401—402; д. 26485 (7), лл. 7, 53, 58—59; д. 26456; лл. 153, 173; д. 26425 (Астраханская губерния), л. 9.

вала такую характеристику; земские исправники не только отдавали приказания головам и старостам, но и подкрепляли свой авторитет рукоприкладством [1].

Таково было мирское самоуправление в более свободных оброчных губерниях. Еще безрадостнее была картина, нарисованная ревизорами западных районов. И здесь, в полосе арендных имений, формально существовала мирская сходка, причем решение хозяйственных вопросов общинной жизни было изъято из ведения временных владельцев. Однако фактически все стороны деревенского быта были предметом систематического контроля и распоряжения со стороны господских экономий. Мирские сходки созывались редко или совсем не функционировали; если они устраивались, то из числа состоятельных, специально приглашенных хозяев. Сельские «урядники» назначались односторонней волею поссессоров и находились у них в полном подчинении; бывали случаи, когда сотские и десятские были обязаны наблюдать за отбыванием панщины, т.-е. исполнять обязанности барских бурмистров. Сельское и волостное делопроизводство велось непосредственно при экономии служащими арендатора. Сам арендатор наблюдал за раскладками и сборами государственных податей, за составлением рекрутских списков и призывом рекрут, за отбыванием натуральных повинностей, за постройкой и содержанием хлебных магазинов и пр. В Белостокской области, перешедшей к России от Пруссии, эта зависимость крестьянского мира от арендатора была оформлена государственным законом: наряду с существованием мирской сходки, в каждом экономическом амте (низшей административной единице) распоряжался обер-амтман, он же временный владелец, получавший аренду на 12 лет и подчиненный Областному правлению. Помощниками обер-амтмана были актуариус (делопроизводитель), вахмистр из воинских чинов и обер-войты, непосредственно управлявшие деревнями. Эти низшие агенты сельской администрации «избирались» владельцем и официально назначались Областным правлением [2].

Таким образом, самоуправляющийся мир государственной деревни, в условиях крепостнического строя был низведен до положения юридической фикции. На самом деле крестьяне управлялись агентами полицейского государства, временными арендаторами и деревенскими богатеями. Формальные выборы общинной администрации прикрывали собою практику насилий и хищений, которые расцветали под эгидой правительственной бюрократии.

Ревизия давала немало материала, знакомившего и с верхним, коронным ярусом административного аппарата. Выводы ревизоров о деятельности уездных и губернских властей на территории казенных имений были резко отрицательными. Что представляли собою местные чи-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26442, лл. 135—136.

[2] Там же, д. 26462, кн. II, лл. 29, 31, 153—154, 157, 190, 215, 230 и др.; д. 26460, лл. 9, 64 и пр.; д. 26463, лл. 80—81, 159; д. 26461, лл. 51—52.

новники, особенно в отдаленных северных губерниях, видно из отзывов самих администраторов. Олонецкий губернатор сообщал Киселеву, что в его губернии «многие присутственные места не имеют судей, заседателей, исправников, недостает уездных стряпчих, почти нигде в уездах нет секретарей, а во всех вообще — столоначальников и их помощников, а в иных места сии занимаются канцелярскими чиновниками, не имеющими достаточных способностей и даже офицерских чинов... для письмоводства нанимаются мещане, разночинцы, отставные чиновники, за невоздержною жизнью нигде на службу не принимаемые, пономари, дьячки, семинаристы...» [1]. Отсталое крепостное государство не могло подготовить достаточного количества образованных и опытных бюрократов. Уездные и губернские учреждения заполнялись людьми невежественными и неразборчивыми в средствах; государственная деревня представлялась им благодарным полем для безудержных хищений и самоуправства. Отсюда — огромный поток жалоб, которыми засыпали казенные крестьяне приехавших ревизоров. «Жалобы крестьян бесчисленны и во многих случаях весьма верны — докладывал Киселеву ревизор Вятской губернии.— Они справедливо ропщут и на равнодушие Казенной палаты, и на притеснения земских и волостных начальников, и на священников, требующих от них большие руги, и по многим другим предметам» [2]. Екатеринославский ревизор изумлялся, что злоупотребления, раскрытые им в казенных селениях, совершались около самого города, на глазах у губернского начальства: «брали, сколько с кого хотели, просто — грабили среди белого дня» [3]. В том же духе были донесения воронежского ревизора. Характеризуя деятельность становых приставов, он писал о них V Отделению: «Люди сии большею частью необразованные и безнравственные, притом облеченные большою властью, беспощадно обирают казенных поселян, и ежели прибавить к этому, что исправники и стряпчие тоже не упускают извлекать свои пользы, то в сложности выходит, что казенный поселянин при нынешнем порядке вещей, по крайней мере, вчетверо угнетен противу прежнего» [4]. Ревизорские отчеты изобиловали конкретными фактами, которые полностью подтверждали эту характеристику.

Наибольшие притеснения испытывали казенные крестьяне от насилий и вымогательств земской полиции. Земский исправник, заседатели Нижнего земского суда и заменившие их в некоторых губерниях становые пристава чувствовали себя полными хозяевами в государственной деревне. Систематические поборы натурою и деньгами были обычными способами «кормления» полицейских чиновников. По донесениям орловского ревизора в Ивановском стане Карачевского уезда перед самой ревизией было собрано в пользу полиции по 10 копеек с души;

[1] ЦГИХ, ф. V О., д. 26454, л. 191.
[2] Там же, д. 26455, лл. 21—22.
[3] Там же, д. 26451, л. 33.
[4] Там же, д. 26455, л. 81.

не удовлетворившись собранными суммами, становой пристав потребовал к себе всех солдаток для «освидетельствования здоровья» и взыскивал с каждой из них по гривеннику серебром. В Ливенском уезде той же губернии казенные селения должны были доставлять полиции два раза в год по одному барану и до 8 фур дров. Земский исправник Дмитриевского уезда Ратинский заставлял государственных крестьян отбывать барщину в своем имении; крестьяне жаловались ревизору, что эта незаконная повинность расстроила их хозяйство и заставила их накопить недоимку по 10 рублей на душу.

Но полиция не только извлекала из управления деревнею материальные выгоды, она невозбранно и жестоко насильничала над крестьянами. В той же Орловской губернии ревизор получил жалобу однодворцев Ливенского уезда на земского исправника Букреева. Расследование установило вопиющие факты, связанные с его борьбою против раскольничьих сект. До сведения администрации дошло, что в селении Студеный Колодезь есть крестьяне, отвергающие церковное таинство брака. Земский исправник в сопровождении следственной комиссии отправился на место «преступления» и в продолжение 3 месяцев мучил население 37 селений: крестьяне должны были выставлять огромное количество подвод для переездов следователей («чрез два и три дня на каждый двор»), давать ежедневно по 200—300 человек для окарауливания арестованных, заподозренных в расколе, и доставлять огромное количество муки, овса, сена, масла, скота и дворовой птицы. С 24 селений было собрано за это время до 250 ковриг печеного хлеба, более 5 ведер постного и 2 пудов коровьего масла, до 4 пудов ветчины, более 700 кур, 43 индейки, 85 гусей и 400 рублей деньгами «большею частью за освобождение от поставки подвод». Остальные 13 селений давали такие же продукты «без меры и счета». Подозреваемые в сектантстве подвергались мучительным пыткам: их заковывали в кандалы, избивали им пятки палками и железными полосами, запрещали допрашиваемым сидеть и ложиться до полного истощения их сил, ставили их босыми ногами на горячие кирпичи, жгли им тело раскаленным железом. В результате этих жестоких истязаний некоторые однодворцы «сознались» в принадлежности к раскольничьей секте и были посажены в острог, где некоторые умерли [1].

Подобные факты не были исключением: такие же истязания крестьян были раскрыты восточно-сибирским ревизором в Бадайской волости. В 1839 году здесь произошло убийство приказчика Тельшинской фабрики Агнихина. Следствие по этому делу производил заседатель Нижнего земского суда Гуляев. Арестовав четырех крестьян, он засадил их в волостную тюремную избу, где они томились полтора года. Допросы арестованных сопровождались страшными пытками. Крестьянину Матвею Бегинину, связанному по рукам и ногам, прикладывали

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26438, лл. 15, 170—171; д. 26468, лл. 3—6; д. 26451, лл. 83—84; д. 26476/I-А-16, л. 39—40; д. 26454, л. 435.

к телу раскаленное железо, брызгали на спину растопленную серу и не давали по нескольку суток пищи. Крестьянина Митрофана Бегинина подвешивали на веревке и выламывали ему назад руки и ноги. В конце концов была установлена непричастность всех четырех арестованных к совершенному убийству [1].

Найти защиту от этих насилий и вымогательств для государственных крестьян было делом почти безнадежным. Ревизия 1836—1840 годов документально установила, что местные судебные органы не отвечали своему назначению и являлись рассадником волокиты и беззакония. Судебные дела, начатые в интересах казенных имений, в частности государственных крестьян, десятилетиями лежали в присутственных местах, не находя себе никакого решения. По донесению смоленского ревизора им было найдено 649 незаконченных дел, в том числе многие начатые в 1811—1813 годах. В рязанских судах некоторые дела не получали своего завершения с 1799—1802 годов. «Однообразные, составленные по форме секретарские отметки о причинах остановки дел наполняют настольные реестры уездных судов»,— отмечалось в донесении ревизора. По сведениям Екатеринославской приуготовительной комиссии, в местных судебных инстанциях было обнаружено 1477 нерешенных дел, касавшихся государственной деревни. В таврических судах таких дел оказалось 3597, причем многие вынесенные приговоры упорно не приводились в исполнение. Прокуроры и стряпчие оказывались в теснейшей связи с другими чиновниками и систематически прикрывали их преступления. Дело, начатое против истязателя, ливенского исправника Букреева, не имело никаких реальных последствий: уездный судья был в то же время зятем Букреева, и подсудимый исправник продолжал не только свободно жить в Ливенском уезде, но и попрежнему оставаться на своей должности. Многие судебные чиновники не отставали в насилиях и вымогательствах от земской полиции. Когда восточно-сибирский ревизор приехал в Талеевскую волость Канского округа, местные крестьяне засыпали его жалобами на окружного стряпчего Сураева. Этот хранитель правосудия систематически объезжал государственные деревни, избивал старшин и собирал в свою пользу деньги. В деревне Кондратьевой он высек старшину Ефима Ягодина и собрал «при этом случае» с общества 30 рублей ассигнациями; в Канарейской он силою взял 50 рублей, в Сухой — 25 рублей, в Шакимах — 20 рублей, в Макаровской — 15 рублей, в Денисовой — 30 рублей. «В Тополе,— заканчивал свое донесение ревизор,— жестоко избил старшину, требуя денег и для того держал 25 человек крестьян, не отпуская работать. Но заслышав, что я приближаюсь, ускакал в деревню Ашпаг и не успел сорвать денег» [2].

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26476/I-А-14, лл. 26—27.

[2] Там же, д. 26476/1-А-25, л. 1; д. 26450, л. 137; д. 26451, л. 211, д. 26439, л. 28, д. 26446, лл. 45—46; д. 26468, лл. 170—171.

В том же духе действовали чиновники хозяйственных органов. Особенно досаждали государственным крестьянам местные лесничие и землемеры. От окружного лесничего и его помощников зависело наделение крестьян лесными участками, разрешение рубить лес и привлечение к ответственности за самовольные порубки. Ревизоры лесных и лесостепных губерний изображали деятельность этих хозяйственных чиновников в самых отрицательных красках. Лесничие широко пользовались своим положением, чтобы торговать казенным добром в собственную пользу. Наблюдение за лесами было крайне небрежное и не обеспечивало целости государственных имуществ. Ясного представления о размерах и границах лесных угодий, о количестве вырубленного и сохранившегося леса не было ни у лесничего, ни в Казенной палате. Лесничие раздавали билеты на право рубки деревьев, присваивая себе попенные деньги и за взятки разрешая рубить в несколько раз больше установленной нормы. Чтобы получить законный лесной участок, крестьяне должны были платить большую взятку окружному лесничему; чтобы приобрести билет на несколько деревьев, требовалась такая же взятка лесничему или подлесничим; некоторые лесные чиновники категорически отказывались выдавать требуемые билеты; за самовольные порубки крестьяне беспощадно преследовались, но порубщики побогаче могли откупиться от такого преследования денежными подарками. Таковы были донесения рязанского, ярославского, костромского, нижегородского, казанского и других ревизоров. Ревизия Ярославской губернии установила, что годовые лесосеки были отведены 987 казенным селениям (41 887 ревизским душам), а 929 селений, т. е. 50 106 душ, остались без наделения лесом. В Углицком уезде той же губернии за отведенный участок крестьяне должны были платить по 10—20 копеек с души в пользу окружного лесничего Васильева. Наиболее яркий пример подобной политики — деятельность трубчевского лесничего Красовского, обрисованная в донесениях ревизора Орловской губернии. Красовский десятилетиями расхищал лесное хозяйство вверенного ему округа: за деньги он разрешал вырубать деревья, гнать смолу, приготовлять деготь; с крестьян он взыскивал излишние деньги, сверх «попеиных», установленных по закону; присваивал себе жалованье, амуницию и провиант лесных надзирателей и, наконец, довел казенные леса до состояния полного опустошения. Против Красовского было начато множество судебных процессов, которые тянулись тоже десятилетиями; в 1826 году старые дела были ликвидированы в силу императорского манифеста, но накопились новые, не менее многочисленные. В 1834 году с разрешения министра финансов Красовский был арестован и заключен в Орловский тюремный замок. Однако Орловская казенная палата выхлопотала ему освобождение для сдачи лесов новому лесничему. Прошло четыре года, сменилось три окружных лесничих, а сдача лесов еще не начиналась. Красовский свободно жил в городе Трубчевске, пользовался покровительством

уездной администрации, время от времени наезжал в Орел и, снимая три городские луга по реке Десне, пересдавал их в аренду казенным крестьянам; бывали случаи, когда он сдавал одно и то же угодье по нескольку раз разным лицам. В результате многолетнего хозяйничанья Красовского трубчевские леса были истреблены так, «что из старых сосновых и дубовых дерев не найдено ни одного годного для изделий, исключая кривоствольных и суковатых, в здешних местах никакой ценности не имеющих». Дальнейшие порубки в казенных лесах были приостановлены, а «казенные поселяне,— заключал свой рапорт ревизор Орловской губернии,— не имея и не зная иных промыслов, как лесные, получая воспрещение рубки в казенных лесах, находятся наиболее в бедственном положении» [1].

Еще тяжелее отзывалось на положении государственных крестьян давление землемеров, фактически разрешавших земельные споры и определявших в натуре границы и пространство крестьянских наделов. От землемеров зависело реализовать или свести на-нет решение судебных органов; землемеры могли нарезать крестьянам больше или меньше земли, могли накинуть лишек соседним землевладельцам за счет государственных имуществ или, наоборот, произвольно увеличить количество и повысить качество деревенских угодий. Ревизорские отчеты показывают, что многие землемеры извлекали немалые личные выгоды из подобного положения. Примером может служить ливенский землемер Смирнов, который, по донесению ревизора, специально приехал в село Успенское с предложением тамошним однодворцам собрать ему 200 рублей, если они желают сохранить за собою спорную церковную землю. Однодворцы села Успенского сильно нуждались, но решили застраховать себя от потери земли и выдали Смирнову требуемые деньги из имевшейся церковной суммы. Жалобы на волокиту землемеров и на неправильное обмежевание земли государственным селениям были обычным явлением при производстве ревизии 1836—1840 годов [2].

Когда крестьяне приезжали в уездный или губернский город и обращались в административные органы, их встречало такое же продажное и самовластное чиновничество. Что представляли собой Уездные казначейства, показывают материалы тверского и подольского ревизоров. Во всех Уездных казначействах Тверской губернии был установлен определенный порядок приема собранных податей: чтобы получить квитанцию в уплате денег, крестьянские старосты должны были уплатить взятку в размере одного рубля и более; некоторые селения были обложены дополнительным сбором в пользу чиновников до

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26438, лл. 23—28, 64—74; д. 26439, лл. 74, 159—166; д. 26437, л. 115; д. 26440, лл. 33, 105, 116; д. 26432, лл. 81, 128—129, 131—137, 161; д. 26435 (III), л. 9; д. 26450, лл. 105, 107; д. 26485 (5), л. 37; д. 26485 (Астраханская губерния).

[2] Там же, д. 26438, лл. 170—171. Ср. д. 26485 (Астраханская губерния).

40 рублей в год; если старосты не давали взяток, им не выдавали квитанций, выдерживая упорных по двое, трое и более суток, пока они не сдавались «на милость победителей». За выдачу каждого паспорта взимали по рублю и более, не довольствуясь официальным сбором, установленным по закону. Несколько умереннее были аппетиты подольских чиновников: при взносе податей Литинское казначейство требовало от крестьян от 1 до 2,3 злотых [1].

Казенные палаты, на которых лежало хозяйственное управление государственной деревней, поражали ревизоров небрежным отношением к делу и обилием различных злоупотреблений. Этих явлений не скрывала и высшая местная администрация. В делах ревизий V Отделения сохранилась докладная записка петербургского вице-губернатора о вопиющих фактах, обнаруженных в столичной Казенной палате. Дела всех отделений этого учреждения были найдены в состоянии полного беспорядка, многие из них не имели никаких описей, многие оставались без движения в течение целого ряда лет; отчетность была поставлена плохо и с нарушением законных правил; высшее начальство плохо проверяло чиновников и систематически вводилось ими в заблуждение. В частности, в Хозяйственом отделении накопившиеся дела не имели никаких описей, и число их оставалось неизвестным; в Лесном отделении 1364 бумаги не были приобщены к делам, а о 1543 делах было неизвестно, решены они или нет; штрафные деньги в размере 26 тысяч рублей не только не взыскивались, но и не были зачислены в недоимку; выдачи сумм из отделения казначейства необоснованно замедлялись и т. д. Вице-губернатор приходил к выводу, что подобное положение вещей укоренилось давно и к нему привыкли, как к должному; привлекать виновных к ответственности казалось ему «бесполезным и невозможным» [2].

То, что творилось в столичном центре, на глазах у Министерства финансов, повторялось на территории всей николаевской России: ревизоры и здесь были единодушны в своих отрицательных оценках. Казенные палаты фактически не руководили хозяйственной жизнью государственных имений; в лучшем случае чиновники ограничивались формальною очисткою бумаг; освидетельствования имений происходили очень редко; крестьянские жалобы оставались неудовлетворенными и, как правило, объявлялись бездоказательными; нарушения законов не возбуждали никакого преследования; инициатива в постановке и разрешении наболевших вопросов крестьянской жизни отсутствовала. В некоторых губерниях были обнаружены прямые служебные преступления, совершенные чиновниками: например, советники Псковской казенной палаты вместе с исправниками растратили более 44 тысяч рублей государственных денег [3]. Более активною была деятельность Ка-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26458, лл. 21—22; д. 26460 (Литинский уезд), л. 52.
[2] Там же, д. 26421/№ 52, лл. 37—58.
[3] Там же, д. 26424, лл. 32—54.

зенных палат в западных губерниях, где имения состояли на хозяйственном положении: сдача с торгов арендных имуществ, проверка и исправление инвентарей, составление контрактов, взимание арендной платы требовали непосредственного вмешательства административного аппарата в управление государственной деревней. Классовые противоречия в западных губерниях были обострены больше, жалобы со стороны крестьян поступали чаще, столкновения между крестьянами и арендаторами вызывали необходимость осмотров и проверок. Однако и здесь перед ревизорами развернулась картина пассивности, равнодушия к крестьянству и классового пристрастия в пользу владельцев, которые проявляли ассессоры Казенных палат Правобережной Украины, Литвы и Белоруссии.

Насколько велика была эта зависимость от местного дворянства, показывают материалы подольской ревизии. В Винницком и Литинском уездах представителем Казенной палаты при составлении инвентарей и контрактов был некий ассессор Сторожевский. Осматривая имения в момент их сдачи, Сторожевский имел обыкновение произвольно изменять содержание инвентарей даже в том случае, если они получили утверждение Палаты. В селе Лопатинцы он наложил на всех крестьян одинаковое количество барщинных дней, независимо от размеров надела: взамен 12 шарварковых дней (на починку строений) установил 14, разрешил привлечение крестьян на огородные работы, намеренно не определил количества конопли и льна, которые крестьяне должны были переработать в пряжу, и, наконец, уменьшил цифру дохода с имения с 529 рублей до 467 рублей [1]. В местечке Юзвин Сторожевский произвел искусственное разделение крестьянских семейств и в связи с этим увеличил общее количество барщинных дней, данин и чинша. Чтобы скрыть произведенные изменения, он показал в инвентаре неверные итоги. Такое же увеличение крестьянских повинностей, в противоречии с нормами люстрации, Сторожевский позволил себе при сдаче Березинского старостваа. При сдаче с торгов имения Хутора Мизяковы Сторожевский показал доход на 1000 рублей менее, очень низко оценив панщину и не отметив в инвентаре некоторых повинностей; тем не менее, при передаче имения арендатору, эти повинности оказались фактически восстановленными. В селе Шершни и юридике Барской Сторожевским были внесены в инвентарь изменения, особенно невыгодные для крестьян: было опущено определение размеров крестьянского надела и, в отмену условия Казенной палаты, владельцу было разрешено засчитывать в панщину только те дни подводной повинности, в которые крестьянин перевозит тяжести, и выключать дни, в которые он совершает обратный путь. Попытки крестьян обратиться к Сторожевскому с жалобами встречали с его стороны самый грубый

[1] При уменьшении цифры ожидаемого дохода облегчались для арендатора условия контракта.

отпор. Когда крестьяне села Майдан Юзвинский, остро нуждавшиеся в земле, попросили ассессора войти в их тяжелое положение, он пригрозил им плетьми, а земельные излишки роздал дворянам и однодворцам, жившим в имении на положении чиншевиков. Такие же результаты имела жалоба крестьян села Медвежье Ушко на злоупотребления арендатора: Сторожевский пригрозил дать каждому жалобщику по 25 плетей, а ободренный владелец, узнав, что крестьяне пожаловались Земскому суду, приказал высечь их розгами. В домах арендаторов Сторожевский был желанным и частым гостем, его гостеприимно встречали и, повидимому, не ограничивались одним угощением: в оправдательном объяснении, поданном вице-губернатору Гирсу, ассессор энергично поддерживал притязания временных владельцев, ссылаясь на трудности сбыта продуктов и на взвинченные арендные цены [1].

Такие же незаконные махинации при составлении и проверке инвентарей были обнаружены в других губерниях: например, ассессор Витебской палаты Городецкий представлял в административные инстанции одни условия, а в имения отправлял другие, более выгодные для арендаторов. Неправильное составление инвентарей в интересах владельцев было распространенным явлением во всем Западном крае [2].

Подводя итог деятельности Казенной палаты, гродненский ревизор приходил к следующему выводу: «прямого вмешательства в быт крестьянина и к защите его от стеснений арендатора, чиновников земской полиции и военных команд особой заботливости не видно. Имения свидетельствовались только при сдаче в новую аренду, и то в ненадлежащей исправности... Крестьяне безмолвствовали за безграмотством и отдаленностью; если же по жалобам их наряжались следствия, то оные производились не без влияния арендатора, всегда остающегося в праве возместить крестьянину» [3]. Эта смягченная формулировка, по существу, была осуждающим приговором Казенным палатам, на которые падало хозяйственное руководство государственными арендными имениями.

Чтобы иметь полное представление об управлении казенными крестьянами, необходимо бросить взгляд и на деятельность центрального административного учреждения — Департамента государственных имуществ Министерства финансов. Ревизия V Отделения не имела в виду обследования центрального министерского аппарата, но мы имеем некоторый дополнительный материал, который расширяет и подтверждает погубернские данные ревизоров. Ознакомившись с первыми материалами ревизии, Николай I пришел в негодование и, вероятно не

---

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26160, лл. 41—44, 102; д. 26460 (Винницкий уезд), лл. 10, 54, 68, 110; д. 26460 (Литинский уезд), лл. 172, 198; д. 26460 (Проскуровский уезд), лл. 9, 23; д. 26460 (Ушицкий уезд), лл. 27, 28; д. 26460 (Балтский уезд), л. 190.

[2] Там же, д. 26461 (имение Плоское Велижского уезда).

[3] Там же, д. 26464, л. 52.

без содействия Киселева, поручил специальную проверку действий министерского Департамента двум сенаторам — Болгарскому и князю Голицыну. Всеподданнейший рапорт этих сановных ревизоров, датированный 18 декабря 1837 года, давал уничтожающую критику деятельности центрального аппарата управления государственной деревней. Вооруженные фактами, сенаторы разоблачали небрежное выполнение Департаментом своих обязанностей, бюрократическую волокиту в разрешении наболевших вопросов и полнейшее равнодушие к судьбам казенного крестьянства. Даже в тех случаях, когда крестьянские жалобы достигали тяжелых сводов министерских канцелярий, обращения оставались без всякого удовлетворения, а часто и без предварительной проверки. Департамент плохо наблюдал за деятельностью Казенных палат и, как правило, вовсе не руководил их административными действиями. Министерские чиновники получали и отправляли бумаги, заводили и очищали «дела», выносили и скрепляли резолюции, но за этой непрерывно движущейся бумагой не видели и не чувствовали живых обитателей деревни с их потребностями, горестями и страданиями. Министерство финансов оставалось глухо к голосу изменяющейся жизни; не только нужды государственного крестьянства, но и непосредственные интересы государственной казны оставались в полном пренебрежении и не влияли на ход центрального управления. Ревизующие сенаторы приводили многочисленные примеры, которые давали основания к такому выводу: наделение крестьян недостающею землею не привлекало к себе почти никакого внимания Департамента; крестьянские переселения совершались стихийно; помощь погорельцам оказывалась с большим запозданием; продовольственные запасы не были накоплены; в отправлении рекрутской повинности царили «издавна укоренившиеся злоупотребления»; Положение 1833 года о сборах податей упорно не приводилось в действие; притеснения крестьян местными чиновниками оставались нерасследованными и ненаказанными и т. д. Заключительные строки всеподданнейшего доклада Болгарского и Голицына звучали суровым осуждением всего управления государственными имуществами: «Из соображений всего изложенного, при раскрытых ревизиями беспорядках, допущенных по управлению казенных поселян и имуществ, нельзя вывести заключения, чтобы благотворная цель законов и попечения правительства о благоустройстве сей части могла быть в чем либо повсеместно достигнута, и даже не видно истинного к тому стремления ни со стороны местных начальников, кроме весьма немногих, ни со стороны Департамента, подававшего, напротив, собою более примеры невнимания к законным обязанностям» [1]. «Благотворная цель законов и попечений правительства» (т. е. идеал феодально-бюрократического «попечительства» над эксплоатируемым крестьянством) оставалась в прежнем противоречии

[1] ЦАНХ, ф. Канцелярии МГИ, 1838 г., д. № 16, лл. 380—386, 415—422.

с практикой неплановмерного и хищнического извлечения прибавочного продукта из земледельческой массы. Деятельность Канкрина ничего не изменила в этой многолетней системе постепенного разорения казенной деревни. С точки зрения более дальновидных и расчетливых бюрократов, высказанной вятским ревизором, государственные крестьяне представляли собою «стадо, которое стригут, но которое идет, куда хочет» [1]. Материалы ревизии 1836—1840 годов должны были еще более убедить Киселева и его сторонников, что продуманная и всесторонняя опека над крестьянами должна заменить собою прежний порядок узко фискального и в корне разложившегося управления государственной деревней. Однако материалы ревизии 1836—1840 годов не обещали V Отделению успешного отбора подготовленных и честных чиновников: сверху и донизу, начиная с Министерства финансов и кончая крестьянскими выборными, правящий аппарат государственной деревни состоял из «достойных» отпрысков крепостнического режима. Насилие и вымогательство были главными орудиями их деятельности, поддержка местных помещиков и кулачества составляли основное существо их политики, а равнодушие, небрежность и волокита характеризовали преобладающий стиль их работы. Разложение феодальной формации определяло собой и состав, и подготовку, и административные приемы дворянской бюрократии не только 1830-х годов, но и последующих дореформенных десятилетий.

6. Культурно-бытовые условия

Материалы киселевской ревизии 1836—1840 годов дают нам возможность конкретно осветить культурно-бытовые условия, в которых жили государственные крестьяне. И здесь мы видим крайне безрадостную картину. Ревизоры, как правило, не находили в казенных имениях ни школ, ни больниц, ни богаделен. Крестьянская масса оставалась почти поголовно безграмотной, была предоставлена на жертву эпидемическим заболеваниям, а содержание престарелых и инвалидов лежало в деревне исключительно на попечении родственников.

Усилия Министерства финансов подготовить из крестьянских мальчиков сельских и волостных писарей давали самые жалкие результаты. В Курской губернии в 1834 году было собрано из разных волостей 324 подростка, которые в течение 4 лет обучались русскому языку, математике, физике, географии, истории, рисованию и черчению. На содержание и обучение мальчиков расходовалось 51 840 рублей в год. Однако большинство учеников оказалось «умственно неспособными», а условия их содержания привели к массовым заболеваниям чесоткою. За 4 года окончили курс и поступили на практические занятия в Казенную палату 8 человек, т. е. около 2½ процентов. В Псковской гу-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26453 (I), л. 201.

бернии, которая считалась показательной, подготовка писарей велась при всех волостях, но общее количество обучаемых было не больше, чем в Курской — 322. Ежегодно на них расходовалось из крестьянских средств 14 770 рублей, т. е. в среднем по 45 рублей на каждого. По свидетельству ревизора, успехи были слабые вследствие недостаточного надзора и низкого качества учителей [1].

Изредка встречались случаи проявления общественной инициативы в деле обучения грамоте. В Калужской губернии ревизор не нашел ни одного казенного сельского училища, но отметил как отрадный факт безвозмездное обучение детей местным священником в селе Кандрикине Жиздринского уезда. Совершенно исключительное явление встретил чиновник, ревизовавший Рязанскую губернию: в селении Любучи Зарайского уезда, у скрещения рек Цны и Оки, невдалеке от Коломны, функционировало училище для бедных и сирот, построенное разбогатевшим крестьянином, а потом московским купцом I гильдии Петром Лариным. В ознаменование рождения Александра I Ларин еще в 1787 году пожертвовал на устройство училища 24 тысячи серебром и дополнительно 40 тысяч рублей на организацию при нем крестьянского банка. За несколько десятилетий капитал вырос до 700 тысяч рублей. На содержание училища тратилось 6 тысяч рублей в год. Детям преподавали чтение, чистописание, катехизис, священную историю, российскую грамматику, словосочинение, арифметику, всеобщую и российскую географию, всеобщую и российскую историю. Предполагалось ввести бухгалтерию, рисование, гражданскую архитектуру и домоводство. В училище работали 2 учителя — старший и младший. Промышленное население села охотно отдавало детей в обучение и почти в каждом доме были грамотные. Из банка (точнее, из кассы взаимопомощи) по разрешению головы и трех специально выбранных старшин крестьяне получали ссуды. За движением и учетом сумм следил смотритель училища, подчиненный правлению Московского университета [2].

Еще исключительнее была инициатива, проявленная украинским казаком Хвостиковым в местечке Смелы Полтавской губернии. Хвостиков окончил 7 классов Черниговской гимназии и, возвратившись на родину, в 1837 году учредил училище для детей крестьян. Он сам преподавал чтение, письмо, арифметику, закон божий, русскую грамматику, чистописание и историю по сокращенному курсу Устрялова. На уроках Хвостиков читал и объяснял басни Крылова. В 1838 году в училище обучалось 45 человек, позднее оно выросло более чем вдвое, и для училища Хвостиков выстроил специальный дом [3].

Эти редкие исключения только подтверждают вывод, к которому

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26425 (III), лл. 249—257; д. 26424, лл. 4—31.

[2] Там же, д. 26439, лл. 87—96. О количестве учащихся и числе окончивших ревизия не сохранила никаких данных; д. 26485 (2), л. 12.

[3] ЖМГН, 1842, № 5, Смесь.

приводят материалы ревизии: государство не проявляло заботы о грамотности населения, казенная деревня не имела школ, а крестьяне попрежнему оставались в стороне от всякого просвещения. Богадельни были найдены ревизорами только в «показательной» Псковской губернии: их было 3, из них две мужские и одна женская, причем «все они содержались мирским подаянием». Больниц не было даже здесь, хотя смертность крестьян Псковской губернии была очень высока. Оспопрививание практиковалось, но не всегда давало нужные результаты: в Пензенской губернии ревизор с удовлетворением отмечал, что на 159 тысяч мужского пола ежегодно прививалась оспа 10 тысячам младенцев; зато ревизовавший Тверскую губернию подчеркивал малоуспешность оспопрививания вследствие плохого качества оспенной материи [1].

Государственные крестьяне нередко нуждались в юридической помощи — при составлении прошений и жалоб, при вчинении судебных исков, при заключении торговых сделок. Безграмотный и плохо разбиравшийся в законах, не доверявший собственным писарям и богатеям, крестьянин обращался за содействием к подпольным адвокатам. Чаще всего это были мелкие чиновники, прогнанные с мест за пьянство и разные мелкие проделки. По свидетельству владимирского ревизора, эти неразборчивые дельцы, «не зная дела и не вникнув в оное, излагают прошения, основываясь на изустном сообщении крестьянина, по большей части неясном, неверном... и таким образом запутывают дела, и крестьянин вместо пользы несет убытки, а иногда за ложное показание подвергается суждению». На этой почве рождались затяжные и разорительные процессы, которые подрывали у крестьян всякое доверие к крепостническому суду и делали их еще беспомощнее в отстаивании своих интересов [2]. Деревня не имела никакой культурной точки опоры, которая помогала бы крестьянину сознательно разбираться в окружающих условиях и итти вперед в своем умственном и политическом развитии. Традиционными центрами, вокруг которых вращалась внутренняя жизнь государственной деревни, попрежнему оставались церковь и кабак: в церкви крестьянин искал удовлетворения своих духовных запросов, в кабаке находил себе место свободного праздничного общения. Местный священник — часто единственный грамотный человек в деревне — выступал не только служителем культа, но и ближайшим советником крестьянина по вопросам общественного и бытового характера. Правительство знало эту роль низшего духовенства и возлагало на него особую политическую задачу — воспитывать свою паству в духе беспрекословного повиновения существующей власти. Однако невежественное и материально необеспеченное духовенство плохо справлялось со своими церковными и общественными обязанно-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26424, лл. 4—31; д. 26485 (7), л. 40; д. 26465 (3), л. 19.
[2] Там же, д. 26485 (13), лл. 25—26.

стями. Ревизоры единодушно отмечали узкое своекорыстие и упадок всякого авторитета сельских священников. Ревизор Полтавской губернии жаловался на непомерные поборы, которые позволяли себе деятели клира: священники брали с казенных крестьян от 4 до 20 рублей за крещение, от 10 до 75 рублей за венчание и от 5 до 50 рублей за похороны; под угрозою епитимьи и лишения причастия священники требовали в свою пользу пряжи и тканей; ежегодно крестьяне обязаны были приносить священнику «готовый хлеб, конопель и лен». Еще сильнее были вымогательства священников в Орловской губернии: здесь крестьяне должны были платить за погребение от 20 до 40 рублей, за свадьбу большею частью — 50, 100, 150 и даже 200 рублей. Не имевшие денег отдавали в залог священникам лошадь, корову, упряжь или одежду, которые шли в подобных случаях за полцены. Ревизор находил в крестьянских семействах «безымённых» трехлетних детей: священники не объявляли родителям имен, данных при крещении, так как не получили вымогаемой платы за требу. По нескольку лет крестьяне откладывали назначенную свадьбу, не имея возможности заплатить за венчание. В одном казенном селении священник не приступал к отпеванию умершей крестьянки, пока не забрал из ее сундука все оставшееся имущество. Ревизор Пензенской губернии тоже говорил об «излишних требованиях» духовенства, об их привычке «исправлять все службы за деньги». Чиновник, ревизовавший Кавказскую область, утверждал, что «во многих селениях и в особенности в Солдатско-Александровском и Прасковеи священники обнаруживали наклонности, неприличные их сану, подавая крестьянам справедливые поводы к жалобам». В частности, ревизор указывал, что священники не служат обеден и этим способствуют распространению раскола. В Тверской губернии ревизия констатировала упадок должного уважения к духовенству вследствие «необразованности и худой нравственности» священников. Такие же отзывы были получены от восточносибирского ревизора. Полная обоснованность этих выводов вскрывается из переписки Киселева с обер-прокурором Синода генералом Протасовым. В одной Орловской губернии на основании ревизии V Отделения и расследования Синода за вымогательства и поборы были преданы суду 62 священника, 2 дьякона и 3 причетника; один священник был лишен духовного сана, 9 — разжалованы в причетники, 17 — переведены в другие приходы, 5 — заключены в монастыри. Остальные 33 человека, обличенные во время ревизии, были освобождены от суда и взыскания «по недоказательству, а частью по совершенному оправданию» [1]. Очень редко сельский священник выступал подлинным советником и другом крестьянина. Как правило, он оставался чужд крестьянской массе и рассматривался ею как одно из звеньев ненавист-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26485 (31), лл. 22, 27; д. 26485 (7), л. 27; д. 26485 (8), л. 12; д. 26458, л. 36; д. 26438, лл. 93, 302—303.

ного крепостнического строя. Такое отношение к православному духовенству подрывало у крестьян традиционный авторитет официальной церкви и толкало их на иной путь — напряженных поисков самостоятельных религиозно-моральных центров.

Несколько иначе обстояло дело в западных губерниях, в районах католического и униатского вероисповеданий. Если униатские священники чувствовали себя необразованными и униженными, то католические ксендзы занимали иное положение: поддерживаемые папою и польским дворянством, они получали хорошую церковную подготовку, были материально обеспечены и умели сохранить за собою авторитет духовной власти. С точки зрения центрального правительства они являлись деятельной агентурой римского престола и опасными проводниками польского национального движения. Анализ документов о помонастырских имениях не оставляет сомнений, что в лице католического духовенства выступали носители не только церковной власти, но и сложной системы феодальной эксплоатации. Своекорыстие католического духовенства не уступало стяжательству православной иерархии, но было облечено в более организованные и замаскированные формы [1].

Таким образом, церковь плохо удовлетворяла запросы крестьянина — даже с официальной, правительственной точки зрения. Зато безграничным и всемогущим влиянием в деревне пользовался сельский кабак — неизменный свидетель и участник крестьянских сходов, мирских судов, коммерческих сделок и всех событий семейно-бытовой жизни. Систематическое и поголовное спаивание государственных крестьян составляло кровную заботу винных откупщиков, поддерживаемых, с одной стороны, помещиками, с другой стороны — земской полицией.

Система откупов, восстановленная с 1827 года, распространялась на все великорусские губернии; она охватывала своим разлагающим влиянием и города, и помещичьи села, и казенные имения. Однако устройство кабаков в частновладельческой деревне встречало известный отпор со стороны помещиков: заинтересованные в выгодной продаже хлеба на винокуренные заводы, помещики сочувствовали широкой продаже водочных изделий, но они стремились предупредить пьянство собственных крестьян и неохотно разрешали открытие кабаков в своих имениях. Государственные деревни не имели такой преграды, и винные откупщики широко пользовались открывавшимися возможностями: редкая волость не имела особого кабака; каждая ярмарка сопровождалась открытием «выставок» и штофных лавок; количество вина, поглощаемого государственною деревнею, значительно превосходило потребление спиртных напитков помещичьими крестьянами.

Ревизоры V Отделения, выполняя специальное задание Киселева, собрали обширный материал, который дает возможность конкретно

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26464, л. 49.

представить себе это явление. Степень распространения питейных заведений в великорусских оброчных губерниях характеризуется следующей таблицей.

Одно питейное заведение приходилось на следующее количество душ [1]:

Губернии	В помещичьих деревнях	В казенных деревнях
1. Московская	843	167
2. Псковская	600	250
3. Орловская	1 569	334
4. Новгородская	1 419	448
5. Тверская	1 523	508
6. Тульская	1 702	532
7. Олонецкая	1 064	530
8. Воронежская	745	583
9. Ярославская	2 480	584
10. Вологодская	3 441	609
11. Костромская	828	672
12. Пензенская	4 830	840
13. Тамбовская	3 745	1 023
14. Вятская	3 394	2 059
15. Саратовская	4 574	1 040
16. Нижегородская	4 152	1 101
17. Казанская	5 399	1 474

Таким образом, распространенность кабаков в государственных селениях была обычно в 3, 4, даже 5 раз больше, чем в помещичьих. При этом промышленные губернии — Московская, Псковская, Новгородская, Тверская — давали более высокий процент питейных заведений, чем губернии земледельческие — Тамбовская, Саратовская и др.

Аналогичные выводы дает нам сопоставление сведений о душевом потреблении вина, с одной стороны, в помещичьих, с другой стороны, в казенных селениях. В среднем на ревизскую душу было израсходовано на вино в 1836 году [2].

Губернии	В помещичьих деревнях		В казенных деревнях	
	рубли	коп.	рубли	коп.
1. Казанская	1	—	2	70
2. Курская	1	24	4	59
3. Воронежская	7	11	7	45
4. Пензенская	3	12	7	74
5. Нижегородская	5	19	7	74
6. Рязанская	3	90	8	38
7. Кавказская область	2	87	9	32
8. Вятская	20	—	10	—

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26453, т. II, лл. 222, 10.
[2] Таблица составлена на основании данных в д. 26453, тт. I—III.

И здесь, за исключением Вятской губернии, имевшей мало помещичьих крестьян и поэтому недостаточно показательной, государственная деревня дает более высокие цифры: казенные крестьяне, имевшие больше кабаков и, следовательно, больше соблазнов к пьянству, потребляли вина иногда в 2—3 раза более, чем помещичьи.

Откупщики и их сельская агентура — кабатчики — употребляли самые разнообразные средства, чтобы привлечь крестьянина в кабак и повысить свои доходы за счет деревенского населения. Подкупая полицию, откупщики открывали питейные заведения не только в условленных пунктах, но и в местах, не оговоренных договорами. Вопреки существующим правилам, кабаки держали открытыми в запрещенное время — и в часы праздничной обедни, и в продолжение всей ночи. Временные выставки превращали в постоянные места продажи вина. Кабаки устраивали с особыми отделениями и выходами, превращая их в замаскированные притоны разврата. Горячие и холодные закуски подавали сильно сдобренными перцем и солью, чтобы возбудить жажду и, ссылаясь на отсутствие воды и кваса, подсунуть посетителям побольше водки. Вино — также вопреки откупным правилам — рассылали по постоялым дворам и распродавали между проезжими. За отсутствием денег крестьяне расплачивались за вино имуществом: при обысках в кабаках находили крестьянские зипуны, полушубки, сукно, топоры и пр. Между откупщиками и местной администрацией заключались специальные соглашения, которые имели целью увеличить потребление вина крестьянами. Кабаки намеренно открывались около Волостных правлений и, по авторитетному заключению V Отделения, добрая половина мирских сходов созывалась «по проискам целовальников, для привлечения к питейному делу народа». Каждая сходка, как мы видели, начиналась или оканчивалась поголовным пьянством. Суд и расправа вершились при участии водки; по словам того же V Отделения, строившего свои выводы на основании огромного материала ревизии, за ведра вина «иногда погубляется участь семейств, из которых берут под разными неправильными предлогами последних работников; оказывают потворство ворам и мошенникам, которые за сие угощают сходку; иногда вместо наказания определяют взыскивание денег для пропоя». В селе Становом Фатежского уезда Курской губернии ревизор нашел подлинный приговор сельского схода по делу лесного сторожа Зубкова, укравшего из лесу несколько дубовых деревьев. Приговор гласил: «В наказание Зубкова за худое поведение и воровство взять у него лошадь лучшую с упряжью, и корову, и четыре овцы, и которые есть у него дубы, и обществом пропить без всяких поворотов». Самые разительные факты были сообщены ревизорами Тульской и Курской губерний: по требованию откупщиков чиновники земской полиции не торопились взыскивать подати и оброки сейчас же после уборки хлеба: они выжидали пока крестьяне, продавшие хлеб

торговым посредникам, не оставят большей части вырученной суммы у сельского кабатчика.

Самая ожесточенная борьба велась откупщиками против крестьянского корчемства: чтобы раскрыть незаконное изготовление или продажу вина, на казенные села производили настоящие набеги под руководством объездчиков питейных контор; в сопровождении понятых они врывались в крестьянские избы, обыскивали гумна и огороды, отнимали одежду, избивали заподозренных крестьян, иногда подвергали их жестоким побоям. Бывали случаи подбрасывания бутылок вина, чтобы вынудить неповинных хозяев закончить дело миром — покупкою у кабатчика определенного количества откупного вина. Такие же сделки заключались между кабатчиками и крестьянами, если по случаю свадьбы или семейного праздника отдельные хозяева варили у себя пиво: за всякую варку пива, разрешенную, хотя и ограниченную законом, крестьяне обязывались купить определенное, назначенное кабатчиком количество ведер вина.

При поисках незаконного вина откупщики и полиция не считались ни с какими обычаями и местными условиями. У удмуртов, населявших Казанскую и Вятскую губернии, существовал давний обычай — варить «кумышку» (род пива), которая имела у них религиозное значение. Местные откупщики повели решительную борьбу против этого обычая — производили у крестьян массовые обыски, заключали в тюрьму нарушителей откупных привилегий, налагали на них непомерные штрафы, подвергали их насилиям и побоям. 24 сентября 1837 года вятский крестьянин Андрей Мохначев был пойман со стаканом кумышки, купленным за 10 копеек в соседнем уезде; поверенный местного откупа собственною властью присудил его к уплате штрафа — покупке из кабака 5 ведер вина. «Приговор, по словам вятского ревизора, приведен в исполнение, разумеется, при содействии местной полиции». Иногда такие насилия возбуждали массовый отпор государственного крестьянства. Когда в ноябре 1837 года в Старо-Юмышскую волость Казанской губернии прибыли агенты откупщиков и местная полиция изымать сваренную кумышку, удмурты деревень Средние Куморы, Нижние Куморы и Студеный Ключ вооружились палками, дубинами и рычагами, перешли в наступление и, избив понятых и нескольких чиновников, прогнали из деревни явившийся отряд. Против удмуртов было начато военно-уголовное дело; зачинщики сопротивления были арестованы и препровождены в Мамадышский тюремный замок. Подобные же случаи бывали и в русских селениях. В декабре 1836 года в селе Бочечки Путивльского уезда Курской губернии, накануне местного престольного праздника откупщики и полиция пытались произвести массовый обыск, чтобы изъять самовольно сваренное вино. Произошло побоище, во время которого крестьянами были убиты два поверенных откупщика. В результате следствия 43 крестьянина были арестованы и заключены в Путивльскую тюрьму.

Откупщики не только спаивали государственных крестьян — они систематически наживались на крестьянский счет путем разнообразных воровских махинаций. Ревизоры доносили в V Отделение, что откупщики систематически не соблюдали принятых условий: они сбывали вино низкого качества, разбавляли его водой, взимали за него повышенную цену, допускали значительный недомер; при продаже вина извлекали огромные прибыли благодаря присвоению лажа — принимали у крестьян деньги по пониженному курсу ассигнаций и производили собственные расчеты по повышенному. Крестьяне выходили из кабака не только пьяными, но также обманутыми и ограбленными. По отзыву харьковского ревизора, «жалобы на действия откупщиков, остающиеся со стороны земских властей без ограждения, столь велики, что покажутся невероятными, если бы не были единогласны и всеобщи». Однако все эти жалобы оставались без всяких последствий: из своих миллионных доходов откупщики затрачивали большие суммы на «жалованье» местной администрации, а это делало их всемогущими и безнаказанными. По словам рязанского ревизора, «откупщик в своем городе и уезде по встречающимся у него делам совершенный монополист — все власти на его стороне, он всем располагает по воле»[1].

Откупная система действовала в городских и сельских местностях великорусских губерний. На Украине и в Белоруссии она распространялась только на городские центры; население сельских районов пользовалось привилегией свободного винокурения и уплачивало за нее специальную пошлину в размере 2 рублей с ревизской души. Местные помещики широко использовали это право и настроили в своих имениях огромное количество винокурен. В Белоруссии почти весь собранный хлеб перегонялся в вино, распродававшееся в бесчисленных корчмах и шинках казенных и помещичьих имений. На Украине, где урожай был значительно выше и хлебные излишки шли за границу и в северные губернии, винокурение было развито не меньше, чем в Белоруссии. Для помещиков такое использование зерна имело тройную выгоду: винокурение поддерживало на высоком уровне рыночный спрос на хлеб и, следовательно, повышало хлебные цены; винная барда, составлявшая отход винокуренного производства, являлась прекрасным кормом для скота и при недостатке сенокосов облегчала развитие животноводства; наконец, широкое развитие винной торговли породило особый вид корчемной аренды, которая составляла дополнительный и немаловажный доход землевладельцев. Помещик и его арендатор-корчмарь были связаны неразрывными нитями хозяйственной солидарности: по существу, корчмарь являлся подчиненным агентом, кабатчиком помещика-винокура. Сохраняя номинальную само-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26453, т. I, лл. 190, 156—159, 117—118, 218—219, 58—59, 84—105, 286, 2—3, 126, 86—105, 26—27, 381, 393; т. II, лл. 278—285, 201—211, 283, 372, 102, 63, 372, 275—283; т. III, лл. 10, 187—189; д. 26438, лл. 278—301; д. 26440, л. 16; д. 26451, лл. 90—92.

стоятельность, корчмарь или шинкарь, большею частью принадлежавший к гонимой и ограниченной в правах еврейской национальности, целиком зависел от дворянина-землевладельца. Помещик сдавал ему в аренду корчму, по монопольной цене сбывал ему вино, создавая ему благоприятные условия для сбыта этого ходкого товара, снабжал его подсобной рабочей силой, выступал его покровителем и защитником перед лицом земской полиции. Так же как арендатор-корчмарь, помещик был кровно заинтересован в широком потреблении выкуренного вина, а следовательно, в систематическом спаивании деревенского населения. В противоположность великорусским помещикам, украинские и белорусские землевладельцы — преимущественно польские паны и шляхтичи — поощряли насаждение питейных заведений на территории своих имений. В орбиту своего коммерческого влияния они стремились вовлечь и государственную деревню, снимая в аренду казенные имения и сооружая в них корчмы и винокурни.

Рядовому крестьянину была не под силу организация винокуренного производства, требовавшая значительных капитальных затрат и влиятельных связей с местной администрацией. Дешевизна помещичьего вина, которое в огромном количестве сбывалось тут же на месте, делала излишней самостоятельную выкурку спиртных напитков. Как правило, государственный крестьянин только уплачивал двухрублевую пошлину, но фактически не пользовался привилегией винокурения; он рассматривался винокурами так же, как крепостной частновладельческий крестьянин, в качестве основного массового потребителя помещичьего вина. Подобно великорусским откупщикам, винокуры украинских и белорусских губерний прилагали все усилия, чтобы расширить потребление выгодного продукта. Они пускали вино по дешевым ценам, «бесплатно» угощали вином крестьян во время летних «гвалтов» и «сгонов», расплачивались вином за сверхурочные полевые работы и всячески поощряли махинации корчмарей, направленные к спаиванию крестьянского населения.

Результатом этих объединенных усилий винокуров и кабатчиков, поддерживаемых властью земской полиции, было огромное количество питейных заведений в государственных имениях Западного края. Редкое село на Украине и в Белоруссии не имело по нескольку шинков. По донесению черниговского ревизора, «на всех малых и больших дорогах, ведущих к городам и селениям, на всех путях к заводам и мельницам, и даже в лесах, вообще на всех местах, где только бывает проезд, находятся хутора, в которых продается горелка, так что куда б поселянин не поехал по своим надобностям, везде встречает несколько питейных мест». Из поколения в поколение крестьянская масса приучалась к непрерывному потреблению вина, которым соблазняли везде и всюду, по всякому поводу, представлявшемуся в общественной или частной жизни. Пьянство внедрялось в крестьянский быт, становилось

неисцелимой привычкой, укрепившимся обычаем, само собою разумеющимся явлением. Тот же черниговский ревизор, близко наблюдавший жизнь крестьян и казаков, дал яркую характеристику этого всеобщего пьянства, создаваемого и поддерживаемого всею совокупностью местных общественных условий: «Здесь начинают пить с самого младенчества и продолжают пить во всю жизнь. Родители дают детям своим пить горелку с хлебом, отчего последние привыкают пить ее не только без отвращения, но и с удовольствием и притом в непомерном количестве. Пьют все: малые, средние и старые, мужчины и женщины. В шинках сходятся лица обоих полов, пьют вместе, потчуя друг друга со всею щедростью и усердием, часто забывая о детях, оставленных в домах без куска хлеба. Пьют всегда и везде, не разбирая времени и места, когда удастся и где случится; пьют от избытка и в бедности, пьют в радости и с горя и притом пьют без меры. В праздники шинки по селам и хуторам на больших и малых дорогах день и ночь наполнены пьющими. И в рабочее время места эти с самого раннего утра до поздней ночи редко остаются без посетителей. Обнищавшие пьяницы, не имея средств покупать вино, по целым дням просиживают в питейных местах, ожидая, не поднесет ли им кто-нибудь вина, и редко обманываются в своем ожидании. Многие, находясь в дороге, как бы необходимостью считают заезжать в каждый хутор, встречающийся на пути. Оттого часто случается видеть на дорогах пьяных, спящих на телегах своих, которые тащат некормленные лошади без управления, куда сами знают. Чиновники, разъезжающие на обывательских лошадях, говорят, что сии последние так хорошо знают шинки, часто посещаемые их хозяевами, что при проезде мимо них в селах и на дорогах сами к ним заворачивают и останавливаются».

В том же духе содержание специальной записки о Белоруссии, приложенной к отчетам витебского ревизора. По словам автора этого документа «богатый помещик выкуривает огромное количество вина, употребляя на то весь свой хлеб, скупая оный у соседей и часто отбирая у собственных крестьян, которых после, вместо скота, кормит хлебом из винной барды. Потом открывает продажу этого вина по самодешевейшей цене и подрывает тем своего соседа, беднейшего, чем он, винокура, а крестьяне как помещичьи, так и казенные, совершенно предавшиеся пьянству, проживают все свое состояние, деньги, хлеб, даже скот и одежду» [1].

Однако в недрах государственной деревни рождался организованный протест против поголовного пьянства, сливавшийся с протестом против официальной церкви и против всей системы казенного управления. В соответствии с уровнем крестьянского развития, под влиянием неизжитого феодального мировоззрения, этот протест принимал идеологическую форму религиозного раскола. Более самостоятель-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26453, лл. 64—67, 71—75; д. 26461, лл. 12—15.

ные и активные прослойки государственного крестьянства разрывали связь с православной церковью, давали торжественные обеты трезвости и замыкались в рамки скрытой, но широко разветвленной организации. Ревизоры V Отделения не производили систематического обследования старообрядческого и сектантского движения, тем не менее и они отмечали повсеместное развитие этого крупного явления в крестьянской жизни. Они доносили Киселеву о росте раскола — и в Северном Поморье, и в Западном крае, и в Поволжье, и в Таврической губернии [1]. Дополнительные данные говорят нам о сильном развитии раскольничьих толков в Приуралье и Заволжье — на восточных окраинах Европейской России, куда стекались наиболее инициативные и оппозиционные элементы из внутренних губерний.

Некоторые слои крестьян-раскольников занимали лойяльную позицию по отношению к власти, искусно маскируя внутренний разрыв с официальным миром и влагая свою энергию в неустанную хозяйственную деятельность. Таковы были многочисленные обитатели Псковского, Порховского, Великолуцкого и Опочецкого уездов Псковской губернии, которые группировались вокруг богатых торговцев льном торгового посада Сольцы. Псковский ревизор насчитывал среди них 7 тысяч беспоповцев и давал им такую характеристику: «Справедливость требует заметить, что они суть строгие исполнители распоряжений местного начальства, поведения трезвого, трудолюбивы и самые исправные плательщики податей». Но были крестьяне-раскольники и другого типа, проникнутые глубокой ненавистью к существующему порядку, открыто обличавшие общественную неправду и готовые на личное мученичество за исповедуемые взгляды. В делах Нижегородской приготовительной комиссии сохранилось донесение о старосте Печерской слободы Иване Григорьеве. При переходе в новое ведомство Григорьев обнаружил неподчинение приехавшему чиновнику и публично, на мирском сходе, объявил ему, что он не бывает у исповеди и причастия и «не признает власти государя императора». Григорьев прибавил при этом, что надеется на царя небесного, а на человека, по его мнению, надеяться нечего. Нижегородский военный губернатор, требуя строжайшего расследования этого факта, подчеркивал, что Григорьев «был в полном уме и трезвости» [2].

Так представляются, по данным ревизии 1836—1840 годов, культурно-бытовые условия государственной деревни. Не имея обеспечивающего земельного надела, обложенный непосильными повинностями, подчиненный безответственной и своекорыстной власти, государственный крестьянин не находил около себя ни правовой поддержки, ни моральной опоры. И местные чиновники, и откупщики-капиталисты, и сельские священники превращали его в жертву бесконечных поборов

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26454, лл. 29—30; д. 26450, л. 165.
[2] Там же, д. 26424, лл. 7—8; д. 26435, лл. 19—20.

и вымогательств. Только в создании самостоятельных центров религиозного отщепенства государственный крестьянин получал некоторый исход своей неутоленной жажде свободной духовной жизни.

7. Общее хозяйственное положение

Результатом хозяйственных, правовых и культурных условий, которые сложились в государственной деревне, была повсеместная вопиющая бедность казенного крестьянства. Ее отмечали ревизоры самых различных губерний. Пытаясь объяснить это явление и разобраться в его причинах, ревизоры указывали непосредственные источники упадка крестьянского хозяйства: хлебные неурожаи, скотские падежи, холерную эпидемию и т. д. Но были также попытки более глубокого и правильного решения поставленного вопроса.

«Положение казенных крестьян уездов Городницкого, Новозыбковского, Суражского и Мглинского крайне бедное»,— писали в своем отчете черниговские ревизоры. «Причины сего положения приписать должно несоразмерно малому количеству земли по числу душ, земли большей части бесплодной и неблагодарной почвы, недостатку промыслов и значительной уплате государственных податей, сравнительно с владеемой ими землей» [1]. Такой вывод, действительно, напрашивается сам собой при изучении многообразных документов киселевской ревизии. Несоответствие между ничтожными земельными наделами и огромными денежными платежами было основным источником крестьянского обеднения; разоряющая система крепостнического управления и отсутствие культурных предпосылок для хозяйственного подъема были осложняющими, существенными факторами того же процесса. Там, где в силу местных условий начиналось развитие промыслов и торговли, крестьяне получали важный источник дополнительного дохода, положение их несколько облегчалось, а размеры недоимок становились значительно меньше. Но там, где безраздельно господствовало натуральное хозяйство и крестьяне извлекали свои доходы исключительно от земледелия, положение их становилось особенно трудным.

Примером технической отсталости и крайней бедности может служить земледельческое хозяйство государственных крестьян Суражского уезда Черниговской губернии. Крестьяне жили здесь почти исключительно хлебопашеством; некоторое, очень слабое развитие получил здесь отхожий бондарный промысел. На почве, истощенной вековыми посевами зерновых культур, население разводило рожь, овес, гречиху, немного ячменя и гороха. На огородах высевали картофель и коноплю. Поля не удобрялись; весь навоз, какой удавалось получить

---

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26447, лл. 17—18. Ср. д. 26446, лл. 158—159; д. 26485 (11), лл. 18—19; д. 26439, лл. 39—41; д. 26485 (7), л. 37. ЦАВП, ф. ДПИ, 1837 г., д. 2, лл. 60—61.

от тощего скота, вывозили на конопляники, которые служили единственным источником денежного дохода. Земледельческими орудиями служили деревянная соха с 2 сошниками и примитивной неперекладываемой палицей и борона из березовых прутьев с дубовыми всаженными зубьями. Живой инвентарь составляли мелкие и слабосильные лошади, кормившиеся летом на подножном корму, зимою — яровою соломою, а во время возки тяжестей — сеном; только немногие крестьяне при дальних поездках могли прикармливать их овсом. В слякоть и холод такие лошади часто околевали; даже вывозка навоза была для них чрезмерной тяжестью. Такими же малорослыми и слабыми были крестьянские коровы. В состав земледельческих орудий входили легкие деревянные телеги, сделанные самими крестьянами и не имевшие в себе ни одного железного гвоздя. Конская сбруя была самою дешевой: хомут нередко свит из соломы, шлея связана из пеньковой или посконной тесьмы, гужи и вожжи сделаны из лычных или пеньковых веревок. Такой же дешевой, изготовлявшейся собственными руками из собственного сукна и холста, была крестьянская одежда; зимой и летом обувью служили лапти.

Питались суражские крестьяне скудно: многие круглый год употребляли хлеб с мякиною или мокухою; купить фунт говядины считалось исключительной роскошью и мотовством. В весеннее время года, когда земледельческие продукты подходили к концу, деревня кормилась щавелем, снытью и другою зеленью, приправляя ее свекольным рассолом или квасом. На рынке покупали очень немного предметов: косу на 4 года, серп на 10 лет, колеса для телеги, железо для хозяйственных поделок, деготь и соль. К ремесленникам обращались в редких случаях, когда нужно было сшить свиту, выделать овчину, поправить шубу. На самые необходимые денежные расходы требовалось около 30 рублей ассигнациями в год, в том числе 18 рублей на подати и общественные сборы. Чтобы покрыть эти расходы, крестьяне сбывали в ближайшие города и посады коноплю и пеньку, но этот доход в среднем давал им 22 рубля ассигнациями. Таким образом, в бюджете суражского крестьянина образовывался ежегодный дефицит, который еще более увеличивался, если крестьянин вынужден был за отсутствием леса покупать дрова и лучину, лыко на обувь, деревянную посуду.

Еще труднее становилось положение суражского крестьянина, если он пытался скрасить свою горькую жизнь табаком или водкою. Неизбежным результатом такого резкого несоответствия доходов и расходов была неисправная уплата податей и возрастающая недоимочность. Еще трагичнее становилось положение крестьянина, если деревню постигал неурожай или посевы побивал град; тогда приходилось прибегать к займам за ростовщические проценты, закладывать одежду, продавать скот и собственными руками разорять зыбкую основу традиционного хозяйства. Немудрено, что крестьяне Суражского уез-

да производили на наблюдателей тяжелое впечатление покорных и безвольных людей, лишенных энергии и инициативы [1].

Однако наряду с таким отсталым и нищенским бытом, в государственной деревне можно было наблюдать примеры отдельных зажиточных хозяйств, главным образом в промышленных, в частности пригородных районах. Примером такого «образцового» хозяйства может служить 5 дворов выселенцев в 27 верстах от Калуги, по дороге в Мещовск. Эти крестьяне имели достаточные средства, чтобы приобрести собственную землю — сначала 6 десятин, затем новые участки, общей сложностью до 150 десятин. На приобретенной земле было заведено усовершенствованное полевое хозяйство, при каждом доме разведены обширный огород и фруктовый сад. Часть земли под доходными усадебными угодьями была получена в результате осушения болота. Овощи и, повидимому, фрукты сбывались на рынке, конечно, в близлежащем городе. Один из выселившихся крестьян Петр Прокофьев еще более расширил свои владения: за 1000 рублей он купил у соседнего помещика 26 десятин земли и собирался приобрести целую рощу. Вся семья Прокофьева была грамотною [2]. Таким образом, среди государственных крестьян намечалось резкое классовое расслоение: нет сомнения, что калужские выселенцы могли обработать свои обширные угодья только при помощи наемной рабочей силы, так же как это делали деревенские богатеи в целом ряде губерний, обследованных ревизорами. Чтобы ближе присмотреться к этому социальному явлению и понять, как варьировало крестьянское хозяйство в различных природных и экономических условиях, необходимо конкретно представить себе государственную деревню в важнейших районах, охваченных ревизией 1836—1840 годов.

8. Северное Поморье

Намечая четыре основные разнотипные губернии — Курскую, Псковскую, Московскую и Тамбовскую,— инструкция V Отделения не охватывала характерных особенностей основных районов и не давала точного представления о выделенных губерниях. Материалы, накопленные ревизорами, помогают нам более всесторонне и правильно произвести отбор типичных районов, заселенных государственными крестьянами. Правда, утрата значительной части архивных документов мешает равномерному освещению выделенных губерний; мы не имеем достаточно данных для характеристики Среднего Поволжья, Приуралья и Степ-

[1] Г. Есимонтовский, Сельское хозяйство в Суражском уезде Черниговской губернии. ЖМГИ, 1844, № 7. Ср. П. Лямин, Нынешнее состояние сельского хозяйства Малороссийского края. ЖМГИ, 1844, № 1.

[2] И. Арапетов, Замечания о хозяйственном быте русского крестьянина. ЖМГИ, 1842, № 2. Ср. А. Покорский-Жоравко, Хозяйственные замечания о Черниговской губернии. ЖМГИ, 1844, № 10.

ного Причерноморья. Однако сохранившиеся материалы заключают в себе немало сведений для уяснения хозяйственной жизни государственной деревни в важнейших отличающихся друг от друга районах. Таковы Северное Поморье, охватывавшее Архангельскую, Олонецкую и Вологодскую губернии, Северо-западный край (губернии Петербургская, Новгородская и Псковская), Центральная промышленная полоса, т. е. губернии, сосредоточенные вокруг Москвы, Центральный черноземный район (Курская, Воронежская, Тамбовская и другие губернии), Нижнее Поволжье (Саратовская губерния), Правобережная Украина, Литва и Белоруссия, Прибалтика и, наконец, обширные пространства Сибири.

Для характеристики Северного Поморья мы располагаем достаточными данными о Вологодской губернии; они находят себе дополнения в сведениях о соседних губерниях и в журнальных описаниях всего Северного края [1]. Природные условия Вологодской губернии определяли собою экономику местного крестьянина. Это был край обширных, преимущественно хвойных лесов и непроходимых болотных топей. Многочисленные реки, в том числе широкие давно освоенные водные артерии — Северная Двина и ее притоки — прорезали огромные и редко населенные пространства. Суровый климат и неплодородная песчано-глинистая почва создавали трудные условия для жизни крестьянина-хлебороба. Зато лесная тайга кишела разнообразными видами северной фауны, а речные побережья были покрыты отложениями ценных ископаемых. На берегах рек и озер расстилались поемные луга с сочной травяной растительностью, а в лесных чащах местами открывалась возможность расчисток и заведения пашен. Там, где климат был менее суровым, а почва более плодородной, особенно в юго-западных уездах, с давних времен существовало земледелие; более обширные северо-восточные районы, покрытые вековыми лесами, представляли благоприятные условия для развития охотничьих промыслов.

Государственные крестьяне Вологодского края в подавляющем большинстве были потомками старинного черносошного крестьянства, не знавшего крепостного права, составлявшего свободные земледельческие общины. По данным киселевской ревизии, из всей массы государственных крестьян только 26 процентов входило в категорию экономических крестьян, когда-то принадлежавших многочисленным северным монастырям. Своеобразным явлением Вологодской губернии было наличие половников, сидевших на частновладельческих землях и частью обложенных подушною податью. По национальному составу вологодские крестьяне делились на русских, населявших, главным образом, средние и юго-западные уезды, и местных аборигенов — коми, зани-

[1] ЦАНХ, ф. V О., дд. 26454, 26453, 26456, 26485 (№ 29). Э. Лоде, Хозяйственное обозрение Вологодской губернии, ЖМГИ, 1843, №№ 1 и 2; Хозяйственное обозрение Северного края России, ЖМГИ, 1841, №№ 4 и 5; П. Кеппен, О мочальном промысле, ЖМГИ, 1841, № 3.

мавших по преимуществу северные районы. Население было рассеяно больше всего по течению рек; некоторые волости были удалены от губернского центра на 1500 верст; отдельные селения оказывались замкнутыми и резко обособленными друг от друга лесами при отсутствии хороших соединительных дорог. Когда летом 1837 года вологодский ревизор Нагель попал в центральный Вельский уезд, он с огромным трудом мог проникнуть в деревню Синицкую: с одной стороны, она была отделена от Устьянских волостей 26-верстным волоком, покрытым «болотами, пнями и грязями»; с другой стороны, через сплошные болота ее соединял 30-верстный почти непроходимый волок с торговым поселком Черевковым. Чтобы попасть из Синицкой в Черевков, Нагелю нужно было или ехать 600 верст кружным путем через Архангельскую губернию или при помощи героических мер отважиться на преодоление 30-верстных разлившихся болот. Ревизор выбрал последний путь — мобилизовал сотню крестьян, взял переменных лошадей и при пособии «разных снарядов» после 14-часовой напряженной борьбы с природою перетащился через 30-верстную преграду. Эти особенности вологодского края задерживали социально-экономическое развитие государственной деревни, консервировали старинные, патриархально застойные формы хозяйственной жизни.

Так же, как в XIV—XVII веках, основным занятием вологодского крестьянства оставалась лесная охота на крупного и особенно на мелкого зверя. Вековое истребление северной пушнины не могло уничтожить безграничные богатства Северного края: еще сохранялись куницы и горностаи, водились медведи, песцы и лисицы, тайга кишела огромным количеством белок и рябчиков. Каждую зиму в конце ноября из деревень, населенных коми, начинался выход охотничьих артелей, человек по 12, вооруженных самодельными винтовками и компасами. На собаках везли запасы сухарей, проникали в лесные чащи, иногда на 500 верст от места постоянного жительства, жили во временных шалашах и до конца декабря били лесного зверя. Охотники возвращались, нагруженные добычей, и после месячного отдыха снова отправлялись в леса, где проводили время до конца марта. По берегам рек и озер по-старому процветало рыболовство.

Земледелие в средних уездах — Великоустюжском, Вельском, Никольском, Тотемском — велось по традиционной системе на лесных пожегах: предварительно вырубались участки крупного леса, который выжигался и превращался в «подсеку», хорошо удобренную древесной золой; на этих пашнях получалось несколько урожаев ржи, затем полевые угодья забрасывались на 8—12 лет и снова покрывались лесными зарослями. Вторично вырубленные и очищенные «пальники» употреблялись для разведения льна. Юго-западнее — в Вологодском, Грязовецком, Кадниковском уездах — существовали постоянные трехпольные пашни, которые поддерживались навозным удобрением. Для урожая хлеба требовались ранние посевы. Местами применялся способ

искусственного дозревания: крестьяне вынуждены были жать хлеб еще зеленым и связками развешивать на изгородях и стойках колосьями вниз. Из сельскохозяйственных культур преобладали рожь, овес и ячмень. В огородах разводили капусту, редьку и особенно репу; все шире и шире распространялись посевы картофеля. По берегам Сухоны, Юга, Вилети и других рек с большим успехом занимались разведением льна. Местами, на подсеках, сеяли тимофеевку, которая восполняла недостаток лугового пространства. Скотоводство играло вспомогательную роль и должно было обеспечивать поля навозным удобрением. Вологодский скот в 1830-х годах не отличался высокими качествами; за недостатком кормов его питали соломою, и только на поемных лугах Двины, Вычегды и Сысолы государственные крестьяне могли откармливать скот на убой, пользуясь им как дополнительным источником денежного дохода.

Земледельческий инвентарь почти повсеместно был крайне примитивный: пахали косулею, близкою к типу сохи, разрыхляли землю деревянною сучковатою бороною, жали серпом, косили старинною «горбушею» с короткой рукояткой, низко наклонившись над землей. Малорослые и плохо упитанные лошади тянули одноколые телеги; на северо-востоке вместо телег часто употребляли простые полозья или дровни.

Патриархальному земледелию соответствовали такие же черты деревенского быта: обилие леса помогало строить большие, поднятые над землею избы, но эти избы были большею частью курные, с печами без труб, соединенные общею соломенною или деревянною кровлею, с надворными постройками — сеновалами, овинами и скотным двором.

Натуральное хозяйство господствовало в вологодской деревне: большую часть потребностей крестьяне удовлетворяли собственными руками — из окружающего леса строили избы и делали предметы домашнего обихода, из собственного холста и овечьей шерсти изготовляли одежду, питались продуктами своего хозяйства — охотничьего, рыбного, земледельческого.

Но и в это отсталое деревенское хозяйство вторгались новые экономические процессы, постепенно подтачивавшие традиционные устои. Государственные крестьяне не могли жить без содействия рынка: они нуждались не только в привозном хлебе и соли, не только покупали земледельческие орудия и железо, тратились на водку и табак; усиление налогового пресса настойчиво требовало от государственной деревни изыскания новых, более широких источников денежного дохода. Несмотря на обилие пустующих казенных земель, крестьянские наделы были недостаточны по своим размерам. При скудости почвы и суровости климата 3—4 десятины на ревизскую душу не могли обеспечить прожиточного минимума вологодского крестьянина. Поиски дополнительного дохода находили себе опору в наличии судоходных водных путей, которые соединяли Северное Поморье, с одной стороны, с

беломорскими портами, прежде всего с Архангельском, с другой стороны, с внутренними губерниями и, в частности, с Петербургом. Открывалась возможность вывозить местные лесные и земледельческие продукты, а это давало толчок развитию промыслов и товарно-денежного обращения. В прилегающих лесах крестьяне гнали смолу, жгли уголь, занимались сидкою дегтя, добывали золу и сажу, рубили, пилили и сплавляли деревья. В начале лета крестьяне Никольского уезда целыми семьями уходили в липовые леса, сдирали липовую кору, мочили и раздирали ее на ленты, ткали рогожи, плели лапти, изготовляли мочала и снасти. В широких размерах были распространены собирание и заготовка грибов и ягод. Ближе к речным дорогам, особенно по реке Сизьме, была развита постройка барок. В связи с обилием леса и дерева, особенно в Кадниковском уезде и около Устюга, процветали плотничье и столярное ремесла. На берегах рек крестьяне нанимались в лоцманы и сплавщики барок. В районах ископаемых ломали и перевозили известковую плиту, точильный камень, слюду, разрабатывали песок и глину.

Из продуктов земледельческого хозяйства широко сбывался лен: его продавали в Архангельск и Петербург по 9—13 рублей за пуд. В Грязовецком, Вологодском и Вельском уездах из льна изготовляли тонкую пряжу, холстину и полотно. Местами, там, где было больше развито скотоводство, сбывали в Петербург масло и мясо. Для обмена и скупки товаров существовали торговые центры, вроде еженедельного воскресного базара в селе Черевкове Вельского уезда или имевшей крупное хозяйственное значение Грязовецкой ярмарки. Насколько значительна была речная перевозка товаров, показывают данные о размерах местного судоходства: в 1838 году по северным рекам прошло 4 683 судов, плотов и лодок, судоходством было занято 27 234 человека. Существовал и массовый отход на заработки, особенно в Петербург, куда ежегодно направлялись каменотесы, каменщики, печники, землекопы; общее количество отлучавшихся по паспортам достигало 13½ тысяч человек; из них значительную долю составляли государственные крестьяне.

К сожалению, ни данные ревизии, ни журнальные сводки не выясняют нам социальной природы мелких промыслов Вологодской губернии. Источники говорят об артелях охотников и участников мочального промысла, но мало останавливаются на вопросе об организации производства и сбыта продуктов. Однако несомненно, что наряду с одиночными самостоятельными ремесленниками здесь действовали скупщики и мелкие предприниматели. Данные ревизии говорят о заметном расслоении вологодского казенного крестьянства. В Вельском уезде государственные крестьяне в среднем имели на душу по ¾ лошади, по 1½ коровы и по 2 овцы; но были крестьяне зажиточные, имевшие от 5 до 15 коров и до 30 штук мелкого скота, и были крестьянские дворы, не имевшие ни одной лошади и ни одной коровы. Некоторые зажиточ-

ные крестьяне скупали наделы своих односельчан и вели хозяйство с помощью батраков, которые за 5 летних месяцев получали от 30 до 60 рублей ассигнациями. Деревенские богатеи выступали в роли «мужиков-монополистов», скупавших по дешевой цене продукты мелких, нуждающихся хозяев. Повидимому, из той же зажиточной среды выдвигались отдельные капиталисты, бравшие на себя подряды и поставки. Вологодский ревизор подробно знакомит нас с ростовщическими операциями, процветавшими в Устьянских волостях Вельского уезда. После уборки хлеба местная земская полиция жестоко выколачивала подати и недоимки. Бедные крестьяне были вынуждены продавать хлеб и скот богатым мужикам за две трети цены: хлеб по 80—90 копеек за пуд вместо 1 рубля 10 копеек — 1 рубля 20 копеек, корову — по 3—5 рублей вместо рыночных 6—7 рублей; спустя некоторое время те же крестьяне, нуждавшиеся в хлебе, должны были покупать его у богатых мужиков по 1 рублю 60 копеек — 1 рублю 80 копеек за пуд; не имея свободных денег, они обязывались расплатиться осенью, с накидкою 15 процентов.

Хотя в вологодской деревне практиковались уравнительные переделы, но фактически они не достигали поставленной цели: в состав «добросовестных» мерщиков обыкновенно попадали сторонники богатеев-кулаков, и переделы земельных угодий совершались в интересах зажиточной верхушки.

Тем не менее, крестьянское самоуправление сохранило в этих отдаленных и замкнутых районах больше пережитков первобытно-общинного строя; влияние вековых традиций налагало определенную печать на крестьянскую общину; деревенские выборные были теснее и глубже связаны с земледельческими массами, а сами крестьянские массы сохранили в себе больше инициативы и независимости.

Среди вологодских казенных крестьян было немало хронических недоимщиков, за которых «в разруб» платили, хотя и сильно ропща, богатые односельчане. Обеднение Устьянских волостей, усилившееся после неурожаев и падежей 1830-х годов, обратило на себя особенно пристальное внимание ревизора. Главные причины этого явления он видел в малоземелье, недостатке промыслов и эксплоатации крестьянской массы властными богатеями. Под давлением вечной нужды в ряде районов Вологодской губернии обнаруживалась массовая тяга крестьян к переселению.

В общем, та же картина открывается перед нами при изучении Архангельской и Олонецкой губерний: и здесь, при обилии лесных пространств и рыболовных угодий, преобладали охота, рыбная ловля и лесные промыслы. И здесь, в условиях натурального хозяйства и застойной техники, крестьяне втягивались в товарно-денежные отношения, сбывая на рынок продукты своего труда, нанимаясь на лесопильные и другие заводы, уходя на дальние заработки. И тут, в связи с развивающейся торговлей и промышленностью, происходило заметное

расслоение государственной деревни: с одной стороны, выделялись скупщики и предприниматели, с другой стороны, малоземельные недоимщики — батраки [1].

9. Озерный край

Северо-западный Озерный край во многом напоминал Северное Поморье: обилие лесов, болот и озер, неплодородная, глинисто-песчаная почва и относительная близость морского побережья оказывали сильное влияние на хозяйственное развитие этого района. Но Озерный край имел свои отличительные особенности, которые резко выделяли его из состава прилегающих губерний. Для характеристики этой северо-западной полосы Европейской России мы имеем достаточный материал, относящийся к ревизии Псковской губернии. В 1826 году она была сделана объектом административных экспериментов и превращена в образцовую губернию с преобразованным управлением.

Псковская губерния, подобно Петербургской и Новгородской, занимала иное положение, чем отдаленное Северное Поморье: она была расположена южнее и ближе к западному морскому побережью; ее климат не был таким суровым и отличался большею влажностью — это создавало более благоприятные условия для развития земледелия и скотоводства. С другой стороны, Псковская губерния с давних пор была плотнее заселена и многочисленными водными путями была теснее связана с южными и восточными районами; ее лесистый покров подвергся большему истреблению и не имел такой многообразной и богатой фауны, как северная тайга. В течение многих веков здесь развивалась сельскохозяйственная культура, земля очищалась от валунов и камней, почва подвергалась удобрению и обработке. Наконец, Псковская губерния граничила с важнейшими вывозными портами и была пространственно и экономически связана со столичным военно-административным и политическим центром — Петербургом. Эти особенности топографии и исторического прошлого обусловили характерные черты в экономической жизни псковской государственной деревни.

Казенные крестьяне Псковской губернии не представляли собой такой компактной и преобладающей массы местного населения, как в Вологодской губернии. Происхождение и состав псковского казенного крестьянства был тоже иной: его подавляющее большинство (более 70 процентов) принадлежало к числу экономических, т. е. бывших церковных и монастырских крестьян, второе место по численности (около 24 процентов) составляли бывшие удельные, также крепостные крестьяне. Они были рассеяны на значительной территории небольшими селами и деревнями, часто по 1—5 дворов; поселения

[1] Расслоение в Ижемской волости Архангельской губернии см. у Д. Хоньки-на, Волнения ижемских крестьян 1833—1838 годов, Сыктывкар, 1941, стр. 6—25.

по 20—50 дворов были редкостью, а многонаселенные села по 100—200 дворов встречались только отдельными единицами. Однако псковская деревня не знала той замкнутости и разбросанности, которые отличали глухие уезды Северного Поморья: не только озерными и речными путями, но и многочисленными сухопутными дорогами они были втянуты в живой оборот внешнего и внутреннего общения. Благодаря близости к морю и Петербургу, в условиях давней сложившейся торговли, псковское казенное крестьянство интенсивнее и быстрее переживало сменявшиеся фазы социально-экономического развития.

Охота на лесного зверя и птицу не могла иметь здесь такого крупного, определяющего значения, как в Вологодской губернии: она играла вспомогательную роль и была подсобным источником крестьянского питания и денежного дохода. Гораздо важнее было занятие рыболовством — особенно на берегах Псковского озера, обильного разнообразными видами рыбы. Но основным, глубоко вкоренившимся занятием деревенского населения было не рыболовство, а земледелие. Несмотря на скудную, часто каменистую почву, несмотря на истощенность плохо удобряемой почвы, низкий уровень сельскохозяйственной техники и недостаточные земельные наделы, псковские крестьяне были прежде всего упорными и привычными хлеборобами. Поля засевались рожью, ячменем, овсом и немного гречихою. Повсеместно возделывался картофель. В северо-западных уездах — Порховском, Псковском, Островском, Опочецком, Новоржевском — яровые поля были целиком заняты культурою льна. Однако земледелие, как правило, не обеспечивало потребностей государственного крестьянина. Чтобы иметь достаточный доход, земледелец должен был располагать определенною нормою надела, удовлетворительным качеством почвы и минимальным количеством скота. По наблюдениям псковского ревизора, поля Псковской губернии имели три типа почвы: суглинок или красную глину, смешанные с песком и черноземом — это были лучшие земли, которые могли при удобрении давать хорошие урожаи; хрящеватую почву из небольшого количества глины, смешанного с серой землей и мелким камнем — эти земли были среднего качества и требовали большего унавоживания; твердую глину, подзол и чистый песок, составлявшие неплодородную землю и дававшие урожаи только при условии обильного удобрения. По вычислениям того же ревизора, обладатель 6 десятин хорошей почвы и 9 голов скота (5 крупного и 4 мелкого), дававшего ежегодно по 40 возов навоза на десятину, мог получить 44 рубля чистого дохода и покрыть все необходимые расходы; то же крестьянское семейство, располагавшее 8 десятинами средней земли и 11 головами скота (в том числе 7 крупного), могло вложить 60 возов удобрения на десятину и получить чистого дохода 5 рублей 50 копеек, т. е. сумму, недостаточную для уплаты податей; наконец, имея 12 десятин худшей земли и 13 голов скота, крестьянин вкладывал в каждую десятину 75 возов удобрения

и получал «умеренный» урожай, дававший денежный дефицит в 13 рублей 25 копеек. Каждое семейство, в вычислениях ревизора, имело 2 мужских души. В состав земельной нормы включалась и сенокосная земля в размере от $1^1/_2$ до 3 десятин. Таким образом, только лучшие почвы обеспечивали прожиточный минимум псковскому крестьянину и освобождали от необходимости изыскивать дополнительные источники денежного дохода. Но такие земли были сравнительно редкими; в подавляющем большинстве случаев крестьянин нуждался в подсобном заработке, даже имея достаточные наделы и значительное количество скота. Но ни того, ни другого не было в распоряжении псковского государственного крестьянина.

Статистические материалы, собранные ревизией по 26 казенным волостям Псковской губернии, дают нам наглядное представление о качественном и количественном распределении земли между государственными крестьянами. Подводя итоги поволостным данным, мы получаем следующую картину распределения почв [1].

№№	Качество земли	Число волостей	Число ревизских душ	Процент к общему числу ревизских душ
I	Выше посредственного	7	25 491	29.6
II	Посредственное	13	42 089	49.0
III	Ниже посредственного	6	18 417	21.4
	Итого	26	85 997	100

Таким образом, на основании личного обследования ревизора, которое охватило более $^3/_4$ наличного крестьянского населения, менее трети земледельцев имели почвы, приближающиеся к первому типу, около половины — земли среднего качества и более $^1/_5$ — неплодородные угодья. Количественно эта земля распределялась следующим образом:

	Средние размеры надела на ревизскую душу	Число волостей	Число ревизских душ	Процент к общему числу ревизских душ
1	Менее 2 десятин	3	11 112	12.9
2	От 2 до 3 десятин	14	50 548	58.8
3	От 3 до 4 десятин	4	13 781	16.0
4	От 4 до 5 десятин	2	7 032	8.2
5	Более 5 десятин	3	3 524	4.1
	Итого	26	85 997	10[illegible]

[1] [illegible] в деле 26423, лл. 37—39.

Следовательно, более 70 процентов учтенных земледельцев имели менее 6 десятин на семейство, состоявшее из 2 мужских ревизских душ, т. е. менее той нормы, выдвинутой ревизором, которая соответствовала почвам наилучшего качества. Но так как почвы высшего качества принадлежали, самое большее, одной трети, то отсюда ясно, насколько наделение псковских государственных крестьян противоречило требованиям безубыточного сельского хозяйства (остальные нуждались в 8—12 и более десятинах). Таков был результат хищнических захватов со стороны помещиков и бюрократической политики Министерства финансов.

Положение еще более ухудшалось вследствие недостатка сенокосов и, следовательно, невозможности держать нужное количество скота и иметь требуемое количество навозного удобрения. Таково общее впечатление, вынесенное ревизором из непосредственного осмотра государственных имений. В этом отношении показательны данные по сельским приказам, отошедшим в казну из удельного управления: они имели следующее количество лошадей, рогатого скота и скота мелкого (овец, свиней и пр.): [1]

Приказы	Число селений	Число дворов	Лошадей		Рогатого скота		Мелкого скота	
			всего	на двор	всего	на двор	всего	на двор
1. Псковский, Псковского и Порховского уездов . . .	125	1 070	1 620	1.5	4 116	3.8	7 629	7.1
2. Грибулевский, Островского уезда	139	828	1 513	1.8	4 706	5.7	10 076	12.1
3. Велейский, Опочецкого уезда	269	1 027	1 967	1.9	7 352	7.1	7 908	7.7
4. Покровский, Опочецкого уезда	234	1 076	2 114	2	6 042	5.6	6 617	6.1
5. Воронецкий, Опочецкого уезда	126	629	1 184	1.9	3 907	6.2	4 559	7.2
6. Спасо-Никольский, Великолуцкого уезда	134	763	1 930	2.5	3 840	5	13 100	17.2
7. Вязовский, Великолуцкого уезда	199	1 106	2 190	2	4 557	4.1	6 737	6.1

По общему заключению современников, хозяйственное положение удельных крестьян было значительно лучше, чем состояние крестьян государственных. Но, как видим, и в этой, наиболее обеспеченной прослойке казенного крестьянства только обладатели высококачественных и средних земель (и то не всегда) могли получить нормальное количество навоза.

Кроме того, не следует забывать, что перед нами — средние нивелированные цифры: большинство крестьян даже в сельских приказах имело гораздо меньше скота; итоги, данные по приказам, искусственно

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26123, лл. 32—33.

увеличены за счет многолошадных и многоскотных дворов деревенских богатеев.

Гораздо хуже было состояние коренных, давно закрепленных за казною государственных крестьян. В качестве примера можно привести распределение лошадей в Чужбинской волости Псковского уезда. В ее состав входило 24 деревни, насчитывавшие 205 дворов. В 18 деревнях (129 дворов) крестьяне имели в среднем по одной лошади, а в 6 деревнях (76 дворов) 38 хозяев были безлошадными. В частности, в деревне Теребищ (24 двора) половина хозяев не имела лошадей, в деревне Чужбине из 15 дворов только 5 имели лошадей, в деревне Выслово безлошадных было 4 двора из 7, в Амосове и Теплякове (по 3 двора каждое) сохранилось всего на всего по 1 лошади на всю деревню [1].

В результате скудости почвы и малого количества удобрения псковская государственная деревня страдала низкими урожаями: по вычислениям ревизора, в среднем за предшествовавшие 10 лет лучшие почвы давали сам-6 озимого и сам-4 ярового, а худшие почвы — сам-3 озимого и сам-2 ярового. Главным подспорьем крестьян были яровые посевы льна, на который прогрессивно повышался спрос и стояли выгодные товарные цены. Однако и здесь ревизор имел основание бить тревогу: вследствие недостатка удобрения урожаи льна понижались, и эта важнейшая отрасль псковского земледелия не имела под собою твердого основания.

Земельный вопрос в псковской государственной деревне осложнялся, как и в других районах, крайней неравномерностью распределения земли не только между хозяевами одного и того же селения, но и между различными казенными селениями. Чтобы устранить эту неравномерность и привести наделение землею в соответствие с меняющимся составом семейств, крестьянская община производила периодические переделы: ежегодно присяжные мерщики вносили поправки в наличное землевладение каждого селения; после каждой народной ревизии производилось уравнение земель между селениями. Особенно тщательно делились пополосно на «коны», сообразно качеству почвы, так называемые «ободворочные земли», находившиеся по близости от селения, около дворов, и подвергавшиеся более интенсивному удобрению и использованию. Лесные и сенокосные угодья оставались в общем пользовании, причем сенокосы отводились ежегодно соразмерно потребностям каждого крестьянского семейства. Чересполосный дележ ободворочных земель назывался «черным делом» и сохранялся как традиционный общепризнанный обычай.

Социально-экономические сдвиги, переживавшиеся государственной деревнею, наносили удары практике общинных переделов: по донесениям ревизоров, ободворочные земли, как лучше расположенные, стали закрепляться за семействами на правах неизменного потомственного

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26423, лл. 18—19.

владения; некоторые вытчики стали захватывать себе из общинных угодий больше земли, чем полагалось им по установленному праву, а междуселенные переделы, которые производились от ревизии к ревизии, стали сопровождаться вопиющими злоупотреблениями мерщиков. При осмотре имений псковский ревизор был засыпан жалобами крестьян на неправильное перераспределение земель после ревизии 1835 года: мерщики вымогали взятки у отдельных селений и обделяли менее податливые общества; не уплатившие взятки получали взамен пахотных угодий исключительно неудобные земли, хотя и в двойном количестве; им отводили дачи за 10—25 верст от селения; некоторым считали десятину в 2400, другим — в 3200 квадратных сажен; отнимали у селений лучшие, удобренные земли и отдавали их другим; в нарушение действующего закона отрезали угодья у селений, не имеющих 8-десятинной пропорции; бывали случаи, когда земля, отведенная селению и уже использованная крестьянами, отбиралась обратно и передавалась другому крестьянскому обществу. Результатом подобных переделов было разорение многих крестьян, которые оказались неспособными обрабатывать доставшиеся им участки. Это разложение старинных общинных обычаев, которое еще больше обостряло аграрную проблему, коренилось в глубоких изменениях хозяйственной жизни псковского государственного крестьянства [1].

Господство натурального хозяйства не мешало псковской деревне еще в давние времена поддерживать связи с местным и даже с внешним рынком. В начале XIX века, в условиях роста товарно-денежного обращения, эти связи стали более широкими и более сложными. Малоземелье, недостаток скота, низкая урожайность делали традиционное земледельческое хозяйство ненадежным источником крестьянского дохода. Подавляющая масса государственных крестьян могла удовлетворять свои основные потребности и уплачивать многочисленные сборы только при одном условии,— если она получала подсобный заработок от занятий торговлей и промышленностью. Близость балтийских портов и Петербурга открывали в этом отношении большие возможности перед псковской государственной деревней. Крестьяне сбывали на рынок не только лен: в Холмском уезде, более богатом лугами, они сплавляли в Петербург по реке Ловати большие транспорты с сеном, в лесных районах занимались возкою и продажею дров, около Пскова продавали огородные овощи и нанимались в извоз, в Вязовском приказе Великолуцкого уезда, не имевшем земель, пригодных для земледелия, объезжали различные районы и выменивали мелочной товар на щетину,— этой торговлей было занято 2000 человек, которые ежегодно выручали до 60 тысяч рублей. Наряду с торговлей, были распространены местные мелкие промыслы: в уездных городах и торговых селениях много крестьян было занято треплею льна; там, где еще не были истреблены леса, так же как на севере, гнали деготь, делали деревянную посуду,

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26424, лл. 9—11, 57—120.

изготовляли сани, телеги и разные деревянные поделки, пилили лес, строили и сплавляли барки, добывали средства плотничным ремеслом. На островах Псковского озера и в приозерных деревнях процветала рыбная ловля. Около Изборска существовали алебастровые ломки. В разных пунктах губернии крестьяне занимались выделкою кирпича и гончарной посуды, обработкою овчин и кож, сапожным и портновским мастерством. По подсчетам ревизора, ежегодно около 10 тысяч человек выбирали паспорта и отправлялись в отхожие промыслы [1].

О степени развития и доходности промыслов можно судить по материалам сельских приказов бывших удельных крестьян. Данные, представленные ревизором, таковы [2]:

Название приказов	Число селений	Число дворов	Число промышленников			Средний ежегодный доход	
			торговцев со свительством	хозяев	работников	общий с земледелием	независимо от земли
1. Псковский	125	1 070	5	918	531	98 220	46 734
2. Грибулевский	139	828	—	533	940	110 000	43 180
3. Вилейский	269	1 027	1	860	1 226	119 705	63 261
4. Покровский	234	1 076	1	726	1 117	90 418	59 198
5. Воронецкий	126	629	1	250	568	32 900	34 978
6. Спасо-Никольский	134	763	—	597	250	4 340	33 662
7. Вязовский	199	1 106	—	918	898	—	53 610
Итого	1 226	6 499	8	4 802	5 530	455 583	334 623

Эти итоги представляют для нас двойной интерес. Прежде всего они показывают, насколько широко было охвачено псковское крестьянство промысловыми занятиями и какой крупный удельный вес имели промыслы в денежном бюджете крестьянина: в Воронецком и особенно в Спасо-Никольском приказах промышленность занимала ведущее место в экономической жизни населения. С другой стороны, таблица бросает свет на классовую природу крестьянских промыслов: наряду с рубрикою «хозяев», под которыми скрываются не только самостоятельные ремесленники, но и мелкие капиталисты-предприниматели, мы находим здесь категорию «работников», которые продавали этим предпринимателям рабочую силу. Сохранились более подробные данные по Спасо-Никольскому приказу, которые помогают конкретнее представить условия возникновения и развития промыслов псковского государственного крестьянства. Спасо-Никольский приказ насчитывал 2782 мужчин и 3175 женщин. Земли считались здесь достаточно хлебородны-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26424, лл. 12—18; А. Гернгросс, Алебастровые ломки в Псковской губернии. ЖМГИ, 1842, № 6.

[2] Там же, д. 26423, лл. 32—33.

ми: крестьяне засевали в общем 2799 четвертей ржи и получали от этого озимого клина 11 196 четвертей, т. е. урожай был сам-4; на яровых полях посев равнялся 3499 четвертям, а урожай — 12 199, т. е. сам-3½. Тем не менее, в силу малоземелья (средний надел удобной земли составлял здесь 3.83 десятины) хлеба хватало только для собственного потребления, и в продажу на рынок ничего не поступало. Почва не благоприятствовала разведению льна, и этот важный источник денежного дохода был недоступен спасо-никольским крестьянам. Оставалось покрывать необходимые денежные расходы промысловыми занятиями [1]: выделкой кож, изготовлением колес и гончарной посуды, плотничным ремеслом. Кроме того, крестьяне занимались извозами: они отправлялись в Петербург, Ригу и Нарву, откуда привозили сельди и соль [2]. Таким образом, в Псковской губернии даже в районах лучших земель занятия промышленностью и подсобные заработки иногда оказывались необходимым условием для поддержания самостоятельного крестьянского хозяйства.

К такому же выводу приводят нас данные по деревне Киршино Чужбинской волости Псковского уезда, населенной давними государственными крестьянами. В селении было 54 ревизских души (из них 1 — неоседлая), которые имели в своем распоряжении 100 десятин 600 сажен пахотной земли, 46 десятин 1600 сажен сенокоса и 9 десятин 800 сажен неудобной земли. Следовательно, в среднем на каждую ревизскую душу приходилось по 1 десятине 2040 сажен пашни и менее 1 десятины сенокоса. По приблизительному вычислению ревизора, средний урожай, собранный с такого среднего надела, мог быть оценен в 54 рубля 37 копеек, но этот условный «доход» еще не характеризует действительных денежных поступлений; в условиях острого малоземелья большая часть урожая потреблялась самими крестьянами, и для уплаты повинностей, так же как для покупки нужных товаров, приходилось прибегать к неземледельческим занятиям. В районе Чужбинской волости находились залежи глины и камня, которые разрабатывались местными крестьянами. От ломки плиты и камня и от выделки кирпича население Киршина получало в среднем по 12 рублей 26 копеек ежегодного дохода на ревизскую душу. Кроме того, 19 хозяев занимались «вольными промыслами», которые в среднем давали по 65 рублей 78 копеек дохода на каждое семейство. Таким образом, доход от промышленности значительно превышал условный «доход» от земледелия. Сельское хозяйство удовлетворяло натурою основные потребности крестьянина — в питании, частью в одежде и в жилище. Все остальные нужды нужно было покрывать с помощью промышленности. Так местные природные и социальные условия неотвратимо толкали псковского государственного крестьянина на вне-

[1] Под рубрикой «доход общий с землей» в Спасо-Никольском приказе разумеется доход, связанный с обработкой глины.

[2] ЦАНХ, д. 26423, лл. 45—46.

земледельческие промыслы, втягивая его в орбиту развивающегося денежного хозяйства [1].

Данные о классовом расслоении спасо-никольских крестьян подтверждаются другими наблюдениями и выводами ревизора. Крестьянские промыслы Псковской губернии находились под сильным влиянием торгового и ростовщического капитала. На рыбных ловлях по берегам Псковского озера было занято 319 человек, из которых 80 были «хозяевами», выручавшими по 500 рублей ежегодного дохода; 75 работников-рыболовов получали в среднем по 150 рублей заработной платы в рыбный сезон. Кроме того, зажиточные псковские крестьяне торговали скотом, содержали почтовые станции и постоялые дворы; доходы таких предпринимателей колебались от 300 до 500 рублей в год. На Изборских алебастровых ломках работали крестьянские артели по 4—8 человек, которые сбывали продукцию оптовым торговцам, жестоко эксплоатировавшим работников: крестьяне брали у скупщиков ссуды деньгами и хлебом, получали от них орудия труда и должны были отрабатывать эти ссуды на кабальных условиях за низкую заработную плату. Треплею льна крестьяне занимались по вольному найму, получая на собственном содержании от 15 до 25 рублей в месяц. Богатые крестьяне-рыбопромышленники имели у себя не только большие склады для пойманной и консервированной рыбы, но и снеткосушильные печи — «верный и главнейший источник их благосостояния».

Торговый капитал не только налагал руку на крестьянские промыслы,— он проникал и в сферу земледельческого хозяйства, создавая кабальные условия для сбыта сельскохозяйственных продуктов. Продажа льна в Псковской губернии была сосредоточена в руках нескольких десятков крестьян, которые обладали капиталом от 1000 до 15 тысяч рублей. Живя в волостях основных льноводческих районов, эти «булыни» держали от себя в экономической зависимости массы крестьян-земледельцев. Пользуясь нуждою государственных крестьян, они закупали лен на корню, выдавая земледельцам денежные ссуды под ростовщические проценты. Собранный урожай целиком поступал в распоряжение булыней, которые произвольно устанавливали низкие цены на лен, беспощадно обмеривали и обманывали при расчетах свою клиентуру и вдобавок требовали от крестьянина нескольких недель отработков. «От сего притеснения,— заключает свои наблюдения псковский ревизор,— крестьяне томятся в постоянной нищете, а кредитом, оказываемым им булынями, сопряженным с разорением поселян и основанным на выгодах нескольких монополистов, купечеству пресечен путь к правильной торговле». Скупленные запасы льна сосредоточивались в крупном торговом посаде Сольцы, а отсюда по водным путям переправлялись в Петербург, продавались по высоким рыночным ценам и доставляли огромные барыши крестьянам-спекулянтам. Капиталистическое предпринимательство сочеталось здесь с примитивными формами фео-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26423, лл. 34—35.

дальной эксплоатации, в соответствии с уровнем развития отсталого полунатурального хозяйства.

Таким образом, внедрение денежно-рыночного обращения сопровождалось в государственной деревне Псковской губернии процессом расслоения крестьянства, еще более отчетливым и заметным, чем в губернии Вологодской. На одном полюсе государственной деревни складывалась прослойка крестьян-«хозяев» и скупщиков, расширявших пространство своих сельскохозяйственных угодий; на другом полюсе из среды крестьянской массы выделялись обедневшие и разоренные земледельцы, которые забрасывали сельское хозяйство и предпочитали сдавать свои земли в аренду зажиточным односельчанам. По данным ревизии, из 114 594 ревизских душ 3 343 души, т.-е. 3 процента, состояли в разряде неоседлых и бездомовных. Но и средние слои псковского государственного крестьянства не пользовались обеспеченностью и довольством: Псковская губерния числилась одной из самых недоимочных; несмотря на многократные рассрочки и сложения задолженных сумм, податные недоборы прогрессивно росли и были одним из источников растущего беспокойства Министерства финансов. И здесь наблюдалась стихийная тяга к переселению, которое казалось разоряющимся крестьянам единственным средством поправить свое пошатнувшееся хозяйство. Сам ревизор, подводя итоги безрадостным наблюдениям над положением псковских государственных крестьян, приходил к выводу, «что одни ремесла и промыслы поддерживают и могут упрочить быт и что одно развитие сих способов может улучшить их состояние и уничтожить быстро возрастающую бедность некоторых деревень». Судя по отрывочным данным, сохранившимся по Новгородской и Петербургской губерниям, социально-экономические особенности псковской деревни с некоторыми неизбежными отклонениями были характерными для государственных крестьян всего Северо-западного края. Повсюду мы встречаем такие же природные условия, низкую урожайность, недостаток доходов от хлебопашества, развитие торговли и промыслов и прогрессирующее расслоение крестьянской массы [1].

10. Центральный промышленный район

Центральный промышленный район по своим природным условиям и историческому развитию существенно отличался и от Северного Поморья и от Северо-западного края. Расположенный несколько южнее, удаленный от Ледовитого океана, он имел более теплый климат, благоприятствовавший развитию земледелия. Хотя суглинистая и супесчаная почва этого района сильно уступала чернозему плодородного юга, но при наличии систематического удобрения она обеспечивала населению достаточные урожаи. Здесь не было такого обилия лесов, болот и

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26423, лл. 135—137.

озер. Многовековая эксплоатация природных богатств привела к сильнейшему сокращению лесных массивов и уничтожению когда-то изобильной лесной фауны. На расчищенных площадях с давних пор были заведены пахотные и сенокосные угодья, жило густое и хозяйственно спаянное население. Большие судоходные и сплавные реки — Волга, Ока и их многочисленные притоки — связывали этот район с самыми отдаленными областями запада, востока и юга. Сама природа способствовала превращению этого старинного населенного края в экономическое средоточие Восточно-европейской равнины. Условия исторического развития Центрального района еще более закрепили за ним это общественное значение. Именно здесь создалась наиболее благоприятная обстановка для возникновения денежного хозяйства, для роста товарного обращения и для широкого развития промышленности.

Несмотря на более благоприятные почвенные и климатические условия, сравнительно с Северным Поморьем и Озерным краем, земледелие в Центральном промышленном районе не могло обеспечить прожиточного минимума государственному крестьянству. В результате непрерывной многовековой обработки, при господстве трехпольной системы и низком уровне техники, суглинки и супески центральных губерний утратили значительную долю своей производительной силы. Земельные захваты и рост народонаселения сильно отразились на размерах крестьянского надела. Сдавленный малоземельем и бессильный возвратить истощенным землям утраченное плодородие, государственный крестьянин не в меньшей степени, чем на севере и на северо-западе, нуждался в поисках дополнительных источников дохода. Географическое положение и более интенсивное экономическое развитие района открывали перед крестьянином еще более широкие возможности, чем в губерниях Северного и Северо-западного краев. Начиная с XVI века, здесь наблюдался прогрессирующий рост торговли и промышленности; в XVII веке Москва превратилась в узловой центр общенационального рынка; в XVIII столетии здесь разрослась крупная мануфактурная промышленность. Отсюда шли многочисленные сухопутные и водные магистрали, здесь был живой оборот транзитной торговли; растущее городское население служило источником усиливающегося рыночного спроса. Процессы, подтачивавшие основы феодальной формации,— отделение ремесла от земледелия, развитие денежного обращения, накопление капитала, применение свободной рабочей силы,— наблюдались здесь не только в городе, но и в деревне. При этих условиях государственное крестьянство Центрального промышленного района еще в XVIII веке оказалось втянутым в бурлящий водоворот торгово-промышленной жизни [1].

Из всех административных единиц данного района наиболее передовой в хозяйственном отношении являлась Московская губерния. Ревизия 1836—1840 годов не оставила нам подробного обзора социально-

[1] См. гл. I.

экономической жизни московского крестьянства. Тем не менее, сохранившиеся материалы дают нам полную возможность разобраться в специфических особенностях московской государственной деревни.

Охотничьи промыслы не играли здесь определяющей роли, как на севере, и не были развиты в такой степени, как в Озерном крае. Основным занятием жителей оставалось сельское хозяйство. Но земледелие и скотоводство, стимулируемые близостью крупного столичного центра, все более и более отступали здесь перед ростом торговли и промышленности, не только мелкой, но и крупной.

По подсчетам московского ревизора, в государственных волостях Московской губернии числилось 143 641 душа мужского пола. Очень значительную долю этого населения составляли экономические, т.-е. бывшие церковные крестьяне; крупными прослойками входили в него однодворцы и ямщики; менее значительными группами являлись «старых служеб служилые люди», отставные солдаты, архиерейские служители. Степень земельного обеспечения московских государственных крестьян характеризуется следующими поуездными данными:

Земельные наделы государственных крестьян Московской губернии:

Уезды	Число душ мужского пола	Число селений	Пашни, сенокосы и усадебные земли		Леса с полянами		Всего десятин на душу
			всего десятин	на душу	всего десятин	на душу	
1. Московский (5 волостей и 1 ям)	12 304	113	30 482	2.4	33 890	2.7	5.1
2. Коломенский (3 волости и 1 ям)	7 323	32	16 675	2.2	3 390	0.4	2.6
3. Серпуховской (4 волости и 1 ям)	10 789	71	33 963	3.1	12 696	1.1	4.2
4. Клинский (5 волостей и 2 яма)	15 858	198	56 631	3.5	47 372	2.9	6.4
5. Богородский (3 волости)	11 109	109	32 494	2.9	34 834	3.1	6.0
6. Можайский (3 волости и 1 ям)	6 233	60	23 088	3.7	5 166	0.8	4.5
7. Рузский (3 волости)	8 822	84	30 474	3.4	10 174	1.1	4.5
8. Подольский (5 волостей)	7 227	77	25 681	3.5	4 421	0.6	4.1
9. Бронницкий (3 волости)	6 916	35	17 189	2.4	2 300	0.3	2.7
10. Верейский (4 волости)	5 964	50	27 154	4.5	7 566	1.2	5.7
11. Дмитровский (8 волостей)	23 241	287	71 045	3.0	80 419	3.4	6.4
12. Волоколамский (5 волостей)	10 873	101	39 836	3.6	11 068	1.0	4.6
13. Звенигородский (6 волостей)	13 982	119	41 347	2.9	24 897	1.7	4.6
Итого 57 волостей и 6 ямов	143 641	1 336	446 065	3.1	278 200	1.9	5.0

Таким образом, средний поуездный надел пашенной, сенокосной и приусадебной земли колебался между 2.2 десятинами (в Коломенском уезде) и 4.5 десятинами (в Верейском уезде) при среднем губернском наделе в 3.1 десятины. При этом наименьшие наделы падали на Московский и восточные уезды — Коломенский, Бронницкий, Богородский; более значительные наделы были в западных и северных уездах — Верейском, Можайском, Клинском, Волоколамском. Однако, и максимальные нормы, при данном уровне сельскохозяйственной техники, не обеспечивали прожиточного минимума государственному крестьянину, тем более, что действительные размеры земельного надела были у большинства государственных крестьян ниже этой средней нивелирующей нормы.

Таким образом, неслучайно именно в восточных уездах, так же как в Московском, была особенно развита крестьянская промышленность. К тому же нуждавшееся крестьянство именно здесь находило благоприятные условия для развития торговли и промыслов: если передовая экономическая роль Московского уезда была обусловлена близостью крупного многонаселенного центра, то на востоке и на юге проходили важнейшие водные пути и сухопутные тракты; вокруг этих торговых артерий располагались давно сложившиеся торгово-промышленные села, в которых из поколения в поколение передавались навыки коммерческого и ремесленного мастерства. По данным ревизии, дополненным и уточненным последующими изысканиями, наиболее развитыми в промышленном и торговом отношении были государственные деревни Богородского уезда: здесь все крестьянское население было занято теми или иными промыслами; в Московском уезде промышленники составляли 91 процент государственного крестьянства, в Бронницком уезде — 70 процентов, в Серпуховском — 67 процентов, в Подольском — 56 процентов, в Коломенском — 53 процента. Значительно меньше были развиты крестьянские промыслы и торговля в западных и юго-западных уездах; в Звенигородском уезде промышленностью было занято 32 процента государственных крестьян, в Волоколамском — 25 процентов, в Рузском и Верейском — по 21 проценту, в Можайском — только 16 процентов. Наименее промышленным был север Московской губернии: в Клинском уезде 17 процентов государственных крестьян занимались промыслами, а в Дмитровском уезде — только 11 процентов [1]. Особенно выделялись своими торговыми оборотами государственные селения Вохна, Рогачево, Пятница-Берендеевка, Стрелецкая слобода, Завидово, Хотунь.

Самое земледелие у государственных крестьян Московской губернии часто специализировалось и приобретало ярко выраженный торговый характер. Столица предъявляла широкий рыночный спрос на огородные овощи — отсюда расцвет подмосковного огородничества, кото-

[1] Д. Протопопов, О промыслах государственных крестьян Московской губернии. ЖМГИ, 1842, № 2.

рым занимались очень многие крестьяне, жившие в окрестностях города, особенно между рязанской, тульской и калужской дорогами. В некоторых казенных селениях полевые угодья почти все были заняты овощными культурами, обработка земли была интенсивною, крестьяне применяли плодопеременную систему и вкладывали в почву много навозного удобрения. Такой характер носило торговое огородничество в большом казенном селе Карачарове и прилегающей к нему деревне Новой. Карачаровские поля не знали пара,— здесь применялся четырехсменный оборот, на полях в громадном количестве выращивались картофель и репа[1].

Широко развитая торговля требовала массового подвоза товаров — отсюда значительное распространение извозов, которыми занимались государственные крестьяне во всех подмосковных районах. Из северных и северо-западных уездов — Клинского, Дмитровского, Звенигородского — крестьяне везли в столицу дрова, к речным пристаням подвозили разнообразные товары местного производства. Село Рогачево Дмитровского уезда выдвинулось и стало первоклассным торговым центром благодаря близости к волжской пристани Устью; отсюда по направлению к Петербургу двигались барки с хлебом и салом; являясь крупным складочным пунктом, Рогачево было одновременно центром московского извозного промысла.

На многочисленных сухопутных пунктах, оживленных постоянным движением людей и товаров, многими государственными крестьянами были построены постоялые дворы. По берегам рек, так же, как в Вологодской и Псковской губерниях, кормились от судоходного промысла. Там, где сохранились большие казенные леса, крестьяне, иногда без разрешения, рубили и сплавляли деревья, жгли уголь, заготовляли дрань, производили разнообразные деревянные изделия. В различных пунктах, например, в селе Протопопове Коломенского уезда или около села Острова Подольского уезда разрабатывались залежи камня и мрамора. Серпуховской уезд славился своими месторождениями глины,— здесь был особенно распространен горшечный промысел. Наконец, отличительной особенностью Московской губернии было широкое распространение текстильной промышленности. Крестьяне восточных и южных уездов, особенно Богородского, в массовом количестве занимались ткачеством и набойкой тканей; во многих селах Коломенского уезда были распространены размотка и трощение шелка. Наряду с текстильной промышленностью существовали разнообразные специальные промыслы: в Клинском уезде изготовление маленьких зеркал, в Серпуховском и Подольском уездах — производство булавок и пр. По подсчету ревизора, ежегодно из казенных селений Московской губернии отлучались по паспортам и билетам 24 396 человек, т. е. около 17 процентов всего мужского населения.

[1] Об огородничестве в Москве и ее окрестностях и в особенности в селе Карачарове см. ЖМГН, 1841, № 6. Ср. ЖМГН, 1843, № 1, Смесь.

Мелкие промыслы московских государственных крестьян еще в большей степени, чем в северных и северо-западных губерниях, были подчинены влиянию торгового, ростовщического капитала. Скупщик выступал не только в роли посредника, но и в качестве организатора производства, раздавая заказы рассеянным мелким производителям. Благодаря развитию крупной мануфактуры, наряду со скупщиками действовали «фабриканты», т.-е. крупные промышленные предприниматели, раздававшие заказы по государственным деревням. Посредниками между рассеянными рабочими и владельцами мануфактуры нередко выступали мелкие мастерки: это были более зажиточные и оборотистые крестьяне-промышленники, которые распределяли между работающими полученные заказы и собирали между ними готовую продукцию. Часто самостоятельное производство товаров на рынок сочеталось у одного и того же производителя с постоянной работой на «фабриканта»: самостоятельно сбывались более грубые сорта, а крупному предпринимателю изготовлялись более дорогие.

В отдельных случаях наблюдались своеобразные формы коллективного капиталистического предпринимательства. Там, где имелись ломки камня и мрамора — в Коломенском и Подольском уездах,— местные крестьянские общества или сдавали их в аренду, или эксплоатировали с помощью пришлых вольнонаемных рабочих.

Сохранились данные о заработках рабочих из государственных крестьян, обладавших техническими навыками (ткачей, набойщиков и пр.): они получали от 167 рублей до 342 рублей в год; наиболее квалифицированные зарабатывали от 300 до 1000 рублей [1].

В связи с быстрым ростом товарного обращения классовое расслоение в подмосковной государственной деревне вырисовывается более резкими чертами, чем в Вологодской и Псковской губерниях. Из среды огородников, торговцев и мелких промышленников выделялись более зажиточные крестьяне, которые накопляли денежные средства и использовали их в целях капиталистического предпринимательства. И здесь в связи с общей экономической отсталостью процветали кабально-ростовщические операции. Скупщики и «фабриканты», выдвигавшиеся из рядов мелкой крестьянской буржуазии, не стеснялись в средствах, эксплоатируя середняцкую и бедняцкую массу крестьян. В селе Белые Колодези Коломенского уезда славились своим богатством государственные крестьяне Савелий и Константин Мосоловы, имевшие несколько крупных мануфактур и несколько доходных домов. Они были связаны с московским купечеством, кредитовались у него на значительные суммы и вели широкие торговые операции. На месте своего жительства Мосоловы имели хлопчатобумажную и полотняную фабрику, насчитывавшую более 200 рабочих из местных крестьян. Здесь применялись машины и широко использовался труд женщин и малолетних.

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26421 (54), лл. 2—5; д. 26423, лл. 128—129; Д. Протопопов, о. с.

После происшедшего пожара убытки на предприятии были оценены в сумме 19 тысяч рублей. Ссужая крестьян хлебом и деньгами для внесения налогов, Мосоловы держали местное крестьянство в полной экономической зависимости. Считая себя благодетелями белоколодезных крестьян и решив восстановить сгоревшее предприятие, эти типичные капиталисты-ростовщики ходатайствовали перед правительством об освобождении их на 7 лет от уплаты гильдейских повинностей.

Такие богатеи не были исключением в рядах подмосковного государственного крестьянства. Сохранились сведения об ямщике-торговце Тверской слободы Арсении Сметанникове, который кредитовался у крестьянина А. П. Бадяева на сумму 1790 рублей. В Рогожской слободе жил ямщик Петр Мягков, который кредитовался у купцов Бубы и Ходжигло на сумму 18 701 рубль 60 копеек. Вообще подмосковные ямщики выделялись своей «безбедной жизнью» и широкие торговые обороты предпочитали выполнению своих обязанностей; ямскую повинность они исправляли наймом, подряжая для этой цели содержателя лошадей и уплачивая ему ежегодно 26 360 рублей [1].

Росту мелкой и крупной буржуазии, которая верховодила на крестьянских сходах, соответствовал обратный процесс — обеднения и пролетаризации определенной части государственного крестьянства. На государственных крестьянах Московской губернии лежали большие недоимки — и государственные, и земские, и хлебные. По подсчетам ревизора, крестьяне должны были собственно казне 284 027 рублей 1½ копеек за земские повинности и в капитал продовольствия — 186 871 рублей 10½ копеек, и хлебом в натуре — 80 174 четвертей. Из этой суммы 149 481 рублей 27¼ копеек составляли специальные ссуды, отпущенные нуждающимся в продовольствии. Важнейшей причиной недоимочности московских волостей ревизор считал «умножение в сих волостях неоседлых крестьян, бобылей, бурлаков и нищих» [2].

Несмотря на широкое развитие торговли и промышленности, разносторонние связи с городом, отлучки на заработки, в подмосковной деревне сохранялись черты патриархального бедного быта: например, «черные» (курные) избы, которые рассматривались ревизором, как «остаток первобытного дикого состояния наших предков», продолжали сохраняться в большей части казенных селений. Тем не менее, новые социально-экономические процессы оказывали глубокое влияние на психику государственного крестьянина: консервативно настроенный ревизор чрезвычайно скорбел об ослаблении старинных крестьянских добродетелей — «религиозности и нравственности поселян». Поясняя свою мысль, ревизор прибавлял: «Самые волостные начальства их почти повсеместно подтвердили, что большая часть поселян даже духовные требы оставляет в небрежении, в особенности находящиеся в отлучках

[1] МОНА, ф. 13, д. 18, лл. 470—471, 892, 904; ЦАНХ, ф. V О., д. 26423 лл. 128—129.

[2] ЦАНХ, ф. V О., д. 26426, т. I, лл. 2—13, 183—217.

или заработках. Состояние нравственности их, очевидно, неудовлетворительно. Семейные несогласия весьма часты. Промышленность, изгнав простоту деревенских нравов, ничем не заменила отсутствия их...» Падение традиционной религиозной веры и учащение семейных разделов были ближайшими последствиями слагающихся капиталистических отношений: вторгаясь в подмосковную деревню, новые жизненные впечатления подрывали в крестьянах авторитарную психоидеологию и воспитывали в них новые чувства — независимости и индивидуализма. Учитывая это прогрессивное, но нежелательное для правительства явление, Киселев обратил на него особенное внимание Совещательного комитета при V Отделении: он предложил ему высказаться о причинах «неисполнения треб, неповиновения крестьян, худых выборов начальств» и пр.

Так изменялся социально-экономический и моральный лик государственной деревни в наиболее передовой по своему хозяйству Московской губернии [1].

Сохранившиеся данные Ярославской и Калужской ревизий показывают, что особенности подмосковной государственной деревни были типичными для всего Центрального промышленного района. В этом отношении характерны выводы, сделанные Ярославской приуготовительной комиссией на основании обширных материалов ревизии и личных наблюдений старшего члена: «Недостаток в пахотной земле, близость больших городов, положение по Волге и пример многих, обогатившихся без земледелия, в здешних деятельных обывателях возбудили склонность к промышленности, отчего и род их жизни представляется как бы скитающимся. Оставляя свои дома и занимаясь работами и промышленностью, приобретают они выгоды столько значительные, что при соображении их достоинство земледелия представляется крайне неудовлетворительным и потому попечение о нем предоставляют по большей части женщинам и нанимающимся работникам, не заботясь достаточно усиливать способов к оному...». За исключением отсталых Мологского и Пошехонского уездов, ярославские государственные крестьяне, подобно московским, занимались разнообразными мелкими промыслами, сплавляли барки, вели торговлю и тысячами расходились из родных деревень коробейниками, офенями, плотниками, штукатурами, маляpами, чернорабочими и пр. Те же процессы — втягивание государственных крестьян в торговлю и промышленность, выделение предприимчивых богатеев, эксплоатация ими крестьянской массы — рисовал в своем донесении ревизор Калужской губернии [2]. Специфические условия различных губерний не могли заслонить основного явления, характерного для государственной деревни центрального промышленного района,— зарождения и быстрого роста капиталистических отношений в недрах отживающего крепостнического строя.

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26426, т. I, лл. 142, 145, 2—15.

[2] Там же, д. 26440, лл. 67—69, 85; д. 26423, л. 116; д. 26485 (2), л. 12.

11. Центральный черноземный район

Совершенно иной хозяйственный мир открывается перед нами на юге — в Центральном черноземном районе. Здесь на равнинном пространстве лесостепи, в условиях более теплого и мягкого климата лежали тучные, черноземные почвы. Русское население давно освоило эти плодородные земли, открывавшие широчайшие возможности для процветания сельского хозяйства. Здесь, несмотря на примитивную обработку пахотных угодий, не знавших удобрения и глубокой вспашки, производительные силы природы не были истощены и обеспечивали основные потребности населения. Земледелие играло здесь доминирующую роль и определяло собой хозяйственную и бытовую жизнь государственной деревни.

В качестве показательного примера можно взять многонаселенную Курскую губернию, по которой сохранились более подробные и точные ревизорские отчеты. Государственные крестьяне составляли здесь около половины земледельческого населения и делились на многочисленные и разнородные прослойки. Наиболее крупной и своеобразной из них были однодворцы; вместе с «войсковыми обывателями», такими же потомками пограничного военно-служилого сословия, они составляли 82 процента населения государственной деревни[1]. На втором месте стояли экономические крестьяне; за ними шли бывшие удельные крестьяне, ямщики, крестьяне, отписанные в казну из частновладельческих имений, и т. д. Деревенское население сидело здесь на плодородном черноземе, который без всякого удобрения давал высокие урожаи: под озимой рожью — сам-8, под яровым овсом — сам-6. Только по берегам рек Оскола, Сейма и Северного Донца земля была песчаной и требовала вывозки навоза. Земледелие господствовало здесь почти безраздельно. Крестьяне сеяли рожь, овес и гречиху; кроме того, в южных уездах с успехом разводилась озимая пшеница, а в северных были широко распространены посевы конопли, наиболее требовавшейся и наиболее доходной из полевых культур. Поля вспахивали по-старому сохою, впряженною в лошадь; только местами, по соседству с украинскими губерниями, применялся плуг с воловьей упряжкой. Наряду с обработкою трехпольной пашни, крестьяне разводили фруктовые сады и получали от них значительные урожаи яблок и груш. Не менее важное, хотя и подсобное значение имело разведение пчел: некоторые государственные крестьяне держали у себя по 200 колод и более. Развитию скотоводства мешал недостаток сенокосов и выгонов; зерновые и отчасти технические культуры заставляли крестьян распахивать каждый свободный клочок земли и даже ликвидировать общественные выгоны.

Несмотря на острое малоземелье, черноземные урожаи удовлетво-

[1] Из 350 220 ревизских душ однодворцы составляли 265 178, войсковые обыватели — 41 328; ЦАНХ, ф. V О., д. 26425, т. I, лл. 6—85.

ряли потребности крестьян в питании и давали им более или менее значительные излишки. Ежегодно огромные партии зерна, муки и крупы, конопли и пеньки поступали на многочисленные ярмарки и на городские склады, переправлялись в украинские губернии на винокуренные заводы и на север — к берегам Оки. Главные хлебные ссыпные пункты были сосредоточены в Курске, Белгороде, Старом Осколе и Рыльске; конопля и пенька доставлялись преимущественно в местечко Сухиничи, Калужской губернии — крупный перевалочный пункт, через который южное сельскохозяйственное сырье направлялось частью в Ригу, частью — на верхневолжские пристани. Рожь продавалась по 5 рублей за четверть, овес — от 2½ до 3 рублей. Многие ярмарки имели место в казенных селениях; сюда доставляли не только хлеб, но и другие товары — лошадей, рогатый и мелкий скот, металлические изделия, ткани, галантерею и пр. Здесь происходил оживленный обмен продуктов местного земледельческого хозяйства на привозимые товары северной промышленности. Всего в 14 казенных селениях — преимущественно Обоянского, Суджанского и Хотимского уездов — функционировало 58 ярмарок, на которые в 1835 году было привезено товаров на 1 194 767 рублей. Очень немногие ярмарочные села имели по одной ярмарке; большинство представляло собою крупные торговые центры, насчитывавшие от 4 до 7 ярмарок в год. Типичным примером такого обменного пункта может служить слобода Алексеевка Корочанского уезда: она имела 6 однодневных ярмарок, на которые в 1835 году было привезено товаров на 28 204 рубля. Алексеевские ярмарки происходили в субботу на первой неделе великого поста, в вербное воскресенье, в Духов день, на «Спасо-преображение» 6 августа, на «Покров» 1 октября и на «Введение» 21 ноября; ярмарки торговали лошадьми (привоз был от 500 до 1050 рублей) и «разными товарами» (привоз — от 2972 рублей до 4496 рублей). Такими же многоярмарочными и оживленными селами были слобода Грайворон Хотимского уезда, слободы Медвенка и Пена Обоянского уезда, слобода Белая Суджанского уезда. Максимальный подвоз на отдельную ярмарку достигал значительной цифры — 282 500 рублей (в слободе Медвенке на однодневном торге 1 сентября) [1].

Но курские государственные крестьяне сбывали свои излишки не только в виде хлеба и скота и не только на местные и украинские ярмарки.

Близость городских центров и здесь стимулировала рыночные спрос и предложение: государственные крестьяне, населявшие подгородние слободы Курска, Белгорода, Старого Оскола, Обояни, Суджи и Рыльска, вывозили на городские базары огородные овощи; население Ямской слободы около Курска с большою выгодою продавало молоко, масло и приплод, разводя с этой целью улучшенные породы скота.

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26425, лл. 67—69.

Урожай фруктов крестьяне тоже возили в города и на местные деревенские базары.

Торговля сельскохозяйственными продуктами требовала значительных и иногда дальних перевозок. Поэтому занятие извозами было одним из вспомогательных источников крестьянского дохода. Одноконные подводы, груженые местными товарами, направлялись в Харьковскую и Полтавскую губернии, в черниговский Глухов, в калужские Сухиничи и дальше — в Орел, Брянск и Москву. Обратным путем с севера подводы возвращались с лесом и досками. Из южных волостей, населенных украинцами, запряженные волами возы двигались по направлению к Крымскому полуострову в места расположения соляных озер за солью. Однако ревизор подчеркивал, что извозная промышленность не составляла постоянного профессионального занятия государственных крестьян: поглощенные работой по хлебопашеству, курские земледельцы могли отвлекать свои силы на извозы спорадически, преимущественно в зимние месяцы, свободные от полевых работ.

Недостаток судоходных речных путей (явление, характерное для всей Курской губернии) возмещался многочисленными сухопутными дорогами, которые обрастали постоялыми дворами и трактирами. И здесь перед зажиточными крестьянами открывались широкие возможности для предпринимательства и денежного накопления.

Таким образом, оставаясь по преимуществу земледельческим зерновым районом, Курская губерния была широко втянута в товарно-денежное обращение. Государственная деревня в 30-е годы XIX века не жила здесь замкнутой, исключительно натуральнохозяйственной жизнью; процессы, подтачивавшие устои феодального порядка, обнаруживались и тут, способствуя развитию капиталистических отношений, приближая неизбежный момент их победы. В частности, кризис феодальной формации находил здесь своеобразное выражение — в местной системе крестьянского землевладения. Курские крестьяне владели двумя основными категориями земель: с одной стороны, землями, которые считались казенными, но находились в пользовании крестьянских обществ и подвергались периодическим уравнительным переделам — от ревизии до ревизии; с другой стороны, землями «четвертными», которые когда-то в виде определенного количества «четвертей» были пожалованы военно-служилым предкам однодворческого населения; переходя по наследству, эти земли постепенно сделались объектом товарного оборота.

Первая категория земель ничем не отличалась от обычных надельных земель других великорусских губерний. Совершенно иной характер носили «четвертные земли», которые с течением времени стали рассматриваться как частная собственность своих владельцев. Документами, на которых основывалось «четвертное право», были старинные жалованные грамоты, писцовые книги, купчие крепости, раздельные акты и пр. В состав этих «четвертных» земель, наряду с крепостными

дачами, вошли также заимочные земли, захваченные еще в давние времена из казенного общественного фонда и закрепленные за владельцами на основании права давности. Наличие «четвертного права» на определенную часть земельной площади повлекло за собой два очень важных последствия: во-первых, в результате свободных частноправовых сделок — продажи, мены, завещания, дарения и пр.— социально сильные элементы, не только однодворцы, но и соседние помещики, сосредоточили в своих руках большие земельные угодья — по 60, 100 и даже 200 десятин; наоборот, нуждавшиеся крестьяне потеряли, частью или целиком, свои земли; во-вторых, наряду с этой крайней неуравнительностью землевладения, образовалась такая же крайняя чересполосица, которая тяжело отражалась на хозяйственном положении однодворцев, порождая бесконечные судебные споры и мешая тщательной обработке пашни. Владельцы чересполосных земель захватывали друг у друга соседние угодья, постоянно сталкивались между собою по вопросу о границах своих владений и за отсутствием специального межевания запутывались в безнадежных попытках отгородиться точными и общепризнанными межами.

Положение осложнялось растущим малоземельем, которое придавало особенно острый характер разгоревшимся пограничным спорам. Нигде развернувшаяся борьба за землю не принимала такого напряженного характера, как здесь, на плодородном, высоко ценившемся черноземе, на территории перенаселенной хлебной Курской губернии. Именно здесь в течение многих десятилетий происходили беззастенчивые захваты государственной земли со стороны помещиков; именно тут дворянин-землевладелец всеми возможными мерами — и подкупом местных чиновников, и средствами открытого насилия — беспощадно грабил и душил казенного крестьянина. Это расхищение государственных земель привело к сильному сокращению крестьянских угодий. Распределение земель в Курской губернии, по данным ревизии 1835—1840 годов, было таково [1]:

Категории земель	Число ревизских душ владельцев	Число десятин пашни, сенокоса и усадеб	На ревизскую душу	Всего десятин (с лесом и неудобными землями)	На ревизскую душу
1. Казенные или общественные	87 264	344 728	3.9	422 460	4.84
2. Особняки крепостные и заимочные	12 776	54 817	4.2	70 537	5.52
3. Чересполосные крепостные и заимочные . . .	235 556	936 478	3.9	1 167 228	4.9
Итого	335 596	1 336 023	3.9	1 660 225	4.9

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26425, ч. I.

Таким образом, 96 процентов учтенного государственного крестьянства имело в среднем по 3.9 десятин пашенной, сенокосной и усадебной земли на душу, а за вычетом усадеб и сенокоса не более 1 десятины в каждом из трех полей. При этом 235 556 ревизских душ, т. е. 70 процентов земледельческого населения, владели этими явно недостаточными угодьями чересполосно, постоянно сталкиваясь с соседями — помещиками и зажиточными однодворцами и живя под постоянной угрозой новых неминуемых захватов. Однако приводимые средние цифры еще не отражают действительного положения вещей: они не вскрывают неравномерности землевладения в пределах каждого уезда, волости и селения и, следовательно, затушевывают внутренние противоречия, возникавшие по земельному вопросу в среде курского крестьянства. Насколько в действительности острее стояла аграрная проблема, показывают следующие факты. В селении Медвенке Обоянского уезда состояло 1409 ревизских душ (330 дворов или 704 тягла), которые располагали земельной площадью в 2240½ десятин; из них 53 десятины находились под усадьбами, 180 десятин — под яругами и оврагами (они использовались под пастбища), а 303 десятины были неудобными для земледелия; сенокосами было занято 293½ десятины, под пашнею состояло 1411 десятин, т. е. по 470⅓ десятин в каждом клину. Следовательно, на каждую ревизскую душу приходилось всего навсего по 1.2 десятины пашни и сенокоса.

На основании вычислений ревизора, для обеспечения прожиточного минимума (исходя из нормы 6 десятин пашни и 2 десятины сенокоса на тягло) медвенским крестьянам нехватало 3875 десятин; другими словами, их наличный надел оказывался ниже нормального более, чем в 3 раза [1]. Таково было положение на казенных или общественных землях, время от времени подвергавшихся уравнительным переделам.

Гораздо тяжелее было положение на четвертных, особенно чересполосных, землях, где уравнительных переделов не происходило и земля быстро уплывала из рук бедной части однодворческого крестьянства.

По данным ревизии, из 81 952 крестьянских семейств, состоявших в казенных селениях Курской губернии, 3895, т.-е. около 5 процентов, было неоседлых, т.-е. не имело земли и собственного домашнего обзаведения; эти «неоседлые» крестьяне, которые в огромном большинстве должны были выйти из среды «четвертных» владельцев, обыкновенно жили на стороне или в городах, батрача или занимаясь мелкими промыслами.

Местные суды были завалены земельными тяжбами. Разобраться в запутанных границах чересполосных владений, часто при отсутствии юридических документов, было исключительно трудно. Но судьи и не

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26123, лл. 56—57.

пытались разрешать эти головоломные споры в интересах обиженной правой стороны. Отмечая «сутяжничество» курских казенных крестьян, ревизор констатировал, что строгого рассмотрения доказательств обычно не бывает,— решают дело «происки противника, опытного и предусмотрительного», которые кончаются для крестьянина проигрышем тяжбы. «Подобных дел,— заключает ревизор,— лишающих несправедливо собственности поселян и прекращающихся собственно по несоблюдению обрядов судопроизводства, в особенности с помещиками, весьма много» [1].

Чтобы «привести в порядок» запутанное крестьянское землевладение, требовалось произвести специальное межевание. Но полюбовное межевание было неосуществимо в силу непримиримого антагонизма между помещиками и однодворцами. Помещики требовали признания их права на купленные и захваченные земли, настаивая, чтобы в основу межевания были положены не крепостные документы, а фактическое владение; наоборот, однодворцы ссылались на свои жалованные грамоты и купчие крепости и, оспаривая законность последующих неоформленных сделок, предпочитали существующую чересполосицу окончательной потере спорных участков. Требовалось принудительное вмешательство государственной власти, но она в нерешительности останавливалась между настойчивыми притязаниями помещиков и перспективой разорения обедневших однодворцев. Санкционировать произведенные захваты значило потерять сотни тысяч плательщиков и до-нельзя обострить существующие классовые противоречия [2].

Чтобы вывести беднеющих однодворцев из условий прогрессирующего малоземелья, можно было использовать мирские оброчные земли, которые составляли в Курской губернии многие тысячи десятин. Здесь были пашенные и сенокосные угодья, луга и прилужины, нетронутые степи, «парины» и жнивья, выгоны и отавы. Но всеми этими землями фактически распоряжался не «мир», а деревенские богатеи, которые заключали скрытые и темные сделки с городскими купцами и богатыми однодворцами [3]. Крестьяне, нуждавшиеся в земле, могли получить ее только при помощи аренды, и они предпочитали этот путь, стараясь удержаться на положении самостоятельных земледельцев. Малоземельные медвенские крестьяне держались почти исключительно такой арендой, платя за озимые десятины по 15—18 рублей, за яровые — по 10—12 рублей в год. Иногда крестьяне бывали вынуждены прибегать к субаренде своих собственных мирских земель. Три волости Корочанского уезда — Погореловская, Коломащовская и Нечаевская — в 1829 году сдали 3 тысячи десятин распашной земли и степи на 10 лет курскому купцу Антимонову за 3500 рублей в год. В контракте было указано, что деньги получены за все время вперед. На самом деле земли было

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26425, т. III, лл. 308—309.

[2] Там же, д. 26425, т. I, лл. 125—129.

[3] Там же, д. 26425, т. III, лл. 3—14, 343—348

4500 десятин, и арендные деньги за нее получены не были: участок считался спорным, и Антимонов взялся хлопотать за него в судебных инстанциях, получив «за протори и харчи» право 10-летнего пользования снятыми угодьями. Эту землю оборотливый арендатор сдавал крестьянам небольшими участками по 10—15 рублей за десятину [1].

Но и земельная аренда не разрешала вопроса об укреплении крестьянского бюджета. Приходилось прибегать к подсобным заработкам, чтобы обеспечить уплату денежных повинностей и покупку необходимых продуктов. Ежегодно около 17 тысяч государственных крестьян уходило в летние месяцы на покос и на уборку хлеба в южные губернии Украины и в Донскую область. За сезон они зарабатывали от 40 до 80 рублей на душу. Некоторые крестьяне занимались грабарством (земляными работами). Многим, как мы видели, давали заработок извозы.

Гораздо меньшее значение имели местные промыслы: в окрестностях Коренной ярмарки — изготовление кушаков, около Старого Оскола — горшечное производство, в Мирополье Суджанского уезда — обработка кожи и шитье сапог. Какое место занимали такие подсобные заработки и какова была классовая природа промысловых занятий, показывает пример того же селения Медвенки Обоянского уезда. В среднем доход от землепашества составлял здесь, по вычислениям ревизора, 12 рублей 30 копеек на ревизскую душу, а денежные повинности составляли 14 рублей 26½ копеек на душу. Дефицит в бюджете покрывался отчасти обработкою арендованных земель, отчасти извозами и земляными работами; 200 крестьян этого села нанимались грабарями к 15 хозяевам, собственным односельчанам, и получали каждый по 40 рублей в год. В противовес этим наемным рабочим выступала зажиточная прослойка деревни; это были не только подрядчики земляных работ, но и другие «хозяева»: 15 человек торговали скотом, рыбой и солью, выручая в среднем по 20 рублей ежегодной прибыли; 6 человек держали постоялые дворы и получали по 100 рублей в год; 5 человек занимались почтовыми подрядами и извлекали из них по 600 рублей дохода; один крестьянин имел в Медвенке завод, производивший сало. В общем на 1409 душ приходилось 67 хозяев и 200 работников — процент промыслового населения сравнительно незначительный и не изменявший земледельческого характера курской государственной деревни [2].

Тем не менее, и здесь мы наблюдаем явственный процесс социального расслоения крестьянства, который подтверждается и личными наблюдениями ревизора. «По неуравнительности состояния между казенными поселянами,— говорится в отчете,— богатые из них усугубляют положение беднейших из своих собратий, давая им в крайних случаях

[1] ЦАНХ, ф. V О., т. III, д. 26425, лл. 343—348.
[2] Там же, д. 26423, лл. 56—57.

деньги под залог засеянных полей, скота и прочего имущества с получением за сие ростов, законом недозволенных» [1].

Ростовщические операции мелкой крестьянской буржуазии были характерным явлением и здесь, в земледельческом черноземном районе. Подавляющая масса крестьян не могла справиться с выполнением государственных повинностей — Курская губерния была одной из самых недоимочных в Российской империи. Исстари из перенаселенного черноземного центра крестьяне стремились переселиться в обетованные многоземельные губернии.

Такой же, почти исключительно земледельческий характер носили Орловская и Воронежская губернии [2]. Несколько иной тип хозяйственной жизни наблюдался в северо-восточной части центрального черноземного района — на территории Тамбовской, Пензенской и отчасти Рязанской губерний: они служили переходной полосою между промышленным севером и земледельческим югом. Материал ревизии Тамбовской губернии хорошо характеризует особенности этого промежуточного края. Сама природа разделила Тамбовскую губернию на две равные половины: и здесь, и там расстилалось лесостепное пространство, большею частью покрытое черноземной почвой, но север был более лесистым и менее плодородным; вековая обработка земли без применения удобрения больше истощила здесь производительность почвы; зато северные уезды имели важное преимущество — они перерезались судоходными реками волжского бассейна — Окою, Сурою, Мокшею, Цною,— которые служили транзитными путями для перевозки товаров из Астрахани и донских степей на Москву и Елец. Наименее благоприятными для земледелия были крайние северные уезды — Спасский, Елатомский и Темниковский, имевшие иловатые и песчаные почвы. При подготовке ревизии 1836—1840 годов предполагалось, что Тамбовская губерния в противоположность Курской послужит образцом земледельческого района с очень слабым развитием промыслов; ревизия, наоборот, показала, что образцом чисто земледельческой области является Курская губерния, а государственная деревня Тамбовского края характеризуется преобладанием земледелия, но с значительным развитием местной промышленности.

Тамбовские государственные крестьяне, подобно своим курским собратьям, в большинстве были однодворцами: из 327 600 ревизских душ на их долю приходилось 234 343, т.-е. более 70 процентов. Менее значительные прослойки составляли крестьяне экономические, ясачные (мордва и татары), бывшие удельные и др. Природные и исторические условия наложили на тамбовскую государственную деревню такой же характерный отпечаток, какой мы видели в Курской губернии. И на севере, и на юге земледелие играло доминирующую роль в хозяйствен-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26425, т. I, л. 26.

[2] Там же, дд. 26438, 26443.

ной жизни. Черноземные поля давали хорошие урожаи: озимой ржи — сам-8, ярового овса — сам-6. Хлебные излишки и скот, особенно из южных земледельческих уездов, отправлялись по рекам и сухопутным трактам в Москву и Елец. С Моршанской пристани ежегодно вывозилось около двух миллионов кулей хлеба. Земля, как основной источник питания и денежного дохода, была объектом непрерывной борьбы между крестьянами и помещиками. И здесь, в Тамбовской губернии, мы встречаем комбинированную систему землевладения — общинную с периодическими переделами и «четвертную», основанную на индивидуальном праве собственности. Чересполосица и тут сочеталась с малоземельем, тяжело отражаясь на положении государственных крестьян. Но в отличие от Курской губернии тамбовская деревня имела свои особенности и в развитии форм землевладения, и в ходе экономической жизни.

По данным ревизии V Отделения, распределение казенных земель в Тамбовской губернии представляется в следующем виде: [1]

Категории земель	Число ревизских душ владельцев	Число десятин удобной земли	На ревизскую душу	Число десятин всей земли (с неудобной и лесом)	На ревизскую душу
I. Общинные земли:					
а) в единственном владении	234 240	1 034 061	4.42	1 363 218	5.81
б) в чересполосном владении	31 602	189 363	5.99	219 917	6.04
II. Четвертные земли:					
а) в единственном владении	25 134	133 063	5.71	163 881	6.56
б) в чересполосном владении	29 058	147 093	5.06	188 019	6.47
Всего	320 034	1 504 025	4.69	1 935 035	6.04

Сопоставляя эти цифры с соответствующими величинами Курской губернии, мы замечаем в первых значительные особенности. Если в Курской однодворческой деревне решительно преобладало «четвертное право», то в Тамбовской губернии имело перевес уравнительное общинное землевладение: из 320 тысяч зарегистрированных владельческих душ около 266 тысяч пользовались землей на общинных началах: в их распоряжении находилось 1 583 135 десятин, т.-е. более 60 процентов всей земельной площади. С другой стороны, средние размеры крестьянского душевого участка и на общинных, и на четвертных землях были

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 27143, лл. 85—105. Под «чересполосным владением» общинных земель разумеется чересполосица земель казенных и частновладельческих; под «единственным владением» общинных земель — отсутствие такой чересполосицы, не исключавшее чересполосного расположения переделенных клиньев одного и того же селения.

несколько выше в Тамбовской губернии. Выясняя причины этих явлений, мы сталкиваемся с одним чрезвычайно важным фактом: тамбовские однодворцы, которые так же дробили и теряли землю, так же страдали от неравномерного обеспечения землей и от растущего малоземелья, начали переходить от индивидуального землевладения к общинному. В одних случаях они оставляли в наследственном семейном владении основные пахотные угодья, а луга и заполья соединяли и делили «поровну» (т.-е. соответственно количеству душ); в других случаях они соединяли все свои участки — и пашенные, и сенокосные, и лесные — и подвергали их уравнительному переделу. Такая же судьба нередко постигала и земельные участки, которые оставались от крестьян, переселившихся в другие губернии; иногда они передавались родственникам, но иногда поступали в общественный фонд и равномерно распределялись между остающимися. Останавливаясь на этом факте, ревизор не освещает условий, предшествовавших таким переделам и сопровождавших их проведение. Можно предполагать, что подобные переделы были результатом ожесточенной борьбы между различными прослойками однодворческой деревни; только сломив упорное сопротивление собственников-богатеев, разоряющееся большинство могло добиться от мира земельного уравнения.

К сожалению, ревизия не сохранила нам данных о размерах и степени интенсивности этого процесса. Очевидно, он зашел достаточно далеко и при поддержке местных органов власти обеспечил перевес общинной форме землевладения над формой индивидуальной [1]. Такие возвращения назад к патриархальному институту далекого прошлого в условиях нарождающегося капиталистического строя показывают чрезвычайную сложность и зигзагообразность процесса разложения феодальной формации в русской государственной деревне.

Тамбовская губерния меньше пострадала от земельных захватов и сохранила больше казенных земель, чем Курская,— этим были обусловлены и большие размеры среднего душевого участка. Тем не менее, и здесь при неравномерном распределении земли общинные наделы и четвертные угодья не обеспечивали прожиточного минимума большинству государственных крестьян. Так же, как в Курской губернии, мирскими оброчными статьями распоряжались мироеды, властвовавшие на крестьянских сходах. По свидетельству ревизора, «крестьяне тех же селений нанимают земли сии по частям, с платою съемщикам суммы, превышающей в несколько раз ту, которая ими самими дана». Но и аренда была недостаточной; малоимущим слоям деревни приходилось изыскивать новые источники дохода, как это делали курские и другие крестьяне. Правда, количество неоседлых семейств, переселившихся в города, батрачивших у богатеев или занимавшихся нищенством, было

[1] Подобное же явление имело место на севере во второй половине XVIII века: В. И. Семевский, Крестьяне в царствование Екатерины II, т. II, 1901, стр. 633—659.

здесь относительно меньше: оно равнялось 1110, т.-е. составляло немного более 1.3 процента деревенского населения. Тем не менее, прожить одним хлебопашеством не могли даже южные, чисто земледельческие уезды — Усманский, Борисоглебский и Кирсановский. Несравнимо тяжелее было положение крестьян северных, менее плодородных районов. По свидетельству тамбовского ревизора, «положение малоземельных крестьян северного края столь стеснено, что самое внимательное исследование их средств не может указать на источники верной уплаты податей». В таком положении было 14 тысяч душ, остро нуждавшихся в подсобном заработке.

Массовый отход на летние полевые работы, преимущественно в донские степи, был наиболее простой и распространенной формой такого заработка. Уходившие на весь летний сезон могли заработать от 80 до 100 рублей; уходившие только на покос выручали от 40 до 60 рублей. В Шацком уезде отлучались на земляные работы, нанимаясь по казенным урочным ценам в ведомство путей сообщения. Повсеместно были распространены извозы, которыми можно было заниматься, не отрываясь от хлебопашества, в зимнее время года или летом — на небольшие расстояния. Под самым Тамбовом такие извозы давали по 1 рублю в день. Под Спасском крестьяне, преимущественно Голышевской волости, верст за 15 возили в город дрова по 5 рублей за четырехаршинную кубическую сажень; одноконная подвода давала в таких случаях 50 копеек в день. В Темниковском уезде поставляли казенный лес на пристани реки Мокши, подряжаясь купцам по 30—35 копеек за бревно; одна деревня Такушева вывозила ежегодно не менее 3 тысяч бревен. В Мариинском уезде подвозили к пристаням хлеб; зимою рабочий с лошадью выручал от этого промысла до 1 рубля 50 копеек в день, весной перед сплавом наемные цены повышались до 2—3 рублей с лошади. В этот горячий период в Моршанск стекались десятки тысяч людей; одних государственных крестьян приходило до 20 тысяч человек — и конных, и пешних. Хлебное зерно ссыпалось в кули и отвозилось на мельницы; мука из лабазов и бунтов свозилась к берегам и нагружалась на речные барки. Даже пешие крестьяне могли легко заработать в такое время от 80 копеек до 1 рубля 20 копеек в день.

Гораздо сложнее были организованы дальние извозы, преимущественно в Москву и в Астрахань,— они требовали предварительной затраты денежных средств и были сопряжены с некоторым риском: возвращавшийся порожняком мог проесть в дороге весь свой заработок. Как правило, дальние поездки были доступны более состоятельным хозяевам; такими извозами в качестве постоянного промысла занимались многолошадные крестьяне, выставлявшие по нескольку подвод сразу. Обыкновенно извозчик отправлялся в путь на 4—5 лошадях, нагружая по 30 пудов на подводу; поездка в Москву отнимала от 8 до 10 дней и давала от 80 копеек до 1 рубля с пуда; в дороге извозчик издерживал на себя и на лошадей по 5 рублей в день. Выезжавший с

4 подводами зарабатывал 100—150 рублей и привозил домой чистый доход в 50 рублей; делавший 3 зимних и 2 летних поездки приобретал таким путем 200—250 рублей. Поездки до Астрахани были более выгодными: за 20 дней пути крестьянину платили по 20—30 рублей с пуда, и он выручал с лошади по 35—40 рублей прибыли; но здесь было больше риска — можно было не подрядиться в обратную дорогу на перевозку товаров. Если из Астрахани в Москву была большая отправка рыбы и шелка, тамбовские крестьяне порожняком отправлялись к низовьям Волги и нанимались оттуда прямо до Москвы; за 50 дней пути можно было заработать от 150 до 200 рублей. Самый высокий заработок извозчика с 5 лошадьми достигал 645 рублей.

Из других промыслов наиболее близким к извозам была вольная ямская гоньба, особенно развитая в уездах Тамбовском и Моршанском. Около Тамбова подводчик с парою лошадей получал в год 350 рублей; на расходы — на телегу, сани, сбрую, на корм и ковку лошадей — он издерживал 290 рублей; таким образом, ему очищалось 60 рублей. В хозяйственно развитом Моршанском уезде этот промысел давал больше: имевший тройку лошадей, за покрытием всех издержек, выручал 250 рублей в год.

Многие нуждавшиеся крестьяне, не имевшие свободных лошадей и перевозочного инвентаря, предпочитали наниматься на прогон гуртов скота; на хозяйских харчах, имея собственную одежду, такие гуртовщики получали от 60 до 100 рублей в год. Разорившиеся и малоземельные крестьяне нередко сдавали в аренду свои ничтожные наделы и, ликвидируя собственное хозяйство, соединяли земледельческий отход с прогоном гуртов: они выселялись в степи, летом нанимались в батраки к помещикам и зажиточным крестьянам, а после уборки хлеба гнали скот к пристаням и крупным торговым центрам; такие комбинированные заработки обеспечивали им по 100—150 рублей на семейство.

Очень распространенным промыслом тамбовского государственного крестьянства было обслуживание местного и дальнего судоходства. Наем бурлаков производился в Темниковском и особенно Моршанском уездах, на берегах рек Мокши, Суры и Цны. Более выгодной была работа на Цне, где раньше открывалась навигация и был короче путь на перевалочные склады в Рыбинск. Темниковские бурлаки тянули бечевой груженые барки на протяжении 200 верст; итти приходилось в распутицу, тише обыкновенного, и тратить на путь 7 суток; на хозяйских харчах бурлаки зарабатывали по 20—25 рублей; из Рыбинска они возвращались частью лодками до Нижнего-Новгорода, а остальной путь пешком по двухсотверстному тракту; приходили обычно к Петрову дню (29 июня), а иногда позже — к «Казанской» (8 июля). Бурлачившие по реке Суре тратили на отход больше времени: 8 дней они шли пешком до Пензы, затем на барках спускались до Васильсурска и оттуда шли бечевой до Рыбинска, зарабатывая на хозяйском продовольствии по 25—30 рублей. Наименее выгодным было бурлачество на реке Мок-

ше: крестьяне садились на барки в селении Пурдышах и шли бечевою до Нижнего-Новгорода по берегам Мокши и Оки, получая по 20 рублей за всю дорогу; здесь промысел был значительно легче, так как сплав начинался позднее, после спада полой воды. Нанимавшиеся в Моршанске артели получали по 50 рублей, но половину тратили на продовольствие. Заключавшие индивидуальные договоры обыкновенно бывали сильнее и крепче; их работа ценилась выше — от 65 до 75 рублей, и за вычетом расходов на продовольствие они очищали от 30 до 50 рублей. Многие крестьяне, покончив со сплавом, не возвращались домой, а прямо уходили в степи наниматься на полевые работы. В Лебедянском уезде барки сплавляли по Дону до Ростова и выручали рублей по 25.

Значительно лучше обеспечивалась квалифицированная работа лоцманов и водоливов, участвовавших в сплаве барок: они получали с барки от 250 до 300 рублей; но таких мастеров, хорошо знавших фарватер, требовалось сравнительно немного, и этот промысел не мог быть распространенным. Кроме того, судоходство предъявляло спрос на пильщиков и плотников, строивших речные барки. Этим сезонным промыслом, продолжавшимся около 3 летних месяцев, занимались государственные крестьяне лесного Елатомского уезда. Для постройки каждой барки требовалось 12 пильщиков, 15 плотников и под конец, в продолжение 5 дней, 90 человек на «сворочаны» и спуск каждого судна. За вычетом расходов на продовольствие и инструменты хороший работник мог получить на этом промысле до 150 рублей.

Но этими наиболее доступными и простыми работами не ограничивались промыслы тамбовского государственного крестьянства. В отличие от чисто земледельческой Курской губернии, здесь существовали и местные мелкие промыслы, в подавляющем большинстве случаев сочетавшиеся с земледелием и безотлучною жизнью в деревне. В лесистых районах Спасского и Темниковского уездов крестьяне выделывали мочала и рогожи, драли лыки, изготовляли решета, колеса, телеги, дровни, лопаты, гнали смолу и деготь, добывали уголь, золу и поташ. Большею частью занимались этими промыслами самостоятельно, с членами семьи, сбывая выделанные продукты на ближайших базарах и ярмарках. Такова была, например, гонка смолы, которою занимались обыкновенно старики: они выправляли билеты на право промысла в соседней казенной даче, осенью заготовляли «смолье» (сухие пни), а летом, с мая до конца июня, производили в одиночку основные процессы работы. В продолжение 2 месяцев работающий мог выгнать до 15 пудов, которые сбывались от 1 рубля 50 копеек до 2 рублей, т.-е. давали доход в 22—30 рублей без большой затраты трудовой энергии. Примером более сложного производства может служить выделка мочал и рогож: в июне крестьянская семья рубила липы, толщиною от 4 до 6 вершков, и сдирала с них кору, которая вымачивалась в местных прудах и озерах в течение 2 месяцев. С неделю кору сушили на открытом ме-

сте, затем перевозили домой, вывешивали на шестах и разбирали на мочальные нитки по 6 аршин длины. Четыре липы средней величины давали с пуд мочалы, которая продавалась на рынке по 1 рублю 20 копеек. Для производства рогож ставили в избах ткацкие станы, лучшие мочальные нитки заправляли в основу, а худшие — на уток. Для тканья требовалось 3 работника: один подготовлял основу и пропускал уток, другой забивал, третий поднимал берда. Обыкновенно бывал и четвертый работник, который из вытканных рогож шил кули. Из пуда мочалы выходило 5 кулей; четверо работников за неделю могли сработать 100 кулей, которые продавались по 30—50 копеек, а иногда по 80 копеек. При самостоятельной организации производства, крестьянское семейство могло заработать в неделю 26 рублей. Если крестьянин нанимал в помощь работников, то уплачивал им по 6—8 рублей за сотню кулей. Этим промыслом широко занимались крестьяне Гоголевоборской волости Спасского уезда, которые ежегодно сбывали на рынок около 125 тысяч кулей.

В некоторых промыслах этого лесного типа требовались предварительные денежные затраты, которые не всегда были под силу среднему крестьянину: чтобы изготовить колеса, надо было купить ободья, ступицы и спицы; чтобы сколотить телегу, необходимо было иметь ободья, дуги, дубки и гвозди; для производства дуг приходилось ехать в соседние губернии за ивами и тратиться на их перевозку. В таких промыслах организаторами производства выступали зажиточные крестьяне, нанимавшие работников или раздававшие материал мелким производителям. В подобных случаях производство приобретало капиталистический характер и способствовало росту мелкой крестьянской буржуазии.

Такое же сочетание самостоятельного производства на рынок с ростом капиталистической кооперации, а иногда и зачатками капиталистической мануфактуры, представляли собою производства — сапожное, войлочное, кожевенное и клейное. И здесь нужны были некоторые предварительные затраты, и тут отдельные оборотливые ремесленники становились скупщиками и хозяевами, которые расширяли производство за счет наемной или закабаляемой рабочей силы. Иногда подобными промыслами были заняты целые деревни: в селе Хомутовке Спасского уезда почти каждый крестьянский двор имел по одному или более чанов, в которых выделывались кожи; предварительные затраты на сырую кожу, золу, кору, масло и деготь составляли 5 рублей 52 копейки; в чан помещалось до 50 кож, а в год совершалось 3 оборота, следовательно, ежегодно выделывалось 150 кож, которые продавались по 8 рублей и давали около 350 рублей чистого дохода. В том же селе некоторые крестьяне выделывали клей: мерзлу они получали в кредит от скупщиков по 2 рубля 20 копеек — 2 рубля 50 копеек за пуд, и из каждого пуда производили от 18 до 20 фунтов клея; рыночная цена клея была 12 рублей за пуд, но кредиторы-скупщики платили производителям не более 8 рублей за работу. В течение года крестьяне могли за-

работать на этом промысле 240 рублей в год. В войлочном промысле каждый самостоятельный валяльщик выручал 2 рубля в день, а наемный рабочий — вдвое меньше.

Наем рабочих из среды государственных крестьян практиковался не только в мочальных, кожевенных и войлочных предприятиях: в казенных селениях Тамбовской губернии действовали кирпичные, чугунно-плавильные и железоделательные заводы, крупорушки и одна суконная фабрика «Лион». Крестьяне поступали рабочими на эти предприятия и получали большею частью сдельную плату. Работа «на крупяных машинах» в Моршанском уезде носила сезонный характер, продолжаясь от 6 декабря до 25 марта; за это время квалифицированный мастер мог заработать от 160 до 200 рублей, подмастерье — 70—100 рублей, работники, обделывавшие крупу,— от 35 до 50 рублей и разносившие крупу — от 25 до 30 рублей. Много рабочих рук занимали чугунноплавильные и железоделательные заводы Баташевых — Еремшинский, Мердушинский, Вознесенский, сосредоточенные в Темниковском уезде. Подвозом руды, угля и дров здесь было занято в зимние месяцы 1000 человек в день; за возку руды они получали по 25—30 копеек с пуда, за возку угля и дров по 1 рублю в день на своем продовольствии. Существовали волости, которые совершенно забрасывали хлебопашество и целиком посвящали себя промышленности. Такова была Градская волость Козловского уезда, которая имела в составе своего населения мастеров различных специальностей: кузнецов, каменщиков, кирпичников, печников, столяров, колесников и сапожников. Из них 63 человека были самостоятельными хозяевами (в том числе 20 кирпичных заводчиков) и 416 человек — наемными работниками.

Вдумываясь в этот обзор местных промыслов тамбовских государственных крестьян, мы имеем право сделать следующие выводы. По степени развития внеземледельческого труда, тамбовская государственная деревня значительно превосходила не только Курскую, но и Псковскую, занимая промежуточное положение между московским индустриальным районом и черноземно-земледельческим югом. Имея в виду, что земледелие, даже при хорошем урожае, давало тамбовскому крестьянину от 13 до 15 рублей чистого дохода на десятину, надо признать, что промысловые занятия играли крупную роль в крестьянском бюджете этой черноземной земледельческой губернии. Промышленность была настолько развита, что наряду с самостоятельным производством, обслуживавшим рынок, сложились разнообразные формы капиталистической эксплоатации рабочей силы — и простая капиталистическая кооперация, и мануфактура, и даже фабрика [1].

В этих условиях не могло не обнаружиться резкого расслоения среди крестьян, выделявших из своей среды, с одной стороны, мелкую деревенскую буржуазию, с другой стороны,— массу «неоседлых» произво-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26427, лл. 6—18.

дителей, вынужденных продавать свою рабочую силу. Наличие богатеев-предпринимателей в государственных селениях Тамбовской губернии широко подтверждается материалами ревизии: это не только скупщики и обладатели мелких мастерских, это торговцы скотом, хлебом, мерлушками и щепными товарами, подрядчики, организаторы дальних извозов, содержатели постоялых дворов, съемщики опустелых наделов, которые одновременно эксплоатируют крестьян как сельскохозяйственных батраков, как промышленных рабочих и как должников, закабаленных ростовщическими ссудами [1]. Процесс разложения феодальной формации и развития капиталистических отношений, который с такой силою обнаруживался в недрах московской государственной деревни, проникал и в черноземно-земледельческие районы.

В этом отношении к Тамбовской губернии больше всего приближалась губерния Пензенская: в ней земледелие оставалось господствующим занятием населения, но земледелие не могло обеспечить крестьянину прожиточного минимума. Отсюда — широкое развитие земледельческого и промыслового отхода. Особенно важную роль в жизни пензенских государственных крестьян играли многочисленные винокуренные заводы, разбросанные в разных уездах. По заключению пензенского ревизора, «работы на винокуренных заводах суть одни, которые поддерживают казенных крестьян. Без них казенный крестьянин, не имеющий ни довольно земли, ни других угодий, не мог бы существовать» [2]

12. Нижнее Поволжье

Своеобразный край представляло собою Нижнее Поволжье, именно та его часть, которая входила в состав обширной, раскинутой по обоим берегам Волги, Саратовской губернии. Северо-западная нагорная половина этого края была продолжением черноземной лесостепи, юго-восточная луговая — занимала обширное, редко заселенное степное пространство. Обладая сухим и теплым климатом, имея плодородную, большею частью черноземную, почву, Саратовская губерния позднее внутренних районов России была заселена оседлым земледельческим населением. Ее почва еще не была истощена многовековой обработкой и сохраняла в себе огромную производительную силу. Изобилие земель, богатство степной флоры и фауны, высокие урожаи — привлекали сюда потоки переселенцев из внутренних губерний империи. Кроме того, здесь проходила могучая водная артерия, которая с давних времен служила транзитным путем между Западом и Востоком. Эти природные и исторические условия объясняют сравнительное богатство Саратовского края, несмотря на некоторые присущие ему неблагоприятные

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 27143, лл. 85—105.

[2] Там же, д. 26485 (7), лл. 30—31; ЖМГИ, 1842, № 1, стр. 3; 1841, № 2, стр. 398.

особенности, например, недостаток леса и воды в малонаселенном степном Заволжье.

Саратовская губерния играла роль огромного колонизационного фонда, куда непрерывно направлялись переселенцы из 19 губерний Российской империи. Но у нее было и свое коренное, давнее земледельческое население, состоявшее частью из однодворцев, частью из татар и мордвы. Хлебопашество, так же как в Курской губернии, играло здесь доминирующую, почти исключительную роль в экономической жизни. На запад от Волги были развиты те же сельскохозяйственные культуры, какие существовали в черноземном центре: рожь и пшеница, ячмень и овес, просо и конопля; в Заволжье разводилась прекрасная по качеству пшеница белотурка, которая давала баснословные урожаи — по 100 пудов с десятины, т.-е. на одно посеянное зерно — 14 зерен. Земля обрабатывалась здесь украинскими и немецкими плугами, впряженными в 3—4 пары волов; хлеб убирался серпами и косами; молотьба производилась примитивным способом посредством лошадей, связанных поводами и гоняемых на току. Быстрое поспевание хлебов и богатые урожаи приводили к острому недостатку рабочих рук, который восполнялся земледельческим отходом из прилегающих и дальних губерний. Крестьяне — симбирские, тамбовские, пензенские, нижегородские, рязанские — нанимались на уборку саратовского хлеба артелями и в одиночку. За жнитво артели получали по 8 рублей с десятины, поденные батраки — по 1 рублю — 1 рублю 20 копеек за день. По наблюдениям современников, половина крестьян Пензенской губернии кормилась саратовскими земледельческими заработками. Наряду с полевыми культурами процветало огородничество и садоводство: саратовские огурцы, арбузы и дыни тоже выделялись своими высокими качествами. Однако время от времени эту плодородную, изобильную губернию постигали неурожаи — результаты юго-восточной засухи, порождаемой соседством с азиатскими степями и пустынями. Это несчастье поражало не только местное государственное крестьянство; оно болезненно отзывалось на бюджете пришлой рабочей массы, которая не находила себе обычного сезонного заработка и, проевши свои скудные запасы, без денег и пищи возвращалась в родные села.

В нагорной половине Саратовской губернии, разделявшей особенности центрального черноземного района, существовала трехпольная система хозяйства. Совершенно иной характер носило использование земли в степном Заволжье. Там, где было особенное изобилие нетронутых плодородных пространств, угодья государственных крестьян, не считая усадеб, делились на три основные части: непременный выпуск вокруг селения — толоку — для пастьбы скота и участки, занятые пашней и сенокосом. Каждый крестьянин имел право выехать в незанятое поле и запахать любой участок в любом количестве; на следующий год тот же хозяин мог снять с захваченного участка очередной урожай сена. После двухлетнего использования земля опять становилась обществен-

ным достоянием и снова зарастала травой. В определенный день назначалась мирская «косьба на захват»: все крестьяне с любым количеством работников на заре выезжали на эти невспаханные угодья и каждый косил столько, сколько хотел и мог накосить. Такая же «косьба на захват» практиковалась на заливных лугах, по берегам Волги и ее притоков. Только в тех случаях, когда использованная пашня без всякой обработки и посева давала новый урожай, старый хозяин мог собрать взошедшую «падалицу» (от прошлогодних упавших зерен) или «пропадалицу» (от зерен позапрошлого года). В таких случаях срок пользования захваченным полевым участком удлинялся до 3—4 лет. Выпуск и толока оставались в пользовании всей общины.

Там, где девственных земель было меньше, переложная система получала иную форму: незанятая пашня, подобно луговым сенокосам, делилась на отдельные участки и распределялась по жребию между всеми крестьянами; при этом бедные хозяева, не имевшие возможности по тем или иным причинам вести самостоятельное хлебопашество, имели право сдать полученные участки желающим односельчанам. После использования земли забрасывались и снова вводились в ежегодные разделы.

Нагорная половина губернии уже давно не знала такой первобытной системы: здесь в результате давней и сравнительно плотной населенности уже чувствовался недостаток земель, практиковались общинные переделы и наблюдалось то же явление, какое господствовало в центральных районах России — крайняя неравномерность земельных наделов. Например, в Саратовском и Камышинском уездах крестьяне имели от 3 до 15 десятин на ревизскую душу, а чаще всего — от 6 до 9 десятин. Однодворцы, так же как в Курской и Тамбовской губерниях, частично владели землею на четвертном праве; являясь объектом товарного оборота, четвертная земля уходила из рук бедного населения, и в некоторых местах ощущалось острое малоземелье: в Кузнецком уезде насчитывалось 26 селений, которые нуждались в переселении значительной части крестьян; в Хвалынском уезде таких селений было 21, в Петровском — 10 [1].

Благодаря обилию хлеба и наличию прекрасных водных путей Саратовская губерния была втянута в широкие торговые связи. Волга соединяла ее с четырьмя морями, способствовала ее сношениям с обеими столицами, с Нижегородскою ярмаркою и с азиатскими странами. У берегов великой реки существовали крупные ссыпные пункты — в Саратове, Камышине, Царицыне, Дубовке, Екатериштадте, Балакове и на других пристанях: сюда свозили огромные партии убранного хлеба,

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26423, лл. 147—150; д. 26433, лл. 119—120. Хозяйственное положение Саратовской губернии. ЖМГИ, 1841, № 2. А. Заблоцкий. Хозяйственные замечания о некоторых губерниях южного края России. ЖМГИ, 1841, № 1. А. Леопольдов. Взгляд на Новоузенский округ Саратовской губернии. ЖМГИ, 1844, № 11; ЖМГИ, 1842, № 1, смесь.

отсюда он отправлялся зерном и мукой на север, в Москву и Петербург, на юг — в Ростов и на Кавказ. Помимо хлеба, земледельческое население, в частности государственные крестьяне, продавали рыбу и скот, покупали лен, коноплю, земледельческие орудия, привозные ткани. На крупной Новоузенской ярмарке крестьяне сбывали башкирам и казахам муку и пшеничную крупу (джарму) в обмен на продукты животноводства — кожи, овчины, сало.

Крестьянские промыслы существовали там, где ощущался недостаток земель, преимущественно в Кузнецком и Петровском уездах: кое-где производили деревянные изделия — телеги, сани, дровни, колеса, дуги и пр., варили поташ и мыло, обрабатывали кожи, выделывали мерлушки. В мордовских селениях было развито пчеловодство. Повсеместно существовали извозы. Во многих деревнях работали мельницы. Однако крестьянская промышленность Саратовской губернии не получила такого развития, какое мы видели в Тамбовской губернии: эта юго-восточная окраина Европейской России оставалась почти исключительно земледельческим районом, а наличие больших и неиспользованных земельных ресурсов надолго обеспечило ей это значение.

Ревизия Саратовской губернии не сохранила нам подробных и точных сведений о степени расслоения государственной деревни. Но разрозненные данные дают нам основание утверждать, что и здесь выделялись зажиточные крестьяне — мелкие предприниматели, торговцы хлебом, скотом и другими сельскохозяйственными продуктами, владельцы постоялых дворов, арендаторы пашенных угодий и пр. И здесь, в противовес имущей верхушке, увеличивалось количество бедных крестьян-недоимщиков, забрасывавших хозяйство и переходивших на положение земледельческих батраков [1].

Малоземельным государственным крестьянам внутренней полосы России Саратовская губерния казалась обетованным раем, который обеспечит им самые благоприятные условия для ведения земледельческого хозяйства. Действительность жестоко разрушала эти иллюзии. Материалы киселевской ревизии подробно знакомят нас с трагическим положением переселенцев, которые попадали в условия богатой природы, но оказывались бессильными и обреченными в обстановке управления крепостной эпохи. Даже те крестьяне, которые получали официальное направление в Саратовскую губернию, не встречали никакого содействия со стороны местной администрации. Начиная с 1831 года, правительство ассигновало на водворение крестьян, переселяющихся в Саратовскую губернию, 632 925 рублей, но когда и как была израсходована эта сумма, Казенная палата не могла дать никакого отчета; делопроизводство по этим расходам велось беспорядочно; секретари Саратовского и Царицынского земских судов были отданы под суд за растрату переселенческих фондов; расписки в получении денег фабри-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26423, т. I, лл. 147—150, 156—157; д. 26485 (6), лл. 8—9.

ковались местными чиновниками; опросы самих переселенцев установили подлоги и присвоения переселенческих сумм служащими Палаты. Участки для водворения долго не отводились. «Крестьянские ходоки» или «садчики» месяцами проживали в Саратове в безуспешных хлопотах об устройстве своих доверителей. Тем временем, переселенцы целыми «караванами» без всякого пристанища ожидали в открытой степи, испытывая разнообразные лишения. «Из людей сих,— утверждал ревизор,— можно утвердительно сказать, не более половины водворяются прочным образом; другие, от невоздержанности, перемены климата и непогод, умирают».

Местные власти не разбирались в хозяйственном положении прибывших партий и не оказывали им никакой помощи живым и мертвым инвентарем. Между тем, как правило, переселялись малоземельные, неимущие элементы деревни, которым нехватало рабочего скота и земледельческих орудий. Даже водворившись на указанных участках, они оказывались не в состоянии справиться с затруднениями на новом, необжитом месте; по словам ревизора, поселения их были «в жалком состоянии», и многие из них продавали за бесценок свое имущество, чтобы сняться с места и попытать счастья в новом обетованном крае, на этот раз под Анапой.

Еще тяжелее было положение «самовольных» переселенцев, которые покидали родные места без разрешения начальства по одним плакатным паспортам или без всяких видов. Они не могли рассчитывать даже на формальное содействие местной администрации и, предоставленные целиком собственным силам, находились под вечной угрозой обратного возвращения и правительственной кары. Выискивая места для поселения, они месяцами, а иногда годами, бродили по Саратовской губернии, переживая все тягости такого кочевого существования. Подобных самовольных переселенцев было зарегистрировано в Саратовской губернии 6550 душ; по заключению ревизора, такое же количество находилось «в безгласности», переходя с места на место без ведома Казенной палаты. Некоторые находили себе место жительства, обзаводились домами и хозяйствами, начинали обрабатывать доставшуюся им плодородную почву, но затем оказывалось, что эта земля чужая, и поселившимся грозит принудительное выселение в старые покинутые губернии. Так было с 800 крестьянами, осевшими на башкирских землях Николаевского уезда и основавшими здесь большую деревню Ивановку, по имени первого поселившегося здесь крестьянина.

Таким образом, природное изобилие не создавало никаких гарантий для государственного крестьянства; отрицательные условия общественно-политического строя брали верх над благоприятными данными — почвой, климатом и широким сбытом продуктов. Даже здесь, среди обширных пространств девственной степи многие государственные крестьяне страдали от малоземелья и из поколения в поколение несли на себе бремя неизбывных многотысячных недоимок. По данным ревизии

V Отделения, саратовская государственная деревня задолжала казне 568 197 рублей; только за короткое время 1836—1837 годов этот долг увеличился на огромную сумму — 142 700 рублей [1].

13. Сибирь

Еще более своеобразный отпечаток лежал на жизни государственных крестьян, раскинутых по необозримым пространствам Западной и Восточной Сибири [2]. Этот богатейший и редко населенный край, состоявший в 1840 году из 4 губерний — Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской — отличался необычайным многообразием природных условий: на севере лежала полярная тундра, южнее простиралась лесная тайга, в средней и южной полосе тянулась лесостепь, вполне отвечавшая требованиям земледельческого хозяйства. Леса еще кишели разнообразными породами зверя, почва земледельческих уездов была плодородной и, несмотря на суровый климат, давала хорошие урожаи; могучие многоводные реки таили в себе огромное количество рыбы; в горных районах имелись ценнейшие ископаемые. При слабой плотности населения сохранялось такое изобилие земель, какого не знала ни одна губерния Европейской России. Начиная с XVI века, Сибирский край играл роль обширной колонии Российской империи: непрерывным потоком сюда направлялись переселенцы и ссыльные; оттесняя коренное население местных национальностей, эти колонисты постепенно осваивали пространства, пригодные для земледелия, проникали в глубину сибирской тайги и выходили на берега Ледовитого океана. Сибирь почти не знала помещичьего землевладения и крепостного права. Ее разнородное многонациональное население было относительно свободнее и независимее, чем в губерниях Европейской России. Тысячами верст отделенное от правительственных центров, закаленное в борьбе с суровой природой, оно проявляло широкую инициативу; пользуясь богатствами окружающей природы, оно умело создать себе лучшие условия существования, чем жители метрополии. Несмотря на крепостнический произвол местной администрации, государственные крестьяне сибирских губерний выгодно выделялись своей относительной хозяйственной обеспеченностью.

В состав сибирского государственного крестьянства входили разнородные элементы: наиболее значительную прослойку составляли старожилы-переселенцы, к которым постепенно присоединялись новоселы, за ними шли оседлые коренные жители разных национальностей, именовавшиеся в казенных документах «оседлыми инородцами», далее — экономические, т.-е. бывшие церковные крестьяне, затем ямщики, однодворцы (потомки военно-служилых людей водворенных в Сибири пол-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26485 (6), лл. 6—8; д. 26433, лл. 1—35.
[2] ЦАНХ, ф. V О., д. 26476 с приложениями.

ков), переселенцы, высланные в Сибирь в зачет рекрутов, и, наконец, крестьяне, перечисленные из состава ссыльнопоселенцев по истечении льготного срока.

Кроме того, правительство причисляло к населению государственных деревень бродячих и кочевых «инородцев», ссыльнопоселенцев, заводских крестьян, приписанных к казенным горным предприятиям, и представителей различных сословий (духовного, купеческого, мещанского и пр.), живших среди государственных крестьян.

Наиболее населенною была Тобольская губерния, самая близкая к Европейской России: по данным ревизии V Отделения здесь жило 274 256 государственных крестьян мужского пола и 297 366 — женского пола. Соответствующие цифры для соседней Томской губернии были — 40 035 мужчин и 40 212 женщин. Всего в Западной Сибири числилось 654 169 государственных крестьян обоего пола. Со включением ссыльнопоселенцев и всех остальных «инородцев» эта цифра поднималась до 892 022 человек. В Енисейской губернии насчитывалось 60 489 государственных крестьян мужского пола и 62 767 — женского пола, а вместе со ссыльнопоселенцами, «инородцами» и людьми разных сословий, обитавших в казенных селениях,— 192 019 человек обоего пола. В Иркутской губернии было зарегистрировано среди государственных крестьян 100 229 мужчин и 99 623 женщины, а вместе с заводскими, ссыльнопоселенцами и местным национальным населением — 445 340 человек обоего пола. Таким образом, Восточная Сибирь мало уступала Западной в отношении количества государственных крестьян. Так как помещичьих крестьян в Сибири почти не было, сибирская деревня почти сплошь была казенною, и государственные крестьяне составляли основную массу населения Сибирского края [1].

Благодаря обилию земель и природным богатствам, переселенческий вопрос не получил в Сибири такой тяжелой постановки, какую он имел на территории Саратовской губернии. На обширных, редко населенных пространствах Сибири переселенцы имели возможность выбрать любые незанятые угодья. Старожилы водворились здесь прочно и крепко. Земельных захватов со стороны помещиков здесь не было. И центральное правительство, и местная администрация были заинтересованы в колонизации огромных пустующих районов. Население государственной деревни прогрессивно росло, особенно по большим торговым трактам.

Разнообразие природных условий обусловило в Сибири большое многообразие хозяйственной жизни. В северной лесной полосе, так же как в европейском Поморье, получила интенсивное развитие охота. Государственные крестьяне занимались «звериными промыслами» — ловили и били пушного зверя: соболей, горностаев, песцов, лисиц, маралов и пр. Несмотря на недостаток пороха и свинца, в Енисейской губернии было зарегистрировано в 1839 году следующее количество пойман-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26476/I-В-1; д. 26476/I приложение Б-3; д. 26476/3-II-А.

ного и убитого зверя: 5388 соболей, 11 951 горностаев, 19 650 песцов, 2 441 лисица, 1 305 лосей, 15 623 козули, 8 779 оленей, 250 530 белок, 1 989 хорьков, 80 794 зайца, 314 выдр, 196 изюбров. В Иркутской губернии в течение года, предшествовавшего ревизии, было продано звериных шкур на сумму 171 675 рублей серебром. Обыкновенно крестьянские охотники сбывали свою добычу богатым скупщикам, которые отправляли пушнину на Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки, в Кяхту и непосредственно в Москву. На реке Лене был распространен беличий промысел: на белку охотились или «около дома», в ближайших лесных угодьях, или «в дальних ухожаях», отправляясь в тайгу с нартами, нагруженными съестными припасами и вещами, с собакою, лыжами, винтовкою, порохом и свинцом. Малоимущие крестьяне промышляли на хозяина и считались «полуюжниками»: одежду и винтовку они имели собственные, все остальное обзаведение получали от предпринимателя, которому отдавали половину своей добычи. В хороший год охотнику удавалось убить до 400 белок. Крестьяне-скупщики кабалили самостоятельных охотников, снабжая их порохом, свинцом, мукою и разными товарами. Еще более ростовщический характер носили сделки «монополистов» с тунгусами: скупщики вносили за них ясак и нередко закупали у них звериные промыслы за 4 года вперед. Широкое распространение имела также охота за дичью, особенно в окрестностях городов [1].

По берегам многоводных сибирских рек государственные крестьяне занимались промысловым рыболовством, сбывая крупными партиями осетров, стерлядей, таймиков, нельму, хирюзу, омулей и т. д. Особенно широкое развитие получила рыбная ловля в Анцыферовской волости, в Туруханском крае Енисейской губернии. Торговый улов составлял здесь 54 741 пуд на сумму 35 169 рублей 49¼ копеек. Скупленную рыбу солили, закупоривали в бочки и осенью отправляли в Енисейск. Другим, не менее крупным центром рыболовства было Байкальское озеро в Иркутской губернии: здесь вылавливалось 295 тысяч пудов на 20 225 рублей 51 копейку серебром, одних омулей ловили до 13 миллионов штук. Рыбу солили и возили распродавать по всей губернии. Из Тобольской и Томской губерний сибирская рыба отправлялась в северное Приуралье. Такой же торговый характер носило крестьянское рыболовство в Красноярском, Канском и Минусинском округах Енисейской губернии [2].

Но основным, господствующим занятием сибирского государственного крестьянства все-таки оставалось земледелие. Сибирь почти не знала измерения и межевания земли, а старые планы были истреблены пожарами или безнадежно устарели в результате лесных расчисток

[1] Кроме архивных дел, указанных в сноске на стр. 422, см. Н. Щукин, О звериных промыслах на реке Лене. ЖМГИ, 1841, № 5.

[2] См. архивные дела, заключающие в себе общие обзоры и указанные в сноске на стр. 422.

и непрерывной колонизации. Количество земли, которым располагали казенные волости, определялось приблизительно. Незанятых земель было много, и государственные крестьяне, так же как в степном Заволжье, захватывали себе любое количество десятин для заведения пашни и кошения сена. «Где захочем, тут и пашем»,— говорили енисейские крестьяне. По сибирскому обычаю, каждая семья становилась неограниченным и полновластным распорядителем захваченного участка. Ценилась не столько земля, сколько труд, приложенный к земле, и всегда находились охотники купить распаханные обработанные участки. Землю обрабатывали непрерывно, лет 10—25 подряд, до истощения почвы, затем забрасывали ее в залежь и захватывали новый участок. На черноземных почвах посевы производились непрерывно в течение многих десятилетий; только время от времени оставляли землю отдохнуть под паром.

Однако там, где население жило плотнее и в землях не чувствовалось прежнего изобилия (например, в Ларихинской волости Ишимского округа Тобольской губернии), происходили периодические переделы земли от ревизии до ревизии, а сенокосы разделялись ежегодно по количеству ревизских душ в каждом семействе.

Чтобы конкретно уяснить себе своеобразные черты крестьянского землевладения Сибири, достаточно привести примеры из подробных волостных описаний киселевской ревизии. В качестве районов, где земли не были измерены, отмежеваны и отведены отдельным селениям, можно взять Парабельскую волость Томской губернии и Кийскую волость Енисейской губернии. Парабельская волость, раскинутая по берегам рек Оби, Кети и Парабели, состояла из 26 сел и деревень с общим народонаселением 1225 крестьян мужского пола. Каждое селение имело площадь земли от 6 до 36 квадратных верст, независимо от числа жителей: например, в деревне Сухининой на 43 ревизских души приходилось примерно 6 квадратных верст, в выселке Аргунском — на 11 душ 20 квадратных верст. Из этого пространства распаханной земли было немного (например, в том же выселке Аргунском — 140 десятин, т.-е. около 13 десятин на душу). Население, особенно в прибрежных селениях, затоплявшихся рекою и имевших превосходные луга, предпочитало развивать скотоводство и по нескольку квадратных верст занимало сенокосами. Пашенные и сенокосные угодья находились в семейно-наследственном пользовании; по мере необходимости, из незанятого пространства каждая семья обрабатывала и расчищала себе дополнительный участок.

Кийская волость, расположенная на Московском тракте, по обеим берегам реки Кии, состояла из большого села Кийского (343 крестьянина и 1087 поселенцев и «ссыльно-дряхлых»), 7 деревень и 1 заимки. В распоряжении волости находилось 300 тысяч десятин земли, в том числе не менее 100 тысяч под хвойным и лиственным лесом. Удобных черноземных угодий насчитывалось приблизительно 37 тысяч десятин.

И здесь обширные пространства оставались незанятыми. Крестьяне брали себе в семейно-наследственное пользование отдельные участки под пашни и сенокосы. Никаких разделов и переделов земли не практиковалось. Лесом крестьяне пользовались тоже свободно и неограниченно.

Несколько иначе складывались условия крестьянского землевладения в немногих районах, где земли были измерены, обмежеваны и распределены по отдельным селениям. Примером такого точного определения количества и качества угодий может служить Семилужная волость Томской губернии, расположенная на Московском тракте. Межевание было произведено здесь в 1837—1838 годах в 12 деревнях с населением в 1470 ревизских душ. В распоряжение крестьян было отведено 35 205 десятин земли, в том числе 27 807 десятин удобной: 9317 десятин пашни, 7850 десятин покосов, 10 474 десятины леса, 166 десятин выгона. Земельные угодья были точно распределены между отдельными деревнями, а в деревнях разверстаны между хозяевами. Средние поселенные наделы на ревизскую душу колебались от 9.8 десятин (в деревне Кудровой) до 29.4 десятин (в деревне Крестининой); в большинстве случаев наделы равнялись 18 десятинам с лишком. Нужно признать, что такие размеры наделов далеко оставляли за собой восточноевропейские, тем более, что земледелие было не единственным и не всегда главным занятием крестьянства: население волости получало большие доходы от извозов и лесных промыслов; в некоторых деревнях (например, в Мало-Кускове, где были даны 23-десятинные наделы) земледелием занимались немногие; в деревне Кузовлевой (с 18-десятинными наделами) средний доход от земледелия равнялся 5 рублям, а от поставки дров — 36 рублям.

Вообще 15-десятинная пропорция была обычной нормой при земельном межевании в Сибири; очень редко она была ниже этой цифры, и только в самых исключительных случаях государственные крестьяне испытывали недостаток в земле — или в силу крайней дальнеполосицы, или в силу особых условий (например, вследствие отобрания земли под заводы у 296 крестьян села Боровлянского Курганского уезда Тобольской губернии).

Наряду с господством переложной системы существовал двухпольный и трехпольный севооборот там, где наделы были точно определены и земель было меньше. Крестьяне сеяли на полях озимую рожь и яровые хлеба — ярицу, пшеницу, ячмень, овес, реже — гречиху, просо и лен. На усадебных участках разводили коноплю и горох. В южных округах Тобольской губернии встречались посевы мака и табака.

Агротехника была примитивною. Как правило, земля не удобрялась; чтобы поднять урожайность, в Енисейской губернии пахали три раза и старались глубже поднять почвенный слой сошниками. Однако в северных районах Тобольской и Томской губерний, где земля была менее плодородной, а в скоте не чувствовалось недостатка, применялось уна-

вожнвание пашни. В качестве земледельческих орудий употреблялись обыкновенная одноконная соха или двухколесная «оранка», запрягавшаяся двумя лошадьми, обыкновенная борона с деревянными или железными зубцами и, наконец, старинная коса-горбуша, которую начал вытеснять более удобный тип косы-литовки. Хлеб молотили цепами или особым валом с набитыми на нем «кулаками», который тянули на току лошади. Пашни были расположены за обширным выгоном, окружавшим селение, отстояли от домов не менее, чем на 1½ версты, а иногда дальше,— до 30 верст, и были беспорядочно разбросаны семейными участками. Урожаи, несмотря на суровые зимы и весенние заморозки, были достаточные: в Западной Сибири средний урожай по 10-летней сложности составлял на озимых полях сам-6, на яровых — сам-4½; в Енисейской губернии урожай был сам-4, сам-5, в Иркутской он колебался от 4 до 8 зерен на посеянное зерно, но в отдельных случаях, на более плодородных и девственных почвах — до 30 зерен. О степени развития земледелия в Западной Сибири, более пригодной для хлебопашества, говорят следующие цифры: в Тобольской губернии перед киселевской ревизией было посеяно 815 465 четвертей, в Томской — 333 862 четверти. Собранный урожай не только удовлетворял потребности крестьянского населения, но повсеместно давал излишек, который служил предметом широкого и оживленного сбыта. Крестьяне продавали хлеб на городских рынках и сельских ярмарках, сбывали его на винокуренные и горные заводы, отправляли на кордонную казачью линию и в казахские степи, сплавляли по рекам в северные лесные и полярные округа, Березовский и Нарымский, в глубину Якутского края. Немало хлеба поглощали золотопромышленные районы. Из Иркутской губернии переправляли хлебные грузы в Китай. И здесь орудовали скупщики из зажиточных государственных крестьян, купцов и мещан; нередко они покупали хлеб на корню и массовыми партиями сбывали его в казну или частным потребителям. Только в Томском округе, где большое количество крестьян уходило на золотые прииски и посевная площадь сократилась за недостатком рук, нехватало собственного хлеба и требовался подвоз из соседних районов.

В тесной связи с земледелием развивалось сибирское скотоводство. Обилие земель, в частности поемных лугов, обусловили широкое распространение этой отрасли крестьянского хозяйства. Были казенные деревни, которые по преимуществу занимались разведением коней, рогатого скота, изюбрей — например, в Парабельской и Семилужной волостях Томской губернии. В хозяйственных описаниях сибирских ревизоров нередко встречаются указания, что крестьяне имеют от 2 до 30 лошадей на каждый двор. В Семилужной волости Томской губернии среднее количество конного и рогатого скота на каждого хозяина (не считая скота мелкого) было следующее: в деревне Воронинои — 11, в Суровой — 15, в Брошкиной и Халдеевой — по 16, в Турунтаевой — 19.

В деревне Каятской Иткульской волости той же губернии эта средняя цифра поднималась до 27 голов. Были хозяева, которые держали целые табуны лошадей. Но и здесь обнаруживалась значительная техническая отсталость: сибирская деревня не знала теплых хлевов, и скот содержался зимою на подножном корму или в открытых загонах. Немало скота погибало и мельчало в результате сибирской язвы. Выращенный скот и продукты животноводства — кожи, масло и сало — сбывались на городских и сельских торгах, поставлялись в казну и на золотые прииски. Из Иркутской губернии гурты скота гнались в Китай; туда же с большою выгодою сбывались засушенные рога изюбрей — по 300 рублей ассигнациями за пару.

Обилие лесов вовлекало сибирских государственных крестьян не только в охоту на пушного зверя и дичь, но и в занятия разнообразными лесными промыслами. Так же, как во внутренних губерниях России, крестьяне рубили, пилили, сплавляли и возили лес, по лесистым берегам рек строили суда, повсеместно жгли уголь, выделывали золу и поташ, производили деревянные изделия — сани, телеги, дровни и пр. Некоторые деревни выручали значительные суммы массовым сбором кедровых орехов.

На все эти лесные товары предъявлялся усиливающийся спрос не только в городских центрах, но и в районах горных заводов и золотых приисков.

И деревня, и город требовали строительных материалов, сельскохозяйственных орудий, предметов одежды, обуви и домашнего обихода. Европейская Россия была далеко, подвоз этих товаров по сухопутным трактам обходился дорого, нужно было создать местную промышленность, преимущественно по обработке сельскохозяйственного сырья для удовлетворения важнейших потребностей сибирского населения. Так возникли разнообразные мелкие промыслы и более значительные промышленные предприятия в государственных деревнях Западной и Восточной Сибири.

Некоторые села, непосредственно связанные с рынком или имевшие соответствующие сырьевые ресурсы, специализировались на различных отраслях производства. В Казачинской волости Енисейской губернии добывали железную руду и тут же на месте производили из нее топоры, косы и гвозди, находившие себе сбыт по всей Восточной Сибири. В Тобольской губернии, в районе льняных посевов, изготовляли на продажу холсты. В Тюменском округе, где было развито овцеводство, ткали ковры. Там, где находились залежи высококачественной глины, развился горшечный промысел, и т. д. Некоторые селения забрасывали сельское хозяйство и целиком отдавались промышленности.

В материалах киселевской ревизии сохранились статистические данные, показывающие степень развития промышленности в государственных деревнях 5 округов Тобольской губернии:

Крестьянские промыслы Тобольской губернии[1]

Название промысла	Число промышленников в округах				
	Курганском	Ялуторовском	Тюменском	Ишимском	Омском
1. Кожевенный и овчинный	82	384	84	85	15
2. Печной	2	—	—	—	—
3. Кирпичный и каменщический	68	181	59	30	23
4. Горшечный	18	30	5	—	—
5. Добыча дегтя и смолы	12	—	471	—	—
6. Добыча и обработка дерева	36	78	2 817	—	—
7. Содержание мельниц	92	469	650	2 562	1 015
8. Маслобойный	21	8	15	—	—
9. Кузнечный и слесарный	298	368	92	230	81
10. Сапожный	47	104	23	—	—
11. Плотничный и пильный	119	569	204	141	133
12. Портновский	19	143	29	—	—
13. Ткацкий	—	—	—	15 040	—
14. Извозы	4	—	1 142	373	60
15. Почтовая гоньба	—	—	—	—	2
16. Изготовление неводов и сетей	—	—	—	—	140
17. Заводы:					
кожевенные	5	3	6	—	—
стеклянные	1	5	1	—	—
скипидарные	—	—	2	—	—
можжевельного масла	—	3	1	—	—
салотопенные	1	2	—	—	—
Итого	825	2 347	5 601	18 461	1 469

Промышленники, показанные в данной таблице, одинаково именуются «хозяевами», но средний доход, который они получают от промысла, далеко неодинаков. Иногда он ничтожен — так, например, тюменские горшечники, по свидетельству ревизора, зарабатывали в среднем 5 рублей в год. Иногда это доход небольшой, соответствующий усилиям самостоятельного мелкого производителя: например, курганские сапожники, по данным ревизора, выручали от промысла 30 рублей, а кузнецы — 50 рублей. Но иногда средняя цифра дохода обнаруживает более крупные размеры предприятия, предполагающие наем рабочей силы: например, кожевенное и овчинное производство давало курганским хозяевам средний доход в 150 рублей, почтовая гоньба в Омском округе — 120 рублей, а содержание заводов в Ялуторовском уезде доставляло промышленникам от 170 рублей до 8 тысяч рублей в год.

Промышленники выходили преимущественно из состава ссыльнопоселенцев, которые зачислялись в государственные крестьяне, но хлебопашеством часто не занимались, а возвращались в Сибири к старому, уже знакомому им промыслу. Если мы сопоставим количество

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26476/4-II-Б-1-1 (1841 года), лл. 18—19, 27—28; д. 26476/4-II-Б-III (1841 года), лл. 2—5. По Березовскому округу данные отсутствуют.

промышленников и численность всего населения в указанных округах Тобольской губернии, то получим следующие процентные отношения [1].

Округа	Количество населения обоего пола	Количество промышленников	Процент промышленников ко всему населению
Курганский	113 849	825	0.72
Ялуторовский	112 944	2 347	2.00
Тюменский	65 118	5 601	8.61
Ишимский	120 785	18 461	15.28
Омский	63 951	1 469	2.29

За исключением Ишимского округа, в котором было широко распространено тканье сукон и грубого полотна, количество промышленников было невелико: сибирская государственная деревня даже в наиболее заселенной и близкой к Европейской России Тобольской губернии оставалась по преимуществу земледельческой; мелкая крестьянская промышленность имела здесь подсобное хозяйственное значение, не определяя собою всего общественного и бытового уклада крестьянской жизни. Только в отдельных сибирских селах крестьянские промыслы приобретали более важную экономическую роль: так было в Томской губернии, в селе Краснореченском (178 домов, 650 ревизских душ), где в промышленность было втянуто 40 процентов мужского населения; в деревнях Тяжинской и Ключевой (88 домов, 359 душ), где эта прослойка составляла 21 процент; в селе Ишимском (53 дома, 204 души) с 20 процентами промышленников и т. д. Но и здесь промыслы были неразрывно связаны с земледелием или заключались в широком развитии извозов. Не следует преувеличивать также итоговые цифры Ишимского округа: средний доход ткачей, которых было подсчитано более 15 тысяч человек, в большинстве случаев давал ничтожные цифры — от 20 копеек до 1 рубля в год; другими словами, перед нами — домашняя промышленность, соединенная с земледелием и очень слабо связанная с рынком [2].

Тем не менее, накануне реформы Киселева сибирская государственная деревня вовсе не была таким глухим, экономически отсталым районом, как можно было подумать. Природные и исторические условия, характерные для этой отдаленной колониальной окраины, втягивали ее в общий поток товарно-денежного оборота и способствовали зарождению капиталистических отношений. Торговля звериными шкурами, кожами, рыбою, хлебом, скотом, маслом и другими товарами связывала сибирских государственных крестьян с местным и отдаленным рынком; развитие крестьянских промыслов подрывало натуральные основы хозяйства; отсутствие крепостного права и сосредоточение на территории Сибири более инициативного и свободного населения помогали этому

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26476/4-II-В, л. 1.

[2] ЦАНХ, ф. V О., д. 26476/4-II-В-III-2-2-5 (приложенные ведомости).

процессу развиваться быстрее и беспрепятственнее. В той же Тобольской губернии насчитывалось 30 ярмарок и 76 крупных базаров; на ярмарочные торги за год перед ревизией было привезено товаров на 1 330 382 рубля и продано на 435 935 рублей. В среднем, в Тобольской губернии (по трехлетней сложности) крестьянами выбиралось 102 торговых свидетельства 3-го разряда и 35 — 4-го разряда на общую сумму 4528 рублей 51 копейка. В Енисейской губернии славились ярмарки в селениях Рыбном и Аманашинском. В Минусинском округе 28 крестьян вели широкую торговлю скотом, которая достигала 70 тысяч рублей серебром оборота. В Туруханском крае в течение всего июня продолжалась большая армарка, на которую съезжались енисейские купцы и мещане обменивать на звериные шкуры хлеб, соль, табак, порох, свинец и мелочные изделия. Действительное количество торговцев из крестьян было значительно больше: только в 5 указанных округах Тобольской губернии ревизор зарегистрировал больше 240 профессиональных торговцев [1].

Торговля, так же как в Европейской России, сильно содействовала развитию извозного промысла, особенно в селениях, расположенных по Московскому и другим сухопутным трактам. В 1836 году через один Иркутск прошло 38 тысяч лошадей; доход Иркутской губернии от извозов составил 230 918 рублей 36 копеек. Извозами одинаково занимались и средние крестьяне, самостоятельно поряжавшиеся на перевозку кладей, и крупные предприниматели из среды крестьян, получавшие доход от 500 рублей до 3 тысяч рублей в год; занимались извозами и деревенские бедняки, которые нанимались в работники к крупным извозопромышленникам [2]. В промышленном селе Краснореченском Томской губернии извозными подрядами и дальними повозами было занято 8 зажиточных крестьян: двое доставляли грузы от Кяхты до Ирбита и обратно; 6 человек обслуживали тракт между Красноярском и Томском; у этих хозяев-капиталистов служило по найму 75 работников.

Расслоение сибирской государственной деревни выступает яркими чертами в материалах киселевской ревизии. Наличие мелкой крестьянской буржуазии и полупролетаризованного крестьянства можно усмотреть не только в извозном промысле. Мы видели, какую крупную роль играли крестьянские скупщики при сбыте звериных шкур, рыбного улова и хлебного урожая. Эти «монополисты» и «мироеды», как правильно характеризует их ревизия, выступали и в роли сельскохозяйственных предпринимателей. Данные об аренде мирских оброчных статей дают нам некоторое представление об этом типе разбогатевшего крестьянина, широко использовавшего сибирские пашни и сенокосы. В Омском округе Тобольской губернии крестьянин Пахомов нанимал 1406 десятин земли, крестьянин Кулаков — 1866 десятин, в том числе 1225 де-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26476/2-II-В (Общие примечания); д. 26476/I-В-1.

[2] ЦАНХ, ф. V О., д. 26476/I, прил. Б-3.

сятин пашни, крестьянин Казанцев — 2277 десятин (из них 1983 десятины пашни), крестьянин Козлов — 2146 десятин, крестьянин Холмогоров в двух разных районах — 3720 десятин (из них 890 десятин сенокосов), крестьянин Рыбин арендовал 3 крупных участка, занимавших 8028 десятин (одна из этих трех оброчных статей заключала в себе 2854 десятины степной пашни). Подобные же сведения мы имеем по Ишимскому округу. Сибирь была богата землей и не знала кабальных форм субаренды: снимая более 8 тысяч десятин земли и уплатив за них 26 рублей, крестьянин Рыбин должен был использовать эту площадь в коммерческих целях. Насколько выгодна была подобная эксплоатация оброчных статей, показывают цены на хлеб и на сено в Иркутской губернии: рожь сбывалась здесь по 3 рубля ассигнациями, а сено — по 2 рубля 50 копеек ассигнациями за пуд. Хозяйственные описания ревизоров зарегистрировали немало сельскохозяйственных батраков, которые нанимались работать к богатым крестьянам. Вследствие расслоения деревни сельское хозяйство Сибири принимало еще более товарный характер и начинало проникаться капиталистическими тенденциями [1].

О степени распространения полупролетарских элементов в сибирской деревне мы имеем некоторые данные по Томской губернии. Здесь, по берегам Оби, Кети и Парабели были расположены 4 многоземельные и плодородные волости, насчитывавшие более 100 поселений и 6300 ревизских душ — Парабельская, Кетская, Николаевская и Богородская. Ревизор характеризовал эти волости как районы, экономически сильные, с обширными, далеко не использованными угодьями, тщательной обработкой пашни, развитием рыбной ловли и судоходства, обилием скота и занятием извозами; крестьяне этих волостей не знали недоимок, отдельные дома были «городской архитектуры», домашнее обзаведение находилось «в хорошем состоянии». Тем не менее, во всех 4 волостях было значительное количество «неоседлых» крестьян, которые не имели собственного хозяйства и жили продажей своей рабочей силы. Распределение этих «неоседлых» по волостям было следующее: [2]

Волости	Число ревизских душ	Число неоседлых ревизских душ	Процент неоседлых
1. Парабельская	1225	165	13.63
2. Кетская	1232	143	11.60
3. Николаевская	1331	166	12.46
4. Богородская	2512	256	10.15

Деревенский полупролетариат находил себе заработок отчасти на месте — в сельском хозяйстве зажиточных крестьян, у извозопромышленников, на речном сплаве, в деревенских промышленных предприя-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26476/4-II-В-III-2-д-6 (Ведомость о казенных пустопорожних землях); д. 26476/3-II-Б-1-2 (Ведомость о промыслах Томской губернии).

[2] ЦАНХ, ф. V О., д. 26476/3-II-Б-2.

тиях и пр., отчасти — в отхожих промыслах. В среднем (по трехлетней сложности) государственным крестьянам выдавалось из казначейств 1578 паспортов в Тобольской губернии и 1026 — в Томской. Кроме того, паспорта выдавались волостными правлениями (количество их не было установлено). Помимо паспортов, в 1840 году в Томской губернии было выдано поселенцам 7897 билетов для работ на золотых приисках. Вообще сибирская золотопромышленность притягивала к себе значительные кадры рабочих из крестьян: в хозяйственных описаниях отдельных селений значатся иногда десятки человек, уходивших на золотые прииски. Очень важно отметить, что этот процесс социального расслоения совершался в районах, одаренных природными богатствами и имевших более благоприятные условия для капиталистического накопления. В этом отношении сибирская окраина, менее скованная крепостническими традициями, обгоняла не одну российскую губернию.

Своеобразные условия, в которые было поставлено сибирское государственное крестьянство, отражались и на бытовой стороне его жизни. Ревизоры единодушно отмечали преимущества сибирских деревень сравнительно с селениями внутренних губерний России. Правда, население здесь было редкое, крестьянские поселки были раскинуты по берегам рек и озер, отстоя друг от друга на десятки и даже на сотни верст. Самые селения большею частью были немноголюдными: например, в Западной Сибири около 70 процентов всех селений имели менее 100 ревизских душ жителей. Но эти селения состояли обыкновенно из бревенчатых поместительных домов, покрытых дранью и имевших нередко «городские фасады». Внутренние помещения делились обыкновенно на «хозяйскую» и «чистую» половины («чистая» — горница для гостей), обогревались правильно устроенными печами и производили впечатление опрятности и удобства. Окна были застеклены или затянуты либо слюдою, либо скотским пузырем. Для освещения употреблялся животный или рыбий жир, иногда растительное масло. В Восточной Сибири вокруг домов находились передний и задний дворы с амбарами, сеновалами, хлевами, огородами, телячьими выгонами. Курные избы были редки, преимущественно в Киренском округе и на реке Ангаре. В Западной Сибири наблюдался большой недостаток в надворных строениях. Зажиточные крестьяне имели, кроме того, летние помещения на заимках, в стороне от селения. Некоторые деревенские дома производили на ревизоров впечатление «роскошных».

Крестьянская одежда была чистой и прочной. Само население деревень привлекало своим гостеприимством, тянулось к грамоте и мало дорожило традиционным православием: годовых праздников не соблюдали, у исповеди и причастия не бывали по 10—20 лет, из церковных служб, если и посещали, то только обедни, к своекорыстному и невежественному духовенству были исполнены презрения и не признавали его авторитета. Местами, особенно среди старожилов, сохранялись крепкие раскольничьи и сектантские гнезда, которые составляли замкну-

тые миры, защищавшие себя от давления сибирской администрации. В районах золотых приисков, где оживленнее бурлила экономическая жизнь, интенсивнее обращались деньги, быстрее и шире совершалось движение людей и товаров, исчезала былая патриархальность; здесь крестьяне усваивали новые, более разнообразные потребности, по словам консервативных ревизоров, «привыкали к роскоши и мотовству», а в качестве приказчиков золотоискателей выступали «молодцы крестьяне», которые «не щадили денег на удовлетворение страстям своим» [1].

Сибирская деревня исправно оплачивала подати и оброки, и если в отдельных округах оказывалась недоимка, то это был результат неправильных начетов или растрат волостного и сельского начальства. Природные богатства и бóльшая самостоятельность обеспечивали середняцкой массе сибирского крестьянства возможность более сносного существования, создавая благоприятные условия для социально-экономического развития.

Но этот вывод нуждается в существенных оговорках. Инициативе и трудолюбию сибирского государственного крестьянина противостояла та же система крепостнического управления, какая существовала на всей территории Российской империи. Мы видели, что в условиях отдаленной сибирской колонии эта узаконенная система грабежа и насилия расцветала особенно пышным цветом [2]. Она давила ростки новой социально-экономической жизни, мешала свободному предпринимательству и накоплению крестьян. «У господ земских чиновников,— писал в своем донесении ревизор Восточной Сибири,— нет ничего святого. Одно корыстолюбие имеет силу всеподавляющую и горе тому, кто честен и не пристрастен к интересам» [3]. С этой системой, тяготевшей над всей страной, были неразрывно связаны произвол волостной и сельской администрации, спаивание деревенского населения, слабое развитие грамотности, техническая и культурная отсталость крестьянства. Природные богатства использовались хищнически, а иногда беспощадно и бессмысленно истреблялись. Ревизоры с грустью говорили об уничтожении сибирских лесов в результате пожаров — от неосторожности звероромышленников, разводящих костры, угольщиков, жгущих угольные кучи, земледельцев, опаляющих участки под поля и покосы. Чтобы собрать кедровые орехи, валили гигантские здоровые деревья; чтобы добыть строевой и дровяной лес, производили беспорядочные порубки, не задумываясь о планомерном восстановлении лесосек. Драгоценные породы пушного зверя истреблялись или загонялись в отдаленные и недоступные районы тайги. Девственную почву ковыряли примитивными орудиями, большею частью не заботясь об экономном сохранении ее производительной силы. Между богатством сибирской природы и дея-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26476/I-В-1; д. 26476/I, приложение Б-3; д. 26476/3-II-А.
[2] См. стр. 305, 351—352, 356—357.
[3] ЦАНХ, ф. V О., д. 26476/2-В-1, л. 134.

тельностью сибирского крестьянства не было необходимого и строго рассчитанного соответствия. Общественно-политический строй крепостной России служил преградой целесообразному использованию широчайших возможностей, которые открывались перед крестьянами-колонистами, попадавшими на нетронутые земли тогдашней Сибири.

14. Правобережная Украина

Если из великорусских оброчных губерний мы перейдем в западные районы — Правобережной Украины, Белоруссии, Литвы и Прибалтики,— мы найдем там совершенно иные условия жизни государственного крестьянства. Казенные имения этих национальных областей, доставшиеся русскому правительству частью от польских, частью от шведских королей, состояли на «хозяйственном положении», т. е. эксплоатировались, главным образом, на основе барщинной системы. При этом каждая область имела свои особенности, коренившиеся в ее природных и экономических условиях. Правобережная Украина включала в себя три губернии — Киевскую, Волынскую и Подольскую. Типичным образцом для выяснения социально-экономической жизни государственных крестьян этого района могут служить казенные имения Подольской губернии.

По своим почвенным, климатическим и гидрографическим условиям Подолия больше всего приближалась к разобранной нами Курской губернии: так же как там, здесь расстилалась лесостепная равнина, покрытая более или менее жирным слоем чернозема. Наиболее плодородными были северные и северо-восточные уезды — Проскуровский, Литинский, Летичевский, Винницкий, Гайсинский. Местами чернозем был смешан с глиною и песком, и только в редких случаях встречались каменистые и глинистые почвы. Так же как Курская губерния, Подольский край отличался теплым, умеренно-континентальным климатом. Наконец, так же как Курская губерния, Подолия не была богата речными судоходными путями: она входила в бассейны Днестра и Буга, но занимала верховья этих рек. Если на Днестре, несмотря на его пороги и мели, поддерживалось движение плотов и галер, то на Буге, с его высокими обрывистыми берегами, мелководье исключало возможность настоящего судоходства. Недоставало Подольской губернии и сухопутных путей сообщения. Северные уезды, примыкавшие к Прикарпатью, были богаты лиственными лесами; юго-восточные уезды, сливавшиеся с Причерноморьем, представляли собою степную полосу. Урожаи хлебов, даже при отсутствии удобрения и при наличии самой примитивной техники, достигали 7—8 зерен. Так же как в Курской губернии, в Подолии почти безраздельно господствовало земледелие при очень слабом развитии обмена и сельских промыслов. К обычным сельскохозяйственным культурам — ржи, пшенице, овсу, ячменю — в южных уездах присоединялись значительные посевы кукурузы.

Населенный украинцами и частично — в южных уездах — молдаванскими крестьянами, этот край находился под сильным влиянием польских помещиков, которые сохраняли в своих руках крупные латифундии и в значительной мере местное управление. Государственные крестьяне составляли здесь относительно небольшой процент земледельческого населения; все они с давних пор сидели на «грунтах» бывших польских коронных имений, и отбывали «панщину» в пользу арендаторов этих казенных угодий.

Юридические основания для хозяйственной эксплоатации государственных имуществ поссессорами были различными. Некоторые, сравнительно немногие, имения были переданы в наследственное пользование на основе «эмфитеутического права», которое ставило временного владельца в положение, близкое к частному собственнику. Гораздо чаще имения были пожалованы различным лицам, состоявшим на государственной службе, сроком на 12 или на 50 лет, под условием уплаты «кварты» (ежегодной арендной платы) или без платежа кварты. Неменьшее количество имений было сдано в аренду с публичных торгов, сроком на 6 или 7 лет. Наконец, были имения, которые по тем или иным причинам не удалось сдать в аренду и которые находились в администрации, т. е. в хозяйственном заведывании назначенных администраторов из числа местных помещиков. Из 85 государственных имений Подольской губернии 40 были пожалованы русским чиновникам и генералам, 34 находились в аренде у польских помещиков и 11 состояли в управлении польских администраторов. Фактически число поссессоров из состава польской аристократии и шляхты было еще больше: обыкновенно представители русского генералитета и бюрократии, получившие арендное пожалование, за определенную сумму переуступали свое право местным польским помещикам, которые являлись фактическими владельцами с формального утверждения Казенной палаты или под маскою управляющих и доверенных. Так, генерал-майор Байков продал право на эксплоатацию Березинским староством дворянину Сераковскому; князь Ипсиланти переуступил владение Цехановским староством за 5300 рублей в год дворянину Барщевскому; действительный статский советник Ган передал непосредственное управление отдельными селениями, полученными от казны, дворянам Хржонстовскому и Сокальскому; действительный тайный советник Татищев распределил Коротиянский и Воронковский фольварки между дворянами Калиновским, Кочеровским, Рожановским и Островским и т. д. Обратные случаи переуступки польскими дворянами права поссессии русским чиновникам (например, дворянином Пещатовским бывшему асессору местной Казенной палаты Гейсману) были единичными и нехарактерными явлениями [1].

Хотя закон боролся с существованием субаренды, фактически она

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26460.

процветала и находила себе опору в действиях Казенной палаты: государственные имения по нескольку раз переходили из рук в руки, и эти коммерческие сделки в той или иной форме находили себе санкцию у местной администрации. Например, граф Холонецкий, владевший на основе эмфитеутического права староством Литинским, переуступил это право дворянину Дрожинскому, а тот снова переуступил его помещику Сарнецкому. Министр финансов не утвердил сделки и предписал отдать имение в администрацию. Подольская Казенная палата искусно вышла из положения, назначив администратором того же Сарнецкого, который в течение 10 лет безотчетно хозяйничал в имении и уплачивал в казну только одну кварту [1]. Староство Вербецкое, насчитывавшее более 1200 государственных крестьян и 2540 десятин земли, было пожаловано на 12 лет генерал-майору Салдану, который продал свое право брестскому помещику Янаковскому; от него имение перешло в руки дворянина Ясинского, а от Ясинского — к дворянину Станкевичу [2]. Таким образом, государственные крестьяне становились объектом коммерческих сделок, в которых крупную роль играли местные польские землевладельцы. Несмотря на руссификаторскую политику, которую проводило в Польше правительство Николая I, оно не нарушало установившегося порядка владения казенными имениями и мирилось с экономическим господством местных польских помещиков на территории государственных угодий. В свою очередь, местные польские землевладельцы иногда пользовались преимуществами такой аграрной политики и привыкали смотреть на государственные имения как на объект крепостнической эксплоатации, мало отличающийся от их собственных наследственных имений.

Результатом подобного положения вещей было систематическое расхищение государственных угодий, которое на глазах у местной подкупленной администрации производили временные поссессоры. Осматривая Думенское и Березинское староства, подольский ревизор должен был констатировать хищническое истребление казенного леса, в первом случае поссессорами Грушковским и Ярощинским, во втором — поссессором Сераковским. Прекрасный строевой дубовый лес в течение многих лет безотчетно и безнаказанно сотнями десятин сводился на винокурни. То же явление наблюдалось в селении Медвежье Ушко Винницкого уезда, где 400 десятин были вырублены владельцем Грохольским на винокурню, на уголь и на продажу в город Винницу [1].

Так же широко и беспрепятственно, с нарушением всех инвентарей и люстраций, распоряжались поссессоры крестьянскими грунтами. В ряде имений количество крестьянских пашен и сенокосов оказалось значительно меньше, чем было показано в инвентарях: в селении Юр-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26460. Описание Литинского уезда, стр. 94—95.

[2] Там же, Описание Летичевского уезда, л. 27.

[3] ЦАНХ, ф. V О., д. 26460. Описание Литинского уезда, лл. 2, 23—24; Описание Винницкого уезда, л. 44.

ченко Летичевского уезда на плане 1813 года значилось за крестьянами более 523 десятин, а в действительности оказалось 243 десятины, остальные земли были отобраны арендатором и присоединены к фольварковым угодьям. В селении Овсянки Литинского уезда за крестьянами формально состояло 446 десятин, а фактически только 270 десятин, остальная земля перешла во владение поссессора. В Буцневском старостве у крестьян было отнято в пользу фольварка около 200 десятин. Сверх того, был произведен систематический обмен земельных участков: поссессор взял себе лучшие, наиболее плодородные, а крестьянам навязал худшие. Такое же явление имело место в селе Пятничане Каменецкого уезда, где фольварком были захвачены все крестьянские сенокосы, в Думенском старостве, где крестьянам были отведены чрезвычайно плохие земли, покрытые зарослями, в Пултовецком старостве, в Мизяковых хуторах, в селениях Белоусовка, Лисец, Дубиново, Неделки и т. д.[1]. Результатом такого произвольного хозяйничанья было острое малоземелье во многих государственных имениях. Очень редко крестьяне могли обрабатывать столько земель, сколько они хотели; такими оазисами были, например, Лукановский и Мечетнянский фольварки Балтского уезда: количество крестьянских грунтов оставалось здесь неизменным, и крестьяне занимали столько участков, сколько могли обработать. Чаще были обратные случаи, когда крестьянам нехватало пашен и особенно сенокосов, так как все сенокосные угодья были «изораны», т. е. обращены в пашни[2]. Средние поселенные наделы в Подольской губернии характеризуются следующей таблицей[3].

Размеры надела в десятинах	Число селений	Число ревизских душ	Процент ревизских душ
I. Менее $^1/_2$	3	510	1.5
II. От $^1/_2$ до 1	26	5 853	17.0
III. » 1 до $1^1/_2$	41	13 739	39.9
IV. » $1^1/_2$ до 2	20	3 471	10.1
V. » 2 до 3	36	7 874	22.9
VI. » 3 до 4	8	1 937	5.6
VII. » 4 до 5	4	865	2.5
VIII. 5 и более	2	189	0.5
Итого	140	34 438	100

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26460, Брацлавский уезд, л. 32; Балтский уезд, лл. 40—41 58; Винницкий уезд, лл. 33—34, 39—42, 88—95, 109; Каменецкий уезд, л. 74; Летичевский уезд, лл. 4, 19, 66; Литинский уезд, лл. 26, 35—36; Ушицкий уезд, лл. 59, 67.

Там же, д. 26460, Балтский уезд, лл. 50, 67—68, 96—97, 153; Брацлавский уезд, л. 12; Винницкий уезд, л. 102; Проскуровский уезд, л. 9; Ушицкий уезд, л. 2 Каменецкий уезд, лл. 47, [illegible].

[3] Составлена на основании описаний отдельных имений в д. 26460.

Таким образом, только 0.5 процента крестьянского населения имело средние наделы, более или менее приближавшиеся к законной 8-десятинной норме; подавляющее большинство селений, охватывавшее 68.5 процента крестьян, не имело и 2 десятин земли на ревизскую душу.

В пределах каждого селения земля распределялась между крестьянами соответственно степени мощности хозяйства, точнее — соответственно количеству живого инвентаря. Мы уже знаем, что подольские крестьяне делились по этому признаку на несколько разрядов: плуговых, почворных, потройных, паровых, поединков и пеших [1]. Имевшие больше скота получали от поссессора и бóльшие земельные наделы. Примером такого обычного наделения может служить Березинское старостве Литинского уезда, имевшее 350 ревизских душ и 737 десятин крестьянской пашни (т. е. в среднем по 2.1 десятин земли на душу) [2]. Ни почворных, ни потройных крестьян здесь не было; оседлых хозяев считалось 102 семьи, и земля распределялась между ними следующим образом:

Разряд хозяев	Количество хозяев	Число десятин у хозяина	Итого
Паровые	10	14 десятин 1959 саженей	133 десятины 831 сажень
Поединки	73	7 десятин 979½ саженей	525 десятин 2394 сажени
Пешие	19	3 десятины 1 689¾ саж.	77 десятин 1884 сажени
Итого	102	—	737 десятин 260 саженей

Так как в среднем каждая семья состояла из 3.43 ревизских душ, то душевой надел парового, т. е. наиболее обеспеченного крестьянина, составлял 4 десятины с саженями, душевой надел поединка — 2 десятины с саженями, а душевой надел пешего не достигал и 1 десятины.

Однако размеры наделов, установленные для разных разрядов крестьян, не были единообразными, они варьировались по отдельным старостве и селениям в зависимости от количества земельных угодий и от числа крестьян разных разрядов. По имеющимся данным, паровые крестьяне получали от 4.5 десятин до 20.5 десятин на семью, поединки — от 2.5 до 11.5 десятин на семью и пешие — от 1 до 10.5 десятин. Размеры семейных наделов плуговых крестьян колебались от 34 до 69 десятин, почворных — от 24 до 39 десятин [3]. Принимая во внимание небольшое количество хозяев высших разрядов, нужно признать, что

---

[1] См. стр. 332.

[2] ЦАНХ, ф. V О., д. 26460, Литинский уезд, л. 6.

[3] ЦАНХ, ф. V О., д. 26460, Литинский уезд, лл. 6, 29, 105, 124, 165; Каменецкий уезд, лл. 4, 22; Ушицкий уезд, л. 77; Ямпольский уезд, л. 6 и описания отдельных имений.

семейные и, следовательно, душевые наделы подольских крестьян, особенно в многодетных семьях, были ничтожными по своим размерам.

Но поссессоры не только обезземеливали подольских крестьян, они обременяли их непосильными, все увеличивавшимися барщинными работами. Как правило, инвентари устанавливали для каждого разряда хозяев определенное количество рабочих дней в продолжение всего года. Единообразной и постоянной нормы для всех государственных имений не существовало; и здесь панщина варьировалась в зависимости от местных условий, точнее говоря, от степени давления поссессора и податливости составлявших инвентари чиновников. Паровые хозяева работали и 150, и 133, и 103, и 93, и 81 день в году, поединки — от 150 до 29 дней, пешие тоже от 150 до 29. К панщине привлекались и «неоседлые» хозяева — халупники и коморники,— которые должны были отбывать меньшее количество барщинных дней — первые от 74 до 26, вторые от 58 до 12. Часто уменьшение панщины возмещалось уплатою чинша или увеличением данин. Так было по инвентарному описанию, но не так было в реальной действительности. Поссессоры фактически исходили не из договорных норм, а из обычных размеров феодальных повинностей, которые преобладали в местных частновладельческих имениях.

Чтобы конкретно представить себе степень эксплоатации государственных крестьян Подольской губернии, можно сопоставить два имения — одно более близкое к норме и более благополучное в экономическом отношении и другое, служившее объектом хищнической эксплоатации со стороны поссессора и доведенное им до состояния разорения. Образцом имений первого типа может служить Брацлавское старостве, расположенное в Брацлавском уезде и насчитывавшее 20 селений, в которых жили 3374 мужчин и 3405 женщин. Имением владел на основе эмфитеутического права тайный советник Козловский, который переуступил свое право в форме доверенности дворянину Рутковскому, а тот, в свою очередь, дворянину Семержинскому, управлявшему имением с помощью 8 экономов. Среди крестьян насчитывалось 1047 семейств, из которых 881 имели грунты пашни и сенокосов и считались оседлыми, 105 — имели только усадьбы, а 61 — не имели ни грунтов, ни усадеб. В распоряжении крестьян состояло 4426 десятин пашни и 901 десятина сенокоса, т. е. в среднем на ревизскую душу по 1.31 десятин пахотной и по 0.26 десятин сенокосной земли. Максимальный душевой надел — 2 десятины 874 сажени имело селение Салечинцы (48 мужчин-22 хозяина), минимальный — 1441½ сажени — селение Голопуповка (111 мужчин-32 хозяина). Пастбищ у крестьян не было, в лесе они испытывали острый недостаток. Владелец расчищал лес, но присоединял эти расчистки к экономической пашне; лес, отпускавшийся крестьянам, он присваивал себе, у некоторых селений отбирал сенокосы, а в других — запрещал пасти крестьянский скот даже на толоках. Во

всех 20 селениях насчитывалось 1924 вола и 387 лошадей, т. е. в среднем по 2.2 головы рабочего скота на каждый крестьянский двор. В некоторых селах — Голопуповка, Шура, Салинцы, Городницы — не было ни одного хозяина, который имел бы пару волов. Из 889 зарегистрированных хозяев числилось всего на всего 128 паровых, 453 поединков и 308 пеших, т. е. вовсе не имевших упряжного скота. В таких условиях крестьяне должны были отбывать разнообразные тяжелые повинности. Согласно инвентарям, каждый хозяин, независимо от наличия скота и от его количества, должен был в течение года отработать 81 день панщины, 12 летних дней и 12 дней шарварков, т. е. всего 105 барщинных дней, в среднем по 2 дня в неделю; кроме того, паровые хозяева должны были вывезти поссессору по 4 фуры, а поединки — по 2 фуры дров. Халупники были освобождены от барщины и по люстрации платили чинш в размере 60 копеек серебром в год; однако асессор Казенной палаты Сокольский перед сдачей имения в 1827 году произвольно отступил от правил люстрации и в составленном инвентаре разделил всех халупников на 6 разрядов в соответствии с размерами огорода; для каждого разряда он установил повышенные нормы чинша — от 93 копеек до 3 рублей 25½ копеек серебром, а всех коморников обложил чиншем в 60 копеек серебром. Сверх панщины и чинша всё оседлые крестьяне обязаны были приносить владельцу мотки пряжи от каждой семьи по 20 пасом в год.

Ревизия показала, что крестьяне Брацлавского староства несли повинности, значительно превосходившие эти инвентарные нормы. Взамен 105 годовых дней Семержинский требовал от паровых хозяев 109 дней и сверх того взамен более легкой и быстрой возки дров — 4 дня работы на пашне; поединки принуждались работать по 107 дней и еще по 2 дня взамен дровяной повинности. В дополнение к инвентарю Семержинский произвольно назначил уроки, не соответствовавшие нормальным рабочим силам: например, для молотьбы хлеба были определены такие большие снопы, что крестьянин мог вымолотить копу хлеба и очистить зерно не в 1 день, а только в 3 дня. Летом, во время жатвы, крестьяне каждую неделю загонялись на сверхурочную панщину; работавших угощали горелкою, а уклонившихся подвергали наказанию. Кроме того, поссессор ввел в обычай посылать крестьян на работы к уездным чиновникам: у бывшего исправника и у заседателя брацлавские крестьяне строили дома, секретарю нижнего земского суда возили дрова, стряпчему возводили на доме крышу. Кроме этих взяток панщиной, экономия раздавала крестьян корчмарям для дворовых услуг под видом сторожевой повинности. Таких же дворовых имели при себе экономии. В общем, размеры отработанной панщины далеко оставляли за собой инвентарные нормы. Когда ревизор, осматривавший имение летом 1836 года, проверил книжечки для записи выполняемых повинностей, оказалось, что панщина почти всех крестьян уже отработана за весь год:

между тем, далеко не все барщинные работы вносились поссессором в контрольные записи.

Данины тоже взимались с превышением инвентарных норм: взамен 20 пасом пряжи с каждой хаты Семержинский требовал по 50 пасом; это требование поссессор произвольно распространил на халупников; вопреки инвентарю, крестьян заставляли мочить коноплю для изготовления пеньки без зачета панщины.

Если среди крестьян оказывались недоимщики, поссессор поступал с ними круто: за недоработанную панщину с мельника селения Мачехи он взыскал 8 рублей, а с мельника села Скрицкого — 17 рублей серебром. Не уплатившим чинша была поставлена в хате «экзекуция»: агенты поссессора ели и пили за счет хозяев, а для того, чтобы побудить их быстрее заплатить деньги, выгребали из печей сажу, рассыпали ее по полу, колотили ее, поднимая удушливую пыль и, наконец, начинали ломать печи. У некоторых недоимщиков произвольно отбирали и продавали скот. Особенно тяжело пришлось крестьянам в голодный год: экономия ссудила крестьян залежавшимся хлебом, а затем жестоко взыскивала с них деньги за этот хлеб по взвинченным спекулятивным ценам; не уплатившим во-время ставили экзекуцию и продавали у них рабочий скот. По свидетельству ревизора, крестьяне «с ужасом вспоминают то время» и «единодушно говорят, что этим поступком так научены, что скорее будут землю есть, а не прибегнут с просьбой к экономии о помощи» [1].

Таковы были формы крепостнической эксплоатации, применявшиеся в «благополучных» имениях. Гораздо хуже обстояло дело там, где поссессоры применяли более жестокие, хищнические методы. Образцом подобного хозяйничанья может служить селение Думаново Каменецкого уезда, находившееся в аренде у дворянина Рацибоpовского. Имение насчитывало 310 мужчин и 299 женщин, занимавших 95 дворов; из этого числа 75 хозяев были «оседлыми», 16 имели одни усадьбы и 4 были бездомовыми. Из 1887 десятин земли крестьянам было отведено только 125 десятин пашни и 19 десятин сенокоса, всеми остальными угодьями завладела экономия. Таким образом, в среднем душевой крестьянский надел составлял менее полдесятины. Во всем селении было 16 волов и 15 лошадей, т. е. в среднем по 0.32 головы рабочего скота на каждый крестьянский двор; в лучшем случае хозяева имели по 1 волу или по 1 лошади, а многие вовсе не имели никакого скота.

По инвентарю думановские крестьяне были обложены панщиной и даниями в следующем размере: каждый поединок должен был обработать в течение года 81 день обыкновенной панщины, 12 летних дней и 12 дней шарварков, итого 105 дней, т. е. по 2 дня барщины в неделю; каждый пеший хозяин должен был дать 52 дня и сверх того 12 летних

[1] ЦАИХ, ф. V О., д. 26460, Брацлавский уезд, лл. 11—12, 21—24.

дней и 12 дней шарварков, т. е. 76 дней; халупники работали 52 дня и были освобождены от летних дней и шарварков. Кроме того, все хозяева были обязаны вносить в экономию кур, яйца и мотки пряжи [1].

Действительность далеко оставляла за собою эти достаточно высокие инвентарные нормы. Думановские крестьяне должны были работать на владельческих ланах столько, сколько требовал поссессор Рациборовский. И здесь было произвольно составлено урочное положение, которое фактически увеличивало барщину в 1½—2 раза: в короткие зимние дни требовалось смолотить одну копу озимого и полторы копы ярового хлеба, что было под силу только в длинные летние дни, да и то с большим напряжением; для жатвы, косьбы и уборки хлеба были назначены такие однодневные уроки, которые приходилось выполнять в течение двух дней. Крестьяне были обязаны работать не только в будни, но и в праздничные, и в воскресные дни. Не ограничиваясь обработкою думановского фольварка, Рациборовский посылал крестьян в собственное имение, не считаясь ни с законом, ни с возражениями крестьян, и заставлял их отбывать барщину на своих вотчинных угодьях. Поссессор извлекал личные выгоды даже из своих обязанностей по продовольствованию крестьян: вместо того, чтобы собирать с крестьян зерно в запасные магазины на случай неурожая, он требовал от крестьян сжать и доставить ему в снопах соответствующее количество хлеба с фольварковых пашен. Для учета отработанных дней не существовало никаких письменных документов. Сверхурочная панщина не компенсировалась никаким денежным вознаграждением. По подсчетам следственной комиссии, которая была назначена для разбора крестьянских жалоб, крестьяне переработали владельцу больше 15 тысяч дней. По существовавшей очень низкой оценке рабочего дня (6 копеек серебром в день) Рациборовский должен был крестьянам более 3 600 рублей серебром. Чтобы уклониться от уплаты этого долга, он ссылался на пособие, оказанное им крестьянам — хлебное подаяние обнищавшим хозяевам, на постройку нескольких изб, на уплату за 7 лет земских повинностей по 30 копеек меди с души и пр.; эти преувеличенные расходы владелец оценивал в крупную сумму — 45 736 рублей 31 копейку. Для того, чтобы лучше застраховать себя, Рациборовский вымогал у крестьян квитанции об отсутствии каких бы то ни было претензий к экономии.

Думановские крестьяне были так переобременены панщиной, что у них не оставалось времени на обработку собственных полей. При

[1] Судя по сохранившемуся инвентарю Шкуринецкого староства Винницкого уезда, крестьяне, независимо от принадлежности к тому или иному разряду, должны были вносить в год по одной курице, по 10 яиц и по 2 мотка пряжи (ЦАНХ, д. 26460, Винницкий уезд, лл. 163—165). В других имениях, например, в Буцневском старостве Летичевского уезда данины были установлены различного размера: паровой вносил 4 курицы и 20 яиц, поединок — 2 курицы и 10 яиц, халупник — 1 курицу и 5 яиц. (Там же, д. 26460, Летичевский уезд, лл. 8—10.)

уплате податей и недоимок, они должны были продавать собственный скот. Попытки крестьян сопротивляться такой безудержной эксплоатации вызывали со стороны экономии самые суровые и жестокие меры: упорствующих беспощадно избивали палками и плетьми; потерпевшие представили следственной комиссии специальное свидетельство врачебной управы о многочисленных знаках избиения, оставшихся на распухшем и посиневшем теле. Несколько крестьян болели после перенесенных побоев, а 25 крестьян, которым угрожало такое же наказание, перебежали за границу. Результатом такой эксплоатации было разорение и обнищание думановских крестьян. На селении числилось более 10 тысяч рублей недоимки, количество крестьянского скота сокращалось, многие крестьяне перешли из высших разрядов в низшие; в Думанове не было ни одного парового хозяина, а число «неоседлых», т. е. беспашенных семейств, достигало высокой цифры — 21 процента всего населения. Местные власти явно покровительствовали Рациборовскому; следственная комиссия не только не помогла крестьянам, но даже санкционировала беззаконные и своекорыстные распоряжения владельца. Подольский ревизор, подробно ознакомившись с положением вещей, пришел к выводу, что думановские крестьяне «разорены еще более прежнего» и «находятся в состоянии крайней бедности» [1].

Сопоставляя два описанные имения — Брацлавское староство и селение Думаново,— мы не видим принципиального отличия в методах их управления: и здесь и там царил произвол поссессора; и здесь и там крепостническая эксплоатация приводила к расхищению государственных земель и рабочей силы; разница была только в степени эксплоатации и в степени обеднения эксплоатируемых. Такое положение не было исключением из общего правила: порядки, введенные поссессором Семержинским и Рациборовским, были типичными для всех подольских арендных имений. Везде и всюду превышались инвентарные нормы, везде и всюду, при поддержке местной администрации, владельцы допускали систематические и самые широкие злоупотребления.

По сведениям, собранным ревизором, в селении Пятничане Каменецкого уезда крестьяне работали летом не 2 дня, а 4, 5, иные 7 дней в неделю, вопреки инвентарю посылались с обозами за 20—40 верст, употреблялись не только на фольварковых землях, но также на арендованных сенокосных лугах; книжечки с учетом барщины заполнялись поздно, раз в год, следовательно, с пропусками и ошибками. В Будяновском фольварке Балтского уезда крестьяне отбывали летнюю панщину целыми семействами, работая вместо 3 дней все 7 дней в неделю. В Пуклянском старостве Каменецкого уезда летняя барщина достигала 4—5 дней в неделю вместо 1—3 дней, установленных по инвентарю. В Лесничовском фольварке Балтского уезда были назначены такие большие уроки, что крестьяне едва справлялись с ними, работая 6 дней

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26160, Каменецкий уезд, лл. 28—33.

в неделю; так продолжалось в течение всей жатвы, пока не заканчивалась уборка урожая. В селе Фурмановке Каменецкого уезда крестьян заставляли работать вместо 2 летних дней от 3 до 5 дней в неделю; излишние дни оплачивались ничтожной цифрой — по 5 копеек тяглому и 4 копейки пешему хозяину. Такие же сведения поступали из села Лысец Ушицкого уезда, из селения Клопотовцы Литинского уезда, из Березецкого фольварка Ольгопольского уезда и т. д.[1].

Очень распространенным явлением был перевод крестьян на дворовую службу, что категорически запрещалось законом. В Березинском старостве Литинского уезда владелица Сераковская пользовалась в своем доме, в помещении фольварка, услугами десятков крестьян, насильно оторванных от собственного хозяйства; они служили ей лакеями, горничными, кучерами, форейторами, ткачами, пастухами, служили при конюшне и свинарне. Эти дворовые годами тянули свою крепостную лямку, обыкновенно не получая никакого денежного вознаграждения. Нежелавшие служить во дворе владелицы терпели за это суровые репрессии: у ткача Никиты Улеко Сераковская отобрала волов и целый год пользовалась ими для фольварковых работ; у Алексея Гамалейчука она отняла хату и передала ее другому. В Вербецком старостве Летичевского уезда крестьяне так же произвольно брались на дворовую службу: крестьянин Мирон Токарев, не желавший бросать своего хозяйства, был закован в кандалы и насильно увезен в имение владельца Янковского. Такие же явления наблюдались в Буцневском старостве Летичевского уезда, в старостве Мукаровском Ушицкого уезда, в селении Ляхове и на Обжилянском фольварке Балтского уезда и т. д.[2].

Поссессоры не останавливались перед тем, чтобы обманывать крестьян при расчетах и наживаться на неправильной оплате барщинных дней. В селении Ляхове Балтского уезда учет отработанной барщины производился очень редко — один раз в два-три месяца; крестьяне жаловались, что они забывают за это время количество выполненных повинностей и не могут проверить подсчеты экономии. В селении Медвежье Ушко Винницкого уезда ревизору было подано 49 крестьянских жалоб о систематической утайке поссессором отработанной барщины; экономия не зачитывала отдельным крестьянам от 7 до 30 отработанных дней. За переработанные дни поссессоры платили жалкие суммы: в селе Сулемирке Литинского уезда тяглому крестьянину платили 6 копеек, пешему — 4 копейки серебром, в селе Фурмановке Каменецкого уезда тяглому — 5 копеек, пешему — 4 копейки, в селе Черном Каменецкого уезда паровой получал 6 копеек, поединок 5 копеек, пе-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26460, Балтский уезд, лл. 8, 83, 122, 182, [illegible]; [illegible] уезд, лл. 60, 70, 79—80; Литинский уезд, л. 140; Ольгопольский уезд, [illegible] 21. [illegible]

[2] ЦАНХ, [illegible] Летичевский уезд, [illegible] 12—14; [illegible] 142—143; [illegible]

ший, халупник и коморник — по 4 копейки и т. д. В редких случаях излишняя барщина оценивалась в 12—15 копеек серебром за день. Зато, если у того или иного крестьянина оказывалась недоработанная барщина, поссессоры взыскивали с него повышенную денежную компенсацию; например, в селении Хуторы Мизяковы Винницкого уезда владелец платил за переработку от 8 до 10 копеек в день, а взимал с крестьянина за недоработку 25 копеек серебром в день. Широко практиковались отработки за денежную и хлебную ссуды, полученные крестьянами от экономии или взамен уплаты вещественных данин и денежной подорожчины, установленных инвентарями. Но эти расчеты не всегда были ясными и определенными: например, в селении Бакоты Ушицкого уезда ни крестьяне, ни сам поссессор не знали, по какому расчету производится отработка данин и денежных сборов. В некоторых имениях, например, на Кетросском фольварке Ямпольского уезда никакой оплаты переработанной барщины не производилось. Часто переработанные дни переводились на следующий год, но так как ежегодно повторялось то же явление, то фактически крестьяне не получали никакого вознаграждения — ни натурою, ни деньгами: так было в селении Майдан Юзвинский Винницкого уезда, в местечке Пещанка Ольгопольского уезда, в селении Мниховка Каменецкого уезда и пр. [1].

Таким же частым явлением было использование государственных крестьян в собственных имениях арендаторов. Местечко Пещанка Ольгопольского уезда было пожаловано в 12-летнюю аренду князю Витгенштейну; здесь числилось 622 мужчины и 597 женщин. Систематически крестьяне посылались отсюда на панщину в собственные владения Витгенштейна, расположенные частью в том же Ольгопольском уезде, в 8 и в 20 верстах от Пещанки, частью в Бессарабии, на расстоянии 35 верст от арендного имения. Крестьяне жаловались, что время на переход этих расстояний не принималось во внимание при зачете панщины; кроме того, хозяева сильно страдали, уходя из своего села на две-три недели и порывая на все это время с собственным хозяйством. Крестьяне села Лысец Ушицкого уезда (495 ревизских душ) должны были отправляться за 20 верст отбывать панщину в вотчинном имении своего поссессора Рациборовского. Из селения Эфтоди Балтского уезда (179 ревизских душ) крестьян гоняли на панщину в селение Ферниту, имение субарендатора Малевича. Селение Буши Ямпольского уезда делилось на две части: казенное имение, в котором 50 десятин находилось в распоряжении фольварка, и вотчинное имение дворянина Оржеховского; казенная земля была разбросана отдельными кусками, и Оржеховский, ставши администратором государственного имения, пред-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26460, Балтский уезд, лл. 4, 14, 71; Винницкий уезд, лл. 55—59, 67, 78, 105, 136; Каменецкий уезд, лл. 4, 16, 24, 57, 66, 80, 50—51; Летичевский уезд, лл. 10, 19; Литинский уезд, лл. 8, 62; Ушицкий уезд, л. 82; Ольгопольский уезд, лл. 9—10, 27; Ямпольский уезд, лл. 31, 56.

почитал не засевать этих угодий, а целиком использовал крестьян в собственных владениях. Помещик Рожаловский, назначенный администратором села Александровка Балтского уезда, тоже заставлял крестьян отбывать панщину в собственном имении, селе Мироны, а тех, кто отказывался выполнить это незаконное требование, штрафовал по 15 копеек серебром в день. Подобные же факты были раскрыты в селении Микулицы Литинского уезда, на Гедвиновском фольварке Балтского уезда и в других государственных имениях.

Бывали случаи, когда крестьян посылали работать в имения посторонних владельцев за определенную плату. Дворянин Тусский, владевший селением Мниховкой Каменецкого уезда, заставлял крестьян отбывать панщину в имении Смотрицкой, местечке Смотрич, получая по 15 копеек серебром в день за каждого человека. Дворянин Шумковский, арендовавший Баговицкое староство Каменецкого уезда, отправлял крестьян на работы в село Залучье, в Бессарабию, за 30 верст от старостваа. Так же поступали поссессоры села Белоусовка Брацлавского уезда, Гербинского фольварка Ольгопольского уезда, села Быстрица Ушицкого уезда и пр. Обычным явлением была раздача крестьян для дворовых услуг под видом сторожей-корчмарей [1].

Судя по сохранившимся данным, феодальная эксплоатация государственных крестьян в Подольской губернии мало отличалась от эксплоатации крестьян частновладельческих имений. По донесениям гайсинского исправника генерал-губернатору Бибикову, в 1840 году подольские крепостные крестьяне отбывали своим помещикам панщину в размере 3 мужских и 3 женских дней в неделю и от 2 до 12 дней шарварков в год, вносили вещественные данины каплунами, курами, яйцами и мотками пряжи, а в некоторых имениях платили чинш от 90 копеек до 3 рублей 30 копеек [2]. Неизменным спутником феодальных повинностей была и здесь и там суровая система внеэкономического принуждения. Крестьян заставляли нести увеличенную панщину под угрозой розог, плетей и палок. Подольскому ревизору были поданы сотни крестьянских жалоб на побои и истязания, чинимые арендаторами и их экономами. Особенно вопиющими были факты, раскрытые в селении Шершни Литинского уезда, и в большом Думенском старостве того же уезда. Шершни арендовал дворянин Хлебовский, который вместе с женою жил тут же, на фольварке. Хлебовские отличались неимоверною жестокостью и за малейшую провинность подвергали крестьян и особенно крестьянок беспощадному сечению розгами. Ревизия установила, что крестьянам давалось от 70 до 100 розог, причем бывали случаи, когда

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26460, Балтский уезд, лл. 28, 110—111, 142—143, 251; Брацлавский уезд, л. 37; Винницкий уезд, л. 9; Каменецкий уезд, лл. 50—51, 87, 95; Литинский уезд, лл. 144, 209; Ольгопольский уезд, лл. 9—10, 31—32; Ушицкий уезд, лл. 63—67; Ямпольский уезд, лл. 34—35.

[2] О р. Л е в и ц к и й, О положении крестьян Юго-Западного края во 2-й четверти XIX века. «Киевская Старина», т. XCIII, 1906, июль.

одна и та же женщина наказывалась в день по два раза. Еще трагичнее было положение крестьян Думенского староства, которым владел дворянин Балицкий. Поссессор обременял крестьян работами свыше всякой меры; требовал от них огромных данин, отнимал у них грунты, обменивал лучшие угодья на худшие. Крестьян, которые осмеливались сопротивляться и приносить жалобы, Балицкий подвергал жестоким побоям. Крестьяне Андрей Данилов, Мартин Кобцов и Иван Чмир после наказания были облиты кровью, которую выливали даже из голенищ сапог. Чмир вскоре после этого умер. Крестьянин Илья Скотский умер от побоев на пятый день. Крестьянин Гринько Волков, который много раз подвергался побоям, не вынес жестокого обращения владельца и утопился. Беременная крестьянка Шанкова после побоев выкинула в поле ребенка. Еще более жестоко обращался с крестьянами зять Балицкого дворянин Дяковский; крестьянина Вакулу Гненого Дяковский жестоко сек, поливая при этом горелкою, Алексея Бондаря избил так, что он умер на третий день; Антона Писарчука, который отказался дать ему 3 улья пчел, он ударом в висок убил на месте [1].

Результатом арендной системы с ее чрезмерными повинностями и злоупотреблениями поссессоров было прогрессирующее обеднение подольской государственной деревни. Испытывая острый недостаток в земле, а иногда и в рабочем скоте, обремененные панщиной, задавленные жестоким обращением, крестьяне не имели средств улучшать состояние своего бюджета. Натуральное хозяйство еще господствовало в этих районах, крестьяне продавали сельскохозяйственные продукты только в случаях крайней нужды, для уплаты податей. Крестьянские промыслы были очень редкими, в селениях встречались только сапожники, портные, кузнецы, плотники, бондари, печники и в некоторых — ткачи; эти мастерства не составляли постоянной профессии крестьян и давали им небольшой доход. Подсобный заработок добывался большею частью извозами, но они не имели широкого распространения в силу слабого развития обмена. Тем не менее среди крестьян наблюдалось социальное расслоение, которое хорошо иллюстрируется разделением на оседлых и неоседлых хозяев [2].

Оседлых хозяев	10 068	83.4 процента
Неоседлых с усадьбами	1 445	11.9
Неоседлых без усадеб	564	4.7
	12 077	100 процентов

Таким образом, более 16 процентов семейств не имели надельных грунтов, так как не владели инвентарем и не вели собственного хозяйства. У нас имеются и следующие более конкретные данные, которые показывают расслоение крестьян по 66 селам 4 подольских уездов.

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26460, лл. 16—18, 78—80; Литинский уезд, лл. 38, 113—114; Винницкий уезд, лл. 51—53

[2] Таблица составлена на основании описаний отдельных имений в д. 26460.

Распределение по группам крестьян-хозяев Подольской губернии[1]

Уезды и селения	Плуговые	Почвор-ные	Потройн.	Паровые	Поединки	Пешие	Халуп-ники	Комор-ники	Итого
1. Брацлавский уезд									
Грабовцы	—	—	—	5	36	14	—	—	55
Голопуповка	—	—	—	—	7	13	—	—	20
Пархиловка	—	—	—	5	7	4	—	—	16
Волчок	—	—	—	14	27	14	—	—	55
Довжок	—	—	—	8	26	4	—	—	38
Шура	—	—	—	—	9	6	—	—	15
Мачиха	—	—	—	7	39	31	—	—	77
Скрицкое	—	—	—	8	30	30	—	—	68
Шуровцы	—	—	—	5	24	56	—	—	85
Анчиполовка	—	—	—	1	13	21	—	—	35
Зяньковка	—	—	—	4	23	8	—	—	35
Марьяновка	—	—	—	4	7	1	—	—	12
Салинцы	—	—	—	—	16	13	—	—	29
Самчинцы	—	—	—	1	11	—	—	—	12
Свинцица	—	—	—	16	30	2	—	—	48
Бугаково	—	—	—	15	40	20	—	—	75
Городница	—	—	—	—	10	3	—	—	13
Чуково	—	—	—	12	40	38	—	—	90
Перепеличье	—	—	—	9	22	3	—	—	34
Монастырское	—	—	—	14	36	27	—	—	77
Итого 20 селений	—	—	—	128	453	308	—	—	[illegible]
2. Балтский уезд									
Неделки	—	—	—	14	35	17	—	—	66
Бурилово	—	—	—	7	—	6	—	—	13
Ольшанецк	—	—	—	—	—	2	—	—	2
Позианка	1	4	—	8	—	35	—	—	48
Гвоздовка	—	—	—	7	—	3	—	—	10
Ясиновая	—	—	—	10	—	—	—	—	10
Гедвилова	—	—	—	6	—	5	—	—	11
Мазурова	1	4	—	7	—	7	9	—	28
Лесничовка	—	—	—	51	2	16	—	—	69
Бендзеры	—	—	—	31	—	25	—	—	56
Обжила	—	—	—	37	40	50	14	10	151
Эфтоди	—	—	—	13	37	15	—	—	65
Кастановка	—	—	—	7	13	12	3	2	37
Корытна	—	—	—	26	34	11	5	3	79
Пасат	—	—	—	21	10	11	2	2	46
Гольма	—	—	—	3	1	6	—	—	10
Воронки	—	2	—	26	—	31	—	—	59
Кокут	—	—	—	—	—	2	—	—	2
Домницы	—	—	—	5	—	13	9	1	28
Сераценi	—	—	—	6	—	2	1	—	9
Будеи	8	10	4	43	7	31	46	—	149
Смолянка	2	11	2	21	8	46	19	—	109
Сербы	—	—	—	12	—	30	6	—	48

[1] Таблица составлена на основании описаний отдельных имений в д. 25460.

(продолжение)

Уезды и селения	Плуговые	Почворные	Потройн.	Паровые	Поединки	Пешие	Халупники	Коморники	Итого
Французе	—	—	—	4	—	16	6	2	28
Новиполь	—	—	—	3	13	26	—	—	42
Ляхова	—	—	—	12	28	7	—	—	47
Юзефовка	—	—	—	21	9	44	—	—	74
Росоховата	—	—	—	8	5	20	—	—	33
Бокша	—	—	—	37	17	46	—	—	100
Итого 29 селений	12	31	6	446	259	535	120	20	1 429
3. Ушицкий уезд									
Бахтино	—	—	—	—	24	5	2	—	31
Вороновиц	—	—	—	—	32	2	2	5	41
Новоселки	—	—	—	—	17	3	6	—	26
Бахтинка	—	—	—	—	24	6	2	1	33
Патримон	—	—	—	—	46	3	2	3	54
Быстрицы	—	—	—	—	16	22	7	3	48
Приворот	—	—	—	—	6	18	8	3	35
Рункушев	—	—	—	3	30	22	9	2	66
Мукаров полесский	—	—	—	—	2	95	18	2	117
Барбаров	—	—	—	—	—	2	1	—	3
Вихровка	—	—	—	—	1	36	5	—	42
Списовка	—	—	—	—	3	28	6	1	38
Мукаров польный	—	—	—	—	14	38	2	1	55
Татарин	—	—	—	—	18	55	9	4	86
Мыцовцы	—	—	—	1	18	62	4	—	85
Итого 15 селений	—	—	—	4	251	397	83	25	760
4. Ольгопольский уезд									
Гербини	9	—	—	12	22	16	—	—	59
Белый Камень	—	—	—	20	16	16	—	—	52
Итого 2 села	9	—	—	32	38	32	—	—	111
Всего 66 сел	21	31	6	610	1 001	1 272	203	45	3 189
В процентах	0.6	1	0.2	19.1	31.4	39.9	6.4	1.4	100

Присматриваясь к приведенным цифрам, мы имеем право сделать следующие выводы. Процент хозяев высших разрядов — плуговых и почворных — был крайне ничтожным; крестьяне-середняки — паровые и поединки — составляли только половину всей крестьянской массы; около половины хозяев были без скота (пешие), а частью и без земли (халупники и коморники). Такое распределение крестьян говорит о крайней бедности подольской деревни; перед нами не столько процесс

разложения крестьян под влиянием новых капиталистических отношений, сколько процесс ее пауперизации под влиянием хищнической феодальной эксплоатации. Такой вывод подтверждается другими конкретными данными и общими впечатлениями ревизора. Сохранились сведения о движении населения, начиная с 1798 года по день ревизии, в селениях Думанове Каменецкого уезда и Лысец Ушицкого уезда. В селении Лысец, которым хищнически управлял дворянин Рациборовский, число хозяев разных разрядов изменялось следующим образом [1].

Название разряда	1798 год	1832 год	1838 год
Паровые	23	3	нет
Поединки	19	14	16
Пешие	48	108	124
Халупники	3	38	32
Коморники	13	3	3
Итого	106	166	175
У них лошадей	85	97	51
волов	138	151	97
Итого	223	248	148

Аналогичные сведения дает нам селение Думаново, находившееся в аренде у того же Рациборовского [2]:

Название разряда	1798 год	1832 год	1838 год
Паровые	11	нет	нет
Поединки	6	3	1
Пешие	65	76	74
Халупники	9	11	16
Коморники	3	11	4
Итого	94	101	95
У них лошадей	70	74	15
волов	45	37	16
Итого	115	111	31

Несмотря на рост народонаселения, за 40 лет поголовье рабочего скота катастрофически сократилось, паровые хозяева вовсе исчезли,

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26460, Ушицкий уезд, л. 63.
[2] Там же, д. 26460, Каменецкий уезд, лл. 22—23.

а количество поединков уменьшилось; за счет высших разрядов увеличились неимущие слои. Особенно разительны перемены, происшедшие после 1832 года: в селении Думанове количество рабочего скота уменьшилось в 3½ раза, а крестьянское население сильно сократилось в своем составе вследствие вымирания и ухода из деревень.

Менее подробны, но не менее наглядны сведения о движении населения в Мукаровском старостве Ушицкого уезда (поссессия Павловского) и в Пултовецком старостве Винницкого уезда (владение Дзеконского).

Мукаровское староство [1]

Название разрядов	1830 год	1837 год
Паровые	2	1
Поединки	116	56
Пешие	308	324
Халупники	35	57
Комарники	10	19
Итого	471	457

Пултовецкое староство [2]

Название разрядов	1811 год	1837 год
Паровые	63	17
Поединки	76	57
Пешие	54	100
Итого	193	174

И здесь мы имеем такие же результаты хозяйственного положения: уменьшение рабочего скота, переход хозяев в низшие имущественные разряды, сокращение числа крестьян.

Не имея скота, а иногда и сельскохозяйственных орудий, крестьяне забрасывали земледелие, сдавали свои наделы в аренду и шли в батраки к поссессорам или к соседним помещикам. Так было в селениях Дубиново, Михальченково и на Гвоздевском фольварке Балтского уезда, в селении Юрченок Летичевского уезда, в селении Сулемирка Ушицкого уезда и т. д. Описания ревизора пестрят резкими характеристиками разорения и обнищания подольских государственных крестьян. В селении Рожны Летичевского уезда «крестьяне находятся в бедном положении», «у некоторых нет куска хлеба», «у 12 человек озимый хлеб не

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26460, Ушицкий уезд, л. 39.
[2] Там же, д. 26460, Винницкий уезд, лл. 21—22.

высеян». В старостве Думенском Литинского уезда «все крестьяне очень бедны, некоторые даже не обсеменяют полей»; на хуторе Ольховец Каменецкого уезда «крестьяне еще едва в состоянии прокормить семейства». Крестьяне имения Пещанки (в аренде князя Витгенштейна) «в худом положении, из 622 душ только шестеро имеют собственные плуги», «по недостатку сих орудий крестьяне наделенную им от казны землю отдают под посевы шляхтичам из половины урожая», «строения крестьянские в жалком положении, более 60 изб вовсе не годятся для жительства». Крестьяне села Думанова произвели на ревизора впечатление «толпы нищих» и т. д.

Наглядным доказательством прогрессирующей пауперизации подольской государственной деревни служило состояние крестьянских жилищ: во всех казенных селениях ревизор констатировал обветшание изб: некоторые из них разваливались, некоторые развалились окончательно, и крестьяне вынуждены были копать себе землянки. В описаниях отдельных имений обращает на себя внимание высокий процент таких запущенных и гибнущих строений. На Корытнянском фольварке, в селе Корытня, из 76 изб худых оказалось 29, в селе Пасат из 44 изб худых было 21, в селе Гольша из 10 изб худых было насчитано 6. В селе Новиполе Балтского уезда из 42 изб 3 повалились, 20 готовы были рушиться, остальные требовали поддержки; в селе Неделовке Балтского уезда из 76 изб не было ни одной порядочной, половина из них валилась; за отсутствием хозяйственных строений скот находился под навесами; в Бобринецком фольварке, Балтского уезда, многие избы обваливались, и крестьяне жили в землянках; то же явление наблюдалось в селении Майдан Гольский Литинского уезда и т. д. [1].

Ревизору были ясны причины такого упадка крестьянского хозяйства Подольской губернии: на первый план он выдвигал злоупотребления поссессоров, т. е. хищническую систему арендного хозяйства, далее — острое малоземелье государственных крестьян и, наконец, одностороннюю, а иногда небрежную деятельность местной Казенной палаты, подкупленной теми же поссессорами из числа местных помещиков. В основном это заключение было правильным: арендная система была главным источником тех экономических бедствий, которые падали на плечи многострадального подольского крестьянства. Арендная система была причиной особенно острого малоземелья подольских государственных крестьян и, с другой стороны, поддерживала и питала крепостнический характер местного управления.

В подольской государственной деревне более отчетливо и резко выступали социально-экономические особенности, характерные для всей

[1] ЦАНХ, ф. [illegible], д. [illegible]. Балтский уезд, лл. 3, 13, 22, 42, 53, 84, 89, 97, 147, 163; [illegible] уезд, лл. [illegible]; [illegible] уезд, лл. 61, [illegible], 103, 146, 158, 169; Каменецкий уезд, лл. [illegible], 22, 23, 85; Литинский уезд, лл. 7, 30, 88, 95, 105, 125, 137, 201; [illegible] уезд, лл. [illegible], 8, 27, 35, 38, 43, 50, 59, 65; Ушицкий уезд, лл. 32, 39, 54; Проскуровский уезд, [illegible].

территории Правобережной Украины. Арендная система господствовала также и в двух других губерниях — Волынской и Киевской. На Волыни 13 имений были пожалованы в 12-летнюю аренду генералам, полковникам, действительным статским и тайным советникам, 4 имения принадлежали на основе эмфитеутического права польским помещикам, 39 имений были сданы в аренду с торгов на 5, 6 и 12 лет и находились также в руках польских помещиков; 19 имений, оставшихся несданными в аренду, управлялись администраторами из числа местных польских землевладельцев, и 87 имений состояли в заведывании вольнонаемных управляющих, преимущественно из числа польских дворян, назначенных Казенной палатой [1]. В Киевской губернии основную массу казенных имуществ составляли старостинские имения и конфискованные владения упраздненных польских монастырей, также жаловавшиеся и сдававшиеся в аренду. В числе этих имений было крупное и доходное Чигиринское староство, пожалованное в аренду министру финансов Канкрину; оно насчитывало около 30 тысяч государственных крестьян и более 24 тысяч десятин земли. Особое положение среди казенных угодий Киевской губернии занимали так называемые экономические волости — они были отобраны еще в XVIII веке у православной церкви и в отличие от других имений находились на оброке [2].

Общим явлением для всей Правобережной Украины было крестьянское малоземелье. Если мы воспользуемся описанием отдельных имений и сгруппируем ревизские души по размерам среднего надела, то получим следующую сводную таблицу [3].

Средний надел пашни и сенокоса в десятинах	В процентах к общему числу ревизских душ государственных крестьян		
	Подольская губерния	Волынская губерния	Киевская губерния
1. Менее 1	18.5	1.1	—
2. От 1 до 2	50.0	8.8	26.2
3. » 2 » 3	22.9	33.0	32,9
4. » 3 » 4	5.6	25.0	21.1
5. » 4 » 5	2.5	18.5	12.0
6. » 5 » 6	0.5	11.7	6.7
7. » 6 » 7		0.3	1.1
8. Более 7		1.6	
Итого	100.0	100.0	100.0

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26459, Приложение 8.

[2] ЦАНХ, д. 26462, т. III, 1837 год. Обозрение государственных имуществ Киевской губернии, т. III.

[3] Таблица процентных отношений составлена на основании цифровых выборок и подсчетов, произведенных над статистическими материалами описаний отдельных имений. Для Подольской губернии взяты средние поселенные наделы, для Волынской и Киевской губерний — средние наделы имений. Там же, дд. 26460, 26459, 26462.

Сопоставляя эти процентные отношения, мы видим, что в Подольской губернии малоземелье было острее, чем в Волынской и Киевской. Тем не менее, и в Волынской губернии 42.9 процента всех крестьян имели в среднем менее 3 десятин на ревизскую душу, а в Киевской губернии этот надел, явно недостаточный для прожиточного минимума, был источником существования 59.1 процента всего земледельческого населения.

Во всех трех губерниях у подавляющей массы государственного крестьянства средний надел не достигал пятидесятинной голодной нормы: в Подольской губернии у 99.5 процента ревизских душ, в Киевской — у 92.2 процента, в Волынской губернии — у 86.4 процента. В лучших условиях находились крестьяне киевских экономических волостей, которые пользовались всею землей имений, но были и безземельные селения — среди польских помонастырских имуществ Волынской губернии.

Так же, как в Подольской губернии, малоземелье было, главным образом, результатом расхищения земельного фонда соседними помещиками и систематического захвата и обмена крестьянских грунтов со стороны поссессоров.

Феодальные повинности волынских и киевских крестьян слагались из тех же составных элементов, что и в Подольской губернии: из панщины, чинша и вещественных данин. Старые люстрации 1798—1799 годов обязывали киевских крестьян отбывать в год с каждого двора по 10—12 дней панщины и по 12 дней шарварков, платить от 1 до 8 рублей чинша и вносить вещественные данины хлебом, хмелем, медом, грибами.

Равняясь по соседним помещичьим имениям, владельцы постепенно увеличивали размеры панщины, и новые инвентари закрепляли эти отступления от люстрации. В момент ревизии в крупных старостинских имениях тяглые хозяева должны были отбывать 104 дня панщины, 12 дней шарварков и 4 летних дня, когда на панское поле выходили все работоспособные члены семьи; пешие крестьяне вместо 104 дней работали 52. Кроме того, сохранялись чинш и данины: например, в Рожеском старостве все крестьяне платили от 8 до 69 злотых и натурою с каждого двора по сотне грибов, по 2 каплуна, по 10 яиц и по 2 четверика хмеля.

Однако действительные повинности были значительно выше: поссесоры и здесь обременяли крестьян не только излишними работами, но и чрезмерными, произвольно установленными уроками: в Черкасском и Чигиринском старостве, так же как в других имениях, крестьяне в зачет одного дня барщины работали по два, даже по три дня. Во многих имениях панщина учитывалась плохо и не во-время, книжек не заводилось, расчеты были произвольными и не отвечавшими действительности. Киевский ревизор, давая общее обозрение осмотренных государственных имуществ, обращал на это явление особое внимание

V Отделения[1]. Подобные же факты имели место и в Волынской губернии. Количество барщинных дней в зависимости от размеров земельного надела колебалось здесь от 1 до 4 дней в неделю; сверх того, все разряды волынских крестьян были обязаны отбывать от 6 до 12 летних дней, от 6 до 12 шарварков и по 4 летних «толоки», когда сходились все крестьяне собирать сено и хлеб. Чинш и данины вносили здесь по примеру киевских крестьян. Многочисленные крестьянские жалобы, поданные волынскому ревизору, говорят о массовой переработке панщины, о неуплате за излишние дни, о плохом ведении книжек, об использовании государственных крестьян в вотчинных имениях поссессоров, о применении жестоких мер против неповинующихся и особенно против жалобщиков[2].

Все материалы ревизии убеждают нас в том, что хищническая система феодальной эксплоатации применялась в арендных имениях на территории всей Правобережной Украины.

И в Волынской и в Киевской губерниях земледелие было господствующим занятием крестьянства. Несмотря на примитивную технику и ясно обнаруживавшееся истощение земель, черноземная почва давала урожаи от 3 до 10 зерен. Преобладали рожь, овес, гречиха и просо; пшеницу сеяли мало, преимущественно в южных уездах Волынской губернии.

Сбыт сельскохозяйственных продуктов на Волыни затруднялся отсутствием хороших путей сообщения.

В Киевской губернии, особенно около Киева и днепровских пристаней, хлебная торговля была развита больше, натурально-хозяйственная основа феодального строя быстрее разлагалась под натиском товарно-денежных отношений. Волынские крестьяне, так же как подольские, были слабо втянуты в развитие промышленности: забросившие хлебопашество делались местными ремесленниками — плотниками, сапожниками, портными и пр. Извозы были редкими и распространялись на небольшие расстояния. В нескольких имениях Овручского уезда были мелкие железные рудники, где примитивными способами и в небольшом количестве крестьяне добывали железную руду и изготовляли из нее сошники. Кое-кто из крестьян нанимался на сплав плотов по реке Бугу.

Несравненно шире была развита крестьянская промышленность в Киевской губернии. Если мы суммируем данные, собранные V Отделением по отдельным киевским селениям, то получим следующую картину[3]:

---

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26462. Приложения, т. III, лл. 26—30, 39—41, 265—271, 96; т. I, лл. 24—27; т. II, лл. 13—17, 180—182, 240, 48, 140; т. V, л. 192.

[2] ЦАНХ, ф. V О., д. 26459, Обозрение государственных имуществ Волынской губернии; лл. 33—38. Описания отдельных имений — Окнины, Суражского ключа, Княгининского ключа, села Лысца и др.

[3] Сводка сделана на основании сдаточных ведомостей в д. 26462, лл. 46—52, 66—72, 81—85, 113—119. Исключены, как отрасли сельского хозяйства, садоводство, пчеловодство и скотоводство, и, как коммерческие занятия, подряды и поставки.

Крестьянские промыслы Киевской губернии

Название промыслов	Число хозяев	Число работников
I. Промыслы, связанные с сельским хозяйством		
1. Рыболовство	259	123
2. Выделка угля и смолы	288	—
3. Добыча ископаемых	69	58
4. Мельничное производство	246	92
II. Местные ремесла		
1. Кузнечное	34	—
2. Плотничное	13	18
3. Гончарное	56	—
4. Ткацкое	20	—
5. Суконвальное	9	—
6. Кожевенное	2	—
7. Производство кирпича	2	—
8. Производство стекла	2	—
9. Производство ручных изделий [1]	21	—
III. Транспорт		
1. Извозы	1 868	762
2. Гонка плотов	—	324
IV. Отхожие промыслы		
1. Заработки на стороне [1]	59	1 960
2. Летний отход [1]	—	580
Итого	2 948	3 917

Однако и эти цифры не слишком велики: принимая во внимание, что среди государственных крестьян Киевской губернии насчитывалось более 60 тысяч ревизских душ, приходится заключить, что в промышленность было втянуто меньше 10 процентов земледельческого населения. Крестьяне больше занимались промыслами, неразрывно связанными с сельским хозяйством; специальные ремесла были развиты слабо. Широкое распространение, так же как на севере, имели извозы. Много крестьян уходило на наемные работы, преимущественно в Киев. Сопоставляя рубрики «хозяев» и «работников», мы убеждаемся, что преобладало мелкое самостоятельное производство; капиталистические отношения, судя по ничтожным цифрам работников, существовали только в зародыше.

[1] Сохранена терминология источников.

Таким образом, несмотря на некоторые особенности киевской государственной деревни, общая картина остается неизменной. Правобережная Украина оставалась по преимуществу земледельческим миром, значительно слабее связанным с рынком, чем северные нечерноземные губернии.

Несмотря на слабое развитие торговли и промышленности, и здесь, на Волыни и в Киевщине, наблюдалось значительное расслоение государственных крестьян. Суммируя данные по отдельным имениям и сопоставляя итоги по всем трем губерниям, мы получаем следующие процентные отношения [1].

Разряды хозяев	Подольская губерния	Волынская губерния	Киевская губерния
I. Оседлые	83.4	94.9	92.5
II. Неоседлые	16.6	5.1	7.5
Итого	100	100	100

Социальное расслоение в Подольской губернии было выражено отчетливее и резче, повидимому в связи с острым малоземельем и пауперизацией крестьян. В киевской государственной деревне сильнее действовал другой могущественный фактор — влияние более развитых товарно-денежных отношений. Этот вывод подтверждается прежде всего сравнением земельных наделов: в Киевской губернии они были больше, что не мешало повышению процента киевских неоседлых хозяев сравнительно с Волынской губернией. К такому же заключению приводят детальные сведения о группировке киевских крестьян по количеству скота. Из 13 659 оседлых семейств 7612, т. е. 51.5 процента, приходилось на долю тяглых и 6047, т. е. 41 процент, на долю пеших. Таким образом, вместе с бобылями, составлявшими 7.5 процента, почти половина крестьянских дворов Киевской губернии не имела живого инвентаря для ведения собственного сельского хозяйства. Этому бедняцкому слою противостояла в Киевщине группа зажиточных хозяев, которые брали на себя подряды и поставки, торговали рыбой и солью, владели займищами и левадами, арендовали оброчные статьи — сады, пчелиные пасеки и рыбные ловли.

Нагляднее всего обнаруживалось расслоение крестьян в киевских экономических волостях, которые пользовались более благоприятными хозяйственными условиями — состояли на оброке и владели всей зем-

[1] Сводка по Волынской и Киевской губерниям составлена на основании материалов Приложений к д. 26459 и Обозрения государственных имуществ Киевской губернии, д. 26462, т. III.

лей казенных имений. Группируя население этих волостей по количеству рабочего скота, мы получаем следующие итоги[1]:

Разряды хозяев	Число хозяев	Процент к общему числу
1. Без скота и без пашни	369	7.3
2. Без скота	1 838	39.7
3. От 2 до 4 голов	1 262	25.2
4. От 4 до 6 голов	1 286	25.6
5. Более 6 голов	551	11.2
Итого	5 016	100

Сравнивая количество хозяев, не имевших скота в экономических волостях и во всей губернии, мы получаем 38 процентов первых и 49 процентов вторых. Другими словами, число обедневших крестьян в оброчных киевских имениях, лежавших невдалеке от губернского города и сильнее втянутых в товарно-денежные отношения, был несколько меньше, чем в остальных районах. Это дает нам основание утверждать, что наряду с давлением денежного хозяйства в Киевской губернии сохраняли всю свою силу и разоряющие условия арендной системы. В этом отношении киевская государственная деревня разделяла трагическую судьбу всего казенного крестьянства Правобережной Украины.

Резкое противоречие между благоприятными условиями природы и экономическим положением крестьянства налагало яркую печать на бытовой уклад деревенской жизни. В полесских уездах Волынской губернии крестьяне жили в тесных курных избах, построенных из плетня и обмазанных глиною; маленькие окна этих жилищ часто не имели никаких стекол. В Волынском уезде избы были несколько лучше, снабжены дымовыми трубами, но и здесь крыши были из соломы или драни, часто беспорядочно и наспех набросанные. Скотные дворы и конюшни нередко возводились без стен и только закладывались очеретом. Очень велик был процент ветхих строений: например, в селении Ольбля Русская на 50 прочных изб приходилось 42 ветхих. Крестьяне некоторых имений, например, Тайкурского ключа, насчитывавшего 2½ тысячи крестьян, произвели на ревизора впечатление нищих[2]. Приблизительно такая же картина раскрывается из материалов киевской ревизии. Даже в наиболее благополучных экономических волостях на 3 368 порядочных изб ревизор насчитал 2 516 обветшавших. И в Киевщине состояние крестьян многих имений характеризуется им как «весьма бедное»[3]. Хо-

[1] Сводка составлена на основании д. 26424, кн. V, лл. 205—224, 233—240, 271—278, 328—335.

[2] ЦАНХ, ф. V О., д. 26459. Обозрение государственных имений, Приложение 9, л. 87; приложение 31; л. 4.

[3] Там же, д. 26462, кн. V, лл. 205—224, 233—240, 271—278, 328—335.

зяйственная система оценивалась ревизорами, как глубоко отрицательное явление, самым губительным образом отражавшееся на состоянии государственных имуществ и, в частности, на экономическом положении государственного крестьянства.

15. Белоруссия и Литва

Государственные крестьяне Литвы и Белоруссии жили в условиях, сходных с условиями Правобережной Украины: и здесь «хозяйственное положение» лежало в основе эксплоатации казенных имений. Познакомиться с положением белорусских крестьян лучше всего по материалам Витебской губернии [1]. Занимая холмистую равнину, покрытую многочисленными лесами, изобиловавшую реками, озерами и болотами, эта губерния по своим природным условиям приближалась к соседнему, Озерному краю. Климат Витебской губернии был влажный, а глинисто-песчаная и супесчаная почва требовала предварительного удобрения. Судоходные реки связывали этот район с крупным вывозным портом Ригой.

В губернии насчитывалось 48849 государственных крестьян мужского пола, которые принадлежали большей частью к белорусской и в меньшей степени к литовской национальности; в инфляндских уездах — Люцинском, Режицком, Динабургском — было 7 тысяч латышей мужского пола. Особую группу составляли великорусские старообрядцы, потомки переселенцев XVII века; их было около 5 тысяч человек обоего пола.

Такие же своеобразные прослойки среди витебских государственных крестьян составляли западные однодворцы (преимущественно это были поляки) и «панцырные бояры», по национальности белоруссы и литовцы.

Казенные имения Витебской губернии различались по своему происхождению и способам эксплоатации. Это были частью бывшие владения польской короны (например, крупные староства Езерийское и Режицкое), частью — земли, отобранные от католических монастырей и ордена иезуитов, частью — конфискованные имения польских повстанцев.

Из 37 имений, описанных ревизором, 29 сдавались в аренду, 1 находилось в управлении администратора и 7 состояли на оброке. Состав арендаторов был сходен с владельцами Правобережной Украины: это были, с одной стороны, русские генералы и чиновники, с другой — местные польские помещики.

Степень земельного обеспечения витебских государственных крестьян характеризуется следующими данными [2]:

---

[1] ЦАИХ, ф. V О., д. 26161, с Приложениями.

[2] Составлено на основании описаний отдельных имений в ф. V О., д. 26461.

Средний поселенный надел в (десятинах)	Число селений	Число ревизских душ государственных крестьян	Процент к общему числу ревизских душ
От $^1/_2$ до 1	2	572	1,6
1 до $1^1/_2$	3	104	0.3
$1^1/_2$ до 2	11	15719	41.7
2 до 3	14	9433	25.0
3 до 4	7	5653	15.0
4 до 5	2	553	1.5
5 до 6	3	1698	4.5
6 до 7	4	3779	10,0
Более 7	1	155	0.4
Итого	47	37666	100

Сравнивая эти цифровые итоги с материалами Правобережной Украины, мы находим между теми и другими большое сходство. Аграрный вопрос так же остро стоял в белорусской Витебской губернии, как на Волыни, в Подолии и в Киевщине. Около половины государственных крестьян имело меньше 2 десятин на ревизскую душу, только 15 процентов земледельцев пользовалось наделом, более или менее приближавшимся к законной норме. Повидимому, и здесь малоземелье было результатом социально-политических условий, характерных для дворянского крепостнического государства. Хотя витебская ревизия не сохранила соответствующих материалов, но можно предполагать, что захваты соседями казенных земель и отобрание поссессорами крестьянских грунтов широко практиковалось и на территории Белоруссии. Витебские земельные нормы исключали возможность сносного ведения крестьянского хозяйства, тем более, что и здесь феодальные повинности устанавливались произвольно и были крайне обременительны.

Эти феодальные повинности в Белоруссии были те же, что на Правобережной Украине — панщина, чинш и данина. Но панщина отбывалась несколько иначе, в зависимости от количества надельных земель, предоставленных крестьянам. Обыкновенно несколько деревень пользовалось земельной площадью, которая называлась «службой» и делилась на 8 осьмух, или уволок, по 10 десятин в каждой [1]. С каждой осьмухи крестьяне должны были прежде всего обработать по 1 моргу (т. е. по $^2/_3$ десятины) фольварковой земли на поссессора. Кроме этих «моргов», с осьмухи полагалась дополнительная панщина в форме «пригонных дней» (по 2 мужских и по 2 женских рабочих дня в неделю) и в форме «сгонов», когда на барское поле 3—4 раза в год сгонялось все работоспособное население деревень. Чинш обыкновенно взимался взамен пригонных дней или налагался на бобылей, которые занимались ремеслами и вовсе не отбывали барщины. Данины взимались так же,

[1] Иногда «осьмух» или шестин было не 8, а 10; такие десятерные шестины были соответственно меньшего размера.

как в Правобережной Украине, в разнообразной форме, чаще всего по нескольку каплунов, кур и яиц с каждой осьмухи земли; но встречались и другие обязательные приношения пряжей, грибами и даже золой. Точное определение каждого рода повинностей и способов их отбывания составляло содержание инвентарей и находилось в соответствии с общими кондициями сдачи арендных имений. Однако и в Белоруссии, в частности в Витебской губернии, наблюдалось то же явление, какое мы видели в Подолии, на Волыни и в Киевщине: снимая имения, арендаторы выторговывали у Казенной палаты более выгодные условия, и содержание инвентарей постепенно менялось в отступление от старых люстраций и к невыгоде государственных крестьян. Не удовлетворяясь этими частичными уступками, арендаторы стремились увеличить размеры панщины, нарушая и кондиции контрактов, и требования инвентарей. Крестьяне жаловались ревизору, что поссессоры обременяют их излишнею панщиной, не предусмотренной инвентарями. Иногда это делалось в форме назначения неположенных сгонов, иногда в виде требования дополнительных работ, не зачитываемых в число пригонных дней. Кроме того, поссессоры широко практиковали так называемые «ремонты», переводы барщинных дней из одной недели в другую, пользуясь для обработки фольварковой пашни лучшей погодой и оставляя крестьянам ненастное время (такие «ремонты» были строго воспрещены законом). Вопреки обычаю, поссессоры не освобождали от пригонных дней в те недели, которые были заняты сгонами, и крестьяне должны были нести двойное, непосильное бремя. Бывали случаи, когда панщина, наложенная на пеших хозяев, переносилась на тяглых и в селениях с большим количеством безлошадных дворов всей своей тяжестью ложилась на небольшое число семейств.

Примером таких произвольных и систематических нарушений инвентарей может служить поиезуитское имение Альбрехтово Полоцкого уезда, насчитывавшее 1606 государственных крестьян (809 мужчин и 797 женщин) и 7089 десятин земли. Под крестьянскими наделами здесь находилось 277 десятин, т. е. по 1.57 десятин пашни и сенокоса на ревизскую душу. На основании инвентаря 1822 года крестьяне имения были обязаны с уволоки обрабатывать в каждом поле по 1 моргу владельческой земли и давать по 2 мужских и по 2 женских пригонных дня в неделю на прочие хозяйственные работы: молотьбу, починку строений, уход за скотом, рыбную ловлю, перевозку сена, возку продуктов в уездный город, чистку каналов, денные и ночные караулы, стрижку овец и стирку белья. В зимнее время взамен женского пригона крестьянки должны были за каждые три дня выпрясть 1½ фунта льну или овечьей шерсти. Для ухода за скотом и птицей назначались бобыли, освобождавшиеся от пригонной панщины. Для вывоза навоза и частично для кошения сена полагались сгоны. Сверх того, с каждой осьмухи (уволоки) крестьяне обязаны были доставлять по 2 курицы и по 30 яиц. В 1834 году были выработаны новые кондн-

ции, несколько изменившие условия старого инвентаря: арендатору предоставлялось право требовать с крестьян дополнительные рабочие дни сверх пригонов на починку фольварковых строений, мостов, плотин и других сооружений. В действительности, как выяснила ревизия, крестьяне несли вдвое больше барщины: сверх «моргов» они должны были обрабатывать заново распаханные земли; молотьба, денные и ночные караулы отбывались не взачет, а сверх пригонов количество сгонных дней было произвольно увеличено арендатором; вместо дополнительной работы по починке строений, крестьян употребляли на другие виды барщины; пригоны и сгоны, почему-либо не отработанные крестьянами, возмещались с некоторым излишком [1]. То, что наблюдалось в Альбрехтове, было типичным и для других витебских имений.

Белорусские крестьяне считались хорошими землекопами и каменщиками. Отход на заработки, в районы сооружения дорог, особенно казенных шоссе, был обычным явлением в витебской деревне. Отсюда выросла новая форма барщинной эксплоатации государственных крестьян. При сдаче в аренду Езерийского староства, насчитывавшего около 23 тысяч государственных крестьян, владельцу было предоставлено право по соглашению с волостной избой отдавать крестьян в посторонние заработки. Арендатор широко использовал это право и заключал с подрядчиками выгодные условия о поставке крестьян на земляные работы. На этих операциях одинаково наживались и арендатор, тайно получавший плату за каждого крестьянина, и подрядчики, выплачивавшие крестьянам ничтожные суммы. По окончании строительного сезона крестьяне возвращались в свои деревни, обманутые и обобранные производителями работ, без всяких денег и нередко с глазными болезнями, вызванными пылью от разбиваемого щебня. Это была наиболее тяжелая форма феодальной эксплоатации, приближавшаяся к настоящему рабовладельчеству [2].

В анонимной записке о Белоруссии, приложенной к материалам ревизии, дается такая характеристика действующей арендной системы: «Белорусские казенные крестьяне, состоящие в распоряжении временных владельцев и арендаторов, терпят притеснения не только не менее помещичьих крестьян, но даже более... Уменье утеснять крестьян работами обратилось в Белоруссии в тончайшее ужасающее человечество искусство. Даже работы разделены на дневные и ночные, чтобы можно было истязать людей во всякое время».

В лучшем положении были крестьяне оброчных имений, особенно привилегированная группа панцырных бояр, платившие в год с каждой осмерной шестины (осьмухи, уволоки) по 163 рубля 83 копейки государственных и феодальных сборов.

Белорусские крестьяне, так же как земледельцы Правобережной

---

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26461, лл. 4—8.

[2] ЦАНХ, ф. V О., д. 26485 (28), лл. 18—19; д. 26461, лл. 12—15.

Украины, жили в условиях примитивного хозяйства и убогого быта. Наряду с трехпольной системой в витебской деревне встречались двухсменные поля; местами в дополнение к основной пашне расчищали клочки нови, засевавшиеся льном. Земледельческими орудиями служили соха с железным сошником, вместо бороны — сосновый или еловый смых, коса, серп и грабли. В рабочем и молочном скоте чувствовался повсеместный недостаток. В среднем лошадь приходилась на 5 ревизских душ, голова крупного скота — на 4 души, голова мелкого — на 2 души. Навоза было мало, удобрение полей почти отсутствовало. Господствовали зерновые культуры, главным образом озимая рожь и яровые хлеба — овес и ячмень. Кроме того, сеяли гречу, горох, местами — бобы и картофель, в огородах — коноплю и домашние овощи. Лен разводился преимущественно в инфляндских уездах. Урожаи были низкие — от 2 до 4 зерен, неурожаи — частые. Отсталое витебское земледелие производило на современников впечатление «печального зрелища» [1].

Селения государственных крестьян были небольшими, по 5—10 дворов, состояли из курных изб и несли на себе печать крайней бедности. Земледелие, в условиях арендной системы, не могло прокормить большинства крестьян. При обычном бюджете витебскому земледельцу нехватало средств для уплаты государственных налогов. Рассроченные недоимки лежали на каждом селении. Только отход на заработки мог спасти крестьян от полного хозяйственного разорения. Наличие судоходных рек, особенно Западной Двины, и шоссейных дорог на Петербург и Москву помогало такому отходу: речными дорогами сплавляли лес и дрова; по берегам рек строили «струги» и «шкуты» (барки), которые спускались вниз по течению; на летние месяцы отправлялись работать на петербургских пристанях; из Люцинского и Городецкого уездов массовыми партиями уходили на земляные работы. Местные промыслы были менее распространенными: в лесных районах Велижского уезда изготовляли деревянную посуду, сани, возки, колеса.

Благодаря Западной Двине, связывавшей Витебскую губернию с Балтийским побережьем, перед арендаторами, зажиточными крестьянами и скупщиками открывались перспективы выгодного сбыта хлеба и особенно льна. Оживленная торговля давала толчок развитию извозов. В витебскую государственную деревню все чаще проникали деньги, а земледельческое население все резче расслаивалось на социальные группы. Судя по описаниям отдельных селений, составленным ревизором, в числе витебских государственных крестьян числилось 1701 бобыльское хозяйство. В одном Езерийском старостве на 11 359 ревизских душ приходилось 1463 бобыля. Эти неоседлые крестьяне или уходили по паспортам на заработки, или нанимались батраками к сельским хозяевам, получая за свой труд продовольствие, одежду и 10—20 руб-

[1] Е. Васильев, Обозрение хозяйства государственных крестьян Витебской губернии. ЖМГИ, № 2, 1844 г.; Е. Васильев, Хозяйственные заметки о Витебской губернии. ЖМГИ, № 6, 1842 г.

лей в год деньгами. Наряду с этой обедневшей прослойкой витебская государственная деревня знала и зажиточное крестьянство, особенно среди русских старообрядцев, западных однодворцев и панцырных бояр; это были владельцы целых уволок, торговцы хлебом, солью и льном, содержатели извозов. Но и здесь процесс расслоения крестьянства осложнялся общей пауперизацией белорусской деревни — неотвратимым результатом хищнической арендной системы. Значение этого социально-экономического фактора одинаково оценивалось и объективными современными наблюдателями, и ревизорами V Отделения. В той же анонимной записке давалась такая характеристика белорусской государственной деревни: «Все казенные крестьяне, говоря вообще, терпят неисчислимые, разносторонние притеснения от своих распорядителей, не имеют никакой надежды на защиту и потому не приносят жалоб, к которым пресечены им и все пути, находятся в совершенном рабстве, невежестве, глубокой нищете, не имеют понятия о неприкосновенной собственности, постепенно приходят в худшее и худшее состояние, делаются в тягость правительству и дойдут до совершенного разорения, если не будет преобразовано их управление» [1].

Эта характеристика была одинаково приложима и к другим районам Белоруссии: Минской и Могилевской губерниям и к Белостокской области. И здесь крестьяне страдали от малоземелья, были обложены чрезмерными повинностями, вели примитивное сельское хозяйство, не обеспечивавшее прожиточного минимума, кое-как перебивались с помощью промысловых заработков и жили в условиях скудного и жалкого быта. В Минской губернии из 90 населенных имений 6 имели средний надел $1^3/_4$ десятин на ревизскую душу, 12 — не более $2^1/_2$ десятин, 5 — не более $2^3/_4$ десятин. За отсутствием достаточных пашенных и сенокосных угодий приходилось делить землю не на три, а на две смены, попеременно засевая ее озимыми и яровыми хлебами. Тяжелую глинистую почву ковыряли русской сохой и непрочной деревянной бороной. Скота нехватало, и скот был малорослым и слабосильным. Удобрение почти отсутствовало. Урожаи были преимущественно сам-3, сам-2. Барщина взыскивалась в увеличенном размере с отступлением от инвентарных правил; под видом сторожевой повинности и шарварков крестьян использовали на винокурнях и молотильных машинах, на дворовой службе, для разных хозяйственных работ; местами заставляли крестьян работать в имениях поссессоров и отдавали в наем на разорительные подрядные работы. Хотя многие крестьяне имели доход от лесных промыслов и от речного сплава, но они оставались вечными неоплатными недоимщиками. По подсчетам ревизора, $^1/_7$ крестьян Минской губернии была «довольно зажиточна», $^3/_7$ — «посредственного

ЦАНХ, ф. V О., д. 26461, в частности лл. 12—15. Описания отдельных имений Полоцкого уезда, лл. 2, 4; Невельский уезд, лл. 2, 5, 6; Городецкий уезд, лл. 5, 11; Ведомости уездного казначейства, л. 77; Список с журнала Приуготовительной комиссии; Е. Васильев, о. с.

состояния» и $^3/_7$ — «совершенно бедные». Пауперизация Минской губернии находила себе внешнее выражение в «безобразном виде строений»: на узких улицах разбросанных мелких деревень в беспорядке лепились ветхие и тесные курные избы; такими же жалкими и необеспеченными от пожара были дворовые хозяйственные строения [1].

Констатируя «расстроенное состояние» Могилевской губернии, ревизор выдвигал на первый план следующие причины этого факта: повторяющиеся неурожаи и скотские падежи, обременительность повинностей и притеснения владельцев. Недоимки, лежавшие на могилевской казенной деревне, более чем втрое превосходили годовой оклад государственных и земских сборов [2].

Белостокская область, перешедшая к России от Пруссии в 1807 году, не отличалась в этом отношении от старых белорусских областей.

Собирая подробные сведения о крестьянских бюджетах, белостокский ревизор приходил к самым неутешительным выводам: повсеместно он находил крупное превышение расходов над доходами. Так, крестьяне фольварка Клевинова Фастовского амта в общем итоге получали от сельского хозяйства 274 рубля серебром, а должны были тратить 513 рублей 60 копеек; крестьяне фольварка Топилец того же амта имели общий доход в 1 209 рублей, а расходовали 1 590 рублей 95 копеек; в небольшом имении Корчимско-Яновского амта крестьяне получали от хлебопашества и промыслов 78 рублей, а расходовать им приходилось 231 рубль 87 копеек; в имении Кумялы Ходоровского амта сбыт продуктов и заработки давали 4203 рубля 10 копеек, а повинности и самые необходимые траты поглощали 5948 рублей $18^1/_2$ копеек; в фольварке Дубницы Новодворского амта дефицит выражался в цифре 1 127 рублей 24 копейки; в фольварке Радзевичи — в сумме 603 рубля и т. д. Недостаток в средствах приходилось покрывать поденною работою и продажей имущества, главным образом, рабочего скота. В крайних случаях на помощь приходило сельское общество, которое вносило за нуждающихся односельчан денежные налоги и оброки.

Своеобразной особенностью Белостокской области было наличие в каждом амте коммунальной кассы, существовавшей на ежегодные крестьянские взносы и выдававшей нуждающимся беспроцентные ссуды. Однако, судя по материалам ревизии, деятельность касс была очень ограниченной: ссуды выдавались по специальному разрешению Областного правления, преимущественно на покупку рабочего скота, иногда на заведение пожарных инструментов и на содержание повивальных бабок. Размеры ссуд были невелики и не могли ликвидировать хронической и острой нужды, которую испытывали государственные крестьяне Белостокской области [3].

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26166.

[2] Там же, д. 26161. Ср.: Бенеке, Хозяйственные очерки Могилевской, Минской и Волынской губерний. ЖМГИ, № 12, 1845.

[3] ЦАНХ, ф. V О., д. 261[illegible] Статистические описания амтов.

Влияние арендной системы пронизывало собой и социально-экономическую жизнь литовской государственной деревни. По природным хозяйственным условиям Литва мало отличалась от соседней Белоруссии. Примером может служить Виленская губерния, представлявшая собой холмистую равнину с обилием лесов и судоходных рек, с песчаной почвой, требовавшей планомерного унавоживания.

Из 536 государственных имений Виленской губернии 284 были «казенными» в собственном смысле этого слова (бывшими старостинскими имениями, отошедшими в казну после пресечения наследников и пр.), 148 — конфискованными у польских помещиков, 42 — помонастырскими, а 62 — ленными и поиезуитскими, состоявшими под наблюдением правительства. Виленские имения, как во всем Западном крае, жаловались и сдавались в аренду, часто на короткий срок, и фактически управлялись субарендаторами из числа местных польских землевладельцев. Крестьянское население этих имений насчитывало 80 920 ревизских душ, имевших в своем распоряжении 316 772 десятины пахотной и сенокосной земли, т.-е. по 3.78 десятины на душу. Средние поуездные наделы были выше всего в Трокском (6.5 десятин) и Россиенском (4 десятины) уездах и всего ниже — в Завилейском (2.1 десятины) и Ошмянском (2.8 десятины). В сенокосах чувствовался острый недостаток. По справедливому заключению ревизора, такое наделение землей могло быть названо «только скудным», тем более, что захваты земли соседними помещиками и отобрание крестьянских полей поссессорами не прекращались и представляли собой обычное явление.

Так же, как в Белоруссии и на Правобережной Украине, феодальные повинности виленских крестьян находились в резком несоответствии с этими голодными земельными нормами: помимо еженедельной панщины и поголовных гвалтов, крестьяне должны были являться до рассвета на «молотьбу с окурками», неделями отбывать «сторожество», отрабатывать шарварки, нести подорощизну (вывоз на продажу фольварковых продуктов), возить для фольварка лес и дрова, доставлять по назначению письменные и легкие посылки. Кроме того, на крестьянах лежали денежные платежи — чинш за земельный надел, «попеловое» за право лесных промыслов, «пропинационное» за право покупать на стороне водку, «пляцовое» за право постройки домов на огородных участках; если подорощизна не отбывалась натурой, она взыскивалась тоже в денежной форме. Наконец, в качестве вещественных данин крестьяне доставляли фольварку хлеб, хмель, сено, домашнюю птицу, рыбу, яйца, грибы, орехи, ягоды и пр. К специальным женским повинностям принадлежали прядение мотков изо льна, пакли и овечьей шерсти и производство огородных работ. Как на практике вымогались у крестьян эти разнообразные повинности, показывает пример старостваТыркшле Тельшевского уезда. На основании инвентаря 1798 года крестьяне этого старостваа должны были, помимо установленного количества барщинных дней (количество это не указано в донесении реви-

зора), выполнять следующие повинности: обрабатывать земли резами или моргами, собирать хлеб и сено, производить молотьбу, содержать в исправности плотины, строить и чинить фольварковые строения, корчмы и мосты, делать дворовые и полевые ограды, пилить доски, вывозить из леса дрова и лесные материалы, платить чинш за земельные участки, вносить натурой лен. Постепенно арендаторы увеличивали повинности: расширяя пашни, заводя новые луга и превращая фольварковые пустоши под огороды, дворовое управление заставляло крестьян нести дополнительную барщину «без счета»; в одном из фольварков староства были установлены чрезмерные уроки — обработка одной сохой в день целого морга. Для фольварковых работ, вопреки инвентарю, требовались крестьянские девушки; у крестьян была отобрана часть лугов, но чинш взыскивался в прежнем размере; была сильно увеличена подводная повинность, которая повлекла за собой потерю нескольких крестьянских лошадей, не выдержавших дальнего расстояния; взамен льна с крестьян незаконно взыскивался денежный сбор по 80 копеек серебром; солома, которую крестьяне доставляли на покрытие фольварковых строений, обращалась на продажу; за счет крестьян часто покупались материалы и нанимались мастеровые для перестроек и починок арендаторских строений; наконец, управляющий и ключ-войт (эконом) заставляли крестьян нести для них дворовую службу и вымогали у каждого хозяина нерегулярные денежные сборы «неизвестно для какой надобности». Констатируя это «неограниченное и в тягость служащее крестьянам обложение их работами и прочими повинностями», виленский ревизор предупреждал губернатора, что на очереди устройство в Тыркшле второй винокурни, которая еще больше увеличит крестьянские повинности. Такие явления не были единичными: виленский ревизор был засыпан крестьянскими жалобами на поссессоров; в отдельных имениях поступало по 20 жалоб на разнообразные притеснения и незаконные действия, допущенные поссессорами. Крестьяне открыто роптали, что у них не остается времени на обработку их собственных наделов.

Сельское хозяйство виленской государственной деревни было таким же примитивным и малодоходным, как белорусское. Наряду с трехпольем, существовала двухсменная система. Земля обрабатывалась сохами, запряженными парой лошадей или волов, а местами одной лошадью. Троение пашни, необходимое при твердости грунта, не применялось, так же как не практиковалось крестьянами размягчение земли катками, обычное на помещичьих и арендаторских угодьях Виленской губернии. Почва крестьянских полей унавоживалась редко, а если унавоживалась, то запоздало и небрежно. Кроме ржи, озимой пшеницы, овса и ячменя поля засевались горохом, гречихой и льном, доставлявшим деревне наибольшие выгоды — в связи с закупками и сбытом за границу через балтийские порты. Урожаи, по свидетельству виленского ревизора, были «меньше посредственных».

Крестьяне, в дополнение к сельскому хозяйству, старались изыскать средства с помощью мелких промыслов: в деревнях встречались кузнецы, плотники, столяры, горшечники — преимущественно из числа кутников, не имевших земельного надела и плативших взамен барщины «пляцовое» за избы. Вблизи от судоходных рек и на больших дорогах крестьяне занимались извозом. Но крестьянская промышленность была слабо развита в Виленской губернии: мелкая торговля и промыслы были сосредоточены в руках некрестьянского населения деревень — мелких мещан и торговцев, чаще всего евреев. Только две группы земледельческого населения выделялись в этом отношении в виленской деревне: русские сектанты пилипоны, развозившие свои продукты, и небольшая группа переселенцев-татар, занимавшихся выделкой кож.

Крестьянский быт Виленской губернии воспроизводил знакомую картину Белоруссии и отчасти Правобережной Украины: деревенские строения в беспорядке теснились вдоль узких улиц; избы не имели ни пола, ни дымовых труб; дневной свет едва проникал через два-три маленьких окошка; молодой скот содержался зимой в жилых помещениях, и от этого избы становились еще грязнее; дым, наполняя избу, медленно выходил через дверь или отдушину в потолке. Летом пищу варили в сенях, на земле, что было причиной частых пожаров. Крестьяне и здесь были под гнетом громадных недоимок: к 15 мая 1840 года они выросли до 81 986 рублей.

В духовном отношении население, в большинстве исповедывавшее католическую религию, находилось под влиянием ксендзов. Единственным удовольствием угнетенного литовского крестьянина было посещение деревенской корчмы, которая вытягивала из него последние денежные средства. Спаивание крестьянства, как мы видели выше, приобрело особенно чудовищные размеры на западных окраинах, в районах арендной системы [1].

Такую же картину рисуют нам материалы гродненского ревизора: и там с закономерной правильностью выступали на первый план острое малоземелье, тяжелые и произвольно увеличивавшиеся повинности, рутинная и жалкая техника, безысходная и возрастающая бедность подавляющей массы литовского крестьянства [2].

16. Прибалтика

Последним районом, в котором применялось «хозяйственное положение», была Прибалтика, состоявшая из 3 губерний — Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. Приморское положение, влажный климат, удобные для земледелия почвы, торговые и культурные связи с Западной Европой налагали своеобразный отпечаток на этот край, имевший

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26465.

[2] Там же, д. 26[illegible].

налаженное и лучше организованное сельское хозяйство. Ревизия 1836—1840 годов оставила мало материалов о государственных крестьянах Прибалтийского края. Тем не менее, на примере Эстляндской губернии мы можем составить себе некоторое представление о положении казенной деревни этого района.

Количество казенных имений и крестьян в Эстляндской губернии было невелико: в 4 уездах — Гаррненском, Викском, Вирляндском и Ервенском — по вычислению ревизора насчитывалось 9 имений и 2203 ревизских душ крестьян[1]. Имения, так же как в других западных губерниях, жаловались и сдавались в аренду на различные сроки. Судя по сохранившимся отрывочным данным, прибалтийскими арендаторами были местные крупные и средние чиновники, землевладельцы из среды немецких баронов, нотарнусы, пасторы, купцы.

Земельное обеспечение эстляндских государственных крестьян было так же неравномерно, как и по всей России. Средние душевые наделы по имениям были такие[2]:

Средний размер надела (в десятинах)	Число имений	Число ревизских душ крестьян	Процент к общему числу ревизских душ
Менее 2	1	62	2.8
От 2 до 5	1	408	18.5
От 5 до 6	3	674	30.6
От 6 до 7	2	826	37.5
Более 7	1	233	10.6
Итого	8	2 203	100

Хотя и здесь ничтожная группа в 10 процентов крестьян имела земельную норму, гарантированную законом, однако, по сравнению с Правобережьем Украиной, Белоруссией и Литвой, аграрные условия прибалтийского крестьянства были более сносными. Зато феодальные повинности по инвентарным нормам были не менее отяготительными, чем в других западных областях. Средний душевой размер барщины по отдельным эстляндским имениям колебался между $17^1/_3$ конными и $16^2/_3$ пешими рабочими днями, с одной стороны, и $32^1/_2$ конными и $36^1/_2$ пешими днями, с другой. Учитывая отношение между количеством ревизских душ и крестьянских дворов в каждом эстляндском имении, мы получаем следующие итоги о степени феодальной эксплоатации каждого двора[3]:

[1] Цифра населения, приведенная в материалах ревизии, несколько расходится с ведомостью, напечатанной в ЖМГИ (см. стр. 470).

[2] Таблица составлена на основании сдаточной ведомости в деле 26444. Одно имение (Папенталь в Гаррненском уезде) не имело крестьянского населения.

[3] ЦАНХ, ф. V О., д. 26444. Сдаточная ведомость.— По имению Нарген количество рабочих дней не указано.

Название имения	Число ревизских душ	Число конных дней	Число пеших дней	Итого
Лаакт	291	100.2	104.2	204.4
Коддиль	233	126.1	141.6	267.7
Тайбель	456	76.8	78.9	155.7
Саулеп	370	79.5	59.9	139.4
Вихтизьба	408	2.7	36.1	38.8
Мецтакен	307	70	71.3	141,3
Гейдмец	76	127.3	122.9	250.2
В среднем по губернии	—	62.8	71.8	134.6

Таким образом, в Эстляндии среднее число барщинных дней в течение года колебалось между 39 и 267 на двор, т.-е. составляло от 1 до 5 дней, а в среднем около 3 дней в неделю. Есть все основания предполагать, что прибалтийские бароны и другие категории местных поссессоров применяли такие же методы выжимания рабочей силы, какие существовали во всем Западном крае: пользуясь хозяйственным и политическим господством в прибалтийских губерниях, они едва ли считались с правилами старых инвентарей, воздерживаясь от легкого и безнаказанного превышения барщинных норм. Бывший арендатор, пастор прихода Нейгаузен Курляндской губернии признавал, что поселяне всего края «находятся в жалком и стесненном положении». К такому же выводу приводит анализ крестьянского движения в Прибалтике [1].

По впечатлениям самого Киселева, который летом 1840 года по пути за границу проезжал прибалтийские губернии, местное сельское хозяйство превосходило хозяйство великорусских губерний и приближалось к западноевропейскому [2]. Тем не менее, урожаи крестьянских полей были далеко не высокими: озимые хлеба давали от 2.48 до 5.8 зерен, яровые — от 3 до 4.7 зерен на зерно посева. Крестьяне старались прирабатывать недостающие денежные суммы с помощью местных промыслов. Это явление особенно наблюдалось там, где земельный надел и доход от земледелия были ниже и не обеспечивали крестьянам прожиточного минимума. Такое положение создалось в имении Вихтизьба Вирляндского уезда, которое насчитывало 408 ревизских душ, входивших в состав 172 крестьянских семейств. Из 3073 десятин земли имения крестьянам было предоставлено здесь 976 десятин, т. е. по 2.39 десятины на душу. На озимых полях крестьяне засевали 29 четвертей и собирали урожай в 72 четверти, т. е. в 2.48 раза больше; на яровых полях посев равнялся 24 четвертям, а урожай составлял 72 четверти, т. е. сам-3. Недостаток хлебных продуктов компенсировался луговодством: с лугов крестьяне собирали 21 960 пудов сена. Имение было расположено на берегу Чудского озера и реки Наровы: это открывало воз-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26421 (52), л. 33. См. стр. 119, 215—217.
[2] ИРЛИ, ф. Киселева, д. 29768.

можность иметь дополнительные доходы от судоходства и рыбной ловли. Перевозкой грузов по озеру и реке было занято 37 хозяев и 57 работников, рыболовством — 51 хозяин. Средний доход судовладельцев колебался от 133 рублей до 780 рублей, их работников — от 17 до 70 рублей. Два крестьянина в имении занимались мелкой торговлей и выбирали с этой целью торговые свидетельства [1].

На примере имения Вихтизьба видно, что в рядах эстляндского крестьянства тоже намечался процесс классового расслоения. Это явление наблюдалось повсеместно: в каждом эстляндском имении, наряду с самостоятельными хозяевами, оказывались семейства бобылей. В общем, по всей губернии из 613 крестьянских дворов 180, т. е. около 30 процентов, было бобыльских. При этом характерно, что выделение зажиточных крестьян и полупролетариев происходило интенсивнее не в земледельческо-промышленном районе Вихтизьбы, где было 2 бобыльских двора из 172, а в имениях с преобладанием сельского хозяйства — в Викском уезде, непосредственно прилегавшем к финскому побережью. Здесь находилось два многолюдных имения — Тайбель с населением в 456 ревизских душ и Саулеп с населением в 370 ревизских душ. Крестьяне этих имений были относительно лучше обеспечены землей: в первом из них земельная площадь составляла 3 887 десятин, из которых 2 993 десятины были под крестьянскими лугами и сенокосами, следовательно, на каждую ревизскую душу приходилось по 6.56 десятин; во втором числилось 4 183 десятины, из них 2 546 десятин крестьянских, т. е. средний надел был еще выше — 6.88 десятины на душу. В имении Тайбель крестьяне засевали на озимых полях 288 четвертей и получали урожай в 1 512 четвертей, т. е. сам-5; на яровых клиньях посев измерялся 348 четвертями, урожай — 1 590 четвертями, т. е. сам-4½. Сена накашивалось 24 780 пудов. В имении Саулеп посевы были меньше: на озимых полях — 81 четверть, на яровых — 120; соответствующие цифры урожаев были — 270 и 375 четвертей, т. е. сам-3.3 и сам-3.1. Сена собирали 31 400 пудов. В таких экономических условиях хозяйствовало в имении Тайбель 111 дворов, из которых 70 было полных, 1 разделенный [2] и 40 бобыльских; в имении Саулеп — 94 двора, в том числе 32 полных, 14 разделенных и 48 бобыльских. Таким образом, каждый крестьянский двор, имевший самостоятельное хозяйство, собирал в первом имении более 43 четвертей озимого и ярового хлеба и 349 пудов сена, во втором — 14 четвертей хлеба и 682 пуда сена. Такой урожай обеспечивал прожиточный минимум крестьянского семейства и оставлял некоторые излишки, которые могли поступать на рынок. В Тайбеле это были по преимуществу хлебные продукты, в Саулепе — излишки сена и, повидимому, мясо и молочные изделия. Несмотря на сохранение феодальной барщины, условия Прибалтийского края силь-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26444. Сдаточная ведомость 1839 года.

[2] Повидимому, под «разделенными дворами» надо разуметь новообразованные хозяйственные единицы, возникшие самовольно, без разрешения Казенной палаты.

нее способствовали росту капиталистических отношений, чем в центральных губерниях России: через балтийские порты шел непрерывный экспорт сельскохозяйственных продуктов, а в прибалтийской деревне крестьянин пользовался большей личной свободой. Поэтому неудивительно, что в обстановке развивающегося денежного хозяйства земледелие Тайбеля и Саулепа приобретало товарный характер, а процесс расслоения крестьян давал такие высокие цифры бобыльства: в первом — 36 процентов, во втором — 51 процент[1].

Однако и здесь процесс капиталистического расслоения осложнялся давлением чрезмерной феодальной эксплоатации, как во всех районах «хозяйственного положения». Прибалтийская деревня не только выделяла из своих недр мелкую сельскую буржуазию и батрачество; в основной массе она беднела и разорялась, погружаясь в трясину хронической недоимочности. Несмотря на своеобразие прибалтийской государственной деревни 1830-х годов, к ней вполне приложима та отрицательная оценка, которая давалась ревизорами хищнической системе арендной эксплоатации.

17. Общие выводы

Перед нами прошли разнообразные районы дореформенной России, в которых жили и вели хозяйство государственные крестьяне. Каждый из этих районов имел специфические особенности, которые коренились в положении, природных условиях и исторических судьбах отдельных местностей. Наиболее резкие отличия наблюдались между губерниями, состоявшими на оброке, и западными областями, в которых преобладала арендная система. В первых крестьяне были юридически свободнее, экономически самостоятельнее, материально обеспеченнее; несмотря на скудное и неравномерное наделение землей, государственная деревня оброчных имений становилась полем для развития торговли и промышленности, переживала процесс классового расслоения, развивались, хотя и замедленными темпами, ее производительные силы. Наоборот, в районах «хозяйственного положения», в результате чрезмерного усиления повинностей, значительного сокращения наделов и жестокого обращения со стороны арендаторов, проявлялись ясные признаки возрастающего хозяйственного упадка; прогрессивные явления, связанные с вызреванием капиталистической формации, оказывались здесь бессильными перед хищническими приемами безудержной феодальной эксплоатации. Ликвидация арендной системы и перевод крестьян на оброк в Правобережной Украине, Белоруссии, Литве и Прибалтике повелительно диктовались материалами киселевской ревизии. Освобождение западных крестьян от тяжелого крепостнического гнета было необходимой предпосылкой для улучшения их экономического положения, а, следовательно, и их финансовой платежеспособности.

---

[1] ЦАНХ, ф. V., д. 26444.. Сдаточная ведомость.

Губернии, состоявшие на оброке, тоже были неоднородны по своему хозяйственному положению: с одной стороны, это были районы давнего заселения, которые пережили долгий и сложный период феодальной формации и имели более плотное население; с другой стороны, это были обширные пространства колонизующейся Сибири с неистощимыми природными ресурсами, сравнительно редким населением и отсутствием крепостного права. Внутренние губернии Европейской России характеризовались глубокими внутренними противоречиями социально-экономической жизни: в районах метрополии развитию новых капиталистических отношений резко противостояло отрицательное давление отмирающего крепостнического строя. Здесь сильнее бился пульс хозяйственной жизни, непосредственнее чувствовалась связь с внутренним и внешним рынком, явственнее обнаруживался переход к новой формации; однако, прогрессивные явления нарождающейся капиталистической эпохи находили себе разнообразные и трудно одолимые преграды в виде помещичьих захватов государственных земель, переложения натуральных повинностей на казенную деревню, систематического спаивания государственного крестьянства и пр. Сибирь оставалась колониальной окраиной, жила более примитивной и замкнутой жизнью, но, несмотря на насилия и грабежи со стороны бюрократического аппарата, была свободнее в проявлении своей хозяйственной инициативы. Сопоставление хозяйства и быта европейской и сибирской государственной деревни наглядно показывает, какое огромное прогрессивное влияние, даже в условиях дореформенного строя, имели обеспечение крестьян землей и отсутствие непосредственного давления со стороны помещиков. Сибирская государственная деревня меньше нуждалась в реформе казенного управления, чем внутренние районы Европейской России, особенно в губерниях с беднеющим крестьянским населением.

В европейской половине Российской империи материалы ревизии установили два основные типа экономических районов: на южном и юго-восточном черноземе господствовало земледельческое хозяйство со слабым развитием деревенской промышленности; севернее, в условиях нечерноземной полосы, наряду с занятием сельским хозяйством, государственные крестьяне были широко вовлечены в развитие промышленности и торговли. Чем больше была возможность рыночного сбыта, чем ближе и доступнее были приморские порты и городские центры, тем напряженнее и быстрее втягивалась государственная деревня в товарно-денежные отношения.

В черноземно-земледельческих губерниях эти глубокие экономические сдвиги необычайно обостряли борьбу за землю: государственная деревня не только защищалась от систематических помещичьих захватов,— в недрах самой деревни происходила борьба между различными крестьянскими прослойками, шло непрерывное наступление на четвертные земли, развертывалась борьба за общинные (преимущественно оброчные) угодья; стремление зажиточных элементов установить част-

ную собственность на пашни и сенокосы сталкивалось с противоположной тенденцией середняцких и обедневших слоев возвратить наследственные участки в состав государственного общинного фонда. В многоземельных районах редко населенного Заволжья эта коллизия не находила себе благоприятной почвы для развития, но в условиях перенаселенности и малоземелья (например, в Курской губернии), она приобретала отчетливые и резкие формы.

Совершенно иначе отражалось развитие товарного оборота в нечерноземных земледельческо-промышленных губерниях; борьба за землю не прекращалась и здесь, в районах, менее одаренных благами природы, но она не имела здесь такого напряжения и остроты, как на юге. Сдавленные малоземельем государственные крестьяне находили себе экономический выход в занятиях разнообразными промыслами и в массовом внеземледельческом отходе. Именно тут, в районах крупных мануфактур и мелкого деревенского ремесла, открывалась возможность приложения торгового и ростовщического капитала, происходил более интенсивный процесс накопления, создавались в первую очередь предпосылки для укрепления и победы новой формации. Особенно наглядно и ярко обнаруживались эти процессы в Московской губернии, которая еще в XVIII веке была хозяйственным аванпостом Европейской России. Однако те же явления обнаруживались и в Тамбовской губернии — районе промежуточного хозяйственного типа, и в Псковской губернии, которая наглядно показывала пути и формы перехода от земледелия к промышленности, и в губернии Вологодской, несмотря на ее удаленность и сравнительно застойно-консервативный характер.

Государственные крестьяне Европейской России находились во власти противоположных, обратно действующих тенденций: чем больше разлагалась система феодально-крепостнических отношений, тем явственнее беднела крестьянская масса под влиянием малоземелья, феодальных повинностей, крепостнического управления, хозяйственной и культурной отсталости; но разложению феодальной формации предшествовало и сопутствовало отделение промышленности от земледелия, расширение и упрочение товарного производства, классовое расслоение казенного крестьянства; наряду с массовым обеднением и недоимочностью, выступали другие явления — усиление зажиточной, кулацкой прослойки, развитие торгового земледелия, местная переработка сельскохозяйственного сырья, рост торговых и промышленных предприятий. Это внутреннее противоречие в жизни государственной деревни в своеобразной форме выражало основное явление эпохи — смену феодально-крепостнического строя капиталистическим. Материалы киселевской ревизии наглядно показывали, что эта борьба противоположных тенденций, начавшаяся еще в пределах XVIII века, достигла своего кульминационного пункта. В западных районах арендной эксплоатации заметно побеждало давление отмирающего строя, получали перевес разлагающие и мертвящие тенденции; в великорусских губерниях — в боль-

шей степени на промышленном севере, в меньшей мере на земледельческом юге — брали перевес прогрессивные обновляющие тенденции хозяйственной жизни; но и здесь, несмотря на более благоприятные условия, капиталистическое развитие сталкивалось с могущественными преградами, которые требовали немедленного и решительного устранения. Дворянское государство, если оно хотело сохранить материальные источники своей финансовой, а следовательно, военной и политической силы, должно было учесть особенности создавшегося положения: хотя бы частично оно должно было устранить крепостнические преграды — расширить площадь крестьянского землепользования, облегчить тяжесть феодальных повинностей, ликвидировать практику административного грабежа, экономически и культурно поднять государственную деревню. Иначе, оставляя в неприкосновенности старую систему хозяйства и управления, оно неминуемо и быстро пошло бы навстречу дальнейшему упадку крестьянского хозяйства; т.-е. уничтожило бы один из важнейших устоев своей собственной хозяйственной и политической мощи.

Таковы были неизбежные практические выводы, к которым приводили материалы ревизии государственных имуществ, предпринятой П. Д. Киселевым.

Глава пятая

РЕФОРМА 1837—1841 ГОДОВ

1. Подготовка реформы. 2. Учреждение нового министерства. 3. Реформа управления оброчными крестьянами. 4. Полицейский и Судебный уставы. 5. Реформа управления в западных и закавказских районах. 6. Попытка инвентаризации помещичьего хозяйства. 7. Итоги.

1. Подготовка реформы

Сам Киселев дал высокую оценку произведенной ревизии. В одной из всеподданнейших записок он сделал о ней следующее заключение: «...имею счастие донести, что чиновники, отправленные по высочайшей воле вашего императорского величества для осмотра государственных имуществ, превзошли мои ожидания обширностью сведений, ими на местах собранных, которые по полноте и новости своей дадут возможность сообразить местные потребности с общими видами правительства в отношении хозяйственного устройства казенных крестьян, оброчных статей и лесов»[1]. Однако, не ограничиваясь материалами ревизоров, Киселев решил лично ознакомиться с положением государственной деревни и с этой целью предпринял летом 1836 года специальную поездку в ревизуемые губернии — Петербургскую, Псковскую, Московскую и Курскую. Ревизоры снабдили его предварительными сведениями о разнотипных волостях, расположенных вдоль почтовых трактов; на местах ему подавались рапорты и ведомости губернскими чиновниками; в казенных деревнях крестьяне обращались к нему с жалобами и заявлениями, касавшимися управления государственными имуществами; сам Киселев вступал в непосредственные беседы с крестьянами, стараясь, как он говорил, «изучить во всей подробности состояние нынешнего управления казенными крестьянами, влияние оного на быт крестьянский, порядок раскладки податей, причины накопления недоимок, нравственность и дух поселян». Поездка продолжалась около

[1] ЦГИА [illegible]

двух месяцев и завершилась подведением итогов, которые знакомят нас с ходом мыслей Киселева накануне реформы. Впечатления от ревизии и от личного объезда четырех губерний воспринимались и перерабатывались Киселевым в духе его феодально-авторитарного мировоззрения. «По личному внимательному наблюдению моему,— доносил он Николаю I,— безнравственность установленных властей и самих крестьян достигла высочайшей степени и требует усиленных мер для искоренения злоупотреблений, которые расстроили хозяйственный быт крестьян в самом основании, породили в них нерасположение к труду, и без того мало вознаграждаемому, и тем остановили, а в некоторых случаях уничтожили надлежащее развитие государственного богатства. Огромные недоимки, накопившиеся после всемилостивейшего манифеста 1826 года, служат достаточным тому доказательством; а запутанность сих недоимок и особенно меры, употребляемые к сбору оных, часто с людей и селений, не подлежащих взысканию, производят в одних равнодушие, а в других беззаботливость к исправному выполнению повинностей и, угрожая конечным разорением крестьян, могут поселить в них чувства, доселе добродушному народу русскому несвойственные» [1]. Правда, Киселев с удовлетворением констатировал, что «дух крестьян вообще покорный,— в особенности сим отличаются домоседы или исключительно занимающиеся хлебопашеством»; но среди однодворцев и крестьян, занимающихся промышленностью, особенно у старообрядцев, он с тревогою отмечал признаки известной самостоятельности и недовольства. В то же время он должен был признать, что «во всех губерниях крестьяне, занимающиеся исключительно хлебопашеством, находятся в беднейшем состоянии противу крестьян-промышленников». Признавая «злоупотребления волостных и сельских начальников», Киселев не щадил красок и для отрицательной характеристики крестьянской массы: по его словам, она коснеет в «грубом невежестве», поражена «развратом и безначалием», довершает свое расстройство «нетрезвостью» и больше всего нуждается в нравственном воспитании и твердой попечительной власти. Киселев попрежнему был убежден, что источником прогрессирующего обеднения государственной деревни является не существующая социально-политическая система, а только несовершенство бюрократического аппарата и недостаточно разумная политика правительства. Как истый гувернаменталист, он начинал разделять мнение, которое раньше, в противовес Сперанскому и Кочубею, упорно и систематически выдвигал Канкрин: главное средство исцеления в создании хорошей администрации, все остальное — разрешение аграрного вопроса, видоизменение податной системы, развитие земледелия и промышленности — приложится мало-помалу в порядке текущего управления.

«Со всею уверенностью можно сказать,— заключал Киселев свое донесение,— что введение особого управления государственными иму-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26123, лл. 68—70

ществами в губерниях есть первое и необходимое действие, долженствующее предшествовать решительному изменению в податной системе, которое требует некоторой постепенности и может только совершиться с успехом, когда новое управление приобретет правильностью и твердостью своих действий полную и справедливую доверенность поселян»[1]. Но эта новая позиция, занятая Киселевым после ревизии и личного объезда нескольких губерний, не была разрывом с руководящими точками зрения Сперанского. В отличие от Канкрина, который скептически относился к проектам хозяйственного преобразования государственной деревни, Киселев не оставлял мысли о необходимости общей, более глубокой реформы экономического и гражданского быта казенного крестьянства.

В конце концов, и Сперанский, и Киселев, и Канкрин — эти наиболее крупные государственные деятели в период разложения феодальной формации — исходили из одних и тех же бюрократических предпосылок; все трое были убежденными и последовательными гувернаменталистами: в стройно налаженном административном аппарате они видели воплощение государственного разума, а реформе управления массами населения придавали первостепенное и решающее значение. Расхождения во взглядах начинались с того момента, когда выдвигался вопрос о существе и темпах социально-экономических преобразований деревни. Умный и опытный Сперанский смотрел шире и дальше остальных; несмотря на ограниченность своего феодального кругозора, он понимал неотложность земельных и финансовых мероприятий, способных ликвидировать нищету и недоимочность крестьянства. Канкрин занимал наиболее одностороннюю и узкую позицию, скатываясь к грубому эмпирическому фискализму. Киселев вполне соглашался с принципиальными установками Сперанского, но в ходе подготовительных работ придавал все большее значение реформе административных учреждений. Так же, как Канкрин, он видел большую сложность проектируемых хозяйственных и финансовых изменений, опасался крупной и внезапной ломки установившегося порядка и стремился обеспечить себе административную свободу действий при выборе и проведении экономических преобразований. Опыт реформы, проведенной удельным ведомством, казался ему достаточно веским доказательством в пользу такой осторожной политики. Тем не менее, мысль Киселева продолжала работать над основными вопросами хозяйственного состояния деревни. Наряду с донесениями ревизоров и впечатлениями от личной поездки, ему помогали изучение законодательства о государственных крестьянах и внимательное знакомство с содержанием накопившихся проектов.

Постепенно, на основе этого разнообразного материала, у Киселева стали складываться контуры намечающейся реформы. Об ее первоначальных набросках мы узнаем из собственноручных замечаний Кисе-

[1] ЦАНХ, ф. [illegible], [illegible] ед. хр. [illegible].

лева, сделанных в Москве 17 сентября 1836 года на докладной записке управляющего петербургскими имениями Лоде [1]. Записка имела целью изложить «предположения об улучшении состояния и управления казенных имуществ», подробно указывая на примере Петербургской губернии, что нужно сделать для поднятия крестьянского хозяйства, для усовершенствования податной системы, для обновления административного аппарата и пр. Киселев выразил на полях полное согласие с некоторыми предложениями Лоде, другие предложения он решительно отверг, точно обосновав свое мнение; некоторые вопросы нашел неразработанными и наметил общее направление для их постановки и разрешения. Систематизируя эти высказывания Киселева, мы получаем следующую сводку его инструктивных указаний, переданных в V Отделение для работы над «Общим положением».

Докладная записка Лоде выдвигала на первый план аграрный вопрос, в частности ликвидацию крестьянского безземелья и малоземелья. Наряду с расширением наделов, автор проектировал выдачу крестьянам правительственных ссуд для покупки живого инвентаря. И в том, и в другом вопросе Киселев занял определенную и достаточно жесткую позицию. Он выступил решительным противником существующей единообразной нормы — 15 и 8 десятин — и считал необходимым исходить из особенностей каждого отдельного селения и установить среднюю норму «душевого надела в размере 4 десятин доброй земли» [2]. Наделение недостающими землями должно было, по его мнению, итти очень расчетливо и в определенной последовательности: прежде всего надо было использовать крестьянские самовольные расчистки леса, затем пустить в ход неудобные казенные земли (превратив их в участки, пригодные для хлебопашества), потом утилизировать отхожие пустоши, наконец, передать земледельческим селениям земельные участки, с одной стороны, промысловых деревень, которые необходимо обратить в посады, с другой стороны, подгородних крестьян, которых следует обратить в мещан. В дальнейшем расширение крестьянского землепользования должно было итти за счет покупки частновладельческих земель и обмена казенных участков на другие, более близкие и удобные. Только в крайнем случае следовало прибегать к переселению крестьян на новые земли. Киселев вполне соглашался с Лоде, что наделение крестьян землей должно было совершаться с крайней осторожностью, «ибо излишняя в сем щедрость отучает их стараться извлекать больше выгод из имеющихся у них во владении земель посредством лучшего оных обработания и подает им повод основывать расчет свой на пространстве, а не на качестве земель, употребляемых под хлебопашество и прочие сельские промыслы». С точки зрения Киселева, государство должно дей-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26421, лл. 1—16.

[2] «Размежевание покажет настоящие способы каждого селения — доброй земли по 4 десятины на душу можно полагать достаточным». ЦАНХ, ф. V О., д. 26421, лл. 1—2.

ствовать как строгий, экономный хозяин, в полном соответствии с требованиями и интересами помещичьего хозяйства; государственный земельный фонд должен сохраняться как мощная материальная опора правительства; аграрная политика государства, в связи с задачами двуединой реформы, должна служить показательным и направляющим примером, который убеждает поместное дворянство в реальности и трезвости правительственных расчетов.

Исходя из тех же социально-политических мотивов, Киселев решительно отвергал предложение Лоде — выдавать казенные ссуды нуждающимся крестьянам на покупку рабочего и прочего домашнего скота. «По оценке земли и по уменьшению податей,— возражал Киселев,— способы возродятся собственные, которые я почитаю более прочными, чем ссуды, часто неудачные даже и для помещичьих крестьян. Малоземельным нужно прежде всего приискать работу и в оной основать будущее их улучшение». Конечно, временные и осторожно выдаваемые ссуды могут быть необходимы, но они должны выдаваться не из государственной казны, а из специальных накоплений, образуемых за счет крестьянских взносов. «Для сего нужно предварительно составить общественный капитал, ибо правительство не может и не должно на сие употреблять собственный капитал». И здесь Киселев выступал как расчетливый представитель казны, координируя линии экономической реформы с задачею воздействовать на хозяйствующее дворянство. С точки зрения Киселева, поступать иначе значило отказаться от мысли превратить реформу управления государственных крестьян в опорную базу для выхода из общего социально-экономического кризиса.

Другой основной вопрос, поднятый Лоде, касался системы крестьянского землевладения. Автор записки исходил из старого проекта Сперанского и Кочубея — ликвидировать земельные переделы и распределить между крестьянскими семьями неделимые тягловые участки, чтобы дать толчок к постепенному совершенствованию сельского хозяйства. Это предложение послужило основанием для Киселева высказать свое суждение о крестьянской поземельной общине. По его мнению, перейти от общинного землевладения к семейно-наследственному значило образовать «обширный класс бобылей, который допустить не следует в видах политических...». «Нынешний порядок,— продолжал свою мысль Киселев,— не столь дурен, как вообще полагают: он в селениях весьма уравнителен, и поелику переделы пахотной земли делаются от ревизии до ревизии, то желательно лишь убедить крестьян уменьшить число дробных полос, разравняв выгоды и невыгоды не по каждому полю или клину, но по трем полям вообще,— так, чтобы доброта полосы земли и отдаленность или близость полосы уравнивалась по выгодам, предоставленным хлебопашцу в первом, втором и третьем поле. То же и о годовых переделах сенокосов». Другими словами, руководясь стремлением избежать в России образования пролетариата и вытекающих отсюда массовых революционных движений, Киселев хочет сохранить по-

земельную общину, но в то же время урегулировать земельные переделы, чтобы устранить вредное влияние крайней чересполосицы. «Наделение земель, обмежевание и оценка должны быть сделаны по *сельским* мирским обществам с предоставлением им собственного распределения душевых участков и разложения на них повинностей... Таким образом, селение от селения оценится разно по качеству и количеству владеемой земли, и между крестьянами каждого селения раздел и раскладка сделаются собственно по их усмотрению и без нарушения *внезапно* их быта [1]. Эта точка зрения, коренившаяся в феодальном мировоззрении Киселева, станет одной из руководящих линий всей последующей реформы. Киселев сознательно и решительно порывал с традицией предшествующего тридцатилетия, которая нашла себе наиболее полное выражение в проекте Гурьева и отразилась в компромиссных предложениях Куракина, Сперанского, Кочубея и Канкрина. В представлении Киселева общинное землевладение, служа консервативным оплотом против социально-политических потрясений, должно было стать экономической базой сельского общества и в то же время административно-хозяйственной основой финансового обложения. Крестьянский мир сохранялся как один из вековых устоев деревенской жизни, спаянный единством взаимных интересов не только по земле, но и по отбыванию государственных повинностей.

Отсюда вытекали у Киселева его воззрения на мир, как на административную крестьянскую общину. Лоде предлагал изменить систему замещения волостных начальников: «Так как главное действующее из них лицо есть голова, в каковое звание не всегда попадается способный человек, от чего затрудняется исполнение распоряжений по управлению казенных крестьян, и особенно безнедоимочный сбор податей, то удобнее было бы в отвращение сего, назначение голов предоставить правительству, а выбор старшин оставить попрежнему в зависимости от обществ». Киселев заметил по этому поводу: «Не согласен. Головы должны, как и все прочие лица, избираться обществами, но писаря могут назначаться от правления». Правда, и Киселев хотел бы установить непосредственное и могущественное влияние государства на самоуправляющуюся крестьянскую общину: он высказывался в пользу отрешения голов и продления их полномочий коронной властью в зависимости от их способностей и от соответствия правительственным требованиям; он принимал предложение Лоде о награждении выборных внешними знаками отличия и прибавлял к этим поощрительным мерам «права и почести личные, кои могли бы приохотить лучших крестьян к принятию общественных должностей». Но Киселев хотел сохранения системы крестьянских выборов как гарантии внутренней спаянности деревенского мира, как источника более широкой и непосредственной

[1] Последнее слово стерто от времени, вставка сделана по внутреннему смыслу.

связи между правящей государственной властью и массами управляемого крестьянства.

Гораздо проще представлялся Киселеву следующий вопрос — о повинностях. Киселеву было ясно, что необходимо было поставить преграду «неправильным поборам и требованиям», разложив денежные платежи на землю и внеся строгую точность в размеры подушной подати, оброка, земских и мирских сборов. Несколько труднее обстояло дело с промысловым налогом: высказываясь за широкое развитие крестьянских промыслов, которые создают рынок для сельского хозяйства, Киселев опасался задержать это развитие стеснительным промысловым обложением. Свои сомнения он заключал практическим выводом: «следует продумать способы промыслы обложить (как сие требуется) сколь можно простым и мало сложным образом — но как? — это вопрос, который должно решить общим нашим разумением». Кроме того, необходимо было, по мнению Киселева, ослабить тяжесть подводной повинности и обратить внимание на незаконные разъезды чиновников. Надо было организовать проверку рекрутских списков и внести в них нужные исправления. Серьезных мероприятий требовало продовольственное дело: следовало всюду организовать хлебные запасные магазины, рассрочить хлебные недоимки и обеспечить возвращение ссуд; натуральный сбор хлебом надо было оставить, а образующиеся излишки продавать на сторону для образования сельского капитала; в неисправных селениях нужно было завести общественную запашку как исправительную меру против недоимщиков. Аналогичную меру выдвигал Киселев против казенных селений, которые запускают денежную недоимку выше годового оклада: такие селения нужно брать в экономическую администрацию, т.-е. заменять в них оброчные платежи отбыванием барщины. Таким образом, если в вопросе о переложении оброка с душ на землю Киселев исходил из проектов предшествующих комитетов и воли Николая I, то в вопросе о применении феодальной барщины он возрождал реакционную традицию старых дворянских проектов. Киселева заботило и культурное состояние деревни: он приветствовал предложение Лоде сократить количество деревенских кабаков и включить в программу предстоящих преобразований организацию юридической помощи и судебной защиты деревенскому населению.

Еще большее значение придавал Киселев распространению народного образования, но и к этому вопросу он подходил с классовой, феодальной точки зрения. Два года спустя, в беседе с математиком Лобачевским, он доказывал, что «ученость у нас должна служить для развития в большом масштабе нравственного и умственного воспитания не всего народа по одной мерке, но всех состояний по предназначению, которое законами нашими дано каждому из нас»[1]. Стоя на этой консервативно-сословной позиции, Киселев считал вполне справедливым

[1] ЦАНХ, ф. Киселева, д. 1838 года, № 23, л. 117.

мнение Лоде, что необходимо ждать улучшения хозяйственного быта государственных крестьян от распространения «образования, приличного и соответственного их состоянию»; нужно увеличить количество волостных училищ и составить для крестьян морально-политическое наставление «в виде гражданского катехизиса, в котором показать обязанности крестьян к государю и властям, обязанности семейные и, наконец, главнейшие постановления полицейские и уголовные, введя все сие из существующих законов». Киселев не видел особой пользы от поступления крестьянских мальчиков в сельскохозяйственные школы, но он считал чрезвычайно важным обучение крестьян силой показательного примера при помощи образцовых крестьянских хуторов.

Немало места уделил Киселев вопросам казенного хозяйства — повышению доходности оброчных статей и правильному использованию лесных массивов. Особенное внимание было обращено им на организацию торгов по сдаче оброчных статей и на образование планомерно вырубаемых годовых лесосек[1].

Разрозненные замечания на докладной записке Лоде частично нашли себе оформление в меморандуме, повидимому, послужившем основанием для всеподданнейшего доклада о программе хозяйственных преобразований: «Предположения о лучшем устройстве дохода от казенных крестьян». Развитие и конкретизация намеченных положений были произведены при помощи бюрократического персонала V Отделения в течение 1836 и 1837 годов. Ближайшими сотрудниками Киселева были управляющий делами V Отделения В. И. Карнеев и его делопроизводители Клоков и Калашников. Киселев получил в их лице достаточно подготовленных и работоспособных исполнителей, которые вышли из административной школы Сперанского и обладали хорошим знанием действующих законов. Характерным представителем этой группы был В. И. Карнеев, получивший впоследствии пост статс-секретаря, чин тайного советника и доходные аренды от Николая I. Выйдя из среды мелкого казанского дворянства, не получив вначале никакого систематического образования, Карнеев начал службу в 1812 году с ничтожной должности подканцелярista (нештатного писца) Саратовского губернского правления. Каллиграфический почерк, уменье литературно излагать чужие мысли и исключительная быстрота в подготовке деловых бумаг обеспечили ему блестящую карьеру в обстановке провинциальных канцелярий. В 1816 году Карнеев получил первый чин — коллежского регистратора — и начал быстро повышаться по лестнице чиновной иерархии. В 1827 году он выдержал испытание при Казанском университете и стал правителем канцелярии казанского военного губернатора. Генерал-лейтенант Желтухин, назначенный полномочным председателем диванов Молдавии и Валахии, проезжая через Казань, обратил внимание на молодого коллежского ассессора, преподавателя

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 27021, лл. 4—13.

чистописания в семье одного из местных аристократов. Оценив бюрократические способности Карнеева, Желтухин предложил ему место директора своей канцелярии. Так же высоко оценил Карнеева как незаменимого помощника Киселев, сменивший Желтухина в Придунайских княжествах. При образовании V Отделения Киселев вспомнил об этом опытном и деловитом чиновнике, занявшем по его собственной рекомендации одну из видных должностей в Министерстве внутренних дел. С этого момента Карнеев стал главной рабочей силой при Киселеве как докладчике V Отделения, а впоследствии министре государственных имуществ [1].

К тому же типу новых подготовленных бюрократов принадлежали ближайшие подчиненные Карнеева. Клоков вышел из среды саратовского купечества, получил высшее образование и служил одновременно в Департаменте государственных имуществ под начальством Канкрина и во II Отделении с. е. в. канцелярии под фактическим руководством Сперанского. При кодификации законов этот умный деловой чиновник произвел сводку всего законодательства о государственных имуществах и приобрел не только хорошее знание юридического материала, но и способность его формально-текстологической обработки. Калашников, сибиряк по происхождению, был близок с известным исследователем Словцовым и через него познакомился с самим Сперанским, в то время генерал-губернатором Сибири; эти связи помогли ему получить образование и начать службу в министерских канцеляриях Петербурга. Совмещая ее с литературной деятельностью, Калашников выделился из среды чиновников своим умом, знаниями и уменьем владеть пером. К той же группе молодых бюрократов V Отделения принадлежал А. П. Заблоцкий-Десятовский, уже пробовавший силы на страницах экономической печати, и юный В. А. Инсарский, сделавший быструю карьеру благодаря своей работоспособности и точному выражению мыслей [2].

Судя по воспоминаниям В. А. Инсарского, и сам Карнеев и его помощники по V Отделению не были глубоко захвачены идеей начавшегося преобразования, но они составляли хороший аппарат достаточно подготовленных и опытных чиновников, быстро исполнявших руководящие указания Киселева. «Самым сильным и трудолюбивым работником,— рассказывает Инсарский,— был сам Киселев, который почти каждое утро высылал кучу полулистов, исписанных его крючковатым почерком, на которых он излагал различные мысли и соображения к новому устройству государственных имуществ» [3]. Эти черновики Киселева поступали к Карнееву, затем распределялись между

---

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26170. Записки В. А. Инсарского. РС, 1894, январь, стр. 27—30.

[2] Записки В. А. Инсарского. РС, 1894, январь и февраль.

[3] Там же, январь, стр. 42—43.

делопроизводителями и ложились в основу подготовляемых законопроектов.

Первое, что сделало V Отделение силами своих сотрудников, была мобилизация обширного законодательного материала о государственных крестьянах, накопившегося в течение полутора столетий. Выполнение этой задачи было облегчено кодификацией права, только что произведенной под руководством Сперанского. Клокову как автору этой сводки было сравнительно нетрудно, имея перед собою Свод законов и том за томом просматривая его правовые нормы, извлекать из него разделы и статьи, непосредственно относившиеся к государственной деревне. Так как все статьи Свода были снабжены точными ссылками на историко-юридические источники, то открывалась возможность комбинировать эту работу с параллельным анализом Полного собрания законов и подготовить хронологический обзор соответствующего законодательства. В результате этой параллельной работы были приготовлены не только материалы для будущих законопроектов, но также опыт их исторического обоснования. Сохранившиеся документы не оставляют никакого сомнения, что вся эта работа велась под определенным углом зрения, под непосредственным влиянием самого Киселева. V Отделению нужно было убедить и Николая I, и правящее дворянство, что законодательство Российской империи о государственных крестьянах развивалось в направлении предпринимаемой реформы и что содержание реформы, не заключая в себе принципиальной новизны, логически и последовательно вытекает из всей предшествующей правительственной политики. Эта мысль о консерватизме проводимого преобразования, об его глубоких и прочных исторических корнях неустанно повторялась Киселевым в его всеподданнейших записках, представлениях Государственому совету и других официальных документах. Она служила орудием фракционной политической борьбы, помогала парировать атаки заядлых крепостников и обещала больший успех при практическом проведении реформы. Вот почему исторический обзор, вышедший из-под пера Карнеева и Клокова, «приглаживал» историческую действительность, опуская некоторые законы и тщательно акцентируя другие, с определенной целью показать неуклонное и непрерывное движение законодательства в сторону гражданского равноправия и самоуправления государственных крестьян [1].

Вторая задача, которую должно было разрешить V Отделение, заключалась в систематизации и обобщении накопляющихся материалов ревизии государственных имуществ. Сюда, в V Отделение, направлялись все донесения и отчеты ревизоров, здесь суммировались все поступающие данные, извлекались наиболее важные факты, составлялись всеподданнейшие записки о результатах повсеместных изысканий и проверок. Если в основе законодательных обзоров лежала мысль

[1] ЦАНХ, ф. ГСДЭ, 1838 год, № 98 (1-я часть записки).

об исторической подготовке реформы, то подведение итогов произведенной ревизии должно было убедить в необходимости немедленного преобразования. В распоряжении Киселева оказался неисчерпаемый материал для отрицательной характеристики прежнего управления. Департамент государственных имуществ Министерства финансов был скомпрометрирован открывшимися насилиями и злоупотреблениями. Сам Николай I, потребовавший к себе важнейшие документы Департамента, убедился в нарушении им принятых форм делопроизводства. Результатом докладов V Отделения было назначение специальной сенаторской ревизии Департамента. При этом были раскрыты неблаговидные действия директора Департамента Дубенского, скупавшего пожалованные аренды и незаконно получавшего казенные земли. Высокомерный и реакционно настроенный Дубенский, сам откровенно метивший в министры, был отрешен от должности и отдан под суд. В сентябре 1837 года управление государственными имуществами было изъято из ведения Министерства финансов и подчинено формально временному совету из нескольких сенаторов, а фактически Киселеву, как докладчику по делам V Отделения. Кроме того, при V Отделении были образованы специальные совещательные комитеты для обсуждения «непорядков», обнаруженных в управлении государственными имуществами, и для изыскания мер, ликвидирующих эти непорядки. Журналы заседаний совещательных комитетов явились новым дополнительным материалом для всесторонней критики действовавшей системы. Так подготовлялись необходимые данные для политического обоснования разрабатываемой реформы. V Отделение скомбинировало эти данные и сжато изложило свои заключения под углом зрения намечаемых преобразований [1].

Третьей задачей, павшей на плечи чиновников V Отделения, были собирание и систематизация предшествующих проектов реформы, начиная с замыслов Екатерины II и кончая последними предложениями Канкрина. Особенно пристальное внимание было обращено на проекты правительственных комитетов, в частности на работы Гурьева, Куракина, Сперанского и Кочубея. Проекты, подававшиеся частными лицами, привлекали к себе меньше внимания и интереса со стороны Киселева и его помощников. Так накопился материал, помогший Киселеву выделить основные вопросы проектированной реформы и взвесить различные предложения с точки зрения его собственных взглядов. Но в V Отделение поступали не только проекты предшествовавшего времени из фондов Государственного совета, министерств и других правительственных учреждений. Слухи о предстоящей реформе разнеслись по разным губерниям, проникли в среду государственных крестьян,

[1] ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1838 год, № 98 (2-я часть записки). Записки В. А. Инсарского, РС, 1894, январь, стр. 3—26; Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа. РС, 1899, сентябрь, стр. 481—489; А. Малышев, Из воспоминаний о прошлом. ИВ, 1885, т. XX.

вызвали разнообразные толки в кругах правящего и хозяйствующего дворянства. В этой атмосфере сосредоточенного интереса к замыслам самодержца и влиятельного Киселева родились новые проекты, которые направлялись в V Отделение и приобщались к прежнему накопившемуся материалу. Здесь были и мнения по отдельным вопросам, и более подробные оформленные предложения, которые поступали от губернаторов, от рядовых чиновников, от местных помещиков и даже от государственных крестьян. Некоторые из этих проектов сохранились и помогают нам уяснить дополнительные источники разрабатывавшихся законопроектов. Таково предложение черниговского, полтавского и харьковского генерал-губернатора Строганова о необходимости награждать волостных начальников за долговременную и честную службу внешними знаками отличия, а также освобождением от телесных наказаний и от общественных повинностей. Таковы обстоятельные мнения белорусского генерал-губернатора Долгорукова о лучшем управлении старостинскими имениями, в частности, о необходимости новой люстрации, о введении жеребьевой системы при рекрутских наборах и о расширении сети волостных училищ. Некоторые авторы развивали старую идею попечительства, облекая ее в конкретные формы детализированных проектов. Чиновник Малинин, служивший в смоленском управлении государственных имуществ, доказывал необходимость «деятельного посредничества попечительного правительства» для поднятия хозяйства «непросвещенных, морально неподготовленных» крестьян; развивая эту мысль, Малинин предлагал ввести семейно-наследственное пользование землей, оказывать систематическую помощь бобылям для восстановления их самостоятельного хозяйства и организовать «исправительные хутора» для злостных недоимщиков, переводя их на общественную запашку и подчиняя руководству особых управителей [1].

Среди этих документов особенный интерес представляет записка калужского крестьянина Адриана Бугрова, озаглавленная «Примечания на распоряжение домостроительства своих собратий казенных поселян». Автор этой записки 34 года служил на выборных должностях, сначала волостным писарем, потом волостным головой, проявил большую энергию в защите интересов своей волости, добился через Сенат возвращения 5 тысяч десятин земли, захваченной соседними помещиками, выхлопотал крестьянам 1000 десятин дровяного леса, в четыре года погасил 10 тысяч рублей недоимки, устранил злоупотребления в отбывании податей и рекрутской повинности. Отличаясь жаждой знаний, Бугров самостоятельно изучил математику, архитектуру, механику и медицину. Приобретенными знаниями он делился со своими односельчанами, оказывал им врачебную помощь и помогал чертить строительные планы. Повидимому, Бугров принадлежал к зажиточной про-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26447, лл. 77, 107; д. 26446, лл. 15—42; д. 26421, лл. 46, 48; д. 26461, лл. 16—19

слойке деревни, так как арендовал у общества две мельницы и дал своим сыновьям высшее образование; один из них, окончив Московский университет, получил степень магистра астрономии. Казенная палата обвинила Бугрова в незаконных сборах, отстранила его от должности и отдала под суд. Однако судебные инстанции, начиная с Уездного суда и кончая Сенатом, не найдя в действиях Бугрова состава преступления, вынесли ему оправдательные приговоры. Тем не менее, Бугров не вернулся к оставленной должности, а уединился в пустыню Пески и только изредка, по приглашению крестьян, являлся на мирские сходы.

«Примечания на распоряжение домостроительства» обличают в авторе хорошее знание государственной деревни, известную начитанность и сильное влияние господствующей феодально авторитарной идеологии. Субъективно Бугров радеет о крестьянском благе, искренне желая хозяйственного и культурного подъема крестьянской массы; но его идеал народного благоденствия выдержан в духе патриархальной традиции и связан с культом «регулярного» феодально-полицейского государства. Регламент главному магистрату, на который ссылается автор записки, служит для него основным источником политической мудрости. Систему прежнего управления он оценивает резко отрицательно, считая, что казенные крестьяне оставались «во мраке разнородных правлений, лишенные отеческого надзора». Крестьяне нуждаются в попечении «благотворительного правительства», ибо они грубы и невежественны. Но, в отличие от дворянских проектов попечительства, крестьянин Бугров возлагает свои надежды на лучших представителей самой крестьянской массы, «людей с дарованием природным и познанием практическим, с душой, расположенной к вере и чистоте»; он хочет, «чтобы сии люди были чужды предрассудков к нововведениям» и, назначенные на должности голов, писарей, старшин и других сельских начальников, сделались хозяйственными и нравственными руководителями казенной деревни. Предварительно они должны пройти умственную и моральную подготовку в волостных училищах, обучиться здесь грамоте, арифметике, геометрии, сельской механике, сельскому хозяйству, церковным и гражданским законам. Не дворяне и не чиновники, а эти добродетельные люди из крестьян должны осуществить широкую и сложную программу попечительства: с помощью правительства обеспечить обучение грамоте всех крестьянских мальчиков и девочек; наладить врачебную помощь крестьянам в специально устроенных больницах (на каждую сотню крестьян должно быть, по предложению Бугрова, по два практических врача); выдавать пособия погоревшим; назначать в качестве опекунов к сиротам «трудолюбивых и трезвых домоправителей»; устраивать образцовые хутора, распространять среди крестьян улучшенные земледельческие орудия, удобрение пашен, травосеяние, домовое рукоделие; образовать общественную запашку и из доходов от нее создавать капиталы на полез-

ные учреждения; искоренять нищенство устройством всех нуждающихся на работу. Одновременно Бугровым проектируется целая система нравственного очищения деревни, которой он придает первостепенное значение. По его мысли, запрещаются мирские, праздничные и свадебные попойки, молодые люди худого поведения сдаются в рекруты, все жители деревень разделяются на «сорты» — добрых и порочных; заводится «книга добрых деяний» и применяются различные средства для «воспитания и образования нравов». В качестве одной из таких воспитательных мер Бугров рекомендует в праздничные дни «после отдыха, вместо кулачного боя, собираться в линии, ходить регулярно нога в ногу, на манер военных служителей, приучаться в сих оборотах к повиновению умнейшим и старейшим, вести разговоры, как лучше устроить домы, домашние рабочие орудия, машины, рукоделия и скотоводство». Бугров считает необходимым благожелательную, но строгую опеку над крестьянами. Он рекомендует «ежемесячно поверять всех поселян хозяйство и поведение, ленивых поощрять к трудам, рачительных отличать похвалой перед собранием и тем направлять умы к полезной деятельности и трудолюбию».

Такова эта любопытная утопия хозяйственного и культурного перерождения деревни в духе полицейской регламентации периода «просвещенного абсолютизма». Пронизанный глубоким внутренним противоречием — идеей всестороннего подъема крестьянской массы и предпосылкой о сохранении существующего политического порядка — проект Адриана Бугрова должен был вызвать сочувственный отклик в сознании Киселева. Знакомясь с этой наивно патриархальной идиллией, Киселев находил в ней некоторую точку опоры для своих собственных планов попечительства над «непросвещенными крестьянами». Записка Бугрова помогала Киселеву нащупать ту прослойку «благонамеренных» зажиточных крестьян, которые могут оказать поддержку предпринимаемой реформе [1].

Законодательство XVIII—XIX веков, материалы произведенной ревизии и накопившиеся проекты были не единственными источниками, собиравшимися V Отделением. Киселев очень заинтересовался удельной реформой Перовского и не раз требовал доставить ему распоряжения и справки, связанные с ее реализацией. С другой стороны, через Министерство иностранных дел и русских посланников за границей он заказывал материалы, характеризующие постановку крестьянского вопроса в различных западноевропейских странах [2]. На основе этих разнообразных источников, исполнительный аппарат V Отделения должен был изготовить все требуемые законопроекты.

Параллельно мысль Киселева продолжала работать над руководящими принципами реформы. Его неизменным и превосходно осведом-

[1] Исторические материалы из архива Министерства государственных имуществ, СПб., 1891.

[2] ЗД, II, 211—214.

ленным консультантом оставался Сперанский. Впоследствии, прочтя биографию Сперанского, Киселев вспоминал о той значительной роли, какую сыграл этот выдающийся деятель начала XIX века в возникновении V Отделения и нового Министерства государственных имуществ: «Указания графа Сперанского столь мне были пригодны, что я вследствие его предложения нередко бывал у него и всегда получал сведения и справки, в коих нуждался и которые он мне сообщал подробно и ясно». Но дело шло не только о «сведениях» и «справках»: у Сперанского были свои давно сложившиеся взгляды на будущие судьбы Российского государства, на крестьянский вопрос и на способы управления государственной деревней. Сопоставляя эти воззрения Сперанского с программой Киселева, мы находим почти полное совпадение в их содержании. И Сперанский, и Киселев получили политическое воспитание в одной и той же среде правящей дворянской бюрократии, в одно и то же время усиливающегося разложения феодальной формации и под влиянием одних и тех же явлений: Французская революция, буржуазные политические теории и смена официальных течений в царствование Александра I и его преемника во многом определили их общественное, внутренне противоречивое мировоззрение. С начала 1835 года Сперанский и Киселев работали вместе и, несмотря на некоторые разногласия, высоко ценили друг друга и чувствовали себя вполне солидарными по основным вопросам преобразования. Сперанский представлялся Киселеву «замечательным по уму человеком, который имел столь много влияния на развитие политического состояния России в первые одиннадцать лет текущего века». Природные способности, философское и политическое образование, правительственный опыт ставили Сперанского значительно выше Киселева, давали ему преимущества руководителя и наставника в сложных вопросах социально-экономической и особенно правовой области. Но и Сперанскому Киселев представлялся незаурядной фигурой на сером фоне николаевской бюрократии: он видел в нем не только известного реформатора Придунайских княжеств, но и прогрессивную административную силу, осуществлявшую его собственные залежавшиеся планы. Когда Киселев присылал Сперанскому на критическое обозрение свои подготовленные проекты, он получал от своего руководителя и консультанта полное одобрение и согласие [1]. Принципиальные установки реформы 1837—1841 годов были подготовлены Киселевым при непосредственном и самом активном участии Сперанского, продиктованы давними соображениями Сперанского и подкреплены авторитетом его влиятельного государственного мнения.

[1] ИРЛИ, № 29.7.182 (Киселев, 271). Письмо Сперанского Киселеву 1837 года; ЗД, III, стр. 364. С этой точки зрения совершенно необоснованно резкое противопоставление «могучего ума Сперанского» «неискусной компиляции Киселева», которое мы находим у Зайцева. Очерки истории самоуправления государственных крестьян. СПб., 1912 г., стр. 83—87.

Главным источником для понимания руководящих принципов киселевской реформы является «Изложение главных оснований преобразования управления государственными крестьянами и имуществами» — докладная записка, составленная V Отделением по указаниям Киселева. Она была представлена сначала Николаю I, затем Государственному совету в качестве объяснительного комментария к разработанным законопроектам [1]. К этому главному источнику присоединяются разрозненные высказывания самого Киселева и свидетельства его ближайших сотрудников, преимущественно в позднейших воспоминаниях и обобщающих оценках. Сопоставляя эти дополняющие друг друга данные и раскрывая внутреннюю логику законодательной мысли, мы находим следующую принципиальную базу, послужившую для построения задуманных институтов.

Сперанский и Киселев исходили из основной задачи, обсужденной и принятой Секретным комитетом 1835 года: преобразованием хозяйственного и правового положения государственных крестьян подготовить почву для смягчения и урегулирования феодально-крепостнических отношений — это значило развить производительные силы государственной деревни, поднять ее упавшую платежеспособность и превратить ее в показательную школу для частных землевладельцев. Государство должно было проявить социально-политическую инициативу и, оставаясь в условиях феодального строя, сблизить между собой различные прослойки земледельческого населения с одной стороны, усилить хозяйственную и административную роль казны как вотчинника-землевладельца; с другой стороны, подтянуть частновладельческую деревню к экономическому и правовому положению реформированной государственной деревни. Эта руководящая мысль, родившаяся еще в недрах первого комитета 1826 года, по понятным соображениям не была высказана в официальной записке Государственному совету, но ее направляющее влияние определило собою всю конструкцию киселевской реформы. С этой точки зрения законопроекты о государственных крестьянах, подготовленные V Отделением под руководством Киселева, были только первой половиной задуманного двуединого преобразования; второй, неразрывно связанной с первой, частью реформы должны были явиться другие законопроекты, регулирующие взаимоотношения частных собственников с их крепостными крестьянами и подготовленные с одобрения Николая I тем же V Отделением под руководством того же Киселева.

Во главу угла Сперанский и Киселев клали две идеи, которые казались им связанными и внутренне согласованными друг с другом: укрепления гражданских прав государственных крестьян и государственного попечительства об их благосостоянии. О расширении и утвер-

[1] ЦАВП, ф. ГСДЭ 1838 года, д. 98; ЦАНХ, ф. V О., д. 26492, л. 3; СРИО, т. 98, стр. 473. Исторические материалы из архива МГИ, в. 1, СПб., 1891, стр. 140; ЗД, II, стр. 17—22, 52, 63, 72.

ждении гражданской правоспособности казенного крестьянства говорили вводные части объяснительной записки — исторический обзор предшествующего законодательства и критика настоящего положения государственной деревни. Все построение этих вводных очерков внушало читателю определенный вывод: в течение двух столетий государственная власть последовательно и неуклонно стремилась превратить государственных крестьян в сословие «свободных сельских обывателей», наделенных личными и имущественными правами; но эти права остались несогласованными между собой, «личные отношения поселян к земле не определены, и самобытность сего сословия не утверждена законом». Отсюда непрочность юридического положения государственных крестьян, которая требует восполнения действующего права в духе двухвековой законодательной традиции. «При устройстве благосостояния столь многочисленного класса необходимо означить положительно пределы дарованных ему прав личных и по имуществам; указать ясно обязанности поселян и определить меру их ответственности: ибо полная известность сих условий более или менее обеспечивает самую неприкосновенность прав, предупреждает нарушение обязанностей, устраняет произвол и служит залогом нравственного улучшения». Такова окончательная формулировка «основного начала», которая в виде торжественной декларации повторяла одну из руководящих мыслей гурьевского проекта [1].

Однако выдвинутый тезис сейчас же получал ограничивающую поправку: по убеждению Киселева, государственные крестьяне составляли непросвещенную и необузданную массу, которая не могла быть предоставлена своим собственным силам — она нуждалась в надзоре и опеке в неменьшей мере, чем крепостные частновладельческие крестьяне. Поэтому, говоря об управлении государственными имуществами, записка выдвигала следующие положения: «В отношении государственных поселян оно должно быть собрано с настоящею степенью гражданского и нравственного их быта и вести их к благосостоянию путем ближайшего непосредственного попечительства». Так возрождалась и устанавливалась в качестве «главного основания» давнишняя мысль дворянских проектов, повторенная и конкретизированная в правительственных предложениях Гурьева, Канкрина и Куракина. В исторической литературе делалась попытка противопоставить эту идею попечительства, торжественно возвещенную Киселевым, односторонней, узко фискальной позиции Канкрина [2]. В действительности, между Киселевым и Канкриным не было принципиальных разногласий по данному вопросу: Канкрин понимал зависимость крестьянской платежеспособности от хозяйственного и культурно-бытового подъема государственной деревни; как убежденный гувернаменталист феодального времени он требо-

[1] См. стр. 157.

[2] ЗД, II, 72. М. Богословский, Государственные крестьяне. «История России в XIX в.», изд. Гранат, т. I, с. 250.

вал от дворянского государства организованного и властного руководства всей жизнью казенной деревни; этим требованием было пронизано канкринское Положение 1826 года, особенно, административные инструкции правительственным и волостным органам, изданные в дополнение и развитие этого основного закона [1]. Киселева, так же как Николая I и многих представителей дворянского сословия, не удовлетворяло применение идей попечительства, характерное для политики Министерства финансов в условиях хронического бюджетного дефицита; канкринская программа жесткой экономии сводила на-нет его бумажные декларации и отдавала перевес недальновидной и грубой системе выжимания недоимок. С другой стороны, и сам Киселев придавал огромное значение требованиям фиска, выдвигая вопрос о повышении доходов с государственных имений и бездоимочном взыскании податных и оброчных сборов. Но Сперанский и Киселев исходили из более широких социально-экономических предпосылок, чем Канкрин: задаваясь целью сблизить положение частновладельческих крестьян с положением крестьян государственных, они оба, особенно Киселев, стремились развернуть широкую «попечительную» программу как идеализованную огосударствленную форму феодального руководства. Если в начале царствования Николая I Сперанский рассчитывал разрешить крестьянский вопрос более прямыми и быстрыми методами — уничтожить сословную замкнутость государственных крестьян, покончить с политикой патриархальной опеки и постепенно приблизить частновладельческих крепостных к положению «свободных сельских обывателей», то теперь социально-экономическая обстановка исключала в его глазах подобные планы. После европейской революции 1830 года и приуральского восстания 1835 года было бы невозможно провести законопроекты 1826—1830 годов; да и сам Сперанский, подобно многим представителям дворянской бюрократии, был достаточно умудрен политическим опытом и предпочел примкнуть к более консервативной и в то же время более влиятельной позиции Киселева. Вот почему идея попечительства, не представлявшая принципиально ничего нового и воплощенная еще в законодательных актах XVIII века, получила у Киселева такое сильное политическое ударение: в сознании авторов задумываемой реформы она являлась не только орудием для поднятия крестьянской платежеспособности, но и средством для выхода из социально-экономического кризиса.

Однако гармонически согласовать обе идеи — утверждения гражданских прав государственных крестьян и феодальной опеки над земледельческой массой — было невозможно и с теоретической и, особенно с практической точки зрения. Принцип расширения крестьянской правоспособности был прогрессивным завоеванием буржуазной идеологии и вытекал из капиталистической перестройки феодальной дерев-

[1] См. стр. 168—169

ни; наоборот, принцип казенного «попечительства» предполагал ограниченность прав феодально-зависимого крестьянства и коренился в условиях и требованиях крепостной эпохи. Пока оставались основные устои феодального способа производства и государственная власть сохраняла свою прежнюю дворянско-крепостническую сущность, в практике управления феодальная опека должна была иметь решающий перевес над всякой тенденцией к гражданской свободе. Таким образом, в самой основе киселевской реформы было заложено глубокое внутреннее противоречие, еще сильнее, чем в предшествовавших проектах Гурьева, Сперанского, Кочубея,— в соответствии с переходным характером переживаемой эпохи и противоречивым мировоззрением самого Киселева.

Сперанскому, и особенно Киселеву, была неясна эта особенность выработанной программы, и они уверенно делали дальнейшие выводы из своих первоначальных посылок. Они понимали, что осуществление идеи попечительства было не по силам Министерству финансов, ограниченному узкими рамками финансовой политики; Канкрину нехватало для этого ни штатов, ни времени, ни широты в постановке хозяйственных и культурных вопросов. По мнению авторов реформы, для управления 20 миллионами государственных крестьян необходимо было создать особое ведомство с особым разветвленным аппаратом полномочных органов: «Управление, по обширности круга действий и важности объемлемых им предметов, для достижения надлежащего успеха следует сосредоточить в отдельном составе». С этой целью нужно изъять государственную деревню из ведения Министерства финансов и устранить вмешательство земской полиции в хозяйственную и культурную жизнь крестьянства; надо создать новое министерство, имеющее собственные подчиненные органы во всех административных единицах Российской империи — в губерниях, уездах (округах), волостях и селениях — и возложить на это новое министерство широкую и ответственную задачу экономического и нравственного подъема государственной деревни. Это «основное начало» тоже не было новым, о нем говорили старые предложения Щербатова и Мордвинова, его пытался применить Павел I в «Экспедиции государственного хозяйства, сельского домоводства и опекунства иностранных»; частично оно нашло себе юридическое выражение в кодексах Гурьева, а в вопросе об изъятии казенной деревни из ведения земской полиции — в законе 1826 года о Петербургской и Псковской губерниях.

Государственный совет вернулся к этой мысли при обсуждении канкринских проектов: вотумом 1834 года он поставил на очередь обособление губернских органов управления государственной деревней и создание над ними самостоятельного центрального учреждения. Вопреки желаниям и намерениям Канкрина, Сперанский и Киселев решили реализовать эту старую мысль как организационную предпосылку всех дальнейших экономических и культурных преобразований.

Реформа Киселева должна была создать особый внутренне замкнутый мир, охватывающий всю территорию страны и относительно независимый в задачах и методах своего управления. Империя уже имела опыты такого административного обособления в виде Министерства двора и уделов и в форме организации военных поселений. Правительству Николая I казалось, что оба эксперимента, по крайней мере, первый из них, получили оправдание на практике; особые задачи, породившие особую администрацию с широкими полномочиями и почти независимую от губернаторов, осуществлялись быстрее и лучше, чем в условиях и средствами общего управления. В глазах Сперанского и Киселева новое влиятельное министерство, подкрепляемое могущественным V Отделением императорской канцелярии, должно было явиться сильнейшим рычагом для постановки и разрешения общекрестьянского вопроса.

Четырехярусная система местного управления должна была, по мнению Сперанского и Киселева, сочетать в себе два момента: направляющую роль коронной администрации и сохранение выборной крестьянской общины. Руководящими инстанциями правительственной власти должны были явиться губернские Палаты и окружные начальники, представителями крестьянского «мира» — волостные и сельские сходы и выбранные ими «начальники». Губернские Палаты обязаны были руководить хозяйственной, правовой и культурной жизнью государственных крестьян на территории каждой отдельной губернии. Окружные начальники мыслились как ближайшие опекуны и попечители казенного крестьянства, воспроизводившие в расширенном и уточненном масштабе функции окружного комиссара по Положению 1826 года. Сельские волостные сходы предполагалось «упорядочить» и строго регламентировать, а крестьянских выборных, и в волости и в селении, подчинить направляющей и контролирующей власти окружных начальников. Таким образом, закреплялась старая система взаимоотношений между правительственными и выборными органами — так же, как в проектах Гурьева и Куракина: крестьянский мир выступал не в качестве свободной самоуправляющейся общины, а в виде посредствующего служебного аппарата между руководящими органами дворянского государства и массами управляемого казенного крестьянства. Такая правовая конструкция соответствовала оформившейся административной традиции XVII—XVIII веков и заключала в себе еще одно внутреннее противоречие, вытекавшее из основных предпосылок Сперанского и Киселева. Вопреки требованию Закревского и других крайних реакционеров, авторы реформы не пошли на упразднение крестьянского мира, но они отказались и от другого возможного решения: предоставить широкую самодеятельность крестьянским выборным учреждениям. В представлении Киселева мирские сходы и выборные начальники не были свободными органами буржуазного самоуправления; эти остатки далекого прошлого, утвержденные силою векового обычая, должны были

сделаться послушным орудием попечительной политики, проводниками программы феодальной опеки, которая исходила от руководящей дворянской власти. Государственная мысль Сперанского в проектах 1809 года развивалась прогрессивнее и тоньше; она открывала бо́льший простор буржуазным влияниям, освобождая местные выборные органы от непосредственного давления правительственной администрации; проект 1826 года был в этом отношении значительным шагом назад, а основные начала 1837 года — окончательной капитуляцией перед феодальной позицией Киселева и его единомышленников. Подчиняя крестьянское самоуправление дворянскому управлению, Киселев и Сперанский создавали теоретически неразрешимую квадратуру круга: на практике, в условиях крепостнического государства приоритет «управления» над «самоуправлением» должен был получить еще бо́льший и решительной перевес, а проектированное изъявление воли крестьян-избирателей приобретало такую же условную и ограниченную форму, какую имели прежние торжественные декларации о гражданских правах государственного крестьянства.

В тесной связи с организацией нового управления намечалось отделение суда от администрации — учреждение особых сословно-судебных органов, доступных и близких крестьянскому населению. Это положение Сперанского и Киселева было возвращением к принципу Екатерины II, заимствованному из арсенала просветительной литературы и частично осуществленному «Учреждением об управлении губерниями». Но в отличие от Екатерины II, авторы задумываемой реформы хотели не только придать этим органам строго сословный характер, но и поставить их в тесную связь с действующей системой уголовного и гражданского права, точно регламентировав их компетенцию и процессуальные формы: «При общем безграмотстве поселян, недоступности для них судебных форм и обрядов и при самой ограниченности частного их достояния, предоставленную им расправу по маловажным тяжбам и поступкам устроить на определительном основании, согласив сколь возможно более с существующими законами».

И здесь торжественно возвещенный принцип оказывался в противоречии с преобладающим направлением всей реформы: если основною задачею управления мыслилось всестороннее попечительство над непросвещенной массою, то свобода и независимость крестьянского суда были бы несовместимы с опекою коронных чиновников. И здесь перевес дворянского «управления» над изъявлением воли самого крестьянства должен был вызвать определенные коррективы, уничтожающие сущность провозглашенного буржуазного тезиса.

Главные основания экономической реформы докладная записка формулировала следующим образом: «Для упрочения хозяйственного быта поселян и умножения польз казны необходимо наделить их достаточным количеством земли и чрез то привесть производительные силы в соразмерное отношение к земле; раскрыть пути к улучшению

сельского хозяйства и к распространению промышленности, уравновесить подати и повинности с способами и выгодами платящих и дать собственному хозяйству казны правильное устройство, сообразное с потребностями времени и с успехами науки государственного хозяйства». Исходя из этих общих задач, Сперанский и Киселев намечали главные линии экономических преобразований: прежде всего они утверждали за государственною казною незыблемое право собственности на все земельное пространство казенных имений с разделением земель на «податные», предоставленные в пользование сельским обществам, и «запасные», остающиеся в непосредственном распоряжении самой казны. Далее они выдвигали на первый план организацию кадастра, т.-е. измерение, описание и оценку земель и угодий. С этой мерой они связывали, во-первых, уравнительное распределение земель между сельскими обществами и наделение обществ недостающим количеством земли, во-вторых, замену душевого оброка поземельною и промысловою податью. Наделение землей должно было происходить за счет запасного фонда и оброчных статей «соответственно нормальному размеру, определяющему действительно нужное количество земли по числу душ селениям земледельческим — на продовольствие и на уплату податей, а селениям промышленным — на одно продовольствие, относя уплату податей на доходы от промышленности». При недостатке земель промышленные селения предполагалось обращать в посады и города, а из малоземельных земледельческих селений переселять крестьян на свободные казенные земли, руководясь специально изданными для этой цели правилами. Поземельные и промысловые подати вводились постепенно по мере окончания кадастра: «Поземельная подать взимается с предоставленных обществам государственных имуществ по исчисленному на правилах кадастра доходу; а промысловая — с производимых ими промыслов и торговли по оценке заведений или с капитала на основании торговых свидетельств или с паспортов». Подушная подать и земские повинности «как налоги общие всем податным сословиям» сохраняли характер душевых сборов, но распределялись между обществами соответственно размерам поземельной и промысловой подати. До завершения кадастра оброк взимался попрежнему с душ, но его общий губернский оклад раскладывался между сельскими обществами «соразмерно местным выгодам от земли и промыслов каждого сельского общества». На тех же основаниях уравнивалось между обществами отбывание натуральных повинностей. Разнородные и неуравнительные мирские и земские сборы заменялись единообразным общим налогом «в виде определительного процента по соразмерности с оброчною суммою, платимою каждым сельским обществом».

Для поднятия земледелия и промышленности «сверх внушений со стороны начальства и независимо от издания печатных наставлений, допускаются пособия, награды и учреждаются в каждой губернии об-

разцовые фермы или хуторы» за счет сумм специально собираемого с крестьян хозяйственного капитала.

«Главные основания» ставили также вопрос о крестьянской поземельной общине. В соответствии со взглядами Киселева и новой, более консервативной, позицией Сперанского сохранялось общинное землепользование с периодическими переделами; но «на местах новых водворений» (т. е. в районах колонизуемых окраин, куда направлялись переселенцы) устраивались «отдельные семейственные участки в виде хуторов на праве постоянного потомственного пользования и без раздробления между членами семейств».

Наконец, очень важное место среди руководящих принципов реформы занимали охрана и повышение доходности государственных имуществ. В этом отношении программа Сперанского и Киселева еще резче отмежевывалась от дворянских предложений Щербатова, Зубова и Мордвинова — раздать казенную землю и государственных крестьян в руки помещиков,— чем все предшествующие правительственные проекты. Сперанский и Киселев стремились сохранить и укрепить систему «государственного феодализма», чтобы резко противопоставить ее феодализму помещичьему и сделать ее орудием приспособления Российской империи к постепенно слагающимся капиталистическим отношениям.

Такова была программа реформы, развивавшая первоначальные наброски Киселева и почти целиком сотканная из материалов предшествующих проектов. Правда, объяснительная записка скептически отзывалась о прежних попытках разрешения поставленного вопроса. «При всяком новом предположении думали исправить дело изменением всех основных начал сельского быта: полагали устроить его по образцу городов и разделить сельских обывателей на гильдии; хотели уничтожить укрепившуюся в народном обычае систему общественного пользования землей и, наконец, хотели достигнуть цели улучшения огромными переселениями». Еще строже был отзыв записки о частных проектах: по мнению Киселева, они «обнаруживали совершенную несообразность с существующими узаконениями и с общими началами государственного управления». Однако, вдумываясь в главные основания реформы Киселева, мы убеждаемся в ее глубокой преемственной связи с дворянской мыслью предшествующих десятилетий. Киселев считал искусственным гильдейское деление екатерининского проекта, но он следовал основным принципам Екатерины II — введения государственной деревни в русло капиталистического товарооборота, признания и укрепления прав свободных «сельских обитателей» и регулирования органов крестьянского самоуправления. Киселев отказывался ломать общинное землевладение, как предлагал в свое время Гурьев, но он заимствовал у Гурьева идеи «гражданского бытия» крестьянина, принадлежности всей земли государству, четырехъярусной системы попечительных органов, переложения оброка на землю и промыслы, измерения, описания и оценки казенных угодий, агрономической пропаганды образцовых хозяйств. Киселев

считал нецелесообразным «огромные переселения», проектированные Куракиным, но он пошел по стопам Куракина в своем предложении насадить семейно-потомственное пользование в районах переселений и в духе рассуждений Куракина настаивал на борьбе с крестьянскими притязаниями на государственную землю. Свою зависимость от работ комитета Кочубея не отрицал и сам Киселев: отсюда были заимствованы идеи кадастра, реформы оброчной повинности, наделения крестьян землей, государственной организации переселений. Самая мысль о попечительстве сложилась и приняла у Киселева конкретные очертания под непосредственным влиянием дворянских проектов, так же как предложение об «общественном сборе» было подсказано старым залежавшимся проектом Рунича. Киселев черпал из этого старого накопившегося материала различные элементы и создавал из них новую хозяйственно-правовую конструкцию под определенным социально-политическим углом зрения: он старался как можно меньше изменять установившийся порядок, «основать управление на существующих узаконениях», преобразуя административные формы, сохранять действующее материальное право. По словам Киселева, у него «постоянно было в виду не только сохранение существующих законов, какие могли быть приняты без особенного неудобства, но и возможное соблюдение коренных обычаев народа, по уважению той неспоримой истины, что самое мудрое и благодетельное учреждение может иметь вредные последствия, коль скоро внезапными мерами поставляется в прямое противоречие с характером народа».

Отвергая более радикальные предложения, Киселев заимствовал предложения наименее спорные, которые подтверждались опытом удельного управления, вроде проведения упрощенного кадастра и переложения оброка на землю. С другой стороны, Киселев стремился развить и детально регламентировать новые отношения, внести наибольшую «определительность» в проектированные институты по образцу феодально-полицейского законодательства XVIII века. Безоговорочно веруя в могущественную силу государственного приказа, Киселев стремился обеспечить для будущего режим твердой законности путем самых подробных бумажных определений [1]. Наряду с использованием традиционных приемов формально юридической регламентации, Киселев ставил своей задачей унифицировать хозяйственное и правовое положение государственной деревни, ликвидировать сепаратные права, привилегии и обязанности и объединить разнородные прослойки казенного крестьянства в единое и единообразно управляемое сословие «свободных сельских обывателей». Наконец, Киселев хотел осторожного и постепенного перехода к новому порядку и говорил: «Но как за всем тем прочность и полнота сего управления необходимо требуют самого внимательного местного соображения с потребностями, обычаями и, некото-

[1] ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1838 год, № 98, л. 154.

рым образом, с самыми предубеждениями народными, которые не должны быть потрясаемы быстрыми переворотами, то по сему уважению настоящее преобразование предполагается ввести предварительно в виде опыта, распространяя его постепенно на все губернии в течение трех лет». По мере указаний опыта новые институты должны были получать необходимые коррективы и дополнения.

Киселев действовал в соответствии с основами своего мировоззрения, как сторонник постепенного умеренного прогресса, предупреждающего всякое потрясение существующего строя. Такое разрешение задачи вполне соответствовало и политической эволюции Сперанского. Из всех правительственных деятелей начала XIX века Сперанский больше всего был захвачен влиянием буржуазной идеологии, но его попытки выйти из социально-экономического кризиса окончились двумя политическими неудачами: в 1812 году потерпели крах его конституционные проекты, в 1830 году рушились его планы более умеренной реформы. Теперь он уступал инициативу влиятельному и осмотрительному Киселеву, надеясь на практический успех последней, еще более умеренной и осторожной попытки. «Всякому доброму делу в твердой руке вашей я рад, чем могу и как могу содействовать и по совести и по убеждению»,— писал он Киселеву, ознакомившись с содержанием анализированной докладной записки [1].

Что же нового обещала предпринимаемая реформа, проникнутая таким глубоким социально-политическим консерватизмом? Несмотря на все усилия избежать опасных нововведений, «Главные основания» Сперанского и Киселева заключали в себе прогрессивные тенденции, которые повелительно диктовал стихийный процесс экономического развития. Пять основных моментов приобретают здесь особенно крупное значение. Сперанский и Киселев делали ставку на расширение и утверждение прав государственных крестьян. Перед лицом захватнических поползновений крепостнического дворянства это означало пресечение всяких попыток открытого или замаскированного закрепощения «свободных сельских обывателей». Завершая собой длинную цепь предшествующих мероприятий, осуществление этого принципа должно было прекратить не только пожалование или продажу крестьян в частные руки, но и принудительное перечисление крестьян в военные поселяне, пограничные казачьи войска, в удельное ведомство и пр. Отныне государственные крестьяне должны были сделаться, по крайней мере, юридически, действительно свободными земледельцами, подобно свободным хлебопашцам, созданным законом 1803 года. Личная свобода государственного крестьянина в соответствии с объемом его имущественных, семейных и общественных прав должна была обеспечить ему прочную правовую опору для проявления хозяйственной инициативы, самостоятельного распоряжения своей рабочей силой, накопления и приложения

[1] ИРЛИ, № 29.7.182 (Киселев, 271).

капитала. Так создавалась одна из важнейших предпосылок для дальнейшего развития капиталистических отношений в государственной деревне.

В тесной связи с этим юридическим моментом стояло другое намечавшееся изменение в положении государственного крестьянина. Проектируя организацию кадастра и замену душевого оброка поземельной податью, Сперанский и Киселев готовы были смотреть на эти меры иначе, чем авторы предшествующих проектов. Если для Зубова, Гурьева, даже Канкрина переложение оброка с душ на землю и промыслы представлялось только организационно-технической мерой, то у Сперанского и Киселева проскальзывала другая, хотя и не вполне осознанная мысль: моментами они рассматривали государственного крестьянина, платящего поземельную подать, как свободного арендатора казенных земель, пользующегося земельным участком за определенную плату. При последовательном проведении этого принципа разложение докапиталистической ренты, о котором говорил К. Маркс в III томе «Капитала» [1], могло получить свое формальное завершение; рента превратилась бы в государственный поземельный налог, а взаимоотношения между казною как собственником земли и крестьянином как арендатором приобрели бы в принципе характер свободного договора. Это толкование, встречающееся в IV главе рассматриваемой записки [2], приобретает особенное значение, если мы учтем взаимную связь отдельных частей двуединой реформы: по проекту Сперанского и Киселева государственные крестьяне получали право свободного перехода с казенных земель на помещичьи, а помещичьи крестьяне — право такого же свободного перехода с помещичьих земель на казенные. Подобное право еще не означало хозяйственной ликвидации феодальных отношений, но оно подрывало одно из важнейших условий феодальной формации — юридическое прикрепление производителя к земле, как ее неотъемлемого придатка. Замена денежной формы феодальной ренты государственным поземельным налогом не могла ликвидировать сразу и без остатка феодальные основы эксплоатации казенного крестьянина, но такая замена была новым и важным этапом в процессе перерастания феодально-оброчного обязательства в форму свободного арендного договора.

Следующим прогрессивным моментом разрабатываемой реформы было приведение в известность и прочное юридическое закрепление за казною ее земельных имуществ — земель и лесов, ископаемых недр и рыболовных участков. Настойчивое и подробно мотивированное проектирование кадастра скрывало за собою определенную, не высказанную в официальных актах, но ясно осознанную Сперанским и Киселевым государственную задачу: прекратить дальнейшие захваты казенных

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, изд. 8, 1936, стр. 701—706.

[2] ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1938 год, д. 98, гл. IV, § 16

имуществ и создать прочные предпосылки для их охраны, экономического использования и усиления их доходности. Авторы реформы хорошо знали о продолжительном и успешном наступлении помещиков на казенную землю, знали о постепенном расхищении государственного земельного фонда и о тяжелых последствиях этого укоренившегося явления; они понимали, что неуклонное сокращение крестьянских наделов и казенных лесов угрожает катастрофическим падением государственных доходов и стремились поставить непреодолимые преграды этому явлению. Правда, Сперанский и Киселев не делали отсюда дальнейшего прогрессивного вывода, не превращали крестьян-арендаторов в собственников надельных участков (как это было сделано впоследствии, после 1861 года); они дипломатически умалчивали о практике пожалования земельных аренд, сохраняя его как юридически разрешенную правительственную меру. Тем не менее, тенденция к отстаиванию государственных земель как источника существования мелких производителей получила в программе Сперанского и Киселева ясное выражение, конечно, с точки зрения господствующего дворянского государства [1]. Наделение крестьян недостающею землею, которое выдвигалось как одна из главных и очередных мер предстоящего преобразования, составляло другую сторону того же положения, так же, как предоставление сельским обществам специальных лесных участков и большей части ископаемых.

Несомненно, большое прогрессивное значение имела ставка Сперанского и Киселева на развитие производительных сил государственной деревни: задача добиться агрономических улучшений, подъема крестьянского хлебопашества, роста крестьянских промыслов, прямо и непосредственно служила объективному процессу экономического развития. Авторы реформы понимали эту задачу достаточно широко: они не ограничивались проектированием образцовых ферм и хуторов, а считали необходимым создание административно-правовых и культурных предпосылок желательного хозяйственного подъема. В этом смысле различные пункты «попечительной» программы, несмотря на паллиативность задуманных мероприятий и независимо от феодальных методов попечительной политики, помогали развитию и победе новой формации: основание волостных училищ, устройство врачебных пунктов, организация юридической помощи и тому подобные начинания должны были в той или иной степени способствовать разложению отжившего феодального порядка.

Наконец, нельзя отрицать прогрессивного содержания тех финансовых мероприятий, которые по мысли Сперанского и Киселева должны были устранить прежнюю неравномерность и непосильность крестьян-

[1] В этом отношении особенно характерны рассуждения Киселева о неминуемой оппозиции реформе со стороны помещичьего класса, которые мы находим в его письме Николаю I 26 ноября 1837 года (ИРЛИ, архив Киселева, № 129, 7—6).

ских повинностей. С этой точки зрения приведение денежных сборов в строгое соответствие с источниками дохода, уравнение натуральных повинностей, замена произвольных взиманий правильно организованным общественным сбором помогали расчистить почву для более быстрого и беспрепятственного роста капиталистических отношений в государственной деревне.

В известной мере такое же прогрессивное влияние на ход социально-экономического развития должна была оказать ликвидация поземельной общины в районах сельскохозяйственной колонизации. Правда, территория, на которой предполагалось образование семейно-потомственных участков была очень ограничена, а оценка, данная Киселевым общине, не обещала широкого насаждения индивидуального землепользования; однако и этот отголосок первоначальных замыслов Гурьева и Куракина мог явиться новым толчком к ускорению хозяйственных процессов.

Наконец, прогрессивный характер носило стремление Киселева устранить отжившие средневековые перегородки, разделявшие государственных крестьян на разнообразные, иногда маленькие прослойки с своими особыми правами и обязанностями. Унификация хозяйственного и правового положения государственных крестьян была одной из существенных предпосылок экономического и культурного развития деревни.

Но, учитывая прогрессивные стороны изложенной программы, мы не должны переоценивать их практического значения: они неразрывно переплетались с феодально-реакционными тенденциями, которые вытекали из классовой дворянской позиции Киселева. Устанавливая попечительную опеку над крестьянской массой, сковывая крестьянское самоуправление бюрократическими колодками, задерживая разложение поземельной общины, а главное, сохраняя феодальную зависимость 20 миллионов земледельческого населения от дворянского государства, Киселев значительно понижал и обесценивал хозяйственное и культурное значение своих более передовых замыслов. Он не собирался разрушать феодально-крепостнические отношения, он оставался на почве существующего порядка, переживавшего процесс глубокого разложения.

С другой стороны, некоторые стороны крестьянской жизни оставались незатронутыми руководящей программою Сперанского и Киселева. «Изложение главных оснований» ни одним словом не упоминало о преобразовании управления арендными имениями, оставляло открытым вопрос о пожаловании казенных земель, очень глухо говорило о взаимоотношениях нового ведомства и органов общегосударственного управления. В какой мере прогрессивные тенденции разрабатываемой реформы смогут перевесить тяжелый груз феодального наследства, зависело от дальнейшего развития и конкретизации установленных принципов. То или иное сочетание намеченных элементов должно было определить преобладающее направление всего преобразования в целом.

Реформа управления государственной деревни должна была зави-

сеть и от другого, не менее важного фактора — от содержания и характера второй части задуманного преобразования, изменяющего хозяйственное и правовое положение частновладельческих крестьян. Разработка обоих вопросов должна была происходить согласованно, в строгом соответствии с поставленной основной задачей.

В мае 1837 года Киселев представил царю «Предварительные соображения о преобразовании управления государственными имуществами», в которых мотивировал необходимость учреждения нового административного ведомства [1]. В составе «правительственной экономии» Киселев различал две категории дел: «собственно хозяйственные», относящиеся к управлению казенными землями, лесами, крестьянами и другими государственными имуществами и «финансовые», относящиеся к собиранию государственных налогов и пошлин. В соответствии с этим делением Киселев предлагал разделить «ведомство казенных дел» на два главных управления: Министерство государственных имуществ и Министерство финансов. «Такое разделение,— прибавлял Киселев,— представляет ту несомненную пользу, что, изъемля разнородные части из одного столь сложного состава управления, доставит каждой из них большую удобность к развитию и усовершенствованию, сообразно их свойствам и государственным выгодам».

По предложению Сперанского, к ведомству нового министерства должны были отойти: 1) все свободные сельские обыватели, т. е. государственные крестьяне, свободные хлебопашцы, иностранные поселенцы и кочующие народы, 2) государственные имущества — земли, леса, воды, оброчные статьи, горные и винокуренные заводы, казенные фабричные предприятия, 3) поощрение сельского хозяйства в империи. Принципиально Киселев вполне согласился с предложением Сперанского. Формально он мотивировал включение третьего пункта в программу нового министерства «в том уважении, что правительство, как главный вотчинник земель, имеет более основания и возможности оказывать покровительство и поощрение по извлечению богатств от возделывания земли». Но у Сперанского и Киселева было другое, более серьезное основание поставить перед новым министерством широкую задачу поднятия сельского хозяйства на всей территории империи. В плане задуманного двуединого преобразования Министерство государственных имуществ должно было стать «министерством реформы», могущественным рычагом для очищения и регулирования феодальных отношений. С этой точки зрения нужно было дать ему точку опоры, обеспечить за новым ведомством формальное право и материальную возможность воздействовать на частновладельческий сектор сельского хозяйства. Способствуя развитию капиталистической агротехники, новое министерство могло подготовить необходимые предпосылки для уни-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26492, лл. 1—15.

чтожения рабства и создать благоприятные условия для бо́льшего или меньшего вмешательства в феодально-помещичье хозяйство.

Но, принимая предложение Сперанского, Киселев вносил в него одну организационную поправку: он просил Николая I временно оставить в ведении Министерства финансов все промышленные казенные предприятия — фабрики, винокуренные заводы, соляные озера и копи, горное дело. По мнению Киселева, «внезапное передвижение всех сих частей могло бы причинить некоторые неудобства, соединенные с резкими переменами, и воспрепятствовать успешным занятиям нового управления в коренном предмете его обязанностей по устройству государственных имуществ». Другими словами, Киселев не хотел загромождать «министерство реформы» хозяйственными заботами по эксплоатации казенных предприятий; ему было важно сосредоточить все силы и средства новообразованного ведомства на «коренном предмете его обязанностей» — на хозяйственном и культурном преобразовании государственной деревни, как на исходном моменте общегосударственного разрешения крестьянского вопроса.

«Предварительные соображения» излагали в дальнейшем внутреннее устройство нового «Министерства государственных имуществ и сельского хозяйства» и устанавливали, какие учреждения и ведомства должны передать ему свои функции и дела [1].

17 мая 1837 года докладная записка Киселева получила утверждение Николая I, и персонал V Отделения приступил к непосредственной работе над составлением законодательных текстов. Основное содержание реформы было решено изложить в 9 самостоятельных проектах: 1) Учреждения Министерства государственных имуществ (с приложением Наказа министерству), 2) Учреждения Палат государственных имуществ, 3) Учреждения окружного правления, 4) Учреждения волостного правления, 5) Учреждения сельского управления, 6) Сельского полицейского устава, 7) Сельского судебного устава, 8) Главных оснований хозяйственного устава, 9) Нормальных штатов. V Отделение заранее составило «сетку» для будущего положения и теперь, на основании принятых руководящих принципов, начало заполнять ее материалами действующего права и новыми дополнительными нормами [2]. Одновременно, по мере окончания ревизии, в губерниях стали открываться Приготовительные комиссии, в которые назначались кандидаты на будущие должности проектированного губернского управления. В обязанности комиссий входило проверить размеры недоимок, подготовить материалы для полюбовного размежевания с частными владельцами, выяснить объем и содержание сдаваемых дел и составить подробные сдаточные ведомости для приема государственных имуществ [3].

[1] ЦАНХ, ф. Киселева, № 41, лл. 16—17; ЦАНХ, ф. V О., д. 26492, лл. 1—15.

[2] ЦАНХ, ф. V О., д. 27021, лл. 71—72; ИРЛИ, архив Киселева, 29.7.71, л. 12.

[3] ЦАНХ, ф. V О., д. 26421, лл. 67—68; д. 26429, лл. 1—2, 11—27, 46—49, 62—70, 197; Записки В. А. Инсарского. РС, 1894, январь, стр. 27—30.

В июле 1837 года законопроекты были подготовлены и поступили на обсуждение двух специально образованных комитетов: один из них был составлен из знатоков действующего права, представлявших II Отделение с. е. в. канцелярии, Министерство юстиции и Министерство внутренних дел, второй состоял из губернаторов типичных, но разнохарактерных губерний [1]. Киселев надеялся, что таким путем удастся лучше согласовать законодательные тексты «с общими государственными постановлениями и с местными потребностями». Пройдя через горнило этих бюрократических инстанций, проекты V Отделения должны были приобрести бо́льшую точность и бо́льшее соответствие основам и духу дворянского государства. Обсуждение продолжалось четыре месяца и вызвало большое количество поправок и дополнений. Особенно горячие споры загорелись в комитете губернаторов, которые обрушились на «теоретические» предложения Киселева и подвергли их беспощадному обстрелу с точки зрения официальной идеологии. Судя по сохранившимся данным, критика губернаторов носила эмпирический и реакционный характер. Особенно активную роль сыграл курский губернатор М. Н. Муравьев, когда-то член «Союза спасения», а впоследствии усмиритель польского восстания, и тамбовский губернатор Н. М. Гамалея, типичный представитель служебно-бюрократической рутины. Несмотря на ясно выраженную волю Николая I и на могущественную власть V Отделения, среди губернаторов чувствовалась скрытая оппозиция против широких и самостоятельных полномочий нового ведомства; попытка Киселева расширить и укрепить гражданские права крестьянства столкнулась с обратными контрпредложениями; проектам образования упрощенного суда, отделенного от администрации и опирающегося на писаные законы, была противопоставлена прежняя процедура разбирательства жалоб на мирском сходе на основе колеблющегося обычного права; даже стремление вывести из обихода курные избы показалось губернаторам вредным «в холодном климате и при обычной жизни поселян, держащих вместе с собой домашний скот и птицу в холодное время». Многие исправления, внесенные губернаторами, были приняты и внесены в текст законопроектов, но по некоторым вопросом V Отделение во главе с Киселевым осталось на ранее занятой позиции. В общем, обработка проектов петербургскими и местными экспертами оказала определенное влияние на содержание и форму подготовляемой реформы. Некоторые принципиальные вопросы, например, о существовании арендной системы в западных районах, были решены в реакционном смысле, а формулировка норм административ-

[1] В составе первого комитета было 7 человек, в том числе известный Куницын и выделявшийся своими сведениями обер-прокурор Пинский. В состав второго комитета входили начальники губерний: Петербургской, Московской, Псковской, Курской, Тамбовской, Киевской и Витебской (ЦАНХ, ф. V О., д. 27021, лл. 71—74).

ного и процессуального права еще более приблизилась к действующей системе Свода законов [1].

Не ограничиваясь комитетским обсуждением выработанных законопроектов, Киселев запросил мнения крупнейших сановников, в том числе своего сотрудника и консультанта Сперанского и своего противника и оппонента Канкрина. Первый ответил полным одобрением намеченных институтов, второй занял резко отрицательную позицию. Киселеву было особенно важно выслушать мнение министра финансов по поводу «Главных оснований хозяйственного устава». Канкрин не без горькой иронии поблагодарил за оказанное ему доверие и прибавил, что он может высказаться только по финансовым вопросам: «ибо,— мотивировал он свое заявление,— с отделением государственных имуществ от Министерства финансов сведения по сему предмету отчасти вышли из моей памяти и я не имею чиновника, довольно по сей части сведущего, с которым я мог бы посоветоваться, почему при всей готовности содействовать общеполезному делу, не нахожу у себя к тому в желаемой мере способов». Тем не менее, Канкрин подверг сокрушительной критике хозяйственную программу Сперанского и Киселева: он говорил об опасности перераспределения земель, которое вызовет «уныние» и «смятение» среди государственных крестьян; повторял свои мнения о трудностях проектируемого кадастра и об еще бо́льших трудностях промыслового обложения; подвергал сомнению достоинства поземельного налога; оспаривал целесообразность раскладки налогов самими крестьянами; пугал опасностями оглашения задуманных мероприятий. От Канкрина не скрылся противоречивый характер новой системы управления, и он метко кольнул «либерального» Киселева трезвой оценкой «попечительной» политики будущего министерства. Говоря о проекте финансовых нововведений, он спрашивал Киселева: «Не лучше ли бы отделить все сие в виде секретного руководства для одного высшего управления? Причины сему заключаются в том, что на казенных крестьян новое, так сказать, опекунское управление на первый раз сделает сильное впечатление, что, привыкши, как вольные люди, располагать сами своими занятиями и промыслами произвольно, а частью за вредным образом, всякий и самый благодетельный надзор сначала покажется им тягостным, земли же считают они своею собственностью. От чего через введение нового порядка они впадут в некоторое уныние; если же будут иметь в виду многие вновь предположения, как-то управления в землях, кадастр, платежи по земле и особенно по промышленности, то сие может у них возродить по внушению злонамеренных лиц разные неосновательные опасения и кривые толки, от чего могут возникнуть многие затруднения». Кроме того, Канкрин не раз в самых решитель-

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 27021, лл. 71—74; ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1838 г. д. 3647, лл. 374—377, 382—385, д. 98, л. 487; Записки И. С. Жиркевича, РС, 1890, сентябрь, стр. 690—691; Записки В. А. Инсарского. РС, 1894, январь.

ных выражениях заявлял Киселеву, что Министерство финансов, обременённое разнообразными расходами, будет не в силах содержать новое ведомство по управлению государственными крестьянами. Канкрин настойчиво выдвигал требование, чтобы все расходы на новые штаты и административные начинания были отнесены на счет самого Министерства государственных имуществ. Угрожающие предсказания Канкрина (хотя принципиально он держался той же политической точки зрения) имели под собою реальные основания и не могли не подействовать на Киселева, как на автора реформы [1].

Возражения Муравьева, Гамален и Канкрина были не единственными и не последними проявлениями дворянско-бюрократической оппозиции. В помещичьих гостиных оживленно обсуждали возможные направление и последствия реформы. По свидетельству генерала Левенштерна, дворянскими кругами высказывались различные взгляды на предстоящие преобразования. В дневнике 1827 года он писал: «Передовые люди ожидают от них неизмеримого блага, обскуранты сомневаются, люди малодушные дрожат». Вероятно, в помещичью среду разнообразными путями просачивались слухи о неразрывной связи между реформой управления государственной деревней и постановкой вопроса о крепостном праве. Крайние крепостники боялись изменения в положении государственных крестьян и крайне несочувственно ожидали мероприятий по охране казенных земель и расширению прав государственного крестьянства. Резко оппозиционную точку зрения должна была высказывать и значительная часть местного чиновничества, больно задетая произведенной ревизией и предстоящим умалением секретных доходов. Вести о подготовке каких-то изменений проникали и в недра государственной деревни; крестьяне, хорошо знавшие о военных поселениях и о перечислении части деревень в уделы, по-своему истолковывали распространяющиеся слухи. Внутреннее брожение широко охватило территорию казенных имений. По свидетельству самого Киселева, в Московской и Владимирской губерниях крестьяне опасались введения военного положения и принудительной общественной запашки. Зажиточные крестьяне спешили перейти в городские сословия, средние и бедные ожидали дальнейшего ухудшения своей участи.

Киселеву были известны эти наглядные симптомы назревающего сопротивления его административным планам. Он одинаково опасался и оппозиции со стороны дворянства, и стихийного взрыва со стороны крестьянской массы. Учитывая господствующие настроения, он стремился застраховать начатое дело и защитить себя от будущих обвинений непосредственной апелляцией к Николаю I. Незадолго до официального представления законопроектов он обратился с личным письмом к императору, предупреждая его о существовании разнообразных про-

---

[1] ЦГАОР, ф. Министерства финансов особенной канцелярии по секретной части, д. 1829 года, № 493, лл. 420—443.

тивников реформы. Киселев говорил о том, что «неприязненность должна быть общая», что против поднимутся и крестьяне, и помещики, и чиновники, и откупщики. Он заранее умело воздействовал на Николая I в духе патриархально-попечительного абсолютизма. «В самом сословии поселян,— писал он в своем обращении к царю,— первое впечатление будет невыгодное; привыкнув к необузданной свободе и искупая пороки и бесправие пожертвованием своего избытка, люди сии почтут стеснительным для себя всякое действие попечительной власти. Сделавшись равнодушными к улучшению своего быта, погруженные в грубое невежество, они предпочитают удовлетворение привычных страстей всем обещаниям лучшего состояния». Эта намеренно сгущенная реакционная характеристика дополнялась соответствующей оценкой дворянской и бюрократической оппозиции: «Опасения нововведения, потрясение обычаев и предсказания горестных от того последствий составят общий гул всех тех, которые, взирая равнодушно на государственное устройство, ищут и находят его в извлечении лишь собственных выгод или удовлетворении своих страстей». Киселев откровенно указывал, что интересы массы помещиков «тесно связаны с общим неустройством по управлению государственными имуществами»: частные землевладельцы присваивали себе плохо охраняемые государственные земли и, как правило, перелагали натуральные повинности с собственных крестьян на государственных. Одновременно, выражая свое глубокое убеждение и искусно играя на полицейских мотивах Николая I, Киселев предупреждал его о политической опасности возможного отказа от реформы: склониться перед временными затруднениями значило бы поступить нецелесообразно, укрепив почву для будущего, более серьезного и неминуемого взрыва [1].

Николай I разделял это мнение Киселева и ответил ему выражением своего полного согласия и доверия. Поддержка со стороны самого царя определила дальнейшую тактику Киселева и помогла ему легко и быстро парализовать возражения своих противников. Почти еженедельно он делал доклады Николаю I о ходе подготовки преобразования. По мере изготовления законопроектов, Киселев предварительно представлял их на одобрение царя как верховного начальника V Отделения; только получив такое одобрение и уже ссылаясь на волю самодержавного императора, он вносил законопроект в Государственный совет, ставя это высшее законодательное учреждение перед лицом совершившегося факта. Таким образом, всякая возможность фракционной борьбы, существенных коррективов и неопределенных отсрочек были исключены принятой процедурой прохождения реформы через правительственные инстанции. Это еще раз подтверждало, насколько

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 27021, лл. 58—59; ИРЛИ, архив Киселева, д. 29.7.66. Письмо Киселева Николаю I 26 ноября 1837 года; ЗД, II, стр. 57—59, 61—65.

условно и относительно было пресловутое преклонение Киселева перед принципом формальной законности [1].

С другой стороны, Киселеву было очень важно предотвратить возможность массового крестьянского протеста, связанного с введением нового управления. С этой целью он представил Николаю I следующий план реализации реформы, разработанный им после совещания с гражданскими губернаторами. Киселев предлагал «для предупреждения беспокойств между государственными поселянами и склонения общего их мнения в пользу новых постановлений», во-первых, вводить новое управление постепенно, во-вторых, привлечь государственных крестьян целым рядом уступок и финансовых льгот. Прежде всего предполагалось учредить новое центральное ведомство в виде Министерства государственных имуществ, затем через некоторый промежуток времени начать введение новых губернских учреждений, распространяя их на территорию оброчных губерний по мере окончания производимой ревизии: в начале 1838 года Киселев предлагал образовать Палаты в Петербургской, Московской, Псковской, Курской и Тамбовской губерниях, в конце 1838 года — в следующих 10 губерниях, в течение 1839 и 1840 года — во всех остальных районах. После образования Палат, укомплектования их чиновниками и приема государственных имуществ из ведомства Казенных палат, должны были быть сформированы окружные управления «из лиц, известных своими нравственными правилами, хотя бы они были в чинах, не соответственных классам должностей». Назначению этих непосредственных опекунов и попечителей крестьянской массы Киселев приписывал особенно крупное организующее влияние: «Сии чиновники, устранив местные злоупотребления, ознакомят поселян с духом новых учреждений, приобретут их доверенность и действием кротких внушений приуготовят их к принятию нового устройства». Только тогда можно будет учредить новое волостное и сельское управление, давши им в качестве руководства утвержденные сельские уставы — Судебный и Полицейский. Таким образом была бы осуществлена первая часть программы — преобразование управления оброчными государственными крестьянами. Параллельно следовало подготовить проведение реформы в остзейских и западных губерниях и «учредить управление в оных с теми изменениями и дополнениями, какие по местным обстоятельствам окажутся необходимыми». Таким образом была бы реализована следующая часть программы — преобразование управления в районах арендных имений. Что касается Хозяйственного устава, то Киселев понимал всю сложность экономических нововведений и хорошо помнил о предупреждениях Канкрина. Поэтому он предлагал вводить «Основания» по частям и не иначе как «по точнейшем удостоверении в удобстве применения в каждой губернии, и притом всякий раз с разрешения министра государственных имуществ».

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26565, лл. 2—6.

Следовательно, реализация наиболее важной экономической части программы — организация кадастра, переложение оброка, наделение землею и пр.— растягивалась на неопределенное и долгое время. Это развязывало Киселеву руки и облегчало ему постепенное и независимое осуществление намеченных хозяйственных мероприятий. В общем, составленный организационный план вполне соответствовал основной задаче киселевской реформы: насадить сверху бюрократический аппарат, который постепенно и осмотрительно овладеет приемами управления государственной деревней, подчинит своему влиянию «необузданную толпу», а уже затем в определенной последовательности и в меру финансовых возможностей начнет перестройку хозяйственного быта крестьянской массы.

Для того чтобы устранить или, по крайней мере, смягчить предубеждение крестьян против начинаемой реформы, Киселев предлагал отчасти сложить, а отчасти рассрочить накопившиеся недоимки — податные, хлебные, за переселенцев, с оброчных статей и штрафные деньги за лесные порубки и прописные души; прекратить следствия по маловажным делам и по лесным порубкам; оставить на новых местах самовольных переселенцев, проверить рекрутские списки, установить рекрутские очереди не по числу душ, а по числу работников и разрешить крестьянам покупать от мелкопоместных владельцев зачетные квитанции военных 1812—1814 годов. И эти предложения Киселева были приняты Николаем I [1].

Предполагалось, что законопроекты предварительно будут рассмотрены в Комитете Васильчикова, но в последний момент была предпочтена более упрощенная и быстрая процедура: решили миновать эту инстанцию, которая уже успела сослужить свою службу, и внести подготовленные материалы непосредственно в Государственный совет; члены Комитета Васильчикова должны были участвовать в обсуждении проектов на заседании Департамента государственной экономии Государственного совета. Киселев явно торопился, чтобы не дать своим противникам подготовиться и сомкнуться в сплоченную оппозицию. 24 ноября 1837 года он препроводил председателю Государственного совета Н. Н. Новосильцеву первый законопроект об учреждении Министерства государственных имуществ и от лица Николая I предупредил его, что основания проекта высочайше одобрены, и воля императора,— чтобы рассмотрение проекта было закончено Государственным советом до 1 января 1838 года. Уже 4 декабря 1837 года состоялось заседание соединенных Департаментов законов и государственной экономии, на котором без всяких возражений было принято «Учреждение Министерства государственных имуществ». Через 9 дней было созвано общее собрание Государственного совета, в отсутствие Киселева, выехавшего в Москву для личного доклада Николаю I. Ни один из представителей

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 27021, лл. 58—70.

крепостнической оппозиции — ни Мордвинов, ни Меншиков, ни Шишков — не осмелились выступить против представленного проекта. Склоняясь перед ясно выраженной высочайшей волей, верховному государственному синклиту оставалось выполнить пустую формальность — наложить официальный штемпель на документ V Отделения. В таком духе и был составлен журнал заседания 13 декабря о проекте учреждения министерства: «Государственный совет, имея в виду, что государь император изволил уже все основания его удостоить высочайшего одобрения, положил по сей части дела, равно как и в отношении разных особых предположений, содержащихся во всеподданнейшей записке генерал-адъютанта Киселева — утвердить заключение соединенных департаментов».

Прения вспыхнули только по одному частному, но больному вопросу — о проектированных штатных окладах. Киселев, с согласия Николая I, приблизил их к наиболее высоким цифрам Военного министерства, рассчитывая привлечь этой материальной приманкой наиболее честных и добросовестных чиновников. Оклады Министерства государственных имуществ в 1½—2 раза превосходили соответствующие цифры Министерства народного просвещения, Главного управления путей сообщения, Почтового департамента и т. д. Такое превышение вызвало понятную тревогу со стороны заинтересованных ведомств, которые увидели здесь «крайнюю несоразмерность», угрожающую им потерею лучших чиновников. Выразителем мнений этой обделенной группировки явился главноуправляющий путей сообщения Клейнмихель, который подавал по этому поводу специальную записку и пугал членов Государственного совета «полным разрушением строительной части в империи». Киселеву, возвратившемуся из поездки, пришлось выступить на заседаниях 16 и 20 декабря с письменными и словесными объяснениями: он указывал на устарелость окладных норм 1810 года, на сепаратные повышения окладов в различных ведомствах, а главное, на особые задачи нового министерства, которое «должно пещись о сохранении порядка и спокойствия между 18 миллионами народа обоего пола; не одно только поверхностное полицейское наблюдение, но попечительство и существенное устройство хозяйственного быта сельского класса возлагается на прямую его ответственность. Посему первая обязанность сего управления состоит в том, чтобы избрать людей к тому способных и надежных и обеспечить их по возможности таким содержанием, которое, с одной стороны, удержало бы их от всякого поползновения к своекорыстным действиям, а с другой, могло бы дать правительству право требовать от них точного исполнения своих обязанностей». Последним и самым главным аргументом Киселева была опять-таки ссылка на высочайшую волю. После этого все оппоненты капитулировали, а Государственный совет в тоне самооправдания вынес новое постановление, «что и по журналу Совета штат Министерства государственных имуществ предположено поднести к высочайшей конфирмации именно

в том виде, в каком он представлен от генерал-адъютанта Киселева, следственно по сей части нет никакого разномыслия и остается только исполнить прежнее заключение Государственного совета». К утешению протестовавших министров было решено ходатайствовать, при поддержке Министерства финансов, об уравнении штатов и окладов различных ведомств.

Вторая поправка, которую осмелился внести Государственный совет, носила чисто формальный характер: констатировав, что проект наказа новому министерству по полноте и ясности изложения удовлетворяет поставленной цели, члены Совета считали удобнее, утвердив его, отложить его обнародование до тех пор, пока не будут рассмотрены и приняты положения и уставы, на которые авансом ссылается текст наказа. Таким образом, задержка окончательного принятия законопроекта оказалась очень недолгой. 26 декабря «Учреждение Министерства государственных имуществ» получило формальное утверждение со стороны Николая I. Именной указ, сопровождавший опубликование закона, мотивировал его издание «недостатками и несоразмерностью» в управлении государственными имуществами, незавершенностью предварительных мер, принятых в 1826 году, и настоятельной необходимостью окончательного устройства начатого дела [1].

В марте 1838 года V Отделение закончило составление законопроектов о губернском, окружном, волостном и сельском управлении государственными имуществами. Прежде чем внести их в Государственный совет, Киселев представил их на одобрение Николаю I, а статс-секретарю Корфу препроводил «Изложение главных оснований преобразования управления государственными крестьянами и имуществами» для ознакомления председателя и наиболее влиятельных членов Совета. 25 марта 1838 года сводный текст «Учреждения о управлении государственными имуществами в губерниях», состоявший из 2134 статей, официально поступил на рассмотрение Государственного совета вместе с объяснительной запиской и заявлением Киселева, что воля Николая I — окончить формальное обсуждение законопроекта в самом непродолжительном времени. Чтобы ускорить предстоящую процедуру, Киселев приложил подробные ссылки на заимствованные статьи Свода законов и подчеркнул, что большая часть статей воспроизводит действующее право, что закон вводится в виде опыта на 3 года и что его сила распространяется только на внутренние великорусские губернии. При этом за министром государственных имуществ самим законопроектом признавалось право дополнять и изменять закон «по местным обстоятельствам» с тем, чтобы окончательно выяснившиеся формы преобразования были проведены через обсуждение Государственного совета.

[1] ЦАВП, ф. ГС 1837 года, № 200; ЦАНХ, ф. V О., д. 26492, лл. 122—176; ВПСЗ, XII, 10834.

Получив все эти материалы и желая одновременно соблюсти основные государственные законы и ускорить принятие законопроектов, Корф предложил ограничиться чтением и утверждением оснований и штатов нового управления, а все остальные разделы отложить до того момента, когда на основании опыта Киселев внесет в них необходимые коррективы. «Есть ли удобства и приличие Совету и государю утвердить то, что представляется самому министру изменять по его усмотрению?» — спрашивал государственный статс-секретарь в качестве хранителя начала законности. Но Киселев не соглашался на такое ограничение, ему нужна была прочная политическая опора в виде формально утвержденного закона, охватывающего все стороны местного управления. Он был не прочь максимально упростить предстоящую процедуру обсуждения, но требовал, чтобы Государственный совет принял все статьи о составе, порядке делопроизводства и предметах ведомства каждого управления, так же как все изменения и дополнения действующего права. При этом он выражал настойчивое желание, чтобы вся эта работа была произведена в течение двух заседаний. Другими словами, Киселев хотел принятия всего законопроекта в целом, в упрощенном и ускоренном порядке, без лишних прений и оппозиции, с закреплением его права самостоятельно корректировать содержание опубликованного закона. И здесь момент целесообразности получил решительный перевес над идеей законности, которую так настойчиво приписывали Киселеву его позднейшие апологеты, начиная с Хрущева и Заблоцкого-Десятовского.

Спор между Киселевым и Корфом закончился очень быстро и не в пользу государственного секретаря, охранявшего престиж высшего законодательного органа империи. На заседаниях 6 и 8 апреля соединенные Департаменты законов и государственной экономии рассмотрели основания реформы, выделили то, что составляло изменение и дополнение Свода законов и без всяких прений приняли весь законопроект в целом. 22 апреля 1838 года такая же формальная процедура была проделана на общем собрании Государственного совета. Согласившись с положительным заключением Департаментов, Совет позволил себе только незначительные редакционные поправки и оговорился, что, в сущности, принимаются только учреждения и штаты, а законы или уставы — Судебный, Полицейский и Хозяйственный — составят предмет дальнейшего рассмотрения. Бо́льшего Киселеву и не требовалось: опираясь на волю Николая I, он счастливо избегнул демонстративной оппозиции, выиграл время и получил самую широкую свободу действий в деле реализации административной реформы. Через 8 дней, 30 апреля 1838 года, «Учреждение о управлении государственными имуществами в губерниях» было утверждено Николаем I. Именным указом, предварявшим содержание законодательного текста, Киселеву давалось право, исполняя закон, «делать нужные пояснения и применения, сооб-

разно местному положению губерний, собственною его властию»; все расходы на новое управление, вопреки настойчивым возражениям Канкрина, возлагались на обязанность государственного казначейства. Так получил свою силу важнейший и основной закон в системе преобразования, проводившегося Киселевым [1].

Прежде чем внести в Государственный совет проекты сельских уставов — Полицейского и Судебного — Киселев дал их на просмотр и исправление: первый — министру внутренних дел, второй — министру юстиции. После одобрения Николаем I, Полицейский устав 21 октября 1838 года был препровожден в Государственный совет «к рассмотрению тем же порядком, по коему рассмотрены были и предшествовавшие проекты учреждения об управлении государственных имуществ». Судебный устав был представлен дополнительно 15 ноября. Соединенные Департаменты на двух заседаниях — 9 и 16 декабря — приняли их с небольшими редакционными поправками. Единственное изменение было сделано в статье о компетенции Сельской и Волостной расправ: в соответствии с действующими законами, было решено предоставить им право выносить самостоятельные решения, если цена иска или понесенный ущерб менее 20 рублей ассигнациями, а не 15 рублей серебром, как предлагалось в проекте V Отделения. Кроме того, Департаменты рекомендовали вводить Судебный устав постепенно, по мере подготовки способных сельских и волостных писарей, и поставить крестьянский суд, по крайней мере, на первых порах, под наблюдение и руководство окружных начальников и стряпчих. Киселев не возражал против такого заключения, хотя по самому существу оно перечеркивало провозглашенный принцип отделения суда от администрации.

27 февраля 1839 года проекты были рассмотрены и приняты общим собранием Государственного совета. Возражения раздались только со стороны адмирала Грейга, который находил совершенно излишним издание Сельского полицейского устава. «Совокупление всех узаконений, до обязанности государственного крестьянина относящихся, вероятно со временем может быть полезно,— писал Грейг в своих письменных замечаниях,— но в настоящих обстоятельствах, при грубом еще состоянии наших крестьян, едва ли не полезнее было бы сначала вместо законов, в коих запретительные статьи излагаются в виде заповедей, внушать им и истолковать в пространном виде самые заповеди господни, в которых заключается все, что должно сделать человека истинным сыном церкви христовой, а вместе с тем верным подданным своему государю и хорошим гражданином... Заповеди господни, действуя прямо на совесть, удержат крестьян от порочных действий скорее всяких гражданских законов... Религия есть начало всякого добра и в особенности у нас, где народ, по неиспорченной еще нравственности боится более всего гнева божия». Мнение адмирала Грейга было харак-

[1] ПАВП, ф. ГСДЭ, 1838 год, № 98; ВПСЗ, XIII, 11189.

терно для тех крепостнических кругов, которые стремились сохранить отсталые патриархально-феодальные отношения, поддерживаемые религиозной традицией и свободные от юридической регламентации; в глазах этих крайних реакционеров религиозный авторитет церкви и произвольная власть чиновника должны были заменить собою регулирующие правовые нормы. Ни Киселев, ни большинство членов Государственного совета не могли согласиться с этой наивной архаической точкой зрения, которая не совмещалась со сложной кризисной обстановкой государственной деревни. Оба проекта были приняты с некоторыми дополнительными редакционными поправками. Однако Государственный совет подчеркнул в своем заключении, что уставы вводятся временно, в виде опыта, и должны получить силу положительного закона только через 3 года, после необходимых исправлений и окончательной конфирмации. Тем не менее, законопроекты получили утверждение Николая I, хотя и с внесением соответствующих оговорок о предварительном и временном характере издаваемых актов. Таким образом была завершена первая стадия законодательных работ, связанная с реформою управления оброчными государственными крестьянами [1].

Проекты, заключавшие в себе реформу управления арендными имениями, составлялись значительно дольше и проходили через Государственный совет позже, с конца 1839 года до середины 1840 года. Сначала на основе закона 30 апреля 1838 года был составлен проект Учреждения об управлении государственными имуществами в Западном крае с определенными коррективами, вытекавшими из системы «хозяйственного положения». Проект получил утверждение 28 декабря 1839 года и распространял свое действие на территорию Белоруссии и Правобережной Украины. Исходя из содержания этого законодательного акта, V Отделение подготовило второй проект Учреждения об управлении государственными имуществами в губерниях Курляндской, Лифляндской и Эстляндской, получивший силу закона 12 июня 1841 года. Таким образом была осуществлена вторая часть намеченной программы, охватывавшая территорию барщинных арендных имений.

Оставались Сибирь и Закавказский край, имевшие значительные государственные имения, но занимавшие особое положение по сравнению с Европейской Россией. Сибирская ревизия раскрыла крупные злоупотребления местной администрации, но она показала относительное хозяйственное благополучие государственных крестьян. С сибирскими губерниями можно было не торопиться: население исправно отбывало здесь натуральные и денежные повинности, а независимость колониального управления создавала известный противовес реформаторской инициативе Киселева. V Отделение решило отсрочить введение новых

[1] ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1838 год, №№ 269, 270; ВПСЗ, XIV, 12165.

учреждений на территории Сибири. За Министерством государственных имуществ сохранился общий надзор за состоянием государственных крестьян и казенных имуществ в этих районах, но непосредственное управление теми и другими осталось предметом компетенции западно-сибирского и восточно-сибирского генерал-губернаторов.

Несколько иное положение создалось для государственных крестьян Закавказья — Грузии, Армении и Азербайджана. С обнародованием реформы Киселева совпала по времени другая попытка николаевского правительства: заменить прежнюю систему «комендантского управления» в закавказских областях созданием бюрократического аппарата из русских чиновников, наделенных широкими полномочиями колониального типа. 10 апреля 1840 года, по проекту тайного советника Гана, было опубликовано «Учреждение для управления Закавказским краем», вводившее новые органы областного, губернского и уездного масштаба по образцу и подобию внутренних губерний [1]. V Отделение должно было считаться с изданием этого закона и исходить из него в своих собственных проектах. Образовать особый замкнутый мир из государственных деревень при наличии широкой власти главноуправляющего Закавказьем и института всемогущих и всепроникающих «уездных начальников» было бы совершенно невозможно. Вот почему Киселеву пришлось заботливо согласовывать содержание своего последнего административного проекта с притязаниями и возражениями властного главноуправляющего Закавказьем. V Отделению пришлось пойти на значительные уступки, сильно ограничить количество и компетенцию закавказских органов министерства и сузить размах своей попечительной политики на этой колониальной окраине Российской империи. Результатом соглашения двух конкурирующих ведомств явилось «Учреждение об управлении государственными имуществами в Закавказском крае 5 января 1841 года» [2]. Повидимому, Киселев не слишком энергично боролся за расширение своей власти над грузинскими, армянскими и азербайджанскими государственными крестьянами; положение этой категории земледельческого населения отличалось своеобразными чертами, ревизия V Отделения обошла закавказские области, новое министерство плохо разбиралось в местных особенностях и задачах, а сам Киселев предпочитал, по крайней мере на первых порах, сосредоточить свои основные усилия на оброчных имениях великорусских губерний.

Последней частью задуманного плана было издание «Главных оснований хозяйственного устава», закладывавших фундамент экономического преобразования государственной деревни. Судя по сохранившимся материалам, текст этого последнего законопроекта был состав-

[1] ВПСЗ, XV, 13368; XVI, 14157; Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х годах XIX века, Часть 1 (с вводной статьей И. П. Петрушевского).

[2] ВПСЗ, XVI, 14157

лен чиновниками V Отделения; основные линии его содержания были изложены в докладной записке Николаю I и Государственному совету; но законопроект остался в бумагах Министерства государственных имуществ и никогда не был внесен на обсуждение высшего законодательного органа империи. Очевидно, Киселев не хотел рисковать потерей своей инициативы и своих широких полномочий в постановке и разрешении важнейших вопросов экономической, в частности, аграрной политики. Киселев знал, что в этих сложных проблемах общегосударственного значения он встретит решительное сопротивление со стороны крайней реакционной группировки, что его обиженный и хорошо осведомленный противник Канкрин поддержит дворянскую оппозицию всею силою своих знаний и своего опыта; ссылка на высочайшую волю могла оказаться недостаточным оружием против открытых и закулисных выступлений противников реформы. При этих условиях Киселев должен был предпочесть иную обходную дорогу: «Главные основания Хозяйственного устава» остались экономической программой нового министерства, не получившей окончательного законодательного утверждения, но призванной играть роль негласного руководства к действию. Так, маневрируя и сознательно жертвуя принципом формальной законности, Киселев выводил свой отстроенный административный корабль в волнующиеся житейские воды.

Подводя итоги приведенным фактам и наблюдениям, мы вправе сделать следующие основные выводы. Подготовка реформы управления государственными крестьянами проходила чисто бюрократическим путем: она была задумана в секретном комитете, состоявшем из высших сановников Николая I, разрабатывалась персоналом чиновников V Отделения, корректировалась чиновниками-экспертами и гражданскими губернаторами, была принята Государственным советом,— без всякого участия выборных представителей общественных классов. В обсуждении реформы не принимали участия не только сами государственные крестьяне, но и члены господствующего дворянского сословия, независимые от правительственной администрации. В противоположность традиции земских соборов и кодификационных комиссий XVIII века, законодательство Николая I исключало возможность участия представителей самого населения даже в предварительной подготовке тех или иных законопроектов. В соответствии с общим направлением николаевской политики разработка реформы была облечена канцелярской тайной и никакого печатного обсуждения принципов, планов и проектов преобразования не могло иметь места. Единственный канал, чрез который могло найти себе выражение самостоятельное общественное мнение, была подача правительству индивидуальных предложений, но и этот путь был крайне ограниченным и случайным. Для крестьян он оставался почти недоступным, а дворянству не обеспечивал возможности всестороннего освещения затрагиваемых очередных вопросов. Проекты,

подававшиеся правительству частными лицами, не встречали у Киселева и его помощников сочувственного приема и не имели большого влияния на содержание и ход намеченного переустройства. Реформа 1837—1840 годов насаждалась сверху, усилиями бюрократического аппарата, без точного учета желаний и настроений государственной деревни, на основе канцелярского истолкования и оформления интересов дворянского сословия.

Однако подготовка реформы не была делом одного исполнительного чиновничьего аппарата. В противовес мнению, высказанному некоторыми мемуаристами, ближайшие помощники Киселева не играли в этом деле крупной руководящей роли. Сначала и до конца Киселев сохранял за собою инициативу и направляющее влияние в ходе подготовительной работы. Постепенно разбираясь в прежнем законодательстве, изучая донесения ревизоров, вдумываясь в содержание проектов, Киселев вырабатывал основные принципы реформы, устанавливал последовательность и взаимодействие ее этапов, определял границы и сущность ее содержания. Киселев действовал в тесном единении со Сперанским, но сохранял за собой самостоятельность в окончательном решении всех вопросов. Киселев производил отбор и оценку имевшегося материала, отделял главное от второстепенного, выдвигал одни проблемы и заслонял другие, выбирал одно из предложенных решений или давал новое решение поставленной задаче. Преобразование 1837—1841 годов явилось практическим приложением социально-политических взглядов Киселева к сфере общественных отношений государственной деревни в период разложения крепостнического строя. Именно поэтому реформа 1837—1841 годов с полным основанием может быть названа реформою Киселева.

Этот вывод не мешает нам видеть теснейшую зависимость подготовленных законопроектов от предшествующих работ дворянской и правительственной мысли. Реформа 1837—1841 годов была комбинацией уже имевшихся элементов, но это была не механическая сводка разнородного материала, а его сознательная переработка в определенном хозяйственном и политическом направлении. Подготовка законопроектов в недрах V Отделения опиралась на продуманную и точно формулированную программу, отвечавшую поставленной задаче выхода из кризиса феодально-крепостнической системы. Пронизанная единой руководящей идеей, реформа 1837—1841 годов должна была укрепить устои «государственного феодализма» в противоположность наметившимся стремлениям реакционных группировок растворить «феодализм государственный» в феодализме помещичьем и прогрессивных группировок — одновременно покончить и с феодализмом помещичьим, и с «феодализмом государственным».

Наличие определенной принципиальной программы и бюрократический метод разрешения задачи наложили печать на самые методы подготовки и проведения реформы. Киселев знал, что ему противостоит

глухая оппозиция и в рядах государственного крестьянства, и в среде правящего дворянского сословия. Чтобы устранить всякие преграды при осуществлении выработанного плана, Киселев сознательно жертвовал принципом формальной законности и еще более суживал бюрократические рамки обсуждения и принятия реформы. Опираясь на могущественную роль V Отделения императорской канцелярии, прикрываясь самодержавной волей Николая I, максимально ускоряя проведение законопроектов через высший законодательный орган, Киселев третировал Государственный совет как неизбежную, но бессильную инстанцию, официально штемпелюющую подготовленную реформу.

Теми же мотивами фракционного и бюрократического порядка были продиктованы, с одной стороны, план постепенного развития и территориального распространения реформы и, с другой стороны, административный крен, который она приобрела в процессе своей подготовки. Шесть основных законопроектов, которые последовательно вносились Киселевым на обсуждение Государственного совета, были постепенным и прочным завоеванием позиций перед лицом сдавленной, но прорывавшейся оппозиции. Учредив Министерство государственных имуществ как исходный пункт задуманного преобразования, правительство поставило противников реформы перед лицом совершившегося факта; все остальные законопроекты явились развитием и дополнением этого основного, уже принятого закона. Переустройство местного управления оброчными крестьянами создало основу для законопроектов об арендных имениях в Правобережной Украине, Белоруссии и Прибалтике; с определенными видоизменениями оно легло в основание перестройки управления в Грузии, Армении, Азербайджане. Образование новой системы административных органов и определение границ их служебной компетенции предопределило содержание законопроектов, заключавших в себе материальное право,— как административное, так и судебное. Каждый новый закон, укрепляя силу ранее принятого проекта, облегчал и даже делал необходимым издание последующего закона. Государственному совету приходилось считаться с внутренней логикой развертывающейся реформы и, соглашаясь с первыми конституирующими «Учреждениями», принимать остальные, из них вытекавшие. Так, шаг за шагом Киселев овладевал исходными позициями, создавая прочную опору для осуществления своей программы. Такое раздробление реформы на отдельные звенья имело значение определенного психологического и политического маневра: в связи с неоспоримой апелляцией к воле Николая I это раздробление помогало Киселеву шаг за шагом обезоруживать своих противников, выбивая почву из-под их ног и лишая их всякой способности к какому бы то ни было сопротивлению.

Образовав центральное ведомство и сложную систему разветвленных органов местного управления, Киселев обеспечил себя могуще-

ственным орудием дальнейшего преобразования государственной деревни, которое заняло 18 лет его министерской деятельности. Он не спешил с проведением единого всестороннего реформирующего акта, а предпочел другой путь — постепенного издания сепаратных законов и административных распоряжений, посвященных различным сторонам хозяйственной и культурной жизни государственного крестьянства. Реформа 1837—1841 годов была прежде всего административной реформой, но она стала такою в силу определенных мотивов,— чтобы обеспечить правительственную базу для более беспрепятственного осуществления выработанной социально-экономической программы.

Такова была внешняя организационная история реформы 1837—1841 годов. Нам предстоит теперь, путем историко-юридического анализа законодательных текстов, раскрыть внутреннее содержание реформы — выяснить ее источники, ее составные элементы, способы и результаты их соединения в единое целое и тем самым решить вопрос, насколько удалось Киселеву осуществить свои руководящие принципы, изложенные им в самом начале в «Главных основаниях преобразования».

2. Учреждение нового министерства

Первым законом, который начал собою реформу Киселева, было «Учреждение Министерства государственных имуществ», точно определившее задачи, компетенцию и организационную структуру нового центрального ведомства [1]. Этот небольшой по объему законодательный акт был составлен по образцу Учреждений министерств, которые в 1811 году подробно разработал и обнародовал Сперанский. Новый закон 26 декабря 1837 года воспроизводил с некоторыми отклонениями целый ряд общих положений, нормировавших внутреннее устройство и бюрократическую деятельность высших административных органов империи. То, что отличало новое Министерство государственных имуществ, вытекало из принципиальной программы Киселева и в своих основных чертах было изложено в «Предварительных соображениях», представленных Николаю I в мае 1837 года.

Прежде всего в полном соответствии с этой программой были формулированы задачи нового министерства: оно учреждалось «для управления государственными имуществами, для попечительства над свободными сельскими обывателями и для заведывания сельским хозяйством» (ст. 1). Каждая из этих задач имела определенное политическое значение и была связана с другими задачами нерасторжимою внутреннею связью. Под государственными имуществами закон разумел «1) казенные заселенные, незаселенные и пустопорожние земли, 2) казенные оброчные статьи, 3) леса казенного ведомства»

[1] ВПСЗ, XII, 10834; ЦАНХ, ф. V О., д. 26492.

(ст. 2). Поручая новому министерству управление этими различными категориями угодий, Учреждение 1837 года одновременно устраняло притязания господствующего класса на государственные земли и приравнивало земли заселенные, т.-е. крестьянские наделы, к остальным видам государственной собственности. Тем самым разрешались споры о судьбах государственного земельного фонда, создавались юридические преграды для дальнейшего расхищения казенных земель и утверждался принцип неприкосновенной собственности казны на земли крестьянских общин. Государство выступало здесь в роли хозяина-вотчинника, стараясь укрепить свои пошатнувшиеся права на собственные имущества, а, следовательно, укрепить систему «государственного феодализма» в противовес прогрессивным и реакционным тенденциям эпохи социального кризиса.

Вторая задача нового министерства, согласно формулировке закона, заключалась в «попечительстве над свободными сельскими обывателями», т.-е. в сохранении и развитии системы феодальной опеки, завещанной традициями XVIII века и неразрывно связанной с практикой внеэкономического принуждения. Возлагая на новое министерство попечительные задачи, закон 1837 года еще раз подчеркивал стремление сохранить и утвердить на преобразованных началах феодальную зависимость государственных крестьян от государства-вотчинника. «Попечительство» распространялось на все категории «свободных сельских обывателей»: 1) на «государственных крестьян всех наименований, кроме приписных к особым ведомствам», 2) на «свободных хлебопашцев, как исполнивших обязанности свои к помещикам, так и не исполнивших еще оных», 3) на «иностранных поселенцев, водворенных: а) на землях казенных, б) на землях, приобретенных в собственность, и в) на частных землях по договорам с их владельцами», 4) на «кочующие народы: а) калмыцкий в Астраханской губернии и Кавказской области, б) сибирских инородцев — оседлых, кочевых и бродячих — и в) самоедов» (ст. 3). Это стремление законодателя приравнять друг к другу все категории мелких производителей, не принадлежащих частным собственникам — и феодально зависимых от казны, и свободных от феодальной эксплоатации — заключало в себе внутренние противоречивые тенденции. С одной стороны, признавалось и укреплялось понятие личной свободы государственного крестьянина, с другой стороны, независимые производители, живущие и работающие на собственных землях, подчинялись той же системе феодальной опеки, какой подвергалось феодально-зависимое население государственных имений. Феодально-крепостническое государство стремилось унифицировать методы управления «свободными сельскими обывателями», ликвидировать средневековые перегородки, отделявшие друг от друга разные категории некрепостного земледельческого населения, но в то же время оно подходило ко всему населению свободной деревни с мас-

штабом феодальной эпохи, старалось охватить его единообразной системой централизации феодального типа.

Третья задача — заведывания сельским хозяйством — охватывала собою «1) меры к поощрению и совершенствованию сельского хозяйства, 2) хлебопашество и огородничество, 3) разведение торговых, манufактурных и аптекарских растений, 4) садоводство и разведение винограда, 5) виноделие, 6) шелководство, 7) скотоводство и овцеводство, 8) морские, рыбные и тюленьи промыслы, а равно промыслы звериные, 9) все, принадлежащее к сим частям и особо учрежденные по лесной части общества, компании, лесной корпус, Лисинское учебное лесничество, училища земледелия, садоводства, виноделия и шелководства, образцовые фермы, казенные фруктовые и шелковичные сады, редакцию лесного и земледельческого журналов и капиталы для поощрения сельской промышленности Южного края России» (ст. 4). Мы уже видели, что эта третья задача нового министерства вытекала из стремления правительства Николая I не только поднять производительные силы феодального государства, но и создать могущественную точку опоры для социально-экономического воздействия на крепостное частновладельческое хозяйство. Ресурсами государственного казначейства и силами правительственного аппарата предполагалось двинуть вперед все отрасли сельского хозяйства, поднять доходность и, следовательно, платежеспособность основных объектов финансового обложения и в то же время постепенным преобразованием сельскохозяйственной техники подготовить предпосылки для «нечувствительного» преобразования феодальных отношений. Заведывание сельским хозяйством, в частности вовлечение частных имений в рыночные связи, словесная и показательная пропаганда новых агрономических методов, публичное обсуждение вопросов деревенской экономики, должны были явиться рычагом для постановки и разрешения проблемы ликвидации рабства. Субъективно Сперанский, Киселев и их единомышленники мыслили такое воздействие на частновладельческий сектор в смысле постепенного очищения и упорядочения феодальной зависимости; объективно развитие капиталистической техники, какие бы ограниченные и скромные рамки ни принимало это явление, вело к дальнейшему разложению феодального порядка и к неминуемому обострению переживаемого кризиса.

Соединяя вместе все три задачи, мы можем так формулировать основную цель, поставленную законом 1837 года перед Министерством государственных имуществ: сохраняя и закрепляя за государством его земельные, лесные и другие имущества, использовать их для поднятия производительных сил государственной деревни, повышения ее платежеспособности и превращения ее в точку опоры для разрешения общекрестьянского вопроса.

Соответственно указанным задачам была определена компетенция

нового министерства, подробно изложенная в неопубликованном, но утвержденном Наказе [1]. Осуществляя первую задачу — управления государственными имуществами — министерство должно было ограждать их целость, вводить в них улучшения и поднимать их доходность, в частности, заботиться о равномерном распределении земли между крестьянами, планомерно использовать казенные оброчные статьи, улучшать озерное, речное и морское рыболовство, охранять, эксплоатировать и умножать лесные богатства.

Выполняя задачу попечительства над государственными крестьянами и свободными хлебопашцами, министерство должно было иметь в виду юридические, полицейские, хозяйственные, финансовые и культурные вопросы. Очень общо́ и глухо говорилось в Наказе об «ограждении прав, высочайше дарованных сельскому свободному сословию», об «обеспечении крестьянам правосудия», о защите их в судебных местах и об «отвращении притеснений и несправедливостей»; в такой же общей форме устанавливалась обязанность министерства поддерживать сельское благоустройство, охранять народное здравие и отвращать скотские падежи. Гораздо подробнее были изложены хозяйственные функции нового министерства: в его компетенцию входило приведение в действие Хозяйственного устава, составление хозяйственных капиталов для измерения земель, для устройства образцовых ферм и для поощрения земледелия, наделение крестьян землей и переселение их на новые земли, обращение неудобных земель в удобные, учреждение образцовых ферм и хуторов, распространение среди крестьян полезных промыслов, оказание пособий пострадавшим от пожаров, устройство запасных хлебных магазинов и выдача нуждающимся семенных пособий. Сравнительно скромное место занимали в Наказе культурные функции министерства: они сводились к поднятию нравственного уровня крестьян, к «распространению между ними сведений, полезных в их быту и сообразных с их состоянием», к привлечению в казенные селения «достойных по нравственности и образованию служителей церкви» и к учреждению в селениях приходских училищ. Зато очень подробно были развиты финансовые статьи, посвященные взиманию податей и повинностей: на новое министерство возлагались обязанности наблюдать за своевременным и законным взиманием податей, пресекать всякие произвольные поборы, приводить крестьянские налоги в соответствие с доходами от земель и промыслов, перелагать оброчную подать и земские повинности с душ на землю, составлять сметы мирских расходов, точно определять и равномерно распределять натуральные повинности, разрешать перевод натуральных повинностей в денежную форму. При этом очень категорично была формулирована обязанность главы нового ведомства остановить прогрессирующий упадок государственной деревни: «Министр печется...

[1] ЦАНХ, ф. V О., д. 26402, лл. 74—106.

чтобы хозяйственные повинности крестьян приведены были в надлежащую уравнительность с теми выгодами, которыми они пользуются от земли и промыслов и чтобы отправление сих повинностей не приводило крестьян в разорение и не отнимало у них средств к улучшению их быта и умножению благосостояния» (ст. 46_2). В отношении арендных имений Западного края на министерство возлагались дополнительные обязанности, вытекавшие из системы «хозяйственного положения». Отказавшись от немедленной замены барщинных повинностей оброчными, законодатель требовал от министерства производить исчисление доходов от арендных, старостинских и прочих имений, устанавливать повинности в соответствии с крестьянскими доходами, вводить в имениях единообразное хозяйственное управление, охранять государственных крестьян от притеснений временных владельцев. В общей форме говорилось относительно попечения министерства об «инородцах» — обращения их к оседлому образу жизни, наделения их землей, устройства их управления и обеспечения выполнения ими обязанностей. Особый пункт упоминал о водворении ссыльных в Сибири.

Анализируя эту программу киселевского попечительства, мы видим, насколько сильно звучали в ней фискально-государственные мотивы и как слабо были разработаны и конкретизированы статьи, посвященные укреплению прав «свободных сельских обывателей». Гораздо шире были отражены хозяйственные задачи попечительства, но и здесь, помимо глухого указания на реализацию Хозяйственного устава, мы находим только старые пункты первоначальных экономических проектов. Культурные мероприятия были задуманы в духе религиозно-нравственного воспитания крестьянской массы, в соответствии с руководящей тенденцией «Главных оснований».

Третья задача — улучшения сельского хозяйства — согласно Наказу, должна была достигаться системой разнообразных поощрительных мероприятий. На обязанность министерства возлагались покровительство обществам сельского хозяйства, распространение новых, более эффективных агрономических методов (в частности разведение улучшенных пород домашнего скота, разведение технических и лекарственных культур и пр.), облегчение выписки заграничных машин, семян, растений и т. д., содействие успеху периодических сельскохозяйственных изданий, изучение постановки сельского хозяйства (в частности, «организация ученохозяйственных путешествий»), разрешение акционерных компаний и выдача привилегий, устранение вредных монополий, наблюдение за деятельностью агрономических училищ, земледельческих ферм и других «практических заведений» по сельскому хозяйству. В этом отношении министерский Наказ воплощал в себе старую идею Щербатова и Мордвинова, повторяя содержание их программы подъема сельского хозяйства и облекая ее в обязательную юридическую форму.

Организационная структура нового министерства не вполне соответствовала этому разделению административных функций. Согласно типу министерского управления, принятому Сперанским и воспроизведенному всеми ведомствами, министерство делилось на департаменты, департаменты — на отделения, отделения — на столы. При этом создавались три департамента: первый и второй должны были ведать управлением государственными имуществами и попечительством над государственными крестьянами; третьему поручалось заботиться об улучшении сельского хозяйства и, кроме того, выполнять две задачи, связанные с управлением государственными имуществами: заведывать корпусом лесничих и вести организацию кадастра. Между двумя первыми департаментами функции распределялись в зависимости от различных систем управления: к первому департаменту отходили государственные крестьяне, состоявшие на оброчном положении, т.-е. внутренние губернии России, Сибирь и Закавказье, ко второму — государственные крестьяне, находившиеся «на хозяйственном положении», т.-е. районы Прибалтики, Белоруссии, Литвы и Правобережной Украины. Такое разделение было продиктовано организационно-практическими соображениями, которые были положены в основу и дальнейшего распределения дел между отделениями и столами.

Над департаментами, тоже в соответствии со старым Учреждением министерств, возвышались: Совет министра для обсуждения общих и наиболее важных вопросов и Канцелярия министра, ведавшая некоторыми выделенными категориями дел — общими, конфиденциальными, срочными и т. п. По примеру Военного министерства был создан также Ученый комитет для рассмотрения вопросов, требовавших специальных научных знаний. В компетенцию этого органа, наряду с обнародованием задач для публичных конкурсов, перепиской с учеными и экономическими обществами и пр., входила обязанность «следовать вообще за ходом государственного хозяйства в Европе в теоретическом и практическом отношении».

Штаты нового центрального ведомства были сведены в сумме 1.216.694 рублей, т.-е. превосходили штаты всех остальных министерств, за исключением Военного.

3. Реформа управления оброчными крестьянами

Вторым законом, который реформировал управление государственными крестьянами, было «Учреждение о управлении государственными имуществами в губерниях», утвержденное 30 апреля 1838 года[1]. Если закон 26 декабря 1837 года создавал новый центральный административный орган, то вторым законодательным актом создавался местный бюрократический аппарат, в первую очередь для управления

[1] ВПСЗ, XIII, 11189; ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1838 год, № 98.

35 оброчными губерниями, расположенными на территории Европейской России (ст. 1). Сибирь, Закавказье, а также западные районы, состоявшие на хозяйственном положении, временно не подлежали действию изданного закона; в силу своеобразия местных хозяйственных и административных условий, они требовали особых коррективов и дополнений, о которых в общей форме говорило примечание к 1-й статье: «В прочих за сим губерниях настоящее учреждение вводится по особым высочайшим повелениям, с теми изменениями, какие по местным обстоятельствам признаны будут необходимыми». Так как в основу местного управления государственными крестьянами была положена четырехъярусная административная система (губерния — округ — волость — сельское общество), то новый закон был разделен на четыре части: 1) «Учреждение Палаты государственных имуществ», 2) «Учреждение окружного управления государственными имуществами», 3) «Учреждение волостного управления», 4) «Учреждение сельского управления». Новое деление на округа, волости и сельские общества, практически подготовлявшееся Приуготовительными комиссиями, должно было заменить собою разнотипные административные деления, введенные павловским законом 1797 года, канкринским Положением 1826 года, старым екатерининским указом об ямских селениях 1782 года и всеми другими законами, нормировавшими управление свободными хлебопашцами, калмыками, колонистами и т. д. Новым актом 1838 года вводилась единообразная административная система, унифицировавшая в этом отношении все категории свободных сельских обывателей на территории оброчного положения.

Губернским Палатам государственных имуществ принадлежало общее руководство в деле управления государственными крестьянами каждой отдельной губернии. Конструируя этот орган, законодатель руководился в качестве образца «Учреждением Казенной Палаты», введенным во II том Свода законов, но он изменял и развивал соответствующие нормы, исходя из «Главных оснований» предпринятого преобразования. Во главе Палаты был поставлен управляющий (ст. 16), а в составе Палаты было учреждено два отделения — хозяйственное и лесное. Первое сосредоточивало в себе дела по попечительству над государственными крестьянами и по заведыванию государственными землями и оброчными статьями, второе управляло лесными казенными угодьями (ст.ст. 7—9). Хозяйственным отделением руководил советник, лесным — губернский лесничий (ст. 17). В помощь советнику полагался ассессор, в помощь губернскому лесничему — ученый лесничий (ст.ст. 18, 19). Кроме того, для ведения текущего делопроизводства отделения получали делопроизводителей, столоначальников, бухгалтеров и писцов. При Палате должны были состоять стряпчий, гражданский инженер, землемер, чиновники по особым поручениям и пр. (ст.ст. 20—22). Количество штатных единиц варьировалось в зависи-

мости от разряда, к которому принадлежала каждая губерния, колеблясь между 28 и 43 (Приложение к закону).

«Образование» и особенно «Наказ» Палаты государственных имуществ подробно устанавливали компетенцию этого губернского руководящего органа, конкретизируя содержание предшествующего закона 26 декабря 1837 года. Выполняя функции попечительства над государственными крестьянами, Палата должна была ведать четырьмя категориями дел: 1) организацией местного управления в округах, волостях и сельских обществах, 2) поддержанием среди крестьян полицейского порядка, 3) попечением о правах, хозяйстве и культурно-бытовых нуждах крестьян, 4) наблюдением за отбыванием крестьянских повинностей. Организуя местное управление, Палата обязана была составлять конкретные проекты образования округов, волостей и сельских обществ, наблюдать за своевременным производством выборов волостных и сельских начальников, утверждать их в должностях, наблюдать за их деятельностью (в частности, ежегодно проводить общую и частные ревизии), в случае упущений и злоупотреблений увольнять и отдавать их под суд, в случае отменного порядка и устройства ходатайствовать об их награждении. В тесной связи с организацией управления стояли обязанности Палаты по народосчислению в казенных селениях: наблюдение за производством народной переписи, распоряжения о приписке, увольнении и переводе крестьян из одного сельского общества в другое.

Поддерживая полицейский порядок, Палата обязана была заботиться об обнародовании законов и предписаний, касающихся государственной деревни, следить за их неукоснительным выполнением, а в случае «неповиновения установленным властям и законам» «немедленно предпринимать меры к обузданию непослушных». При этом ей поручалось ограждать государственных крестьян от незаконного вмешательства земской полиции и оказывать содействие приему и удовлетворению общественных и частных просьб. Через органы окружного, волостного и сельского управления Палата должна была следить за охраною личной и общественной безопасности в казенных селениях, регистрировать все преступления и происшествия, наблюдать, чтобы не допускалось укрывательство беглых, бродяг и беспаспортных, чтобы предотвращались самовольные отлучки и своевременно выдавались крестьянам билеты и паспорта.

Центр тяжести деятельности Палаты закон переносил на функции попечительства в непосредственном, собственном смысле слова. Сравнительно немного места было уделено ограждению прав государственного крестьянства: на Палату возлагались охрана прав крестьян, находящихся под опекою, разрешение семейных разделов и обязательственных сделок, рассмотрение имущественных споров между государственными крестьянами, содействие крестьянам в ведении судебных споров

и наблюдение за законностью содержания крестьян под стражей. В этих статьях обращают на себя внимание два пункта. Закон не расширяет существующих прав государственных крестьян, он исходит из сложившегося положения вещей и ставит своей задачей поддержать и укрепить имеющиеся права, обеспечив их действительное практическое применение. С другой стороны, руководясь проектом Гурьева и инструкциями Канкрина, закон ставит не только отдельного крестьянина, но и целые крестьянские коллективы под неуклонную и бдительную бюрократическую опеку. Крестьянские семьи не имеют права, без предварительного разрешения начальства, произвести семейный раздел; но если Палата найдет, что предположение о разделе не нарушает ограничительных постановлений закона, она испрашивает в каждом отдельном случае согласия начальника губернии (ст. 167). Ни волости, ни сельские общества, ни отдельные селения не имеют права свободно и самостоятельно вступать в обязательства с посторонними лицами и ведомствами: в каждом отдельном случае требуется не только заключение Палаты, но и согласие начальника губернии (ст. 168). Закон возлагает на Палату обязанность ходатайствовать в судебных местах о скорейшем решении дел государственных крестьян, но закон проникнут недоверием к крестьянскому «сутяжничеству» и стремится поставить ему решительные преграды: «Палата государственных имуществ принимает законные меры к уменьшению между крестьянами несправедливых тяжб и исков, для них разорительных, удалением из казенных селений людей других состояний, побуждающих к таковым тяжбам» (ст. 359). Такое же недоверчивое отношение проявляет закон к поступающим от крестьян просьбам и жалобам: «Тех из крестьян, кои неоднократно замечены будут в утруждении начальства неосновательными просьбами и жалобами, Палата отсылает в Сельскую расправу для взыскания на основании Сельского судебного устава» (ст. 360). Анализируя содержание норм о правах государственных крестьян, приходится притти к заключению, что неустранимый конфликт между прогрессивно-буржуазной и консервативно-феодальной тенденциями завершились бесспорной капитуляцией первой перед второю: поскольку этот вопрос разрешался «Наказом Палате государственных имуществ», мы не видим здесь никакого движения вперед; начало феодальной опеки, воплощенное в бюрократическом аппарате дворянского государства, решительно побеждало принцип свободной право- и дееспособности.

Гораздо больше места уделялось законом попечительству Палаты в сфере хозяйственной жизни. Закон нормировал обязанности Палаты в четырех основных направлениях: 1) в деле размежевания и описания податных земель и угодий (т.-е. крестьянских наделов), 2) в вопросе о распределении этих земель и угодий между крестьянами, 3) в содействии развитию земледелия и промышленности, 4) в органи-

зации народного продовольствия. Закон возлагал на Палату руководство внешним межеванием земель, с целью отделения их от владений, частных лиц и посторонних ведомств и внутренним межеванием, которое должно было сопровождаться кадастром, т.-е. описанием и оценкой земель; до производства кадастра Палата была обязана собирать сведения о количестве и качестве земель и составлять из полученного материала статистическое описание государственных имуществ. Еще сложнее были функции Палаты в деле распределения земель между крестьянами: на Палату падали обязанности устанавливать равномерное разделение земельного фонда между сельскими обществами, наделять землею нуждающиеся селения, приобретать с этой целью новые земельные площади, производить обмен и продажу земель для устранения чересполосицы, в крайнем случае организовывать переселение крестьян на новые земли. Содействие земледелию и промышленности должно было выражаться со стороны Палаты в форме попечения о расчистке и удобрении неудобных земель, усовершенствовании сельского общественного хозяйства, повышения доходности мирских оброчных статей, обеспечения крестьянам сбыта продуктов, наконец, обращения промысловых селений в посады и города. В деле народного продовольствия Палата должна была заботиться о постройке и содержании запасных хлебных магазинов, об учете и хранении хлебных запасов, о бездоимочном собирании денежного продовольственного сбора и выдаче крестьянам продовольственных пособий. Такова была обширная программа хозяйственных мероприятий, которая вытекала из «Главных оснований» Сперанского и Киселева и имела целью ликвидировать крестьянское малоземелье и обеспечить условия для поднятия крестьянского земледелия и промышленности.

Еще многообразнее были обязанности Палаты в сфере попечительства о культурно-бытовой стороне крестьянской жизни. Законодатель руководился здесь старыми предписаниями XVIII—XIX веков, кодифицированными в Постановлениях о благоустройстве казенных селений и в разнообразных Уставах — строительном, врачебном, пожарном и др. Закон возлагал на Палату государственных имуществ прежде всего заботу о внешнем порядке и чистоте в казенных имениях: ее обязанностью было составлять планы расположения каждого селения, снабжать волостные правления образцами фасадов для вновь строящихся домов, внушать крестьянам пользу возведения зданий на каменных фундаментах, бороться против постройки черных или курных изб. В тесной связи с этими задачами стояли другие — устройства между казенными селами путей сообщения — проселочных дорог, мостов, переправ. Палате предписывалось наблюдать, чтобы государственными крестьянами принимались предосторожности против пожаров и приобретались инструменты для тушения огня; в случае пожара Палата должна была приходить на помощь погоревшим выдачей денежного посо

бия и снабжением лесом на постройку. Для обеспечения здоровья крестьянского населения Палата была обязана следить за выполнением медицинских правил, следить за подготовкой оспопрививателей и организацией оспопрививания, устранять условия, порождающие местные болезни, вроде цынги и малярии, принимать меры против вспыхивающих массовых эпидемий. В случае скотских падежей Палата принимала меры против их распространения и приходила на помощь крестьянам, которые лишились живого инвентаря. Для поднятия культурного и морального уровня крестьян Палата не должна была ограничиваться устройством приходских училищ и наставлением учащихся в предметах учения и в благонравии: опираясь на приходское духовенство, она была обязана принимать все возможные меры для улучшения нравственности крестьян, для борьбы против пьянства, для «пресечения явного соблазна и разврата в поведении». Забота о постройке и содержании церквей не только православных, но также иноверческих, была одним из важнейших пунктов в этой нравственно-воспитательной программе. Феодальная опека принимала здесь самые крайние формы в духе полицейской регламентации XVIII века. Дополняя традиционный Устав о благоустройстве казенных селений, Учреждение 1838 года вводило строгие нормы, подчинявшие духовную жизнь крестьянина контролю и руководству со стороны бюрократической власти. «Палата государственных имуществ,— гласили статьи закона,— поощряет государственных крестьян к благонравию и трудолюбию, а в отношении ленивых и развратных строго наблюдает, дабы сельское, волостное и окружное начальства, по обязанности, возложенной на них в учреждениях сельского, волостного и окружного управлений, неослабно смотрели за их поведением отвращением пьянства, всякого соблазна, разврата и искоренением нищенства» (ст. 175).

В отношении носителей порока закон предписывал принимать строгие исправительно-карательные меры: «Если бы,— говорилось в законе,— до сведения Палаты дошло или сама она усмотрела из ведомостей о происшествиях или других донесений усиливающуюся в каком-либо месте безнравственность и происходящие от того вредные последствия; в таком случае командирует на место особого чиновника для исследования и принятия надлежащих мер к восстановлению порядка, уничтожением самой причины разврата, буде сие окажется возможным, или средствами предупредительными в отношении к самим крестьянам, предающимся разврату: во-первых, увещанием посредством приходского священника; во-вторых, исправительными наказаниями посредством Сельской расправы; в-третьих, учреждением опеки над людьми, изобличенными в мотовстве и пьянстве, и, в-четвертых, предоставлением сельскому обществу сделать постановление об отдаче виновного в рекруты или о переселении в другие места, сообразно правилам, постановленным в сельском судебном

уставе» (ст. 174). Так, градацией разнообразных мер воздействия, преимущественно административно-полицейских, Палата государственных имуществ призвана была нравственно воспитывать государственных крестьян в соответствии с крепостническим идеалом добродетельного подданного. И здесь прогрессивная тенденция к повышению культурного, в частности образовательного, уровня крестьянской массы переплеталась с феодально-реакционным стремлением подавить свободу индивидуальной жизни, подчинить отдельную личность суровой феруле авторитарного мировоззрения.

Очень подробно были нормированы законом 1838 года финансовые функции Палаты государственных имуществ. Особенное внимание было обращено на составление крестьянских смет мирских расходов и на выполнение Положения 1833 года о взимании денежных сборов. Многочисленными статьями закон устанавливал обязанности Палаты по собиранию материалов для сельских, волостных и окружных смет, по исправлению сделанных заявок, по составлению общей губернской сводки и по ее дальнейшему частичному корректированию. Еще обстоятельнее были правила о последовательных процедурах, связанных с раскладкою и собиранием податей и оброка, в частности со взысканием денежных недоимок: повторяя Положение 1833 года, закон 1838 года дополнил и уточнил его требования о рассылке и заполнении окладных листов, податных тетрадей, платежных таблиц и пр., о ревизии шнуровых книг и счетов, отчетов и т. д. Особый раздел «Учреждения» был посвящен вопросу о натуральных повинностях. Палата должна была наблюдать, «чтобы натуральные повинности были разложены между государственными поселянами уравнительно по сделанной оценке; чтобы из повинностей, законом установленных, не было относимо на их обязанность по соразмерности более, нежели на прочих уездных обывателей» (ст. 308); в случае затруднительности отбывания повинностей натурою, Палата могла ходатайствовать перед начальником губернии и министром государственных имуществ о замене повинности денежным сбором и обеспечивать условия, необходимые для реализации полученного разрешения. С финансовыми функциями Палаты было тесно связано наблюдение за отбыванием рекрутской повинности, в частности за составлением очередных списков, за набором и приемом рекрут, за производством расходов по сдаче рекрут, за наймом охотников, за законным обращением зачетных рекрутских квитанций. В общем, все статьи, относящиеся к отбыванию крестьянских повинностей, подчеркивают могущественную роль фискальных мотивов, руководивших законодателем при конструировании губернского органа, управлявшего государственными имуществами. Попечительство над крестьянами имеет здесь определенную цель ввести отбывание повинностей в рамки формальной законности, подробно регламентировав

требования государства и подчинив процедуру взимания учету и руководству со стороны центрального органа.

Основными источниками, из которых было почерпнуто содержание этих многочисленных норм о попечительстве над государственными крестьянами, были Устав о благоустройстве казенных селений (Свод законов, т. XII), Постановления о городском и сельском хозяйстве (там же), Устав паспортный (Свод законов, т. XIV), Устав строительный (Свод законов, т. XII), Устав путей сообщения (там же), Устав врачебный (Свод законов, т. XIII), Устав о народном продовольствии (там же), Устав о податях (Свод законов, т. V), Устав рекрутский (Свод законов, т. IV). Но эти заимствования были сделаны далеко не механически. В редких случаях статьи «Учреждения 1838 года повторяют соответствующие нормы действующего кодифицированного права[1]. Гораздо чаще новые статьи даны в обобщенной, более сжатой редакции, особенно там, где традиционные нормы феодально-полицейского государства звучат чересчур сурово и архаично[2]. Чаще всего заимствованные статьи старых уставов получают дополнение и развитие в духе руководящей идеи попечительства, с учетом «Главных оснований» реформы; примером подобной конкретизации служит раздел об обязанностях Палаты по части рекрутской повинности, детализирующий соответствующие пункты Рекрутского устава (Свод законов, т. IV). Иногда сопоставляя «Учреждение» с его источниками, мы находим в изложении одной и той же юридической темы комбинацию обоих приемов — и сжатого обобщения и детальной конкретизации[3]. Эти различные методы рецепции ясно обнаруживаются и дальше на всем протяжении закона.

Наряду с попечительством над государственными крестьянами Палата должна была выполнять другую задачу — управлять казенными ненаселенными землями, оброчными статьями и лесными угодьями. Закон подробно излагал обязанности Палаты по охране, межеванию, описанию и сдаче с торгов оброчных статей, по ведению правильного лесного хозяйства, по охране и использованию казенных лесов различных категорий — «единственного владения» (т.-е. бесспорно принадлежащих одной казне), «общего владения» (т.-е. состоящих в совместном владении казны и частных владельцев), «въезжих» (т.-е. лесов, в которые имели право въезда и вырубки на определенных условиях частные владельцы), спорных между казною и частными лицами.

---

[1] Ср. раздел XII об обязанностях Палаты по части строительной и по соблюдению чистоты и порядка (ст.ст. 225—233) со статьями Устава о благоустройстве казенных селений (Свод законов, изд. 1832 г., т. XII, ст.ст. 489—491) и Устава строительного (Свод законов, изд. 1832 г., т. XII, ст.ст. 753, 754, 786, 787, 813—818, 837).

[2] Ср. ст. 39 о мерах улучшения нравственности [illegible] Уставом Устава о предупреждении и пресечении преступлений (Свод законов, т. XIV).

[3] Ср. ст. 42 с Уставом о благоустройстве казенных [illegible], т. т. 281, 284 (Свод законов, т. XII).

В частности, Палата должна была наблюдать за сохранением податных крестьянских лесов, отдавать распоряжения об отводе крестьянам лесных участков и отпуске им леса, бороться с самовольными порубками и другими формами истребления казенных лесных дач. Через все эти разделы об управлении резервными государственными имуществами проходила одна руководящая настойчиво проводимая идея — о строгой охране государственной собственности и о решительной борьбе против всяких попыток ее захвата и уничтожения.

Входя в систему губернских административных учреждений, Палата была подчинена не только министру государственных имуществ, но в известной мере и начальнику губернии, сохранявшему за собой право общего наблюдения и руководства присутственными местами. Некоторые дела, например, о переселениях или о семейных разделах, не получали в Палате окончательного разрешения без предварительного согласия губернатора. Другие, особенно важные вопросы, например, о рассрочке запущенных недоимок, поступали на рассмотрение министра через губернатора и с его заключением. Палата была связана с другими губернскими органами через посредство различных присутствий и комитетов: управляющий Палатою по долгу службы должен был заседать в Комитете об уравнении земских повинностей, в Комиссии для обеспечения народного продовольствия, в Комитете для назначения срока и мест приема рекрут и пр.

Для обеспечения выполнения закона управляющий Палатою должен был как можно чаще объезжать казенные селения и ежегодно производить «общий осмотр и ревизию по всем предметам сельского благоустройства» (ст. 504).

Второй ярус в системе местной администрации, созданной законом 30 апреля 1838 года, составляло Окружное управление в лице окружного начальника и действовавшего при нем штата низших чиновников и мелких служащих: помощника по хозяйственной части, окружного и младших лесничих, письмоводителя, канцелярских служителей, конных и пеших рассыльных. По мысли законодателя, окружный начальник должен был стать непосредственным опекуном государственных крестьян, носителем твердой и сильной попечительной власти, руководителем и организатором всех сторон деревенской жизни. Подчиняясь Палате государственных имуществ и отвечая перед ней за все свои действия, окружный начальник выступал посредствующим звеном между руководящим губернским органом и крестьянскими выборными. Получая распоряжения Палаты, окружный начальник должен был исполнять их на территории округа, воздействуя на крестьянские массы через органы волостного и сельского управления. Конструируя институт Окружного управления, законодатель руководился канкринским Положением 1826 года, создавшим на территории Петербургской и Псковской губерний должность окружного комиссара, непосредствен-

ного и ближайшего начальника государственных крестьян. Но окружный начальник, введенный реформою Киселева, был наделен более широкой, разносторонней и централизованной властью. В отличие от окружного комиссара он управлял не только государственными крестьянами, но и ненаселенными землями и всеми казенными лесами. Его власти подчинялся окружный лесничий. Компетенция окружного начальника устанавливалась в соответствии с программой, развитой законом 26 декабря 1837 года и «Учреждением Палаты государственных имуществ», формулированным неизмеримо детальнее и шире, чем канкринские инструкции 1826 года. Территория округа должна была, как правило, совпадать с территорией уезда, но в случае незначительного количества государственных крестьян могла распространяться на два и даже на три уезда. Положение окружного начальника в системе общего уездного управления, так же, как взаимоотношения между окружным начальником и подчиненными служащими, были установлены по образцу существующих административно-полицейских органов уезда.

Определяя компетенцию окружного начальника, закон 30 апреля 1838 года следовал тому же плану, какого держалось «Учреждение Палаты государственных имуществ», повторяя те же многочисленные предметы ведомства, но в более конкретных и детальных формулировках. Для понимания сущности и назначения института окружного начальника особенно важно остановиться на четырех пунктах: на взаимоотношениях этого попечителя крестьян с волостной и сельской администрацией, на его задачах поддержания полицейского порядка, на его функциях, связанных с отбыванием крестьянских повинностей, и на его попечительной деятельности в собственном смысле слова.

Задача окружного начальника прежде всего — наблюдение за законностью и правильностью деятельности волостных и сельских учреждений. Окружный начальник должен был наблюдать «за точным исполнением правил, постановленных в отношении состава сельских и волостных сходов, созыва оных и производства на оных дел и выборов» (ст. 108). От окружного начальника зависело разрешить или по собственному усмотрению назначить созыв чрезвычайного сельского схода. Окружный начальник следил за тем, чтобы лица, избираемые на должности по волостному и сельскому управлению, соответствовали условиям, установленным законом. Получив документы о волостных выборах, окружный начальник делал представление Палате государственных имуществ «о избранных в волостные должности с своим заключением о законности выборов и о лицах, достойнейших к утверждению в должностях с присоединением подлинных приговоров, баллотировочных списков и справок из штрафных книг сельских расправ и из дел, производящихся по его ведомству» (ч. III, ст. 137). Приведение избранных к присяге и допущение их к должности пр[illegible]

ходило на основании распоряжения окружного начальника. Он же назначал сельских и волостных писарей с их помощниками, сельских — собственной властью, волостных — с утверждения Губернской палаты. Окружный начальник заведывал подготовкой волостных и сельских писарей, наблюдал, чтобы сельские общества выделяли на эти должности нужное количество кандидатов из числа отличных учеников приходских училищ, занимал их делопроизводством при своей канцелярии, распределял их по Волостным правлениям, замещал ими открывшиеся вакансии.

На окружном начальнике лежало руководство деятельностью волостной и сельской администрации; он наблюдал, «чтобы волостные правления и подведомственные им сельские начальства исполняли в точности возложенные на них обязанности... и чтобы никто из них не выходил из пределов своей должности и власти» (ст. 120). В целях систематического контроля окружный начальник должен был не только наблюдать за действиями крестьянских выборных «по ходу дел и отчетности», но и производить ежегодные общую и частные ревизии своего округа. Целью ревизии было «удостоверение в нравственном достоинстве и способности должностных лиц, в точном исполнении возложенных на них обязанностей и данных от начальства предписаний, в сохранении порядка делопроизводства и отчетности; в правильном сборе податей, в ограждении крестьян от притеснений, в соблюдении по селениям и прочим местам округа установленного по всем частям порядка» (ст. 123). Окружному начальнику принадлежало право налагать на крестьянских выборных и назначенных писарей взыскания за упущения по должности: членам Волостного правления, волостному писарю и его помощнику он делал замечания и выговоры до пяти раз в год, а в более серьезных случаях подвергал их аресту до трех раз в год (ч. III, ст. 462); сельским старшинам, уже три раза подвергавшимся замечаниям и выговорам со стороны Волостного правления, он делал выговоры в четвертый и пятый раз; сельским старостам, сборщику податей, его помощнику, смотрителю хлебного магазина и сельскому писарю, получившим пять выговоров и четыре ареста от Волостного правления, он делал выговор в шестой раз и подвергал их аресту в пятый раз (ч. III, ст. 394). В случае «крайнего нерадения, явной неспособности или дурного поведения» крестьянских выборных окружный начальник делал представление Палате об отрешении их от должности, а в случае злоупотреблений — устранял виновных от должности и представлял Палате о необходимости произвести расследование и предать виновных уголовному суду. Наоборот, в случае проявленного усердия окружный начальник входил в Палату с предложением наградить выборных за хорошее исполнение ими обязанностей. Таким образом окружный начальник был наделен широкою распорядительной, контролирующей и дискреционной властью в отношении

органов крестьянского «самоуправления»: вся деятельность сходов и выборной администрации находилась под его неусыпным наблюдением и начальственным воздействием; пользуясь своим правом налагать административные взыскания, он получал возможность оказывать непосредственное давление на волостных и сельских начальников; писаря, подготовленные и назначенные по его усмотрению, были ближайшими проводниками его распоряжений; от личных особенностей его характера и воззрений зависело представить бóльшую или меньшую самостоятельность крестьянским выборным, придать то или иное направление деятельности мирских сходов, Волостного правления и сельских уполномоченных. Окружный начальник был действительно начальником государственной деревни, возвышаясь над системою низших органов как руководящая власть со всесторонними и могущественными полномочиями.

Насколько широка и влиятельна была эта власть окружного начальника, показывают границы его компетенции в сфере поддержания полицейского порядка. Окружный начальник должен был наблюдать, «чтобы обнародованные зако́ны и предписания высшего начальства исполняемы были со стороны крестьян округа неукоснительно, принимая меры для побуждения их к сему и подвергая узаконенным порядком взысканию виновных в неисполнении законов и предписаний, или в медленном или неточном оных исполнении или, наконец, в их нарушении» (ст. 144). Обязанностью окружного начальника было тщательно следить, «чтобы крестьяне округа оказывали должное послушание и повиновение установленным властям» (ст. 145). В случае нарушения тишины и законного порядка или ослушания начальству окружный начальник должен был дать знать Земскому суду, донести Палате и лично отправиться на место происшествия для восстановления порядка и оказания содействия земской полиции. Всех лиц, задержанных за полицейские проступки и уголовные преступления, он передавал Земскому суду, а относительно подлежащих ведомству Сельской расправы требовал рассмотрения их поступков и заслуженного наказания виновных. От окружного начальника требовалось активное содействие охране личной и имущественной безопасности. Он должен был располагать точными сведениями не только о государственных крестьянах и свободных хлебопашцах, но и о всех постоянно или временно проживающих на территории округа, иметь на них именные перечневые ведомости и не допускать водворения в казенных селениях лиц, не имевших на это установленного права. Окружный начальник обязан был не допускать в подведомственных ему местах беглых, бродяг и беспаспортных людей, предотвращать самовольные отлучки крестьян из места их жительства и тщательно следить за рассылкой и использованием паспортных бланков и гербовой бумаги для отпускных билетов. Предоставляя окружному начальнику такую широкую полицейскую

власть в казенных селениях, закон 1838 года одновременно требовал от него благожелательного попечения над крестьянами, охраны и защиты населения «от всяких притеснений, притязаний и злоупотреблений», терпеливого и внимательного выслушивания всех жалоб, приносимых государственными крестьянами.

В соответствии с фискальными целями проводимой реформы, были строго определены обязанности окружного начальника по обеспечению неуклонного и своевременного отбывания крестьянских повинностей. Все, что было перечислено «Учреждением Палаты государственных имуществ», было повторено и усилено в применении к задачам Окружного управления. Руководя жизнью государственной деревни, окружный начальник должен был принимать разнообразные меры для взыскания государственных податей и оброков, для равномерного распределения натуральных повинностей, для успешного набора рекрут, для устранения отрицательных явлений, раскрытых ревизией V Отделения. К окружному начальнику поступали представления Волостных правлений и сельских обществ о денежных сборах на мирские расходы, и, он, составив окружную смету, представлял ее Губернской палате «при своем заключении, предположены ли сельскими обществами сборы на предметы совершенно необходимые и без всякого излишества» (ст. 294). Если сельское общество ходатайствовало об отступлении в чем-либо от утвержденной сметы, окружный начальник передавал эту просьбу в Палату «с присовокуплением заключения, уважительны ли побудительные к сей мере причины» (ст. 296). Окружный начальник вел учет денежным недоимкам, сличал свои сведения с данными Уездного казначейства и требовал исправления замеченных ошибок. На обязанности окружного начальника лежала проверка финансового счетоводства Волостных правлений и отвращение «всяких притеснений и незаконных вымогательств» со стороны сборщиков. Особенное внимание должен был обращать окружный начальник на взыскание денежных недоимок. Закон формулировал эти обязанности окружного начальника в следующих категорических предписаниях: «Он побуждает настоятельно сельские общества лично и чрез Волостные правления и сельских старшин и старост ко взносу недоплаченных сборов, наблюдает, чтобы сими начальствами и сельскими сходами употреблены были и приведены в действие все меры, постановленные для взыскания недоимок в учреждениях волостного и сельского управлений, содействует к тому собственными способами и отправляется на место в потребных случаях сам или посылает своего помощника для побуждения неплательщиков» (ст. 312). «Окружный начальник настаивает о неотложном исполнении приговоров сельских сходов о продаже движимого и недвижимого имущества неплательщиков и об отдаче их в частные и мирские работы для заработки недоимок и облегчает способы для приведения сих мер в действие по мере представляющейся

тому возможности» (ст. 313). «Если по приговору сельского схода положено будет продать в пополнение недоимки недвижимое имущество государственного крестьянина, принадлежащее ему в полную собственность, а за неимением оного и самые строения неплательщика, за исключением жилых и хозяйственных, то окружный начальник наблюдает, чтобы имущество сие было описано и оценено Сельскою расправою, чтобы о продаже оного Волостным правлением сделано было надлежащее объявление и затем продажа сия произведена с торгов согласно правилам, постановленным по всем сим предметам в учреждениях волостного и сельского управлений...» (ст. 314). «Если бы за всем тем к определенному сроку недоимка не была пополнена, то окружный начальник распоряжается, чтобы она была в то же время разложена сельскими сходами на прочих крестьян тех же сельских обществ, соразмерно платимой каждым домохозяином подати и чтобы немедленно была ими внесена» (ст. 315). «Окружный начальник, по сделании выше означенного распоряжения, наблюдает за немедленным его исполнением, и для того о успехе взыскания недоимок получает от Волостных правлений донесения» (ст. 316). Если недоимки достигали годового оклада «от лености и нерадения крестьян», окружный начальник представлял Палате о необходимости обратить сельское общество «в непосредственное хозяйственное управление» (т.-е. перевести его на барщинное положение) впредь до уплаты недоимки. Если недоимка накоплялась вследствие несчастных случаев, окружный начальник передавал Палате просьбу крестьян об отсрочке с собственным «заключением, в какой степени уважительна таковая просьба» (ст. 318).

Такую же энергию должен был проявить окружный начальник при объявлении рекрутского набора: по формулировке закона, он «под строжайшей личной ответственностью печется, чтобы рекруты, следующие с сельских обществ, были поставлены ими бездоимочно к положенному сроку; в случае неисправности, окружный начальник принимает надлежащие меры для понуждения сельских обществ к исполнению их обязанностей, отправляясь в случае надобности сам на место для распоряжений о взыскании недоимочных рекрут и высылке их в рекрутские присутствия» (ст. 354). Окружный начальник лично проверяет рекрутские списки, следя за их дополнением и изменением, лично заседает в Рекрутском присутствии, содействуя успешной сдаче рекрут, дает свои заключения о возможности предъявления и продажи зачетных рекрутских квитанций.

Не менее могущественную роль играл окружный начальник при отбывании крестьянами натуральных повинностей. В его компетенцию входило следить за правильным и равномерным распределением этих повинностей, за постройкой и исправлением дорог, за требованием и использованием подвод, за размещением лиц по крестьянским кварти-

рам. И здесь окружный начальник должен был бороться с злоупотреблениями, раскрытыми при производстве ревизии, наблюдать, «чтобы на подведомственных ему крестьян не было возлагаемо повинностей, не установленных законом», и принимать «меры для ограждения их от всяких произвольных отягощений и от всяких притеснений» (ст. 322). Заседая в Уездной дорожной комиссии, он должен был заботиться, «чтобы росписание дорожной повинности в уезде сделано было уравнительно и чтобы государственные крестьяне не были пред прочими обременены назначением на их содержание дорожных участков» (ст. 357); следя за дачею подвод, он должен был наблюдать, «чтобы оные поставляемы были крестьянами в узаконенных токмо случаях, в числе не свыше установленного, чтобы на них не было накладываемо тяжестей выше меры и чтобы их не принуждали следовать далее определенного для них пункта» (ст. 338); в отношении квартирной повинности он должен был не допускать занятия квартир лицами, не имеющими на то права, не допускать произвольного расширения занятых помещений и предъявления хозяевам незаконных требований. Таким образом в руках окружного начальника сосредоточивалась широкая власть в важнейшем вопросе деревенской жизни: от него зависело усилить или ослабить податной пресс, увеличить или уменьшить давление финансовых законов, действительно оградить крестьян от чрезмерных и незаконных требований или обнаружить при этом недостаточные энергию и решительность.

Окружный начальник был тем полномочным органом, от которого зависела реализация попечительной программы центрального Министерства и Губернской палаты. И здесь крестьяне целиком зависели от активности и доброй воли окружного начальника. Его обязанности в этом отношении формулированы законом в широких, далеко идущих пределах. «Он наблюдает, чтобы по селениям его ведомства улицы и площади были выровнены, болота осушены и засыпаны землею и песком; чтобы протекающие через селения реки, источники и берега оных не были засоряемы навозом, падалью или другою нечистотою и чтобы в селениях соблюдаема была вообще опрятность» (ст. 259). Он принимает меры, «чтобы в селениях были разбиты улицы, чтобы направление их было обозначено вехами и чтобы самые дворы, в случае построения домов вновь, располагаемы были соответственно правилам об устройстве селений, если к тому нет препятствия от соседственных зданий» (ст. 254). Он проверяет составленные планы селений и дает по ним заключения. Он следит за тем, чтобы постройка домов производилась исключительно по разосланным образцовым фасадам; он внушает крестьянам пользу возведения зданий на каменном фундаменте и старается вывести из употребления черные или курные избы («без всяких, впрочем, насильственных мер»; ст. 257).

На обязанности окружного начальника лежит также постоянная за-

бота о соблюдении правил врачебного благоустройства: он лично появляется в местах открывшихся эпидемий и отдает распоряжения об устройстве больниц и о снабжении их продовольствием и медикаментами; от его инициативы зависит принятие мер для уничтожения причин местных болезней. Борясь с пожарами, окружный начальник печется о том, «чтобы во всех подведомственных ему селениях заведены были обыкновенные огнегасительные орудия и чтобы сделано было расписание по дворам, кому с чем являться на пожар для тушения огня» (ст. 240). Он лично проверяет исправность огнегасительных орудий, а в случае происшедшего пожара содействует Волостному правлению в оказании первоначальной помощи погоревшим.

Особенно важны были функции окружного начальника в разрешении хозяйственных вопросов деревенской жизни. При внешнем межевании он должен был присутствовать в качестве депутата при всех действиях землемеров, а при проведении внутреннего кадастра он должен был обеспечивать работу командированных топографов, доставляя им сведения и планы, отводя квартиры, наряжая подводы и рабочих, назначая понятых. Если крестьяне ходатайствовали о дополнительном наделении их землею, окружный начальник давал заключение, «в какой степени сии прошения уважительны, действительно ли нужна прибавка земель, или, по занятию крестьян промыслами, они могут без неудобства остаться и при том количестве угодий, которым владеют». Если прибавка, по его мнению, была действительно необходима, он давал заключение «и о том, откуда может быть заимствована земля для наделения и на каких условиях может она быть предоставлена просителям без нарушения выгод казны» (ст. 278). Все крестьянское хозяйство находилось в поле зрения окружного начальника: он наблюдал «а) чтобы земельные участки крестьян не оставались в запустении, но тщательно обрабатывались и чтобы все сельские работы производились ими благовременно, б) чтобы и самые неудобные земли постепенно были расчищены и удобрены» (ст. 281). В его обязанности входило поощрять крестьян «к учреждению садов, огородов, к размножению скота улучшенных пород и к заведению травосеяния, где лугов недостаточно» (ст. 283), покровительствовать распространению и усовершенствованию промыслов, руководить эксплоатацией мирских оброчных статей. Содействуя постройке хлебных магазинов и строго контролируя их запасы и счетоводство, окружный начальник должен был регулировать выдачу крестьянам продовольственных и семенных ссуд. Если Волостными правлениями и сельскими обществами подавались соответствующие ходатайства, он обязан был строго наблюдать, «чтобы подведомственные ему крестьяне прибегали к таковому средству токмо в случае совершенной в том необходимости, внушая им о всех тягостях и ответственности, соединенной с займами, и склоняя их изворачиваться по возможности собственными средствами» (ст. 224). Таким образом окружный начальник должен был воплощать в себе во всех вопросах

экономической жизни организующую власть расчетливого и строгого хозяина, заменяющего в казенных селениях направляющую и контролирующую власть помещика. Опекун-попечитель не упускал из виду ни одной стороны деревенского быта, вникая во все условия и потребности, взвешивая все наличные обстоятельства и вынося свои определяющие решения.

Такую же роль руководящей и направляющей силы должен был играть окружный начальник в духовной жизни государственной деревни. И здесь он был наделен широчайшими полномочиями в духе феодально-полицейского государства XVIII века. Закон возлагал на него обязанность заботиться «об улучшении нравственности подведомственных ему крестьян» (ст. 160) и средствами убеждающего слова, и силою административного давления. Через приходских священников он должен был действовать «для достижения сей цели поучением народа страху божиему, беспредельной подданнической верности священной особе государя, исполнению законов, почитанию властей, благонравию и трудолюбию» (ст. 161). Организуя приходские училища, окружный начальник обязан был наблюдать «за исправным исполнением обязанностей учителями, за успехами учеников в преподаваемых предметах и в особенности за наставлением их в благонравии» (ст. 164). Но и он сам лично призван был воспитывать крестьянские души, о чем категорично и вразумительно гласили статьи закона: «Окружный начальник возбуждает благонравие и трудолюбие крестьян похвалами и поощрениями; но в отношении ленивых строго наблюдает, дабы волостное и сельское начальства по обязанности, возложенной на них в учреждениях волостного и сельского управления, неослабно смотрели за их поведением и отвращением праздности, пьянства, всякого соблазна и разврата» (ст. 167). «Если бы в каком селении укоренилась и усилилась безнравственность и происходящие от того вредные последствия, то окружный начальник должен вникнуть в причины сего беспорядка и отвратить оный уничтожением сих причин, если то окажется возможным, мерами предупредительными против пороков и законным оных преследованием» (ст. 168).

Эти меры «для исправления порочных крестьян» известны нам из «Учреждения Палаты государственных имуществ»; они были твердо установлены по определенной скале: увещание священника, исправительное наказание Сельской расправы, учреждение опеки, сдача в рекруты или выселение из деревни (ч. III, ст. 169). Самому окружному начальнику присваивалось право не только пользоваться орудием духовной проповеди и понуждать Сельскую расправу к применению наказаний, но и лично учреждать опеку «над крестьянами порочной жизни». Что касается высшей административно-исправительной меры, то окружный начальник давал заключение об ее необходимости и представлял ее на рассмотрение Губернской палаты.

Помогая местному духовенству и заботясь об удовлетворении его

материальных потребностей, окружный начальник должен был одновременно вести систематическую борьбу с расколами и ересями. Вместе с тем, под влиянием произведенной ревизии, закон 1838 года возложил на окружного начальника борьбу против пьянства, особенно против спаивания государственных крестьян агентами питейного откупа. В задачи окружного начальника входило не допускать на территории округа открытия питейных заведений больше определенного количества, распивочной продажи вина на постоялых дворах, посещения кабаков до окончания литургии, устройства в питейных домах привлекающих увеселений, продажи вина на сельские продукты, под залог вещей и вообще в долг.

Наряду с попечительством над государственными крестьянами окружный начальник должен был выполнять функции управляющего казенными ненаселенными землями и лесами, охранять их границы от насильственного завладения, составлять им статистические описания, отводить земельные участки, руководить эксплоатацией казенных оброчных статей, следить за межеванием лесов, ставить правильное лесное хозяйство и пр.

Закон старался как можно точнее разграничить функции окружного начальника и земской полиции: на долю последней падали только 1) пресечение преступлений против веры, против общественного порядка и учреждений правительства, против личной и имущественной безопасности, 2) производство следствий по уголовным и гражданским делам, подлежащим ведомству общих судов, 3) исполнение приговоров общих судов (ст. 504). Однако закон не достигал желаемого ясного разграничения: на окружного начальника, в свою очередь, возлагалось «наблюдение и распоряжение по предупреждению и пресечению беспорядков, также по пресечению явного соблазна и разврата в поведении» (ч. III, ст. 503). На практике это должно было приводить к столкновению представителей разных ведомств, причем перевес должен был оставаться на стороне того ведомства, которое было действительным хозяином в казенных селениях. Закон 1838 года формально обеспечивал этот перевес, специальными статьями ограждая государственную деревню от вторжения власти земской полиции. Окружному начальнику предоставлялось право в случае беспорядка «до прибытия земской полиции делать предварительные распоряжения по предметам общей полиции» (ч. III, ст. 507). Он мог присутствовать при действиях земской полиции, оказывая ей свое «содействие и вспомоществование» (ч. III, ст. 506). В частности, он имел право находиться при производстве следствий по уголовным делам, «охраняя при сем подведомственных ему крестьян от всяких притеснений» (ст. 370). Если дознание или следствие устанавливало наличие не уголовного преступления, а проступка, границы власти земской полиции делались еще уже. «Земская полиция,— гласил закон,— при распоряжениях своих по уезду, не вмешивается в суждение дел по проступкам государственных крестьян и

свободных хлебопашцев, но найденных ею в сих проступках передает местному сельскому начальству для поступления с ними на основании сельского судебного устава» (ч. III, ст. 508). В делах по сельскому благоустройству и отбыванию повинностей, земская полиция, «не вмешиваясь лично в распоряжения по сельским обществам, относится с требованиями своими к окружному начальнику» (ч. III, ст. 509). Таким образом, окружный начальник оказывался почти полновластным хозяином своего округа, не встречавшим на территории государственной деревни никакой сильной конкурирующей власти. Так создавалось законом 1838 года киселевское «государство в государстве», призванное стать благоденствующим оазисом в безрадостной крепостнической пустыне.

Закон склонен был трактовать окружного начальника, как «посредствующую власть, через которую восходят представления и донесения Волостных правлений в Палату государственных имуществ и передаются им разрешения и повеления сего высшего места» (ч. III, ст. 499). Но закон тут же несколькими многозначительными строками разрушал это фиктивное представление о скромном посредствующем звене между губернским и сельскими органами: «Независимо от сего, окружный начальник, по свойству власти распорядительной, может, сам собою, не требуя разрешения высшего начальства... давать разрешения по всем делам, предоставленным окончательному его утверждению правилами, постановленными выше о его обязанностях» (ст. 499). Принимая во внимание многообразную компетенцию окружного начальника, надо признать, что пределы его власти были чрезвычайно широкими и в силу расплывчатых формулировок закона, открывали безграничное поле для личного усмотрения. Законодатель рассматривал окружного начальника как полномочного представителя дворянского государства, созидающего порядок и благосостояние в государственной деревне; отсюда могущественное и властное положение этого органа в системе местного управления государственной деревни. Вобрав в себя черты окружного комиссара 1826 года, институт окружных начальников пошел значительно дальше и сделался прообразом крестьянских опекунов пореформенного периода — мирового посредника и земского начальника.

Четвертый ярус в системе новой администрации составило волостное управление, к которому оказалось вполне приложимым понятие «посредствующей власти» между руководящими бюрократическими органами и сельскими выборными учреждениями. Это был приводной ремень, через который окружный начальник передавал свои распоряжения и устанавливал свою власть над крестьянскими массами. Реорганизуя управление государственной деревней, законодатель колебался, сохранять ли традиционную волость 1797 года или, минуя это передаточное звено, установить непосредственную связь между правитель-

ственными чиновниками и сельскими выборными[1]. В конце концов, было решено на время сохранить волость, присвоив ей информационные и наблюдательные функции. С точки зрения гувернаменталистов Сперанского и Киселева некоторый излишек администрации не был вредным, он помогал установить более разветвленную, всеохватывающую, а, следовательно, и более эффективную систему руководства «свободными сельскими обывателями». Но законодатель изменил и развил правовую конструкцию 1797 года, в значительной степени отправляясь от проекта Гурьева. Прежде всего волость была сильно укрупнена: теперь она охватывала собою крестьянское население в количестве не 3 тысяч, а 6 тысяч ревизских душ мужского пола. Волость складывалась из нескольких смежных сельских обществ; если они были рассеяны на большом пространстве, то границы волости могли быть сокращены так, чтобы расстояние селений от волостного центра не превышало 40 верст или двух дней пути. Второе изменение касалось существа волостной компетенции. В отличие от закона 1797 года, к волости были приписаны «смежные казенные незаселенные и пустопорожние земли и оброчные статьи, исключая лесных» (ч. III, ст. 5). Возлагая на волостные органы непосредственную охрану земельного фонда, законодатель стремился надежнее и лучше обезопасить государственные имущества от всяких попыток захвата и незаконной эксплоатации. Следующее изменение касалось организационной структуры волостной администрации: помимо распорядительного органа — волостного схода — и исполнительного органа — Волостного правления (состоявшего по закону 1797 г. из выборных — старшины, старосты волостного селения и писаря) — закон 1838 года впервые установил новый орган — Волостную расправу как судебно-апелляционную инстанцию сословного типа. Самый состав Волостного правления подвергся значительным изменениям. В него входили теперь волостной голова и два избранных заседателя, один по полицейской, другой по хозяйственной части («по примеру удельного управления для бо́льшего успеха в производстве дел и обуздания своевольства волостного головы», как мотивировала объяснительная записка к закону). Волостной писарь, в отличие от прежнего порядка, не избирался крестьянами и не входил в состав Волостного правления; он назначался окружным начальником и состоял «при Волостном правлении», заведуя письмоводством. В своем комментарии законодатель не скрывал истинных мотивов такого изменения: «Качества, потребные для волостного писаря, суть способность и знание дела; о сих предметах не в состоянии судить общество, состоящее большею частью из безграмотных людей»[2].

Волостная расправа состояла из того же головы и «добросовестных», избранных населением деревни, для разбора крестьянских проступков и споров.

[1] ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1838 год, № 98, лл. 167—170.
[2] Там же, стр. 406—407.

Характер волостного управления, созданного законом 1838 года, вполне раскрывался в юридической конструкции волостного схода. В отличие от прежнего порядка, в состав этого органа входили не все крестьяне — домохозяева волости, а представители от казенных селений, выделенные путем определенной избирательной процедуры. Каждое трехлетие, за неделю до Михайлова дня (т.-е. 1 ноября) в каждом сельском обществе производились так называемые «частные сельские выборы»: сельский старшина собирал всех совершеннолетних домохозяев сельского общества, вызывал по порядку по 10 домохозяев (начиная с № 1) и спрашивал их, кого они желают назначить выборными на сельский сход? От каждых 10 домохозяев должны были быть названы два представителя; если возникали разногласия, вопрос решался большинством голосов; если получалось равное количество голосов за разных кандидатов, между ними метался жребий (ч. III, ст. 110–114). При этом можно было называть исключительно крестьян «не моложе 25 лет от роду, хорошего поведения, не бездомовных, рачительных по хозяйству». После производства выборов представителей на сельский сход, избранные из своей среды выделяли новых представителей на волостной сход, по одному от каждых 4 человек (т.-е. 1 с 20 дворов) [1]. Таким образом, сельский и волостной сходы составлялись путем опроса открытым выражением мнения, под непосредственным руководством и возможным давлением представителя сельской власти. Законодатель в своей объяснительной записке мотивировал новый порядок следующим образом: «Все сии изменения предположены с целью, удалив многолюдство на сходах, в настоящее время производящее только беспорядки, дать возможность участвовать в выборах поселянам благонадежным» [2]. Киселев, в соответствии с своими исходными принципами, стремился «обуздать» крестьянскую массу, заменив традиционную мирскую сходку тщательно просеянным собранием из «благонадежных» депутатов.

Каждое новое трехлетие «за три дня до праздника введения во храм пресвятые богородицы» (т.-е. 18 ноября) Волостное правление созывало новоизбранный волостной сход с определенной целью произвести волостные выборы. Предварительно каждое сельское общество, входившее в состав волости, избирало на предстоящее трехлетие по три кандидата на каждую волостную должность — волостного головы, заседателей Волостного правления и «добросовестных» Волостной расправы. Из числа этих намеченных кандидатов волостной сход, под председательством волостного головы избирал требуемых должностных лиц путем баллотировки шарами. Помимо требований, предъявлявших-

[1] Повидимому, эта вторая процедура, не регламентированная законом, должна была производиться так же, как первая, под руководством того же сельского старшины (ч. III, ст. 98).

[2] Там же, стр. 748—751; имеются в виду выборы сельских и волостных начальников, производившиеся на сельских и волостных сходах.

ся к членам сельского и волостного сходов, закон выдвигал дополнительные условия, которым должен был удовлетворять каждый избираемый: воспрещалось избирать 1) крестьян, подвергавшихся телесному наказанию или оставленных под подозрением по приговорам общих судебных мест, 2) крестьян, подвергшихся по приговорам Сельской расправы телесному наказанию в течение последних 10 лет или взамен телесного наказания — содержанию под стражею или общественным работам в течение года, предшествовавшего выборам, 3) крестьян, принадлежащих к вредным ересям (сектантов) в селениях, где были жители православного вероисповедания, 4) идолопоклонников в селениях, где жили христиане, 5) магометан на должности волостного головы в селениях со смешанным христианским и магометанским населением. Эти дополнительные условия пассивного избирательного права имели целью еще более повысить установленный морально-политический ценз благонадежности. Волостной сход мог уволить крестьянина от выборов (т. е. снять его кандидатуру) только при наличии четырех законных поводов: 1) если кандидат прослужил в выборной должности три трехлетия, 2) если в его семействе не было другого взрослого работника, 3) если ему исполнилось более 60 лет, 4) если он страдал тяжелыми недугами. Избрание на должность рассматривалось законом 1838 года, как обязательная служба, от которой не смеет уклоняться ни один государственный крестьянин. Точка зрения законодателя подчеркивалась требованием к выбранным принести присягу «на верность службы» под руководством окружного начальника или его помощника (ст. ст. 139, 141).

Закон 1838 года очень подробно регламентировал внешнюю процедуру баллотировки — окраску ящика, покрытие его сукном, собирание и подсчет шаров и т. д. (ч. III, ст. ст. 131—135). На каждую должность волостной сход должен был избирать по три кандидата; окружный начальник, рассмотрев представленные приговор, баллотировочный список, справки из волостных дел и выписки из штрафных книг, давал свое заключение Палате «о законности выборов и о лицах, достойнейших к утверждению в должностях». Палата государственных имуществ взвешивала представленные доводы и «по своему усмотрению» утверждала в каждой должности одного из трех избранных сходом, а двух других — кандидатами на случай выбытия первого (ч. III, ст. ст. 136—138). Для утверждения волостных голов и их заместителей требовалось, кроме того, постановление губернатора. Таким образом, волостному сходу, даже при гарантии благонадежности его членов, не давалось последнего решающего слова в выборах собственных исполнительных органов. Это были не свободные выборы самоуправляющейся независимой общины, а подбор подходящих кандидатов бюрократическими учреждениями. Что касается главного исполнительного органа — волостного головы — то его выборы обставлялись новыми ограничениями, сводившими на-нет самую избирательную процедуру.

Закон устанавливал, что «волостный голова остается в своей должности и по прошествии трехлетия на неопределенное время, пока сам не будет просить увольнения, или пока начальство, по жалобам крестьян, по неспособности головы, или по другим уважительным причинам, не признает нужным избрать на его место другого» (ч. III, ст. 21). И здесь вопрос разрешался начальством, т. е. окружным начальником, а по его представлению Палатою и начальником губернии. По окончании волостных выборов волостной сход распускался и не созывался целое трехлетие вплоть до новых выборов.

Так был сконструирован институт волостного схода. Его состав (из числа подобранных «благонадежных» домохозяев), редкость его созыва (один раз в трехлетие), крайняя ограниченность его компетенции (только выборы на волостные должности!), узость его избирательных прав (требования возрастного, хозяйственного и морально-политического ценза), наконец, решающая роль бюрократических органов в утверждении кандидатов и в отмене выборов волостного головы — все говорит о фиктивности крестьянского волостного «самоуправления». Волостной сход был введен с исключительной целью помочь окружному начальнику и Губернской палате укомплектовать волостные должности более добросовестными и надежными кандидатами; как выборные, они имели больше авторитета в крестьянской массе и, следовательно, обеспечивали более глубокое и успешное проникновение коронной администрации в толщу деревенского населения.

Волостные исполнительные органы не могли чувствовать себя полномочными представителями волостной общины, так как волостной сход не имел никаких распорядительных функций, не обсуждал никаких вопросов крестьянской жизни и не принимал никаких направляющих решений. Его роль сводилась к молчаливой подаче избирательных шаров, к действиям безгласного аппарата, служившего вспомогательным орудием административной системы. Жизнь волости сосредоточивалась не здесь, на волостном сходе, а в избранном исполнительном органе, Волостном правлении. Именно ему закон уделял свое главное внимание, подробно определяя его структуру, его компетенцию и пределы его административной власти.

Волостное правление рассматривалось законом 1838 года, как орган, непосредственно зависящий от окружного начальника: на основании ст. 82, «Волостное правление подчиняется окружному начальнику, получает от него предписания и представляет ему рапортами». В свою очередь, Волостному правлению подчиняются сельские старшины, главные исполнительные органы сельского общества, которым Волостное правление «посылает приказы» (ч. III, ст. 85; ч. IV, ст. 51). В качестве учреждения, подчиненного окружному начальнику как опекуну и попечителю государственных крестьян, Волостное правление является проводником его распоряжений, исполнителем его решений, подсобным аппаратом в его деятельности. Поэтому предметы ведом-

ства Волостного правления охватывают те же стороны крестьянской жизни, на какие распространяется власть окружного начальника. «Учреждение Волостного управления», в частности данный ему Наказ, воспроизводили тот же план детально регламентированной компетенции, который был положен в основу соответствующих разделов губернского и окружного учреждений. Но формулировка статей, посвященных обязанностям Волостного правления, еще детальнее и конкретнее; она ближе вводит нас в обстановку местного управления государственными крестьянами, отчетливее раскрывает мотивы законодателя и специфический характер проводимой реформы. Касаясь тех же вопросов, какие затрагивались наказами губернскому и окружному начальству, многочисленные и объемистые статьи Волостного «Учреждения» показывают зависимый, несамостоятельный характер Волостного правления, как посредствующего звена в системе местного правительственного механизма. Однако в своих отношениях к сельским обществам Волостное правление выступало как властный начальственный орган, воплощавший в себе всю силу и полноту авторитета, исходящего от вышестоящих бюрократических учреждений. Примером такой модификации правовых норм могут служить разделы закона 1838 года, относящиеся к попечительству над хозяйством и нравственностью государственных крестьян.

Выполняя хозяйственные функции, Волостное правление прежде всего должно было получать от окружного начальника сведения о казенных землях, находящихся на территории волости, в частности, о количестве и качестве земель и угодий, отведенных всем сельским обществам. Каждую весну Волостное правление, через волостного голову или одного из заседателей, должно было проверять целость границ казенной земельной площади и о результатах этой проверки доносить окружному начальнику. В случае обнаруженного завладения казенными участками, Волостное правление обязано было немедленно восстановить имущественные права казны, если захват был произведен государственными крестьянами, или сейчас же донести о случившемся окружному начальнику и становому приставу, если государственное имущество было незаконно присвоено посторонними лицами (ч. III, ст.ст. 387—390; ч. II, ст. 277). В случае ходатайств казенных селений об уравнительной разверстке земель, Волостное правление представляло эти ходатайства окружному начальнику «с заключением, заслуживает ли домогательство сие удовлетворения»; в случае последовавшего согласия, Волостное правление оказывало содействие землемерам при размежевании и отводе уравниваемых угодий (ч. III, ст.ст. 283—284). Аналогичные функции возлагались на Волостное правление в том случае, если от казенных селений поступали прошения об обмене землею с другими сельскими обществами или частными лицами (ч. III, ст.ст. 280—281). Если селения или сельские общества «были недостаточны землею и от того крестьяне затруднялись в способах продовольствия

и платеже податей», Волостное правление принимало их заявления о дополнительной нарезке наделов и представляло их окружному начальнику, «присоединяя свое мнение, в какой степени сии прошения уважительны» (ч. III, ст. 282). Многообразные обязанности падали на Волостное правление в случае организованного переселения крестьян в другие губернии. От Волостного правления поступали к окружному начальнику прошения и приговоры сельских обществ о согласии их на переселения; оно давало заключение, «не предстоит ли препятствий к переселению»; в случае последовавшего разрешения, оно допускало просителей к продаже их имущества и сборам к предстоящему отъезду. Волостное правление наблюдало, чтобы назначенные к переселению «напрасно не проживали на местах прежнего своего жительства, но отправлялись в путь для следования туда, где новое водворение для них предназначено, снабжая их надлежащими пропускными видами и маршрутами» (ч. III, ст.ст. 285—287). Переселенцам, следующим через данную волость, Волостное правление оказывало «всякое покровительство и защиту» (ч. III, ст. 289). О переселенцах, водворившихся на территории волости, оно извещало окружного начальника; временно, до постройки домов, размещало их на квартирах, «оказывая им доброхотство и пособие, охраняя их от притеснений и указывая им участки, назначенные для их поселения»; оно помогало их окончательному устройству на новом месте, постройке домов, «приобретению по дешевейшим ценам рабочего скота, земледельческих орудий, материалов и припасов», заимообразному получению семян для обработки полей. Волостное правление должно было склонять «старожилов к оказанию переселенцам вспоможения, но так, чтобы сии вспоможения, будучи долгом человеколюбия, не обращались старожилам в отягощение (ч. III, ст.ст. 290—291). Наконец, в задачу Волостного правления входило не допускать переселенцев к самовольным переходам с места на место, особенно к возвращению их на место прежнего жительства без разрешения начальства; о всех случаях подобного рода Волостное правление должно было доносить окружному начальнику (ч. III. ст.ст. 292—295). Под наблюдением и руководством окружного начальника Волостное правление организовывало эксплоатацию мирских оброчных статей: устраивало торги и переторжки на отдачу их в арендное пользование, заключало контракты с арендаторами, следило за выполнением принятых условий, получало оброчные доходы; по просьбе государственных крестьян ходатайствовало о передаче оброчных статей в непосредственную эксплоатацию сельских обществ (ч. III, ст.ст. 305—313). Такие же функции выполняло Волостное правление по отношению к пользованию крестьянскими общественными лесами: оно входило с представлениями к окружному начальнику о разрешении крестьянам собирать валежник из заказных рощ, о расчистке излишнего леса под пашенные и сенокосные угодья, об отводе лесных участков для рубки строевого и дровяного леса (ч. III, ст.ст. 314—318). На основа-

ний наставлений окружного начальника, Волостное правление заботилось о постройке и починке запасных хлебных магазинов, рассылало смотрителям магазинов шнуровые книги и бланки платежных продовольственных таблиц, полученные от окружных начальников, наблюдало, «чтобы таблицы сии были розданы плательщикам, чтобы сбор хлеба с крестьян производился в установленные для этого сроки бездоимочно, чтобы при взносе не было делаемо крестьянам никаких притеснений и вымогательств, чтобы хлеб был храним, освежаем и выдаваем в ссуду и чтобы счеговодство по сей части было содержимо в надлежащей исправности и порядке...» (ч. III, ст. 244); через волостного голову или одного из заседателей Волостное правление в ноябре каждого года должно было проверять целость запасов и ведение шнуровых книг смотрителями магазинов. Но особенно сложные задания выпадали на долю Волостного правления по выдаче и обратному получению продовольственных ссуд. Если поступали приговоры сельских обществ о выдаче им семенной ссуды, Волостное правление могло разрешить ее собственной властью, если пособие выделялось из первой четверти магазинных запасов, но оно было обязано довести об этом до сведения окружного начальника; если первая четверть запасов была исчерпана и поступали просьбы о выдаче семенного пособия из второй четверти, Волостное правление должно было удостовериться в необходимости такой меры и просить об ее удовлетворении окружного начальника. В случае большого неурожая Волостное правление входило к окружному начальнику с ходатайством об оказании помощи крестьянам в деле продовольствия и засева полей. По требованию начальства «собрать точнейшие и подробнейшие сведения о тех, которым угрожает недостаток в продовольствии», Волостное правление должно было организовать особую комиссию из трех или более «достаточных и благонадежных» старожилов «для указания тех семейств, которые действительно нуждаются в продовольствии и не имеют средств пропитания себя до новой жатвы» (ч. III, ст. 249). С помощью этой комиссии, избранной сельским сходом и давшей присягу в правильности своих показаний, Волостное правление собирало сведения «о положении каждого семейства в отношении к средствам продовольствия, а именно 1) о количестве запасов прежних лет и огородных овощей, 2) о количестве скота, не нужного для обрабатывания полей и который может быть обращен в продажу, также и домашних птиц, 3) о промыслах всякого рода крестьян и вообще о их средствах к заработкам и доставлению себе пропитания» (ч. III, ст. 250). Собрав нужные сведения, Волостное правление распределяло крестьян на три разряда: в первый разряд оно зачисляло тех, кто не имел никаких запасов на посев и прокормление и «никаких верных средств к своему продовольствованию», во второй разряд попадали те, которые испытывали недостаток в хлебе, но могли, хотя бы частично, вывернуться из беды продажею своих изделий, излишнего скота или другого имущества, промыслами или заработка-

ми; в третий разряд помещались те, кто не имел нужды в продовольственном пособии. Крестьяне первого и второго разряда заносились в именные списки, причем Волостное правление строго наблюдало, «чтобы собираемые им сведения и показания старожилов были верны и чтобы число нуждающихся не было увеличиваемо» (ч. III, ст. 253). Списки представлялись через окружного начальника Губернской палате и клались в основание всей организации продовольственной помощи. Руководясь утвержденными списками, Волостное правление распоряжалось раздачею хлеба, наблюдая, чтобы он «дошел к нуждающимся в свое время вполне и в надлежащем качестве, но без всякого излишества и с возможным сбережением расходов», чтобы не допускалась продажа или передача пособия между семействами и чтобы не отпускалось хлеба посторонним или крестьянам, не испытывающим нужды и не внесенным в именной список. В дальнейшем Волостное правление должно было наблюдать за своевременным возвращением отпущенных ссуд и распоряжаться о взыскании хлебных недоимок.

Проявляя энергичные заботы о подъеме деревенского хозяйства, Волостное правление выступило в ответственной роли строго попечительного наставника. Оно должно было наблюдать, «чтобы подведомственные ему крестьяне не оставляли земель и пахотных полос в запустении, но обрабатывали их прилежно, удобряли и засевали в удобное по климату время; по собрании хлеба немедленно оный снимали и убирали с полей, равным образом скашивали траву с лугов, не пропуская удобного к тому времени» (ч. III, ст. 295). В обязанности Волостного правления входило поощрение крестьян «к производству земледелия по совершеннейшим способам, преподанным от высшего начальства и введенных на образцовых хуторах, к учреждению садов, огородов и к размножению скота улучшенных пород» (ч. III, ст. 298). Волостное правление призвано было заботиться о развитии травосеяния «для умножения средств к содержанию скота и получению чрез то в большем количестве удобрения для полей» (ст. 299), хлопотать об осушении болот, об использовании неудобных земель, о распространении промыслов, об открытии с разрешения начальства новых базаров, торгов и ярмарок. От Волостного правления зависело разрешать сдачу в аренду отдельных крестьянских наделов. Закон возлагал на Волостное правление даже мелкие опекунские функции: «во избежание напрасной потери грунта при обрабатывании пашни», оно должно было надзирать, «чтобы полосы на землях сельского общества были отбиты сколь можно в прямом и параллельном друг другу направлении» (ст. 296). Во всех этих случаях Волостное правление действовало под непосредственным руководством окружного начальника, получая от него наставления и донося ему о достигнутых успехах.

Такие же широкие, почти безграничные полномочия присваивались Волостному правлению в области морально-политического воспитания крестьянской массы. По требованию закона, Волостное правление дол-

жно было прилагать «всемерное попечение о водворении добрых нравов в государственных крестьянах, стараясь достигнуть сего содействием приходского духовенства в мерах его для направления крестьян к благочестивой, беспорочной и трудолюбивой жизни собственными напоминаниями, советами, увещаниями и наставлениями, при открывающихся к тому случаях принятием мер предупреждения против пороков, в особенности против лености, пьянства и распутного поведения и, наконец, законным оных преследованием» (ч. III, ст. 187). Не ограничиваясь «напоминаниями, советами, увещаниями и наставлениями», Волостное правление должно было воздействовать на «государственных крестьян, наводящих соблазн своим порочным поведением», силою судебно-административного органа — Сельской расправы, а если исправительные наказания не достигали цели, поручать крестьян, расстраивающих свое хозяйство и неисправно платящих подати, «в присмотр и опеку сельского старосты» (ст.ст. 189, 190). Приговоры сельских обществ об отдаче распутных крестьян в военную службу или о выселении их из общества, представлялись окружному начальнику с заключением Волостного правления об основаниях вынесенного решения и о степени его справедливости.

В этих статьях о руководстве хозяйством и нравственной жизнью государственной деревни еще сильнее звучат идеи феодально-полицейского государства XVIII века, чем в соответствующих нормах окружного «Учреждения». Такой же полицейско-попечительный характер носят остальные разделы закона об обязанностях Волостного правления: везде и всюду этот орган местной администрации претворяет в жизнь распоряжения окружного начальника, действуя через подчиненных представителей сельского управления. Особенно детально регламентированы многообразные функции Волостного правления, связанные с отбыванием крестьянами денежных и натуральных повинностей. Очень редко Волостному правлению предоставляется право окончательного разрешения административных вопросов; обычно это менее сложные дела, не имеющие большого принципиального значения, например, утверждение опекунов к малолетним сиротам (ч. III, ст. 192), или разрешение новых построек в казенных селениях (ч. III, ст. 268). Гораздо чаще Волостное правление выступает в роли уполномоченного высшей бюрократической власти, доводящего ее веления до низшей ячейки административного механизма или — обратно — представляющего прошения и жалобы сельских органов на обсуждение и разрешение вышестоящих учреждений.

Волостное правление рассматривалось законом 1838 года как орган коллегиальный, решающий дела или единогласно, или большинством голосов. Юридически волостной голова был связан решением большинства двух заседателей и не имел права отменить или исправить его собственной единоличной властью; единственное право, которое предоставлялось ему законом, это — довести до сведения окружного началь-

ника о своем несогласии с вынесенным приговором или распоряжением (ч. III, ст.ст. 61, 73). Но если мы станем присматриваться к юридическим взаимоотношениям между волостным головою и двумя другими членами Волостного правления, то убедимся, насколько шатко был утвержден этот формальный принцип коллегиальности: закон систематически и последовательно выдвигал волостного голову как старшего и более влиятельного члена Волостного правления, больше того, как единоличного носителя широкой и сильной власти. Ему принадлежал главный надзор за делами Волостного правления; он наблюдал за исполнением всех обязанностей этого органа, в особенности за поддержанием в волости установленного порядка и за применением попечительных мер в отношении государственных крестьян; не только в чрезвычайных случаях (сильных лесных пожаров, необыкновенной смертности среди людей, значительных скотских падежей и т. п.), но и регулярно два раза в год волостной голова отправлялся в селения своей волости в целях личного непосредственного надзора; здесь он выслушивал жалобы и просьбы, обращал внимание «на все предметы сельского устройства и управления», исправлял замеченные упущения, давал нужные наставления, прекращал притеснения и злоупотребления, принимал «надлежащие меры для преследования и наказания виновных» (ч. III, ст.ст. 394—398). Как старший член Волостного правления, волостной голова имел «наблюдение за заседателями по исполнению ими возложенных на них должностей» и получал право строго взыскивать с этих лиц «исполнение их должностей и обязанностей». Таким образом заседатели оказывались не равноправными членами административной коллегии, а младшими должностными лицами, подчиненными власти волостного головы: наряду с сельскими начальниками, они были обязаны «оказывать волостному голове, как начальнику волости, должное почтение и повиновение, выслушивать и принимать с уважением все его законные приказания и немедленно оные исполнять» (ст.ст. 445 и 446). Не выдерживая принципа коллегиальности, закон создавал волостному голове особое привилегированное положение, которое открывало возможность еще большего расширения единоличной власти в реальных условиях феодальной деревни. Этот крен в сторону централизации местной власти находился в полном соответствии с задачами и характером проводимой реформы. Начало коллегиальности приобретало в глазах законодателя служебное, вспомогательное значение; оно должно было корректировать институт волостного управления, воздвигая преграду злоупотреблениям и произволу старшего волостного начальника. Объяснительная записка к закону 1838 года не скрывала этого мотива законодателя: цель «обыкновенного коллегиального порядка делопроизводства» она видела в возможности «отвратить произвол в решении дел и учредить надлежащий порядок в отправлении оных».

Такое же внутреннее противоречие сказывалось в конструировании

должности волостного писаря. По категорическому определению закона, «волостной писарь не имеет никакой распорядительной власти, но исполняет токмо относящиеся до его должности приказания Волостного правления, волостного головы и требования заседателей Волостного правления» (ст. 453). Волостной писарь был подчинен волостному голове и обязан был вести все письмоводство и счетоводство Волостного правления и Волостной расправы, «содержать оное в порядке и ни в каком случае не запущать» (ст. 429). В отличие от закона 1797 года, «Учреждение» 1838 года устанавливало не выборы, а назначение волостного писаря или из государственных крестьян той же волости; или, за отсутствием способных кандидатов, из других волостей и даже из других сословий — мещан, отставных нижних чинов и т. д. За свою службу писарь получал жалованье в размере 200—600 рублей в год. Однако скромная роль подчиненного агента Волостного правления оказывалась в резком противоречии со сложной системой волостного делопроизводства. Во имя обеспечения строгой законности «Учреждение» 1838 года создавало многообразную сеть бумажных сношений и громоздкого счетоводства. На волостного писаря возлагалась обязанность регистрировать и классифицировать все входящие бумаги, заготовлять бумаги исходящие, не требующие справок и совещаний, собирать предварительные справки и «соображения с законами» по более сложным вопросам, прочитывать документы Волостному правлению, наконец, составлять приговоры в соответствии с принятыми постановлениями (ч. III, ст.ст. 59—65, 432). Кроме того волостной писарь обязан был вести различные шнуровые книги: окладов и платежей сельских обществ, приходо-расходных сумм Волостного правления, мирских сборов и расходов, поступивших и истраченных сумм по мирским оброчным статьям, книги крестьянских духовных завещаний и обязательственных сделок и т. д. Волостной писарь должен был обладать такими свойствами, которых обычно не имели члены Волостного правления: хорошей грамотностью, знанием законов, по крайней мере в применении к государственной деревне, и уменьем справляться с головоломными формами бюрократической отчетности. Вот почему этот назначаемый второстепенный орган волостной администрации приобретал фактически преимущество перед сменяющимися, с трудом разбирающимися в законах, чаще всего неграмотными членами Волостного правления. Это, в свою очередь, должно было предопределить могущественное влияние волостного писаря на весь ход волостного делопроизводства.

При Волостном правлении учреждалась Волостная расправа, которую закон 1838 года определял, как «вторую степень домашнего суда». Объяснительная записка к законопроекту мотивировала учреждение этого органа необходимостью отделить суд от администрации. Но та же объяснительная записка старалась обосновать резкое отступление от этого провозглашенного буржуазного принципа: в состав Волостной расправы входили, в качестве рядовых членов, старший и млад-

ший «добросовестные», избранные как судьи волостным сходом, а в качестве председателя — волостной голова, т.-е. волостной начальник, старший представитель той же волостной администрации. Законодатель объяснял это смешение судебной и административной власти «необходимостью по нравственному состоянию крестьян сохранить до времени влияние управления». Так же как в двух предыдущих вопросах — о введении коллегиальности и подчинении писаря — мы находим здесь кричащее противоречие между формальными декларациями реформы и последующей разработкой ее правовых конструкций. Эти отступления от исходных принципиальных положений не были случайными: они соответствовали самому духу волостного управления и вытекали из его основных противоречивых установок. Формально организация представлялась системою выборных органов крестьянской волостной общины, в действительности она являлась бюрократическим институтом, целиком зависящим от окружного начальника и Губернской палаты. Не имея под собою прочной опоры в лице самостоятельного распорядительного органа — мирского схода,— волостное управление, под пером Киселева и V Отделения, превратилось в подсобный исполнительный аппарат, пронизанный началом централизации, с детальной регламентацией обязанностей и громоздким бумажным делопроизводством. В основе этого института, воздвигнутого над сельскими обществами, лежала вера законодателя в магическую силу бюрократических методов и его упорное недоверие к свободному волеизъявлению самоуправляющегося крестьянского коллектива.

Такой же характер носит четвертый и последний ярус местной администрации — сельское управление. Его основной ячейкой было «сельское общество», которое учреждалось в каждом большом казенном селении, независимо от количества его ревизских душ. Закон запрещал раздроблять селения на несколько обществ, но разрешал соединять в одно сельское общество несколько смежных малолюдных селений с тем, чтобы расстояние между разными пунктами составляло около 15 верст, а общее количество населения достигало 1500 ревизских душ. Если малолюдное селение было слишком удалено от соседних, оно могло составить самостоятельное сельское общество. Таким образом, «сельское общество» в значительной мере было искусственным образованием, не совпадавшим с естественными границами стихийно сложившегося крестьянского поселения. 1500 ревизских душ были высокой цифрой народонаселения, поэтому, как правило, сельское общество должно было слагаться из целого ряда отдельных поселков и деревень. По словам объяснительной записки к законопроекту, «селения, так сказать, исчезают для правительства в составе обществ». Законодатель руководился здесь определенным мотивом, высказанным в той же объяснительной записке: считалось, что крупные сельские общества будут экономически более сильными и не доставят особых финансовых хлопот для правительства. Но для того, чтобы эти новые администра-

тивные образования представляли собою действительно внутреннее единство, законодатель старался подвести под них хозяйственную базу: «по мере возможности и удобства» должны были соединяться в сельское общество селения, которые имели общее владение землею, составлявшее основание для раскладки и уплаты денежных повинностей [1]. Правда, институт круговой поруки был независим от общинного землевладения и мог совмещаться с подворно-наследственным владением землею, но законодатель стремился не только формально, но и фактически обеспечить круговую ответственность и уплату государственных, земских и мирских сборов. Закон 1838 года стремился создать крупные хозяйственно-административные объединения как основу для поднятия производительных сил деревни и повышения платежеспособности государственного крестьянства. Однако это не лишало отдельные селения известной степени хозяйственной автономии: если селения сохраняли обособленное владение землей или имели особые хозяйственные и правовые потребности, они получали право самостоятельно разрешать собственные вопросы деревенской жизни, оставаясь в рамках единого сельского общества (ч. IV, ст. 19, примечание 2).

Органами сельского общества, на основании закона, были 1) сельский сход, созывавшийся для обсуждения и решения общественных дел, 2) сельское начальство, призванное управлять обществом, и 3) Сельская расправа, как низшая судебная инстанция для разбора крестьянских споров и мелких проступков. Сельский сход, в отличие от волостного, был не только избирательным аппаратом, но и высшим распорядительным органом сельского общества; однако и здесь, анализируя созданную правовую конструкцию, мы убеждаемся в узкобюрократическом толковании и приспособлении идеи крестьянского самоуправления. В отличие от вековой традиции, сельский сход, учреждаемый законом 1838 года, подобно волостному сходу, не был мирской сходкой всех крестьян-домохозяев. В его состав входили, с одной стороны, представители исполнительной власти (сельский старшина, старосты, сборщик податей, смотритель магазина) и, с другой стороны, «выборные». Под выборными, так же как на волостном сходе, разумелись совершеннолетние главы семейств, по два от каждых 10 дворов, указанные домохозяевами сельскому старшине во время устного опроса. Самая процедура «выборов» ничем не отличалась от выборов членов волостного схода, производилась одновременно с нею и обставлялась теми же условиями. По словам объяснительной записки, замена общей сходки собранием выборных была сделана «по тому уважению, что рассмотрение дел в собрании излишне многолюдном неудобно, а притом в числе домохозяев часто находятся порочные люди, не заслуживающие общественного доверия, которые захватывают всю власть и распоряжают общественными делами злоупотреби-

[1] ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1838 год, № 98, лл. 350, 403, 515—516, 593, 787.

тельно»[1]. Так осуществлялось намерение Киселева «обуздать толпу» и образовать из благонадежных домохозяев прочную опору для попечительной политики правительства. Однако в случае обсуждения вопросов, касавшихся отдельного селения (о раскладке повинностей при обособленном владении землею, об управлении сельскими оброчными статьями и пр.), сельский сход составлялся из всех домохозяев данного селения.

Обыкновенные сельские сходы созывались в определенные, строго установленные сроки: 1) в январе — «для раскладки податей, повинностей и сборов и для составления приговоров о мерах взыскания недоимок за истекший год», 2) в конце апреля или начале мая — «для распределения в случае надобности полей и для составления приговоров о мерах взыскания недоимок с неплательщиков за первую половину», 3) в сентябре или начале октября — «для составления приговоров о потребности мирских расходов, равно о мерах к побуждению недоимщиков»; на этих же сходах должны были обсуждаться и остальные вопросы деревенской жизни. Кроме того, один раз в три года, «через два дня после Филиппова заговенья» (т.-е. 17 ноября) созывались специальные сходы для производства выборов на сельские должности. Как исключение из установленного правила, но с особого разрешения окружного начальника, могли созываться чрезвычайные сходы в случаях, «не терпящих отлагательства» (ч. IV, ст. 21).

В этой ограничительной норме обращают на себя внимание не только строгая регламентация сроков, но и узко-фискальные задачи созываемых собраний: на первый план выдвигались вопросы отбывания денежных повинностей; к ним присоединялся вопрос о «распределении полей» (т.-е. об общинных переделах), который неразрывно связывался законодателем с круговою порукою за уплату причитающихся сборов. Правда, в специальной статье о «предметах сельского схода» закон значительно расширял его компетенцию, однако, если мы вдумаемся в границы ведомства сельского распорядительного органа, то убедимся в ограниченности и принудительно-повинностном характере его власти. Помимо ранее указанных вопросов, сельский сход мог выносить приговоры об использовании сельских земель, об эксплоатации лесных угодий, о мирских оброчных статьях, о приеме и увольнении членов сельского общества, об оказании пособий в несчастных случаях, о выдаче доверенностей на хождение по делам, о назначении опекунов и о подготовке крестьянских детей в писаря и оспопрививатели (ч. IV, ст. 20). Но все эти дела могли обсуждаться только тогда, когда были разрешены основные фискальные вопросы, связанные с установленными сроками созыва съезда. Распорядительному органу «самоуправляющейся» общины не дано было право выходить из пределов этой строго и точно отграниченной компетенции:

[1] ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1838 год, № 98, комментарии к ст. 19 раздела IV.

по словам закона, «сельский сход вправе иметь совещания и постановлять приговоры только по предметам, относящимся до его ведения или предложенным на его суждение, заключение или распоряжение от высшего начальства» (ч. IV, ст. 364). В этом запретительном постановлении закона нельзя не видеть грубого нарушения идеи общественного самоуправления, официального подчинения выборной инстанции давлению властвующей правительственной бюрократии.

Но ограничения закона шли еще дальше, они опутывали всю деятельность сельского схода многосложными и детально регламентированными условиями. Такое впечатление прежде всего оставляют статьи, касающиеся внешней организации сельского схода. Для совещаний этого органа устанавливалось точно определенное время — «воскресные или праздничные дни, до начала или по окончании божественной литургии» (ч. IV, ст. 23). Сельские сходы могли созываться исключительно сельским старшиною, всякие самовольные собрания считались недействительными (ч. IV, ст. ст. 22, 387, 388). На сход обязаны были являться все выборные; неявка рассматривалась как проступок, караемый специальным взысканием, и могла быть оправдана только в определенных случаях. Такими уважительными причинами считались: «1) дела по должности, отлагательства не терпящие, 2) удержание начальством, 3) тяжкая болезнь собственная или ближайших родственников, 4) несчастные случаи, как-то: пожар, наводнение или другие препятствия, которых не можно было отвратить неявившемуся». Но и в этих случаях выборный должен был заблаговременно известить органы сельской власти (ч. IV, ст. ст. 24—26). Таким образом, участие в сходе рассматривалось не в качестве свободного права крестьянина, а в виде его принудительной повинности, налагаемой силою государственной власти. Сельский сход считался законно состоявшимся, если присутствует «не менее двух третей всех государственных крестьян, имеющих право на оном быть» (ч. IV, ст. 32). Весь ход созываемого собрания детально и строго регламентировался. Совещания должны были происходить не публично: «Никто, кроме созванных на сход, не допускается на оный» (ст. 30). Председательство на сходе принадлежало сельскому старшине — он открывал собрание, ставил на обсуждение вопросы, наблюдал за внешним порядком, в случае равенства мнений перевесом собственного голоса определял содержание постановления, скреплял и объявлял состоявшиеся приговоры. Ему помогали на сходе старосты и писарь, которые, по требованию закона, должны были стоять около старшины, имея против себя выборных. Присутствовавшим на сходе запрещалось «во время совещания говорить о посторонних предметах». Нарушившие порядок «по приказу схода» выводились из собрания и подвергались денежной пене (ч. IV, ст. ст. 27—30, 33, 102, 104). Еще важнее были статьи, подробно определявшие направление прений и содержание выносимых постановлений. В «Наказе сельскому управлению» был помещен особый

раздел, обстоятельно, порою мелочно, формулировавший «обязанности сельского схода»: здесь устанавливались правила, которыми следовало руководиться сходу при разрешении вопросов его компетенции. Примером такой детальной регламентации может служить подробнейшая 90-я статья о переселениях, составленная «в применение» к действовавшим нормам Устава о благоустройстве в казенных селениях. Статья эта гласила следующее: «Если государственный крестьянин будет просить о разрешении ему переселиться, то сельский сход может изъявить согласие на сию просьбу при следующих условиях: 1) если у селения, к которому принадлежит проситель, земли менее 5 десятин на душу по последней ревизии, или и более сей пропорции, но излишек состоит не под пашнями, а под лесами, расчистка коих не может быть допущена, 2) если от переселения не произойдет раздробления семейства, по закону не дозволяемого, разве переселяющиеся живут от родственников особыми домами; 3) если нет препятствия по рекрутской повинности, согласно правилам, изъясненным в 3 и 4 пунктах предыдущей статьи [1], или прочие государственные крестьяне сельского общества согласятся не удерживать их от переселения по сей причине, 4) если остающиеся на прежних местах государственные крестьяне, получая в свою пользу участки земли, принадлежащие переходцам, обяжутся платить за выбылых в другие губернии как подушную, так оброчную и прочие подати и исправлять всякие повинности в продолжение трех лет; а прежние податные недоимки переселяющиеся очистят или согласят общество принять на себя. Но если остающиеся на прежнем месте жительства не примут на себя платежа в продолжение трех лет податей и повинностей за переселяющихся, в таком случае дозволяется переселение тогда только, когда остающиеся крестьяне обяжутся заплатить и исправить за переселенцев все прежних лет недоимки по земским повинностям». Таким образом, сохраняя и уточняя прежнее ограничение свободного перехода на новое место жительства, закон 1838 года устанавливал в этом вопросе крайне узкие рамки для проявления инициативы и самостоятельности сельского схода.

Иногда подробнейшие статьи «Наказа» звучали тоном строгого хозяйственного наставления. Статья 96 вменяла в обязанность сельскому сходу, при возбуждении ходатайств к начальству об оказании пособий, об удовлетворении общественных нужд и дозволении сборов на мирские расходы, соблюдать строго определенные условия: «1) чтобы испрашиваемое пособие было действительно необходимо, а не основано на одной прихоти, 2) чтобы сельские общества без достаточных причин не вовлекаемы были в долги и ответственность пред правительством, 3) что-

---

[1] На основании этих пунктов состояние на рекрутской очереди не считалось препятствием к переходу крестьянина в другое сельское общество или звание, если он представлял зачетную рекрутскую квитанцию, если он не состоял на первой и второй очереди, если он был одиночкою, если он был двойником, но его семейство состояло только из отца и сына, и т.

бы общественные нужды подкрепляемы были уважительными доказательствами, 4) чтобы денежный сбор на мирские расходы назначен был без всякого излишества и в тех только случаях, когда нельзя без того обойтись». Законодатель подходил к сельскому сходу, как строгий и заботливый опекун, стараясь предупредить неразумные и нерасчетливые постановления крестьянской общины.

Эта руководящая точка зрения не оставалась только моральной максимой, влиявшей на содержание и стиль составленного закона: она приводила к определенным юридическим последствиям, которые были очень чувствительны для государственного крестьянина. Участники сельского схода отвечали за выполнение установленных правил и в случае их нарушения подвергались разнообразным наказаниям. «Смотря по важности дела», они платились денежной пеней, лишались звания выборного и даже предавались уголовному суду. Такие кары падали на них в том случае, если сход собирался самовольно без созыва сельского старшины, если он совещался и выносил приговоры без ведома и присутствия этого сельского начальника, если он допускал суждения и делал постановления «по предметам, не относящимся до его ведомства», если при производстве совещаний и составлении приговоров он отступал «от установленного в сем отношении порядка» (ч. IV, ст. ст. 387—388).

Приговоры сельского схода большею частью не были окончательными: они поступали на рассмотрение Волостного правления, чаще всего утверждались окружным начальником и в некоторых случаях требовали санкции со стороны Губернской палаты.

Узкий состав сельского схода, своеобразная процедура его «выборов», ограниченность его компетенции, обязательность его посещений, строжайшая регламентация его заседаний и приговоров, наконец, система наказаний за нарушение суровых правил его созыва и деятельности показывают всю цену дарованного сельского «самоуправления». Хотя в меньшей степени, чем волостной сход, и эта организация, призванная выражать волю сельского общества, оказывалась подчиненным придатком административного механизма, полностью зависимым от правительственной власти.

Чтобы смягчить несамостоятельность сельского схода и приблизить его к задачам самоуправляющегося органа, закон 1838 года вводил некоторые частичные коррективы: он запрещал чиновникам губернского и окружного управления участвовать в совещаниях сельского схода (ст. 31), устранял от составления приговоров лиц, «которые по рассматриваемому делу подлежат отчету или ответу» (ст. 34), предоставлял право каждому крестьянину в течение 4 недель обжаловать опубликованный приговор (ст. 40). Однако все эти дополняющие поправки не изменяли основного существа дела: права отдельного государственного крестьянина как свободного члена сельского коллектива отступали на задний план перед широкой, руководящей и направляющей

властью сельского начальства. В свою очередь, само сельское начальство, несмотря на свою формальную избираемость, не было полномочным органом самоуправляющейся крестьянской общины; так же, как волостная администрация, оно выступало раньше всего и больше всего в роли подчиненного исполнителя бюрократической власти.

Сельский исполнительный аппарат, созданный законом 1838 года, был сложнее волостного и многочисленнее прежнего, нормированного указом 1797 года. Не ограничиваясь должностью выборного старосты, реформа вводила новый институт сельского старшины, отделяла от хозяйственных функций взимание податей и соответственно укрупнению сельской административной инстанции возлагала эту обязанность на особого сборщика и его помощников; она увеличивала количество сельских старост в зависимости от числа крестьянских дворов в селениях. Кроме того, каждое общество имело смотрителя запасного хлебного магазина, назначенного писаря, сотских, десятских, полесовщиков, пожарных старост. Только в малолюдных селениях могли совмещаться в одном лице, с одной стороны, старшина и староста, с другой — сборщик и смотритель магазина.

Законодатель мотивировал это умножение административных органов многосложностью занятий [1]: действительно, обязанности сельского правящего аппарата были многочисленными и хлопотливыми; это вытекало из основной задачи преобразования установить попечительство над крестьянской массой.

Выборы сельских должностных лиц производились каждое трехлетие тем же способом, каким избирались кандидаты в члены Волостного правления. Сельский избирательный сход путем баллотировки выбирал на каждую должность не менее трех человек; Волостное правление представляло приговор окружному начальнику с своим заключением, законны ли выборы «и кого из избранных считает оно достойнейшим к занятию должностей». Окружный начальник, в свою очередь, препровождал материалы о выборах в Палату государственных имуществ и делал собственные заключения по тем же вопросам. Палата утверждала одного из трех избранных в должности, а двух других — кандидатами. Таким образом, и сельские выборы оказывались весьма условными: последнее слово и здесь принадлежало Палате, которая подбирала из числа избранных кандидатов крестьян, наиболее соответствовавших ее собственным требованиям.

В отличие от волостной администрации сельское управление было чуждо начала коллегиальности: каждый из выборных сельских начальников был носителем единоличной власти и нес единоличную ответственность за свои действия. Принцип централизации проникал структуру и деятельность исполнительных органов сельского общества. Главною движущею силою среди этих низших администраторов, по закону

---

[1] ЦАВП, ф. 10 Д-о, 1838 год, № 68, л. 790.

1838 года, являлся сельский старшина, подчиненный Волостному правлению и руководивший действиями остальных сельских начальников. По характеристике объяснительной записки, «сельский старшина сосредоточивает в лице своем сельское управление»[1]. Его компетенция охватывала собою все стороны деревенской жизни: перечисляя многообразные предметы его ведомства, «Наказ сельскому управлению» повторял основные разделы губернского, окружного и волостного «Учреждений». Но среди этих многочисленных обязанностей заметно преобладали функции фискального и полицейского порядка. Помимо руководящей роли, которую играл сельский старшина в деятельности сельского схода и в реализации его приговоров, ему принадлежали широкие полномочия в вопросах сельского благоустройства, «отвращения беспорядков», пресечения упущений и злоупотреблений сельской администрации, побуждения и ускорения в деле взыскания крестьянских повинностей. На основании формулы закона, «сельский старшина ограждает сельское общество от всяких притеснений, наблюдает за благоустройством всех частей сельского управления, пресекает нарушение установленных правил и принимает меры для восстановления предписанного порядка» (ч. IV, ст. 107). Чтобы предупредить «нарушения в сельском обществе тишины и общественного спокойствия или неповиновения установленным властям», сельский старшина назначал десятских, учреждал сельскую стражу, поддерживал непосредственную связь со становым приставом, с помощью сотских приводил государственных крестьян «к должному послушанию», отсылал совершивших полицейские проступки «в Сельскую расправу для следующего с них взыскания», арестовывал виновных в уголовных преступлениях и доносил о них Волостному правлению (ч. IV, ст.ст. 76, 125—128, 131). Важнейшей обязанностью сельского старшины было обеспечение бездоимочного поступления налоговых и оброчных платежей: он должен был наблюдать за каждым плательщиком-крестьянином, не упуская из вида взаимной связи между исправным отбыванием повинностей и личным поведением домохозяина. «Если сельский старшина,— устанавливал закон,— заметит, что кто-либо из хозяев, не радея о вносе в течение платежных сроков следующих с них сборов, расточает деньги на мотовство, то делает напоминание нерадивому хозяину; при недействительности сей меры, уведомляет о его предосудительном поведении Сельскую расправу для надлежащего с него взыскания, а если и меры полицейского исправления останутся безуспешны, то представляет Волостному правлению об отдаче такового крестьянина под надзор или опеку сельского старосты» (ч. IV, ст. 184). В случае запускания недоимки сельский старшина должен был лично делать «строгие настояния и напоминания» неплательщикам, а если словесные увещания не имели успеха,— приводить в движение сложную систему принудительных мер, начиная

[1] ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1838 год, № 98, л. 520.

с продажи имущества недоимщика и кончая раскладкой недоимки на сельское общество (ч. IV, ст. ст. 185—188, 98). Предотвращая расстройство хозяйства и недоимочность населения деревни, сельский старшина обязан был заботиться «о воздержании подведомственных ему государственных крестьян от лености, пьянства и других пороков внушениями и увещаниями», а в случае неуспеха отсылал виновных в Сельскую расправу для наказания, делал представления Волостному правлению о назначении над ними опеки и в самом крайнем случае предлагал сельскому сходу отдать их не в очередь на военную службу, в случае же негодности, выселить их из места постоянного жительства (ч. IV, ст. ст. 133—135).

Сельский старшина пользовался широкой властью в отношении старост, сборщика податей, смотрителя магазина, сельского писаря и других агентов сельской администрации. В задачу старшины входило тщательно наблюдать за исполнением ими своих обязанностей, не допускать с их стороны произвольных действий, разбирать крестьянские жалобы «на неправильные и притеснительные действия» сельских начальников, делать этим должностным лицам «напоминание о надлежащем исправлении», доносить об их злоупотреблениях Волостному правлению, наконец, подвергать их административным взысканиям в форме замечаний, выговоров и трехкратных арестов (ч. IV, ст. ст. 109—118, 394). Сельский старшина возвышался над сельским обществом, как ближайший руководитель деревенской жизни, через которого Волостное правление проводило бюрократические предначертания губернской и окружной власти.

Главным помощником сельского старшины, воплощавшим его полицейскую и хозяйственную власть в каждом отдельном селении, являлся выборный сельский староста. Чиновники Губернской палаты и даже окружный начальник могли соприкасаться с крестьянской массой только спорадически, во время ежегодных объездов и ревизий; члены Волостного правления и особенно сельские старшины ближе и чаще сталкивались с деревенским населением, вступая в непосредственное общение с домохозяевами на сельских и волостных сходах, осматривая их хозяйства, взыскивая с них подати и недоимки и пр.; но все эти административные органы, как правило, находились вне селения, бывали в нем время от времени, отдавали распоряжения и проверяли их исполнение через низшие подчиненные инстанции. Совершенно иное положение занимал сельский староста, живший в самом подведомственном селении, постоянно и непосредственно наблюдавший за подчиненной ему массой, имевший возможность непрерывно влиять на нее силою своей начальственной власти. Вот почему «Учреждение сельского управления» уделяло такое большое внимание должности сельского старосты, подробному изложению его компетенции, определению степени его власти, установлению характера и последствий его ответственности. Сельский староста занимал самое низшее место в административной иерархии,

созданной реформой 1838 года, он был послушным исполнителем приказов и распоряжений всех выше стоящих органов, начиная с сельского старшины и кончая управляющим Палатой; но его подчиненное положение мелкого агента административного аппарата, так же как его подотчетное положение крестьянского «выборного», не мешали ему обладать широчайшими полномочиями в отношении крестьянской массы. Закон возлагал на сельского старосту многообразные и ответственные задачи опекунского характера; именно он должен был неуклонно и систематически, изо дня в день, воспитывать, направлять и организовывать деревенское население в духе правительственной попечительной программы; через него доводились до государственной деревни хозяйственные и культурные планы центрального министерства, Губернской палаты, окружного начальника, Волостного правления и сельского старшины; именно он, реально и непосредственно, воплощал в себе задачу, поставленную дворянским правительством Николая I,— воздействовать на государственную деревню в направлении хозяйственного подъема и политического обуздания. И та и другая задача должны были достигаться традиционными способами феодально-полицейского государства. Именно этою целью были продиктованы соответствующие нормы сельского «Учреждения», превращавшего сельского старосту в морально-политического воспитателя, хозяйственного руководителя и полицейского надзирателя государственного крестьянства. «Наказ» обязывал старосту не только принимать конкретные меры в деле охраны имущества и личной безопасности, поддержания врачебного благоустройства, предупреждения пожаров, соблюдения чистоты, эксплоатации оброчных статей, использования лесных угодий и пр.; на основании закона 1838 года сельский староста должен был наблюдать за личным хозяйством и бытом каждого крестьянина, знать его семейную жизнь, проверять его мысли, внушать ему добродетели, исправлять его пороки. Особенно большое внимание уделялось законом поддержанию общественного порядка, обеспечению рачительного домоводства и насаждению добрых нравов. Широко пользуясь «Уставом о предупреждении и пресечении преступлений», законодатель облекал свои требования в форму категорических и суровых повелений:

«Сельский староста наблюдает, чтобы подведомственные ему государственные крестьяне в точности выполняли повеления и распоряжения начальства и законных властей и сопротивляющихся приводили к должному повиновению. В случае явного и важного ослушания или сопротивления власти законной действием или словами, сельский староста немедленно уведомляет о том сотского и сельского старшину, а между тем до явки их и получения приказаний задерживает виновных» (ч. IV ст. 214).

«Сельский староста имеет строгое смотрение, чтобы подведомственные ему государственные крестьяне сохраняли ненарушимую подданническую верность, к которой все и каждый клятвенно обязаны» (ст. 215).

«Если бы сельский староста усмотрел нарушение кем-либо сей обязанности, то, задержав такового, немедленно передает его сотскому, с ведома сельского старшины, для представления в земскую полицию» (ст. 216).

«Если бы сельский староста усмотрел, что молодые и младшие не почитали старых и старших, а государственные крестьяне своих начальников, то, сделав им замечание, внушает им быть внимательнее на будущее время; в случае же неисправления доводит о их поступках до сведения Сельской расправы для надлежащего с них взыскания» (ст. 217).

«В случае неповиновения работников из звания государственных крестьян своим хозяевам и принесенных на сих последних жалоб, сельский староста приводит работников в должное послушание, а при сопротивлении с их стороны доводит о сем до сведения Сельской расправы для надлежащего взыскания с виновного» (ст. 218).

В том же духе феодально-крепостнического воздействия редактированы остальные нормы, обеспечивающие соблюдение действующего социально-политического порядка: сельский староста должен был наблюдать, чтобы «никто не осмеливался делать ложных разглашений и распускать слухов, клонящихся к нарушению порядка, тишины и спокойствия»; он должен был не допускать «сходбищ и собраний для совещаний или действий, противных общей тишине и спокойствию», принимать меры «для разогнания таковых сборищ и задерживания главных зачинщиков»; он был обязан увещевать детей, если родители жаловались, «что дети не оказывают им достаточного почтения и повиновения, не доставляют им в старости пищи, одежды, жилища и успокоения, а в немощах и болезнях вспоможения», а если увещания не помогали, то обращаться к Сельской расправе «для надлежащего с непокорных детей взыскания»; сельский староста был уполномочен внушать государственным крестьянам «сохранение тишины и добрых нравов в семейственном быту» и, не вмешиваясь в семейные несогласия, принимать строгие меры против виновных в домашних драках и других беспорядках (ст.ст. 212, 213, 220, 221).

Не менее широкие полномочия возлагались на сельского старосту в деле обеспечения исправного крестьянского хозяйства. Староста не только заведывал мирскими оброчными статьями и лесными угодьями, не только был проводником передовых агрономических методов: в его обязанность входило непрерывно наблюдать за ведением крестьянского хозяйства и вразумлять крестьян «во всем, что до пользы их принадлежит». Сельскому старосте предстояло разрешать и кардинальные вопросы деревенской жизни, например, о допустимости очередных переделов и сдаче в аренду отведенных наделов, и мелкие вопросы сельскохозяйственной техники. От сельского старосты зависело разрешить или не разрешить «обыкновенный по тяглам передел земель», руководясь собственными соображениями, необходима ли подобная мера,

или она выдвинута крестьянами «по прихоти» (ч. IV, ст. 289); сельский староста, как правило, не должен был допускать сдачу крестьянских участков «в наем или кортому» из денежного или хлебного платежа, и только при условии дальнополосицы и формального разрешения Волостного правления он не препятствовал заключению подобных договоров (ст. 292). Следя за ведением крестьянского хозяйства, староста вникал во все подробности земледельческого производства: он внушал государственным крестьянам, «1) чтобы они при засеве боронили пашенную землю сколько можно лучше, не оставляя неразбитых глыб и очищая оную от камней; 2) чтобы по всходе хлеба, если где окажется негодная трава, крестьяне прилежно оную выбирали, употребляя к тому малолетних, неспособных к другой тяжелейшей работе; 3) чтобы государственные крестьяне не продавали рабочий скот и орудия, необходимо нужные для обрабатывания земли, также хлеб, потребный для продовольствования до наступающей жатвы, а сено и солому для прокормления домашнего скота до будущего лета, стараясь иметь лошадей и другой скот, потребный для земледелия и домашнего употребления в хорошем состоянии, а равным образом в готовности нужные к полевой работе снаряды; как-то: исправные плуги, сохи, бороны, телеги и т. п. и в наличности запасные семена всему, что в полях и огородах своих засевают; 4) чтобы молотили хлеб в хорошую погоду, а для сбирания оного устраивали удобные помещения» (ч. IV, ст. 293). Особенно внимательно должен был надзирать сельский староста за хозяйством государственных крестьян распутных и ленивых, «лично осматривать оное во всех частях, понуждая к исполнению всего, что крестьянскую пользу составить может» (ст. 224).

С точки зрения законодателя, хозяйство и нравственность государственного крестьянина были неотделимы друг от друга. По словам объяснительной записки к законопроекту, «как ни различны понятия нравственности и хозяйства, но они сливаются в существенном быту поселянина: добрая нравственность ведет за собою хозяйственное благоустройство, а благоустройство хозяйственное поддерживает нравственность» [1]. Поэтому обязанностью сельского старосты было воспитывать крестьян в духе традиционной авторитарной морали. Он должен был «внушать подведомственным ему государственным крестьянам о всем, что до добронравия их относится, вразумлять их о том и научать» (ст. 226). Он был обязан строго запрещать «всякие сборища, имеющие целью распутство и непристойные забавы» (ст. 227), стараться «отвратить государственных крестьян от праздности и неумеренного употребления крепких напитков и поселить между ними склонность к трудолюбию и воздержанию» (ст. 228), вести неустанную борьбу против нищенства, поощрять мирную жизнь с соседями и вежливое обращение с проезжающими (ст.ст. 231—233). Всеми имеющимися средствами

[1] ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1838 год, № 98, л. 93.

словесного увещания и административного воздействия староста был уполномочен поддерживать авторитет родителей и старших, оберегать верность императорской власти и стоять на-страже требований православной церкви. «Если бы сельский староста заметил, что кто-либо из подведомственных ему государственных крестьян православной веры не исполняя установленных церковью обязанностей о ежегодном посте, исповеди и причащении святых тайн по удостоению, о посвящении воскресных и праздничных дней на службу божию,— повелевал закон,— то напоминает ему о исполнении его долга» (ст. 206). Сельский староста должен был по требованию духовенства задерживать нарушителей церковного благочиния и по собственной инициативе бороться с разглашениями суеверных сказаний, с прорицателями будущего, расколоучителями, выдающими себя «за колдунов, знахарей и чародеев», задерживать их, отсылать в Сельскую расправу или передавать земской полиции. Если в основу полицейских требований в собственном смысле этого слова законодатель клал Устав о предупреждении и пресечении преступлений (Свод законов, т. XII), то для формулировки норм хозяйственного и морально-воспитательного порядка он широко использовал «Постановления о благоустройстве в городах и селениях» (Свод законов, т. XII).

Обязанности сборщика податей и смотрителя запасного хлебного магазина определялись названиями этих должностей: первый под руководством сельского старшины и при содействии сельского старосты собирал с крестьян денежные платежи, хранил их в установленном месте и по мере накопления вносил их в Уездное казначейство или (если это были мирские суммы) в Волостное правление. Второй собирал, учитывал, хранил и выдавал крестьянам хлебные продовольственные запасы. Закон 1838 года детально регламентировал все этапы деятельности этих помощников старшины, стараясь предусмотреть и заранее предотвратить возможные насилия и злоупотребления при собирании денег и хлеба. Обязанность полесовщиков заключалась в охране казенных лесных угодий, обязанность десятских и сотских, подчиненных органам земской полиции,— в поддержании внешнего общественного порядка.

Особое положение в системе сельского управления занимал сельский писарь. Его задачей было «содержать возложенное на него письмоводство и счетоводство в исправности и порядке, и отнюдь то и другое не запускать» (ч. IV, ст. 356). Закон подчеркивал, что сельский писарь «не имеет никакой распорядительной власти, но исполняет токмо относящиеся до его должности приказания сельского старшины и требования подведомственных ему должностных лиц» (ст. 386). Но тот же самый закон возлагал на писаря сложную систему бумажного делопроизводства и делал писаря обязательным консультантом сельского старшины по всем вопросам деревенского управления (ст. 358). Сельский писарь должен был регистрировать входящие и исходящие бумаги,

составлять приговоры сельского схода и Сельской расправы, заготовлять и скреплять своей подписью донесения старшины Волостному правлению, вести шнуровые книги, писать доношения сельского старосты, сборщика податей и смотрителя магазина сельскому старшине, составлять проекты «приказов подчиненным начальствам», выдавать справки отдельным лицам и пр. Письменные сношения низших сельских начальников с сельским старшиной в пределах одного и того же сельского общества были обязательными; сельский старшина мог сноситься с ними словесно, но мог сноситься и на письме, «когда он сам, по важности предмета, того пожелает» (ст. 359). Сельский писарь давал справки о действующих законах, владел знанием установленных форм служебных бумаг, а главное, в большинстве случаев был единственным грамотным человеком среди многочисленных агентов сельской администрации. Сельский старшина и подведомственные ему должностные лица, при неспособности дать свою подпись, прикладывали к бумагам штемпель с обозначением своего звания, но эта формальная санкция не обеспечивала им фактической независимости от сельского писаря — знатока и хранителя действующего права. Так же, как в Волостном управлении, господство формально-бюрократического бумажного делопроизводства, в условиях низкого уровня культуры, предопределяло могущественную и всестороннюю власть сельского писаря.

Здание сельского управления увенчивалось сооружением особого судебного органа — Сельской расправы — «в виде первой степени домашнего суда по делам государственных крестьян». В компетенцию Расправы входил разбор споров, тяжб и проступков государственных крестьян, если крестьянские иски не были обоснованы официально составленными актами, а совершенные проступки не были связаны с уголовными преступлениями. Кроме того, Сельская расправа производила оценку и продажу имущества неисправных плательщиков (ст.ст. 410—413 и след.).

В основе этого сословно-судебного института лежало такое же внутреннее противоречие, какое мы видели в конструировании Волостной расправы: и здесь принципиально суд отделялся от администрации, а в действительности судебные и административные функции сливались в лице председателя, в данном случае сельского старшины; два других члена Расправы — «старший и младший добросовестные» — избирались крестьянами, но утверждались и увольнялись Губернской палатою по заключению окружного начальника и подвергались замечаниям, выговорам и арестам сельским старшиной, Волостным правлением и окружным начальником (ср. ч. III, ст.ст. 120, 129 с ч. IV, ст. 406; ч. IV, ст. ст. 393—394 с ч. IV, ст. 454). Ни о какой независимости сельского суда от администрации не могло быть и речи. Ссылаясь на благотворный пример остзейского управления, объяснительная записка открыто мотивировала это сознательное отступление от провозглашенного принципа: «Участие старшины, как начальника общества, признается

необходимым в том предположении, чтобы, при недостатке еще образования наших поселян, сохранить для правительственной власти большее влияние на дела их»[1]. Другими словами, Сельская расправа, а следовательно, и Волостная расправа как инстанция апелляционная должны были превратиться в орудия коронной бюрократии для всестороннего опекания, воспитания и обуздания государственного крестьянства. В качестве наглядного показателя характера и степени этой карающей судебно-административной власти закон 1838 года создавал при Сельской расправе тюрьму для крестьян, приговоренных к заключению под стражу, а в делопроизводство Расправы включал ведение двух шнуровых книг — «штрафной» (для записи всех наказанных крестьян) и книги денежных взысканий, наложенных на крестьян вынесенными приговорами (ст.ст. 403—404, 440—442).

Такова была сложная, громоздкая, детально регламентированная система местного управления, воздвигнутая реформою Киселева в оброчных имениях внутренней России. Источниками при составлении этого объемистого «Учреждения» из 4 различных частей, нескольких десятков разделов и двух тысяч подробно отредактированных статей были действующие законы, изданные в петербургский период феодального государства и старательно инкорпорированные Сперанским при составлении его систематического Свода. Киселев стремился убедить своих явных и скрытых оппонентов, что юридическое произведение V Отделения по существу не представляет собою ничего нового, что оно систематизирует и применяет к государственной деревне утвержденные нормы традиционного административного права. К сведению сомневающихся противников новизны объяснительная записка поместила особую, весьма любопытную таблицу, которая должна была рассеять всякие подозрения неустранимыми доводами цифровых подсчетов. Оказалось, что состав предлагаемого законопроекта слагался из следующих основных категорий:

	I	II	III	IV
1) Статей, извлеченных из Свода законов с редакционными изменениями	283	305	65	149
2) Статей, основанных на Своде законов с частичной переменой содержания . . .	356	108	381	247
3) Статей, содержащих новые предположения, необходимые для связи с существующими законами	25	121	37	—
Итого	664	531	483	396

[1] ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1838 год, № 98, лл. 183—184.

Таким образом, по утверждению Киселева, в законе 1838 года было очень немного собственного творческого содержания: «редакционные изменения», «частичные перемены», и только 183 статьи из 2077, т.-е. менее 10 процентов, введены в силу необходимости, исключительно для внутренней связи [1]. В действительности, это утверждение Киселева было не совсем точно. При анализе «Учреждения Палаты государственных имуществ» мы уже указывали типичные приемы, применявшиеся V Отделением в процессе рецепции действующего законодательства. Здесь не было механического заимствования и воспроизведения существующих правовых институтов. V Отделение черпало из Свода законов нужные ему материалы и свободно комбинировало выбранные элементы в соответствии с результатами произведенной ревизии, основными задачами преобразования и руководящими линиями своего проекта. Но в основном утверждение Киселева было правильным: и дух, и содержание закона 1838 года коренились в законодательном наследстве предшествующего столетия, питались устарелыми идеями Регламента главному магистрату и Наказа управе благочиния. В основу юридического построения закона 1838 года была положена патриархально-попечительная тенденция, сложившаяся в условиях феодального властвования; рационалистические покровы просвещенного абсолютизма не могли затушевать вотчинной основы его назидательных предписаний; вера в могущественную силу опекающего государства, в творческие способности правящей бюрократии и в спасительные гарантии писаного закона предполагали организованное недоверие к опекаемым повинующимся подданным. Именно этой тенденцией было пронизано «Учреждение о управлении государственными имуществами в губерниях»; отсюда вытекала его основная юридическая конструкция — поглощение традиционного крестьянского «мира» системою коронных бюрократических органов. Выборные представители волостной и сельской общины, вводившиеся законом 1838 года, не были носителями идеи крестьянского самоуправления; самый порядок их избрания, так же как границы их компетенции и взаимоотношения с избирателями и правительственными органами превращали их в служебное орудие бюрократического аппарата. Они не зависели в своей деятельности от свободного волеизъявления крестьянского схода, не отдавали в ней отчета своим избирателям [2], не отстранялись от должностей силою мирского приговора. Они рассматривались законом как «начальники» сельского общества, властно распоряжающиеся в среде деревенского населения и беспрекословно выполняющие приказы правительственных чиновников. Попытка законодателя присвоить им почетные отличия и привилегии — освобождение от повинностей и телесных наказаний, серебряные медали, форменные кафтаны и т. д.— не поднимали авторитета и престижа

[1] ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1838 год, № 98, л. 323.

[2] Единственными исключениями являлись денежные отчеты сборщиков податей, хлебные отчеты смотрителя магазина и рекрутские — отдатчиков (ч. IV, ст. 26).

крестьянской общины: выборные были поставлены над крестьянским миром, как повелевающие и карательные органы; принадлежавшие им привилегии только усиливали этот разрыв с мирской избирательной коллегией, так же как назначенное им жалованье, при наличии широкой односторонней власти, не гарантировало деревенское население от денежных притеснений и вымогательств. Крестьянский мир в лице его распорядительного органа — сельского схода — был принудительно скован ограничительными, детально регламентированными нормами. В этом отношении реформа Киселева продолжала и развивала традиционную политику дворянского государства. Законом 1838 года она закрепляла, унифицировала и до мельчайших деталей уточняла функции крестьянского управления в духе авторитарного феодально-полицейского мировоззрения XVIII века. Эта руководящая идея киселевского законодательства выступит перед нами отчетливее и яснее, если от разобранных административных «Учреждений» 1838 года мы обратимся к дополнявшим их кодексам полицейского и судебного права.

4. Полицейский и Судебный уставы

Создавая опекающие органы местного управления и вооружая их широкими полномочиями в отношении крестьянства, Киселеву надо было точнее определить и нормы крестьянского поведения, и законные границы новой попечительной власти. Именно этой цели должен был служить Сельский полицейский устав, утвержденный 23 марта 1839 года [1]. Разбитый на небольшие главы, отделы, параграфы и статьи, изложенный в доступной и категорической форме, он заключал в себе сводку общественных и нравственных повелений, обращенную к каждому отдельному государственному крестьянину. Законодатель целиком стоял здесь на почве действующего права дворянской империи. Новый закон был составлен по плану Устава о предупреждении и пресечении преступлений и в своей значительной части воспроизводил его содержание; дополнениями к этому основному материалу служили заимствования из Постановлений о благоустройстве в городах и селениях, из Уставов паспортного, пожарного, лесного и др. Если мы приведем в обобщающую систему содержание Сельского полицейского устава, то получим три разнородные группы императивных норм: одна из них имела в виду охрану общественного порядка и безопасности, личной и имущественной [2]; другая ставила своей целью обеспечение мер против общественных бедствий — болезней, пожаров и скотских па-

[1] ЦАВП, ф. ГСДЭ, № 269—270; ВПСЗ, XIV, 12165.

[2] Главы II («О соблюдении общественного порядка и высочайших учреждений») IV («Об охранении личной безопасности») и V («О безопасности во владении имуществом»).

дежей [1]; третья преследовала задачу оказать воздействие на моральное воспитание государственных крестьян [2]. Все они дополняли и развивали полицейские предписания, рассеянные в «Учреждениях» местного управления, особенно в Наказе сельскому старосте. Среди повелений первого рода особенно важное значение имели статьи о сохранении подданнической верности и повиновения существующей власти. Крестьянам запрещалось «делать ложные разглашения и распространять слухи и толки, предосудительные для правительства» (ст. 24), «чинить прошение или донос скопом или заговором» (ст. 25), устраивать «сходбища и собрания для совещания или действия, общей тишине и спокойствию противного» (ст. 26), поднимать набатные тревоги без разрешения волостного или сельского начальства (ст. 27). Не менее строго запрещалось крестьянам носить при себе оружие («исключая ловли диких зверей и охоты»), производить стрельбу, учинять драки, укрывать у себя бродяг, беглых, беспаспортных (ст.ст. 38, 39, 46, 49). Большое внимание было обращено законодателем на отлучки государственных крестьян «для прокормления себя разными промыслами и работою»: здесь создавалась сложная система паспортного учета, который варьировался в зависимости от сроков отлучки. Государственные крестьяне, уходившие далее тридцати верст от своего жилища на срок менее полугода, должны были выбирать билеты месячные, двухмесячные и трехмесячные; если крестьяне отлучались на такое же расстояние, но на срок более полугода, они были обязаны брать паспорта печатные полугодовые, годовые, двухгодовые и трехгодовые. Просрочившие билеты получали месячную льготу; просрочившие паспорта в Москве и Петербурге могли получить свидетельство о шестимесячной отсрочке (ст. ст. 50—59). Были подробно отредактированы разделы, направленные против насильственного завладения чужим имуществом в форме присвоения и воровства и против поджога (ст.ст. 60—73). Некоторые статьи об охране личной безопасности звучали в тоне морально-авторитарных заповедей, вскрывая принципы и приемы «просвещенного абсолютизма» XVIII века. «Государственные крестьяне,— говорил закон,— вообще должны обходиться со всеми мирно и ласково, молодые и младшие почитать старых и старших; дети повиноваться родителям; работники и наемщики хозяевам и вообще оказывать взаимное уважение и дружество, а в несчастных случаях возможную помощь и одолжение» (ст. 42).

Повелевающие нормы второй группы требовали от государственных крестьян принятия предупредительных мер против возникновения болезней, пожаров и скотских падежей. Опекающая власть стремилась

---

[1] Главы VI («О врачебном благоустройстве») и VII («Об охранении от пожаров»).

[2] Главы I («О обязанностях в отношении веры») и III («О сохранении правил нравственности»).

наставить и вразумить крестьян, поставив под охрану регламентирующего закона бытовые условия деревенского общежития. Законодатель не ограничивался необходимыми предписаниями о соблюдении чистоты на улицах, об обязательной прививке оспы младенцам, об осторожном выжигании травы и леса под пашню и пр.; закон старался проникнуть в потаенные уголки домашнего быта, направить каждого отдельного крестьянина по утвержденной стезе разумного поведения. Устав приказывал «не употреблять в пищу плодов недозрелых, хлеба недопеченого, мяса и рыбы протухлых, мертвячины и вообще припасов несвежих и потому для здоровья вредных» (ст. 79); он предписывал «не употреблять для варения пищи или питья медные нелуженые самовары, чайники, кастрюли и всякую медную посуду, не имеющую полуды» (ст. 81); он категорически запрещал «ходить с зажженною свечою или лучиною без фонаря на чердаки, в конюшни, сараи, сенники, кладовые, погреба и в другие домашние строения. Если потребуется ходить на чердак или другое домашнее строение с огнем, то держать его в фонарях, но для сего употребления иметь фонари по возможности жестяные со слюдою или со стеклом, а не бумажные» (ст. 99).

Еще настойчивее и еще мелочнее были усилия попечительной власти в области религиозно-нравственного воспитания крестьянства. Духовная жизнь государственной деревни опутывалась целою сетью моральных запрещений, которые получали официальную правовую санкцию. Сельский полицейский устав и здесь не ограничивался общими предписаниями — запрещением неблагопристойных песен, речей и поступков, «непотребных и соблазнительных сборищ», нарушения церковного благочиния, нищенства и т. д. (ст.ст. 28—31, 34, 37, 1—7). Закон старался овладеть мыслями и чувствами крестьянина, поставить его внутренний мир под руководство попечительной наставительно-карающей власти. Специальными нормами он объявлял полицейскую борьбу деревенским порокам — мотовству, расточительности, пьянству, обману, лукавым поступкам словом, письмом и действием (ст.ст. 32, 33, 36). Он неукоснительно требовал от каждого крестьянина ежегодного выполнения церковных таинств — исповеди и причащения, уважения к духовным отцам и всему церковному причту, содержания в чистоте домашних икон, воздержания от «игрищ», плясок, музыки, песен во время литургии — «как по улицам, так и в домах» (ст.ст. 8—10, 3, 6). Воскресные и праздничные дни Устав приказывал «употреблять не на одно отдохновение от трудов, а наиболее на дела набожности; праздновать сии дни с чистотою и благоговением; ходить в церковь для слушания службы божией и воздерживаться от пьянства и всякого беспутства еще более, нежели в дни будничные» (ст. 11). Ни о какой свободе совести в государственной деревне не могло быть и речи. «Как рожденным в православной вере, так и обратившимся к ней из других вер,— гласила 13-я статья устава,— запрещается отступать от нее и

принимать иную веру, хотя бы то и христианскую». Точно так же запрещалось государственным крестьянам «заводить или распространять между православными какие-либо расколы» (ст. 14). Религиозно-нравственные максимы приобретали здесь политическое значение; они были призваны поддерживать и укреплять традиционное мироощущение покорного и верного подданного.

Таковы были нормы Сельского полицейского устава, заключавшие в себе сгусток феодально-полицейского права, программу общественного и морального поведения, который соответствовал идеалу, руководившему Киселевым. Все эти нормы приобретали свою карающую и могущественную силу при условии применения другого юридического кодекса — Сельского судебного устава, утвержденного в тот же день — 23 марта 1839 года [1].

Судебный устав разделялся на две основные части: первая нормировала судопроизводство по спорам и тяжбам государственных крестьян, вторая — определяла наказания за проступки и устанавливала порядок судопроизводства по этим делам. Закон различал три основных вида гражданских споров: подсудных, во-первых, Сельской расправе, во-вторых, Волостной расправе, в-третьих, общим судебным органам. Сельская расправа разбирала взаимные крестьянские споры, если они 1) возникали из заключенных устных договоров и 2) если они не основывались на крепостных и других засвидетельствованных документах. Ведомству Волостной расправы подлежали 1) жалобы недовольных приговорами Сельской расправы, если стоимость спорного имущества превышала 5 рублей серебром или если дела, разобранные Сельской расправой, были неподсудны ей на основании закона, и 2) споры о домашних духовных завещаниях, явленных в Волостных правлениях. В компетенцию общих судебных мест входили 1) спорные дела, основанные на крепостных и других официально засвидетельствованных документах, 2) споры о недвижимых имуществах, составлявших собственность государственных крестьян, 3) споры между государственными крестьянами, жившими в городах и местах, отдаленных от Сельской расправы, 4) споры между государственными крестьянами и лицами других сословий и, наконец, 5) споры о движимом и недвижимом имуществе, стоившем более 15 рублей серебром, если они не были закончены в Сельской расправе взаимным примирением тяжущихся сторон (ст.ст. 1—5). Таким образом компетенция Сельской расправы охватывала собою наиболее простые дела, не требовавшие сложных справок в государственных законах, и имела целью быстрое и мирное окончание имущественных споров. Сельская расправа выступала в роли доступного и близкого сословно-крестьянского суда, основывающего приговор на действующем обычном праве. Что касается Волостной расправы, то она создавалась главным образом в качестве

[1] ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1838 г., № 3547; ВПСЗ, XIV, 12166.

апелляционной и кассационной инстанции, призванной контролировать правильность и законность деятельности Сельской расправы.

Несложности споров, подсудных Сельской расправе, соответствовали простейшие формы ее судопроизводства. Дело начиналось письменной или словесной просьбой истца, в которой была указана стоимость спорного имущества. Если ответчик проживал в том же селении, он призывался к ответу немедленно в день вчинения иска; если он жил вне селения, ему назначался день собрания Сельской расправы. После двукратного призыва и неявки ответчика дело рассматривалось в его отсутствии. Судебное разбирательство происходило словесно. Суд стремился склонить обе стороны к примирению и в случае их согласия закреплял его письменным приговором.

Если тяжущиеся не шли на мировую, Сельская расправа предлагала им разрешить спор при помощи посредников. В случае отказа производилась оценка спорного имущества по взаимному соглашению истца и ответчика, в случае же их разногласия — избранными посредниками. Споры об имуществе, оцененном свыше 15 рублей серебром, передавались Уездному суду; дела, не превышавшие этой суммы, рассматривались Сельской расправой после того, как были собраны нужные сведения. По требованию каждой стороны можно было отвести данных судей, если они состояли участниками в разбираемом деле или имели тяжбу со спорящими или являлись их родственниками, свойственниками, воспитанниками или слугами. Приговор составлялся в письменной форме: в нем излагалось содержание просьбы и доказательств истца, оправдания ответчика, показания сторонних лиц, цена имущества и заключение Сельской расправы о степени справедливости иска и о способах его удовлетворения. Приговор считался окончательным, если стоимость имущества была не более 5 рублей; если ценность была выше, недовольный решением мог немедленно получить копию приговора и в течение двух недель обжаловать его в Волостную расправу. Эта вторая инстанция выносила окончательное постановление и, если апелляционная жалоба признавалась ею неосновательной, взыскивала с жалобщика штраф в размере 50 копеек серебром.

При производстве дел в общих судебных органах государственные крестьяне могли пользоваться содействием окружных начальников и стряпчих, которые составляли желающим просьбы и жалобы, давали им справки и наставления, хлопотали через Палату государственных имуществ о своевременном рассмотрении их дел.

Окончательные приговоры Сельской и Волостной расправ немедленно приводились в исполнение через сельского старосту. По делам, допускавшим обжалование, исполнение приговоров Сельской расправы отсрочивалось на три недели. Ответчику, который не мог сразу удовлетворить истца, давалась отсрочка от одной недели до двух месяцев, а с согласия истца — и на более продолжительное время. По миновании

установленного срока и по требованию истца присужденная сумма взыскивалась с ответчика за счет его собственного имущества, движимого и недвижимого, а при отсутствии или недостатке такого источника — путем отдачи ответчика в общественные работы или, в крайнем случае, в заработки к другим государственным крестьянам (за исключением истца и его родственников).

Такая система разрешения имущественных споров имела бесспорно прогрессивные стороны: организованный суд был близким и доступным населению; он не страдал множественностью инстанций; рассмотрение дел было словесным, следовательно, быстрым и свободным от волокиты; предпочиталось примирение сторон; сроки для призыва ответчика, для обжалования и приведения в исполнение приговора были установлены краткие, тоже устранявшие возможность бюрократической волокиты. Но с другой стороны, мы не должны забывать и других, феодально-реакционных сторон созданного суда. Это был суд сословный, действовавший исключительно в государственной деревне и, следовательно, выделявший сословие государственных крестьян в особую неравноправную категорию населения. В лице председателя — волостного головы или сельского старшины — суд сливался с администрацией, следовательно, открывалось широкое поле для усмотрения и произвола правительственной власти. В основу разрешения имущественных споров полагался не писаный, точно формулированный закон, а колеблющийся правовой обычай, допускавший различное и часто произвольное толкование со стороны судей.

Наконец, законом 1839 года вводились важные реакционные дополнения в действующее право: 1) они карали денежной пеней за неосновательную жалобу, стараясь сократить размеры «сутяжничества» и тем самым нарушали гарантии правовой защиты; 2) они устанавливали отдачу несостоятельных ответчиков в общественные и даже частные работы, т. е. обставляли исполнение приговоров произвольными, чисто крепостническими мерами. Мотивируя последнее дополнение, объяснительная записка разъясняла, что «способ сей необходим при общем недостатке у крестьян имущества, которое могло бы обеспечивать взаимные претензии». Однако законодатель ясно понимал и откровенно признавался, что подобные нормы могли привести к восстановлению старинных форм кабалы; поэтому он старался ограничить принудительные отработки определенным шестимесячным сроком [1].

Тем не менее, в данных исторических условиях, при господстве судебно-канцелярской тайны и нескончаемой волокиты, упрощенные формы Судебного устава 1839 года создавали более благоприятные предпосылки для развития капиталистических отношений в государственной деревне. Сравнительно с законами 1797 года и 1826 года новое судоустройство и судопроизводство имели преимущества обязательной силы

[1] ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1838 год, № 269—270, лл. 131—139.

приговоров, точного определения судебной процедуры и приближения суда к крестьянскому населению [1].

Совершенно иной характер носила вторая часть Судебного устава 1839 года. Если в сфере гражданского права реформатор руководился прогрессивной идеей охраны усложняющихся экономических интересов, то в вопросе наказания крестьянских проступков над ним тяготела феодально-реакционная задача «обуздать» «распущенное» государственное крестьянство. Этот второй, более обширный и детальнее регламентированный раздел закона являлся необходимым дополнением к Полицейскому уставу, устанавливая санкцию за нарушение его императивных предписаний. И здесь в основу всего построения был положен действующий Устав о предупреждении и пресечении преступлений, пронизанный архаическими тенденциями минувшего XVIII века: отсюда были почерпнуты классификация наказуемых проступков и система наказаний за важнейшие правонарушения. Были широко использованы составителем Законы уголовные в их устарелой редакции, предшествовавшей Уголовному уложению 1845 года. Частично были сделаны заимствования из остальных томов Свода законов: из Устава о содержании под стражей (том XIV), из Устава рекрутского (т. IV) и пр. и из некоторых последующих новелл, например, из Наказа чинам земской полиции, изданного в 1837 году.

Законодатель подходил к будущему крестьянскому суду, как юридический наставник, не рассчитывая на его знание действующего уголовного и процессуального права. Поэтому вторая часть Сельского судебного устава предварялась уроком юридической пропедевтики — определением исходных понятий, необходимых для применения издаваемого закона. Опираясь на существующие нормы Законов уголовных, Судебный устав разъяснял крестьянскому судье и каждому крестьянину, что такое наказуемые проступки, чем отличаются друг от друга проступки умышленные, неосторожные и случайные, что такое умысел, покушение и деяние совершившееся, какая разница между зачинщиками, участниками и укрывателями; дальше давалась классификация наказаний, установленных за совершенные проступки, разъяснялось значение судебных доказательств, излагались обстоятельства, увеличивающие и уменьшающие наказание, так же как условия, вовсе освобождающие обвиняемого от всякого наказания.

В отличие от уголовных преступлений, которые преследовались общими судебными органами, закон давал определение проступков, как «деяний, запрещенных законом под страхом легкого наказания или полицейского исправления». Эта не вполне ясно и точно разграничивающая формулировка находила себе формальное дополнение и уточнение в юридическом перечне наказуемых проступков и в проведении границ исправительных наказаний. Судебному ведомству Сельской

[1] ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1838 год, № 269—270, лл. 247—255.

расправы подлежали дела о проступках государственных крестьян, совершенных на территории казенных селений без всякого участия лиц из других сословий. Но из этого общего правила были допущены некоторые исключения: если проступки были сопряжены с похищением чужой собственности, оцененной выше 20 рублей ассигнациями, они поступали на рассмотрение общих судебных органов; изымались и передавались тем же органам дела о проступках 1) выборных сельских и волостных начальников (за исключением низших агентов — сборщиков, смотрителей магазинов, сотских, десятских), 2) крестьян, награжденных медалями и кафтанами (если им угрожало телесное наказание), 3) получивших военные ордена и серебряные военные темляки (ст.ст. 225—231). Если государственные крестьяне совершали проступки на помещичьих землях или совместно с помещичьими крестьянами, они были подсудны компетенции Земского суда. Если проступки совершались на территории городской, в частности, на столичной, то они подлежали разбору местной городской полиции. Правонарушения, совершенные государственными крестьянами совместно с представителями других свободных сословий, рассматривались общими судебными местами (ст.ст. 225, 228—230). Волостная расправа действовала и здесь в качестве апелляционной инстанции, пересматривая приговоры Сельской расправы, если законом допускалась подача жалобы.

Давая классификацию проступков, закон повторял систему Сельского полицейского устава: он различал проступки 1) против церковного благочиния, 2) против правительственного и общественного порядка, 3) заключающие в себе соблазн и дурное поведение, 4) против законов о личной безопасности, 5) против законов о праве на имущества. В дальнейшем изложении законодатель детально характеризовал проступки, указывая их конкретные отличия от уголовных преступлений. Например, в составе наказуемых деяний против церковного благочиния Судебный устав отделял уголовные преступления — учиненное помешательство и недопущение церковной службы, распространение ересей и расколов, ложное оглашение чуда, клеветническое приписывание другим ворожбы или действие злого духа — от проступков в собственном смысле слова. Такими проступками против церковного благочиния, наказуемыми на основе Сельского судебного устава, были признаны: 1) нарушение благоговения в храме во время службы (появление в пьяном виде, хождение взад и вперед без надобности, громкий разговор, крик, хохот, отвлечение внимания молящихся неприличным словом или действием) и 2) участие вне храма в забавах, увеселениях и бесчинствах, в частности в игрищах, музыке, пляске, уличном пении во время литургии или крестного хода (ст.ст. 150—151).

Классификации проступков соответствовала принятая градация наказаний. Исходя из действующего права, законодатель устанавливал следующую систему постепенно усиливающихся карательных мероприятий: 1) отобрание запрещенных вещей, 2) денежные взыскания,

3) употребление в работу, 4) заключение под стражу, 5) наказание розгами, 6) удаление из общества. Особенное внимание уделила объяснительная записка к законопроекту наказанию в форме отработков. Проникнутый феодально-крепостническим мировоззрением законодатель утверждал: «Употребление в работу есть самое приличное в крестьянском быту наказание. Оно, возбуждая в виновном чувство стыда, вместе с тем доставляет пользу и самому обществу» [1].

Если мы сопоставим содержание юридических источников, из которых исходило определение наказания за отдельные проступки, и текст Сельского судебного устава, то без труда уловим руководящие принципы произведенной рецепции. Заимствование карательных постановлений действующего закона сопровождалось их обдуманной переработкой, которая происходила в различных направлениях. В общем, законодатель увеличивал карающую силу государственного закона, стараясь решительнее воздействовать на крестьянскую массу. Число наказуемых деяний было значительно пополнено и охватило самые разнообразные виды проступков: непочтительность и грубость к старшим и к начальникам, отказ в содержании родителей, самовольные отлучки, самовольные выезды и возвращение переселенцев, неразрешенные семейные разделы, неутвержденную сдачу земли в аренду, недонесение властям о начавшемся пожаре или скотском падеже, утруждение начальства неосновательными просьбами, учинение шума, брани и драки, несоблюдение чистоты, допущение малолетних детей просить милостыню, покупку вина под залог одежды, домашней утвари и земледельческого инвентаря, блудное непотребство и т. д. С другой стороны, повышалось наказание за некоторые ранее запрещенные деяния; например, нарушение церковного благочиния, которое каралось в действующем законе различными, в том числе более легкими наказаниями (штрафом, временным арестом), было единообразно подведено под более суровое наказание — заключение под стражу на хлеб и на воду. Наконец, во многих случаях Судебный устав 1839 года вводил более точное и категоричное определение наказаний; в том же разделе о поступках против церковного благочиния взамен действующего неопределенного наказания за правонарушения, совершенные вне церкви («взысканием пени, равной дневному пропитанию нищего»), была установлена определенная денежная пеня в размере 25 копеек серебром.

Просматривая градацию наказаний, принятую Судебным уставом, мы выясняем, какие виды проступков считались законодателем более важными и какие менее существенными. Если оставить в стороне самую тяжелую кару, постигавшую «закоренелых» и «порочных» — удаление из общества,— то окажется, что наиболее суровое наказание — розги — присуждались за три категории проступков: 1) за нанесение материального ущерба чужому и собственному хозяйству, 2) за наруше-

[1] ЦАВП. [illegible] л. 225.

ние авторитарно-нравственных форм, 3) за нанесение другому физического страдания. Особенно широко применялось телесное наказание по отношению к первой категории проступков. Сюда прежде всего были отнесены воровство-мошенничество и воровство-кража на сумму менее 20 рублей ассигнациями и не более как в третий раз (при более высокой стоимости присвоенного имущества и в четвертом случае наказуемое деяние из проступка становилось уголовным преступлением и разбиралось общими судебными органами). К этим проступкам по силе применяемого наказания приравнивались близкие по характеру правонарушения: принятие заведомо краденого имущества без объявления сельскому старосте, умышленная порча чужих орудий, снастей и бортных угодий, промотание хозяйского имущества работником или приказчиком, наконец, необъявление о находке чужой вещи, платья или денег (ст.ст. 217—220, 206). Во всех этих случаях, помимо наказания за проступок, виновный был обязан возместить потерпевшему понесенный им вред или убыток (ст. 204). Такое же значение придавал Судебный устав расстройству собственного хозяйства государственным крестьянином в связи с самовольными переселениями (ст.ст. 163—164), систематическим пьянством (ст.ст. 177—178), «развратной жизнью» (ст. 179).

Последние статьи, направленные против «соблазна и дурного поведения», были особенно характерны с точки зрения презумпции, принятой законодателем, о зависимости хозяйственного благополучия от состояния крестьянской нравственности. Закон говорил: «Кто злообычен в пьянстве, или более времени в году бывает пьян, нежели трезв, того наказывать розгами» (ст. 177). «Сему же наказанию подлежат те, кои станут покупать вино под залог одежды и прочей домашней утвари, а также под залог скота, земледельческих и других необходимых орудий и полевых произведений, особенно еще неснятых и остающихся на корню» (ст. 178). «Таким же образом наказывать тех, кои по неразумию, лености, пьянству и тому подобной развратной жизни, расстроивают свое хозяйство и сделаются несостоятельными к платежу казенных податей и повинностей» (ст. 179). Близкой по своему содержанию к этим нормам была статья, которая ополчалась против игры на деньги: «Всех тех, кои будут играть на деньги в карты и другие игры (исключая игор азартных, за которые подвергается виновный уголовному суду), в первый раз сажать под стражу, а за второй или более наказывать телесно, найденные же при играющих деньги отбирать и обращать в хозяйственный капитал» (ст. 213). Во всех этих нормах звучало строгое напоминание опекающего государства о том, что подрыв личного крестьянского хозяйства наносит материальный ущерб государственному имуществу.

Сравнительно с первой категорией проступков, другие, каравшиеся наказаниями розгами, были не так многочисленны. Из моральных проступков сюда были отнесены словесные оскорбления родителей, допущенные отделенными детьми, и отказ детей в материальной помощи

старым и больным родителям, если эти деяния сопровождались обстоятельствами, отягчающими вину подсудимого (ст. 171—172). Так же наказывались зачинщики учиненной драки (ст. 154). Из проступков, нарушавших законы о личной безопасности, телесным наказанием должны были караться нанесение другому удара «рукою, ногою, палкою или иным подобным орудием» (без причинения увечья) и натравливание на человека собаки или другого опасного животного (хотя бы и без причинения вреда), если, по мнению Расправы, виновный заслуживал наибольшего наказания (ст.ст. 202, 191—192).

Детально квалифицируя проступки, Судебный устав не указывал в каждом отдельном случае меры присуждаемого наказания: количество ударов оставалось ненормированным, так же как не были определены максимальные границы телесного наказания, присуждаемого государственным крестьянам Сельскою расправою.

Заключение под стражу в тюрьму, устроенную при Сельской расправе, применялось за проступки, которые законодатель считал менее важными. Из числа деяний, имевших хозяйственное значение, сюда были подведены умышленное запахивание чужого поля и порча чужой изгороди (ст. 205), отказ в помощи при пожаре, наводнении или другом стихийном бедствии (ст. 195), умолчание о скоте, забежавшем из других селений (ст. 216), а в отношении собственного хозяйства — неразрешенные обязательственные сделки на отведенные наделы (ст.ст. 165—166).

Из полицейских и полицейско-моральных правонарушений заключением под стражу должны были караться «непочтение, грубость и дерзость младших против старших, а тем более против лиц, облеченных от правительства властию» (ст. 168), грубость и неповиновение работников хозяевам (ст. 169), самовольная отлучка и несвоевременная явка на место жительства (ст.ст. 160—161), открытие дома для непотребства (ст. 184), нарушение церковного благочиния (ст. 150), появление в пьяном виде на общественном сходе (ст. 175) и т. д. И здесь не устанавливалось меры налагаемой кары в форме определенного количества дней тюремного заключения.

Значительно реже встречались в Судебном уставе, как наказание, общественные работы. К этой каре приговаривались виновные в допущении неразрешенных семейных разделов, в нищенстве, в непотребстве (ст.ст. 167, 180—181, 182—183). Наиболее легкие наказания в форме штрафов от 25 копеек до 1 рубля налагались за такие проступки, как несоблюдение чистоты на улице, непринятие мер предосторожности против пожара, скотского падежа, нападения опасных животных и т. п. (ст.ст. 156, 157, 188—190, 208—212).

Обращают на себя внимание правовые нормы Судебного устава, которые ярко отражают феодально-полицейскую точку зрения законодателя. Опекая государственного крестьянина, правительственная власть наказывала его, когда он подвергал опасному риску свое здо-

ровье и самую жизнь, когда он нарушал требования семейной дисциплины, когда он заводил излишние иски и споры. Ярким примером таких исправительных повелений могут служить статьи о пренебрежении личной опасностью и непослушании родителям: «Кто, несмотря на запрещение начальства,— гласила статья 194-я,— пойдет через реку по льду, когда уже по нему опасно ходить, или же будет переезжать при бурном ветре, а также, когда лед идет по реке, того приговаривать к простому заключению под стражу на один день». Здесь законодатель точно определял наказание за проступок, но бывали случаи, когда он передоверял свои функции патриархальной семейной власти. Статья 170-я разрешала «неотделенных детей, непослушных родителям, а тем более оскорбивших их словами, наказывать по воле родителей, соразмерно сделанному оскорблению», не выходя однако из карательных пределов настоящего Устава.

Всякое наказание, наложенное на государственного крестьянина, имело для него тяжелые юридические и бытовые последствия. Сельская расправа должна была вести особую штрафную книгу, куда заносились проступок крестьянина и присужденное ему наказание. Если виновный был присужден к заключению под стражу или к отбыванию общественных работ, он лишался права занимать выборные должности в течение одного года; если он приговаривался к телесному наказанию, то это лишение права растягивалось на три года, причем сельское общество не могло возлагать на штрафованного полномочия общественного поверенного (ст.ст. 221—223).

Крестьянин, подвергавшийся неоднократным наказаниям и, с точки зрения власти, не поддававшийся исправлению, подлежал высшей карательной мере — удалению из общества и сдаче в рекруты, а в случае неспособности к военной службе — к «переселению в другие губернии» (объяснительная записка расшифровывала это «переселение» более точно, как «ссылку в Сибирь на поселение»). Законодатель придавал важное значение такому наказанию, «необходимому для обуздания людей порочных, вредных обществу примером развратной жизни своей» [1], и, в отличие от прежних статей Рекрутского устава, старался внести бо́льшую точность в определение поводов и порядка применения указанной меры. На основании Судебного устава отдача виновных без очереди в рекруты, в зачет будущих наборов (или переселение в другие губернии) могла постигать крестьянина в следующих случаях: когда он подвергался телесному наказанию Сельскою или Волостною расправами три раза в течение одного года; или четыре раза на протяжении двух лет, или пять раз в продолжение пяти лет, когда он два раза был наказан плетьми по приговору общих судебных органов; когда он после однократного наказания плетьми в течение следующих двух лет снова подводил себя под телесное наказание; когда его уличали в бродяжниче-

[1] ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1838 год, № 269—270, лл. 247—255.

стве и возвращали в общество средствами полиции; когда он «по крайнему нерадению или распутству» накапливал на себе казенную недоимку, достигавшую двухгодового оклада податей и повинностей и оказывался неспособным к ее погашению; когда государственная крестьянка, незамужняя или вдовая, три раза наказывалась за непотребство и затем уличалась в подобном проступке в четвертый раз. Во всех этих случаях дело возникало по почину Сельской расправы, которая через сельского старшину ставила вопрос перед сельским обществом. Члены сельского схода, предварительно принеся присягу в рассмотрении дела «по совести и без лицеприятия к обвиняемому», выносили мотивированный приговор о том, что обвиняемый «уже не может более терпим быть в обществе». Решение сельского схода должно было свидетельствоваться Сельской расправой и через Волостное правление поступало к окружному начальнику, а от него с соответствующим заключением в Палату государственных имуществ и затем к начальнику губернии. Суровость этих карательных предписаний несколько облегчалась частичными коррективами: сельский сход имел право, принимая во внимание смягчающие обстоятельства, условно простить обвиняемого; сам присужденный к наказанию мог принести оправдание окружному начальнику и Палате; переселяемые не могли насильственно разлучаться со своими женами и малолетними детьми (ст.ст. 120—121, 284—300). Тем не менее, эта правовая конструкция резко выделяла государственных крестьян как неравноправное сословие и приближала их к зависимому состоянию крестьянства частновладельческого. Если в крепостной деревне отдача «порочного» крестьянина в рекруты или ссылка его на поселение допускались по усмотрению помещика, то в казенных селениях подобная кара могла применяться в юридически завуалированной форме, по произволу сельского старшины или руководивших им органов — волостного головы и окружного начальника.

В соответствии с более сложной и детальнее регламентированной компетенцией Сельской расправы по делам о проступках, была сконструирована иная система форм судопроизводства. Дело о проступке могло возникать по жалобе потерпевшего, по доносу, по требованию начальства, по представлению сельского старосты, по заявлению самого крестьянина, совершившего правонарушение. Во всех этих случаях Сельская расправа призывала обвиняемого и учиняла ему допрос, стараясь выяснить, «действительно ли проступок учинен, с умыслом или без оного, кем, когда и каким образом, а также определить количество вреда или убытка, от проступка происшедшего». Если нужно, Сельская расправа производила расследование на месте совершения проступка, привлекала к ответственности участников, допрашивала свидетелей и «сведущих сторонних людей» (т. е. «послухов» и экспертов), делала осмотры и обыски, оценивала через особую комиссию похищенные вещи, давала очные ставки и собирала все необходимые сведения. По окончании судебного следствия, Сельская расправа обсуждала вопрос,

подсудно ли ей данное дело, уличен ли обвиняемый в проступке, совершил ли он его умышленно. Если на два первых вопроса давались утвердительные ответы, тогда читались соответствующие статьи Судебного устава и выносился единогласно или большинством голосов приговор об оправдании или обвинении подсудимого. Приговор облекался в письменную форму и должен был заключать в себе квалификацию совершенного проступка (указание сущности деяния, его определение, как умышленного, неосторожного или случайного), изложение оснований приговора (собственного сознания обвиняемого или изобличающих его обстоятельств), заключение об оправдании или обвинении подсудимого и определение характера и меры присужденного наказания со ссылкою на соответствующие статьи Судебного устава. За обвиняемым сохранялось два важных права: 1) ранее вынесения приговора он мог отвести членов суда, если они имели прикосновение к делу, если находились в близком родстве с доносителем или потерпевшим, были ими воспитаны или состояли у них на службе, если судей и обвиняемого разделяла «приказная вражда» (т. е. судебное дело об имущественном споре или проступке); 2) после вынесения приговора осужденный мог тут же, немедленно, «объявить свое неудовольствие», если он присуждался к наказанию розгами более 20 ударов. Право обжалования в более широком масштабе присваивалось нескольким привилегированным категориям: не менее трех лет беспорочно исправлявшим выборные должности (от волостного головы до сельского старосты), торгующим по купеческим свидетельствам, пожалованным медалями и кафтанами, имеющим знаки отличия — военные ордена или орден св. Анны: все крестьяне, охваченные этим перечнем, могли требовать апелляции, если они приговаривались не только к телесному наказанию, но и к заключению под стражу. В таком выделении привилегированных прослоек нельзя не видеть, наряду с желанием поднять авторитет «выборных начальников», юридического признания и закрепления социального неравенства в государственной деревне.

В случае обжалования приговора, дело пересматривалось по существу, в течение одной недели, на заседании Волостной расправы. Необжалованные приговоры первой судебной инстанции, так же, как и окончательные приговоры инстанции апелляционной, приводились в исполнение без всякого утверждения высших органов. Единственным исключением являлся случай присуждения к наказанию розгами свыше 20 ударов: если Волостная расправа, несмотря на жалобу осужденного, оставляла в силе приговор сельского суда, дело поступало на окончательное рассмотрение окружного начальника (ст. 267). Наказание розгами нормировалось особой статьей, которая предписывала применять эту кару «при Сельской расправе, в присутствии сельского старосты, под непосредственным наблюдением сельского старшины и со внесением присужденного за проступок наказания в штрафную книгу» (ст. 268).

В отношении государственных крестьян, привлеченных к суду земской и городской полиции или общих судебных органов, Устав предусматривал «ходатайство и защиту» со стороны окружных начальников и стряпчих уездных и по делам государственных имуществ. Окружным начальникам предоставлялось право присутствовать при производстве следствий, требовать соблюдения нарушаемых законов, настаивать на скором и законном окончании дел, посещать тюрьмы и проверять, снабжены ли государственные крестьяне всем необходимым, писать заключенным крестьянам «по просьбе их всякого рода бумаги, законом не запрещенные и единственно до имения и лица их относящиеся» (ст.ст. 270—283). В этих обязанностях окружного начальника воплощалось его попечение о соблюдении прав, признанных законом за государственными крестьянами.

Подводя итог второй части Судебного устава, нельзя не признать в нем наличия некоторых прогрессивных тенденций: словесной формы судопроизводства, точной регламентации и ускорения судебной процедуры, права отвода судей, права обжалования приговоров. Однако, в нормировании статей о проступках преобладали не эти тенденции, а ярко выраженные феодально-реакционные черты. Исходя из архаических норм полицейского права XVIII и начала XIX веков, закон распространял понятие наказуемого деяния на более широкую сферу хозяйственных, бытовых и моральных отношений, усиливая этим личную несвободу государственного крестьянина; он разделял государственных крестьян на различные неравноправные прослойки в отношении подсудности и наказуемости, т. е. вводил устаревший принцип неравенства суда; он сохранял и распространял действие отживавших форм наказания, характерных для феодального периода — телесного наказания, отработков, сдачи в рекруты и ссылки на поселение; наконец, он санкционировал произвол судебных инстанций в определении размеров высших наказаний — розгами и заключением под стражу. Особенно опасной для крестьян, резко противоречившей киселевскому принципу законности, была неопределенность в вопросе о границах и степени телесного наказания и тюремного заключения: поскольку сельский и волостной суд не отделялся от администрации и за выборными носителями исполнительной власти — волостным головою и сельским старшиной — сохранялась решающая роль в судебном процессе, закон 1839 года предоставлял им широкое поле для произвольной административной расправы над обвиняемыми крестьянами. Через эти подчиненные выборные органы открывалась возможность непосредственного давления на судебные приговоры со стороны окружного начальника и Губернской палаты. По закону окружный начальник выступал не только опекуном и защитником крестьян перед общими судебными органами, но и властным судьей в важнейших делах об удалении порочных крестьян из сельского общества и о проступках, наказуемых розгами более 20 ударов. Сельские и Волостные расправы оказывались таким же

орудием начальственного воздействия, каким по закону 1838 года обязаны были выступать Волостное правление и органы сельской администрации.

Вчитываясь в содержание судебного кодекса 1839 года, мы не находим в нем никакого раздела, специально излагающего и берущего под охрану личные и общественные права государственных крестьян. Единственной группой норм, которая касалась данного вопроса и которой придавала большое значение объяснительная записка, были несколько статей о бесчестии. На основании Судебного устава за оскорбление государственного крестьянина словом, письмом или действием обидчик должен был заплатить сумму, равную годовому окладу казенных податей, земских и мирских денежных повинностей, следующих с одной души того сельского общества, к которому принадлежал обиженный (ст. 197). Если была оскорблена замужняя жена или вдова, она получала за бесчестие вдвое против мужа, если незамужняя дочь,— то вчетверо против отца, если сыновья, не достигшие 17-летнего возраста,— то вполовину против оклада отца, если старше,— то в размере оклада отца. Оскорбление, нанесенное всенародно или в церкви, каралось дополнительно заключением под стражу. Устанавливая эти правила, Сельский судебный устав исходил из сословно-феодального архаического взгляда на денежный выкуп за моральную дисквалификацию, которого придерживалось Соборное уложение середины XVII века. Единственная поправка, которая вносилась в это традиционное наследство, заключалась в количественном повышении денежной пени за бесчестие. Мотивы законодателя диктовались явной устарелостью денежной оценки XVII столетия, которая влекла за собой невыгоды и неудобные последствия при охране полицейского правопорядка: «Маловажность наказания за обиду государственного крестьянина производит то, что обиженный, пренебрегая удовлетворением, которое он должен искать в суде, старается заплатить обидчику взаимною обидою. От обиды словами нечувствительно переходят к обиде действием, отсюда — самоуправство, драки, вражды и ябеды» [1]. Ограничившись небольшим коррективом и сохранив прежнюю принципиальную установку, судебный устав 1839 года остался в старых, отживших феодально-правовых рамках. Новый судебный кодекс не отразил в себе глубоких социально-экономических сдвигов, пережитых государственной деревней и изменивших правовое положение государственного крестьянина. Одна из важнейших задач реформы — точно определить и гарантировать права казенного крестьянства силою государственного закона — не была осуществлена законом 1839 года, так же как она не была поставлена и разрешена при составлении административных «Учреждений» 1838 года. Судебный устав остался по преимуществу юридическим придатком к Полицейскому уставу, выразительным памятником феодального попечительства над неравноправною крестьянскою массою.

[1] ЦАВП, ф. ГСДЭ, 1838 год, № 269—270, лл. 247—255.

Противоречие между первою и второю частью Судебного устава отразило в себе принципиальное противоречие всей реформы: стремление закрепить за крестьянином права свободного сельского обывателя и противоборствующее стремление сковать его средствами попечительной феодально-полицейской власти.

5. Реформа управления в западных и закавказских районах

«Учреждение о управлении государственными имуществами в губерниях» 30 апреля 1838 года распространяло свое действие исключительно на оброчные великороссийские губернии; тем не менее, оно послужило руководящею основою для составления других местных «Учреждений» — западного, прибалтийского и закавказского. При этом в соответствии с разными социально-экономическими условиями законодательный текст 1838 года обрастал необходимыми дополнениями, подвергался значительной переработке, но продолжал сохранять в себе основные линии преобразовательной программы.

Первым продуктом такой законодательной работы явилось «Учреждение о управлении государственными имуществами в Западных губерниях и Белостокской области», утвержденное 28 декабря 1839 года [1]. Этот закон реорганизовал управление «свободными сельскими обывателями западных губерний: Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Минской, Могилевской, Подольской и области Белостокской», т. е. Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. Киселев не решился отменить «хозяйственное положение» на территории этих национальных областей и ограничился созданием новых правительственных органов, которым должны были подчиняться временные владельцы государственных имений. Однако в основу административной реформы были положены определенные принципы, которые должны были малопомалу изменить систему эксплоатации крестьян в западных районах. «Хозяйственное положение» сохранялось, но были предусмотрены прекращение дальнейшей сдачи с торгов государственных имений, производство новой люстрации на основе правительственной программы, распространение на западных крестьян политики попечительства и постепенный переход к великорусской оброчной системе. Предполагалось, что в течение некоторого, еще не выясненного срока люстрация в западных губерниях будет закончена, крестьяне будут обеспечены точно определенными наделами и обложены точно установленными повинностями, а хозяйственное использование описанных и оцененных имуществ останется в руках лиц, получивших высочайшее пожалование или назначенных администраторами; параллельно будет введено сельское управление по образцу великорусских оброчных имений и над крестьянскими выборными, независимо от владельцев и подчиняя их вла-

---

[1] ПСЗ, XIII, [illegible]

сти коронной администрации, возникнут правительственные органы, охраняющие государственные имущества от расхищения, а крестьян от чрезмерной эксплоатации. Постепенно, по мере развития денежных отношений, взамен барщинных повинностей будет вводиться оброк, и положение литовских, белорусских и украинских крестьян приблизится к положению великорусских, более свободных оброчников. В соответствии с этим руководящим планом, продиктованным выводами ревизии, но очень осторожно подходившим к интересам владельцев, и были нормированы структура и компетенция местных административных органов.

Количество государственных крестьян на территории западных губерний было значительно меньше; это упрощало задачи управления государственною деревнею. С другой стороны, наряду с сельским «миром» здесь функционировало экономическое управление временных владельцев, которым принадлежало общее руководство крестьянской жизнью и функции вотчинной полиции. Поэтому не было никакой необходимости создавать посредствующую волостную организацию, которая возбуждала сомнения законодателя даже на территории оброчных имений. Закон 28 декабря 1839 года взамен четырехъярусной системы вводил трехъярусную: Губернские палаты, окружных начальников, сельские общества. Подобно закону 30 апреля 1838 года, низшая административная ячейка слагалась из сельского схода, сельского управления и Сельской расправы (ст. 5). Из содержания закона совершенно ясно, что сельское управление, как и в великорусских губерниях, состояло из сельского старшины и старосты, сборщика податей и смотрителя магазина, что в состав Сельской расправы входили «добросовестные», что крестьянские начальники были выборными и что их взаимоотношения с окружным начальником строились так же, как в законе 1838 года. Однако в законе 1839 года отсутствовали особые разделы, посвященные сельскому управлению, его организации, компетенции и взаимодействию со смежными органами. Наряду с этим характерным умолчанием приходится констатировать другое, не менее характерное и важное: в разных местах закона упоминалось об обязанностях Палаты и окружного начальника наблюдать за соблюдением инвентарей и контрактов, но в системе изданных законоположений отсутствовали какие бы то ни было нормы, определяющие взаимные отношения между временными владельцами и коронной администрацией. Вопрос о границах власти содержателя имения, об его правах и обязанностях по отношению к крестьянам и правительству был оставлен без всякого обобщающего единообразного нормирования. В этом явлении нельзя не видеть руководящей, хотя и внутренне противоречивой позиции правительства. В самом деле, взамен прежних разнородных и бессильных органов крестьянского самоуправления, часто не признанных и не нормированных законом, на территории западных имений создавалось единообразное,

облеченное властью сельское управление; в принципе оно ставилось в независимое положение к временным владельцам и непосредственно подчинялось правительственной бюрократии. В лице окружного начальника крестьяне получали опекуна и попечителя, тоже независимого от временного владельца и признанного не только охранять крестьян от произвола поссессора и администратора, но и диктовать ему непререкаемые предписания государственной власти в форме законов и административных распоряжений. Однако, производя такую крутую перемену в сложившихся отношениях власти и подчинения, законодатель в колебании останавливался перед необходимыми выводами из нового положения: он не решался наложить руку на систему внеэкономического принуждения, существовавшую в арендных имениях, не хотел проводить ясной разграничительной линии между полномочиями нового управления и традиционной властью приобретателя отработочной ренты. Вопрос о взаимоотношениях коронной администрации и крестьянского мира, с одной стороны, и экономического управления с другой, оставался открытым; разрешить его должна была сама жизнь не на основе обдуманного и тщательно составленного закона, а на основе текущей практики министерского управления. Правительство Николая I, стремившееся после восстания 1830 года ослабить власть польских помещиков, ввело великорусские органы сельского управления государственными имуществами, но, считаясь с интересами русских и польских помещиков, не сочло возможным формально и точно санкционировать произведенную перемену.

Новые задачи заставили внести новые коррективы в организационную систему 1838 года: в составе Губернской палаты, наряду с управляющим, советниками, асессорами и лесничим, был введен губернский люстратор со штатом специально подготовленных чиновников для производства проектированной люстрации казенных имений (часть I, ст. ст. 7, 12, 13). Кроме того, ввиду обилия спорных дел о земле, о повинностях и пр. Палата получила, наряду с хозяйственным и лесным отделением, особое судное отделение для правовой охраны государственных имуществ и государственных крестьян (часть I, ст.ст. 6, 84).

Статьи «Учреждения», определявшие компетенцию Губернской палаты и окружного начальника, в общем воспроизводили текст закона 30 апреля 1838 года, но подверглись дополнению и переработке в связи с условиями «хозяйственного положения» и содержанием намеченного преобразования. Наиболее важные изменения были внесены в разделы закона, касавшиеся хозяйственного устройства государственных имений. На Губернские палаты Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины были возложены прежде всего обязанности по производству люстрации. Палаты должны были представлять в министерство проект проведения люстрации в губернии, обеспечивать люстраторов необходимыми сведениями и средствами, наблюдать за ходом люстраци-

оных работ, разрешать возникающие вопросы, устранять затруднения и помехи, а после завершения люстрации проверять ее конечные результаты. При этом Палаты были обязаны выяснить, соблюдены ли все установленные правила, «не допущено ли, в противность оных, каких-либо отяготительных для крестьян повинностей, не сокрыт и не уменьшен ли против надлежащего казенный доход, а также не назначен ли оный в преувеличенном виде, без правильного основания?» (ч. I, ст. 295). Палата приводила в действие выработанные люстрационные условия и через каждые 12 лет составляла новые инвентари на основе произведенной переоценки дохода.

Значительное место в деятельности Палаты занимало систематическое наблюдение за государственными имуществами, находившимися в эксплоатации временных владельцев. Закон 1838 года подробно перечислял обязанности Палаты, возникавшие при этом в связи с особенностями различных имений: 1) содержимых на основе привилегий, 2) первых понезуитских, 3) предоставленных «по всемилостивейшему пожалованию». Палата должна была проверять права временных владельцев, наблюдать за выполнением установленных правил, исправлять ошибочные инвентари, наконец, отбирать имения у владельцев в случае нарушения ими принятых на себя условий. По мере окончания люстрации, сдача имений в содержание с торгов должна была прекращаться, и облюстрованное имение или переводилось на оброк, или передавалось в администрацию, или поступало в казенное управление. Сдача с торгов сохранялась как временная мера и обставлялась ограничительными условиями: арендатор имел право эксплоатировать имение только до окончания люстрации или обязан был, в случае своего согласия, подчиняться новым правилам, до истечения 12-летнего арендного срока.

Перевод имения на оброчное положение мог происходить при наличии трех основных условий: 1) желания самого сельского общества, 2) его обязательства, «под круговою ответственностью принадлежащих к оному крестьян, вносить в казну определенный с предоставленных им земель люстрационным исчислением поземельный оброк (чинш)» (ч. I, ст. 321) и 3) признания Палатою такого способа эксплоатации наиболее удобным и выгодным для казны. Имение во всяком случае переводилось на оброк, если по недостатку земель было невозможно завести фольварочное хозяйство. Оброчное положение не допускалось, если оно приводило к уничтожению «значительных хозяйственных заведений, приносящих казне немаловажный доход» (ст. 325). В каждом отдельном случае дело рассматривалось министром государственных имуществ на основании представления Палаты, одобренного начальником губернии, после удостоверения в возможности исправного поступления исчисленного оброка. В качестве реальной гарантии крестьянской платежеспособности, в дополнение к институту круговой поруки вводилась система общественной запашки. Если на сельском обществе, ис-

пользовавшем имение, накоплялась недоимка в размере годового оклада, «не от несчастных случаев, но от лености и нерадения крестьян», Палата делала представление об обращении имения в непосредственное хозяйственное управление «впредь до выручки всей недоимки» (ст. 334).

Такая непосредственная хозяйственная эксплоатация имения могла быть установлена или в форме «администрации», или в виде «казенного управления». В первом случае Палата передавала имение в «безотчетное управление» «преимущественно заслуженным военным и гражданским чиновникам, а также благонадежным дворянам» под условием исправного платежа инвентарного дохода и соблюдения правил заключенного контракта (ст. ст. 337, 338). Пока эти условия выполнялись назначенным администратором, он оставался «ненарушимо при администрации имения». Через каждые 12 лет должна была производиться поверка инвентаря и новое исчисление доходов. В администрацию могли передаваться не только имения несостоятельных оброчников, но и вакантные, по той или иной причине не получившие никаких владельцев. Очень близко подходило к этому способу эксплоатации имения так называемое «казенное управление»: Палата назначала управителя «из благонадежных людей всех свободных состояний кроме евреев» и кроме лиц, состоявших на коронной или земской выборной службе (ч. I, ст. 348). Управитель подписывал контракт, получал инструкцию и обязывался уплачивать инвентарный доход, безотчетно управляя имением, или вносить сумму действительно выручаемого дохода на основании представляемого им отчета. Первому способу, почти отождествлявшему положение управителя и администратора, закон отдавал решительное предпочтение, как более выгодному с хозяйственной точки зрения.

Какими бы способами ни использовалось казенное имение, Палата была обязана систематически, через окружных начальников и специально командированных чиновников, производить его освидетельствование, следить за исправным поступлением казенного дохода и взыскивать недоимки, накопившиеся на владельце.

Аналогичные обязанности в отношении производства люстрации и наблюдения за имениями, но в более конкретной формулировке, возлагались законом на окружного начальника. Снабженный копиями документов, на которых основывались права временных владельцев, он был обязан следить за наступлением арендных сроков, принимать имения от владельцев или их наследников, сдавать вакантные имения администраторам, арендаторам и управителям, давать заключения о целесообразности перехода на оброчное положение, содействовать взысканию оброчных недоимок и т. п. Закон возлагал на окружного начальника обязанность через каждые три года лично свидетельствовать имения, восстанавливать нарушенные права и защищать крестьян от произвола содержателей. «Окружный начальник,— гласила статья 312,—

в особенности наблюдает, чтобы у администраторов, арендаторов и казенных управителей не было заключаемо с крестьянами без ведома и разрешения начальства договоров об изменении раздела земель и хозяйственных повинностей в противность существующих инвентарей». Таким образом, окружный начальник западных районов соединял в себе всю полноту опекунских прав, предоставленных ему законом 1838 года, с широкими полномочиями по охране казенного крестьянства от хищнической эксплоатации владельцев. В его лице выступал не только непосредственный начальник и попечитель земледельческой массы, но и хозяйственный администратор, главный управляющий государственными имуществами на территории округа.

Таковы были важнейшие дополнения, инкорпорированные в текст местного «Учреждения» при составлении закона 28 декабря 1839 года [1]. Они приобретали особенно важное значение в связи с другим, одновременно изданным актом, «Положением о люстрации государственных имуществ Западных губерний и Белостокской области» [2]. В этом втором законе были формулированы задачи предстоящей люстрации, назначены люстрационные органы, определена их компетенция и, что особенно важно, подробно изложены хозяйственные правила, которыми они должны были руководствоваться. В задачу люстрации входили: 1) приведение в известность земель, лесов, оброчных статей, хозяйственных (в частности фабричных) заведений и строений, принадлежащих имению, 2) распределение между экономией и государственными крестьянами земель и угодий, 3) оценка этих земель и угодий, 4) определение крестьянских повинностей, 5) исчисление дохода, поступающего от имения. Общее руководство люстрацией возлагалось на особое люстрационное отделение в составе II департамента Министерства государственных имуществ: оно отдавало распоряжение о производстве люстрации, разрешало возникающие вопросы, рассматривало составленные инвентари, представляло их на утверждение министра и, по мере их утверждения, распоряжалось о введении их в действие. На обсуждение люстрационного отделения поступали проекты хозяйственного устройства государственных имуществ и материалы ревизии государственных имений. Люстрационное отделение должно было составлять статистические описания западных имений. Непосредственное руководство люстрацией в каждой губернии лежало на губернском люстраторе,

---

[1] Наряду с указанными дополнениями, в законе 1839 года встречаются и другие, менее существенные, например, об организации капиталов: хозяйственного, строительного и ремонтно-инвентарного (ч. I, ст. 63), о выделении лесных участков по привилегиям бывшего польского правительства (ч. II, ст.ст. 516—517) и пр. Кроме того, местами были внесены редакционные исправления и, в связи с изданными новеллами, изменены некоторые нормы, например, о непосредственном заведывании со стороны Палаты продовольственными вопросами (ч. I, ст.ст. 217—229).

[2] ВПСЗ, XIV, 13036.

который действовал с помощью специального штата люстраторов, землемеров, делопроизводителя и писцов.

Каждое имение должно было заноситься на планы с точным указанием всех категорий земель (усадебные, тяглые, экономические или фольварковые и др.) и степени их плодородия (пашни хорошие, посредственные и худые, сенокосы нагорные, луговые и болотные и пр.). Статистическое описание, составлявшееся люстратором, должно было охватывать все стороны хозяйственной жизни: количество и качество земель, расстояние имения от городов, сплавных рек и больших дорог, число душ и дворов по фольваркам, промышленность, население и т. д.

Наиболее важным моментом люстрации было урегулирование хозяйственного положения крестьян, в частности, их взаимоотношений с временным владельцем. Исходя из сложившегося факта социального расслоения государственной деревни, люстраторы должны были разделить крестьян на 4 разряда: 1) тяглых, имевших не менее двух голов рабочего скота, 2) полутяглых, имевших рабочего скота менее этой нормы, 3) огородников (халупников), имевших только дома с огородами, 4) бобылей (кутников) — безземельных и бездомных крестьян. Такое деление улавливало основные земледельческие прослойки, но не считалось с наличием более сложной дифференциации на плуговых, почворных, потройных, паровых и т. п. хозяев. Такое намеренно обобщенное деление не было случайным: оно исходило из определенной социально-экономической задачи, которую должна была разрешить люстрация и которую закон формулировал следующим образом: «Иметь в виду, чтобы все крестьяне поступили в разряд тяглых, или, по крайней мере, полутяглых хозяев, уменьшая по возможности число таких, кои сельского хозяйства не имеют и принадлежат к классу бобылей» (ст. 89). Для разрешения поставленной задачи нужно было, с одной стороны, наделить безземельных крестьян полевым наделом, с другой стороны, обеспечить нуждающихся живым инвентарем. Именно эти меры и должны были провести люстраторы: отвести бобылям, в частности дворовым и фабричным людям, земельные угодья и снабдить их ссудою на покупку скота из сумм специального капитала, предназначенного для улучшения казенных имений. Закон требовал не только восстановления хозяйства обедневших и пролетаризованных слоев деревни, но и повышения общего уровня оседлых хозяев: люстраторы должны были, путем назначения ссуд, способствовать переводу крестьян из низших разрядов в высшие, из полутяглых в тяглые, из менее состоятельных в более обеспеченные. При этом «Положение о люстрации» учитывало распространенное стремление крестьян к разделам, диктуемое ростом товарно-денежных отношений, и шло навстречу этой прогрессивной тенденции к самостоятельному хозяйствованию: большесемейным хозяевам, имевшим в доме более 5 работоспособных мужчин, в том числе одного женатого, кроме самого хозяина, разрешалось

разделяться на 2 хозяйства и получить дополнительный земельный надел; если само крестьянское семейство не желало производить раздела, оно регистрировалось как два земледельческих хозяйства и наделялось двойною пропорцией земли.

Таким образом, люстрация сопровождалась массовым земельным переделом, который предполагал наличие достаточного земельного фонда. Законодатель считался с необходимостью такого условия и в обстановке констатированного малоземелья западных районов, стремился изыскать выходы из создавшегося положения. Прежде всего восстановление самостоятельного хозяйства было поставлено в зависимость от добровольного согласия самих безземельных крестьян; пожелавшим остаться в разряде бобылей и огородников оказывалось содействие к переходу в городское состояние. С другой стороны, при недостатке земельных угодий в том или другом имении люстраторы должны были отвращать такой недостаток «посредством уравнения, наделения и переселения крестьян» за счет соседних деревень и округов, оброчных статей, колонизуемых окраин и пр. [1]. Но и в других районах, по крайней мере западных губерний, ревизия установила растущее, местами острое малоземелье. Поэтому Киселев пошел на значительное снижение нормы земельного наделения в соответствии с своими первоначальными высказываниями по поводу записки Лоде [2]: взамен существующих формально юридических норм — 15 и 8 десятин — «Положение о люстрации» установило средний размер душевого наделения в количестве 3 десятин пашни и 1 десятины сенокоса [3], т.-е. всего по 4 десятины на каждую ревизскую душу. Правда, это номинальное снижение было обставлено несколькими оговорками: люстраторы должны были стараться сохранить за крестьянами землю, находившуюся в их действительном пользовании; если почва имения была неплодородною и применялась переложная система, можно было нарезать крестьянам добавочное количество земли на четвертую смену; сенокосные угодья, имевшиеся сверх нормы, можно было не отрезать от существующих наделов, особенно если сенокосы «вообще посредственной доброты» (примечание к ст. 105). Кроме того, в случае изобилия земель в имении, крестьянские усадьбы могли быть увеличены, «дабы обывателям предоставить более средств к разведению плодовых деревьев и огородных растений» (ст. 102).

В случае малоземелья был еще один выход из трудного положения. Как правило, фольварковое хозяйство временного владельца должно было получать половину того количества пахотной и сенокосной земли,

---

[1] Ср. ст. 96 с ВПСЗ, XIV, 13035, ч. I, ст.ст. 277—289.

[2] См. стр. 479—480.

[3] «На ревизскую душу мужеского пола назначается в каждую смену трехпольного хлебопашества по одной десятине пахотной и в одну смену по $^1/_2$ десятины сенокосной земли» (ст. 105). Так как сенокосные земли обычно делились на 2 смены, то в общем получалось 3 десятины пашни и 1 десятина сенокоса.

которое было отведено тяглым и полутяглым хозяйствам крестьян данного имения (в соответствии с пропорцией затраты рабочей силы барщинников на собственное и на панское поле, т.-е. 1 : 2). Но если фольварку не оставалось достаточно земли, имение переводилось на оброчное положение, при условии платежеспособности крестьянского общества. Однако подобная мера не могла не рассматриваться, с точки зрения Киселева, как ненормальное уклонение от общепринятого порядка, как нарушение временно сохраняющейся барщинной системы. Надо было учесть, что, несмотря на все избранные коррективы, государственного фонда могло нехватить для осуществления массового земельного передела. Киселев учел это важное обстоятельство и сделал отсюда тот самый практический вывод, который делало правительство в северных и центральных губерниях, начиная со второй половины XVIII века,— о необходимости облечь проектируемый передел в формы нивелирующей уравнительной разверстки. Казне было важно повысить платежеспособность государственной деревни, остановить процесс происходящего разорения и обнищания в западных районах; сравнительно с этой основной задачей насаждение зажиточных крестьянских хозяйств — результат повышения производительных сил и накопления мелких капиталов на одном из полюсов расслаивающейся деревни — считалось второочередной и менее важной задачей. Вот почему, оставаясь во власти феодального мировоззрения, питая иллюзии равномерного патриархально-спокойного развития крестьянских хозяйств, Киселев декретировал меру, которая на первый взгляд могла показаться неожиданной и мало обоснованною: единообразное наделение всех крестьянских тяглых семейств одним и тем же количеством пашни и сенокоса. Душевая норма в размере 4 десятин была установлена в качестве расчетной единицы для определения «общей пропорции тяглой земли, следующей в надел государственным крестьянам» данного имения. Только после вычисления этой общей суммарной цифры люстраторы должны были приступить к разделению наличных земель между тяглыми и полутяглыми семействами (ст. 106). В основу разверстки полагалось понятие «крестьянского хозяйства», за которое принималось хозяйство тяглового крестьянина; два полутяглых хозяйства приравнивались к одному тяглому. Принцип самой разверстки закон формулировал следующим образом: «По приведении в известность числа крестьянских хозяйств люстратор назначает каждому хозяйству из общей пропорции тяглой земли равное количество, не принимая и при сем в расчет числа ревизских душ, в каждом крестьянском хозяйстве находящихся. Земля, предоставленная на сем основании крестьянскому хозяйству, составленному из двух полутяглых семейств, разделяется между ними пополам» (ст. 100). Закон не договаривал того, что было важно с точки зрения сложившихся деревенских отношений: люстраторы отводили крестьянским семействам по равному количеству деся-

тин, не считаясь также с количеством живого инвентаря, т.-е. со степенью обеспеченности отдельных хозяев. И плуговые, и почворные, и потройные хозяева получали столько же, сколько получали паровые; все эти разнообразные прослойки деревенского населения растворялись в общей массе тяглых барщинников. Государство игнорировало в процессе регулирования экономических отношений дифференциацию крестьянства на зажиточные и середняцкие элементы, поэтому оно вовсе не упомянуло о них в тексте разбираемого законодательного акта. Такая система посемейного распределения наделов была более грубою и суммарною, чем существующая: здесь не принималось во внимание ни количества едоков, ни резервов рабочей силы, ни материальных рессурсов мелких производителей, хотя система налогового обложения продолжала строиться на душевом исчислении и, как правило, на репартиционном учете «животов и промыслов». Способ, принятый законом 28 декабря 1839 года, был предпочтен законодателем в силу определенных мотивов: таким путем не только устранялась необходимость сложного учета хозяйственных особенностей отдельных семей, но и создавались экономические преимущества для малосемейных и менее обеспеченных домохозяев. Государство принудительно отрезало все излишки земли, дававшиеся владельцам избыточной рабочей силы и рабочего скота, пополняло этими отрезками земельный фонд данного имения и за счет увеличенного земельного запаса повышало хозяйственный уровень малоимущего и середняцкого крестьянства. Такая нивелировка шла в разрез с новыми капиталистическими тенденциями, замедляла развитие товарно-денежных отношений в государственной деревне, но имела определенное объективное социально-экономическое значение: ценою временного земельного поравнения она должна остановить наблюдающуюся пауперизацию литовского, белорусского и украинского крестьянства. Подобная мера соответствовала социальной и, в частности, аграрной политике Николая I в районах развитого польского землевладения. С точки зрения правительства укрепление крестьянского хозяйства было важно не только в финансовых, но и в политических целях, поскольку оно создавало общественный противовес польскому национальному движению.

Той же цели восстановления и укрепления крестьянского хозяйства служили все остальные правила отвода наделов. Если с точки зрения люстраторов оказывалось необходимым перераспределить наличные участки, крестьянам нарезались земли с лучшею почвою и в ближайшем соседстве с селением; дальше и хуже по качеству отводились земли под фольварочные угодья. Каждый семейный участок должен был «представлять удобства к хлебопашеству и сенокошению и свободное сообщение с селением и водопоем» (ст. 134). При наделении каждого тяглого хозяйства люстраторы должны были стараться избегать чересполосицы. Пахотные и сенокосные пан в каждой смене нумеровались,

снимались на планы и закреплялись за крестьянскими семействами с записью в особые реестры; без согласия крестьян, без уважительных причин и без особого разрешения начальства никакая перемена крестьянских наделов не допускалась. Для удовлетворения в строительном и отопительном материале к каждому имению приписывались лесные угодья из расчета 1 десятина леса на ревизскую душу при оброчной системе и по 2 десятины — при «хозяйственном положении». Из этого лесного запаса владелец должен был за попенные деньги выдавать крестьянам дрова и строевой лес.

Из земель, оставшихся от наделения крестьян и фольварка, должны были нарезаться участки 1) под общественную запашку для снабжения продовольственных магазинов (по 3 десятины на каждые 100 десятин крестьянских наделов), 2) под пастбища (из расчета по ½ десятины на каждое крестьянское хозяйство), 3) под корчмы и мельницы. Все остальные земли объявлялись запасными и предназначались для наделения бобылей, для сдачи в аренду свободным обывателям, поселившимся в имении, для прирезок крестьянам, переходящим в высшие разряды, для переселенцев из малоземельных губерний и пр.

Такие же единообразные и строго установленные правила были положены в основу назначения крестьянских повинностей. Прежде чем определять размеры поземельного оброка и барщинных работ, люстраторы должны были произвести оценку дохода, получаемого с крестьянских угодий. С этой целью вычислялись 1) средний урожай озимого хлеба за последние 12 лет и 2) средние цены на тот же озимый хлеб за те же 12 лет. Источниками для получения нужных сведений служили экономические реестры и показания крестьян-старожилов. Из 12 лет отбрасывалось по 2 года — год наивысшего и наименьшего урожая, наивысших и наименьших цен; исходя из суммирования остальных 10 лет, люстратор определял средний годовой урожай и среднюю годовую цену хлеба; из произведения обеих сумм вычиталось количество, нужное для обсеменения полей, и разность рассматривалась как годовой доход от тяглой пахотной земли под озимыми посевами. При вычислении среднего урожая принималось во внимание различное качество почвы, т.-е. для каждой из намеченных категорий земель 1-й, 2-й, 3-й степени плодородия урожай определялся вполне самостоятельно. Доход от ярового поля приравнивался к доходу с озимого или, если яровые посевы давали меньшие урожаи, принимался на одну четверть или на одну треть менее. Такой же способ применяли люстраторы и при определении дохода с сенокосов. Доход от общественной запашки приравнивался к доходу от тяглых земель, доход от пастбищ — к доходу от посредственных сенокосов, доход от крестьянских усадеб (следовательно, от садов, огородов и конопляников) — к доходу от лучших пахотных земель данного имения. Что касается запасных земель, то в основу их оценки брались местные арендные цены, варьировавшиеся в зави-

симости от степени плодородия угодий. Доход от усадебных, тяглых и общественных земель делился на три равные части; две трети этой суммы считались уступленными крестьянам «в вознаграждение за расходы и работы, употребляемые на устройство и обрабатывание сих земель», а одна треть вместе с поступлениями от запасных земель составляла доход казны, если имение было на оброчном положении, или доход временного владельца, если в имении сохранялись барщинные повинности. Другими словами, сумма годового оброка, которую должны были уплачивать крестьяне, слагалась из одной трети дохода от усадебных, тяглых и общественных земель (под последними разумелись общественные запашки и пастбища) и из всего оценочного дохода с запасных земель. Та же сумма составляла денежную форму оценки натуральных, т.-е. барщинных повинностей в имениях, состоявших на хозяйственном положении.

Однако денежная оценка барщины еще не определяла реальной высоты отработочной ренты: эта условная цифра служила только масштабом для перевода натуральных повинностей в денежную форму и для денежной оценки рабочего дня каждого отдельного барщинника. Для того, чтобы определить реальные размеры барщины в люстрируемом имении, нужно было произвести новое сложное исчисление. Отработочная рента или «хозяйственные работы», как называло ее «Положение о люстрации», составлялась из «тяглых» и «общих» работ: первые выполнялись только крестьянами, имевшими в своем пользовании тяглые земли, вторые отбывались всеми крестьянами имения без исключения. Тяглые работы предназначались преимущественно для хлебопашества и сенокошения и, согласно традиции, делились на «пригоны» (панщину) и «сгоны» (гвалты, т.-е. чрезвычайные мобилизации всех тяглых и полутяглых работников для ускорения распашки полей, уборки хлеба и сена). При определении размера пригонов люстраторы должны были прежде всего определить, какое количество рабочих дней в году необходимо для запашки полей, посева, уборки и молотьбы хлеба, косьбы и уборки сена на тяглых крестьянских землях. Половина этой суммы, т.-е. одна треть годовой затраты крестьянской рабочей силы (в соответствии с одной третью выделенной фольварочной земли и одной третью оценочного дохода с земель) составляла количество дней, которое в форме пригонов должно было отработать каждое тяглое крестьянское хозяйство. Сгонных дней полагалось ежегодно 12 с каждого крестьянского двора, причем тяглые дворы отбывали 6 тяглых дней с рабочим скотом и 6 полутяглых без рабочего скота; полутяглые дворы все 12 дней отдавали в виде личной работы без рабочего скота. В дополнение к этому основному расчету люстратор составлял урочное положение, т.-е. определял «количество работы, которое должен отправить в один рабочий день работник» (ст. 188); люстратор руководился при этом учетом средней силы работника и вре-

мени года, так «чтобы работник или работница, с надлежащим отдохновением и без истощения сил могли выполнять ежедневные уроки за следующие от них рабочие дни» (ст. 189). Кроме того, люстратор точно устанавливал, какие дни в неделе и в каком количестве падают на каждый крестьянский двор, «наблюдая, с одной стороны, чтобы экономия имела соразмерную часть работников по времени года, а с другой стороны, чтобы несколько дней в каждой неделе предоставлено было и в пользу крестьян, дабы собственные их работы не приостановились» (ст. 195). Рабочий день должен был продолжаться с восхода до захода солнца. Если по окончании сельскохозяйственных работ оставались неиспользованные пригонные дни, владелец имел право, зачитывая день за день, без назначения уроков, занять крестьян работою на винокурнях, пивоварнях, при молотильных машинах, на дневных караулах, на возке дров и фольварочных продуктов.

Общие хозяйственные работы, выполнявшиеся всеми крестьянами имения, слагались 1) из строительных (шарварков), 2) из обработки общественной запашки и 3) из ночного караула. Строительные работы заключались в сооружении и ремонте экономических строений, оград, дорог, мостов, плотин, переправ и пр. и могли занимать до 6 дней в году с каждого крестьянского двора. Такое же количество дней предназначалось для работ на общественной пашне. Тяглые хозяйства должны были высылать работников с рабочим скотом, все остальные — без скота. Ночные караулы назначались для охраны фольварковых строений и заведений, сельского запасного магазина, хлеба, сложенного в поле, на гумне и току; они отбывались крестьянами по очереди, соответственно выяснившимся потребностям и количеству народонаселения, «чтобы излишним назначением сей повинности не изнурялись крестьяне» (ст. 216).

Регламентация и оценка феодальных повинностей дополнялась серией правил, которые должны были выполнять временные владельцы. Запрещалось переносить рабочие дни на другую неделю; в случае непогоды или вынужденного простоя, пропущенный день зачитывался как рабочий; если назначенный день приходился в праздник или пропускался по болезни, он отрабатывался крестьянином в ближайший день, свободный от барщины; если крестьянин болел более одного дня в неделю, его уроки выполняло общество, которое раскладывало эту обязанность равномерно между всеми своими членами. При перевозке продуктов разрешалось отправлять крестьян не далее 60 верст и не чаще двух раз в году, накладывая на воз не более 20—25 пудов; проезд каждых 15 верст зачитывался за один рабочий день, причем экономия не имела права снаряжать транспорты во время полевых работ и распутицы. Запрещалось использовать шарварочные дни для других работ, так же как употреблять ночных сторожей для каких-либо других целей. Если все-таки оставались неиспользованные рабочие дни, владелец имел пра-

во, с разрешения Губернской палаты, перевести часть крестьян на оброк или взыскать с крестьян за недоданную ренту по установленной оценке. Чтобы оценить каждый рабочий день, требовалось исходить из общей суммы оброка, назначенного с тяглых хозяйств данного имения и из общей суммы рабочих дней, определенной люстратором со всех тяглых хозяйств, причем тяглый день приравнивался к 1½—2 полутяглым [1]. Бобыли платили только личный оброк в соответствии со своими заработками.

Единообразное и точное определение наделов и повинностей, так же как подробное нормирование способов нарезки земель и порядка отбывания хозяйственных работ преследовали определенную и совершенно ясную цель: покончить с произволом содержателей имений, ликвидировать отобрание грунтов и хищническую эксплоатацию рабочей силы, т.-е. вывести западную деревню из состояния прогрессирующего экономического упадка. Однако в этих усилиях поставить крестьян под охрану непререкаемого и строгого закона составители Положения исходили из сложившихся традиционных отношений и клали в основу исчисления барщины достаточно высокие нормы. Если сложить пригонные и сгонные дни, шарварки, общественную запашку и ночные караулы, то они поглотят не менее половины рабочего времени, которое находилось в распоряжении государственного крестьянина. Это была традиционная великорусская трехдневная барщина, которая приближала государственных крестьян Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины к положению крепостных крестьян помещичьей деревни.

Еще тяжелее оказывалось положение крестьян лесных и фабричных имений, т.-е. имений, занятых преимущественно лесными промыслами и фабрично-заводской промышленностью. Если такие крестьяне не занимались земледелием, следовательно, не получали тяглых земель или получали их в меньшем количестве, то им оставлялось только то количество дней, которое оказывалось необходимым для обработки их огородов и уменьшенных тяглых участков; все остальное время они должны были работать на временного владельца. С другой стороны, несомненным шагом вперед была отмена данин — многообразных и разнородных приношений, которые тяжелой обузой ложились на крестьянские плечи.

Люстрация заканчивалась вычислением дохода от имения на основании учета всех источников и составлением подробного инвентаря. Наряду с «общим статистическим описанием имения в топографическом, коммерческом и нравственном отношениях», данными об экономических землях, строениях, движимом имуществе и пр. здесь помещались разносторонние сведения о государственных крестьянах: списки семейств

[1] Например, 20 дворов 3 деревень, приписанных к одному фольварку, должны были внести оброка за тяглые земли 232 рубля в год или отбыть 1326 тяглых и 1326 полутяглых рабочих дней. Оперируя этими цифрами, люстратор получает оценку тяглого дня в 10½ копеек и полутяглого — в 7 копеек.

всех категорий с указанием количества скота, земельных наделов, хозяйственных повинностей и т. д.

Сопоставляя «Положение о люстрации» 28 декабря 1839 года с Правилами 22 февраля 1836 года об использовании конфискованных польских имений [1], мы убеждаемся, что новый закон, подготовленный V Отделением, развивал принципы, принятые по предложению Киселева Секретным комитетом 1835 года. И там и здесь в основу взаимоотношений содержателей имений и государственных крестьян были положены предварительная люстрация имения, инвентарное определение крестьянских наделов и повинностей, наделение землею дворовых и безземельных, образование сельского управления и суда с участием крестьянских выборных; и там и здесь владельцам запрещалось отнимать у крестьян отведенные наделы, а в случае дурного управления имение отбиралось от владельца и обращалось «в казенный присмотр». Но закон 28 декабря 1839 года, рассчитанный преимущественно на польских помещиков — не только на ленных владельцев, но и на временных арендаторов — шел гораздо смелее и дальше, чем Правила 1836 года, предназначенные насаждать русское землевладение в мятежных инонациональных районах. В отличие от необнародованного акта 22 февраля 1836 года законы 28 декабря 1839 года вводили государственную регламентацию наделов и повинностей, лишали владельцев права вотчинной полиции и суда и передавали проведение люстрации в руки правительственных органов. Единственным преимуществом, которое имели крестьяне по Правилам 1836 года, было их право свободного выбора между работою и чиншем — барщиною и оброком. В общем, законы 1839 года были дальнейшим движением вперед в осуществлении принципа «мерной работы», провозглашенного секретным Комитетом 1835 года и отвечавшего взглядам самого Киселева.

Таким образом, реформа управления государственными крестьянами в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине не ограничивалась образованием новых административных учреждений, а сопровождалась важными хозяйственными преобразованиями. Оставляя в силе систему отработочной ренты, Киселев устанавливал для нее единообразные строго ограниченные и детально регламентированные рамки; перед люстрационными органами ставилась задача планомерного восстановления расстроенного крестьянского хозяйства; предрешалась ликвидация наиболее хищнического способа эксплоатации государственных имуществ в форме сдачи имений в аренду с торгов, отменялась продуктовая рента, создавались предпосылки для постепенного перевода барщинных имений на оброчное положение. В соединении с административной реформой — учреждением правительственных органов, непосредственно руководящих жизнью деревни и ограничивающих прежнее всевластие поссессоров — «Положение о люстрации» должно было нанести силь-

[1] См. гл. III, стр. 290—292.

нейший удар прежнему порядку, окончательно скомпрометированному ревизией 1836—1840 годов. В реформе 28 декабря 1839 года было больше элементов нового, творческого порядка, чем в законах 1838 года. Хотя законодатель и здесь широко использовал действующее право, в частности Устав об управлении арендными имениями (том VIII Свода законов) и необнародованную Инструкцию о люстрации 1837 года, но он значительно дополнил и переработал эти правовые источники: все основные постановления, в частности регулирование вопросов о земле и повинностях, были введены заново и заложили основы для принципиально новой политики в отношении западных губерний. Это был исходный пункт для развертывания более прогрессивных мероприятий министерства Киселева, впоследствии завершившихся ликвидацией барщинного режима.

Иной характер получила реформа управления государственными крестьянами в Остзейском крае — губерниях Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. Если в основу закона об имениях Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины легло великорусское Учреждение 1838 года, то непосредственным источником прибалтийского преобразования был законодательный текст 28 декабря 1839 года, но с внесением в него важных принципиальных коррективов. Если мы сопоставим «Учреждение об управлении государственными имуществами в губерниях Курляндской, Лифляндской и Эстляндской», утвержденное 12 июня 1841 года[1], с предшествующими нормами 1839 года, то увидим в нем ряд характерных особенностей. Так же, как в отношении Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины, Киселев исходил здесь из определенного социально-экономического плана: предполагалось, что в государственных имениях Прибалтики будут проведены межевание, регулирование, таксация и составление «аншлагов» (исчислений доходов), т. е. мероприятия, воспроизводящие последовательные этапы литовско-белорусско-украинской люстрации; что по мере окончания этих операций, сдача имений в аренду с торгов будет прекращена и заменится системами администрации и казенного управления; что имения, состоящие на хозяйственном положении, будут постепенно переводиться на оброк; что на территории Остзейского края будут немедленно образованы новые административные органы, которые распространят на государственных крестьян попечительную политику нового министерства. Однако в отличие от люстрации, немедленно начатой местными учреждениями западных губерний, сроков начала остзейского регулирования не было установлено, специального закона о правилах и порядке этого мероприятия не было издано; не было введено и специальных органов для организации описаний и оценок. «Учреждение» 12 июня 1841 года говорило о регулировании, таксации и составлении аншлагов кратко и глухо, очевидно, предоставляя подробное и точное

[1] ВПСЗ, XVI, 14643

нормирование всех этих сложных начинаний более или менее отдаленному будущему. Это основное отличие нового закона влекло за собою определенные последствия: поземельные права и феодальные повинности прибалтийских крестьян не подверглись никаким изменениям; правительство не дополнило административной реформы никакими хозяйственными преобразованиями, не сделало в остзейской государственной деревне никаких нововведений, не стеснило и не ограничило существующих прав временных владельцев.

В тесной связи с этой особенностью закона 12 июня 1841 года находилась другая, сильно отличавшая его от «Учреждения 1839 года». На территории Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины создавалась трехъярусная система местного управления, воспроизводившая все великорусские органы, за исключением посредствующей волостной инстанции; закон не давал специального изложения сельского управления, но он предполагал его существование и неоднократно упоминал об его органах. На территории Остзейского края вводилось только две правительственные инстанции — Губернские палаты и окружные начальники; сельское управление оставалось прежним. Это были «мирские общества» с сельскими сходами, старостами и мирскими судами, действовавшие под руководством вотчинной власти временного владельца. Закон 1841 года не ликвидировал полномочий мызного управления и мызной полиции; арендатор сохранял значительную долю своих административных прав по отношению к государственным крестьянам. Отсюда вытекала третья особенность нового «Учреждения»: в противоположность закону 1839 года, оно формально и точно разграничивало функции мызного управления и обязанности правительственных органов. Анализируя соответствующие нормы, мы убеждаемся, насколько широки и самостоятельны оказались вотчинные права временного владельца в Прибалтике. На основании 40-й статьи I части «Учреждения», «приведение в действие владельческих прав и обязанностей в казенных имениях предоставляется Палатою временным их владельцам на том же основании, как сие производится в помещичьих имениях». Согласно 221-й статьи того же закона, «Палата, представляя лицо поземельного владельца, передает права и обязанности свои содержателям казенных имений в пространстве, положением о крестьянах определенном». За Палатою сохранялось право наблюдения и контроля, за содержателем имения — владельческие права и обязанности, в частности, попечительство над крестьянами, которое на остальной территории Европейской России осуществлялось непосредственно коронной администрацией. Палата должна была наблюдать, «чтобы содержатели или временные владельцы казенных имений с точностью исполняли возложенные на них обязанности относительно попечительства над крестьянами и обходились с ними кротко и снисходительно» (ч. I, ст. 222), чтобы они «не выходили, вообще из пределов предоставленных им

прав и наказательной власти, предоставленной им как мызной полиции» (ч. I, ст. 223). Если владелец не выполнял своих попечительных функций, Палата ставила ему это на вид, а если он не исправлялся, просила «надлежащее присутственное по крестьянским делам место» рассмотреть его поступки и подвергнуть его взысканию. Если на владельца поступало три основательных жалобы о «злоупотреблении наказательной власти», Палата имела право лишить его на одногодичный срок вотчинных полномочий и за его счет поручить обязанности попечительства и мызной полиции другому благонадежному лицу. Если и после возвращения власти владелец допускал прежние злоупотребления, то он навсегда лишался своих вотчинных прав по отношению к крестьянам.

В соответствии с этой принципиальной установкою коренным образом менялась компетенция Губернской палаты и окружного начальника. В противоположность системе, введенной в великорусских, литовских, белорусских и украинских губерниях, местные органы Министерства государственных имуществ не могли вмешиваться в разрешение ряда вопросов, подлежавших исключительной компетенции владельца; в ряде других вопросов они оказывали владельцу свое содействие, но не лишали его права самостоятельно выносить свои решения; в большинстве случаев Палата и окружный начальник выступали в качестве органов верховного надзора, наблюдавших за деятельностью мызных управлений с точки зрения ее законности и целесообразности. Тем не менее, мызные управления рассматривались как административные инстанции, непосредственно подчиненные окружному начальнику, получающие от него предписания, делающие ему донесения и представления (ч. II, ст.ст. 79—80). За Палатою и окружным начальником сохранялось право непосредственного вмешательства и распоряжения в наиболее важных делах, затрагивавших интересы государства (в первую очередь финансовых и военных),— такая компромиссная правовая конструкция отличала казенные имения от частновладельческих вотчин. Несмотря на свои широкие полномочия, временные владельцы не могли чувствовать себя полными хозяевами в арендуемой деревне: они постоянно ощущали над собой бдительное око бюрократических органов, наделенных высшими дискреционными правами по отношению к содержателям имений.

«Учреждение 1841 года» относило к самостоятельной компетенции мызных управлений следующие функции: 1) согласие на созыв мирских сходов и утверждение их приговоров, 2) утверждение и отрешение председателей, членов и старшин мирского выборного суда, 3) выражение своего согласия на причисление и исключение членов мирского общества, 4) ревизия наличности и счетов мирской кассы, 5) надзор за мирской полицией и содействие исполнению ее обязанностей, 6) утверждение раскладки податей, 7) надзор за управлением и счетоводством запасных продовольственных магазинов, 8) предписание мирскому об-

ществу брать на свое содержание неработоспособных членов, 9) выдачу паспортов крестьянам. Другими словами, временные владельцы сосредоточивали в своих руках всю полноту полицейской вотчинной власти, руководили конституированием и деятельностью мирского общества, контролировали его финансы и постановку им продовольственного дела, регулировали раскладку податей и увольнение крестьян на заработки, обеспечивали общественное призрение стариков и инвалидов. Временный владелец выступал, так же как и помещик, в роли вотчинного начальника, организатора сельской жизни, опекуна и воспитателя крестьянской массы.

Окружный начальник в качестве верховного попечителя деревенского населения, оказывал свое содействие мызному управлению, главным образом, в сфере врачебного благоустройства, в борьбе с эпидемиями и эпизоотиями, в деле обеспечения народного продовольствия, в предупреждении и ликвидации деревенских пожаров и в других вопросах попечительной политики. К непосредственному и ближайшему ведомству окружного начальника принадлежали дела по взысканию государственных податей, по отбыванию крестьянами рекрутской и других повинностей, по охранению православной веры и доброй нравственности, в частности, по сооружению церквей и организации училищ. Окружный начальник составлял статистические описания имений, производил новое исчисление доходов, вырабатывал планы наилучшего использования имений. Он следил за охраной неприкосновенности казенных имуществ, производил их ревизию, принимал имения от старых содержателей и сдавал их новым. Во всех вопросах деревенской жизни окружный начальник выступал в качестве наблюдающего и корректирующего органа: с одной стороны, он проверял действия мирских обществ, делал им напоминания, требовал от них исправного выполнения обязанностей, отдавал им начальственные распоряжения; с другой стороны, он контролировал деятельность мызных управлений, следил за соразмерностью крестьянских участков и повинностей, защищал крестьян от притеснений и противозаконных сборов, наблюдал за тем, «чтобы содержатели обращались с крестьянами кротко и не требовали от них неустановленных повинностей» (ч. II, ст. 257). Соответствующим образом определялась и компетенция Губернских палат, которым окружные начальники делали донесения и представления и которые разрешали возникшие вопросы или докладывали о них Министерству государственных имуществ.

Все эти особенности прибалтийского «Учреждения», несомненно, вытекали из общей политики царского правительства по отношению к Остзейскому краю и к социальным привилегиям его землевладельцев. В противоположность белорусским, литовским и украинским землям, которые служили ареной польского национального движения и репрессивных мер Николая I, прибалтийские области пользовались покровительством центрального правительства; остзейские бароны и их бли-

жайшая клиентура, из которых выходили арендаторы, администраторы и управители государственных имений, обладали обширными связями и оказывали сильное давление на центральный правительственный аппарат. Отсюда — различные конструкции владельческой власти, которые мы находим в «Учреждениях» 1839 и 1841 годов.

Особенности нового закона сказывались также в структуре местных правительственных органов. Количество государственных крестьян Лифляндии, Курляндии и особенно Эстляндии было невелико. Крупное место в хозяйстве государственных имений занимала эксплоатация лесных угодий. Отсюда вытекали организационные отличия прибалтийского «Учреждения»: в Курляндской губернии особой Палаты не создавалось, ее функции под наблюдением губернатора должно было выполнять окружное управление. Во всех трех губерниях учреждались хозяйственные и обособленные от них лесные округа; во главе первых ставились окружные начальники, во главе вторых окружные лесничие, непосредственно подчиненные в Лифляндской и Курляндской губерниях Палатам, в Эстляндской — центральному ведомству государственных имуществ [1].

Четвертый тип взаимоотношений между государственными крестьянами и местными органами нового министерства отразило в себе «Учреждение об управлении государственными имуществами в Закавказском крае» 5 января 1841 года [2].

В соответствии с только что проведенной реформой общего управления Закавказьем, структура и компетенция органов, предназначенных управлять государственной деревней, подверглись очень значительному сокращению. Из 4 инстанций, образованных в великороссийских губерниях, закавказские области — Грузия, Армения, Азербайджан — получили только первую: Палаты государственных имуществ, одну для Грузино-Имеретинской губернии, другую для Каспийской области. Взамен окружных начальников, наделенных широкими и властными полномочиями, была образована скромная должность уездного попечителя, занявшего второстепенное место рядом с уездным начальником, введенным закавказской реформой 1840 г. Сельское управление осталось в том виде, в каком оно существовало раньше. Ведомство Губернских палат было сильно урезано, так как важнейшие дела, входившие в программу попечительной политики, отошли к непосредственному ведению главноуправляющего и Совета главного управления Закавказьем. Еще сильнее была ограничена компетенция уездного попечителя сравнительно с его прообразом — окружным начальником.

---

[1] В «Учреждении» 12 июня 1841 года встречаются и другие более мелкие особенности, связанные с условиями прибалтийского хозяйства: в компетенцию местных органов входило наблюдение за видмами (имениями, дававшимися за службу), пастбищными и сенокосными сервитутами, за разработкой торфа и пр.

[2] ВПСЗ. XVI. 14157.

Главноуправляющий Закавказским краем получил широкие полномочия по отношению к местным органам Министерства государственных имуществ. Если мы сопоставим права, предоставленные начальникам губерний законом 30 апреля 1838 года, и права, присвоенные главноуправляющему «Учреждением» 5 января 1841 года, то сразу увидим глубокое отличие обоих типов управления. Главноуправляющий Закавказьем не только наблюдал за деятельностью обеих Палат: он давал согласие на назначение, увольнение, отрешение от должности, предание суду всех членов Палаты без исключения; он мог, снесясь с министром государственных имуществ, изменить состав отделений Палат; он рассматривал проект нового сельского управления, составлявшийся Палатами «по указанию опыта» и «сообразный с местностью и обычаями народными» (ст. 29); от его усмотрения зависело начертание правил кадастра государственных имуществ; он давал свои заключения по поводу проекта ведения лесного хозяйства; его разрешение требовалось для принятия мер по ведению казенного хозяйства. В свою очередь, Совету главного управления присваивались права утверждать сдачу с торгов оброчных статей и рассматривать годовые отчеты Губернских палат, снабжая их своими замечаниями. Кроме того, компетенция Палат ограничивалась в вопросах народного продовольствия и сбора земских повинностей: вплоть до введения нового закона о продовольствии, постановления о пособиях нуждающимся крестьянам выносились губернским и областным начальством, а все распоряжения о земских повинностях, на основании закона 10 апреля 1840 года, сосредоточивались в особых губернских комитетах с участием управляющих Палатами.

Отличия закавказского управления государственными крестьянами были особенно заметными в области уездной администрации. Все основные функции, возложенные законом 30 апреля 1838 года на окружного начальника, были сосредоточены в Закавказьи в руках уездных начальников, ведавших вопросами уездного управления и непосредственно подчиненных начальникам Грузино-Имеретинской губернии и Каспийской области. «Власть уездного начальника,— говорила 61-я статья закона,— объемлет весь круг действий по управлению свободными поселянами и в сем отношении как полицейская, так и распорядительная и хозяйственная части по сему управлению соединяются в лице уездного начальника». Таким образом, в отличие от Европейской России, Закавказье сохранило внутреннее единство своей администрации: руководство жизнью государственной деревни было органически введено в общую систему уездного управления. Но для того, чтобы согласовать действия уездных начальников с обязанностями Палаты государственных имуществ, законодателем было внесено два корректива: с одной стороны, уездные начальники, оставаясь подчиненными агентами общегубернской администрации, должны были

исполнять распоряжения Палаты по предметам распорядительным и хозяйственным, входившим в ее компетенцию, и в этих границах были обязаны ей отчетностью; с другой стороны, заведывание казенным имуществом — землями, угодьями, оброчными статьями, посевами, шелковыми плантациями и пр.— было возложено на уездных попечителей, непосредственно подчиненных Палате государственных имуществ. К компетенции уездных попечителей были также отнесены некоторые, менее важные вопросы попечительной программы: независимо от уездных начальников они учреждали крестьянские приходские училища и наблюдали за преподаванием, ходатайствовали в уездных судах о захваченных податных (крестьянских) землях и угодьях, наблюдали за правильным ведением счетоводства сельскими управлениями, охраняли крестьян от притеснений со стороны беков, агаларов и других владельцев казенных имений. Очень неопределенно и глухо были формулированы обязанности уездного попечителя в сфере финансового обложения: ему поручалось «приведение в известность натуральных и денежных повинностей государственных поселян» (ст. 71д), т.-е., повидимому, самостоятельный контроль за законностью взыскания крестьянских платежей и повинностей. Совместно с уездным начальником и уездным прокурором попечитель рассматривал крестьянские жалобы на неправильную раскладку податей и других сборов. Вместе с уездным начальником он проверял приговоры сельских обществ по общественному сбору и составлял его уездную смету. Попечитель мог требовать от уездного начальника совместного разбора условий, заключенных крестьянами с владельцами земель, чтобы защитить их от имевшихся притеснений. Такими скромными функциями ограничивалась деятельность уездного агента нового министерства. Не только в содержании, но и в тоне закона 5 января 1841 года было заметно намерение законодателя отодвинуть этого представителя попечительной власти на второстепенное место, связать его не только тесными рамками суженной компетенции, но и зависимым положением в системе местной администрации. Если закон 30 апреля 1838 года делал знак ударения на невмешательстве земской полиции в сферу министерского управления, то закавказское «Учреждение» переносило центр тяжести в диаметрально противоположном направлении. Перечислив ограниченные функции уездного попечителя, закон наставительно прибавлял к сведению и руководству этого будущего проводника киселевского курса: «За сим попечитель ни в какие распоряжения уездного начальника не вмешивается, а в случае каких-либо со стороны поселян жалоб, немедленно доводит о том до сведения Палаты» (ст. 72). Что касается Палаты, то она не имела права собственною властью привлекать к ответственности уездных начальников; единственное, что она могла сделать, это — уведомить органы губернской и областной администрации о плохом исполнении своих обязанностей

уездными начальниками (ст. 98). Вся правовая конструкция, воплощенная в законе 5 января 1841 года, вскрывает перед нами внутреннюю борьбу ведомственных течений; победителем из этой борьбы вышел главноуправляющий Закавказским краем, ссылавшийся на принципы административной реформы Гана и не допустивший создать на территории государственной деревни замкнутый мир независимого властвования. Тем самым были заложены основания для будущих коллизий и споров между могущественным главою Закавказского управления и влиятельным представителем новопринятого попечительного курса.

Так, в зависимости от различных социально-экономических условий, от сложившихся форм местного управления и правительственной политики в отдельных областях варьировало законодательное осуществление хозяйственной и административной программы Киселева.

Сопоставляя содержание актов, перестраивавших местное управление государственными крестьянами, мы можем установить три основные типа феодальных отношений, закрепленных законодательством 1838—1841 годов: наиболее смягченной формою феодальной зависимости было оброчное положение в великорусских губерниях, приближавшее государственных крестьян к состоянию свободных мелких производителей, самостоятельно ведущих собственное хозяйство; наиболее суровыми были феодальные отношения, санкционированные на территории Эстляндии, Лифляндии и Курляндии: здесь сохранились вотчинная власть владельца и регулируемые обычным правом разнообразные и часто произвольные формы барщинной эксплоатации; промежуточное положение заняли государственные крестьяне Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины, которые формально были изъяты из-под вотчинной власти арендатора, подчинены руководству правительственных органов и поставлены под охрану единообразно и строго регламентированного барщинно-оброчного положения.

После издания законов 1838—1841 годов на территории Российской империи установилась известная градация феодально-зависимых отношений: на нижних ступенях феодальной лестницы стояли помещичьи крепостные крестьяне, ниже — барщинные, выше — оброчные; над ними, образуя промежуточную прослойку, находились крестьяне удельных имений; выше — государственные крестьяне прибалтийских районов, еще выше — крестьяне литовских, белорусских и украинских казенных имений и, наконец, выше всех, наиболее близко к сословию свободных хлебопашцев, находились государственные крестьяне великорусских губерний, обложенные оброком. Закон 5 января 1841 года не изменял социально-экономических условий жизни закавказской деревни, но поскольку он опирался на Положение 10 апреля 1840 года, постольку он приближал государственных крестьян, зависимых от владельцев, к деревенскому населению литовско-белорусско-украинских

территорий. Создавалась сомкнутая цепь феодально-зависимых прослоек, над которой поднималась регулирующая власть дворянского государства, стремившаяся еще теснее сомкнуть отдельные звенья и тем самым создать предпосылки для слияния низших крестьянских прослоек с высшими. Административная реформа государственной деревни была проведена, оставалось осуществить вторую, более трудную часть программы Секретного комитета 1835 года — преобразовать расшатавшиеся феодальные отношения в помещичьем имении.

6. Попытка инвентаризации помещичьих имений

Прежде чем были обсуждены и приняты все законопроекты, перестраивавшие управление государственными крестьянами, Киселев приступил к осуществлению второй части задуманной двуединой реформы — к насаждению принципа «мерной работы» на территории частновладельческих имений. Основные акты, нормировавшие оброчное и хозяйственное положение в государственных имениях, уже были продуманы и обсуждены в недрах V Отделения и в специальных комитетах; закон об управлении оброчными крестьянами уже получил силу действующего закона; законопроект об управлении барщинными имениями Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины был близок к своему утверждению. Можно было воспользоваться этим накопленным материалом и, исходя отсюда, силою государственной власти, в соответствии с программой Комитета 1835 года, урегулировать взаимные отношения между помещиками и крепостными крестьянами. В начале ноября 1839 года был образован новый Секретный комитет, на который и пала обязанность разрешить очередную социально-политическую задачу.

О деятельности Секретного комитета 1839 года писали Заблоцкий-Десятовский и Семевский, но ни тот ни другой не заметили его преемственной связи с предшествующим Комитетом 1835 года и с реформою управления государственными крестьянами [1]. Достаточно сопоставить сохранившееся делопроизводство Комитета 1839 года [2] с разобранными фрагментами документов 1835—1836 годов, чтобы раскрыть внутреннее единство этих последовательных этапов одного и того же правительственного курса. В состав Комитета 1839 года входили частью старые члены — Васильчиков, Киселев, Блудов, частью новые, только что привлеченные. К этому моменту Сперанского уже не было в живых, а Канкрин, скомпрометированный своей тактикой саботажа, был устранен от участия в разрешении крестьянского вопроса. Взамен Дашкова министром юстиции был Панин, взамен Блудова управляющим Министерства внутренних дел был граф Строганов; ex officio они заняли в

[1] Заблоцкий-Десятовский, т. II, гл. XXXIX; В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в., т. II, гл. II.

[2] ЦАВП, ф. ГС, Секретный и Главный Комитеты, д. 145.

Комитете места своих предшественников. Кроме того, Николай назначил в состав Комитета несколько доверенных лиц, представлявших влиятельные круги землевладельческого дворянства: таковы были гр. А. Ф. Орлов, член Государственного совета Тучков, позднее — князь А. С. Меншиков. Повидимому, из деловых соображений, как сведущие люди были приглашены статс-секретарь Танеев и в качестве правителя дел — камергер Ханыков. Киселеву предназначалась здесь руководящая роль, что и выяснилось на первых же заседаниях новообразованного органа. Комитет был сделан сугубо секретным, и, для того чтобы сохранить «наивеличайшую тайну», прибегли к легализованному подлогу: Николай приказал называть его «Комитетом о повинностях в казенных имениях западных губерний».

Задачи нового «келейного» учреждения были ясно и точно формулированы самим Николаем: по словам объяснительной записки, царь предлагал Комитету обсудить вопросы, «на каком основании можно вперед дозволять помещикам увольнять своих крестьян, не стесняясь нынешним положением о свободных хлебопашцах, которое новым положением изменится; второе — рассмотреть, какие меры признаны будут успешнейшими для составления инвентарей по каждой губернии, предоставив ли сие губернскому дворянству или начав с одних казенных имуществ?». Как видно из дальнейшего изложения, Николай I и Киселев предполагали распространить на внутренние губернии институты инвентарей и вакенбухов, принятые на территории Западного края. Таким образом, дело шло о подготовке новых законопроектов, содержание которых было заранее предрешено высочайшей властью: с одной стороны, они должны были заменить собою закон о свободных хлебопашцах, возбуждавший дворянское недовольство своими принципиальными положениями и оказавшийся мало применимым на практике; с другой стороны, он должен был по образцу западных губерний ввести инвентари в помещичьих имениях внутренней России. Формулировка задач Комитета давала определенное направление будущей реформе: институт свободных хлебопашцев был осужден в соответствии с мнением подавляющего большинства дворянства и решением Комитета 1835 года; по словам объяснительной записки, «законоположение 1803 г., если бы оно получило широкое применение, могло произвести важный в государстве переворот, ибо земли — основное достояние дворянства — переходили от него в руки крестьян». Нужно было изыскать новый способ добровольного освобождения крепостных крестьян, удовлетворяющий двум основным условиям — оставлению всей земли собственностью помещика и упрощенной формальной процедуре заключения договоров. Вторая задача предполагала окончательно решенным вопрос об установлении «мерной работы» частновладельческих крестьян: постановление Комитета 1835 года, одобренное Николаем I, требовало, чтобы количество и ценность барщинных повинностей «были опреде-

лены положительным законом»[1]. Но оставался открытым вопрос о способах реализации этой меры: нужно ли предварительно провести люстрацию казенных имуществ и уже тогда, исходя из определенного образца, приступить к инвентаризации помещичьих имений, или следует начать составление инвентарей одновременно и немедленно в государственных и частновладельческих имениях? Как проводить эту меру по отношению к помещикам: «предоставив ли сие губернскому дворянству», т.-е. образовав с этой целью сословно-дворянские губернские комитеты, или в той или иной степени привлекши к участию в этом деле представителей правительственной власти? Таков был единственно возможный смысл тех вопросов, которые начертала Секретному комитету 1839 года собственная рука Николая I. Добровольное увольнение крестьян из крепостного рабства и введение инвентарей в помещичьих имениях мыслились правительством Николая I как два различных и обособленных друг от друга мероприятия. Установление «мерной работы» проектировалось как общегосударственная и обязательная мера, наделенная всею силою «положительного закона», хотя и подготовленная под диктовку самих помещиков. Так понимали дело и сами участники Комитета 1839 года: в первом же проекте правителя дел Ханыкова предлагались, с одной стороны, разрешение увольнять крепостных крестьян, но обязательно без земли, с другой стороны — издание «особых табелей отправления крестьянских повинностей в отношении к владельцу земли, сообразно тому, как в западных губерниях составляются инвентари, а в остзейских — вакенбухи»[2]. Инвентари должны были вводиться повсюду — в имениях казны и в имениях помещиков; увольнение на свободу, на тех или иных условиях, могло происходить только там, где имело место добровольное соглашение между помещиком и крестьянами, основанное на свободном желании первого и свободном согласии вторых.

Комитет получил в свое распоряжение материалы о законе 1803 года и поручил ознакомиться с ними и представить свои соображения четырем членам — Киселеву, Панину, Строганову и Тучкову. Судя по смыслу принятого решения, это было комиссионное поручение, которое требовало согласованного суждения в результате взаимного обмена мнений. Однако дальнейшее движение начатого дела получило иное и несколько неожиданное направление. Киселев, повидимому с ведома и согласия Николая I, лично составил докладную записку по выдвинутым вопросам и, прежде чем показать ее членам Секретного комитета, представил на предварительный просмотр и одобрение Николая I. Мотивы такого шага не нашли себе объяснения в делопроизводстве Комитета 1839 года, но, очевидно, подобная force majeure была про-

[1] ЗД, о. с., т. IV, стр. 149.

[2] ЦАВП, ф. ГС Секретный и Главный Комитеты, д. 145; В. И. Семевский, о. с. стр. 32.

диктована Киселеву объективно сложившейся обстановкой, которая выяснилась в результате первого заседания. Как видно из дальнейшей деятельности Комитета 1839 года, Киселев, в качестве «начальника штаба по крестьянской части», уполномоченный выполнить намеченную программу специальных мероприятий, не встретил сочувствия и поддержки среди представителей сословной аристократии. Повидимому, более или менее явная оппозиция инвентарной реформе обнаружилась в самом начале деятельности Комитета 1839 года. У Киселева не могло найтись общего языка ни с графом Паниным, ни с графом Строгановым, так же как позднее не нашлось общего языка у членов аналогичной комиссии в Секретном комитете 1856 года.

Вот почему Киселев, в соответствии с своей привычной тактикой, избрал путь решительного маневра и поставил членов Секретного комитета перед совершившимся фактом — категорическим выражением воли самодержавного императора. Внося в Комитет высочайше одобренную записку, Киселев мог быть уверен, что министры, камергеры и члены Государственного совета не станут спорить против принципиальной стороны его проекта и что избранный им более решительный образ действий предопределит всю дальнейшую деятельность Секретного комитета.

Записка Киселева была составлена по тщательно обдуманному плану. Она начиналась историческим очерком возникновения крепостного права и обзором правительственных мероприятий, направленных к его постепенной ликвидации. Через все изложение автора проходила мысль, которую настойчиво выдвигал еще Сперанский: первоначальные крестьяне были не рабами, а людьми, крепкими земле, право помещика на личность крестьянина появилась позднее как незакономерное отступление от обычных законных отношений; все правительственные акты были направлены к уничтожению этого вредного и ненормального явления. Автор старался убедить Николая и членов Секретного комитета, что уничтожение рабства не заключает в себе никакой опасной новизны, что оно соответствует давно оформившейся традиции правительственной политики. Но одобряя ее конечную цель, Киселев критиковал допущенные ею ошибки: он утверждал, что «меры ограничений хороши в таком случае, когда, стесняя произвол и злоупотребления владельцев, они приводят к убеждению и необходимости утвердить их выгоды в отношении к имению на таком распорядке, который предварительно установлен уже правительством и вполне обеспечивает как собственное его право, так равно и право потомства на пользование соразмерным от имения доходом». Другими словами, целесообразны и желательны только такие ограничения, которые соответствуют материальным интересам помещичьего класса, гарантируют ему получение прежних или еще бо́льших доходов и осознаются им как выгодные и полезные с хозяйственной точки зрения.

Этим условиям, по мнению Киселева, не удовлетворял закон о свободных хлебопашцах, который подрывал дворянскую собственность на землю и к тому же имел крупные недостатки: требовал слишком больших выкупных сумм и поощрял крестьян к заключению невыполнимых договоров. Анализируя различные способы освобождения крестьян, имевшие место в Западной Европе, Киселев рекомендовал в качестве образца инвентарную реформу 1760 года в Венгрии и особенно собственные преобразования 1831 года в Молдавии и Валахии. Оставаясь верен своим принципиальным взглядам и исходя из программы Комитета 1835 года, Киселев предлагал план реорганизации феодальных отношений, который одновременно разрешил бы обе задачи, поставленные Комитету 1839 года: обеспечил бы наилучший способ увольнения крестьян на свободу и гарантировал бы введение инвентарей в помещичьих имениях. Киселев требовал сохранения социально-экономической мощи дворянского сословия и опасался революционных последствий возникновения пролетариата; поэтому он одинаково отрицательно высказывался о передаче помещичьих земель мелким производителям и о лишении крестьян возможности вести собственное хозяйство. В своей записке Киселев настойчиво предлагал «среднюю меру» между насаждением мелких собственников, которое вело, по его мнению, к образованию демократии, и фактическим обезземеленнем деревенской массы, которое приводило к образованию пролетариата. С точки зрения Киселева помещики должны были сохранить вотчинное право собственности на всю земельную площадь, крестьяне — получить личную свободу и право пользования помещичьей землею за натуральные и денежные повинности. Государство должно было выступить в качестве верховной регулирующей силы, ограничивая произвол земельного собственника, но охраняя его право на получение дохода.

«Основания, которые я называю среднею мерою по устройству крепостного состояния,— заключал Киселев,— могут служить образцом, тем более приличным для России, что, с одной стороны, они совершенно сообразны и с прежними отношениями крестьян наших к помещикам, как сие можно видеть из законов времени царя Иоанна Васильевича III, а с другой стороны, что сии основания, не нарушая прав дворянства, согласны и с существом монархических учреждений». Крестьяне, переходившие на новое положение, получали название «обязанных поселян».

Отправляясь от этих принципиальных положений, Киселев развивал свой проект в определенном направлении: осуществляя программу Комитета 1835 года, он старался согласовать новые отношения в помещичьих имениях с правами и обязанностями государственного крестьянства. Так же, как государственную казну, Киселев объявлял частных владельцев бесспорными собственниками не только экономических запашек и незаселенных земель, но и всех крестьянских наде-

лов; так же как казне он присваивал помещикам неотъемлемое право собственности на земные недра, лесные угодья и оброчные статьи; в качестве собственников этих имуществ помещики могли распоряжаться своими владениями, закладывая их в кредитных учреждениях или отчуждая их в той или иной форме, в частности на основе договора купли-продажи. Единственное ограничение, которому подвергалось в проекте помещичье право собственности, так же как право земельной собственности казны, заключалось в обязанности владельца снабдить живущих на его землях крестьян определенною пропорцией угодий, причем крестьяне, пока они выполняли свои обязанности к землевладельцу, не могли быть высланы из его поместий.

Так же как государственные крестьяне, трудящееся население частновладельческих вотчин пользовалось по проекту Киселева правом личной свободы, в частности правом движимой и недвижимой собственности, перехода в другие свободные сословия, переселения на другие — казенные и помещичьи — земли, правом законной защиты в органах государственного суда. Однако это право личной свободы подвергалось ряду ограничений, так же как это имело место в имениях государственной казны: 1) крестьяне были обязаны отбывать в пользу владельца работы или уплачивать ему денежный оброк; 2) они были связаны круговою ответственностью в выполнении своих повинностей перед владельцем и государством; переход крестьян в другие сословия и на другие земли должен был удовлетворять определенным условиям — предварительного погашения долгов и недоимок, свободы от рекрутской очереди, согласия принимающего общества или помещика, в некоторых случаях — согласия прежнего землевладельца; 3) наконец, крестьяне должны были подчиняться вотчинной власти землевладельца, который сохранял за собой право суда и полиции.

Так же как в западных казенных имениях, экономические взаимоотношения помещика и живущих на его землях крестьян должны были регулироваться инвентарями, которым предшествовала оценка землевладельческих доходов. Проект требовал точного определения количества земли, наделяемой крестьянам, и размеров повинностей, которые отбывались помещику. В соответствии с законом 28 декабря 1839 года о люстрации казенных имуществ Белоруссии, Литвы и Правобережной Украины, нормы отдельных имений должны были назначаться в определенных границах, твердо установленных общегосударственным законом. Этому вопросу о регулирующих началах земельного наделения и обложения повинностями Киселев отвел значительное место в своей докладной записке. Он постарался учесть материальные интересы помещиков различных хозяйственных районов и дал подробнейшие расчеты, основанные на перспективах земледельческого и промыслового дохода. При этом он исходил из принципов, которые легли в основу хозяйственного устройства государственных барщинных име-

ний: надел должен был обеспечить крестьянину содержание и уплату денежных податей и сборов; в виде вознаграждения за надел крестьянин должен был отработать участок барской земли, составлявший половину отведенного ему надела. Обязательные размеры крестьянского надела устанавливались Киселевым между 3 и $8^2/_3$ десятин, в зависимости от формы хозяйства, обилия земель и качества почвы. Наименьший надел назначался для промысловых имений и составлял 3 десятины на ревизскую душу, в том числе $2^1/_2$ десятины пашни, 750 саженей сенокоса, 200 саженей под огороды и конопляники, столько же под выгон и 50 саженей под усадьбу. Для имений земледельческих устанавливался надел в 4, $5^5/_6$ и $8^2/_3$ десятин. В районах малоземельных крестьяне могли получить 3 десятины пашни, 900 саженей сенокоса, 1100 саженей под огороды и конопляники, 300 саженей под выгоны и 100 саженей под усадьбу и огуменники, всего 4 десятины. В районах многоземельных надел варьировался по качеству почвы: в северных и средних губерниях, где требовалось постоянное удобрение, крестьянам давалось $4^1/_2$ десятины пашни, 1 десятина сенокоса, 300 саженей под огороды и конопляники, 400 саженей под выгоны, 100 саженей под усадьбу и огуменники, всего $5^5/_6$ десятин; в низовых и степных губерниях, т. е. в черноземной полосе с преимущественной культурой пшеницы и конопли, надел равнялся наивысшей норме $8^2/_3$ десятины, в том числе 6 десятин пашни и $1^1/_2$ десятины сенокоса, 1 десятина огорода, 400 саженей под усадьбу, огуменники и выгон. Таким образом, Киселев намечал для помещичьих крестьян такую же норму земельного наделения, какая была принята для казенных имений: малоземельные районы плотного деревенского населения, т. е. подавляющая масса помещичьих деревень в западной, центрально-черноземной и в значительной мере промышленной полосах получали на ревизскую душу приблизительно столько, сколько было назначено для государственных крестьян Положением о люстрации 1839 года [1]. Отклонения от этой преобладающей средней цифры были допущены в двух направлениях: в сторону уменьшения, поскольку крестьяне промысловых селений имели менее развитое сельское хозяйство, и в сторону увеличения, поскольку имелось обилие земель и можно было приблизить наделы помещичьих имений к прежней неотмененной норме казенных имений 8 десятинам.

Однако все эти градации не были безусловно обязательными: по проекту Киселева размеры отводимого надела в каждом отдельном имении могли видоизменяться по добровольному соглашению помещика с крестьянами. Обязательными оставались только максимальная и минимальная норма: землевладельцам запрещалось отводить наделы вы-

[1] Положение о люстрации назначало крестьянам 4 десятины пашни и сенокоса; докладная записка включала в норму 4 десятин также усадебные и выгонные земли (ср. стр. 595.).

ше $8^2/_3$ десятины (очевидно, чтобы избежать соблазна для крестьян соседних имений) и ниже 4 десятин в земледельческих и 3 десятин в промысловых имениях. Если в имении нехватало земель для наделения по минимальной норме, крестьяне имели право перейти на другие земли, не спрашивая помещика. Так же как в государственной деревне надельная норма определяла собою размеры земельной площади, нарезаемой на целое мирское общество; дальнейшее распределение земли между домохозяевами происходило после и в отличие от уравнительного способа, применявшегося в казенных имениях Западного края, производилось «по существующему между крестьянами обычаю».

В отношении повинностей Киселев ограничился формулировкой общего принципа, не устанавливая количества дней обязательной барщины: крестьяне должны были отрабатывать за каждые 2 десятины надела по 1 десятине помещичьих — пашни, покоса, огородов и конопляников, с обязательством убрать хлеб, лен, сено, пеньку, овощи и обмолотить убранный хлеб. Однако на крестьян возлагались некоторые дополнительные повинности, так же как в западных казенных имениях основная панщина («пригоны») дополнялась сгонными, строительными и караульными повинностями. За усадебную и выгонную землю крестьянин должен был отработать по 1 пешему дню за каждую десятину отведенного надела, или в форме дворовой работы, или в виде подводной повинности (по требованию помещика 2 пеших дня могли быть заменены 1 конным). Если в имении не было специального выгона, число дней сокращалось наполовину. В малоземельных поместьях вместо барщины устанавливался оброк; но и там, где существовала обязательная барщина, помещики и крестьяне могли по добровольному соглашению заменить ее оброком, «соразмерным с наделом крестьян». Несомненно, что такое общее, глухое определение размеров повинностей, резко отличавшее проект Киселева от Положения о люстрации 1839 года, было сознательной уступкой землевладельцам, открывавшей широкое поле для всяких произвольных расчетов при составлении инвентарей. Не меньшей уступкой было предоставление помещикам важного права добровольно договариваться с освобождаемыми крестьянами об уплате особого «денежного вознаграждения», если исчисленные инвентарем повинности не обеспечивали прежнего дохода от имения; проценты с такого единовременного крестьянского взноса в соединении с инвентарными повинностями должны были составить «приблизительно нынешний доход от имения». Такие договоры были явно рассчитаны на землевладельцев промышленной, нечерноземной полосы, которые получали высокие оброки с своих крестьян, занимавшихся промыслами или уходивших на сторонние заработки: это была откровенная форма легализованного выкупа личной свободы, или, точнее выражаясь, оброчных повинностей.

Таким образом, регулируя хозяйственные взаимоотношения между

помещиком и его крестьянами, Киселев исходил из учета институтов государственной деревни. Нормирование наделов в основном соответствовало законам об управлении казенными крестьянами Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. В вопросе о нормировании повинностей Киселев следовал основному принципу тех же законов, но в интересах землевладельцев не стал связывать будущих люстраторов никакими точными цифровыми показателями, так же, как это было сделано в отношении государственных имений Эстляндии, Лифляндии и Курляндии. Это стремление Киселева сблизить между собою частновладельческих и государственных крестьян сказалось еще отчетливее в вопросе об организации сельского управления. Помещик рассматривался им как вотчинный начальник, призванный к надзору и попечительству над крестьянами: он стоял во главе вотчинного управления и сохранял право разбирать взаимные споры и мелкие проступки крестьян. Но эти административные полномочия помещика были обставлены нововведениями, которые в корне изменяли прежние взаимоотношения между землевладельцами и населением деревни. Крестьяне каждого имения составляли мирское общество, которое имело «для дел общественных сельский сход на правилах общего учреждения о управлении государственными имуществами». В состав вотчинного управления входили наряду с помещиком или его управляющим двое старост «по выбору мирского общества», «с применением к нему правил, постановленных в учреждении сельского управления по ведомству государственных имуществ». Разбирая взаимные споры и проступки, вотчинный начальник должен был руководиться нормами Сельского судебного устава, введенного в государственных имениях. Если господские работы останавливались из-за нерадения сельского общества, дело решалось не одностороннею волею вотчинного начальника, а государственными судебными органами после расследования земской полицией. Отбывание государственных повинностей, в частности рекрутской, происходило «под наблюдением вотчинных правлений, на общем положении с государственными крестьянами». По мере увеличения числа освобождаемых крестьян они должны были соединяться в рекрутские участки вместе с крестьянами государственными. Помещик освобождался от прежней обязанности помогать крестьянам в случае стихийных бедствий — пожара или неурожая; народное продовольствие и пособия погоревшим обеспечивались в форме взаимного страхования «на общем основании с государственными крестьянами». Таким образом, бывшие помещичьи крепостные, получившие вместе с личной свободой право жалобы и судебной защиты от притеснений вотчинного начальника, были включены в двойственную систему властвования и подчинения: с одной стороны, они выполняли помещичьи «распоряжения по хозяйственной части в имении, на основании положения о обязанных крестьянах и инвентаря»; с другой стороны, нитями своего сель-

ского управления, порядком отбывания государственных повинностей, институтом взаимного страхования они были связаны с государственной деревней и в определенных границах подчинялись органам нового Министерства государственных имуществ.

Вотчинный начальник не мог чувствовать себя полным хозяином в собственном имении: хозяйственно он был ограничен официальным инвентарем, в правовой области — нормами Судебного устава, в сфере сельского управления — давлением общегосударственной власти. В бывшую крепостную деревню вбивался расшатывающий клин в виде новообразованных органов казенного попечительства. При этих условиях осуществление функций вотчинной полиции и суда могло утратить в глазах дворянина-землевладельца всякую притягательную силу: на практике оно должно было неизбежно приводить к бесчисленным административным трениям и социальным коллизиям. Киселев заранее учитывал возможные последствия такого межеумочного и шаткого положения; его задачей было создать такую ситуацию в помещичьей деревне, которая без всякого государственного принуждения привела бы к слиянию крестьян помещичьих с крестьянами государственными. Вот почему заключительный пункт его хозяйственно-административного проекта был редактирован в следующих многозначительных выражениях: «Если бы помещик, при увольнении крестьян своих, сам не пожелал сохранить при себе право управления ими, в таком случае они причисляются к ближайшей волости государственных крестьян для управления на основании общего учреждения и по особой инструкции в отношении получения следующих от имения в пользу помещика доходов. Но при сем из следующих помещику доходов вычитается 10% на содержание управления и составление хозяйственного капитала». Другими словами, поскольку дело шло о крестьянах и их наделах, помещик оставался номинальным собственником земли, сохранял право ее отчуждения, но фактически по своим правам и обязанностям приравнивался к ленным владельцам государственных имений; органы Министерства государственных имуществ замещали собою частичного землевладельца как вотчинного начальника и должны были охватывать своей опекающей властью разнообразные стороны крестьянской жизни. Так создавались законодательные предпосылки для неуклонного врастания крепостной деревни в лоно общегосударственного казенного управления.

Тем не менее, феодальная основа эксплоатации крестьян оставалась нетронутой проектом Киселева: помещику было попрежнему обеспечено извлечение из крестьян отработочной и денежной ренты с помощью круговой поруки сельского общества и административного давления государственных органов. Теряя часть своей вотчинной власти, помещик получал некоторые дополнительные хозяйственные привилегии. Чтобы сохранить в имении «соразмерное с потребностью обрабатыва-

ния земли количество крестьян», Киселев лишал их права свободного перехода, «доколе население не превзойдет определенные нормы»; если наделы отводились в максимальном размере (т.-е. $8^2/_3$ десятины на ревизскую душу), крестьяне могли переходить на другие земли только с согласия помещика; прежде чем покидать имение, крестьяне, обязавшиеся уплатить денежное вознаграждение, должны были рассчитаться с помещиком и получить от него «свидетельство», т.-е. квитанцию в уплате.

Поместье, перешедшее на новое положение, признавалось нераздробимым, сохраняло одни и те же границы и переходило по наследству к старшему в роде. Таким образом перемена в отношениях помещика и крестьянина должна была не ослабить, а укрепить хозяйственное положение дворянского сословия. Обеспеченные получением прежнего дохода и усиленные аристократическим правом майората, сами помещики, по мысли Киселева, должны были предпочесть новый порядок управления старой системе владельческого произвола и опасных антагонизмов.

Возникает вопрос, как представлял себе Киселев переход к новому социально-экономическому порядку: путем ли общегосударственного обязательного закона или в форме сепаратных — добровольных соглашений? Барон М. А. Корф, излагая в своих воспоминаниях историю киселевского проекта, приписывает ему идею принудительного мероприятия («Мера сия есть общая по всему государству и независящая от воли помещиков») [1]. Такое толкование можно подкрепить целым рядом соображений. М. А. Корф, в качестве статс-секретаря, составлял текст указа об обязанных крестьянах и через председателя Государственного совета князя Васильчикова был осведомлен в делах Секретного комитета 1839 года. Регулирование аграрных отношений в Молдавии и Валахии, которое Киселев настойчиво рекомендовал как образец для подражания, было проведено в общеобязательном порядке. Прежние предложения Киселева ввести инвентари в помещичьих имениях, поданные им в 1816, 1826, 1835 годах, предусматривали издание общеобязательных законов. Программа Комитета 1835 года имела в виду повсеместное введение «мерной работы», «количество и ценность коей определены положительным законом». Наконец, постановка задач Секретного комитета 1839 года исходила из принятого решения ввести инвентари как обязательную и неотложную меру.

Однако записка, представленная Киселевым в марте 1840 года, ставит вопрос иначе: она говорит о «добровольных распоряжениях помещиков, об устройстве их имений на положении обязанных крестьян». Правда, эта мысль не подчеркивается и не обосновывается подробною мотивировкою; она высказывается Киселевым вскользь, мимоходом, в

[1] СРИО, т. 98, стр. 106.

связи с изложением конкретных мероприятий. Тем не менее, не остается сомнения в том, что соединяя проект личного освобождения крестьян с установлением «мерной работы», Киселев ориентировался на добровольную инициативу господствующего сословия. Очевидно первоначальный замысел Киселева был иной и совпадал с его прежней идеей общегосударственного регулирования наделов и повинностей силою положительного принудительного закона. Очень возможно, что Киселев высказал и обосновал эту точку зрения уже на первом заседании Секретного комитета 1839 года: делопроизводство этого учреждения не сохранило нам подробного изложения сугубо секретных комитетских прений. Очень вероятно, что в этом первоначальном импровизированном обмене мнений предложение Киселева встретило резкий отпор со стороны всех присутствовавших членов. Чувствуя за проявившейся оппозицией сильную поддержку крепостнического лагеря, Киселев мог пойти на первую важную уступку: отказаться от требования всеобщего обязательного закона. Но резкость первого впечатления от первоначального более радикального замысла Киселева могла не изгладиться в сознании членов Секретного комитета, неразрывно ассоциируясь с конкретным содержанием проекта; эта мысль продолжала волновать круги придворной аристократии, передавалась в салонных рассказах и толках и распространялась шире, за пределы высшего слоя петербургской бюрократии. Иначе нельзя было себе объяснить демонстративного заявления Николая I, сделанного в феврале 1841 года устами князя Васильчикова: председатель Комитета сообщил его членам, что поскольку «возложенные на него занятия проистекают из существа указа 1803 года, предоставляющего помещикам право увольнять крестьян своих с землею или без земли, по собственному своему желанию, то его Величество, как прежде не имел, так и ныне не изволит иметь намерения дать когда-либо предлагаемому дополнению указа 1803 года силу обязательного закона, а потому его императорскому величеству благоугодно, чтобы собственное желание помещиков на увольнение крестьян было принято главным основанием означенного дополнения». Самый тон этого высочайшего разъяснения, тенденциозно искажавшего и текст указа 1803 года, и мотивы, руководившие правительством, говорит о напряженном усилии самодержца успокоить возбужденные умы помещиков и ликвидировать распространенное и устойчивое толкование о принудительном характере задуманного инвентарного положения.

Если дело происходило именно так, то первая уступка, допущенная Киселевым, сыграла роковую роль во всей дальнейшей истории проекта. Ставка на добровольную инициативу господствующего сословия была основана на иллюзии, так же как утопичною и внутренне противоречивою была попытка соединить крепостную барщину с законодательными ограничениями вотчинной власти.

Последующая инвентарная реформа в западных губерниях наглядно показала, насколько враждебно встречали землевладельцы всякое правительственное вмешательство в хозяйственный распорядок их имений. Отказаться от полноты вотчинной власти и допустить чиновника к управлению обязанными крестьянами значило перестать быть хозяином в собственном имении, создать почву для неминуемых классовых конфликтов и поставить под угрозу способы феодальной эксплоатации. Подрывая институт внеэкономического принуждения, реформа не могла не подрывать системы барщинного хозяйства, какими бы обязательствами и гарантиями ни было обставлено извлечение феодальной ренты. Эта самоочевидная истина позднее, при обсуждении проектов отмены крепостного права, была хорошо обоснована в землевладельческой прессе и в губернских комитетах 1858 года. Инвентаризация помещичьих имений, задуманная Киселевым и поддержанная Комитетом 1835 года, лишала помещиков важного права самостоятельно сокращать наделы и увеличивать повинности, т.-е. поднимать доходы с своего имения при расширяющихся требованиях хлебного рынка; с другой стороны, реформа заключала в себе тенденцию перенесения власти с владельца имения на государственные органы, т.-е. ослабления и ликвидации всей системы внеэкономического принуждения. При этих условиях никакие частные коррективы, вроде ограничений свободного перехода, не могли примирить крепостнически настроенных помещиков с основными принципами предложенного преобразования. Чувствуя над собой давление монархической власти, как показал позднейший пример литовских землевладельцев, помещики предпочли бы полное, но безземельное освобождение крестьян всяким компромиссным мероприятиям, ставившим их в крайне неопределенное и шаткое положение.

Неудивительно, что записка Киселева, несмотря на категорическое одобрение Николая I, встретила ожесточенную критику со стороны членов Комитета 1839 года. Панин, Строганов, Меншиков, Блудов, Тучков одинаково обрушились на проектированные нормы земельных наделов и на принципы установления крестьянских повинностей: они доказывали, что подобные правила не соответствуют существующим условиям, что предложенные размеры наделов черезчур велики, а размеры повинностей далеко недостаточны; по заявлению Строганова осуществление представленного проекта угрожало многим помещикам полною утратою их земельной собственности; по заключению Тучкова было бы целесообразнее не нормировать наделов и повинностей в государственном законе, а предоставить определение количества десятин и барщинных дней добровольным соглашениям между помещиками и крестьянами. Но самою энергичною и резкою была критика со стороны Меншикова, который еще раньше в специальной записке протестовал против принципиальных оснований закона 1803 года. В течение трех месяцев он подал в Комитет три обстоятельно изложенных «мнения»

по поводу проекта, представленного Киселевым [1]. Анализируя эти докладные записки, мы убеждаемся, что автор был хорошо осведомлен в вопросах европейского и русского законодательства, ясно подметил уязвимые стороны предлагаемой реформы и последовательно проводил свою классовую помещичью точку зрения. В сущности, между Киселевым и Меншиковым не было крупных принципиальных разногласий: и тот и другой исходили из убеждения, что вся земля составляет вотчинную собственность помещиков, что за дворянством должно остаться бесспорное социально-политическое господство, что крепостное рабство должно быть ликвидировано и что в течение некоторого достаточно длительного периода необходимо сохранить феодальную зависимость освобожденных крестьян от вотчинников-землевладельцев; конечной целью государственного преобразования, по мнению Киселева и Меншикова, должна была явиться полная свобода крестьянина переходить с одних земель на другие, т.-е. обезземеление массы мелких производителей России. Разногласия возникали по другому вопросу — о способах разрешения поставленной социально-экономической задачи. Меншиков настойчиво возражал против регулирующего вмешательства государства; он требовал признания за помещиком права заключать «свободные» договоры с отдельными крестьянами; он решительно выступал против санкционирования крестьянской общины и института круговой поруки. Подобно многим помещикам, последовательно защищавшим свои классовые интересы, Меншиков предпочитал немедленный, формально-юридический разрыв феодальных связей по образцу Остзейских провинций с сохранением земли в обладании помещиков и с необходимостью для крестьян пользоваться земельным участком за барщинную работу. Меншиков стремился к полному устранению всяких юридических ограничений, связывающих помещика — никакого обязательного надела, никаких обязательных повинностей! От интересов и от собственного желания землевладельца зависело, по его мнению, продиктовать освобождаемому крестьянину те или иные условия. В случае невыполнения договора за помещиком должно было сохраниться право выселять из имения нерадивого хозяина. Установление круговой поруки мешает осуществлению этого права и потому экономически невыгодно для помещика. Кроме того, существование крестьянской общины политически опасно для государства. Повторяя недавнюю аргументацию Закревского, Меншиков пугал Николая I и дворянскую бюрократию возможностью объединенного восстания со стороны крестьянства: «Не от отдельно обязанных обывателей опасаться должно неповиновения, но от общин, которым дается политическое бытие, огражденное материальными силами людного соединения, способного к сопротивлению и, следовательно, к неповиновению. От

[1] ИРЛИ, ф. 265, д. 3653/3—5; ЗД, IV, 200—209.

неповиновения же недалек переход к явному мятежу... Для упрочения власти правительства и общественного спокойствия не соединять, а разобщать должно силы материальные: 'divide et impera».

Меншиков не хотел никаких компромиссных ограничений, никаких институтов, стесняющих помещика; ликвидация рабства должна была открыть перед дворянским сословием широкое поле для самостоятельного и неограниченного использования собственного недвижимого имущества. Могущественный монополист-землевладелец и безземельный, предоставленный самому себе крестьянин должны были встретиться и «свободно» договориться о своих взаимоотношениях.

Отвечая Меншикову, Киселев не только не спорил с его исходными предпосылками, но сам аргументировал его доводами об экономических интересах дворянского сословия и о политической опасности, грозящей со стороны низших слоев населения. Но во имя сохранения помещичьих доходов и общественного спокойствия он категорически настаивал на обеспечении оседлости крестьян, на предотвращении опасной пролетаризации и на укреплении круговой поруки. Тем не менее, критика Меншикова и других членов Комитета сделала свое дело: под давлением своих оппонентов Киселев и поддерживавший его Николай I должны были постепенно сдать занятые позиции и капитулировать на милость господствующего сословия.

Очень скоро разногласия и споры, возбужденные проектом, вышли за узкие рамки секретных заседаний и захватили широкие круги столичного и провинциального дворянства [1]. Можно предполагать, что комитетские противники Киселева сами постарались мобилизовать дворянское общественное мнение, чтобы приобрести себе более твердую точку опоры. Меншиков, пользовавшийся в это время особым благоволением Николая I и игравший крупную роль в аристократических салонах, не мог не оказать здесь значительного влияния. Толки и слухи о подготовляемой «вольности» стали распространяться среди низших слоев населения. Тревожные опасения, оппозиционные разговоры, брожение в массах стали доходить до императорского дворца.

В создавшейся обстановке нарастающего брожения Киселев, вероятно, по соглашению с царем, согласился на далеко идущие уступки своим противникам. Сначала он отказался от законодательного нормирования наделов и повинностей; затем вычеркнул из своего проекта все нормы, подчинявшие владельческих крестьян ведомству Министерства государственных имуществ, наконец, устранил всякое упоминание о личной свободе «обязанных поселян». Окончательный текст проекта, одобренный Комитетом 1839 года, воплотил в себе идею договорного пользования земельным наделом за отрабатываемые повинности, но облек ее в неопределенные и общие выражения, предоставив опреде-

[1] СРИО, т. 98, стр. 107, 110, 117.

ление конкретных условий добровольному соглашению сторон и восстановив во всей полноте вотчинную власть помещика. Однако и в таком сильно урезанном виде проект Киселева представлялся опасным большинству Секретного комитета: в препроводительной записке высказывалась мысль о нежелательности издания подготовительного акта, который может возбудить «ложные толки о видах правительства». Комитет предлагал ограничиться опубликованием пояснительного указа к закону 1803 года о свободных хлебопашцах, и в этом указе «поместить главные статьи Положения об обязанных крестьянах, но не касаться подробностей, чтобы дать помещикам возможность развить сии подробности в условиях по ближайшему их усмотрению». Николай I целиком согласился с этим последним заключением и еще более обкургуженный проект указа об обязанных крестьянах был внесен в соединенные Департаменты законов и экономии, а затем в общее присутствие Государственного совета. Во время прений на этих заседаниях граф Гурьев имел полное основание указать на крайнюю неопределенность и бесполезность проектируемого указа, а князь Д. В. Голицын — на безнадежность попытки апеллировать к «доброй воле владельцев». Тем не менее, инициаторы предложенной меры разделяли мнение председателя Государственного совета князя Васильчикова, что надо «сделать по крайней мере что-нибудь», чтобы ответить тревожным опасениям и пробудившимся надеждам. Николай I лично явился на заседание Совета и произнес длинную речь, которая достаточно успокоила взволнованное дворянство. Часть членов Государственного совета возражала против содержания указа, часть предлагала внести редакционные изменения, а сам Киселев ограничился короткою репликою, в которой звучало скорбное признание его полного поражения. 2 апреля 1842 года указ был подписан Николаем I. Обнародованный через несколько дней, он воочию показал, выражаясь словами Корфа, насколько он «был бесконечно далек от первой, давшей к нему повод мысли». В тексте этого ублюдочного закона не было никакого намека на первоначальные идеи — инвентаризации помещичьих имений, предоставления крестьянам права личной свободы и частичного подчинения владельческих крестьян управлению государственных имуществ. Циркуляр министра внутренних дел должен был окончательно рассеять всякие сомнения и надежды: составленный в тоне самооправдания, он должен был убедить дворянское общество, что единственною целью правительства было упрочить право помещичьей собственности на крестьянские наделы. Правда, слухи и толки вокруг указа 2 апреля не прекращались, но его применение на практике вполне оправдало пессимистические прогнозы князя Голицына: обращение Николая I к «доброй воле и собственной заботливости» российских землевладельцев не встретило почти никакого отклика, а попытка царя через пять лет подтолкнуть дворянство своей речью к смоленской депутации вызвала ка-

тегорический отказ со стороны крепостнической оппозиции. Напрасно Николай I, солидарный в этом отношении с Киселевым, убеждал помещиков устранить рабовладельческие наросты «постепенным переводом крестьян из крепостных в обязанные» и этим добровольно «предупредить крутой перелом», неизбежный в случае крестьянского возмущения. Крепостники были твердо убеждены, что практика заключения подобных договоров будет воспринята крестьянами по-своему, как полное освобождение от всякой зависимости и при том со всею землею, отведенной им в наделы.

Неудача правительственной попытки инвентаризировать помещичьи имения наносила удар всему плану двуединой реформы, намеченной Комитетом 1835 года. Если оказывалось невозможным приблизить помещичьих крестьян к крестьянам государственным, то утрачивала значительную долю своего значения реформа управления государственными имуществами. Выход из социального кризиса отодвигался в неопределенное будущее, а преобразования 1837—1841 годов, проведенные Киселевым, превращались в изолированное явление, бессильное повлиять на скорое разрешение общекрестьянского вопроса.

Перед Киселевым оставался единственный путь: сосредоточить свои усилия на хозяйственном переустройстве государственной деревни и воздействовать на помещиков образцовым примером попечительного и вместе с тем доходного управления. Можно было сомневаться в степени восприимчивости и готовности дворянства пойти по дороге, указываемой правительством; но нельзя было отрицать, что в случае своего успеха реформа государственной деревни окажет определенное воздействие на политическое настроение крепостного населения империи. Соседство и взаимное общение казенных и владельческих крестьян создавали закономерные предпосылки для преобразующего влияния государственного имения на экономику и администрацию дворянского поместья [1]. Вот почему, несмотря на неудачную деятельность Комитета 1839—1842 годов хозяйственные и культурные планы Киселева продолжали сохранять свое объективное общегосударственное значение.

С другой стороны, Киселев не потерял надежды и в вопросе о

---

[1] Современники вполне понимали эту взаимную зависимость различных хозяйственно-административных укладов. Когда в 1857 году московский генерал-губернатор А. А. Закревский, в связи с толками об освобождении крестьян, спросил откупщика Кокорева: «Разве может держаться купол (т.-е. монархия), когда столбы, на которых он основан (т.-е. крепостное право), будут уронены?», Кокорев ответил Закревскому: «Столбы, поддерживающие купол, должны стоять на твердом грунте; но если в этом грунте существуют свободные казенные крестьяне и крепостные, то последние невольно время от времени, при неравенстве грунтовых слоев, произведут осадку здания, могущую повредить столбы и купол, тогда как при однообразии грунта столбы будут вечно твердыми» (В. Кокорев, «Воспоминания давно, прошедшего», РА, 1885, № 9, стр. 156). Ср. М. Погодин, Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны 1853—1856 гг., М., 1874, стр. 263.

крепостном праве достигнуть «чего-нибудь лучшего и обширнейшего впоследствии времени». Несмотря на все его усилия, ему не удалось преобразовать феодальные отношения в частновладельческой деревне в условиях царствования Николая I. Нужно было пережить севастопольский разгром 1856 года и остро почувствовать нарастание революционной ситуации, чтобы правительство разыскало залежавшийся проект 1840 года и положило его в основу официального проекта отмены крепостного права.

7. Итоги

Подводя итоги реорганизации прежнего управления государственными имуществами, мы должны ответить на поставленный нами вопрос — насколько содержание изданных актов воплотило в себе принципиальные задачи задуманной реформы? Удалось ли Киселеву, лавируя между подводными камнями дворянской и ведомственной оппозиции, осуществить свои «Главные основания преобразования управления государственными крестьянами и имуществами»?

В результате кропотливой и напряженной работы V Отделения было подготовлено и принято 8 законов — об утверждении нового министерства, о структуре и компетенции его местных органов, о судебных и административных нормах, регулирующих жизнь государственной деревни, о хозяйственном положении казенных крестьян Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. По своему объему некоторые из этих законов, например, «Учреждение 30 апреля 1838 года» превосходили самые обширные Уставы и Положения царствования Николая I. В процессе реализации своей программы Киселев остался верен одному из своих основных требований: подробнейшим образом регламентировать организацию и ведомство новых учреждений, предусмотреть все детали и облечь в юридическую форму по возможности все отношения, возникающие в сфере административной власти.

Наряду с этой исчерпывающей регламентацией, служившей в глазах Киселева залогом законности и порядка будущего управления, реформа унифицировала систему административного воздействия на население государственной деревни. Многообразные прослойки великорусского крестьянства, подчинявшиеся разнообразным Положениям и сепаратным актам, слились теперь в единое целое и стали объектом единообразного и упорядоченного управления. Это было требование программы, заключавшее в своем существе прогрессивную антифеодальную тенденцию. Однако оно не нашло себе в законодательстве последовательного и законченного выражения. Киселев не решился посягнуть на хозяйственные права временных владельцев, отменить арендную систему в западных губерниях и заменить в них барщину поземельным оброком; Киселев оставил нетронутыми экономические привилегии прибалтийских арендаторов; он оказался вынужденным

поступиться своим проектом местного управления в пользу могущественной администрации Закавказья; подчиняя общему уставу колонистов, западных однодворцев, панцырных бояр и другие прослойки привилегированного крестьянства, Киселев сохранил некоторое своеобразие их управления. В условиях не исчезнувшей феодальной формации оказалось невозможным до конца ликвидировать устаревшие сословно-средневековые перегородки.

Законодательные акты 1837—1841 годов утвердили и закрепили систему «государственного феодализма» в противовес программным требованиям как реакционных крепостников, так и дворянских революционеров. Вся земля, включая и крестьянские наделы, была юридически признана собственностью казны. Многочисленными нормами была установлена сложная система охраны государственных угодий от всяких насильственных захватов и незаконных сделок. Была урегулирована система отбывания феодальных повинностей — подробнее и конкретнее в губерниях Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины, в более общей форме — на территории всей остальной России. Были точно определены, в статьях о компетенции местных органов, условия государственного использования оброчных и лесных имуществ. Закон обеспечил за государственною казною регулярное получение доменциальных доходов на основе детально и точно регламентированных Положений. В этом отношении принципиальная программа Киселева нашла себе полное и последовательное осуществление.

Такое же подробное и исчерпывающее развитие нашла себе идея «попечительства» о государственных крестьянах. Разнообразные стороны деревенской жизни — хозяйственные, общественные, культурные, бытовые — были поставлены под бдительную опеку и руководство иерархических органов нового министерства. С помощью Полицейского и Судебного уставов было строжайше нормировано все поведение государственного крестьянина. Внеэкономическое принуждение, облеченное в категорические предписания государственной власти, должно было обеспечить на территории казенных имений хозяйственное благосостояние и духовное благоденствие деревенского населения.

Совершенно иные результаты имело стремление Киселева силою положительного закона обеспечить «самобытность сословия свободных сельских обывателей». Определение гражданских прав государственного крестьянства не нашло себе места в законах 1837—1841 годов. Внутреннее противоречие, заложенное в «Главных основаниях преобразования» — попытка утвердить личную и имущественную правоспособность крестьян, одновременно подчинив их феодальной опеке,— разрешилась победою реакционного принципа над принципом буржуазным. Киселеву не удалось создать прочную юридическую преграду против возможного лишения крестьянина его прав на относительную свободу, на распоряжение движимым и недвижимым имуществом, на

переход в другое сословие, на выбор того или другого занятия. И после реформы 1837—1841 годов личность и собственность казенного крестьянина оставались в зависимости от произвола самодержавной государственной власти; ни один из законов, подготовленных Киселевым, не спасал населения государственной деревни от передачи в военные поселения, в удельное ведомство, даже в частные руки. И здесь условия феодального строя парализовали силу торжественно провозглашенного принципа.

Так же разрешилась другая коллизия между началами свободного самоуправления и бюрократического администрирования. «Учреждения» Киселева осуществили его план четырехъярусного управления на территории оброчных имений. В более упрощенном варианте была применена такая же иерархическая система в западных и закавказских имениях. В целях попечительной опеки были образованы многочисленные, облеченные широкой властью органы коронной администрации, которым были подчинены выборные органы самоуправляющейся крестьянской общины. Такое противоречивое построение, заложенное в «Главных основаниях преобразования», получило еще более резкие очертания в законодательных актах 1837—1841 годов. Волостное и сельское управления были сконструированы Киселевым как служебные орудия правительственной власти, лишенные всякой независимости и свободной инициативы. Решительный перевес начала феодальной опеки над признанием крестьянской правоспособности нашел себе дополнение и развитие в соответствующей организации местного управления Министерства государственных имуществ.

Реакционные коррективы, отвечавшие одной из задач реформы — «обуздать» непросвещенную массу, были внесены и в устройство сословного крестьянского суда. Как и следовало ожидать, Киселеву не удалось выдержать провозглашенный принцип отделения суда от администрации: Сельская и Волостная расправы оказались подчиненными органам исполнительной власти, а Судебный устав был сделан орудием наведения полицейского порядка. Ни в одном из законов, принятых по предложению Киселева, не выступали так выпукло и навязчиво традиции феодально-полицейского государства, как во втором разделе этого процессуального кодекса.

Во всех этих вопросах — о сохранении феодальных способов эксплоатации крестьян, об организации всесторонней опеки, о подчинении крестьянской общины органам чиновничьего управления, о частичном подчинении выборного суда исполнительной власти,— Киселев стоял на консервативной позиции, охраняя и укрепляя действующее право. В этом отношении он остался верен своему первоначальному намерению — как можно меньше изменять существующие правовые отношения, вырабатывать законы на основе долговременных и привившихся юридических институтов. Прослеживая источники проведенной реформы,

мы встречаемся с широким заимствованием повелительных норм из накопившегося наследия предшествующей эпохи. Основным материалом для Киселева послужил Свод законов Российской империи, прежде всего в форме Свода государственных и губернских учреждений, Устава о благоустройстве в казенных селениях, Устава о предупреждении и пресечении преступлений и других многочисленных кодексов, восходивших к законодательству времени «просвещенного абсолютизма». Но мы не должны преувеличивать эту консервативную тенденцию реформы 1837—1841 годов. С одной стороны, старые нормы использовались как составные элементы заново построяемой конструкции, нередко получая новое внутреннее толкование и новое внешнее выражение. С другой стороны, больше, чем говорил об этом сам Киселев, действующее право дополнялось частичными поправками и целыми новеллами, которые вплетались в законодательную ткань соответственно основным принципам и планам преобразования. Именно здесь, в обновляющих коррективах к старой феодальной системе, заключались прогрессивные устремления реформы 1837—1841 годов.

Преобразование Киселева носило, по преимуществу, административный характер, создавало организационные предпосылки для дальнейшего, развернутого и более самостоятельного осуществления хозяйственных и культурных мероприятий. Но было бы огромной ошибкой считать проведенную реформу исключительно административной, как думают некоторые историки. Не только Положение о люстрации 1839 года, изменявшее условия социально-экономической жизни в имениях Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины, но и все остальные законы, относившиеся к государственным крестьянам, заключали в себе значительные элементы хозяйственной программы Сперанского и Киселева. Сам Киселев по определенным мотивам воздержался от издания разработанного проекта Хозяйственного устава, но он обеспечил проведение в жизнь этого кодекса соответствующей редакцией местных «Учреждений». В Наказах Губернской палате, окружному начальнику, волостному и сельскому управлениям были включены все важнейшие меры, охваченные проектами экономического и культурного переустройства: наделение крестьян недостающими землями, равномерное перераспределение земельного фонда, переселение малоземельных хозяев в восточные районы, проведение кадастра, переложение оброка на землю и промыслы, уравнение натуральных повинностей, поднятие производительных сил деревни, организация школ, богаделен, врачебных пунктов, агрономических ферм и т. д. Это был императивный мандат, данный новым органам Министерства государственных имуществ и предопределявший всю дальнейшую деятельность центрального и местного управлений. Проектированные мероприятия более или менее подробно перечислялись в разделах, посвященных компетенции новых учреждений; по замыслу Киселева, они должны были

пересоздать лицо государственной деревни, вывести ее из состояния обнаружившегося упадка. Именно здесь заключалось жизненное ядро предпринятой реформы, внутренняя связь ее прогрессивных элементов с развитием новых капиталистических отношений.

В числе хозяйственных мер обращает на себя внимание совокупность норм, сохраняющих и поддерживающих институт крестьянской поземельной общины. Если все остальное содержание экономической программы было унаследовано Киселевым от авторов предшествовавших проектов — Гурьева, Куракина, Канкрина, Сперанского, Кочубея и пр., то в вопросе о поземельной общине он занял самостоятельную социально-экономическую позицию. В условиях развивающегося революционно-пролетарского движения на Западе и в противовес распространенной мысли о предпочтительности индивидуального землепользования, Киселев воплотил в своем законодательстве собственную идею намеченной принципиальной программы: избежать ломки установившихся поземельных отношений и предупредить пролетаризацию мелких сельских производителей.

Содержание законов 1837—1841 годов оказалось менее прогрессивным и новаторским, чем предусматривали «Главные основания преобразования», в свое время представленные Киселевым Николаю I и им одобренные. Внутренняя логика феодального режима, воплощенная в лице комитета губернаторов, юридических экспертов, отдельных консультантов из среды дворянского окружения, может быть самого Николая I, заставили Киселева поступиться некоторыми из своих первоначальных положений. Тем не менее, его основной выношенный замысел нашел свое жизненное осуществление: было создано новое министерство, которое в союзе с V Отделением императорской канцелярии должно было преобразовать и упрочить феодальные отношения в государственной деревне. Если не удалась попытка инвентаризации помещичьих имений и максимального сближения помещичьих крепостных с государственными крестьянами, то оставалась возможность повлиять на косные и колеблющиеся умы силою убедительного примера.

Успешное разрешение этой второй задачи зависело от повседневной планомерной деятельности Министерства государственных имуществ. Ближайшее будущее должно было показать, правильны ли прогнозы и планы Киселева, удастся ли дворянскому государству выйти из нарастающего кризиса с помощью намеченного консервативного преобразования или неуклонное развитие нового социально-экономического строя обесценит и похоронит напряженные усилия изобретательного Киселева?

СОКРАЩЕНИЯ

ВПСЗ — Второе полное собрание законов Российской империи (римские цифры указывают №№ томов, арабские — №№ законов).
ГАФКЭ — Государственный архив феодально-крепостной эпохи.
ГС — Государственный совет.
ГСДЗ — Департамент законов Государственного совета.
ГСДЭ — Департамент государственной экономии Государственного совета.
ДГИ — Департамент государственных имуществ.
ДПИ — Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел.
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел.
ЖМГИ — Журнал Министерства государственных имуществ.
ЖКМ — Журналы Комитета министров.
ЗД — А. П. Заблоцкий-Десятовский. Граф П. Д. Киселев и его время, I — IV, СПб., 1882 г.
ИВ — «Исторический вестник».
ИО — Историческое обозрение 50-летней деятельности Министерства государственных имуществ, СПб., 1888 г.
ИРЛИ — Институт русской литературы Академии Наук СССР в Ленинграде.
К 26 — Комитет 6 декабря 1826 года.
К 28 — Комитет 1828 года.
КМ — Комитет министров.
МГИ — Министерство государственных имуществ.
МОИА — Московский областной исторический архив.
МФ — Министерство финансов.
V О — V. Отделение собственной его имп. величества канцелярии.
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи (первое) (римские цифры указывают №№ томов, арабские — №№ законов).
РА — «Русский архив».
РМ — «Русская мысль».
РОПБ — Рукописное отделение Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
РОЛБ — Рукописное отделение Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
РС — «Русская старина».
СРИО — Сборник имп. Русского исторического общества
ЦАВП — Центральный архив внутренней политики, культуры и быта в Ленинграде.
ЦАНХ — Центральный архив народного хозяйства в Ленинграде.
л. — Лист.
ф. — Фонд.
о. с. — opus citatum (цитированное сочинение).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ВВЕДЕНИЕ 3

1. Тема (3). 2. Проблематика (4). 3. Литература (6). 4. Источники (17).

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СИСТЕМА «ГОСУДАРСТВЕННОГО ФЕОДАЛИЗМА» 23

1. Образование сословия государственных крестьян (23). 2. В. И. Ленин о «государственном феодализме» (34). 3. Эволюция состава и численности нового сословия (38). 4. Повинности государственных крестьян (46). 5. Организация управления (52). 6. Теория и практика «попечительства» (56). 7. Товарно-денежные отношения в казенной деревне (69). 8. Изменения в правовом положении крестьян (78). 9. Наступление дворянства на казенную деревню (84). 10. Рост малоземелья и недоимочности (89). 11. Волнения крестьян-оброчников (102). 12. Волнения крестьян в западных районах (109).

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ РЕФОРМЫ 121

1. Проекты декабристов (121). 2. Проекты крепостников (125). 3. Планы Екатерины II и Павла I (143). 4. Колебания Александра I (147). 5. Проект Д. А. Гурьева (154). 6. Проект Е. Ф. Канкрина и Положение 1826 года (165). 7. Комитет 6 декабря 1826 года и проект Алексея Куракина (176). 8. Комитет В. П. Кочубея и проекты М. М. Сперанского (180). 9. Положение вопроса после 1830 года (186). 10. Итоги правительственных проектов к 1835 году (193).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. БЛИЖАЙШИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕФОРМЫ 196

1. Ухудшение в положении государственных крестьян в 1830—1835 годах (196). 2. Обострение классовой борьбы в казенной деревне (207). 3. Возмущение государственных крестьян Приуралья в 1834—1835 годах (224). 4. Привлечение П. Д. Киселева к разработке крестьянской реформы (244). 5. Секретный комитет 1835 года (280).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ДЕРЕВНЯ ПЕРЕД РЕФОРМОЙ 299

1. Материалы ревизии 1836—1840 годов как исторический источник (299). 2. Численность и распределение государственных крестьян (311). 3. Наделы (317). 4. Повинности (328). 5. Система управления (346). 6. Культурно-бытовые условия (364). 7. Общее хозяйственное положение (376). 8. Северное Поморье (378). 9. Озерный край (384). 10. Центральный промышленный район (393). 11. Центральный черноземный район (401). 12. Нижнее Поволжье (416). 13. Сибирь (420). 14. Правобережная Украина (434) 15. Белоруссия и Литва (459). 16. Прибалтика (468). 17. Общие выводы (472).

ГЛАВА ПЯТАЯ. РЕФОРМА 1837—41 ГОДОВ 476

1. Подготовка реформы (476). 2. Учреждение нового министерства (521). 3. Реформа управления оброчными крестьянами (526). 4. Полицейский и Судебный уставы (572). 5. Реформа управления в западных и закавказских районах (588). 6. Попытка инвентаризации помещичьих имений (611). 7. Итоги (628).

Н. М. ДРУЖИНИН — ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
КРЕСТЬЯНЕ И РЕФОРМА П. Д. КИСЕЛЕВА

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *Е. М. Фонберг*
Технический редактор *Н. П. Аузан*
Корректор *А. К. Бессмертная*
Переплет художника *Н. М. Лобанова*

*

РИСО АН СССР № 2241. А 00342. Издат. № 578.
Тип. заказ № 669. Сдано в набор 10/VIII 1945 г.
Под. к печ. 17/IV 1946 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆.
Печ. л. 39³/₄. Уч.-издат. л. 46. Тираж 3000.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
36	14 сн.	XII	XIX
51	20 св.	отпускаться из рабочих	отдаваться в работу к[illegible]
		тов	
57	14 сн.	1762	1771
185	5 сн	беспредельного	[illegible]предельно[illegible]
274	4 св.	подрывая	[illegible]дрыва[illegible]
332	10 сн.	самостоятельности	[illegible]стоятельности
371	14 сн	изымать	[illegible]ымать
620	13 сн	частичного	[illegible]стичного

Зак. 6[illegible]